КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ,

КАКЪ ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРОПОВѢДНИКИ

У ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ,

ВЪ СВЯЗИ

СЪ СОВРЕМЕННОЮ ИМЪ ИСТОРІЕЮ

ЦЕРКОВНЫХЪ НЕСОГЛАСІЙ

между востокомъ и западомъ.

Сочиненіе

П. Лавровскаго.

ХАРЬКОВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

1863.

Печатать позволяется. Харьковъ. 30 Октября 1863 года.

Цензоръ, Священникъ *I. Вертеловскій.*

Отдѣльные оттиски изъ журнала «Духовный Вѣстникъ». 1863.

СОДЕРЖАНІЕ.

ВАЖНѢЙШІЯ ПОПРАВКИ.

Стр. 34 *вм:* архіепископомъ, какъ это дѣйствительно и было, какъ соглашаются съ этимъ и единовѣрцы — *слѣдуетъ:* архіепископомъ, съ чѣмъ соглашаются и единовѣрцы

Стр. 35 *вм:* ошибку его г. Рачкимъ, — *слѣдуетъ:* ошибку г. Эрбена г. Рачкимъ,

Стр. 255 *вм:* въ XI вѣкѣ, — *слѣдуетъ:* въ IX вѣкѣ,

ВВЕДЕНІЕ.

Задача наша, какъ читатель легко замѣтитъ изъ заглавія книги, довольно ограниченна: въ нее не входитъ вопросъ о жизни и подвигахъ св. братьевъ, о ихъ путешествіяхъ къ разнымъ народамъ, о воспитаніи ихъ и образованіи, объ изобрѣтеніи слав. письменъ и перевода св. писанія. Всѣ эти предметы подвергались уже разнообразнымъ изслѣдованіямъ и предлагаютъ довольно богатую литературу для желающихъ ознакомиться съ отвѣтами на такіе вопросы.

Между тѣмъ какъ вопросъ объ отношеніяхъ, въ какихъ находились славянскіе первоучители къ обнаружившимъ уже начало раздѣленія церквамъ — восточной и западной, греческой и римской, доселѣ, можно сказать, не тронутъ. Правда, каждый писатель, избиравшій предметомъ своего изслѣдованія, или простаго описанія, жизнь и дѣятельность св. Кирилла и Меѳодія, почиталъ излишнимъ останавливаться критически на характерѣ этихъ отношеній, утверждая рѣшительно принадлежность ихъ къ тому вѣроисповѣданію, къ какому принадлежалъ или принадлежитъ самъ писатель: если онъ православный, то и Кириллъ съ Меѳодіемъ непремѣнно православные, если же латинянинъ, то и св.

братья должны быть непремѣнно ревностными поборниками Рима, приверженцами главенства папы и противниками востока.

Но уже это различіе увѣреній служитъ достаточнымъ побужденіемъ вникнуть внимательнѣе въ дѣло и, разсмотрѣвши основанія той и другой стороны, рѣшить вопросъ: кто правъ и кто несправедливъ. Отсутствіе подобнаго рѣшенія до настоящихъ дней, безъ всякаго сомнѣнія, объясняется лишь тѣмъ, что одна половина писателей, именно восточная, принуждена была оставлять безъ вниманія доводы западниковъ, въ слѣдствіе незнакомства съ литературою западною по этому предмету, облеченною въ недоступные для большинства православныхъ нарѣчія славянскія; другая половина писателей, латинская, понынѣ еще упорно держится средневѣковыхъ своихъ понятій о православіи, составленныхъ и пущенныхъ въ ходъ въ эпоху личнаго раздраженія представителей западной церкви и, съ непростительнымъ для настоящаго времени равнодушіемъ, отталкиваетъ отъ себя все, что могло бы измѣнить такія понятія; разумѣется, книгъ православныхъ, которыя бы въ состояніи были указать на дѣйствительное положеніе восточной церкви, эти писатели и не думаютъ читать.

Настоящее же время, больше чѣмъ когда-либо, требуетъ удовлетворительнаго и, ежели возможно, окончательнаго и положительнаго рѣшенія вопроса о характерѣ отношеній первоучителей славянскихъ къ той и другой половинѣ церкви христіанской. Въ понятіяхъ и стремленіяхъ католичества, они являются орудіемъ нравственнаго и церковнаго соединенія всѣхъ народовъ славянскихъ, соединенія, столь явственно желаемаго и по соображеніямъ политиковъ славянскихъ; а какое можетъ быть соединеніе тамъ, гдѣ каждая сторона, руководимая односторонними взглядами, глубоко убѣждена въ исключительной правотѣ от-

дѣльныхъ своихъ убѣжденій? Безъ яснаго указанія справедливости однихъ и безъ положительныхъ доказательствъ неправды другихъ не мыслимо никакое соединеніе; усилія обойти такія свидѣтельства и доказательства, съ упорнымъ настаиваніемъ принять убѣжденія одной стороны, скорѣе способны разжечь еще болѣе взаимныя несогласія и отдалить, даже вовсе уничтожить возможность когда-либо соединиться и въ другихъ отношеніяхъ.

Вотъ, что служитъ основаніемъ нашему изслѣдованію и что само собою опредѣляетъ предметъ и объемъ его: оставались ли въ единеніи съ константинопольскою церковью св. Кириллъ и Меѳодій, явившись на евангельскую проповѣдь въ Моравію и вообще къ западнымъ славянамъ; пребывали ли они вѣрны богослуженію, обрядамъ его и догматамъ вѣры, какіе господствовали, во второй половинѣ IX вѣка, на востокѣ; можно ли и должно ли признавать связь ихъ съ Римомъ и съ папами за отчужденіе отъ востока и за переходъ къ западу въ томъ смыслѣ, что и Кириллъ съ Меѳодіемъ признали выдвинутое въ эту пору право главенства римскихъ первосвященниковъ надъ церковью вселенскою, а слѣдовательно и надъ константинопольскою — таковъ главный вопросъ, которымъ намѣрены мы заняться спеціально.

Очевидно, что и источники, при такомъ значеніи вопроса, должны быть далеко не всѣ тѣ, которыми пользовались и пользуются писатели, изображавшіе внѣшнюю сторону жизни и трудовъ св. братьевъ. Для подобной цѣли, и замѣтки, сравнительно съ эпохою Кирилла и Меѳодія, значительно позднѣйшія, не должны быть отстраняемы, ежели онѣ не противорѣчатъ духу времени вообще и характеру дѣятельности описываемыхъ лицъ въ частности: не все-же дошло до насъ изъ того, что писано о Кириллѣ и Меѳодіи въ ихъ время или во время жизни ихъ современниковъ; не дошедшее же до насъ, могло быть извѣстно

и пользоваться всеобщею вѣрою и уваженіемъ въ XI, XII и XIII столѣтіяхъ, даже позднѣе, и записываться по частямъ, при случаѣ, въ позднѣйшія сочиненія. Другое совершенно дѣло въ вопросѣ объ отношеніяхъ Кирилла и Меѳодія къ той или другой церкви: уже въ X, еще болѣе въ XI столѣтіи, раздѣленіе церквей сдѣлалось весьма замѣтнымъ, пока, наконецъ, къ половинѣ послѣдняго вѣка не установилось окончательно и не получило того враждебнаго характера, съ которымъ относится къ нему западная половина христіанской церкви и въ нынѣшнюю пору. Понятно, слѣдовательно, чѣмъ позднѣе писатель, тѣмъ пристрастнѣе могъ быть онъ въ изложеніи обстоятельствъ, касающихся этой стороны жизни св. первоучителей, тѣмъ рѣзче могъ онъ руководствоваться своими личными симпатіями и антипатіями.

Поэтому, не останавливаясь на исчисленіи огромной массы источниковъ, которыми владѣетъ въ нашу пору наука по этому предмету и съ которыми желающій можетъ знакомиться изъ сочиненія г. Бодянскаго: „О времени происхожденія славянскихъ письменъ“ (Москва, 1855 года), мы постараемся разсмотрѣть только тѣ изъ нихъ, которые относятся къ эпохѣ жизни Кирилла и Меѳодія или ихъ ближайшихъ учениковъ и послѣдователей.

По языку, на которомъ писаны, источники эти трехъ родовъ: греческіе, латинскіе и славянскіе. Но указывая на греческіе источники, не будемъ думать, чтобы и писали ихъ греки. До сихъ поръ, не смотря на самые тщательные поиски свѣдѣній въ древнихъ, современныхъ Кириллу и Меѳодію, памятникахъ, не нашлось ничего, что̀ бы было писано греками о нашихъ первоучителяхъ. Явленіе весьма странное, на первый взглядъ, когда сообразимъ, что почти всѣ источники выставляютъ Кирилла

и Меѳодія греками, по происхожденію, изображаютъ важное ихъ значеніе въ Византіи, ставятъ ихъ въ непосредственное отношеніе къ самому императору и верховнымъ правителямъ, наконецъ, представляютъ и знаменательную во всѣхъ отношеніяхъ, не исключая и политическаго, проповѣдь ихъ у разныхъ народ въ, подъ вліяніемъ императора и патріарха. Какъ-бы, казалось, не остановиться на такихъ личностяхъ писателямъ греческимъ, того времени, когда они съ подробностію описываютъ самыя незначительныя, часто мелочныя событія придворной жизни. Но стоитъ обратить вниманіе на тогдашнее положеніе дѣлъ въ имперіи, именно въ годы дѣятельности св. братьевъ, чтобы вполнѣ понять возможность и естественность такого ихъ опущенія изъ виду писателями византійскими IX столѣтія. Только въ послѣдующее время касаются ихъ византійцы, и то мимоходомъ. Такъ упоминаютъ о нихъ — продолжатель Константина Багрянороднаго (стр. 162—65), Симеонъ Логоѳетъ (165—66), Іоаннъ Скиллица и Кедринъ (II, 151—53). Но краткія и неважныя извѣстія ихъ выходятъ изъ предѣловъ той эпохи, которую назначили мы для нашихъ источниковъ. Разсмотрѣніе состоянія Византіи въ половинѣ IX вѣка, въ политическомъ и церковномъ отношеніи, которое намѣрены предложить мы вскорѣ, надѣемся, объяснитъ вполнѣ причины молчанія византійцевъ о Кириллѣ и Меѳодіи. Такимъ образомъ хотя и есть источники на греческомъ языкѣ, но писаны они, какъ увидимъ, не греками, а славянами; славянами, разумѣется, писаны и всѣ славянскіе источники, и только одни латинскіе источники должны быть отчислены на долю иноплеменниковъ, и при томъ исключительно западниковъ и лицъ духовныхъ. На нихъ прежде всего и остановимся.

А. Источники латинские.

Въ числѣ ихъ, безспорно, первое мѣсто, по важности, занимаютъ письма папъ, писанныя по дѣламъ церкви славянской въ Моравіи и Панноніи, а также у сербо-хорватовъ въ Далмаціи. Сюда относятся:

а) Письмо папы Іоанна VIII королю Карломану, 875 года. Въ этомъ письмѣ рекомендуетъ папа королю епископа паннонскаго — Меѳодія.

б) Письмо того-же папы, отъ 879 года, къ моравскому архіепископу Меѳодію, которымъ послѣдній приглашается въ Римъ отдать отчетъ въ своемъ вѣроисповѣданіи и въ литургіи славянской, введенной имъ въ Моравіи.

в) Письмо того-же папы, отъ того-же 879 года, къ князю моравскому Святополку, съ убѣжденіемъ оставаться вѣрнымъ ученію римской церкви и съ увѣдомленіемъ, что архіепископъ Меѳодій, иному ученію котораго удивляется папа, вызывается имъ въ Римъ.

г) Письмо того-же папы къ тому-же Святополку, отъ іюня 880 года; папа благодаритъ какъ его, такъ и его подданныхъ за вѣрность къ апостольскому престолу и объявляетъ, что Меѳодію, моравскому архіепископу, оказавшемуся правовѣрнымъ, подтверждаетъ прежнія права и посылаетъ его для ихъ управленія. Говоритъ также о посвященіи въ нитранскіе епископы Вихинга и проситъ прислать другаго кандидата, котораго бы онъ посвятилъ для другой епархіи. Приказываетъ всѣмъ повиноваться Меѳодію, соглашается на славянское богослуженіе, съ тѣмъ, чтобы евангеліе для большей важности читалось сначала по-латини.

д) Письмо того-же Іоанна VIII къ архіепископу Меѳодію, отъ апрѣля 881 года; въ немъ похваляетъ папа Меѳодія за правовѣріе и за распространеніе истиннаго ученія, а также утѣшаетъ въ страданіяхъ, какія вынужденъ былъ переносить Меѳодій.

е) Письмо папы Стефана V (885 — 891) къ Святополку, князю моравскому. Здѣсь излагается ученіе римской церкви о Троицѣ св. и о постѣ, призывается князь вѣрить этому ученію и порицается Меѳодій будто бы за вздорность свою и за службу славянскую.

ж) Письмо папы Іоанна X къ Іоанну III, архіепископу сплетскому и епископамъ — сплетской епархіи, отъ 925 года. Указывая на необходимость слѣдовать ученію Рима, папа возсталъ противъ тѣхъ, кто слѣдуетъ Меѳодію, котораго нѣтъ нигдѣ между святыми; далѣе говоритъ, что служба должна совершаться лишь на латинскомъ языкѣ. Здѣсь ясно отличены два предмета — ученіе и языкъ въ службѣ.

з) Письмо того-же папы и въ томъ-же году, писанное Томиславу, князю хорватскому. И здѣсь говорится противъ слав. языка въ богослуженіи и также, хотя и неопредѣленно, указывается на другое ученіе въ книгахъ славянскихъ.

За письмами папъ слѣдуютъ, какъ источники, сочиненія Анастасія библіотекаря и безъименнаго автора статьи объ обращеніи хорутанъ.

а) Анастасій библіотекарь, аббатъ римской церкви, современникъ св. братьевъ, предлагаетъ два свидѣтельства о св. Кириллѣ. Одно находится въ его предисловіи къ описанію константинопольскаго собора, 869 года; второе въ его письмѣ къ Карлу Лысому, 875 года, по поводу пересылки ему сочиненій Діонисія ареопагита. Въ обоихъ случаяхъ, Анастасій выстав-

ляетъ Кирилла какъ мужа ученаго, благочестиваго и высокаго учителя.

б) Безъименный авторъ объ обращеніи хорутанъ распространяется, около 873 года, о владѣніяхъ зальцбургской епархіи, касается, конечно, Панноніи и Моравіи и говоритъ о Меѳодіи.

Вотъ, что имѣемъ мы несомнѣннаго на латинскомъ языкѣ о Кириллѣ и Меѳодіи, писаннаго или при ихъ жизни или немедленно послѣ нихъ. Всѣ посланія папъ напечатаны или въ Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae, Olomucii, 1836, том. I; или въ Erbeni — Regesta Bohemiae et Moraviae, pars 1-ma, Pragae, 1855. Частью цѣликомъ, частью въ извлеченіи напечатаны, въ видѣ приложенія, Гинцелемъ, къ его изслѣдованію: Geschichte der Slaven Apostel Cyrill und Method, Wien, 1861. Сочиненіе De conversione Bogoariorum et Carantanorum издано лучшимъ образомъ въ Glag. Cloz. Копитара, Вѣна, 1836, стр. 72 — 76, какъ appendix quinta. Въ извлеченіи можно читать, какъ послѣднее, такъ и нѣкоторыя письма папъ, у г. Бодянскаго, частью въ самомъ текстѣ, частію въ примѣчаніяхъ. Свидѣтельства Анастасія библіотекаря помѣщены цѣликомъ въ приложеніяхъ къ упомянутому сочиненію Гинцеля.

Б. Греческіе.

Мы уже сказали, что подъ греческими источниками разумѣемъ только языкъ, а не народность писателя. Къ такимъ источникамъ принадлежитъ житіе св. Климента, епископа болгарскаго, одного изъ достойнѣйшихъ учениковъ и послѣдователей св. солунскихъ братьевъ, изгнаннаго, по смерти Меѳодія, изъ Моравіи и окончившаго жизнь свою на родинѣ, въ Болгаріи, въ званіи епископа. Житіе это, повѣствуя о трудахъ и заслу-

гахъ Климента, конечно, не можетъ не касаться и учителей его, съ которыми такъ долго дѣлилъ онъ судьбу свою и черезъ которыхъ получилъ то направленіе, посредствомъ какого сталъ истиннымъ благодѣтелемъ родной земли своей. Климентъ былъ родомъ болгаринъ.

Житіе Климента сохранилось въ двухъ видахъ — пространномъ и краткомъ. Послѣднее открыто Григоровичемъ въ 1847, въ Охридѣ, въ рукописи, содержащей синаксарь. Оказалось, что однажды оно было уже напечатано въ службахъ св. седмичисленникамъ (1746). Въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, кн. I, 1847, напечатано Григоровичемъ вторично, съ рус. переводомъ. Пространное житіе издавалось нѣсколько разъ и прежде (1665, 1755, 1802), но самое лучшее изданіе принадлежитъ Миклошичу, подъ заглавіемъ: Vita S. Clementis, episcopi Bulgarorum, Вѣна, 1847. Изъ сравненія обоихъ житій очевидно, что краткое есть только извлеченіе и передѣлка изъ пространнаго, при томъ въ пору довольно позднюю, человѣкомъ, знавшимъ мало и смутно о времени Климента, не бойкимъ и вообще въ исторіи: на это ясно указываютъ анахронизмы и несообразности, которыхъ не могъ допустить человѣкъ, жившій во время Климента или не долго спустя послѣ него (см. Лѣтописи рус. литературы и древности, статью г. Викторова; послѣднее мнѣніе Шафарика о Глаголицѣ. Том. II, 1859, Москва.). Пространное житіе, какъ видно изъ заглавія его, приписывается архіепископу болгарскому Ѳеофилакту (+ 1107). Но и этого признать нельзя, потому что авторъ указываетъ на себя, какъ на ученика и современника Климента. Изъ всего видно, что онъ былъ и по происхожденію болгаринъ. А ежели такъ, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что и самое житіе писано первоначально по славянски. Мы вполнѣ согласны съ мнѣніемъ г. Бодянскаго въ

*

невозможности допустить, чтобы болгаринъ X вѣка, ученикъ св. Климента, рѣшился предпочесть языкъ греческій своему родному, уже развитому въ письменности, и при томъ въ сочиненіи, имѣющемъ задачею описать жизнь и благодѣтельные подвиги славянскаго учителя (срв. „О времени происхожд. слав. письменъ“ Бодянскаго, Москва, 1855, стр. 9—13).

Этимъ житіемъ и ограничиваются источники греческіе, необходимые для нашей цѣли.

В. Источники славянскіе.

Здѣсь на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить, такъ называемыя, *паннонскія житія* св. Кирилла и Меѳодія, предложенныя вниманію ученыхъ въ первый разъ, въ 1843 году, въ шестой книгѣ Москвитянина. Профессоръ Горскій, открывшій оба житія въ рукописи XV вѣка, высказалъ въ приведенной статьѣ своей и нѣсколько важныхъ мыслей, касательно мѣста и времени составленія этихъ житій. Послѣдующее вниманіе славянскихъ ученыхъ выяснило еще болѣе опредѣленные отвѣты на эти вопросы и мы, указывая на нихъ, можемъ съ положительностью утверждать: а) что оба житія предлагаютъ творенія, появившіяся тотчасъ по смерти святыхъ братьевъ и написанныя кѣмъ-либо изъ ихъ непосредственныхъ учениковъ. Это видно изъ нерѣдкихъ выраженій, въ которыхъ изображаются Кириллъ и Меѳодій, относительно составителей, ихъ наставниками и учителями; такъ въ житіи Кирилла: „живый же съ подроужіемъ своимъ и роди 7 отрочеть отъ нихъ же бѣше младѣйшій седмый коньстантінь философь, *наставникъ и оучитель нашь*“; въ житіи Меѳодія: „Богъ милостивый.... на добрый чинъ въздвиже *нашего учителя*, блаженнаго Меѳодія“, не менѣе убѣ-

дительно свидѣтельствуютъ о современности авторовъ съ описываемыми лицами и слѣд. мѣста, напр., въ житіи Кирилла: „Богъ милостивыи.... еже сътвори и *въ наше роды*, въздвигъ намъ оучителя сего“, или въ житіи Меѳодія: „Богъ милостивыи, иже хощетъ, да бы всякъ человѣкъ спасенъ былъ.... въ *наша лѣта* въздвиже нашего учителя“. Въ житіи Меѳодія находится и внутреннее свидѣтельство, которое еще менѣе возможно заподозрить, это изображеніе Моравіи. Авторъ говоритъ о блестящемъ положеніи этой страны, о ея процвѣтаніи и силѣ, когда росла и ширилась она во всѣ стороны и побѣждала непріятелей. Но уже съ 892 года начинается рядъ непрерывныхъ войнъ съ мадьярами, приглашенными воевать Моравію завистникомъ и ненавистникомъ ея славы и величія, Арнульфомъ; съ 893 года, со смертію князя Святополка, войны обращаются въ пораженія, законченныя въ 907 году страшнымъ опустошеніемъ Моравіи, превратившимъ послѣднюю надолго въ пустырь. Невозможно и думать, чтобы ученикъ Меѳодія, описывая жизнь его, не упомянулъ ни однимъ словомъ объ ужасныхъ событіяхъ, совершившихся въ митрополіи Меѳодіевой, еслибы онъ только дожилъ до этой поры; а между тѣмъ, онъ-же остановился внимательно на изображеніи пріема, сдѣланнаго мадьярскимъ правителемъ Меѳодію, когда Мадьяры не заходили еще за р. Тису. Несомнѣнно, что авторъ житія писалъ въ промежутокъ времени между 885 годомъ, годомъ смерти Меѳодія, и 893, когда началось разрушеніе Моравіи.

б) Оба житія писаны однимъ и тѣмъ-же лицомъ, именно Климентомъ, епископомъ болгарскимъ, знаменитѣйшимъ послѣдователемъ и ученикомъ св. братьевъ. Относительно житія Кириллова, никто въ этомъ больше не сомнѣвается: доказательства, заимствованныя изъ часто дословнаго сходства съ похвальнымъ

словомъ Кириллу, писаннымъ положительно Климентомъ, слишкомъ очевидны (см. Шафарикъ, „Разцвѣтъ слав. письменности въ Булгаріи“, Чтенія общества исторіи и древностей россійскихъ, кн. VII, отд. III, 1848; Рачкій — Viek i djelovanje sv. Cyrilla i Methoda, Zagreb, 1859, стр. 221; Бодянскій, тамъ-же, стр. 40—42); другое дѣло на-счетъ житія Меѳодіева. Заключающіяся въ немъ указанія на отчетливое знакомство автора съ дѣлами области западной, моравско-паннонской, и на замѣтное уваженіе къ престолу римскому и его первосвященнику, какъ въ слѣд. выраженіяхъ: „не тебѣ единому токмо....слю и учителя отъ Бога и отъ святаго Петра, *перваго настольника и ключедержца царъствію небесному*“, или: „они же оувѣдѣвше апостолскаго стола достояща ваша страны....къ намъ пріидосте“, — служило поводомъ признавать авторомъ лице, принадлежавшее римскому патріархату, хотя и раздѣлявшее вѣроученіе греческое, что видно изъ словъ житія о происхожденіи св. Духа только отъ Отца. На этомъ основаніи, Шафарикъ, въ упомянутой статьѣ „Разцвѣтъ слав. письменности въ Булгаріи“, призналъ авторомъ Меѳодіева житія мораванина, Горазда, принадлежавшаго также къ числу учениковъ солунскихъ братьевъ. Но достаточно вникнуть внимательнѣе въ нѣкоторыя мѣста самаго житія, чтобы подмѣтить, какъ рѣзко отдѣляетъ себя авторъ отъ мораванъ, напр., въ слѣдующемъ выраженіи: „моравска область пространити начатъ вся страны и врагы своя побѣждати съ непогрѣшеніемъ, *яко и сами повѣдаютъ присно*“, или: „по семъ же старый врагъ въздвиже сердце врагоу моравъскаго короля на насъ, съ всѣми епископы“ и др. При изданіи памятниковъ югославянской письменности (1851), Шафарикъ отказывается уже отъ Горазда, и замѣчаетъ только, что житіе Меѳодія (см. предисловіе, стр. III) писано на западѣ, въ

области Коцела, вскорѣ по смерти Меѳодія, человѣкомъ, который въ вѣрѣ согласовался съ греками; впрочемъ, считаетъ и тутъ списателя этого житія отличнымъ отъ составителя житія Кириллова. Но уже г. Ундольскій, въ предисловіи къ „Славянорусскимъ сочиненіямъ въ пергаменномъ сборникѣ Царскаго" (Чтен. общ. истор. и древн. рос., 1848, кн. VII), приписалъ оба житія одному лицу, именно Клименту, а г. Бодянскій, въ извѣстномъ своемъ сочиненіи „О времени происхожденія слав. письменъ" (стр. 42—45), представилъ на то и весьма убѣдительныя доказательства, заимствовавъ ихъ частью изъ сопоставленія въ рукописяхъ житія Меѳодіева съ похвальнымъ ему и его брату словомъ, писаннымъ Климентомъ, частью изъ сходства и одинаковости выраженій въ обоихъ сочиненіяхъ, частью же изъ характера литературной дѣятельности Климента и его отношеній къ обоимъ братьямъ. Независимо отъ изслѣдованія г. Бодянскаго, и докторъ Рачкій, въ статьѣ своей, 1857 года, (Niekoje opazke vrhu dvijuh legendah o slavenskih apostolih, стр. 98—108, въ Arkiv za povjestnicu jugoslavensku, kn. IV, Zagreb), хотя и не рѣшается считать одного лица авторомъ обоихъ житій, предлагаетъ даже нѣкоторыя различія въ томъ и другомъ, не видитъ, однакоже, и достаточнаго противорѣчія, чтобы имѣть право отвергать тожество авторовъ.

в) Что житіе Кирилла служило источникомъ и для такъ называемой легенды италіянской, напечатанной Болландистами въ Acta sanctorum (tom. II, Antverpiae, 1658, стр. 12—25, подъ 9 марта, съ заглавіемъ: Vita cum translatione s. Clementis). Авторомъ этой легенды считается Гаудерикъ, епископъ города Велитры, жившій въ IX вѣкѣ, во время папы Іоанна VIII, которому и посвятилъ онъ трудъ свой. Правда, г. Бодянскій не рѣшается положительно утверждать такого ро-

да заимствованія, не отрицая возможности составленія и славянскаго житія подъ вліяніемъ легенды итальянской (стр. 41—42); но намъ кажется, что и главный предметъ послѣдней, перенесеніе мощей св. Климента, папы римскаго, и сокращенность ея извѣстій, сравнительно съ житіемъ Кирилла, гдѣ то-же обстоятельство излагается подробнѣе (что и естественно, потому что лице, писавшее объ этомъ, Климентъ, могъ знать отъ самого Кирилла и обстоятельнѣе и пространнѣе), и, наконецъ, самое выраженіе автора легенды: quæ nos, ut meminimus, quæ vidimus et *legimus*... colligentes transcripsimus et ad laudem Dei omnipotentis *ex multis paucissima* defloravimus, — достаточно убѣждаютъ въ томъ, что славянское жизнеописаніе было образцемъ для латинскаго и, ни въ какомъ случаѣ — на оборотъ. По этому, мы и позволяемъ себѣ пользоваться какъ этою легендою, такъ еще болѣе моравскою, изданною, въ 1826 году, Добровскимъ, подъ заглавіемъ: „Mährische Legende von Cyrill und Method, Prag", лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ не противорѣчатъ прямо житіямъ славянскимъ.

Житія подробно разсматриваютъ подвиги обоихъ братьевъ, отъ самаго дѣтства, останавливаясь преимущественно на ихъ проповѣди славянамъ и на жизни въ Моравіи. При несомнѣнности, что они писаны въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за смертію Кирилла и Меѳодія, что авторомъ ихъ было столь близкое лице къ Кириллу и Меѳодію, не трудно утверждать высокую важность обоихъ житій для предположенной нами цѣли и считать ихъ лучшими источниками въ ряду всѣхъ свидѣтельствъ о братьяхъ солунскихъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не имѣемъ мы возможности пользоваться съ такимъ-же удобствомъ и другимъ столь-же цѣннымъ источникомъ, похвальными словами Кириллу и Меѳодію, еще ждущимъ себѣ издателя. Не

забудемъ, что житія и, безъ сомнѣнія, также похвальныя слова были извѣстны въ нашемъ отечествѣ уже съ первыхъ лѣтъ въ немъ христіанства и упоминаются съ уваженіемъ въ XI столѣтіи (см. Бодян. 37 — 38).

Второй источникъ славянскій, близкій по времени къ Кириллу и Меѳодію, составляютъ трудъ Іоанна экзарха болгарскаго, жившаго при болгарскомъ царѣ Симеонѣ (838 - 927). Правда, труды его переводные по преимуществу богословскихъ сочиненій Іоанна Дамаскина, но въ предисловіяхъ и послѣсловіяхъ переводчикъ не чуждался дѣлать собственныя замѣчанія, въ которыхъ находятся указанія, хотя и очень краткія, о нашихъ первоучителяхъ.

Наконецъ, *сказаніе о письменехъ* черноризца Храбра также должно быть упомянуто въ числѣ источниковъ современныхъ, какъ составленное въ то время, когда еще были живы люди лично знавшіе Кирилла и Меѳодія. Конечно, въ этомъ сказаніи нѣтъ свѣдѣній о Кириллѣ и Меѳодіи въ пору пребыванія ихъ въ Моравіи, но важенъ тѣмъ болѣе тонъ и характеръ отзывовъ о братьяхъ уже при опредѣлившемся раздѣлѣ церкви.

Ограничиться, однако-же, только этими источниками, значило бы допустить въ рѣшеніи предложеннаго нами вопроса тѣмъ болѣе произвола, чѣмъ менѣе во всѣхъ этихъ источникахъ можно найдти рѣшительный и опредѣленный отвѣтъ. Ни посланія папскія, ни другія латинскія свидѣтельства не говорятъ ничего въ пользу исключительной принадлежности Кирилла и Меѳодія западу, церкви римской, въ смыслѣ позднѣйшемъ, образовавшемся по окончательномъ отдѣленіи обѣихъ церквей; ничѣмъ не больше встрѣчаемъ мы и въ сказаніяхъ восточныхъ ясности и положительности, касательно принадлежности солунскихъ братьевъ, въ смыслѣ вѣроученія, единственно востоку. И тамъ и тутъ

оба они представляются правовѣрными, слѣдующими неуклонно по стопамъ апостольскимъ и принявшими на себя неоконченный ими трудъ въ обращеніи многочисленнаго народа славянскаго. При такомъ значеніи источниковъ нашихъ, конечно, изслѣдователю, если бы онъ ограничился только одними ими, пришлось бы невольно дѣлать заключеніе по личнымъ предположеніямъ и догадкамъ, а при этомъ трудно было бы воздержаться отъ того естественнаго и неизбѣжнаго пристрастія, какое бываетъ плодомъ воспитаннаго съ дѣтства убѣжденія въ собственной правотѣ: и рѣшеніе вопроса, при такой обстановкѣ, не замедлитъ склониться въ пользу вѣроисповѣднаго убѣжденія изслѣдователя.

Но есть средство помочь дѣлу и, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ людей, не бѣгущихъ упорно отъ всякой истины, какъ скоро не согласна она съ ихъ взглядами и понятіями, упроченными отъ самой юности, людей, въ которыхъ сохранилась еще хотя слабая тѣнь святой любви къ правдѣ, — довести рѣшеніе вопроса до отчетливости и удовлетворительности. Средство это заключается въ установившемся и выявившемся характерѣ той и другой церкви и въ степени послѣдовательности и соотвѣтствія распоряженій обѣихъ ихъ по тому-же самому предмету, какъ во время жизни Кирилла и Меѳодія, въ другихъ мѣстностяхъ, такъ немедленно же по смерти ихъ и въ области ихъ самоличной проповѣди. Только вниманіемъ къ этому средству и возможно уяснить нѣкоторыя, на первый взглядъ, несообразности, въ несомнѣнно дѣйствительныхъ источникахъ, напр., въ посланіяхъ папскихъ; только при такомъ цѣлостномъ воззрѣніи на состояніе церквей, въ тогдашнее время, отпадетъ самъ собою личный произволъ во взглядѣ на дѣйствительность или подложность того и другаго посланія по тому только, что они отзываются внѣшнимъ противорѣчіемъ, и только тогда исчезнетъ то

изумительное несогласіе во взглядѣ на важнѣйшія обстоятельства въ жизни св. братьевъ, какое такъ рѣзко уже высказалось въ изслѣдованіяхъ западныхъ писателей-католиковъ.

Западные писатели, приступая къ изображенію жизни и подвиговъ св. Кирилла и Меѳодія уже съ утвердившимся напередъ убѣжденіемъ, что они были ревностными приверженцами Рима, вмѣстѣ съ послѣднимъ признававшими заблужденія востока, и всецѣло приняли духъ и ученіе запада, находятся въ самомъ стѣсненномъ положеніи, какъ скоро приходится имъ коснуться распоряженія папскаго, очевидно свидѣтельствующаго о несостоятельности подобнаго убѣжденія, выставляющаго положеніе св. братьевъ въ римскомъ патріархатѣ, какъ что-то новое, особенное, не подходящее подъ установившіяся и уже вѣками освященныя въ немъ рамки. Какъ поступить въ такомъ случаѣ? Убѣжденія, такъ глубоко укоренившагося, связаннаго съ упорнымъ отрицаніемъ всего, что только ни говоритъ противъ него, перемѣнить они не могутъ; самое лучшее средство заподозрить истинность такого распоряженія, хотя-бы ни историческія, весьма древнія, свидѣтельства въ пользу его дѣйствительности, ни палеографическія и филологическія особенности ничѣмъ не вели къ этому заключенію. Изъ такихъ побужденій и являются отвергнутыми, подъ перомъ писателей западныхъ, католическихъ, нѣкоторыя посланія папскія. Но и тутъ не установилось еще между ними согласіе: отвергнутое однимъ, какъ противорѣчащее спеціальному его воззрѣнію, принимается другимъ, личный взглядъ котораго сосредоточенъ на иномъ пунктѣ.

Къ числу отвергаемыхъ всѣми католическими писателями посланій, принадлежитъ посланіе папы Стефана V, отъ 885 года, къ Святополку моравскому, гдѣ Меѳодій порицается за строптивость и за славянское богослуженіе. Не такъ отозвался объ

этомъ письмѣ тотъ, кто впервые открылъ его и кто подвергъ критическому разбору. Это былъ ученый Ваттенбахъ, архиварій бреславскій; нашелъ онъ это посланіе, въ 1847 году, въ рукописи библіотеки цистерціанскаго монастыря св. Креста, въ нижней Австріи, недалеко отъ Вѣны. Рукопись, по изслѣдованію Ваттенбаха, принадлежитъ X — XI столѣтію; онъ напечаталъ письмо, съ своими соображеніями, въ изслѣдованіи: Beiträge zur Geschichte der christlichen Kirche in Mähren und Böhmen, Wien, 1849. Заключительное мнѣніе Ваттенбаха таково, что рѣшительно нѣтъ основанія отвергать дѣйствительность этого акта, хотя предположенія и могутъ быть на счетъ подложности его Вихингомъ.

Ежели не такъ рѣшительно въ пользу, то и не положительно противъ этого посланія отзывается и другой ученый, Дюммлеръ (см. Archive für Kunde österreichischer Geschichtsquellen, XIII Bd., I H.). Но оба эти ученые — протестанты, считавшіе себя въ правѣ смотрѣть на памятникъ безъ предвзятыхъ идей и заключать о нихъ такъ, какъ требуетъ того критическая наука.

Совершенно иначе глядятъ писатели католическіе, усиливающіеся во чтò-бы то ни стало выставить отношенія св. братьевъ къ Риму въ блистательномъ видѣ и папъ — ревностными ихъ покровителями; правда, послѣдующій взглядъ папъ, очень скоро послѣ смерти Меѳодія, до того несомнѣнно враждебенъ дѣлу Кирилла и Меѳодія, что утверждать о постоянной пріязни къ нимъ Рима уже положительно невозможно; за-то тѣмъ напряженнѣе усилія католиковъ доказать покровительство имъ отъ папъ при жизни ихъ. Стефанъ V вступилъ на папскій престолъ, спустя четыре мѣсяца по кончинѣ Меѳодія, — и согласиться на враждебность его къ солунскимъ святымъ, значило бы набросить тѣнь на откровенность и добросовѣстность дѣйствій въ дѣлѣ

славянской проповѣди въ Паннопіи и Моравіи и прежнихъ папъ, не исключая и Іоанна VIII, привѣтливостью котораго къ Меѳодію и заботливостью объ устройствѣ его митрополіи такъ хвалятся католическіе писатели: удивительно ли послѣ этого, что съ такимъ единодушнымъ отрицаніемъ выступили они противъ дѣйствительности этого письма папы. Замѣчательно, что сила отрицанія тѣмъ упорнѣе, чѣмъ позднѣе сочиненіе, другими словами, чѣмъ больше входили въ сознаніе автора цѣли католическія ухватиться за Кирилла и Меѳодія, какъ за орудіе объединенія всѣхъ славянъ въ вѣрѣ, разумѣется, въ смыслѣ римскаго преобладанія.

Такъ, г. Штульцъ довольно еще холодно смотритъ на посланіе Стефана V; какъ видно, онъ не успѣлъ еще сообразить всей пагубной для католическихъ стремленій важности этого посланія, и видимо колеблется въ признаніи его дѣйствительности или недѣйствительности. Въ одномъ мѣстѣ (на стр. 418, сочиненія своего: Život svatých Cyrilla a Methoda, Brno, 1857, въ прим. 33), онъ называетъ его *безъ сомнѣнія вымышленнымъ и состряпаннымъ Вихингомъ*, въ другомъ (на стр. 425, прим. 44) съ нерѣшительностью спрашиваетъ — да *дѣйствительно* ли оно, и съ сомнѣніемъ рѣшаетъ: „судя по формѣ и содержанію *скорѣе* слѣдуетъ признать его за сочиненіе человѣка, усиливающагося ослабить и уничтожить соперника и ниспровергнуть его твореніе“. Но въ чемъ не согласуется съ дѣйствительностью форма и содержаніе, г. Штульцъ не говоритъ ни слова, а между тѣмъ именно форма-то и содержаніе служили основаніемъ для критическаго Ваттенбаха не отвергать истинности посланія. При такомъ противорѣчіи, не мѣшало-бы и г. Штульцу выставить побужденія, по какимъ отрицаетъ онъ добытые путемъ критики выводы Ваттенбаха.

Иначе уже говорятъ гг. Гинцель и Рачкій. Для насъ важенъ первый, потому что послѣдній только ссылается на него и повторяетъ его основанія. Главное основаніе отрицанія Гинцеля (см. Geschichte der Slaven Apostel Cyrill und Method, Wien, 1861, стр. 9 — 11, прим.; стр. 18, прим.; стр. 85, прим. 3) состоитъ въ томъ, что въ посланіи папы говорится о Меѳодіи, какъ о лицѣ еще живущемъ, тогда какъ, при вступленіи папы на престолъ, прошло уже полгода, какъ Меѳодій лежалъ въ гробу. Полгода — время вполнѣ достаточное, чтобы въ Римѣ узнали о Меѳодіевой смерти, — ясно, что Стефанъ V не могъ отправить къ Святополку этого посланія. Независимо отъ этого, и содержаніе посланія заключаетъ противорѣчія, дающія право считать его недѣйствительнымъ. Такъ, въ немъ выставляется Меѳодій *неправовѣрнымъ*, но могъ ли говорить такъ о Меѳодіи Стефанъ, когда одинъ изъ его *ближайшихъ предшественниковъ*, Іоаннъ VIII, не въ одномъ письмѣ засвидѣтельствовалъ его правовѣріе, какъ въ письмахъ 880 и 881 годовъ? Правовѣріе, согласное съ ученіемъ церкви римской, могъ видѣть въ Меѳодіи Стефанъ самъ лично, проживая въ Римѣ, при Іоаннѣ VIII, когда являлся туда Меѳодій. Не менѣе важно, по мнѣнію Гинцеля, и противорѣчіе, касательно славянскаго богослуженія. Въ посланіи Стефановомъ оно воспрещается и даже такимъ образомъ, что Меѳодій обвиняется въ нарушеніи обѣта, даннаго въ Римѣ, не служить больше по-славянски. А между тѣмъ извѣстно, что папа Іоаннъ VIII собственнымъ письмомъ къ Святополку разрѣшилъ славянскую службу, чего не могъ незнать Стефанъ. Какъ же объяснить появленіе столь противорѣчиваго посланія, уже внесеннаго въ рукопись XI вѣка? Объясненіе найти не трудно, коль скоро рѣшено однажды отвергнуть актъ; въ настоящемъ случаѣ оно тѣмъ легче, что сама

исторія дѣятельности Меѳодія и отношеній его къ духовенству латинско-нѣмецкому даетъ богатый матеріалъ для выдумокъ и предположеній. Извѣстно, что Вихингъ, посвященный папою въ епископы нитранскіе, былъ злѣйшій врагъ Меѳодія и его ученія; извѣстно, что онъ не упускалъ случая оклеветывать его и въ Римѣ, передъ папой, и въ Моравіи, передъ Святополкомъ. Почему не выдумать ему такого посланія и, опираясь на него, не возбудить моравскаго князя къ рѣшительному его преслѣдованію? Допустить это предположеніе не только можно, но и должно, при вниманіи къ несомнѣнному свидѣтельству папы Іоанна VIII, который, въ письмѣ къ Меѳодію, отъ апрѣля 881 года, конечно, въ отвѣтъ на жалобы послѣдняго, прямо говоритъ: „neque aliae literae ad eum (Sphentopulcum) directae sunt, neque episcopo illi palam vel secreto aliud faciendum injunximus“. Очевидно, что этотъ епископъ передалъ какое-либо письмо князю, увѣривши послѣдняго, что оно отъ папы, письмо, содержавшее совершенно другое, чего желалъ папа и чего требовалъ онъ. Вотъ это-то письмо, утверждаетъ Гинцель, и есть то, которое дошло до насъ подъ именемъ посланія Стефанова и открыто Ваттенбахомъ. Но Вихингъ подделалъ актъ при Іоаннѣ VIII, всего естественнѣе тогда, когда возвратился онъ съ Меѳодіемъ изъ Рима, послѣ своего посвященія (879 — 880), и когда папа отправилъ, дѣйствительно, посланіе къ князю, вполнѣ благопріятное для Меѳодія. Вихингъ задержалъ истинное посланіе, а вмѣсто него написалъ другое, враждебное для Меѳодія и благопріятное для себя. Откуда же имя Стефана? Вѣроятнѣе всего, заключаетъ Гинцель, переписчикъ посланія, увидѣвши противорѣчіе этого посланія съ другими письмами Іоанна VIII, и считая это невозможнымъ, отнесъ подложный

актъ ко времени папы Стефана, такъ что въ первоначальномъ видѣ онъ носилъ имя Іоанна VIII.

Рачкій, принимая всѣ соображенія Гинцеля, не соглашается съ нимъ только въ томъ, будто дѣйствительное письмо папы Іоанна VIII было Вихингомъ задержано. И на это онъ имѣетъ полное право, потому что самъ папа, въ упомянутомъ письмѣ къ Меѳодію, свидѣтельствуетъ, что письмо на имя Святополка было передано Меѳодію и послѣдній увѣдомилъ папу, что онъ вручилъ его по принадлежности: quas (literas) ei (Sphentepulco) asseris fuisse delatas, — говоритъ папа къ Меѳодію (см. Рачкій, Viek i djèlovanje sv. Cyrilla i Methoda slovjenskih apoštolov, svezak II, Zagreb, 1859, стр. 341—42, прим.).

Оставляя подробное объясненіе этого акта до того времени, когда мы разсмотримъ общій духъ отношеній Рима къ дѣятельности Кирилла и Меѳодія, здѣсь укажемъ только на слѣд. обстоятельства: а) Стефанъ V вступилъ на папскій престолъ въ августѣ 885 года, а Меѳодій скончался 6 апрѣля того-же года, значитъ, не черезъ полгода, а спустя четыре мѣсяца; срокъ же этотъ слишкомъ невеликъ для того, чтобы извѣстіе о смерти архіепископа въ Моравіи могло не успѣть дойти до Рима. Слѣдуетъ принять въ соображеніе время, къ которому относится событіе, другіе примѣры сношеній съ Моравіею и обстоятельства, въ какихъ находились въ ту пору и Римъ и Моравія. Не забудемъ, что самъ папа Николай I, не взирая на свое неусыпное вниманіе къ тому, что дѣлалось въ Константинополѣ, не смотря на правильность, непрерывность и скорость сношеній Италіи съ Византіей, на большую близость, при морскомъ пути, обѣихъ столицъ другъ къ другу, Рима и Царьграда, чѣмъ Велеградъ и Римъ, все-таки писалъ письмо къ Вардѣ (отъ ноября, 866 года), когда уже прошло дѣйствительно

больше полугода послѣ его смерти. А между тѣмъ для Николая I, въ эти минуты, Царьградъ служилъ центромъ самаго напряженнаго, жизненнаго вниманія. Что-же сказать о 885 годѣ, о Римѣ я Моравіи, когда и тотъ и послѣдняя заняты были самою упорною и страшною войною, когда должны были замедлиться и прекратиться и тѣ сношенія рѣдкія, затруднительныя, какія были прежде, въ пору спокойствія? Нѣтъ, четыре мѣсяца, при такомъ положеніи дѣлъ, слишкомъ краткій срокъ, чтобы не удивляться незнанію въ Римѣ того, что совершилось на отдаленномъ сѣверѣ, въ Моравіи, съ отдѣльнымъ человѣкомъ, когда весь интересъ сосредоточивался на усиліяхъ спасти себя отъ конечной гибели, — и это какъ въ Римѣ, такъ и въ Моравіи. б) Что касается до противорѣчія будто-бы этого посланія съ распоряженіемъ Іоанна VIII, то въ это время въ Римѣ столько было противорѣчій, что удивительно, какъ можетъ ученый писатель указывать на это. Въ настоящемъ случаѣ, противорѣчіе это особенно ничтожно. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ тотъ же самый папа, Іоаннъ VIII, не противорѣчилъ и себѣ и своему предшественнику, Адріану II? Послѣдній поставилъ Меѳодія архіепископомъ, конечно, увѣрившись въ его правовѣріи; самъ Іоаннъ VIII, рекомендуя Меѳодія королю Карломану, въ посланіи отъ 875 года, какъ новаго паннонскаго епископа, разумѣется, не сомнѣвался въ правой его вѣрѣ, и, однако-же, это не остановило его, въ 879 году, вызвать Меѳодія въ Римъ для отчета въ вѣроисповѣданіи, превратности котораго онъ не замедлилъ удивиться въ письмѣ къ Святополку, отъ того-же, 879 года. А въ X столѣтіи, при одномъ изъ ближайшихъ преемниковъ Стефана, при Іоаннѣ X, развѣ на сплетскомъ соборѣ не заподозрѣно ученіе Меѳодія и развѣ потомъ не признанъ онъ еретикомъ? Еще рѣзче в) объясняется возможность

противорѣчія относительно богослуженія славянскаго. Дозволенное Адріаномъ II, оно безусловно запрещается двукратнымъ посланіемъ Іоанна VIII, и дозволенное, наконецъ, послѣднимъ, въ 880 году, преслѣдуется неистово въ концѣ того-же IX и особенно въ X столѣтіи.

Мы нисколько не думаемъ возставать противъ подлога, со стороны Вихинга; даже убѣждены, что онъ былъ, и основаніе своего убѣжденія видимъ въ томъ-же письмѣ Іоанна VIII, на которое ссылаются и Гинцель и Рачкій; но считаемъ себя рѣшительно не въ правѣ отожествлять этотъ подлогъ съ открытіемъ Ваттенбаха. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли допустить, чтобы Вихингъ рѣшился выдумать письмо отъ папы къ князю, вполнѣ противорѣчащее дѣйствительному письму папскому, переданному Меѳодіемъ? Нѣтъ, тогда выдуманное письмо непремѣнно должно бы было носить въ себѣ хотя какое-нибудь отверженіе письма другаго, дѣйствительнаго, и это тѣмъ болѣе, что если бы и самъ папа рѣшился на двуличность, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, постарался бы объяснить князю, что письмо, отправленное имъ черезъ Меѳодія, не должно разсматриваться, какъ имѣющее непререкаемую силу, что оно дано лишь для успокоенія старца, что дѣйствовать князю все-таки слѣдуетъ такъ, какъ пишетъ онъ ему черезъ Вихинга. Такъ, конечно, написалъ бы папа, если бы онъ поступалъ двусмысленно; такъ непремѣнно выразился бы и поддѣльщикъ, если только не лишенъ онъ здраваго смысла, что о Вихингѣ можно сказать утвердительно. Напротивъ, намъ кажется невозможнымъ это посланіе относить ко времени Іоанна VIII, со стороны католическихъ писателей, именно потому, что если оно дѣйствительно прежде носило имя этого папы и только въ послѣдствіи получило имя Стефана, то оно должно быть истиннымъ: только папа одинъ

и могъ одному и тому-же лицу въ одно и то-же время писать вдвойнѣ, и при томъ распоряженія совершенно противоположныя. Для него могла быть цѣль — не колеблять противорѣчія, именно, отказаться отъ одного посланія, въ случаѣ разоблаченія двойственности, и объявлять одно посланіе подложнымъ; для поддѣльщика подобная цѣль не мыслима: онъ думаетъ лишь о томъ, какъ-бы лучше обмануть и отклонить отъ вѣры въ другое письмо; опроверженіе послѣдняго и указаніе на двуличность святѣйшаго отца ни мало не увеличитъ отвѣтственности, въ случаѣ, еслибы подлогъ открылся и папа грозно вступился бы за свое оскорбленіе. Существенная вина будетъ все-таки заключаться въ подлогѣ, а не въ томъ, какія выраженія употреблялъ поддѣльщикъ.

Но, всматриваясь въ характеръ изворотливаго и опытнаго въ интригахъ Вихинга, мы не можемъ допустить, чтобы онъ рѣшился на поддѣлку папскаго письма. Онъ могъ ссылаться на словесныя съ папой объясненія, на какія-либо письма съ темными и неопредѣленными намеками, — но допустить выдумку оффиціальной буллы отъ папы къ князю, въ моментъ, когда доставляется послѣднему другое письмо истинное и всецѣло противоположное, выдумку при томъ со стороны епископа, не возможно безъ того, чтобы не обвинить папу въ потворствѣ страшному злоупотребленію, какъ скоро сдѣлалось оно ему извѣстнымъ изъ письма Меѳодія, въ потворствѣ тѣмъ болѣе непонятномъ, что Вихингъ остался снова епископомъ и при томъ въ эпархіи того-же Меѳодія. По нашему мнѣнію, относить письмо Стефаново ко времени Іоанна VIII значитъ то-же самое, что утверждать его подлинность и считать авторомъ дѣйствительнаго Іоанна VIII, который потому и не обратилъ на него вниманія, что не могъ дѣйствовать противъ себя самого: вѣдь не молчалъ

же бы Вихингъ и не скрывалъ правды, еслибы подвергнули его наказанію.

Да ежели, наконецъ, и согласиться съ Гинцелемъ и Рачкимъ, что только въ послѣдствіи имя Іоанна VIII перемѣнено на Стефана V, то все-таки остается непостижимымъ, почему же переписчикъ посланія избралъ непремѣнно Стефана? Почему опустилъ онъ Марина, наслѣдовавшаго Іоанну VIII, папу Адріана III, наслѣдовавшаго Марину? Вѣдь они ближе были къ Іоанну и имъ скорѣе слѣдовало бы приписать дѣянія послѣдняго, если ужъ пришла нужда избѣгать какимъ бы то ни было образомъ противорѣчій въ распоряженіяхъ одного и того-же лица. Нѣтъ, избранъ именно Стефанъ V, и не даромъ, какъ мы постараемся показать это изъ его отношеній къ востоку и изъ взгляда его на церковь греческую. Вообще скажемъ теперь, что нѣтъ ровно никакихъ прочныхъ основаній отвергать это посланіе и не считать дѣйствительнымъ его авторомъ то лице, къ какому отнесено въ самомъ посланіи, т. е. папу Стефана V. Опроверженія Гинцеля и Рачкаго слишкомъ ничтожны; объясненія выдумки, подлога со стороны Вихинга, крайне противны обстоятельствамъ, а изслѣдованіе безпристрастнаго Ваттенбаха на столько положительно, чтобы и этотъ актъ считать въ ряду дѣйствительныхъ современныхъ источниковъ. Можно развѣ считать Вихинга только посредственнымъ виновникомъ этого акта, лицемъ, которое, согласно съ своими понятіями и цѣлями, раскрыло передъ папой опасность для римской церкви отъ ученія Меѳодія и побудило святаго отца принять энергическія мѣры какъ противъ самого Меѳодія, такъ и его послѣдователей. Вихингу тѣмъ было легче дѣйствовать, что, вѣроятно, онъ не одинъ разъ путешествовалъ въ Римъ, какъ по собственнымъ дѣламъ, такъ и по дѣламъ Святополка, котораго съумѣлъ онъ

очень скоро подчинить своему вліянію. Вполнѣ естественно, что въ одинъ изъ такихъ походовъ успѣлъ онъ достать отъ Стефана и то письмо, которое открылъ Ваттенбахъ въ рукописи X столѣтія. Г. Бодянскій писалъ свое сочиненіе въ то время, когда еще не появились труды Гинцеля, Рачкаго и Штульца, пріискивавшихъ съ такимъ усиліемъ слѣды подозрительности въ письмѣ Стефана V, а потому и не удивительно, что онъ не считалъ нужнымъ и доказывать дѣйствительность этого документа, принимая его за вполнѣ достовѣрный и всецѣло согласный съ общимъ духомъ церкви римской въ дѣлѣ славянскаго богослуженія. („О врем. происхожд. слав. письменъ", примѣч. 9, стр. X—XII).

Ни сколько не съ меньшимъ напряженіемъ отвергаетъ Гинцель и посланіе папы Адріана II, вѣроятно, отъ 869 года, къ Ростиславу моравскому. Посланіе это дошло до насъ въ слав. переводѣ, въ житіи св. Меѳодія, но какъ достовѣрный источникъ, оно переведено на латинскій языкъ Миклошичемъ и издано въ первый разъ Дюммлеромъ (Die pannonische Legende, стр. 160, въ Archiv fur Kunde österreichischer Geschichts-Quellen, Wien, XIII Bd. 1 Heft, стр. 145 и слѣд., 1854), потомъ, въ особомъ переводѣ, Эрбеномъ, въ 1855 году (Regesta Bohemiae et Moraviæ, стр. 14). Само собою понятно, что признаніе или отверженіе этого документа неразлучно соединено съ признаніемъ или отверженіемъ самого житія, — и Гинцель рѣшительно отвергаетъ его, признавая составителемъ какъ Меѳодіева житія, такъ и Кириллова кого-либо изъ *схизматиковъ*, т. е. православныхъ, на основаніи будто-бы басней, которыми вообще проникнуты житія паннонскія.

Этотъ взглядъ Гинцеля на житія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на посланіе Адріана II, весьма важенъ, какъ характеризующій во-

вою чертою писателя католическаго и еще нагляднѣе и убѣдительнѣе свидѣтельствующій, какъ свободно, непринужденно и произвольно распоряжаются католики съ источниками, руководясь при этомъ не внутренними ихъ достоинствами, не въ нихъ самихъ заключающимися признаками достовѣрности или недѣйствительности, а чисто личными соображеніями или началами своей собственной народности. Въ самомъ дѣлѣ, откуда происходитъ столь рѣзкое несогласіе между самыми католиками относительно взгляда на дѣйствительность житій, какъ достовѣрныхъ источниковъ для очертанія жизни и дѣятельности св. братьевъ? Въ то время, какъ Штульцъ не допускаетъ и тѣни сомнѣнія насчетъ житій паннонскихъ, рѣшительно утверждая, что staroslovanský žiwotopisec jest jediny věrny svědek (стр. 136), когда Рачкій изливается въ благодарности судьбѣ за сохраненіе этихъ памятниковъ и пишетъ особую статью, въ которой со всеоружіемъ учености ясно доказываетъ ихъ современное жизни первоучителей происхожденіе (см. Viek i dielov. sv. Cyr. i Meth. стр. 212, и Arkiv za pov. jugosl. IV, 1857, стр, 98—108), Гинцель, будучи также католикомъ и также, какъ двое первыхъ, лицемъ духовнымъ, не хочетъ и думать о какомъ-либо историческомъ ихъ значеніи, признавая наибольшую часть свѣдѣній въ нихъ баснями и плодомъ схизматическихъ вымысловъ. Откуда происходитъ такое разногласіе?

Единственная причина тому, по нашему мнѣнію, заключается въ различіи народностей писателей. Гинцель католикъ-нѣмецъ, и, во что-бы то ни стало, хочетъ доказать, что всѣ рѣзкія мѣста въ житіяхъ, выставляющія въ столь темномъ свѣтѣ духовенство нѣмецкое, въ эпоху Кирилла и Меѳодія, суть слѣдствія вражды международной, а потому и не должны пользоваться никакимъ довѣріемъ; съ другой стороны, проникнутый самъ

какъ нѣмецъ австрійскій, чувствомъ своего національнаго превосходства надъ народностью славянскою, онъ не хочетъ согласиться на признаніе самостоятельности этой народности въ дѣлахъ церкви, въ девятомъ столѣтіи, и не безъ ожесточеннаго упорства отвергаетъ независимость моравской церкви отъ епархіи зальцбургской, нѣмецкой, утверждая полную справедливость возвращенія власти послѣдней, по смерти Меѳодія и по изгнаніи его учениковъ съ запада.

При такомъ взглядѣ на вещи, естественно, не могъ г. Гинцель относиться равнодушно къ житіямъ паннонскимъ, въ которыхъ такъ ярко выражены и недобросовѣстность духовенства нѣмецкаго, и справедливость и законность самостоятельной архіепископіи моравской. Въ силу того-же взгляда, считаетъ онъ положительно ложнымъ и извѣстіе о славянскомъ богослуженіи до 879 года, въ Моравіи, чуть не ограничиваетъ и самый объемъ славянской службы однимъ чтеніемъ священнаго писанія.

Не считая нужнымъ повторять сказаннаго о древности житій паннонскихъ и о достовѣрности, подробности и важности сообщаемыхъ ими свѣдѣній о солунскихъ братьяхъ, мы остановимся коротко только на основаніяхъ г. Гинцеля, по которымъ находитъ онъ справедливымъ отвергать подлинность посланія Адріана II. Эти основанія ставитъ онъ въ опроверженіе мнѣнія извѣстнаго уже намъ ученаго, Дюммлера.

Вотъ какъ отозвался послѣдній о посланіи папскомъ, сохранившемся лишь въ текстѣ славянскомъ: „это, въ высшей степени замѣчательное, письмо папы Адріана II до такой степени и формою и содержаніемъ согласуется съ дѣйствительностью, что я не въ состояніи представить противъ него ни малѣйшаго основанія. Полномочіе, данное Меѳодію Адріаномъ, на введеніе славянскаго языка въ богослуженіе, во всѣхъ его отношеніяхъ, о-

граниченное единственно предварительнымъ чтеніемъ на литургіи евангелія по-латини, и потомъ уже въ переводѣ славянскомъ,— все это до того согласуется съ позднѣйшими предписаніями Іоанна VIII о томъ-же предметѣ, что сомнѣваться въ справедливости такихъ показаній не имѣемъ мы никакого права" (см. тамъ-же, стр. 181).

Въ глазахъ Гинцеля, разумѣется, этотъ отзывъ знатока исторіи и критическаго ученаго не имѣетъ важности; въ отвѣтъ на него, онъ признаетъ письмо *очевидно подложнымъ*, вымышленнымъ, и для большаго убѣжденія читателя представляетъ слѣдующія доказательства: а) какимъ образомъ могъ бы, въ 880 году, дозволять славян. богослуженіе Іоаннъ VIII, еслибы оно было уже дозволено въ 869 году, Адріаномъ II? Ясно, что Іоаннъ VIII ничего не зналъ о такомъ дозволеніи своего предшественника; а ежели онъ не зналъ, значитъ, его и не было. Это подтверждается еще яснѣе и тѣмъ, что папа Іоаннъ, въ письмѣ къ Меѳодію отъ 879 года, смотритъ на славянскій языкъ въ богослуженіи, какъ на новизну, и безусловно запрещаетъ его; б) нисколько не слабѣе свидѣтельствуетъ о подложности письма и положеніе, будто Меѳодій отправленъ къ славянамъ Панноніи и Моравіи Адріаномъ въ званіи священника; очевидно, свидѣтельство это опирается на баснословіи паннонской легенды, въ которой говорится о посвященіи его *на поповъство* въ Римѣ папою Николаемъ, тогда-какъ это находится въ прямомъ противорѣчіи съ письмомъ папы Іоанна VIII, гдѣ выразительно сказано: „Methodius vester *archiepiscopus* ab antecessore nostro Adriano scilicet papa ordinatus atque directus. Наконецъ, в) признакомъ недѣйствительности посланія Адріанова служитъ и похвала, съ какою обращается въ посланіи папа къ императору Михаилу III: никогда папа Адріанъ

не могъ назвать этого покровителя *схизматика* Фотія, ворвавшагося на патріаршій константинопольскій престолъ и преданнаго въ Римѣ анаѳемѣ, не могъ назвать ни *pius*, ни *orthodoxus* (см. Geschichte der slav. Ap., стр. 8—9).

Нечего много распространяться о томъ, какъ слабы, шатки, прямо ничтожны подобныя возраженія. Нисколько не мудрено, что г. Рачкій не видѣлъ и надобности опровергать ихъ, перепечатывая славянскій текстъ посланія въ своемъ изслѣдованіи и выставляя его какъ документъ, на столько-же несомнѣнный, на сколько и латинскія письма папы Іоанна VIII (стр. 241—242, прим.) Но мы не можемъ освободить себя отъ обязанности сказать нѣсколько словъ противъ приведенныхъ основаній Гинцеля, не столько для того, чтобы обнаружить ихъ несостоятельность, столь очевидную на первый взглядъ, сколько съ цѣлью указать на новый способъ обращенія съ истиной изъ заднихъ и далеко нечистыхъ видовъ.

Первое положеніе Гинцеля о недѣйствительности посланія опирается на невозможности противорѣчія въ распоряженіяхъ папскихъ: папа Іоаннъ VIII не запрещалъ бы славянскаго богослуженія, еслибы дѣйствительно было позволеніе отъ его предшественника, и точно также не имѣлъ бы повода разрѣшать, на что уже послѣдовало за десять слишкомъ лѣтъ разрѣшеніе отъ Адріана. Подобное понятіе о неподвижности администраціи въ римской церкви и о стѣсненіи власти папской распоряженіями своихъ предшественниковъ было бы, по истинѣ, изумительно въ ученомъ авторѣ, если бы оно было искренно. Вѣдь не намъ же доказывать г. Гинцелю совершенно обратные результаты въ протекшей многовѣковой жизни римскихъ первосвященниковъ, предлагающей обильное количество примѣровъ самыхъ противорѣчивыхъ распоряженій не только одного папы другому,

хотя-бы и ближайшаго преемника ближайшему предшественнику, но одного и того-же папы самому себѣ. Римская церковь, конечно, не можетъ упрекнуть себя не только въ неподвижности административной, но даже и относительно догматовъ вѣры, чему лучшимъ доказательствомъ можетъ служить самое отдѣленіе запада отъ востока. Предавалъ же, напр., папа проклятію послѣдователей Гусса, собиралъ противъ нихъ, какъ противъ безбожныхъ еретиковъ, крестовыя ополченія, и однакоже все это не служило преградою тому-же самому папѣ признать базельскіе компактаты, которыми признавались важныя уступки въ пользу вѣроисповѣданія гусситовъ. Да и въ собственномъ изслѣдованіи своемъ о св. Кириллѣ и Меѳодіи, г. Гинцель не скрываетъ, вѣдь, неоднократнаго запрещенія папами службы славянской въ Далмаціи и дозволенія ея папою Иннокентіемъ IV, въ 1248 году. Да съ точки зрѣнія г. Гинцеля, нельзя соглашаться и съ дѣйствительностію разрѣшенія славянскаго языка въ богослуженіи самымъ Іоанномъ VIII, спустя какой-нибудь годъ послѣ столь *безусловнаго,* по словамъ Гинцеля, его порицанія имъ и запрещенія. Для послѣдовательности, было бы необходимо заподозрить и одно изъ этихъ распоряженій Іоанна VIII, и ежели нельзя отвергать факта славянской службы въ Моравіи, хотя въ послѣдніе годы жизни Меѳодія, то слѣдовало бы исключить изъ числа посланій этого папы письмо къ Меѳодію отъ 879 года. Мы, впрочемъ, и увѣрены, что ежели г. Гинцель останется и на будущее время въ такой-же мѣрѣ твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ, о которыя такъ легко разбиваются, подъ его руками, всѣ несомнѣнно-историческія и всецѣло имъ противорѣчащія истины, то, при третьемъ изданіи его исторіи о славянскихъ апостолахъ, непремѣнно прочитаемъ новыя доказательства о подложности письма Іоанна VIII къ Меѳодію, отъ 879

года. Нѣтъ, въ умѣ г. Гинцель не можетъ не сознавать самъ всего ничтожества такихъ противорѣчій для доказательства недѣйствительности посланія Адріанова, но ему нельзя не ухватиться и за эти противорѣчія, при отсутствіи другихъ основаній, чтобы оправдать льстящую національному нѣмецкому самолюбію, взлелѣянному цѣлымъ тысячелѣтнимъ господствомъ надъ народностію славянскою, мысль, принятую имъ въ основаніе, будто славянскіе первоучители не могли и не смѣли ввести славянскій языкъ въ богослуженіе помимо господствовавшей въ Моравіи епископіи зальцбургской, которая никогда бы на это не согласилась, и будто самъ папа могъ разрѣшить это только тогда, когда уже упрочилась независимость Меѳодіевой архіепископіи, послѣ втораго его путешествія въ Римъ, въ 879—880 годахъ.

Второе положеніе мы бы охотнѣе сочли ошибкою или необдуманнымъ желаніемъ наполнить чѣмъ-нибудь количество оснований, по которымъ могъ бы читатель, вмѣстѣ съ авторомъ, заподозрить посланіе. Къ сожалѣнію, нельзя предположить и этого, потому что авторъ, какъ видно, не мелькомъ пробѣжалъ славянскій текстъ, а читалъ его слово за словомъ, такъ-какъ онъ не удовольствовался латинскимъ переводомъ Миклошича и рѣшился представить *свой, точнѣйшій* переводъ, который и помѣстилъ съ другими документами о жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія, въ приложеніи къ своему изслѣдованію. Въ чемъ состоитъ эта *большая точность* перевода г. Гинцеля, мы не знаемъ, за-то ясно видимъ всю рѣзкость неправды въ обращеніи съ содержаніемъ посланія. Признакомъ недѣйствительности послѣдняго, говоритъ онъ, служитъ тотъ фактъ, будто Адріанъ отправилъ Меѳодія къ Ростиславу въ званіи священника. Но письмо не говоритъ объ этомъ *ни одного слова*, а слѣдовательно и противорѣчія посланію Іоанна VIII, въ ко-

торомъ этотъ папа говоритъ о посвященіи Адріаномъ Меѳодія въ архіепископы, нѣтъ ни малѣйшаго: и по письму Адріана къ Ростиславу ничто не препятствуетъ признавать Меѳодія, въ 869 году, ѣдущимъ изъ Рима въ Моравію, послѣ погребенія Кирилла, также архіепископомъ, какъ это дѣйствительно и было, какъ соглашаются съ этимъ и единовѣрцы г. Гинцеля, Штульцъ и Рачкій. Откуда-же взялась такая клевета на посланіе? Въ житіи Меѳодія говорится о посвященіи его въ Римѣ *на поповъство*, по увѣренію Гинцеля, папою Николаемъ. Въ этомъ обстоятельствѣ онъ видитъ двоякое противорѣчіе: а) папа Николай былъ уже мертвъ, когда прибыли впервые въ Римъ Кириллъ и Меѳодій, а потому и не могъ святить Меѳодія во что-бы-то ни было; б) посвященіе Меѳодія въ священники безсмысленно, потому что, будучи въ Византіи игуменомъ, онъ не могъ уже не имѣть священническаго сана. На своемъ мѣстѣ мы подвергнемъ критическому разбору эти строки житія Меѳодія и, надѣюсь, убѣдимся, что ни папа Николай не долженъ вмѣшиваться тутъ, ни посвященіе Меѳодія не только не представляетъ никакой безсмыслицы, а, напротивъ, должно служить новымъ свидѣтельствомъ дѣйствительности и глубокой древности самого житія паннонскаго. Но ежели-бы и въ самомъ дѣлѣ составитель житія Меодія или позднѣйшій переписчикъ его допустили въ этомъ мѣстѣ ошибку, то слѣдуетъ ли ее ставить въ основаніе мнѣнія подложности посланія, и еще болѣе— слѣдуетъ ли пріурочивать ее посланію такъ, какъ будто-бы она находилась въ немъ самомъ? Только умышленный разсчетъ и можетъ вести къ подобной недобросовѣстности. Едва-ли Гинцель можетъ быть оправданъ невѣрностью перевода латинскаго, который оказывается составленъ не имъ самимъ, а взятъ цѣликомъ изъ Эрбеновыхъ Regesta, гдѣ выраженіе слав. текста: „мы

же оумыслихомъ испитавше послати Меѳодія, свѧщьше и съ оученики на страны вашѧ“ передано такъ: „nos constituimus animo, habita exploratione, mittere Methodium *presbyterum* una cum discipulis ad partes vestras“. Но если г. Гинцель выбиралъ *точнѣйшій* переводъ, то какъ-же могъ онъ не обратить вниманія на рѣзкое различіе этого мѣста въ переводѣ Миклошича, гдѣ оно читается: „nos autem statuimus, re considerata: Methodium, *consecrantes* eum cum discipulis, in partes vestras eum mittere“. Остановиться на этомъ различіи и разъяснить его причину, кажется, требовало отъ г. Гинцеля и знакомство съ г. Миклошичемъ, какъ съ сослуживцемъ по университету и съ извѣстнымъ знатокомъ славянскаго языка. Но ему было цѣлесообразнѣе воспользоваться переводомъ невѣрнымъ; что это было дѣломъ сознательнымъ, ясно изъ того, что г. Гинцель не обратилъ вниманія на доказанную въ этомъ ошибку его г. Рачкимъ, въ 1854 году (см. Arkiv za pov. jugosl. IV, стр. 281—298, въ статьѣ: je li je podmetnuta poslanica Hadriana II na Rostislava i Kocelja, što se nalazi u panonskoj legendi?), и, при новомъ изданіи своей исторіи слав. апостоловъ (1861 года), оставилъ тотъ-же переводъ и то-же увѣреніе, на его основаніи, въ подложности посланія.

Стоитъ ли опровергать третье основаніе Гинцеля, дающее ему право считать вымысломъ посланіе Адріана II, основаніе отъ эпитета, съ какимъ отнесся папа къ императору Михаилу, назвавши его „*благовѣрнымъ*“. Какъ могъ папа этотъ относиться подобнымъ образомъ къ лицу, поддерживавшему на патріаршемъ престолѣ *схизматика* Фотія? Удивительно, какъ можетъ ученый профессоръ такъ легко относиться къ обычнымъ, освященнымъ вѣками титуламъ царей; исторія представляетъ крайне рѣдкіе примѣры, когда личныя страсти высокихъ особъ по-

буждають ихъ нарушать и въ этомъ отношеніи общепринятое приличіе; еще изумительнѣе такое мнѣніе въ профессорѣ каноническаго права, дававшаго не одинъ разъ поводъ обиліемъ несомнѣнныхъ примѣровъ въ исторіи отстранить это мнѣніе, какъ вполнѣ ложное. Не заходя далеко въ исторіи церковной, мы упомянемъ только о письмахъ папы Николая I къ тому-же императору Михаилу. Въ 860 году, когда на патріаршемъ престолѣ сидѣлъ уже Фотій, вотъ какъ писалъ папа къ Михаилу: dilecto filio Michaëli *glorioso* imperatori Graecorum... *clemens auguste*... vestrum imperiale decus... vestrae serenitati (Baron. Annal. ad an. 860). Въ 866 году, послѣ цареградскаго собора, бывшаго въ 863, и послѣ рѣзкаго посланія Михаила въ Римъ, папа выражался, однако-же, такимъ образомъ: Nicolaus episcopus, servus servorum Dei, *piissimo* et *gloriosissimo dilecto* filio Michaëli, magno imperatori (Mansi, XV, стр. 216—40). Ежели такъ относился къ императору папа, начавшій споръ съ востокомъ, по поводу избранія Фотія въ патріархи, папа, позволившій себѣ, на соборѣ въ Римѣ, отлучить отъ церкви любимаго Михаиломъ патріарха, относился при томъ такъ, послѣ рѣзкихъ укоризнъ императора, то что-же не естественнаго въ выраженіи *благовѣрный*, pius, *εὐδοξος*, употребленнаго относительно Михаила преемникомъ Николая, Адріаномъ II, человѣкомъ, какъ извѣстно, гораздо миролюбивѣйшимъ, въ то время, когда смерть императора, за два года до составленія посланія, 867 г., должна была еще болѣе успокоить страсти, и когда самого Фотія, по понятіямъ запада, главнаго виновника раздѣленія церквей, не было уже на престолѣ патріаршемъ?

Нѣтъ, разборъ опроверженій г. Гинцеля въ состояніи только довести до несомнѣнности дѣйствительность Адріанова посланія къ Ростиславу, съ одной стороны, и съ другой — показать

самую непростительную недобросовѣстность автора исторіи славянскихъ апостоловъ въ обращеніи съ источниками, такую недобросовѣстность, для которой нѣтъ никакого оправданія, потому что въ основаніи ея лежитъ умышленная цѣль.

Приведенные и разсмотрѣнные нами источники должны составлять, конечно, главнѣйшую опору, при взглядѣ на жизнь и отношенія св. первоучителей славянскихъ. Но такимъ сужденіемъ о первостепенныхъ источникахъ, мы не исключаемъ безусловно важности и источниковъ второстепенныхъ, обязанныхъ происхожденіемъ своимъ послѣдующимъ, болѣе или менѣе, позднѣйшимъ вѣкамъ, хотя пользованіе ими и должно быть, по нашему мнѣнію, ограничено пріемомъ изъ нихъ лишь того, что или подтверждается положительнымъ свидѣтельствомъ современныхъ источниковъ или ни въ чемъ не противорѣчитъ ихъ указаніямъ. Довѣрять же каждому факту, занесенному въ позднѣйшіе памятники письменности, и основываться на нихъ въ опредѣленіи характера дѣятельности Кирилла и Меѳодія, значило бы затемнить и извратить ихъ исторію, потому что жизнь и подвиги солунскихъ братьевъ принадлежатъ къ разряду тѣхъ историческихъ явленій, которыя наиболѣе богаты позднѣйшими прибавленіями, смѣшеніями и извращеніями, согласно съ народными преданіями, съ далеко не всегда твердымъ знаніемъ предмета переписчиками и сократителями и, наконецъ, съ личными взглядами и интересами составителей позднихъ памятниковъ.

На этомъ основаніи, мы и находимъ достаточнымъ, при исчисленіи источниковъ, ограничиться указаніемъ и разборомъ лишь первостепенныхъ и по времени ихъ происхожденія и по несомнѣнной дѣйствительности заключенныхъ въ нихъ свѣдѣній. При ссылкахъ на второстепенные источники, мы не опустимъ случая охарактеризовать и ихъ, на-сколько это будетъ необходимо для

доказательства того, почему мы заимствуемъ изъ нихъ извѣстія о томъ или другомъ обстоятельствѣ.

Переходя, такимъ образомъ, къ изложенію самаго предмета, т. е. характера отношеній св. первоучителей къ востоку и западу, въ періодъ ихъ проповѣди у западныхъ славянъ, для большаго удобства и наглядности, мы намѣрены разсмотрѣть вопросъ въ слѣдующихъ отдѣлахъ: А. Въ какихъ отношеніяхъ находимъ мы обѣ половины церкви вселенской, во время жизни и дѣйствій братьевъ солунскихъ. Необходимость опредѣленія этихъ отношеній, надѣемся, не потребуетъ доказательствъ: только при ясномъ и отчетливомъ взглядѣ на нихъ, можно правильно судить и объ отношеніяхъ къ той и другой половинѣ самихъ проповѣдниковъ славянскихъ.

Б. Въ какомъ положеніи застаемъ мы ту область, въ которую призваны были Кириллъ и Меѳодій и которая послужила имъ поводомъ войти въ сношенія съ Римомъ.

В. Въ какомъ видѣ представляются эти сношенія какъ со стороны первоучителей славянскихъ, такъ и со стороны первосвященниковъ римскихъ, и отразилились ли въ этихъ сношеніяхъ какіе-либо слѣды ново-устанавливавшихся отношеній церковныхъ между востокомъ и западомъ.

За рѣшеніемъ этихъ трехъ вопросовъ, невыходящихъ изъ предѣловъ времени жизни Кирилла и Меѳодія, необходимо долженъ слѣдовать и четвертый вопросъ:

Г. Какъ относилась и та и другая церковь къ трудамъ ихъ по смерти, въ чемъ и какъ отразилась память о нихъ и тутъ и тамъ и какими послѣдствіями сопровождалась она въ обѣихъ частяхъ міра славянскаго, восточной и западной.

А. Отношенія между Римомъ и Цареградомъ, какъ представителями двухъ половинъ церкви вселенской, въ эпоху жизни Кирилла и Меѳодія (858 — 885).

По странному стеченію обстоятельствъ, время дѣятельности солунскихъ братьевъ среди славянскаго племени совпадаетъ именно съ тѣмъ временемъ, когда положено было первое начало разъединенію церкви вселенской на восточную и западную, когда и та и другая пошли особымъ путемъ не только безъ взаимной связи, но и съ явною неприязнію, недоброжелательствомъ другъ къ другу, разрѣшавшимися иногда самою страстною враждою.

Само-собою понятно, что восемь съ половиною вѣковъ единства церковнаго, выражавшагося и поддерживавшагося такъ часто и вселенскими соборами и сношеніями іерарховъ, не могли быть уничтожены разомъ, однимъ какимъ-либо приговоромъ той или другой стороны; естественно, должно было пройти не малое время прежде, нежели разъединеніе, начавшееся по какому-либо поводу, успѣло упрочиться, охватить всецѣло обѣ половины церкви и окончательно расторгнуть столь глубоко укоренившіяся связи между ними. И исторія свидѣтельствуетъ объ этомъ положительно, указывая намъ на сношенія Рима съ Цареградомъ, и по дѣламъ церковнымъ, не только въ теченіе второй половины IX столѣтія, но и въ X, даже и въ XI, на сно-

шенія при томъ далеко не всегда непріязненныя. Обстоятельство это очень важно для нашего вопроса: оно говоритъ о неопредѣленности еще отношеній между востокомъ и западомъ, въ эпоху жизни Кирилла и Меѳодія, указываетъ только на начало несогласій, изъ котораго точно тоже нельзя было дѣлать положительнаго заключенія кому бы то ни было изъ современниковъ о плачевныхъ результатахъ полнаго раздвоенія въ-послѣдствіи, какъ было несправедливо и въ предшествующія времена заключать объ окончательномъ разрывѣ по несогласіямъ, возникавшимъ и прежде и оканчивавшимся благополучно, христіанскимъ примиреніемъ. Раздвоеніе было только въ зародышѣ; касалось оно лишь высшихъ представителей церкви римской и цареградской; поводомъ къ нему послужило скорѣе частное обстоятельство, возбуждавшее интересъ только этихъ представителей; догматическое различіе въ вѣрѣ стало выясняться мало-по-малу только теперь, въ силу возникшаго несогласія въ личныхъ взглядахъ и стремленіяхъ представителей. Все, не прикасавшееся оффиціальнымъ образомъ къ рѣшенію новыхъ недоразумѣній, находилось въ прежнемъ положеніи и въ старыхъ отношеніяхъ. Даже люди, стоявшіе въ высшихъ рядахъ церковной іерархіи, но отдаленные отъ центра дѣйствія по мѣстопребыванію, или не призванные на участіе въ немъ, могли вовсе ничего не знать въ первое время или знать только по неопредѣленнымъ слухамъ; тѣмъ болѣе слѣдуетъ утверждать это о массѣ христіанъ. Вообще, состояніе отношеній, въ первые годы второй половины IX столѣтія между востокомъ и западомъ, весьма удобно сравнить съ дѣйствіемъ вѣтра на густой и обширный лѣсъ, когда движатся только вершины высокихъ деревьевъ и стоятъ неподвижно ихъ нисшія части. Уже это одно должно служить могущественнымъ требованіемъ быть какъ-можно осторожнѣе въ от-

зывахъ объ отношеніи къ спорящимъ сторонамъ лицъ, не принимавшихъ ни малѣйшаго въ этихъ спорахъ участія, отдаленныхъ, въ самомъ ихъ началѣ, на громадное разстояніе отъ обѣихъ сторонъ и посвятившихъ всю дѣятельность свою исключительно христіанской проповѣди, съ тѣмъ самоотверженіемъ и душевнымъ жаромъ, какіе характеризуютъ подвижничество апостольское и съ какими несоединены разсчеты чисто житейскіе. А между тѣмъ, западные писатели католическіе именно и пользуются неопредѣленностью и неустановленностью отношеній между обѣими церквами, въ пору возникшихъ несогласій, при своихъ отзывахъ о Кириллѣ и Меѳодіи. То, что дѣлалось ими естественно, необходимо, въ силу ненарушеннаго еще единства церковнаго, они разсматриваютъ какъ доказательство исключительной преданности славянскихъ первоучителей Риму, намѣреннаго отстраненія ихъ отъ востока. Но, чтобы безпристрастнѣе оцѣнить всю несправедливость подобнаго взгляда, мы обратимся къ исторіи.

Первое начало несогласій церковныхъ между Римомъ и Цареградомъ, во второй половинѣ IX столѣтія, положено было неслыханными до того на востокѣ претензіями папы, Николая I, на исключительную власть надъ всею вселенскою церковью; поводомъ же къ заявленію такихъ претензій послужило назначеніе въ патріархи цареградскіе Фотія и устраненіе Игнатія. Вмѣшательствомъ въ это дѣло, папа Николай думалъ упрочить и надъ востокомъ то-же незаконное и безусловное господство, какое удалось пріобрѣсти ему на западѣ: и тутъ рѣшился онъ ввести въ жизнь принципъ верховнаго главенства римскаго первосвященника, всеобщей отъ него зависимости церкви и собственной неподсудности никому на землѣ.

Самаго краткаго взгляда на прежнее время достаточно, что-

бы увидѣть всю неосновательность и беззаконность подобнаго принципа, а съ тѣмъ вмѣстѣ усмотрѣть и всю шаткость и ложность оснований, на которыхъ рѣшился опереться Николай I въ своихъ домогательствахъ,—быть единственнымъ и верховнымъ судьей въ цѣломъ христіанствѣ.

Дѣйствительно, до самаго IX столѣтія, исторія изображаетъ намъ епископа римскаго совершенно равнымъ со всѣми остальными епископами, не только востока, но и запада. Это равенство отражается ясно и въ отношеніяхъ къ власти свѣтской, и въ значеніи его при рѣшеніи дѣлъ частныхъ, какъ церковныхъ, такъ и вѣроисповѣдныхъ, наконецъ, всего очевиднѣе, въ положеніи, какое занималъ онъ на вселенскихъ соборахъ, служившихъ свидѣтельствомъ единства церковнаго, гдѣ не замедлило бы выясниться и оправдаться верховное достоинство папы, ежели бы, въ самомъ дѣлѣ, оно ему принадлежало.

Что касается до власти свѣтской, то исторія сохранила множество неопровержимыхъ доказательствъ тому, какъ безразлично распространялась она и на римскихъ епископовъ. Мы укажемъ на наиболѣе выдающіеся факты древняго времени. Со времени паденія западно-римской имперіи, Италія находилась подъ вѣдомствомъ императоровъ византійскихъ, до самаго конца восьмаго столѣтія; относительно же южныхъ частей Италіи, господство Византіи продолжалось очень долгое время и послѣ. Непосредственными управителями Италіи, въ качествѣ намѣстниковъ императорскихъ, были экзархъ и префектъ,—и папы, въ дѣлахъ гражданскихъ, никогда не считали себя изъятыми изъ ихъ власти. Подобно остальнымъ подданнымъ, и они въ точности должны были исполнять императорскія распоряженія, точно также вносить въ государственную казну подати за тѣ земли, которыя составляли принадлежность римскаго епископата; этого мало,

они не иначе могли владѣть престоломъ епископскимъ, какъ получивши подтвержденіе отъ императоровъ и обязаны были постоянно держать въ Константинополѣ особыхъ своихъ чиновниковъ, которые бы были отвѣтчиками передъ императорскимъ престоломъ во всѣхъ дѣлахъ папскихъ. Эти чиновники и назывались, въ слѣдствіе этого, апокрисіаріи[1]. И едва только обнаруживались со стороны какого-либо папы попытки уклониться отъ этого обязательства, какъ немедленно-же выступала власть законная и возстановляла свои права. Такъ, въ концѣ VI вѣка, папа Григорій Великій, понадѣявшись на благосклонный пріемъ новымъ императоромъ, Фокою, поздравительнаго его письма, вздумалъ было не отправить своего повѣреннаго въ столицу; императоръ не замедлилъ сдѣлать за это строгій выговоръ папѣ, сопровождавшійся, со стороны Григорія, просьбою о прощеніи и присылкою повѣреннаго Бонифація, который, при содѣйствіи полюбившаго его императора, вскорѣ занялъ самъ престолъ епископскій въ Римѣ[2]. Доброму и дружественному отношенію Фоки и Бонифація, обязанъ римскій престолъ и тѣмъ, что онъ признанъ былъ императоромъ главою всего христіанскаго міра, чему благопріятствовали и послѣдующіе императоры. Но это ни мало не ослабило законной власти, и Константинъ II, въ 649 году, нисколько не затруднился вызвать папу Мартина въ Константинополь и сослать его въ Херсонесъ таврическій[3]. Въ 681 году, новое распоряженіе императора Константина о томъ, чтобы никто не былъ поставляемъ въ званіе римскаго

---

[1] См. «Объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду. Записки Авдія Востокова», часть I, С.-Петербургъ, 1857, стр. 223, 226.

[2] Тамъ-же, стр. 227.

[3] Claud Fleuri, Hist. Ecclesiast. Tom. IX, 190—202.

епископа, до полученія императорскаго указа, слишкомъ наглядно свидѣтельствуетъ о силѣ императорской власти надъ Римомъ, въ самомъ концѣ седмаго столѣтія [4].

Ни чѣмъ не менѣе говоритъ о той-же силѣ власти и слѣдующее обстоятельство. Когда, въ началѣ шестаго столѣтія, господство въ Италіи готовъ расширилось весьма далеко и не было силы, чтобы остановить, тѣмъ менѣе уничтожить въ ту пору ихъ завоеванія, то папы, не желая раздражать ихъ и, по возможности, стараясь удовлетворять ихъ требованіямъ, не разъ лично предпринимали путешествія въ Константинополь, чтобы тамъ исходатайствовать свободу вѣроисповѣданія аріанскаго, чего требовали короли готскіе. Такъ, по крайней мѣрѣ, поступилъ папа Іоаннъ I, въ 526 году, и папа Агапитъ II, въ 536 году. Фактъ въ высшей степени важный для разубѣжденія въ исконной верховности и безусловной, неограниченной власти римскихъ епископовъ [5].

А вотъ нѣсколько фактовъ, характеризующихъ значеніе папы и въ рѣшеніи дѣлъ религіозныхъ. Они также ясно указываютъ, что и въ этомъ отношеніи епископъ римскій занималъ равностепенное мѣсто съ другими епископами и его голосъ уничтожался самъ собою, какъ скоро оставался онъ единичнымъ, не поддерживаемый и не раздѣляемый другими.

Въ концѣ втораго столѣтія, папа Викторъ рѣшился было, по поводу различія во времени празднованія Пасхи, требовать отъ восточныхъ епископовъ прервать общеніе съ епископомъ ефесскимъ и его единомышленниками. Вся церковь возстала противъ этого, и Викторъ, уличенный въ несправедливости со-

---

[5] Fleuri, Hist. Eccles., Том. VII. 558—559.

[4] Авд. Востокова, стр. 229.

борнымъ посланіемъ ефесскаго епископа, Поликрата, вынужденъ былъ взять назадъ свой приговоръ. То-же самое замѣчаемъ и въ третьемъ столѣтіи, по поводу вопроса о крещеніи еретиковъ, при папѣ Стефанѣ.

Во всѣхъ сношеніяхъ своихъ съ епископами, папа римскій относился къ нимъ не иначе, какъ собратъ и соепископъ, и едва появлялся какой-либо намекъ на особое преимущество, какъ тотчасъ-же онъ возбуждалъ противъ себя протестъ и опроверженіе, принимавшіеся всею церковью [6].

Въ нашихъ глазахъ, особенно замѣчателенъ отзывъ о равенствѣ всѣхъ каѳедръ епископскихъ, высказанный, въ четвертомъ столѣтіи, блаженнымъ Іеронимомъ; замѣчателенъ потому, что онъ относится къ лицу, которое такъ близко стояло къ Риму, по западному своему происхожденію, которое едва не было избрано преемникомъ папѣ, Дамасу, и которое пользуется столь высокимъ уваженіемъ въ церкви римской: *не слѣдуетъ почитать церковь Рима иною, нежели церковь всего міра. Гдѣ бы ни былъ епископъ, въ Римѣ или Евгубіи, въ Константинополѣ или Регіи, въ Александріи или Танаисѣ, онъ есть того-же достоинства и того-же священства. Могущество богатства и уничиженіе бѣдности не дѣлаютъ епископа высшимъ или низшимъ; но всѣ они суть преемники апостоловъ* [7]. До какой степени еще въ шестомъ столѣтіи не признавалось первенство Рима, даже на самомъ западѣ, это видно изъ спора о первенствѣ между Григоріемъ Великимъ и епископомъ равеннскимъ. Споръ этотъ рѣшенъ импе-

---

6 «Правда вселенской церкви о римской и прочихъ патріаршихъ каѳедрахъ». С.-П. б. 1841, стр. 91, 137, 144.

7 Тамъ-же, стр. 83.

раторомъ Маврикіемъ, и рѣшенъ, обратимъ особенное вниманіе, не въ пользу Григорія [8].

Что сказать о значеніи папы при вселенскихъ соборахъ? Западные писатели сосредоточили всю силу своихъ доказательствъ на томъ, чтобы убѣдить всѣхъ въ зависимости этихъ соборовъ, какъ по началу, такъ и по распоряженію ими, отъ римскихъ епископовъ. Соборы выражаютъ единство церкви, рѣшеніямъ ихъ должны подчиняться всѣ члены церкви, коль скоро не отрѣзаны они отъ нея опредѣленіемъ тѣхъ-же соборовъ; имъ подчиняются слишкомъ пятьсотъ лѣтъ и епископы римскіе, значитъ, соборы вселенскіе выше папъ, значитъ, при единствѣ церкви, при возможности, слѣдовательно, вселенскихъ соборовъ, нельзя и думать о безусловномъ главенствѣ папскомъ. Какъ же примирить два эти начала, когда нельзя скрыть единства церковнаго и обязательнаго значенія опредѣленій соборныхъ до половины девятаго столѣтія? Одно средство — поставить самые соборы въ непосредственную зависимость отъ папы, пріурочить исключительно ему право собранія ихъ и распоряженія ими. Такъ и поступило католичество. Но судьба не уничтожила тѣхъ памятниковъ, которые подробно и положительно говорятъ о всѣхъ частностяхъ соборовъ вселенскихъ, сберегла она и очевидныя свидѣтельства поддѣлокъ поздняго духовенства римскаго, съ цѣлію выставить преобладающую надъ ними власть своего первосвященника.

Современные соборамъ памятники, состоящіе какъ изъ описаній историческихъ, такъ и изъ опредѣленій соборныхъ, не оставляютъ и тѣни сомнѣнія въ томъ, что а) вселенскіе соборы созывались единственно по распоряженію и вызовамъ императоровъ, которые назначали и мѣсто для собранія. Поводомъ къ

---

[8] «Исторія папской власти», глава VI, Современникъ, 1850, № 5.

такимъ вызовамъ не только не служило предложеніе папы, а, напротивъ, объявлялись они не рѣдко вопреки ихъ желаніямъ,— и тѣмъ не менѣе, никогда не рѣшались папы не признавать опредѣленій соборныхъ, хотя-бы составлялись эти соборы и противъ ихъ воли; б) предсѣдателемъ на соборахъ всегда бывалъ или самъ императоръ или уполномоченный имъ чиновникъ; они наблюдали за общимъ порядкомъ, они открывали и закрывали засѣданія; в) опредѣленія соборныя получали силу только тогда, когда были скрѣплены они подписью императора или утверждены особымъ императорскимъ указомъ.

Не считая нужнымъ приводить на каждое изъ этихъ положеній доказательства, какъ уже извѣстныя во всей подробности и отчетливости въ отечественной литературѣ [9], мы остановимся только на тѣхъ событіяхъ, которыя имѣютъ отношеніе къ одному изъ важнѣйшихъ нашихъ источниковъ о жизни Кирилла и Меѳодія и которыя объясняютъ до несомнѣнности происхожденіе автора паннонскаго житія Меѳодія. Событія эти касаются перваго и пятаго вселенскихъ соборовъ.

На основаніи современнаго историческаго сказанія, составленнаго Евсевіемъ, бывшимъ участникомъ на первомъ соборѣ (325), тогдашній папа, Сильвестръ, не только не обнаружилъ никакого участія къ созванію этого собора, но даже не присутствовалъ и самъ, за старостью лѣтъ; между тѣмъ, писатели католическіе, съ отдаленныхъ временъ, стараются утверждать, что Сильвестру обязано и созваніе собора и предсѣдательство на немъ, въ лицѣ одного изъ западныхъ епископовъ. Откуда же произошло такое противорѣчіе съ показаніями лица современнаго? Отвергнувши

---

[9] См. статьи г. Ермієва: «Участіе греческихъ императоровъ въ дѣлахъ вселенскихъ соборовъ», Духовный Вѣстникъ, Харьковъ, 1862 года, №№ 1—2, стр. 64, 220.

положительныя и несомнѣнныя свидѣтельства Евсевія, они обратились къ писателю позднѣйшему, Гаасію Кизическому, который, пользуясь свѣдѣніями изъ исторіи Евсевія, допускалъ личныя мнѣнія, догадки и произвольныя прибавленія, не рѣдко поражая читателя противорѣчіями и безсмысліемъ [10]. Тѣмъ не менѣе, на западѣ утвердилось общее мнѣніе о первенствующемъ значеніи на первомъ вселенскомъ соборѣ Сильвестра, папы римскаго, которому наименѣе могла предстоять и нужда въ этомъ соборѣ, потому что самый предметъ, вызвавшій этотъ соборъ, ересь Аріева, была чужда на западѣ. Вотъ откуда и въ житіи Меѳодія придано такое господствующее положеніе Сильвестру, какъ будто бы дѣйствительно волею его одного составился и соборъ, низложенъ и отлученъ и Арій. Самъ Константинъ Великій, столь горячо хлопотавшій о соборѣ, независимо отъ папы даже и по словамъ самого Геласія, выставленъ въ житіи только помощникомъ послѣднему. Въ странѣ, подчиненной патріарху греческому, гдѣ не могли имѣть мѣста подобныя несправедливыя свѣдѣнія, потому что не было цѣли поддерживать и распространять ихъ, въ замѣнъ точныхъ и современныхъ свидѣтельствъ, нельзя ожидать и такого выраженія: „селивестръ честной треми сты и 18 отець, великаго царя Константина на помощь приимъ, сонъмъ первыи събравъ въ никеи, аріа побѣди и проклѧтъ и ересь его, юже въздвизааше на святоую троицоу“ [11].

Въ такой же мѣрѣ указываетъ на западное происхожденіе автора того-же житія и приписываемое имъ положеніе папѣ Вигилію, на пятомъ вселенскомъ соборѣ, въ 553 году, въ Константинополѣ.

Вигилій находился въ это время въ Константинополѣ, былъ

[10] См. Правда всел. церк., стр. 63—68.

[11] Památky dřevn. písem. Jihoslov., Šafařik, стр. 2.

противъ собора и не хотѣлъ участвовать на немъ. Убѣжденія восточныхъ епископовъ, предложенія самого императора не подѣйствовали на него; тогда рѣшено было открыть засѣданія безъ него, признавая волю собравшихся, въ огромномъ количествѣ, іерарховъ со всего христіанскаго міра вполнѣ достаточною для прочности рѣшенія и сужденій соборныхъ. Въ самомъ началѣ собора, Вигилій былъ осужденъ за свое упорство и имя его было исключено изъ церковныхъ поминовеній; на него сдѣланъ намекъ и въ грамматѣ императорской, читанной при открытіи собора и опредѣлявшей клятву на того, кто не согласится съ первыми четырьмя вселенскими соборами, какого бы ни было достоинства лице это. И не смотря, однакоже, на свое противодѣйствіе собору, не взирая на неприсутствіе на немъ, не обращая даже вниманія и на то, что въ опредѣленіяхъ соборныхъ осуждался самъ онъ, Вигилій призналъ всѣ опредѣленія, а съ нимъ и вся западная церковь. Католическіе писатели не охотно касаются этого собора, не любятъ его, какъ унизительнаго для власти папской. Церковь римская, не сохранивши дѣяній этого собора на греческомъ языкѣ, въ самомъ печатномъ изданіи соборовъ выкинула тѣ мѣста, которыя были оскорбительны для чести Вигилія. Такъ опущено извѣстіе, какъ папа просилъ патріарха и епископовъ отнести императору письменное его мнѣніе и какъ они отказались; исключено и предложеніе императора исключить имя Вигилія изъ поминовеній церковныхъ за его упорство и несогласіе съ отцами, на что согласился соборъ[12]. Житель востока, на которомъ не могло оставаться все это неизвѣстнымъ для человѣка, нуждающагося знать исторію соборовъ, въ какомъ положеніи находился авторъ житія Меѳодіева, не могъ выражаться о Вигиліи такъ, какъ мы читаемъ

[12] Правда всел. церк., стр. 148.

въ означенномъ житіи: „вигилыи съ богоотгоднымъ юустиномъ и съ стомъ и шестию десѧтъ и пѧтію отець пѧтыи съньмъ съставльше, изискавше проклѧша" [13].

Но ежели, по отношенію къ востоку, значеніе папъ не возвышалось ни въ чемъ, сравнительно съ остальными древнѣйшими епископствами, то, на западѣ, положеніе его издавна стало становиться особеннымъ, упрочивая за нимъ мало-по-малу то преимущество, которое дало въ послѣдствіи ему поводъ настаивать на первенствѣ во всей христіанской церкви. Обстоятельство, содѣйствовавшее наиболѣе возвышенію папскому, въ первое время, было чисто политическое.

Мы уже сказали, что, съ паденіемъ западной римской имперіи, политическая власть надъ Италіей перенеслась на императора восточнаго, константинопольскаго. Но стоитъ только бѣгло взглянуть на состояніе самой восточной имперіи, съ пятаго вѣка, чтобы усомниться въ возможности ея правителей успѣшно поддерживать и укрѣплять свои интересы на отдаленномъ западѣ. Окруженный со всѣхъ сторонъ врагами, какъ — персами, арабами, болгарами и славянами, могъ ли императоръ константинопольскій съ одинаковымъ напряженіемъ и силою защищать и другую половину своего царства, Италію, не менѣе обезпокоиваемую самыми разнообразными варварами: гуннами, остготами, вандалами, норманнами, лонгобардами. И очень часто Италія предоставлялась самой себѣ, и отдѣльныя ея области вынуждаемы были отыскивать сами средства для своей защиты. Здѣсь-то и заключается зародышъ епископской власти на западѣ, потому что епископы являлись въ такихъ случаяхъ руководителями защиты, посредниками между побѣдителями и побѣжденными и блюстителями порядка и мира въ городахъ.

[13] Památky, Šafar., стр. 3.

Во время, впрочемъ, господства остготовъ, власть императорская находила еще средства поддержать свое вліяніе, а такой полководецъ, какъ Велизарій, успѣлъ даже и вовсе уничтожить это господство. Съ этихъ поръ и Римъ утратилъ свое первенствующее значеніе въ имперіи. Но обстоятельства сильно измѣнились, когда появились въ Италіи, съ завоевательнымъ намѣреніемъ, лонгобарды и когда византійская имперія, волнуемая религіозными распрями, наименѣе могла охранять западныя области, смотрѣвшія при томъ не безъ вражды на востокъ, за усиліе императоровъ подорвать и тамъ почитаніе св. иконъ. Между тѣмъ, лонгобарды спускались все южнѣе и южнѣе и, къ половинѣ VIII столѣтія, уже разграбили владѣнія самого римскаго первосвященника въ равеннскомъ экзархатствѣ и римскомъ княжествѣ. Не надѣясь на помощь съ востока, тогдашній папа, Григорій III, впервые, въ 741 году, рѣшился искать защиты на западѣ и обратился съ просьбою къ франкскому королю, Карлу Мартеллю. Въ силу заключеннаго, по этому случаю, договора, Карлъ обязывался защищать Римъ отъ лонгобардовъ, а римляне подчинялись ему, какъ своему патрицію. Тогда-то были присланы Мартеллю, при грамматахъ папскихъ, ключи блаженнаго Петра и частицы узъ его. Но скорая смерть этого короля франкскаго оставила договоръ безъ великихъ послѣдствій. Тѣмъ не менѣе, примѣръ обращенія къ чужеземнымъ государямъ былъ поданъ, и слѣдовать ему тѣмъ было естественнѣе, чѣмъ болѣе удовлетворялись личные интересы папъ отъ связей съ франками. При сынѣ Мартелля, Пипинѣ, и при папѣ Захаріи, ловкомъ и умномъ грекѣ, сближеніе между обѣими властями особенно сдѣлалось тѣснымъ, когда, при помощи Захаріи, удалось Пипину достать престолъ королевскій (752). И вотъ, въ слѣдующемъ же году предпринимаетъ король походъ

въ Италію противъ лонгобардовъ, по просьбѣ папы, два раза разбиваетъ Астульфа, отнимаетъ у него Италію и на равенское экзархатство, равно и на нѣкоторые другіе города, даетъ граммату римской церкви, съ уничтоженіемъ зависимости этого подарка отъ власти императора византійскаго. Самъ Пипинъ ограничился титуломъ римскаго патриція и верховнаго защитника римлянъ.

Съ этого времени, все усиліе римскихъ епископовъ было направлено на то, чтобы укрѣпить связь съ франками, упрочить и, если возможно, распространить свои владѣнія и отстранить всякое вліяніе правительства восточнаго. Выгоды самихъ королей франкскихъ отъ союза съ папами были самымъ вѣрнымъ помощникомъ послѣднимъ. Такъ, когда при преемникѣ Карлмана, Карлѣ, сынѣ Пипиновомъ, Дезидерій, король лонгобардскій, объявилъ свои претензіи на престолъ франкскій, въ пользу своихъ внуковъ, и требовалъ отъ папы ихъ помазанія, грозя, въ противномъ случаѣ, осадою самому Риму, то папа обратился къ Карлу, и этотъ заставилъ Дезидерія отказаться и отъ требованій и отъ угрозъ Риму, а папѣ присоединилъ къ подаркамъ Пипина герцогство сполетское.

Еще болѣе важны отношенія папы Льва III къ Карлу Великому; они наиболѣе способствовали упроченію власти епископа римскаго и полному высвобожденію его изъ-подъ зависимости отъ императора византійскаго. Въ лицѣ Карла Великаго, явился теперь на западѣ свой императоръ, помазанный Львомъ III; къ нему примкнулъ и Римъ со всею Италіею. Папа, какъ-бы въ награду за помазаніе, получилъ отъ новаго императора званіе римскаго и равенскаго патриція и, хотя тотчасъ-же далъ присягу быть въ полномъ ему подданствѣ, на правахъ всѣхъ остальныхъ вассаловъ, т. е. исполнять императорскія предпи-

санія, являться къ нему на судъ, повиноваться его законамъ и употреблять его монету, но, при отдаленности императора, при возникшихъ скоро несогласіяхъ между преемниками Карла и при установившемся стремленіи римскихъ первосвященниковъ сосредоточить въ себѣ и свѣтскую власть, не мудрено, что послѣдніе достигли въ своихъ областяхъ самоправности и не замедлили потомъ придать и самому награжденію Карла Великаго такое толкованіе, будто въ немъ заключалось признаніе независимости и самостоятельности папъ, какъ государей. Осуществлять на практикѣ подобную мысль было имъ тѣмъ легче, что наслѣдники Карла скорѣе заискивали сами папъ, стараясь одинъ передъ другимъ овладѣть короною императорскою, нежели думали ввести ихъ въ законную отъ себя зависимость.

Такое-то политическое отдѣленіе Италіи отъ Византіи, поставившее папъ въ непосредственную связь съ королями и императорами франкскими, мы и позволяемъ себѣ считать первымъ шагомъ къ претензіямъ римскихъ первосвященниковъ на первенство во всей церкви христіанской. Дѣйствительно, доколѣ Италія составляла нераздѣльную часть имперіи, подчиненной одному правителю, трудно было и подумать объ особыхъ преимуществахъ, тѣмъ болѣе объ исключительномъ первенствѣ. Самая древность каѳедры римской и ея апостольское происхожденіе не могли, при единствѣ политическомъ, способствовать ея возвышенію, потому что въ той-же имперіи были и другія каѳедры, не менѣе древнія и точно также обязанныя своимъ устройствомъ св. апостоламъ, какъ, напр., каѳедры антіохійская и александрійская. Власть свѣтская не могла не относиться къ нимъ одинаково, и тѣмъ менѣе могла попустить нарушеніе равенства, чѣмъ требовательнѣе была, въ этомъ отношеніи, сама церковь.

Совсѣмъ иное должно было произойти при ослабленіи, а по-

томъ и при уничтоженіи единства политическаго. Отцѣпившись совершенно отъ востока, примкнувши всецѣло къ новому еще тогда міру западному, папы не могли не казаться старѣйшими и первенствующими въ немъ епископами тѣмъ болѣе, что и самое распространеніе христіанства, въ наибольшей части запада, происходило именно въ вѣка политическаго отдѣленія, подъ руководствомъ ихъ самихъ. Только при папѣ Григоріи Великомъ, подчинены были патріаршеству римскому церкви англійская, испанская и гальская. Присоединимъ къ этому и могучую опору папъ со стороны королей франкскихъ и императоровъ римско-нѣмецкихъ, находившихъ свой собственный интересъ въ возвышеніи ихъ и въ усиленіи: огромные поземельные подарки Карла Мартелля, Пипина и Карла Великаго, которыми успѣли воспользоваться римскіе епископы, какъ независимые правители свѣтскіе, еще сильнѣе упрочили ихъ значеніе среди остальныхъ епископовъ запада.

Не было недостатка и въ такихъ людяхъ, которые не только старались поддерживать въ мнѣніи народовъ и правителей возвышавшееся значеніе папъ передъ другими епископами, но и поднимали его на высоту свыше человѣческаго величія и могущества. То были итальянскіе монахи, расходившіеся по всему западному свѣту и находившіе весьма полезнымъ, для собственныхъ своихъ выгодъ, распространять подобныя понятія среди новопросвѣщенныхъ варваровъ. Подъ вліяніемъ такихъ понятій, и ученый Алкуинъ писалъ, въ началѣ уже IX вѣка, Карлу Великому: „Доселѣ мы знаемъ только три лица, возвышающіяся надъ всѣми другими; во-первыхъ, высоту апостольскую, управляющую намѣстнически каѳедрою блаженнаго князя апостоловъ; второе — достоинство императорское, третье, наконецъ, королевское“ [14].

[14] Правда вселен. церк., стр. 193.

Въ практическомъ отношеніи, положеніе папы на западѣ, къ IX столѣтію, успѣло, такимъ образомъ, пріобрѣсти преобладающее значеніе; взглядъ народа, а также и свѣтскихъ властей установился въ его пользу. Надобны были теперь только теоретическія основанія, чтобы пропущенныя въ массу понятія о папѣ возвести на степень догмы и тѣмъ скорѣе подчинить безусловной въ нее вѣрѣ, чѣмъ менѣе тогдашній народъ въ состояніи былъ, по общему невѣжеству, справляться съ дѣйствительностью и прочностью основаній подобной теоріи. Не замедлила появиться и она, вѣроятно, не раньше, какъ въ царствованіе Людовика Благочестиваго, сына Карла Великаго. Это такъ называемыя лже-исидоровскія декреталіи, будто-бы собраніе посланій и опредѣленій папскихъ, въ первые вѣка христіанства. Здѣсь впервые, съ тономъ каноническихъ постановленій, освященныхъ соборами, поставленъ папа на высочайшую вершину могущества, съ безусловною властію надъ всѣмъ остальнымъ міромъ и съ безусловною независимостью самъ отъ всякой другой власти. Цѣлью этихъ декреталій было ограниченіе архіепископовъ и подчиненіе ихъ престолу римскому, съ одной стороны, съ другой — окончательное устраненіе вмѣшательства власти свѣтской и значенія провинціальныхъ синодовъ. Отсюда, въ частности, декреталіи выставляли папу, какъ намѣстника Христа, а потому и какъ независимую главу всѣхъ церквей; безъ его воли не можетъ быть лишенъ сана ни одинъ епископъ; на каждое рѣшеніе архіепископа можетъ быть жалоба папѣ; только онъ одинъ можетъ созывать соборъ, судить и смѣнять епископовъ; ни одинъ міряпинъ не только не можетъ обвинять священника, но даже и судить его.

Не смотря на очевидность обмана, на самое поразительное противорѣчіе декреталій со всею исторіею церкви, до девятаго

столѣтія, на несомнѣнныя свидѣтельства подлога и въ самомъ языкѣ декреталій, римская церковь ухватилась за нихъ и, въ теченіе цѣлыхъ восьми вѣковъ, руководствовалась ими, какъ истинно каноническимъ правомъ. Только въ прошломъ столѣтіи, когда образованіе подвинулось далеко впередъ и глубоко стало проникать во всѣ слои народа, признала она неловкимъ поддерживать долѣе обманъ, и сами писатели духовные стали уже обнаруживать недѣйствительность декреталій. Но дѣло ими сдѣлано: желаніе и усиліе римскихъ первосвященниковъ достигнуть въ дѣйствительности того вѣса и значенія, какіе придавались имъ декреталіями, столкнувшись съ старымъ востокомъ, свято помнившимъ и соблюдавшимъ правила апостольскія и соборовъ вселенскихъ, при настойчивомъ упорствѣ папъ, произвели раздѣленіе церквей; а на западѣ, гдѣ новость христіанства и неустановленность іерархіи, слабость практики и отсутствіе живаго преданія въ состояніи были только способствовать этимъ усиліямъ, гдѣ высшая власть свѣтская явилась самою вѣрною имъ помощницею, — онѣ увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и главенство папы освятилось уже многовѣковою давностью къ той порѣ, когда и среди самой церкви признана несостоятельность основаній, наиболѣе способствовавшихъ упроченію такого главенства [15].

Первый изъ папъ, рѣшившійся всецѣло осуществить въ жизни опредѣленія исидоровскія, былъ Николай I, отличавшійся необыкновенною запальчивостію характера и твердостью воли. Но не легко было и ему подорвать установившіяся уже отношенія къ духовнымъ властямъ, даже и на самомъ западѣ. Западные архіепископы рѣшительно возстали противъ небывалыхъ и не-

---

[15] См. Institut. histor. ecclesiast. Ruttenstock. Tom. II, стр. 530—531.

слыханныхъ прежде притязаній епископа римскаго на верховную надъ ними власть и сначала не обращали вниманія на самовластныя распоряженія Николая и на грозные приговоры его изъ Рима. Но справедливость, которую поддерживалъ папа въ возникшей распрѣ съ кельнскимъ и трирскимъ архіепископами, слабость и несогласіе королей, наслѣдниковъ Людовика Благочестиваго, общественное мнѣніе, бывшее на сторонѣ Николая, дали ему возможность настоять на своемъ и тѣмъ положить первый практическій примѣръ силы папскихъ приговоровъ надъ архіепископами и самыми королями. Извѣстенъ успѣхъ, съ какимъ окончилъ Николай I процессъ, по поводу развода короля Лотаря II съ своею женою, сопровождавшійся отрѣшеніемъ обоихъ упомянутыхъ архіепископовъ. Въ голосѣ архіепископа кельнскаго, Гюнтера, обращенномъ къ императору Людовику II, отзывается вполнѣ новость положенія папы, удивленіе къ такому положенію, какъ къ незаконному, и предостереженіе насчетъ опасныхъ отъ этого послѣдствій для самого императора: dominus Nicolaus, qui dicitur papa, qui se apostolum inter apostolos adnumerat, totius mundi imperatorem se facit.

Столь счастливый примѣръ, при личныхъ достоинствахъ Николая, при безнравственности и раздорахъ среди свѣтской власти, не могъ не подѣйствовать на іерархію западную. Напрасно реймскій архіепископъ, съ другими учеными людьми, думалъ доказывать недѣйствительность исидоровыхъ декреталій и обличать ихъ въ подлогѣ, грозное посланіе папы къ гальскимъ епископамъ было гораздо сильнѣе и дѣйствительнѣе и, по требованію Николая, сборникъ исидоровъ признанъ былъ за подлинный, а съ этимъ неразлучно и значеніе римскаго епископа не замедлило опереться на каноническое и церковное право и подняться до той высоты, что уже о Николаѣ лѣтописецъ позво-

лилъ себѣ выразиться, что онъ повелѣвалъ царями и тиранами съ такою властію, что по истинѣ можно бы было принять его за владыку вселенной [16].

Но крайне не достаточно было бы ограничиться упроченіемъ своего могущества, въ смыслѣ верховной главы надъ всею церковью, на одномъ западѣ. Такое могущество было бы слишкомъ шатко и разлетѣлось бы при первомъ столкновеніи съ востокомъ, если-бы на послѣднемъ положеніе папы оставалось въ прежнихъ предѣлахъ, освященныхъ апостольскимъ ученіемъ, опредѣленіемъ вселенскихъ соборовъ и многовѣковою церковною практикою. Понятно, что для твердости власти на западѣ, папа долженъ былъ установить ту-же власть и на востокѣ, тѣмъ болѣе, что основанія его высоты тамъ, исидоровскія декреталіи, опредѣляли ему то-же мѣсто и во всемъ мірѣ христіанскомъ. И Николай не могъ не сторожить за ходомъ дѣлъ въ церкви восточной, чтобы не пропустить благопріятнаго случая, когда хотя внѣшній видъ правды будетъ на его сторонѣ. Избраніе на патріаршество цареградское Фотія казалось ему самымъ удобнымъ случаемъ, и онъ выступилъ верховнымъ судьею въ этомъ дѣлѣ съ тѣмъ-же самовластіемъ, съ тою-же надменностью и рѣшительностью, какія характеризуютъ дѣйствія его на западѣ. Понятно, что отпоръ, встрѣченный имъ тутъ, долженъ быть тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ очевиднѣе на востокѣ представлялось превышеніе законной власти и чѣмъ тверже и образованнѣе были воля и умъ Фотія, съ которымъ пришлось вступить въ борьбу папѣ. Но остановленный на первомъ шагу, онъ тѣмъ менѣе находилъ возможнымъ уступки здѣсь, что за ними естественно должны бы были слѣдовать подобныя же уступки и на западѣ.

---

[16] Chron. Reginonis, apud Pistor. Tom. 1, стр. 33.

и достигнутая побѣда въ одной половинѣ, и самолюбіе и упорство личное требовали отъ него самаго горячаго отстаиванія мнимыхъ правъ, которое, въ глазахъ Николая, не могло не поддерживаться и надеждою на успѣхъ, при тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилось и правительство византійское, изъ какихъ не вполнѣ еще выпуталась и церковь восточная. Отсюда начинается рядъ самыхъ оскорбительныхъ для восточнаго патріарха требованій и претензій, съ одной стороны, положительное и ясное опроверженіе ихъ, на прочныхъ основаніяхъ ученія и догматовъ первобытной церкви,— съ другой. Дѣло ограничивалось нѣкоторое время единственно личными отношеніями представителей Рима и Цареграда и, возможно, прекратилось бы вовсе, не оставивши за собой слѣдовъ, ежели не при Николаѣ, отъ котораго трудно было ожидать примиренія, то при одномъ изъ болѣе миролюбивыхъ его преемниковъ, если-бы къ вопросу личному не присоединился скоро другой вопросъ, имѣвшій значеніе уже не для одного какого-либо папы, а для всей римской церкви, вопросъ, неразрывно связанный съ притязаніями на всесвѣтное владычество папы Николая.

Этотъ споръ, заключавшій въ себѣ зародышъ окончательнаго разрыва церкви вселенской, мы и постараемся обозрѣть послѣдовательно, потому что въ это именно время и совершился переходъ Кирилла и Меѳодія въ Моравію, а равно происходила и проповѣдь ихъ у западныхъ славянъ; проведемъ свой обзоръ до того времени, когда скончался и послѣдній, старшій братъ, съ точнымъ опредѣленіемъ годовъ и мѣсяцевъ каждаго наиболѣе замѣчательнаго событія.

Въ ноябрѣ 857 года, удалось, наконецъ, дядѣ императора Михаила III, Вардѣ, захватившему въ свои руки испорченнаго племянника, а съ этимъ и всю власть, настоять на сверже-

нія и патріарха Игнатія, не разъ возстававшаго грозно противъ правителя за его недостойные поступки съ матерью императрицею, Өеодорою, и съ ея сестрами. Сверженный патріахъ удаленъ былъ на островъ Теребинтъ, а на его мѣсто, 25 декабря того-же года, былъ возведенъ Фотій. До этой поры, Фотій былъ первымъ секретаремъ въ государствѣ и извѣстенъ далеко за предѣлами царства византійскаго необыкновеннымъ своимъ умомъ, глубокимъ образованіемъ и всестороннею любовію къ наукѣ. Онъ занималъ, между прочимъ, мѣсто преподавателя и воспитателя молодаго Михаила, когда вызванъ былъ въ товарищи ему нашъ Константинъ, такъ много обязанный Фотію своими основательными свѣдѣніями въ наукѣ и, безъ всякаго сомнѣнія, любовію къ ней. Такой взглядъ на Фотія сохранился у всѣхъ современныхъ писателей, не исключая и явныхъ враговъ его. Но онъ былъ доселѣ лицемъ свѣтскимъ, а потому и естественно быстрое его посвященіе изъ одного духовнаго званія въ другое, отъ простаго монаха, черезъ чтеца, діакона, священника, до патріарха. При этомъ строго были соблюдены всѣ законныя формальности.

Между тѣмъ Игнатій вовсе не желалъ отречься отъ патріаршества, чего такъ усильно домогался Варда. Послѣдній употреблялъ всѣ способы, не исключая и самыхъ жестокихъ истязаній, чтобы вынудить отреченіе. Твердость Игнатія не обошлась безъ волненія; нѣкоторые изъ духовныхъ, въ числѣ которыхъ было только пять епископовъ, недовольные Фотіемъ и державшіеся стороны сверженнаго патріарха, собравшись въ одной изъ цареградскихъ церквей, объявили перваго низложеннымъ; наоборотъ, громадное большинство сторонниковъ Фотія, подобнымъ же образомъ, осудило Игнатія. — Въ какомъ отношеніи къ этой распрѣ находился Фотій? Вопросъ весьма важный для опредѣле-

нія личности новаго патріарха и для вмѣшательства папы. Нельзя сказать, чтобы было легко и рѣшить этотъ вопросъ, при разнорѣчіи писателей изъ среды самыхъ грековъ. Но такое разнорѣчіе было необходимо, коль скоро существовали двѣ стороны, враждебныя одна другой и, разумѣется, не щадившія своихъ противниковъ. Между писателями, занимающими особенно видное мѣсто и держащими сторону Игнатія, является Никита Давидъ Пафлагонянинъ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что писалъ онъ уже по смерти патріарха, по слухамъ, какіе доходили до него отъ стариковъ, судя по характеру этихъ слуховъ, всего вѣроятнѣе, непріязненныхъ Фотію. Изъ описанія Никиты видно, что онъ былъ приверженецъ римской церкви и первенства папъ, по крайней мѣрѣ, такъ отзывается о немъ іерусалимскій патріархъ Досиѳей, утверждая, что Никита исповѣдывалъ исхожденіе св. Духа и отъ Сына[17]. Это-то сочиненіе и служитъ для западныхъ писателей единственнымъ и непререкаемымъ источникомъ свѣдѣній объ отношеніи новопоставленнаго патріарха Фотія къ низложенному — Игнатію. Отношеніе это рисуется самыми черными красками, выставляющими Фотія гонителемъ и мучителемъ Игнатія, въ сообществѣ съ Вардою. Западные писатели не обращаютъ вниманія на сохранившіяся письма самого Фотія къ Вардѣ, изъ которыхъ ясно видны его горячее участіе къ своему предшественнику, мольбы къ безсострадательному временщику объ облегченіи его участи и угрозы наказанія, какое должно постигнуть Варду за несправедливость его къ патріарху. Подобныя письма должны бы тѣмъ болѣе остановить довѣріе къ Никитѣ Пафлагонянину и еще болѣе позднему писателю, Симеону Логотету, что свидѣтельство

---

[17] Правда вселен. церк. 197.

Георгія монаха, Кедрина, Зонары и самого Константина Багрянороднаго не даютъ и тѣни сомнѣнія въ дѣйствительности безучастія Фотіева въ гоненіяхъ на Игнатія.

Въ нашихъ глазахъ, отношеніе Фотія къ Игнатію выразилось всего очевиднѣе въ той записи, какую далъ онъ немедленно по своемъ посвященіи и въ которой торжественно объявилъ и подтвердилъ клятвою, что онъ невиненъ въ сверженіи Игнатія, что какъ теперь, такъ и потомъ онъ будетъ постоянно считать его невиннымъ и какъ самъ не позволитъ себѣ говорить что-либо противъ него, такъ не допуститъ до того и другихъ. А послѣдующія письма его къ Вардѣ, полныя горести и негодованія за оскорбленія Игнатію, служатъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что онъ держалъ и сдержалъ клятвенное свое обѣщаніе. Да едва-ли было согласно и съ высокимъ умомъ Фотія преслѣдовать Игнатія и тѣмъ раздражать его приверженцевъ и возбуждать волненіе въ церкви, какое, въ самомъ дѣлѣ, и развилъ своею неразумною злобою Варда, вызвавши, наконецъ, взаимное низложеніе обоихъ патріарховъ соперничествующими сторонами. Опасность отъ этого волненія могла пугать тѣмъ сильнѣе заботившихся о мирѣ церковномъ, что Игнатій, удаляясь съ каѳедры, произнесъ въ восточной церкви безпримѣрное запрещеніе священнодѣйствія, въ его отсутствіе. Примѣръ одного изъ древнихъ и знаменитѣйшихъ его предшественниковъ, Іоанна Златоустаго, находившагося въ такомъ-же положеніи и однако-же убѣждавшаго своихъ епископовъ войти тотчасъ-же въ общеніе съ тѣмъ, кого изберутъ на его мѣсто, чтобы не разстроить церкви, этотъ христіанскій примѣръ не подѣйствовалъ на Игнатія.

При такихъ обстоятельствахъ, императоръ Михаилъ отправилъ посольство къ римскому папѣ, думая авторитетомъ другаго

знаменитаго патріарха успокоить константинопольскую церковь. Съ этимъ посольствомъ послалъ Николаю и Фотій свою общительную граммату, сохраняя стародавній обычай церкви христіанской, о чемъ такъ положительно засвидѣтельствовалъ и папа Григорій VII, говоря о папѣ Григоріи Великомъ, что онъ тотчасъ-же по рукоположеніи, слѣдуя этому обычаю, разослалъ по всѣмъ патріаршествамъ общительныя грамматы. Мы указываемъ на это обстоятельство для того, чтобы не принимали грамматы Фотіевой за выраженіе какой-либо особенной, въ смыслѣ католиковъ, покорности папѣ: consuetudo enim erat eo tempore, ut quilibet in aliqua patriarchalium sedium noviter ordinatus se praedictas quatuor synodos custodire, reliquis sedibus transmissa epistola profiteretur [18].

Въ грамматѣ своей, Фотій откровенно высказываетъ нежеланіе быть патріархомъ и почти насильственное возведеніе его въ это званіе императоромъ, по рѣшенію духовенства; соболѣзнуетъ о томъ, что долженъ оставить любимѣйшія свои занятія наукой и, въ заключеніе, излагаетъ свое исповѣданіе вѣры, на основаніи вселенскихъ соборовъ. Посольство отправилось въ 859 году.

Папа, извѣстный уже намъ Николай, не могъ небыть доволенъ этимъ случаемъ, дававшимъ ему поводъ пустить и на востокѣ въ ходъ свои притязанія. Онъ отправляетъ въ Константинополь двоихъ епископовъ, Родоальда и Захарію, съ письмами къ императору и Фотію. Самоувѣренный и надменный тонъ этихъ писемъ, взглядъ автора ихъ на себя, какъ на верховнаго судью, который негодуетъ на то, что совершился переворотъ въ новомъ Римѣ безъ его участія, требованіе, чтобы уполномоченные имъ

---

[18] Plena collectio Conciliorum, Mansi, Tom. XX, стр. 401.

епископы разобрали дѣло на мѣстѣ и донесли ему о результатахъ для дальнѣйшаго распоряженія, показываютъ слишкомъ ясно направленіе, какое задумалъ принять Николай въ дѣлахъ востока.

Въ письмѣ къ Фотію, похваляя его за правовѣріе, въ то-же время сожалѣетъ, что вступилъ на патріаршество изъ міранъ, не прошедши всѣхъ степеней, предписанныхъ церковью; впрочемъ *готовъ признать его въ новомъ санѣ, если только окажетъ онъ ревность къ каѳолической вѣрѣ.*

Императора же, послѣ благодарности за его заботливость о церкви, порицаетъ за отстраненіе Игнатія, безъ согласія римской церкви, чего, будто-бы, никогда прежде не было; за этимъ, сдѣлавши обѣщаніе прислать свое рѣшеніе объ обоихъ патріархахъ изъ Рима, послѣ того, какъ получитъ подробныя свѣдѣнія отъ своихъ епископовъ, папа переходитъ къ требованію подчинить его престолу Эпиръ, Иллирію, Македонію, Ѳессалію, Ахаію, Дакію, Мизію и Дарданію, возвратить римской церкви Калабрію и Сицилію, признать ѳессалоникійскаго архіепископа его намѣстникомъ и предоставить право поставлять архіепископа сиракузскаго. Оба письма подписаны 15 сентября, 860 года[19].

Соображая этотъ отвѣтъ папы, нельзя не видѣть, куда стремились его цѣли. Имѣя надобность коснуться того только предмета, о которомъ его просили, онъ вводитъ новое обстоятельство и, понятно, ставитъ отъ него въ зависимость главный вопросъ. Какъ тонкій политикъ, ловко пользующійся обстоятельствами, и онъ рѣшился употребить въ свой интересъ запутавшіяся дѣла на востокѣ, разсчитывая на значеніе своего въ нихъ голоса и, очевидно, условіемъ признанія новаго патріарха и пре-

[19] Срв. Рачкій, Viek i djelov. стр. 120.

крещенія, такимъ образомъ, неурядицъ, полагаетъ расширеніе своихъ предѣловъ. Вотъ причина, почему онъ, дѣлая Фотію только одно замѣчаніе, касательно его возведенія въ патріаршеское достоинство, именно—быстроту перехода изъ мірянъ въ высшее духовное званіе, отлагаетъ, однакоже, свой окончательный приговоръ до той поры, пока не рѣшится вопросъ территоріальный. Нельзя не обратить при этомъ случаѣ вниманія и на противорѣчіе тона папскаго письма съ сущностью самого дѣла. Дѣйствительно, какъ согласить, съ одной стороны, распространеніе его о высшемъ своемъ значеніи, какъ верховнаго судьи въ дѣлахъ церкви вселенской, и съ другой — требованіе отъ императора передать ему упомянутыя области, тогда какъ достаточно было бы одного простаго распоряженія для присоединенія этихъ областей, ежели всѣ предмѣстники Николая были такими самодержавными правителями церкви, какими объявляетъ онъ ихъ и себя самого въ письмѣ къ Михаилу.

Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ своихъ сношеній съ востокомъ, папа Николай сошелъ съ пути чисто церковнаго и обратился прямо къ своекорыстной цѣли, условіемъ достиженія которой поставилъ и готовность оказать содѣйствіе въ томъ, къ чему только и приглашали его. И напрасно нѣкоторые писатели латинскіе заподазриваютъ несомнѣнное письмо Фотія къ Вардѣ [20], гдѣ патріархъ намекаетъ на письмо Николая, въ которомъ послѣдній соглашается признать его въ новомъ санѣ, ежели только онъ согласится отдать ему половину патріаршества; та-же самая мысль слишкомъ очевидно просвѣчиваетъ и въ упомянутыхъ посланіяхъ Николая къ императору и Фотію, чтобы не отвергать ея никому, кто смотритъ здоровыми и непредубѣжденными глазами.

[20] Правда вселен. церк., 217 — 220.

По прибытіи епископовъ римскихъ въ Царьградъ, съ посланіями отъ папы, императоръ Михаилъ не замедлилъ созвать соборъ, въ маѣ 861 года, въ церкви св. апостоловъ Петра и Павла. На этомъ соборѣ участвовали 318 епископовъ, — количество для насъ весьма важное, по сравненію съ послѣдующимъ соборомъ, на которомъ былъ низложенъ Фотій. Присутствовали на немъ и Родоальдъ съ Захаріею. Дѣянія этого собора, къ сожалѣнію, не сохранились, и судить о подробностяхъ его тѣмъ труднѣе, чѣмъ пристрастнѣе описанія его, составленныя упомянутымъ Никитою пафлагонскимъ и Анастасіемъ библіотекаремъ. Мы можемъ руководствоваться только опредѣленіями, канонами этого собора, уцѣлѣвшими до настоящаго времени.

На соборъ представленъ былъ и прежній патріархъ, Игнатій. Предложеніе отречься отъ престола патріаршаго отвергалъ онъ и тутъ съ особенною твердостью, отказываясь признавать и посвященныхъ имъ-же самимъ епископовъ законными, ежели они не соглашаются считать его законнымъ патріархомъ. Тогда составилось опредѣленіе о неправильномъ его поставленіи, засвидѣтельствованномъ семидесятью двумя лицами, изъ которыхъ не мало было знатныхъ людей. Изъ этого видно, что Игнатій имѣлъ очень многихъ противъ себя, какъ на то-же указываетъ и количество присутствовавшихъ на соборѣ, единогласно подтвердившихъ низложеніе Игнатія, между тѣмъ какъ въ послѣдствіи Игнатій едва былъ въ состояніи собрать на соборъ только 102 епископа. *Рѣшеніе о низложеніи Игнатія подписали и оба епископа римскіе, Родоальдъ и Захарія.*

Какъ долженъ былъ принять подобное окончаніе дѣла о патріаршествѣ константинопольскомъ папа? Конечно, и радостно и враждебно, смотря по тому, какой исходъ получили въ Царьградѣ другіе вопросы, поднятые имъ и бывшіе для него не-

сравненно важнѣе, вопросы о значеніи папскомъ и о территоріальномъ увеличеніи патріархата римскаго. Отвѣты на эти вопросы слѣдовало искать въ письмахъ Фотія и Михаила, отправленныхъ, въ-слѣдъ за окончаніемъ собора, въ Римъ, съ императорскимъ посланникомъ, Львомъ, и съ дѣяніями собора. Двумя днями раньше Льва, прибыли въ Римъ и Захарія съ Родоальдомъ.

Письмо императора Михаила погибло, но часть содержанія его, въ общихъ словахъ, сохранилъ самъ папа Николай, въ окружномъ своемъ посланіи къ восточнымъ церквамъ: „detulit praeterea (Leo)... imperiales litteras deprecantes, quatenus et in depositione Ignatii, et in confirmatione Photii consensum praeberemus et subscriberemus“ [21]. Очевидно, что дѣло шло только о согласіи на рѣшеніе собора и не касалось посторонняго предмета, заявленнаго Николаемъ изъ личныхъ и честолюбивыхъ разсчетовъ. Письмо Фотія еще менѣе, прямотою и сознаніемъ справедливости его автора, въ состояніи было удовлетворить самолюбію папскому. Письмо это составляетъ образецъ ума, знанія дѣла, чистоты помысловъ и любви къ миру и согласію. Въ началѣ его, авторъ подробно распространяется о прелестяхъ прежней своей жизни, сосредоточенной на наукѣ и обученіи, и съ грустію отзывается о томъ, чего онъ лишился теперь, принявъ званіе патріарха, навязанное ему противъ воли. Упомянувши за этимъ, что долгъ христіанина обязывалъ бы скорѣе сочувствовать ему и сожалѣть о немъ, онъ переходитъ къ сдѣланному папою, какъ видѣли мы, упреку, будто возвышеніемъ Фотія въ патріархи прямо изъ мірянъ нарушены постановленія церковныя. При этомъ сильно опровергаетъ онъ мнѣніе

---

[21] Рачкій, тамъ-же, стр. 122, прим. 3.

папское, опираясь на самыя церковныя постановленія и на примѣры изъ предшествующей исторіи церкви. Относительно первыхъ замѣчаетъ, что церковь константинопольская не знаетъ подобныхъ постановленій и подробно разсуждаетъ, что въ дѣлахъ административныхъ единство никогда не признавалось церковью безусловно необходимымъ, точно такъ-же, какъ и въ обрядности, и указываетъ при этомъ на частныя различія между востокомъ и западомъ, не нарушавшія, однакоже, ни мало цѣлости церкви вселенской. Примѣры опровергаютъ еще рѣзче возраженія папы: въ числѣ ихъ Фотій приводитъ знаменитѣйшихъ іерарховъ какъ восточной, такъ и западной церкви, возведенныхъ въ высшій духовный санъ не только прямо изъ мірянъ, но нѣкоторыхъ изъ язычниковъ. Въ заключеніи, говоритъ о территоріальныхъ владѣніяхъ и объявляетъ, что этотъ вопросъ подлежитъ не его вѣдѣнію, а государственной власти, такъ-какъ дѣло идетъ объ областяхъ; наконецъ, упрекаетъ папу, что онъ дѣйствуетъ противъ каноновъ, принимая къ себѣ различныхъ людей, бѣгущихъ съ востока безъ довѣрительныхъ граммать и распространяющихъ ложные слухи и клеветы, нарушающіе миръ и согласіе [22]. Письмо это западные писатели называютъ льстивымъ; но достаточно самаго бѣглаго вниманія, чтобы отвергнуть такой отзывъ и признать за Фотіемъ всю полноту благородства какъ въ защищеніи себя, съ сознаніемъ своей правоты и достоинства, такъ и въ укоризнахъ папѣ, выраженныхъ съ твердостью и при томъ съ христіанскимъ смиреніемъ. Да и характеръ Фотія слишкомъ противорѣчитъ всякой лести: его твердость и рѣзкость извѣстны и въ письмахъ Вардѣ и въ поступкѣ съ императоромъ Василіемъ, послужившемъ причиною низложенія Фотія.

Изъ этихъ писемъ папа ясно увидѣлъ свой обманъ: соборъ низложилъ Игнатія и утвердилъ Фотія; въ лицѣ своихъ послан-

никовъ принималъ участіе въ такомъ рѣшеніи и самъ папа, а между тѣмъ главнѣйшая его цѣль, въ зависимость отъ которой такъ искусно думалъ онъ поставить и признаніе или непризнаніе Фотія, прошла на востокѣ безъ малѣйшаго вниманія. Напротивъ, патріархъ Фотій и теперь относился къ нему совершенно также, какъ относились и въ прежніе вѣка патріархи къ папамъ, т. е. какъ равный къ равному. Честолюбіе Николая не могло успокоиться тѣмъ болѣе, что подобные случаи, когда предвидится такъ много надежды на удовлетвореніе непомѣрныхъ притязаній, выдаются не часто. У него оставалось еще одно средство поправить дѣло, и онъ ухватился за него. Объявивши, что посланники его, Родоальдъ и Захарія, вынуждены были угрозами на соборѣ подтвердить низложеніе Игнатія и избраніе Фотія, Николай отвергъ постановленія собора. Какъ ни беззаконно это средство, какъ ни очевидно опровергается оно самымъ распоряженіемъ папскимъ, но западные писатели вѣрятъ въ его основательность и продолжаютъ порицать обоихъ епископовъ за слабость и продажность, ссылаясь при этомъ на описаніе Анастасія библіотекаря. Послѣдній, дѣйствительно, въ ряду другихъ нелѣпостей, утверждаетъ, будто, при чтеніи папскихъ посланій на соборѣ, они были измѣнены, и что непонимавшіе языка послы, хотя и замѣчали это искаженіе, но молчали изъ боязни. Можно ли придумать что-либо еще неестественнѣе и безобразнѣе подобной отговорки? Неужели папа Николай, задумывая такое важное предпріятіе съ Царемградомъ, отправилъ туда людей и невѣжественныхъ и слабодушныхъ! А что это было дѣйствительно не такъ, лучшимъ свидѣтельствомъ можетъ служить от-

[22] См. переводъ этого письма въ «Правдѣ вселен. церкви», стр. 224—230. Зернина, «Очеркъ жизни констант. патріарха Фотія», Москва, 1858, стр. 25—40.

правленіе того-же Родоальда, въ концѣ ноября, 862 года, на подвигъ не менѣе требовавшій энергіи и рѣшительности, именно въ Галлію, для расторженія, въ качествѣ легата папскаго, брака короля Лотаря II, отправленіе, послѣдовавшее послѣ обнаруженія дѣйствій его въ Царьградѣ; не забудемъ, что въ грамматѣ своей по этому случаю папа называлъ его „вѣрнымъ римской церкви и столпомъ апостольскаго престола, поручая ему, страхомъ оной содержать епископовъ на соборѣ“ [23]. Какъ же согласить такой приговоръ папы Николая съ замѣчаніемъ Анастія библіотекаря о слабодушіи обоихъ епископовъ римскихъ, подписавшихъ рѣшеніе собора 861 года? Откуда заимствуютъ западные писатели извѣстіе о подкупности Захарія и Родоальда—намъ неизвѣстно, за-то тѣмъ настоятельнѣе необходимо было осужденіе ихъ, ежели оно справедливо; между тѣмъ папа пока не только не думалъ осуждать ихъ, но Родоальду, какъ лицу довѣренному, далъ новое, не менѣе важное назначеніе.

Обманутый въ своихъ надеждахъ результатомъ цареградскаго собора и стараясь поправить свои интересы и поставить дѣло въ число нерѣшенныхъ, папа Николай отправляетъ, въ мартѣ 862 года, три посланія: одно окружное къ церквамъ восточнымъ, другое на имя Фотія, третье, отъ 19 марта, на имя императора. Всѣ три посланія проникнуты тѣмъ-же самовластіемъ и надменностію, съ какими писаны были и первыя посланія, въ отвѣтъ на избраніе Фотія. Восточныхъ іерарховъ увѣдомлялъ папа, что апостольскій престолъ ни какимъ образомъ не можетъ допустить низложенія патріарха Игнатія и рѣшаетъ считать его въ томъ-же званіи, присоединяя при этомъ, что право суда надъ всѣми принадлежитъ каѳедрѣ римской, ко-

---

[23] Срв. тамъ-же, стр. 230.

торая, въ свою очередь, не судится ни кѣмъ, кромѣ Спасителя. Къ императору же, напротивъ, писалъ, что не согласится на признаніе Фотія и на отверженіе Игнатія до тѣхъ поръ, пока ни уяснится все дѣло: quousque veritas, omni falsitatis fuco nudata, in praesentia nostra eluceat [24]; увѣрялъ, что онъ вовсе не уполномачивалъ своихъ пословъ производить судъ, а только собрать свѣдѣнія и сообщить ему, и за-тѣмъ убѣждалъ прекратить несогласія между восточными епископами судомъ римской церкви, при чемъ снова, съ прежними притязаніями, разражается въ доказательствахъ первенства и главенства послѣдней. Еще съ бо́льшею рѣзкостью обратился онъ къ Фотію, титулуя посланіе свое такъ: Nicolaus servus servorum Dei *prudentissimo* viro Photio [25]. Изъ этого титула уже ясно было видно, что папа не признаетъ Фотія, и свое непризнаніе объясняетъ тѣмъ, что опредѣленія римской церкви, какъ главы всѣхъ остальныхъ, должны быть непремѣнно исполняемы остальными, хотя-бы они и противорѣчили обыкновеніямъ; такъ-какъ Фотій вступилъ на патріаршество противъ этихъ постановленій, которыя должны быть ему извѣстны, то и не можетъ имѣть никакого оправданія. Здѣсь уже прямо опирается папа на декреталіи, придавая, вопреки всей предшествующей исторіи христіанства, такое безусловное значеніе церкви римской. Николай не забылъ коснуться и опроверженія приведенныхъ Фотіемъ примѣровъ, но его опроверженіе обнаруживаетъ всю искусственность и натянутость, какими отличаются подобныя письма этого папы. Относительно одного примѣра, указываетъ онъ на отсутствіе другихъ достойныхъ людей, избраніе другаго объясняетъ подвигами пра-

[24] Mansi, XV, 170.
[25] Тамъ-же, XV, 174.

вославія, наконецъ, третьяго оправдываетъ чудесами. Но ничего не нашелся сказать онъ о выборѣ изъ міранъ константинопольскаго патріарха Никифора, того Никифора, который отправилъ папѣ, Льву III, панагію (т. е. наперсное украшеніе архіереевъ), что, если-бы то сдѣлано было со стороны кого-либо изъ папъ патріарху цареградскому, писатели западные не замедлили бы обратить въ доказательство власти перваго надъ послѣднимъ, и который такъ энергически въ посланіи своемъ тому-же папѣ доказывалъ единство и равенство всей церкви вселенской [26]; ни чѣмъ не опровергнулъ Николай и пріемъ у себя въ Римѣ возмутителей, тайкомъ уходившихъ изъ Константинополя.

Вникая въ сущность дѣла, нельзя не увидѣть страннаго противорѣчія себѣ папы. И въ первомъ посланіи его къ Фотію и во второмъ — обстоятельство приводится одно и то-же, т. е. возвышеніе Фотіево изъ міранъ, и между тѣмъ въ первомъ посланіи Николай только указываетъ на это, не считая, однакоже, этого вовсе препятствіемъ признать его въ званіи патріарха, если только окажется онъ содѣйствующимъ православію; теперь-же, послѣ того какъ и въ правильности вѣры Фотія убѣдился папа изъ присланнаго имъ исповѣданія вѣры, онъ, единственно за прежнее и недавнее его мірское званіе, отказываетъ Фотію въ патріаршествѣ. Побужденія слишкомъ очевидны, когда сообразимъ, что ни верховничество папы не было признано, ни территоріальныя его притязанія не остановили на себѣ вниманія въ Константинополѣ. Тѣмъ не менѣе, Николай, какъ видно изъ письма къ императору, не думалъ еще рѣшать дѣла окончательно: онъ предлагаетъ судъ въ Римѣ и, разумѣется,

---

[26] Авд. Вост., стр. 235 — 236.

съ тѣмъ предположеніемъ, что, поставивши въ соперничество обоихъ патріарховъ, скорѣе въ состояніи будетъ достигнуть своихъ цѣлей.

Но, видно, понялъ Николай, съ кѣмъ пришлось ему имѣть дѣло, а потому, не дождался отвѣта, вѣроятно, возбуждаемый бѣжавшими съ востока и принесшими посланіе будто-бы отъ Игнатія, за подписью десяти архіепископовъ и пятьнадцати епископовъ, созвалъ въ Римѣ соборъ (вѣроятно въ 863 году), изъ западныхъ епископовъ, на которомъ Фотій былъ объявленъ лишеннымъ сана патріаршаго и священническаго, равно признаны лишенными своего званія и всѣ тѣ, кто былъ рукоположенъ Фотіемъ; Игнатій былъ признанъ законнымъ патріархомъ, а вмѣстѣ и епископы, которые, какъ его приверженцы, были удалены. Увѣдомляя объ этомъ рѣшеніи восточное духовенство, Фотія и самого Игнатія, папа грозилъ проклятіемъ и вѣчною мукою какъ свѣтской, такъ и духовной властямъ, ежели онѣ осмѣлятся нарушить это опредѣленіе. Тутъ-же произнесено было осужденіе и Захаріи, будто-бы неправильно выполнившему свое назначеніе; что-же до Родоальда, то дѣло было отложено до его возвращенія. Дѣянія этого собора не существуютъ, и опредѣленія его извѣстны лишь изъ посланія папы. Замѣчательно, какъ римляне умѣютъ уничтожать то, что могло бы свидѣтельствовать противъ нихъ. Во всякомъ случаѣ, поступокъ папы очевидно беззаконенъ уже и потому, что онъ рѣшаетъ осужденіе патріарха, основываясь на однихъ слухахъ противной стороны, не упоминая даже и о томъ, черезъ кого дошли до него эти слухи.

Но чѣмъ болѣе старался возвысить свои требованія папа, тѣмъ менѣе обращалось на нихъ вниманія на востокѣ и тѣмъ успѣшнѣе соединяли они іерарховъ восточныхъ въ одно цѣлое.

Послѣдніе ясно понимали всю беззаконность претензій папскихъ, видѣли опасность отъ нихъ для блага церкви и плотнѣе примкнули къ Фотію, въ которомъ одномъ находили достаточно силъ и способностей, чтобы противодѣйствовать Николаю. Что-же касается до папскихъ проклятій и отлученій, то еще менѣе придавалось имъ вѣсу, и письмо императора Михаила къ Николаю могло вполнѣ убѣдить его, какъ слабо подобное оружіе его на востокѣ. Михаилъ рѣзко возсталъ въ этомъ письмѣ противъ той власти, какую присвоивалъ себѣ папа въ посланіяхъ и дѣйствіяхъ, объявилъ, что послы его призваны были единственно для чести, а вовсе не съ тѣмъ, чтобы подчинить восточную церковь суду папскому, и чтобы въ нихъ присутствіи подтвердилось избраніе Фотія, состоявшееся съ согласія всѣхъ восточныхъ патріарховъ, и тѣмъ отстранилось несогласіе среди восточнаго духовенства. Письмо это было послано съ первымъ совѣтникомъ, Михаиломъ, въ концѣ 864 года.

Можно вообразить, до какой степени раздражило это письмо самолюбиваго и честолюбиваго папу: въ пылу, конечно, гнѣва написалъ онъ тотъ отвѣтъ, который рѣзкостью, доходящею до неприличной его званію брани, будетъ на-всегда служить доказательствомъ непомѣрной гордости его и запальчивости. Письмо это, правда, погибло, но содержаніе сохранилось въ другомъ письмѣ того-же папы [27].

Съ сихъ поръ, до ноября 866 года, мы не видимъ никакихъ сношеній между Римомъ и Царьградомъ. Императоръ, равно и церковь восточная, считали, какъ замѣтно, излишнимъ не только придавать какое-либо значеніе голосу Николая, но находили неумѣстнымъ и отвѣчать ему больше на заносчивыя и при-

---

[27] См. Рачкій, стр. 167, прим. 2.

тязательныя его посланія. Такая невнимательность со стороны востока и сознаніе своего собственнаго безсилія въ дѣлахъ его не давали Николаю покоя; онъ искалъ случая возобновить сношенія, чтобы попытаться еще разъ выиграть то положеніе, какое опредѣлилъ онъ въ умѣ своемъ, — и воспользовался отправленіемъ посольства въ Болгарію по дѣламъ церковнымъ. Къ этому посольству присоединилъ онъ епископа Доната, священника Льва и дьякона Марина, съ тѣмъ, чтобы черезъ Болгарію они прошли въ Царьградъ и сообщили о томъ, что рѣшилъ престолъ римскій, касательно церкви константинопольской. Посланникамъ вручены были письма и императору, и императрицѣ, какъ вдовствующей Ѳеодорѣ, такъ и Евдокіи, женѣ Михаила, и цесарю Вардѣ, и Игнатію, и Фотію и всѣмъ митрополитамъ и епископамъ восточнымъ. Особенно замѣчательно письмо императору, въ которомъ требуетъ папа, чтобы онъ уничтожилъ послѣднее свое письмо, столь оскорбительное его достоинству; въ противномъ случаѣ, угрожалъ созвать въ Римѣ соборъ, въ его присутствіи, воткнуть это письмо на древко и, вмѣстѣ съ другими актами, сжечь, на посрамленіе церкви восточной; снова требуетъ къ себѣ на судъ патріарховъ и, въ заключеніе, поручаетъ своихъ пословъ. Но Михаилъ не только не принялъ писемъ отъ пословъ римскихъ, но запретилъ и ихъ самихъ пускать въ предѣлы своего государства, приказавши объявить имъ, что они больше не нужны ему, какъ сообщаетъ объ этомъ Анастасій библіотекарь: *imperator noster vos necessarios jam non habet*, объявилъ имъ пограничный начальникъ Ѳеодоръ[28].

[28] Anastasii Bibliothecarii de vitis pontificum romanorum, Parisiis, 1649, стр. 220. Вотъ цѣльное его описаніе обращенія съ легатами: ecce inter fines Bulgariæ Constantinopolitanorumque quendam Theodorum illam custodientem invenerunt, qui eos ultra

Тутъ-же объявлено имъ было, что и впредь не допустятъ ихъ до столицы, доколѣ ни предадутъ римляне проклятію всѣ нововведенія церкви римской, отвергаемыя восточною[29]. Письма были подписаны 13 ноября, 866 года; въ числѣ писемъ было и письмо Вардѣ, но прошло уже полгода, какъ онъ былъ убитъ, по приказанію Михаила, и на его мѣсто, въ званіе цесаря, поставленъ былъ Василій Македонянинъ.

Доселѣ мы замѣчаемъ полное спокойствіе со стороны Фотія, какъ въ посланіяхъ къ папѣ, такъ и вообще въ его отношеніяхъ къ нему, не смотря на самыя оскорбительныя дѣйствія послѣдняго и до неприличія унизительныя выраженія на-счетъ Фотія въ письмахъ: Николай позволилъ себѣ даже, послѣ собора римскаго, сравнить въ посланіи своемъ вступленіе на патріаршество Фотія съ дѣйствіями татей и разбойниковъ. Подобное спокойствіе доказываетъ убѣдительнѣе всего величіе души новаго византійскаго патріарха, равнодушно терпѣвшаго оскорбленія, пока касались они единственно его личности. Но тотъ-же Фотій возсталъ съ полною энергіей противъ папы, какъ скоро послѣдній осмѣлился отнестись подобнымъ же образомъ къ церкви, съ цѣлію унизить патріархатъ константинопольскій и отнять отъ него то значеніе, какое освящено за нимъ всѣми вселенскими соборами, начиная со втораго.

Поводомъ къ этому послужили дѣла болгарскія.

Въ началѣ послѣдней четверти седмаго столѣтія, обитавшіе

---

non dimisit abire, quin potius innumeris eos denotans injuriis adeo tantæ sedis legatis abusus est, ut etiam equorum, in quibus sedebant, capita percuteret, diceretque: imperator noster vos necessarios jam non habet.

[29] См. «Камень соблазна», Ильи Минятія, перев. Евграфа Ловягина, Спб. 1854, стр. 28.

въ донскихъ предѣлахъ болгары раздѣлились на нѣсколько отрядовъ и направились на западъ. Одинъ изъ этихъ отрядовъ остановился въ нижнихъ частяхъ Дуная, скоро перебрался за Дунай, сдѣлался грозою византійской имперіи и образовалъ, въ IX столѣтіи, обширное государство на полуостровѣ балканскомъ; другой, также сильный и многочисленный, утвердился въ юговосточной половинѣ нынѣшней Венгріи, по берегамъ Тиссы и Марошы, въ древней Паннонiи. Связь между обѣими частями установилась не ранѣе, впрочемъ, первыхъ годовъ девятаго вѣка, когда Крумъ явился единымъ верховнымъ повелителемъ болгаръ дунайскихъ и тисскихъ.

При слабости правительства византійскаго, при жаждѣ къ завоеваніямъ и при воинственности полудикаго еще народа болгарскаго, родственнаго съ татаро-турецкими выходцами изъ отдаленнаго азіатскаго востока, не трудно понять быстрые успѣхи, какими сопровождалось устройство новаго царства въ областяхъ, входившихъ въ составъ имперіи восточной. Въ началѣ второй половины девятаго столѣтія, мы находимъ Болгарію, какъ независимое государство, заключенною уже въ слѣдующихъ границахъ: съ одной стороны, съ сѣвера на югъ, между Дунаемъ и Балканами, съ другой, съ запада на востокъ, между рѣкою Тимокомъ и Чернымъ моремъ. Тутъ находилась и столица государства, знаменитая нѣкогда Прѣслава. По этимъ не исчерпывались еще владѣнія государей болгарскихъ: по ту сторону Балканъ, въ древней Ѳракіи, лежало Загорье, столь важная, и въ торговомъ и въ военномъ отношеніи, область; къ юго-западу отъ нея, граница Болгаріи захватывала значительную часть сѣверной Македоніи, названную Славиніей или позже, по имени господствующаго народа, Болгаріей[30]. Едва-ли можно сомнѣваться,

[30] Du Cange, gloss. med. graec. II, 1392 «Σκλαβινία ἢ Βουλγαρία».

что нѣкоторыя поколѣнія Славянъ, обитавшихъ и въ византійской половинѣ Македоніи, по направленію къ Солуню, платили дань государямъ Болгаріи, по крайней мѣрѣ, слѣдующее мѣсто изъ Іоанна Каменіата даетъ право дѣлать такое предположеніе; вотъ какъ говоритъ онъ о своей родинѣ: „равнина солунская имѣетъ въ серединѣ много поселеній, между которыми одни подчинены городу (Солуню) и ему платятъ дань, какъ дряговичи и сакулаты; другія опять платятъ дань ближайшему народу славянскому“ [31]. Подъ ближайшимъ народомъ славянскимъ нельзя разумѣть никого другаго, кромѣ болгаръ, значительно уже перемѣшанныхъ, въ пору приведеннаго автора, съ славянами. Отъ Славиніи кривою чертою переходила граница по верхнему Вардару въ Епиръ, захватывая и озеро охридское.

Само собою понятно, что коренное народонаселеніе обширной этой области оставалось то-же, какое было въ этихъ мѣстахъ и до прихода болгаръ, явившихся сюда съ характеромъ чисто дружиннымъ, слѣдовательно, не всею народною массою, а только одною ея частью, наиболѣе способною и склонною къ завоеваніямъ. Туземное же населеніе состояло изъ славянъ, начало поселенія которыхъ по Дунаю, и съ сѣвера и съ юга, восходитъ въ глубочайшую древность, а дальнѣйшее передвиженіе къ Балканамъ и по ту ихъ сторону уже оканчивалось къ той порѣ, когда страна задунайская сдѣлалась предметомъ завоеваній болгаръ. Видно, скоро сжились выходцы съ туземными обитателями, когда византійская имперія не встрѣчала съ ихъ стороны поддержки и защиты противъ грозныхъ и не рѣдко опустошительныхъ набѣговъ въ ея области болгаръ: не разъ сама столица находилась въ опасномъ положеніи быть захваченною царями болгарскими и очень часто принуждена была ви-

[31] De excidio Thessalonicensi, гл. 6, Parisiis, стр. 322—23.

дѣть, какъ ближайшія къ ней окрестности опустошались ихъ войсками [32]. Казалось, все шло къ тому, что Византія сдѣлается престольнымъ городомъ болгарскимъ и власть восточныхъ императоровъ перейдетъ въ руки варваровъ, наслѣдниковъ Крума. Матеріальныя средства византійцевъ оказывались явно недостаточными, чтобы отразить грозу, и естественно, необходимо должны были они обратить все свое вниманіе на средства духовныя и отъ нихъ ожидать себѣ спасенія. Не смотря на то, что въ областяхъ, вошедшихъ въ составъ царства болгарскаго, издавна были посѣяны сѣмена христіанской религіи, нѣсколько уже столѣтій какъ устроены были въ нихъ епархіи даже съ митрополіей, — пришлый и господствующій народъ все еще оставался въ язычествѣ, и въ самомъ девятомъ столѣтіи, въ ряду государей болгарскихъ, являются даже гонители христіанъ. Искорененіе язычества и распространеніе христіанства среди новаго народа становилось, такимъ образомъ, въ глазахъ грековъ, не только дѣломъ человѣколюбія, душеспасительнымъ, но и требованіемъ политическихъ разсчетовъ и соображеній: лишь съ христіанствомъ могли быть прочны узы родства, въ которые охотно готовы были вступать императоры византійскіе съ государями Болгаріи; только при христіанствѣ можно было надѣяться и на твердость мирныхъ договоровъ, не имѣвшихъ обыкновенно никакой нравственной обязательной силы для азіатскихъ язычниковъ, не взирая на ихъ языческія клятвы и обѣщанія. Конечно, одно христіанство въ состояніи было образовать и

---

[32] Желающій познакомиться ближе съ переселеніемъ болгаръ за Дунай и съ ихъ завоеваніями можетъ прочитать Палаузова — «Вѣкъ болгарск. царя Симеона», Спб. 1852, стр. 1—20, и Гильфердинга — «Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ», Москва, 1855, письмо 2-е и 3-е.

дружественныя отношенія сосѣднихъ правительствъ и тѣмъ поддержать расшатавшуюся старую монархію. Но опыты всѣхъ народовъ представили самое убѣдительное доказательство, что успѣхъ христіанскаго просвѣщенія въ массѣ народной тѣмъ непосредственнѣе и сильнѣе зависитъ отъ обращенія ея представителей, чѣмъ вообще ниже стоитъ народъ въ своемъ развитіи и чѣмъ глубже проникнутъ онъ началами патріархальности. Не мудрено, что преимущественная заботливость и греческихъ проповѣдниковъ сосредоточена была на главѣ болгарскаго народа, на его государѣ.

Время и обстоятельство крещенія болгарскаго князя Богориса, до сихъ поръ составляютъ еще спорный вопросъ въ наукѣ. Правда, различіе мнѣній не имѣетъ существенной важности для главнаго дѣла, для крещенія болгаръ, потому что несогласіе ученыхъ ограничивается почти единственно въ опредѣленіи года, — и мы спокойно могли бы обойти молчаніемъ этотъ вопросъ, если-бы онъ не имѣлъ ближайшаго отношенія къ главному нашему предмету, къ дѣятельности первоучителей славянскихъ.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ обращеніи Богориса къ христіанству принимали дѣятельное участіе первоучители славянскіе, особенно Меѳодій, хотя и не возможно отвергать того, что взглядъ князя значительно былъ уже подготовленъ въ пользу новой религіи и плѣннымъ греческимъ монахомъ, Ѳеодоромъ Куѳарою, и возвращенною изъ Царьграда сестрою Богориса, съ дѣтства христіанкою [33]. Памятники славянскіе, и восточные и

---

[33] См. Палаузова «Вѣкъ болг. царя Свм.», стр. 21—22, а также статью: «О началѣ христіанства, его распространеніи и утвержденіи между болгарами», Христіан. чтеніе, 1858, ч. II, стр. 231 — 234.

западные, говорятъ объ участіи Кирилла и Меѳодія положительно. Такъ, жизнеописатель св. Климента: *οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ τὸν τῶν Βουλγάρων ἄρχοντα Βορίσην, ὃς ἐπὶ τοῦ τῶν Ρωμαίων βασιλέως Μιχαὴλ ἦν, καὶ τοῦτον ὁ μέγας Μεθόδιος καὶ πάλαι μεν τέκνον ἐποιήσατο, καὶ τῆς οἰκείας γλώσσης τῆς πάντα καλῆς ἐξηρτήσατο*[34]. Моравская легенда: egressus vero (Constantinus cum germano Methudio) venit primo ad Bulgaros, quos divina cooperatrice gratias sua praedicatione convertit ad fidem[35]; легенда о св. Людмилѣ: Sanctus Cyrillus... postquam Bulgariam ad fidem Jesu Christi convertisset, Moraviam est ingressus[36]. О томъ-же свидѣтельствуютъ и многіе другіе писатели, какъ: преподобный Несторъ[37], монахъ изъ Градиште, старая лѣтопись хорватская[38] и др. Не говорятъ только объ этомъ древнѣйшія житія паннонскія, но едва-ли есть основаніе отвергать на ихъ молчаніи свѣдѣнія другихъ источниковъ, изъ которыхъ первый не уступаетъ имъ ни въ древности, ни въ точности, ни въ возможности автора знать обстоятельно то, о чемъ писалъ онъ. Къ тому-же, неупоминаніе о дѣятельности Меѳодія, при обращеніи Бориса, въ паннонскихъ житіяхъ весьма легко оправдать тѣмъ, что оба они имѣли въ виду почти исключительно изложеніе главнѣйшихъ подвиговъ св. братьевъ, именно посольство ихъ

---

[34] Т. е. «и князя болгарскаго Бориса, во время царствованія римскаго императора Михаила, великій Меѳодій уже давно сдѣлалъ своимъ чадомъ и всецѣло привлекъ его къ прекрасному своему языку». Vita S. Clementis, Miklosich, Vindobonae, 1847, стр. 6.

[35] Добров. Mährisch. Legende, стр. 17.

[36] Добров. «Кириллъ и Меѳодій». Москва, 1825, стр. 29.

[37] Шлецеръ, т. II, 413 — 416.

[38] Arkiv za pov. jugosl. kn. 1, стр. 13.

къ сарацинамъ, хозарамъ и въ Моравію: мы постараемся доказать сей-часъ, что пребываніе Меѳодія въ Болгаріи и его участіе въ просвѣщеніи князя скорѣе было дѣломъ случая, мимоходнымъ.

Но неужели не оставили никакихъ свидѣтельствъ объ этомъ событіи греки, для которыхъ такъ важенъ былъ религіозный переворотъ въ Болгаріи, особенно, какъ скоро касался онъ самого князя? Нѣтъ, говорятъ и греки, и точно также главнѣйшимъ дѣятелемъ ставятъ Меѳодія, хотя и не называютъ его братомъ Кирилла и вообще не опредѣляютъ точнѣе. Въ числѣ лѣтописцевъ, упоминающихъ объ этомъ, извѣстны трое: Іоаннъ Скиллица, Кедринъ и продолжатель Константина; по ихъ увѣреніямъ, Богорисъ призвалъ къ себѣ какого-то монаха Меѳодія, живописца, который нарисовалъ картину страшнаго суда, бывшую причиною обращенія князя въ христіанство. Что-же это былъ за Меѳодій, имѣетъ ли онъ какое либо отношеніе или родство съ нашимъ Меѳодіемъ? Шлецеръ [30], съ свойственною ему рѣзкостью, осмѣялъ тѣхъ, кто отожествлялъ оба лица, извѣстныя по источникамъ славянскимъ и греческимъ, съ самоувѣренностью знатока утверждая, что братъ Кирилловъ не былъ ни монахомъ, ни римляниномъ, какимъ изображается Меѳодій у Кедрина и Константинова продолжателя (*«Μεθόδιόν τινα μόναχον Ρωμαῖον τὸ γένος, ζωγράφον τὴν τέχνην», «Μόναχόν τινα τῶν καθ' ἡμᾶς Ρωμαῖον ζωγράφον, Μεθόδιος ὄνομα τῷ ἀνδρί»*). Что Меѳодій, братъ Кирилла, былъ монахомъ, въ этомъ не можетъ и не должно быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ, какъ византійскій грекъ, могъ быть названъ *ρωμαῖος*, это также естественно, какъ и то, что подобное названіе не рѣдко прилага-

[30] Тамъ-же, II, стр. 446.

лось цѣлому народу греческому съ тѣхъ поръ, какъ Константинополь получилъ имя втораго Рима. По этому ни сколько не удивительно, если Добровскій такъ рѣшительно опровергаетъ Шлецера, хотя и не рѣшается высказаться положительно въ пользу единства Меѳодія греческаго съ Меѳодіемъ славянскимъ [40], ограничившись приведеніемъ мнѣнія Ассеманія, по которому Меѳодія живописца слѣдуетъ признать за славянскаго первоучителя, такъ-какъ сходятся и время, и имя, и мѣсто проповѣди, наконецъ, и свидѣтельства историческія, говорящія о проповѣди Меѳодія и Кирилла сначала въ Болгаріи, а потомъ въ Моравіи. Но Меѳодій Скиллицы, Кедрина и Константинова продолжателя, скажутъ, былъ живописецъ, тогда какъ нѣтъ ни малѣйшаго намека въ самыхъ подробныхъ жизнеописаніяхъ св. братьевъ, чтобы хотя одинъ изъ нихъ занимался живописью. На молчаніи основываться еще нельзя; вѣдь не говорятъ же жизнеописанія, въ свою очередь, что Меѳодій и *не занимался* живописью; къ тому-же, для насъ въ настоящія минуты важно не то, былъ ли дѣйствительно или нѣтъ Меѳодій живописцемъ, а то, что въ монахѣ Меѳодіи, упоминаемомъ тремя писателями греческими, нельзя понимать ни кого другаго, кромѣ брата Кириллова. Весьма возможно, что писатели эти, какъ жившіе уже въ X — XI столѣтіи, смѣшали нѣсколько обстоятельства и пріурочили Богорису болгарскому то, что принадлежитъ Владиміру русскому, т. е. обращеніе въ христіанство, по поводу страха страшнаго суда, изображеннаго на картинѣ, но вѣрно удержали имя и званіе того лица, какому приписываютъ столь важное участіе въ обращеніи болгарскаго князя источники славянскіе. Не даромъ призналъ единство обоихъ Меѳодіевъ и зна-

---

[40] «Кир. и Меѳод.», Москва, 1825, стр. 61 — 62.

менитый Шафарикъ [41]; принялъ его и Палацкій, въ своей исторіи чешскаго народа [42].

Но принималъ ли участіе св. Меѳодій въ крещеніи князя болгарскаго? Вопросъ этотъ связанъ съ другимъ вопросомъ — къ какому году приличнѣе относить это событіе? Съ тѣхъ поръ, какъ ученый Паджи, 1624—1699, въ своемъ историческомъ лѣтосчисленіи указалъ на 861 годъ, какъ на время крещенія Бориса [43], большинство ученыхъ признало этотъ годъ за несомнѣнно дѣйствительный. Опроверженія другаго ученаго, Ассемани [44], назначившаго 865-й годъ для крещенія Бориса, мало обратили на себя вниманія, и Шафарикъ въ своихъ „славян. древностяхъ" [45] объявилъ рѣшительно, что *důvody od Pagiho a Rittera přednešené jsou nepřemožené.* Съ этой поры еще положительнѣе утвердилось мнѣніе, что крещеніе совершено прежде отправленія Кирилла и Меѳодія въ Моравію, слѣдовательно, до 863 года, всего вѣроятнѣе, въ указанный годъ

---

[41] Slovan. Starož. стр. 817.

[42] Dějiny českého národu, I, 137. Въ одной изъ новѣйшихъ статей о Кириллѣ и Меѳодіи («Жизнь и подвиги первоучителей славян. К. и М.». Харьковъ, 1862, прим. 24), почему-то дается предпочтеніе мнѣнію Шлецера; авторъ ея также опирается почти исключительно на названіи ῥωμαῖος, будто не соотвѣтствующемъ греку и означающемъ римлянина. А за чѣмъ-же не обратилъ онъ вниманія на то-же названіе относительно грековъ хоти въ извѣстномъ ему житіи Климента? Что до времени, то оно сходится вполнѣ.

[43] См. Critica in Baronii annales, Genevae, 1727, tom. III, стр. 657, ad an. 866.

[44] Calend. ecclesiae universae, Romae, 1755, III, стр. 120.

[45] Slov. Starož. стр. 589.

у Паджи. Такъ полагаетъ и преосв. Макарій [46], и авторъ почтеннаго труда „О времени происхожденія слав. письменъ“ [47], и Палаузовъ [48], и Гильфердингъ [49] и другіе [50]. Основаніе какъ Паджи, такъ и другіе почерпнули изъ писателей византійскихъ, извѣстныхъ уже намъ, Никиты Пафлагонянина и Симеона Логотета. Первый, упомянувши о великомъ землетрясеніи, грозою котораго былъ побужденъ Варда, гонитель патріарха Игнатія, немедленно-же выпустить послѣдняго изъ темницы, прибавляетъ: „и тотчасъ-же перестала трястись земля, и болгары, Божіимъ провидѣніемъ, стѣсненные голодомъ и укрощенные дарами императора, положивши оружіе, очистились св. крещеніемъ“ [51]. Приведенное землетрясеніе случилось въ августѣ, 860 года; но при неточности хронологической, какая вообще замѣтна у этого писателя, можно ли съ полнымъ правомъ выводить изъ его сказанія 861 годъ крещенія Богориса? При такомъ характерѣ извѣстія, одинаково позволительно думать и о 860 годѣ, какъ и о послѣдующихъ за 861-мъ, и послѣднее тѣмъ справедливѣе, что Никита Пафлагонянинъ, очевидно, хотѣлъ только вообще указать на благодѣтельныя послѣдствія освобожденія защищаемаго имъ патріарха. Что касается до свидѣтельства Симеона Ло-

---

46 «Ист. христ. церкви въ Россіи до равноапост. князя Владиміра», Спб. 1846, стр. 201 — 202.

47 Москва, 1855, стр. 353 — 360.

48 «Вѣкъ...» стр. 22 — 23.

49 Письма, I, 57 — 58; о Кириллѣ и Меѳодіи и тысячелѣтней ихъ годовщинѣ, Москва, 1862, стр. 14, — особый оттискъ изъ газеты «День».

50 Срав. Чт. общ. ист. и др. 1862, кн. 2, Дювернуа, и статью «О началѣ христіанства, его распространеніи и утвержденіи между болгарами», Хр. чтен., 1858, стр. 235.

51 Mansi, XVI, стр. 245.

готета, увѣряющаго, что „въ четвертый годъ царствованія, Михаилъ съ цесаремъ Вардою повелъ войско противъ болгарскаго князя Богориса и сушею и моремъ. Увѣдомленные объ этомъ болгары, и безъ того стѣсненные голодомъ, обѣщали креститься и покориться императору римскому". Но, во 1) желаніе креститься еще не есть самое крещеніе, во 2) Симеонъ Логотетъ, какъ писатель позднѣйшій, жившій спустя сто лѣтъ послѣ описанныхъ имъ событій, руководился другими писателями и вставлялъ обыкновенно годы по собственному соображенію, ежели не находилъ ихъ, какъ и въ настоящемъ случаѣ, у предшественниковъ. Впрочемъ, было бы не основательно не принимать и этихъ указаній и не вѣрить имъ, какъ дѣйствительнымъ, если-бы не было ничего имъ противорѣчащаго и если-бы такое противорѣчіе не отличалось бо́льшею историчностью и близостью къ истинѣ.

О крещеніи Бориса сохранилось извѣстіе у современнаго ему лица, съ которымъ находился нѣкоторое время болгарскій князь довольно въ близкихъ отношеніяхъ. Лицо это — папа Николай I. Вотъ какъ говоритъ онъ въ посланіи своемъ къ епископу констанскому, Соломону, прибывшему, въ маѣ, 864 года, въ Римъ, по приказанію и по дѣламъ короля Людовика: „quia vero dicis, quod christianissimus rex (Ludovicus) speret, quod ipse rex Vulgarorum ad fidem velit converti et jam multi ex ipsis Christiani facti sint, gratias agimus Deo" [52]. Посланіе это писано въ 864 году; но въ какомъ приблизительно мѣсяцѣ? Яффе, ревностный собиратель и распорядитель папскихъ буллъ, ставитъ его передъ 31 мая [53]. Во всякомъ случаѣ, прежде августа, когда Людовикъ отправился войною противъ Растица мо-

[52] Mansi, XV, 457.

[53] См. Regesta roman. pontif. Berolini, 1851, стр. 245.

равскаго, потому что папа говоритъ въ упомянутомъ посланіи объ этой войнѣ, какъ еще о предстоящей только, о замышленной Людовикомъ: quod fidelis rex dispositum habeat... Rasticium aut volendo aut nolendo sibi obedientem facere. Такимъ образомъ, слѣдуя этому посланію, приходится заключить, что Борисъ, до войны Людовика съ Ростиславомъ, по крайней мѣрѣ, до конца мая, 864 года, еще не былъ крещенъ. Едва-ли былъ онъ крещенъ и передъ самымъ походомъ Людовика, въ августѣ, потому что иначе не умолчалъ бы объ этомъ король передъ папою, имѣвши возможность узнать самъ, во время переговоровъ своихъ съ послами Бориса въ Тульнѣ, на Дунаѣ, съ цѣлью обезопасить себя съ востока, передъ самымъ началомъ военныхъ дѣйствій противъ Ростислава. Подтвержденіе этому находится и въ лѣтописи Гинкмара, подъ 864 годомъ, также современника, въ слѣдующихъ его словахъ: Hludovicus.... hostiliter obviat Bulgarorum Cagano... qui christianum se fieri velle promiserat[54]...., между тѣмъ, тотъ-же лѣтописецъ, подъ 866 годомъ[55] говоритъ уже такимъ образомъ: „rex Bulgarorum, qui praecedente anno Deo inspirante et signis atque afflictionibus in populo regni sui monente, christianus fieri meditatus fuerat, sacrum baptisma suscepit“. Слѣдовательно, что обѣщалъ Борисъ передъ августомъ 864 года и о чемъ не упустилъ случая упомянуть Гинкмаръ, то исполнилъ онъ въ слѣдующемъ году, 865. Послѣдній годъ, конечно, мы не можемъ считать несомнѣнно точнымъ, потому что и самъ Гинкмаръ, какъ видно, писалъ объ этомъ по слухамъ, уже черезъ годъ; однимъ или нѣсколькими мѣсяцами легко могъ ошибиться онъ; но то очевидно, что

---

[54] Ann. Bertin., Pertz, I, 472.

[55] Тамъ-же, стр. 473.

крещеніе послѣдовало между августомъ 864 года, и начальными мѣсяцами 865 г.

Всѣ эти извѣстія были знакомы и нѣкоторымъ изъ вышепоименованныхъ изслѣдователей, и однакоже, они считали себя въ правѣ не стѣснять ими своего рѣшенія о крещеніи Бориса, въ 861—863 годахъ. Мнѣніе свое опираютъ они на томъ, что въ этихъ извѣстіяхъ собирается уже новое направленіе Бориса, задуманное имъ обращеніе къ Риму и папѣ, западные же писатели только и понимали крещеніе въ этомъ смыслѣ, не признавая крещенія восточнаго, греческаго. Но едва-ли можно утверждать такъ относительно 864—865 годовъ, когда, какъ мы видѣли, между Римомъ и Византіей не произошло еще раздѣленія, и въ сношеніяхъ ихъ дѣло вовсе не касалось еще догматовъ; ктому-же фактъ крещенія между 864—65 годами признается западнымъ писателемъ и, разумѣется, съ сознаніемъ, что онъ произведенъ не римскимъ миссіонеромъ, а греческимъ, чего, въ противномъ случаѣ, Гинкмаръ никогда бы не умолчалъ: посольство римское явилось только въ 866 году въ Болгарію и, слѣдовательно, еслибы Гинкмаръ или самъ папа думали признавать крещеніе Бориса только въ томъ случаѣ, когда-бы совершено оно было латинникомъ, то должны бы были отнести и самый фактъ по крайней мѣрѣ къ 866 году. Да ни одинъ изъ римскихъ писателей и не рѣшался, до сихъ поръ, считать крещеніе Бориса за дѣло латинской церкви, потому что исключительное участіе въ этомъ событіи грековъ слишкомъ очевидно и положительно подтверждается историческими свидѣтельствами: позднѣйшіе писатели католическіе энергически возстаютъ и противъ басни Анастасія библіотекаря, выводящаго для крещенія Бориса какого-то римлянина, Павла[56]. Впрочемъ, годъ Гинкмара

[56] Рачкій, Viek i djel., стр. 148.

оправдывается и свидѣтельствомъ восточнымъ, тѣмъ болѣе для насъ важнымъ, что оно принадлежитъ также современнику, еще ближе Николая папы знакомому съ дѣлами Болгаріи и великому борцу противъ несправедливыхъ притязаній послѣдняго, патріарху Фотію. Патріархъ Фотій, въ окружномъ своемъ посланіи (867 года) къ восточнымъ патріархамъ и епископамъ, которымъ приглашалъ ихъ на соборъ въ Константинополь, между прочимъ, говоритъ о Болгаріи слѣдующее: *„не прошло и двухъ лѣтъ* послѣ того, какъ народъ болгарскій обратился къ истинной вѣрѣ Христовой, откуда ни взялись нечестивцы и отверженники, вышедшіе изъ тьмы (ибо они исчадія запада)" [57]; здѣсь патріархъ имѣетъ въ виду духовенство латинское, въ большомъ числѣ явившееся въ Болгаріи, по просьбѣ Бориса, въ 866 г. Отсюда ясно, что и по словамъ неупускавшаго, конечно, изъ виду болгаръ Фотія, крещеніе народа болгарскаго, съ которымъ тѣмъ необходимѣе слѣдуетъ связать и крещеніе самаго князя, какъ его представителя, что народъ крестился и въ послѣдующіе годы,—выходитъ тотъ-же, 864 годъ.

Исторія сберегла свидѣтельство и о томъ, кто совершилъ крещеніе надъ княземъ болгарскимъ. Вотъ что говоритъ продолжатель Константина, по латин. переводу: Bogoris veram amplectitur fidem, ac lavacrum regenerationis ab episcopo, qui ab urbe regia missus fuerat, consecutus, ex imperatoris nomine Michaël appellatur [58]. На то-же указываетъ и Кедринъ [59]. Въ одномъ изъ прологовъ XIV столѣтія, болгарской редакціи, о томъ-же событіи говорится подробнѣе и приводится архіепископъ

[57] Зернинъ, «Очеркъ жизни конст. патріарха Фотія», Москва, 1858, стр. 56.

[58] Stritteri, «Memoriae popul.r.», II, 580.

[59] Том. 2, 153.

Іосифъ, какъ устроившій іерархію въ Болгаріи; въ слѣдъ за крещеніемъ князя; ему, вѣроятно, принадлежитъ и самый обрядъ крещенія [60]. На какихъ основаніяхъ могъ такъ рѣшительно выразиться о крещеніи Бориса Меѳодіемъ геніальный Шафарикъ: podlé nejprůvodnějšího výkladu starobylých svědectví krest ten vykonál u Bulharech mnich Method, apoštol slovanský... a sice l. 861 [61]. Это-же утверждаетъ и г. Гильфердингъ, въ статьѣ: о Кириллѣ и Меѳодіи [62]. Неужели достовѣрное показаніе біографа Климентова, что — *ὁ μέγας Μεθόδιος καὶ πάλαι μεν (Βορίσην) τέκνον ἐποιήσατο* требуетъ непремѣнно признавать и совершеніе самаго крещенія Меѳодіемъ? Развѣ не могъ Меѳодій только обратить князя, утвердить въ немъ *окончательно* рѣшеніе оставить язычество, какъ за-долго прежде его успѣли приблизить Бориса къ христіанству Куѳара монахъ и сама сестра князя? Соглашаясь, на основаніи положительныхъ свидѣтельствъ, въ участіи Меѳодія при *обращеніи* Бориса къ христіанству, въ то-же время, едвали мы въ правѣ отвергать столь очевидныя свидѣтельства, отстраняющія его отъ совершенія надъ нимъ обряда крещенія. Кромѣ указанія Константинова продолжателя, не даетъ право думать, подобно Шафарику, и самый годъ, къ которому, какъ видѣли мы, слѣдуетъ отнести крещеніе Бориса: между 864—65 годами Меѳодій находился уже въ Моравіи и не могъ быть, въ то-же время, при дворѣ князя болгарскаго. Когда же дѣйствовалъ на Бориса Меѳодій? Въ этомъ отношеніи, мы не видимъ никакого прочнаго основанія отвергать и мнѣніе тѣхъ, которые ведутъ Меѳодія въ Болгарію до при-

---

[60] Бодян., стр. 357,—58.

[61] Slov. Starož., 589.

[62] Стр. 14.

хода пословъ моравскихъ въ Царьградъ[63], не соглашаться еще болѣе и съ тѣми, которые останавливаютъ обоихъ братьевъ въ Болгаріи, при проходѣ ихъ въ Моравію, тѣмъ болѣе, что и источники второстепенные, какъ легенда моравская и другіе, прямо говорятъ о дѣятельности проповѣднической Кирилла и Меѳодія въ земляхъ болгарскихъ, во время перехода ихъ въ Моравію: eggressus vero (Constantinus cum germano Methodio), venit primo ad Bulgaros, quos divina cooperatrice gratias sua praedicatione convertit ad fidem[64]. Не встрѣтимъ противорѣчія въ источникахъ историческихъ и тогда, когда-бы рѣшились допустить возможность обоихъ случаевъ, т. е. проповѣди Кирилла и Меѳодія среди болгаръ, какъ до прихода пословъ моравскихъ, такъ и на пути ихъ въ Моравію черезъ Болгарію. Нѣсколько труднѣе согласиться съ третьимъ случаемъ, будто славянскіе первоучители приходили изъ Моравіи въ Болгарію, труднѣе потому, что говорятъ объ этомъ довольно поздніе источники, какъ Несторъ[65], не избѣжавшій и въ другихъ случаяхъ, при изложеніи извѣстій о христіанствѣ у Болгаръ и проповѣди св. Кирилла и Меѳодія, смѣшенія и запутанности, и прологъ славянскій, 1432 года[66].

Крещеніе болгарскаго князя совершилось при самыхъ благопріятныхъ отношеніяхъ къ византійскому правительству: Борисъ принялъ, при переходѣ въ христіанство, имя императора Михаила, что указываетъ, хотя и на заочное, воспріемничество послѣдняго; охотно утверждена была за Болгаріей и область Загорье, бывшая, еще съ VIII столѣтія, предметомъ спора

[63] Бодянск., «О врем. происх. слав. письм.», стр. 355.
[64] Mähr. Legende, Dobrov. 1826, стр. 17.
[65] Полн. Собр. Русск. лѣт. I, стр. II; срв. Шлецеръ, II, 529
[66] Добров. «Кириллъ и Меѳодій», стр. 104.

между Византіей и Болгаріей. Патріархъ Фотій не замедлилъ особымъ поученіемъ новокрещенному князю указать и на отношенія новой церкви къ Цареграду и преподать наставленія, касательно обязанностей государя. Въ этомъ поученіи [67] раскрылась въ полнотѣ глубоко-умная и безкорыстная, чисто христіанская душа патріарха. Въ первой половинѣ этого поученія, гдѣ идетъ дѣло о вѣрѣ и объ отношеніяхъ къ церкви и духовенству, мы не замѣчаемъ и тѣни притязаній на какое-либо верховное право цареградскаго патріархата; тѣмъ менѣе выставляется собственная личность патріарха; во второй половинѣ, всюду отражается одна безукоризненная, чистѣйшая нравственность, такъ сильно свидѣтельствующая, въ глазахъ каждаго безпристрастнаго судьи, о высокомъ нравственномъ настроеніи самого автора. Какая поразительная противоположность съ посланіемъ папы, Николая! Казалось, связи должны еще больше укрѣпиться, и образоваться духовное единство между обоими дворами, по мѣрѣ расширенія и упроченія христіанства среди полудикаго народа. Греческая церковь, съ своей стороны, приняла заботливыя мѣры для укрѣпленія новой религіи, выславъ съ епископомъ и духовенство и образовавъ, такимъ образомъ, изъ Болгаріи особую епископію. А между тѣмъ, едва успѣлъ пройти и годъ послѣ крещенія Бориса-Михаила, какъ то-же христіанство послужило для него предлогомъ обратиться въ противоположную Византіи сторону и искать дружбы и союза съ непріятелями, и политическими и церковными, Царяграда. Поученіе Фотія, вѣроятно, получено Борисомъ-Михаиломъ въ 865 году, а лѣтомъ, 866 года, въ августѣ мѣсяцѣ, мы находимъ уже болгарское посольство въ Римѣ, у папы, и въ Регенсбургѣ, у императора нѣ-

---

[67] См. Зерпинъ, стр. 44—49.

мецкаго, Людовика. У послѣдняго ищетъ опо пріятельства и у обоихъ проситъ достойныхъ учителей въ вѣрѣ, увѣдомляя объ обращеніи своемъ въ христіанство, съ немалымъ количествомъ народа [68].

Что за причина такого быстраго и неожиданнаго поворота? Что могло быть побужденіемъ для Бориса-Михаила, почти только-что получившаго крещеніе отъ руки византійскаго епископа, вступившаго, по видимому, въ-слѣдствіе своего обращенія, въ новыя и тѣсныя связи съ Цареградомъ, добывшаго, не обнажая меча, обширную и важную отъ Византіи область, обратиться вдругъ на западъ, отшатнуться отъ востока и сблизиться съ недоброжелателями послѣдняго? Вопросъ тѣмъ болѣе требующій вниманія, что къ этой самой порѣ, какъ нами показано, почти прервались связи между Римомъ и Константинополемъ. Ужъ не считалъ ли Борисъ-Михаилъ право на сторонѣ перваго и не хотѣлъ ли этимъ показать своего признанія виновности за церковью восточною въ возникшей между нею и Римомъ распри, за патріаршество Фотія? Вниманіе къ просьбамъ болгарскаго князя, обращеннымъ къ папѣ, и соображенія политическія могутъ дать довольно удовлетворительные отвѣты на приведенные вопросы.

Посланіе Бориса-Михаила къ Николаю, правда, не сохранилось; но о содержаніи его можно подробно судить по дошедшему до насъ отвѣту папы, состоящему изъ 106 пунктовъ, въ ко-

---

[68] Annales Fuldens, ad an. 866: Legati Bulgarorum Radesponnam ad Regem venerunt dicentes: regem illorum cum populo non modico ad Christum esse conversum, simulque petentes: ut rex idoneos prædicatores christianæ religionis ad eos mittere non differret.

торыхъ по очереди разбираются предложенные вопросы болгарскимъ княземъ[69].

Въ ряду всѣхъ вопросовъ нельзя не отдѣлить двухъ родовъ, по ихъ важности и значенію: одинъ родъ, обнимающій наибольшую часть вопросовъ, касается предметовъ мелкихъ, часто обыденныхъ, направленный на желаніе опредѣлить точнѣе отношеніе прежняго языческаго быта къ новому, христіанскому; отсюда разспросы: какъ поступить съ тѣмъ или другимъ обычаемъ народнымъ, укоренившимся въ эпоху язычества, можно ли и въ христіанствѣ продолжать дѣлать то, что дѣлалось прежде него. Другой родъ вопросовъ относится непосредственно къ ученію христіанскому и къ администраціи церковной. Большая важность въ нашемъ дѣлѣ послѣдняго понятна; онъ гораздо скорѣе можетъ раскрыть побужденія спрашивающаго обратиться въ другую сторону и обнаружить причины недовольства его на первыхъ проповѣдниковъ и обратителей. Въ числѣ подобныхъ вопросовъ, безспорно, занимаютъ самое видное мѣсто слѣдующіе два: „умоляемъ васъ (Борисъ-Михаилъ папу) дать намъ, какъ другимъ народамъ, истинную и совершенную вѣру христіанскую, безъ пятна, ибо въ землю нашу пришли изъ разныхъ мѣстъ многіе проповѣдники, какъ-то: изъ Греціи, Арменіи и другихъ странъ, и учатъ насъ различно; должны ли мы слушаться ихъ разногласныхъ толковъ, и что намъ дѣлать?“. Второй вопросъ относится къ званію патріаршему и высказанъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „можетъ ли у насъ (т. е. у бол-

---

[69] Напечатаны въ Collect. concilior. Mansi, XV, 401 и слѣд.; на русск. языкѣ, въ сокращенномъ видѣ, можно читать эти вопросы и отвѣты, въ сочиненіи г. Гильфердинга: «Письма объ исторіи сербовъ и болгаръ», Москва, 1855 (въ приложеніи къ письму 4, стр. 77—89).

гаръ) быть поставленъ патріархъ? Кѣмъ долженъ быть поставленъ патріархъ? Сколько настоящихъ патріарховъ? Который патріархъ второй послѣ римскаго? *.

Изъ словъ Бориса о положеніи вѣроученія въ Болгаріи, тотчасъ послѣ его крещенія, видимъ, что оно было крайне разнообразно, что, вообще, безпорядокъ и разногласіе, въ этомъ отношеніи, были поразительны. Естественно, что въ глазахъ новаго христіанина-князя (какъ очевидно изъ жестокаго поступка его съ недовольными христіанствомъ подданными, которыхъ такъ безжалостно казнилъ онъ, и самый мечъ отправилъ папѣ), столь ревностно и энергически принявшагося за дѣло распространенія новой религіи въ своемъ государствѣ, такія неурядицы не могли не послужить основаніемъ изыскивать мѣры для приведенія проповѣди къ единству, и при томъ въ смыслѣ истиннаго, чистаго христіанства. Не трудно и опредѣлить, руководясь самымъ вопросомъ Бориса, въ чемъ заключалось разногласіе, откуда шло оно. Между разногласящими упомянуты прежде всего греки и армяне. Стóитъ лишь припомнить, что еще недавно только вселенскій соборъ успѣлъ осудить такъ широко развившуюся въ земляхъ греческихъ секту иконоборцевъ, столь продолжительно находившую себѣ сильную поддержку при самомъ дворѣ, въ лицѣ императоровъ, считавшую иногда, въ числѣ своихъ приверженцевъ, и самаго патріарха, чтобы не сомнѣваться въ значительномъ количествѣ скрывавшихся послѣдователей ея всюду, въ Греціи, и тѣмъ болѣе въ новообращенной странѣ, политически самостоятельной, гдѣ, слѣдовательно, власть византійская не могла преслѣдовать ихъ, а власть болгарская была еще такъ чужда порядковъ христіанскихъ, іерархія, съ своею церковною администраціею, такъ нова и неустроена, что трудно было и думать объ энергическомъ и послѣдовательномъ искорененіи секта-

торовъ. Послѣдніе, по тому самому, могли дѣйствовать тутъ открытѣе, свободнѣе, и рѣшительнѣе противопоставлять свое ученіе ученію присланнаго Фотіемъ духовенства.

Что касается до христіанъ армянскихъ, также учившихъ, по словамъ Бориса, разногласно, то не можетъ быть сомнѣнія, что подъ ними должно разумѣть секту павликіанъ, родоначальниковъ скоро развившагося въ Болгаріи ученія богомиловъ. Начало этой секты, сила и средоточіе заключались въ Арменіи, откуда разнеслось оно, не смотря на всѣ преслѣдованія, быстро по всему византійскому царству. Достаточно самаго бѣглаго историческаго очерка этой секты, чтобы убѣдиться въ могущественномъ присутствіи ея въ Болгаріи, въ началѣ второй половины IX вѣка.

Основателемъ гностическо-манихейской секты считается сиріецъ, Константинъ, принявшій имя ученика апостола Павла, Сильвана, откуда произошло и новое названіе сектаторовъ — христіане апостола Павла, или павликіане, такъ-какъ они увѣряютъ, что среди только нихъ сбереглось истинное ученіе великаго апостола народовъ, св. Павла. Сильванъ утвердился въ Кивоссѣ, въ Арменіи, откуда (657 — 684), съ огромнымъ успѣхомъ, распространилъ вокругъ свое ученіе. Правда, онъ былъ захваченъ посланнымъ отъ императора, Константина Погоната, военачальникомъ Симеономъ, и побитъ камнями, но секта отъ этого не только не ослабѣла, но еще укрѣпилась, когда тотъ-же Симеонъ, подъ именемъ Тита, сдѣлался ея представителемъ. Преслѣдованіе Юстиніана II (690) не имѣло также значенія. Въ VIII столѣтіи, когда императоръ Константинъ Копронимъ рѣшился населить новымъ народомъ Ѳракію и вызвалъ поселенцевъ изъ Сиріи и Арменіи, секта павликіанъ проникла и въ Европу, въ лицѣ обильныхъ колонистовъ армян-

скихъ. Здѣсь, не безъ успѣха распространяли они свое ученіе въ самой столицѣ, достигнувши права гражданства и полной свободы отъ защитника своего, императора Никифора (810). Императрица Өеодора, рѣшивши дѣло съ иконоборцами, обратила вниманіе и на эту секту; но не смотря на самыя энергическія ея усилія, секта не была уничтожена и, вмѣстѣ съ Загорьемъ, лежавшимъ во Өракіи, перенеслась и въ Болгарію. Независимо, впрочемъ, отъ павликіанъ туземныхъ, ученіе ихъ въ Болгаріи ширилось и посредствомъ высылавшихся наставниковъ изъ центра секты, изъ Арменіи, сколько можно судить по словамъ современнаго писателя, Петра сицилійскаго, отправленнаго императоромъ, Василіемъ Македоняниномъ (869), въ Арменію, для размѣна плѣнныхъ, имѣвшаго, такимъ образомъ, случай изучить эту секту и въ особомъ сочиненіи изложившаго ихъ исторію [70]. Сочиненіе свое посвятилъ онъ епископу болгарскому, котораго хотѣлъ предупредить объ опасности, какую приготовляли недавно обращенному народу павликіане, задумавшіе отправить, по совѣту своихъ единовѣрцевъ фракійскихъ, наставниковъ изъ Арменіи: ab ipsismet impiis et delirantibus cognovi, quod e suo conciliabulo missuri essent, qui in Bulgaria quoscunque possent a catholica religione ad suam execratam et nefariam sectam converterent.

Ежели присоединимъ къ этому евреевъ и магометанъ, то поймемъ причины религіознаго разнорѣчія проповѣдниковъ въ Болгаріи, на которыхъ жалуется папѣ Борисъ-Михаилъ и испрашиваетъ, какъ относиться къ нимъ. Причины, безспорно, важныя для того, чтобы представителю новообращеннаго народа, искавшему безукоризненной чистоты христіанства, не оставаться равнодуш-

[70] Petri Siculi: Historia manichæorum, Gieseler, Göttingen, 1846.

нымъ зрителемъ безпорядковъ и не заботиться объ ихъ искорененіи. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что Борису непремѣнно должно было, по этому одному побужденію, обратиться къ папѣ, что въ немъ одномъ надѣялся онъ встрѣтить разрѣшеніе своихъ сомнѣній и найти помощь уничтожить неурядицу? Не думаемъ, чтобы согласился на такое заключеніе и самый ревностный поклонникъ престола римскаго, если только онъ не потерялъ способности быть справедливымъ и безпристрастнымъ судьею въ дѣлахъ историческихъ и знакомъ съ обстоятельствами, въ коихъ находилась въ ту пору Болгарія.

Въ самомъ дѣлѣ, едва только прошелъ годъ, какъ христіанство сдѣлалось господствующею религіею въ языческой Болгаріи. Времени слишкомъ было мало, чтобы и независимо отъ иконоборцевъ и павликіанъ требовать полнаго благоустройства церковнаго и безусловнаго отсутствія разногласій: послѣднимъ могло давать огромную пищу и не искорененное еще даже формальнымъ образомъ язычество. Кромѣ того, развѣ въ предметахъ вѣры Борисъ-Михаилъ не могъ обратиться къ тому центру, изъ котораго получилъ онъ крещеніе, первоначальную іерархію, и который такъ благосклонно, съ такою любовію и даже пожертвованіями вошелъ съ нимъ въ родственно-христіанское общеніе? Развѣ посланіемъ своимъ, полнымъ любви и смиренія, чуждымъ всякаго властительства, Фотій не подалъ ему убѣдительнаго свидѣтельства въ готовности съ такою-же ревностью давать совѣты и наставленія во всѣхъ его недоразумѣніяхъ и способствовать всѣми зависящими отъ него мѣрами благоустройству новой паствы? И однако же, мы не видимъ никакого обращенія къ Фотію, хотя умъ, образованіе и жизнь послѣдняго, во всемъ ихъ истинномъ величіи, не могли быть не извѣстны Борису. Нѣтъ, не это обстоятельство, не разногласіе проповѣд-

никовъ могло быть существеннымъ побужденіемъ для Бориса отойти отъ востока и примкнуть къ Риму.

Но болгарскій князь спрашивалъ папу и о возможности имѣть собственнаго для Болгаріи патріарха, просилъ разрѣшить вопросъ и о томъ, кто имѣетъ право поставить такого патріарха, какъ и опредѣлить сравнительныя степени старѣйшинства патріарховъ. Что за цѣль такого желанія и такихъ вопросовъ? Кажется, не много слѣдуетъ вникнуть въ тогдашнее состояніе Болгаріи и въ отношенія правителей ея, по крайней мѣрѣ съ Крума, къ Византіи, чтобы не затрудняться слишкомъ въ отвѣтѣ и не считать этого отвѣта наиболѣе приближающимся къ истинѣ, если уже приговоръ, выведенный не изъ прямаго историческаго положительнаго указанія, а изъ посредствующихъ обстоятельствъ, не въ состояніи имѣть математической точности и опредѣленности.

Въ самомъ дѣлѣ, съ первыхъ годовъ IX столѣтія, Болгарія видимо стремится не только къ упроченію своей самостоятельности и независимости отъ Византіи, но и рѣшительно обнаруживаетъ попытки подчинить себѣ послѣднюю и, на развалинахъ имперіи восточной, образовать царство болгарское. Мы имѣли случай коснуться предѣловъ болгарскаго государства въ первые годы правленія Бориса и видѣли, что въ нихъ включилось огромное пространство балканскаго полуострова, что сами они чуть не подходили къ стѣнамъ Царяграда и что въ самой столицѣ имперіи восточной уже утверждалась мысль о скоромъ завоеваніи ея варварами. Болгарскій князь, по вещественной силѣ и могуществу, очевидно, стоялъ несравненно выше императора, и не могъ со всею ясностью не сознавать этого. Какъ же теперь, съ новою религіею, могъ спокойно допустить онъ зависимость своей страны, въ церковномъ отношеніи, отъ того го-

сударства, на которое смотрѣлъ, какъ на легкую добычу, и неоднократными блистательными побѣдами надъ которымъ пріученъ скорѣе надѣяться на подчиненіе его своему господству? Правда, эта зависимость относилась къ дѣламъ церковнымъ, могла не касаться дѣлъ политическихъ; но въ понятіяхъ недавняго язычника едва-ли возможно допустить строгое разграниченіе двухъ этихъ сферъ, какъ и въ глазахъ стараго христіанина трудно всецѣло отрѣшить связи и во многомъ другомъ, при тѣсной зависимости церкви одной области отъ другой. Да и согласившись съ тѣмъ, что Борисъ могъ отличить зависимость духовную отъ свѣтской, все-же не можемъ отказать ему, какъ политическому противнику Византіи, въ желаніи упрочить во всемъ свою самостоятельность, чтобы тѣмъ свободнѣе, непринужденнѣе проводить въ жизни цѣли государственныя, которыя не разлучны были съ враждебностью къ восточной монархіи. Вотъ, гдѣ кроется главная причина обращенія его къ папѣ и вопроса ему объ отдѣльномъ у себя патріархѣ. Обратиться съ этимъ къ Фотію или вообще къ востоку, — значило, прямо получить отказъ, потому что востокъ тѣмъ менѣе могъ не обратить вниманія на несвоевременность болгарскаго патріархата, по незначительности области и по новости и малочисленности еще христіанъ, чѣмъ очевиднѣе въ желаніи князя проглядывала идея политическая. Борису тѣмъ легче, казалось, достигнуть этого отъ Рима, что, по отдаленности области, не было никакихъ препятствій политическихъ, и что папа не упуститъ случая воспользоваться новымъ обстоятельствомъ для униженія и оскорбленія Фотія, вражды его къ которому не могъ не знать Борисъ.

Этотъ разсчетъ Бориса, основанный на обнаружившихся уже непріязненныхъ столкновеніяхъ представителей церкви восточ-

ной и западной, оправдывался вполнѣ и соображеніями внѣшней политики: папа принадлежалъ къ западу; на западѣ авторитетъ его пріобрѣлъ уже то громадное значеніе, съ какимъ является власть Николая даже надъ высшими правителями свѣтскими, надъ самими королями и императоромъ нѣмецкимъ, а Борисъ давно заискивалъ пріятельства у послѣдняго, чтобы тѣмъ положительнѣе и рѣшительнѣе дѣйствовать на востокѣ. Лучшимъ доказательствомъ такихъ, а не иныхъ, побужденій къ отправленію Борисомъ посольства въ Римъ служитъ одновременное отъ него посольство въ Регенсбургъ, къ Людовику, съ тою-же, между прочимъ, просьбою о высылкѣ достойныхъ наставниковъ въ вѣрѣ. За-чѣмъ это, если-бы князь болгарскій руководился цѣлями единственно религіозными, если-бы онъ думалъ только о распространеніи истинныхъ понятій въ своемъ народѣ о христіанствѣ? Развѣ папа не въ состояніи былъ выслать ему достаточнаго количества духовныхъ, нужныхъ для просвѣщенія болгаръ? Конечно, нѣтъ, и намъ извѣстно, что посланные Людовикомъ — епископъ, священники и діаконы принуждены были тотчасъ-же возвратиться изъ Болгаріи, какъ скоро узнали, что прибывшіе епископы отъ папы уже *распространились* съ своею проповѣдью *по всей земли болгарской* [71]. Несомнѣнно, что двойственное посольство вытекало изъ другихъ оснований, изъ основаній чисто государственныхъ: съ одной стороны, Борисъ надѣялся, что папа скорѣе согласится

---

[71] Annal. Fuld. ad an. 867: Rex Hludovicus Bulgarorum petitionibus annuens Ermenricum episcopum cum presbyteris et diaconibus ad propagandam fidem catholicam praefatae genti destinavit. Sed cum illuc pervenissent, *episcopi a pontifice romano missi totam illam terram praedicando et baptizando jam tunc repleverant.* Quapropter isti, accepta a rege licentia, redierunt in sua.

признать отдѣльность патріархата болгарскаго изъ соперничества къ Фотію, съ другой, разсчитывалъ ближе расположить къ себѣ императора, въ чемъ могъ быть надежнѣйшимъ ему помощникомъ и папа Николай. Словомъ, въ настоящемъ повоторѣ болгарскаго князя, дѣла религіозно-церковныя служили точно такъ-же лишь внѣшнимъ прикрытіемъ совершенно иныхъ, чисто политическихъ соображеній, какъ были онѣ такимъ-же видимымъ только поводомъ для современника Борисова, моравскаго князя Ростислава, въ его обращеніи съ запада на востокъ, къ императору византійскому, съ просьбою о присылкѣ Кирилла и Меѳодія. Какъ Ростиславъ, посредствомъ сближенія съ Константинополемъ и посредствомъ проповѣдниковъ греческихъ, думалъ отдѣлаться отъ вліянія нѣмецкаго и образовать независимую отъ архіепископовъ германскихъ іерархію, чтобы тѣмъ удобнѣе достигнуть и независимости государственной, такъ теперь и Борисъ, при помощи духовенства западнаго и папы, надѣялся упрочить собственный патріархатъ, равносильный греческому[72].

---

[72] Замѣчательны, по этому случаю, возгласы католическихъ писателей. Одинъ, наприм., изъ нихъ, Штульцъ (см. Život sv. Cyr. a Meth. примѣч. 16, стр. 397—98) усиливается убѣдить читателя, что Борисъ съ болгарами отправили посольство въ Римъ, будто, съ яснымъ сознаніемъ того, что папа есть единственный законный управитель всей церкви и что болгары, въ первомъ пылу своей вѣры, готовы бы были, по слову римскаго первосвященника, отказаться не только отъ всѣхъ своихъ обычаевъ и законовъ, но даже и отъ народности, и сдѣлаться подножіемъ его престола. Удивительный способъ разсчитывать на невѣжество читателей и разсѣевать въ массѣ простонародья, для котораго назначена книга Штульца, сознательно ложныя понятія въ дѣлѣ религіи! Другой, г. Рачкій (стр. 178), увѣряетъ, что *Борисъ бросился въ объятія*

Понятенъ восторгъ папы Николая, когда прибыло въ Римъ посольство болгарское; онъ ясно видѣлъ всю важность пріобрѣтенія для своей паствы такой области, какъ Болгарія, едва не касавшаяся своими границами стѣнъ ненавистнаго ему Царяграда. Понятенъ радостный и пышный пріемъ, сдѣланный имъ посольству, принесшему, вмѣстѣ съ вопросами, и не мало подарковъ отъ Бориса. Не удивительна и быстрота, съ какою поспѣшилъ онъ приготовить отвѣты болгарскому князю и выслать въ Болгарію епископовъ и низшее духовенство. Въ числѣ епископовъ извѣстны двое: Павелъ піомбинскій и Формозъ пор-

---

папы Николая, *такъ-какъ только отъ Рима ожидалъ единственнаго спасенія во всѣхъ отношеніяхъ.* И откуда заимствованы основанія подобныхъ сужденій? Развѣ есть, хотя одинъ, даже темный какой-либо намекъ на такой взглядъ Бориса на папу въ извѣстныхъ вопросахъ? Не замѣтно ли, напротивъ, въ нихъ совершенной безотносительности къ мнимому величію папскому? По крайней мѣрѣ, несомнѣнно то, что Борисъ ни чѣмъ не заявилъ своего понятія о верховности папы, чего не упустилъ бы помѣстить въ своихъ отвѣтахъ Николай. Что-же касается до замѣчанія г. Штульца, на-счетъ общей преданности болгаръ, до готовности отречься отъ народности, то напрасно онъ скрылъ подробности о грозномъ возстаніи подданныхъ Бориса противъ своего стараго государя за одно введеніе христіанства. Не менѣе забавно въ глазахъ свѣдущаго читателя и стыдно, относительно несвѣдущихъ въ дѣлѣ, и увѣреніе г. Штульца, будто Борисъ былъ крещенъ духовнымъ, принадлежавшимъ къ противникамъ Фотія, — и какое доказательство? — очень наивное: доказалъ это самъ Борисъ тѣмъ, что подавилъ возстаніе нѣкоторыхъ языческихъ вельможъ (!!). А между тѣмъ, г. Штульцу не трудно было сообразить, что отправленіе епископа изъ Царяграда, въ 864 году, для крещенія Бориса, не могло обойтись безъ Фотія, бывшаго тогда единственнымъ патріархомъ.

туанскій. Съ ними-то были отправлены и упомянутые нами выше епископъ Донатъ, священникъ Левъ и дьяконъ Маринъ, назначенные Николаемъ въ Царьградъ и снабженные множествомъ писемъ. Мы сказали уже, какъ распорядился императоръ съ этими посланниками, запретивши даже впускать ихъ въ предѣлы своего государства. Пріемъ ихъ до того былъ жестокъ, что, ежели вѣрить Анастасію библіотекарю, можно бы было ожидать чего-нибудь и гораздо худшаго, если-бы только не удержала императора расположенность его къ Борису: idem imperator, legatis regis Bulgariae (которые просили императора дозволить пройти въ Царьградъ посланнымъ отъ папы) ita fertur dixisse: nisi per Bulgariam missi sedis apostolicae venissent nec faciem meam, nec Romam diebus vitae suae viderent. Впрочемъ, изъ приведенныхъ словъ вовсе можетъ и не слѣдовать мысль объ опасности пословъ быть умерщвленными, что предполагаетъ Рачкій [73].

Это-то посольство въ Болгарію и послужило началомъ и основаніемъ перемѣны въ образѣ дѣйствій патріарха Фотія, относительно папы Николая. Побужденія, въ самомъ дѣлѣ, были слишкомъ настоятельны, чтобы не оставаться молчаливымъ зрителемъ, не нанося этимъ существеннаго вреда какъ догматамъ вѣры, такъ и администраціи церковной, утвержденной соборами вселенскими. Они заключались частью въ отвѣтахъ папскихъ на вопросы Бориса, частью въ распоряженіяхъ отправленнаго Николаемъ въ Болгарію духовенства.

Стремясь утвердить свое вліяніе на дѣла болгарскія и пріурочить окончательно эту область къ своей эпархіи, папа, какъ можно было и ожидать отъ Николая I, не упустилъ столь бла-

---

[73] Viek i djel., стр. 196, прим. 6.

гопріятнаго случая унизить, въ глазахъ и князя и народа болгарскаго, достоинство патріарха константинопольскаго, чтобы тѣмъ рѣшительнѣе подорвать его значеніе и возвысить свое собственное. И ни многовѣковая практика, ни положительныя опредѣленія вселенскихъ соборовъ не въ силахъ были остановить его честолюбивыхъ, въ полной мѣрѣ недобросовѣстныхъ, порывовъ. Отвѣчая на вопросъ Бориса: сколько настоящихъ патріарховъ,— Николай указалъ только на римскаго, александрійскаго и антіохійскаго, выразившись слѣдующимъ образомъ о константинопольскомъ: Constantinopolitanam ecclesiam nec quisquam apostolorum instituit, nec Nichena synodus..... ejus mentionem aliquam fecit; sed solum, quia Constantinopolis nova Roma dicta est, favore principum potius, quam ratione Patriarcha ejus Pontifex appellatus est [74]. Въ отвѣтъ же на слѣдующій вопросъ, который патріархъ — второй послѣ римскаго, папа, не задумываясь, объявилъ: александрійскій. Такъ вѣрно олицетворилъ въ себѣ Николай I всѣхъ послѣдующихъ дѣятелей католическихъ, не справляющихся съ требованіями дѣйствительной истины, даже упорно отталкивающихъ ее отъ себя, какъ скоро идетъ дѣло о беззаконномъ униженіи противныхъ началъ, съ цѣлью доказать справедливость беззаконныхъ притязаній собственныхъ! Развѣ могъ не знать папа Николай опредѣленія втораго вселенскаго собора, бывшаго, при Ѳеодосіи старшемъ, въ Константинополѣ, и опредѣлившаго вторую степень каѳедры ца-

[74] Т. е. ни кто-либо изъ апостоловъ установилъ констант. церковь, ни соборъ никейскій не сдѣлалъ о ней никакого упоминанія; но больше по благорасположенію правителей, чѣмъ по разсудительному основанію, такъ-какъ Константинополь названъ новымъ Римомъ, и его первосвященникъ наименованъ патріархомъ. Mansi, глава XCII.

реградской послѣ римской? Правило третье этого собора слишкомъ рѣшительно, чтобы не признавать его, не отвергая самого собора, чего, однакоже, до сихъ поръ не сдѣлали католики: „константинопольскій епископъ да имѣетъ преимущество чести, по римскомъ епископѣ, потому что градъ оный есть новый Римъ“ [75]. Развѣ не извѣстно было ему и подтвержденіе этого опредѣленія четвертымъ вселенскимъ соборомъ, состоявшимъ изъ 630 епископовъ (въ 5 столѣтіи, въ Халкидонѣ) и выразившимся объ этомъ предметѣ такъ: „подобаетъ же и святѣйшему архіепископу царствующаго Константинополя, новаго Рима, воспріять *то-же старѣйшинство почести* (что и архіепископу стараго Рима)“ [75]. А и четвертый вселенскій соборъ одинаково считался и считается вселенскимъ какъ на востокѣ, такъ и на западѣ. Не могъ, наконецъ, незнать Николай, что и вся послѣдующая практика неизмѣнно признавала это опредѣленіе и руководилась имъ въ жизни церковной и, несмотря на все это, онъ рѣшился все-таки удовлетворить своимъ нечистымъ своекорыстнымъ цѣлямъ, разсчитывая, конечно, на незнаніе новокрещеннаго князя.

Ни сколько не менѣе оскорбителенъ для чести церкви и твердости ея всеобщихъ постановленій и отвѣтъ папы на вопросъ Бориса: „слѣдуетъ ли держать или должно выгнать женатыхъ священниковъ“: „*они достойны всякаго порицанія*, писалъ папа, но держать ихъ можно“. А между тѣмъ, по этому же поводу, постановленія соборовъ помѣстныхъ и опредѣленія шестаго вселенскаго собора, признаваемаго за вселенскій и за-

[75] Правда всел. церк., стр. 93—94. Здѣсь-же обозначена ясно и причина такого преимущества, не духовная, а чисто мірская.

[76] Тамъ-же, стр. 138.

падомъ, назначають изверженіе и даже проклятіе тѣмъ, кто дерзнетъ кого-либо изъ священниковъ или діаконовъ лишать союза или общенія съ законною женою, считая такихъ священниковъ и діаконовъ вполнѣ равными съ неженатыми [77]. Нельзя не замѣтить въ отвѣтномъ голосѣ папы Николая усилія ввести безбрачіе духовенства, какъ нельзя не подмѣтить и нерѣшительности еще его, какого-то опасенія.

Въ свою очередь, прибывшее съ запада духовенство въ Болгарію позволяло себѣ дѣйствовать неменѣе оскорбительно для греческой церкви, и не менѣе противно постановленіямъ соборовъ. Такъ, съ одной стороны это духовенство, въ лицѣ своихъ епископовъ, позволяло себѣ не считать дѣйствительнымъ мѵропомазаніе, совершенное священниками греческими, и производило вторичное мѵропомазаніе, утверждая при томъ вообще неправильность совершенія этого таинства священниками, вопреки канонамъ церковнымъ; съ другой стороны, ввело въ употребленіе и прибавку въ символѣ объ исхожденіи св. Духа *„и отъ Сына“*, такъ недавно еще отвергнутую самимъ римскимъ папою, Львомъ III, на основаніи столь рѣшительнаго опредѣленія втораго вселенскаго собора (въ 381 году), вызвавшаго со стороны самого тогдашняго папы, Дамаса, проклятіе на того, кто не будетъ исповѣдывать, согласно съ этимъ опредѣленіемъ [78]. Ежели мы присоединимъ къ этому нарушеніе духовными западными другихъ постановленій церкви, свято и ненарушимо сберегавшихся въ первобытной христіанской чистотѣ на востокѣ, какъ—распредѣленія постовъ и т. под., то поймемъ справедливость негодованія Фотія, когда все это сдѣлалось извѣстнымъ, и не только оправдаемъ, но и признаемъ необходимыми, законными и настоятельно

[77] Тамъ-же, стр. 248.

[78] Тамъ-же, стр. 102.

требуемыми благомъ церкви тѣ энергическія мѣры, какія тотчасъ-же принялъ онъ по данной ему власти. Тутъ дѣло шло уже не о его лицѣ, а о чистотѣ церкви и о правахъ ея, основанныхъ и утвержденныхъ вселенскими соборами. Не забудемъ, что въ это-же самое время получены были въ Константинополѣ грамматы отъ троихъ первостепенныхъ архіепископовъ западныхъ — трирскаго, кельнскаго и равеннскаго, въ которыхъ двое первые жаловались на папу Николая за заочное ихъ осужденіе и лишеніе престола, по поводу неправильно утвержденнаго ими брака короля Лотаря, а послѣдній — на уничтоженіе той самостоятельности папою, которую наслѣдовалъ онъ отъ экзархата равеннскаго. Просьба ихъ о помощи и защитѣ у цареградскаго престола служитъ яснымъ свидѣтельствомъ недовольства честолюбивыми дѣйствіями Николая и на самомъ западѣ.

При такихъ обстоятельствахъ, Фотій не замедлилъ приготовить окружное посланіе, въ которомъ со всею подробностью исчислилъ неправды, какъ папскія, такъ и западнаго духовенства, въ Болгаріи, не оставивши безъ опроверженій, на основаніи св. писанія, апостольскихъ правилъ и опредѣленій вселенскихъ соборовъ, каждаго важнаго вопроса[79]. Вмѣстѣ съ этимъ посланіемъ, разосланнымъ ко всѣмъ восточнымъ церквамъ, приложены были и списки съ грамматъ архіепископовъ западныхъ, а также и приглашеніе явиться на соборъ въ Константинополь, для окончательнаго обсужденія этого предмета.

Въ маѣ 867 года, составился соборъ, подъ предсѣдательствомъ императора Михаила и новаго цесаря, Василія, въ присутствіи уполномоченныхъ отъ троихъ восточныхъ патріарховъ,

---

[79] См. извлеченіе изъ этого посланія въ книгѣ «Правда вселен. церк.», стр. 244—253; отчасти въ сочиненіи Зернина, стр. 55 и 57.

александрійскаго, антіохійскаго и іерусалимскаго, которые не могли явиться сами, потому что, около этого времени, они подпали подъ иго магометанъ; множество было епископовъ и другихъ высшихъ сановниковъ, какъ изъ духовнаго, такъ и свѣтскаго званія. По прочтеніи на этомъ соборѣ свѣдѣній о всѣхъ дѣйствіяхъ папы, онъ *единогласно* признанъ былъ недостойнымъ священнаго престола и преданъ анаѳемѣ. Такое опредѣленіе, за подписью *тысячи* человѣкъ, отправлено было немедленно-же и въ Римъ. Нѣтъ надобности распространяться о томъ, какъ взглянули приверженцы папы на этотъ соборъ въ то время, какъ смотрятъ на него католики и до-нынѣ. Не признавая законности собора, они пользуются каждымъ, мало-мальски, неточнымъ словомъ, чтобы въ глазахъ постороннихъ оправдать и доказать свое пристрастное мнѣніе. Въ этомъ отношеніи, главнымъ помощникомъ ихъ служитъ свидѣтельство Анастасія библіотекаря (praefatio ad VIII synod.), утверждающаго, будто дѣйствительныхъ подписей только 21, тогда-какъ всѣ остальныя — ложныя. Несостоятельность, положительная вымышленность такого утвержденія слишкомъ ясны изъ количества лицъ, принимавшихъ участіе въ соборахъ, подъ патріаршествомъ Фотія (863 и 867), и рѣшавшихъ дѣла общимъ приговоромъ. Зачѣмъ было выдумывать подписи, когда однихъ епископовъ собиралось на соборы до 400 человѣкъ? Въ числѣ подписавшихся могли, даже должны были находиться и свѣтскія особы, состоявшія при императорахъ, чтобы тѣмъ засвидѣтельствовать рѣзче недовольство всеобщее на беззаконную притязательность первосвященника римскаго и на оскорбленіе имъ всей церкви восточной. Одно можно было бы сдѣлать возраженіе: это — судъ надъ отсутствующимъ и приговоръ безъ выслушанія оправданій обвиняемаго; но не забудемъ, что папа Николай далъ самъ къ тому поводъ и право заочнымъ

осужденіемъ Фотія и отлученіемъ всѣхъ, находившихся съ нимъ въ общеніи [80].

Папа узналъ о дѣйствіяхъ Фотія очень скоро, когда, вѣроятно, рѣшеніе соборное оставалось ему еще вовсе неизвѣстнымъ, и узналъ отъ болгарскаго князя, который, вмѣстѣ съ новымъ посольствомъ въ Римъ, вѣроятно, лѣтомъ 867 года, отправилъ и письма обоихъ императоровъ, безъ сомнѣнія, увѣдомлявшихъ подробно Бориса-Михаила о дѣлахъ церковныхъ. Этого достаточно было честолюбивому Николаю, чтобы втянуть тотчасъ-же весь западъ въ дѣла личной его распри и личныхъ разсчетовъ и, подъ прикрытіемъ религіи, совершить относительно востока то-же, что сдѣлалъ послѣдній относительно его самого. Уже въ октябрѣ того-же (867) года, мы встрѣчаемъ папское посланіе къ реймскому архіепископу, Гинкмару, и ко всѣмъ епископамъ французскимъ [81], а также и къ нѣмецкимъ [82]. Въ этихъ-то посланіяхъ, папа передаетъ дѣйствія

[80] Понятно, что новѣйшіе писатели повторяютъ слова Анастасія библіотекаря (см. Рачкій, стр. 197). Но есть и такіе писатели, которые позволяютъ себѣ дѣлать собственные вымыслы, обнаруживающіе самую ѣдкую и, надобно признаться, безсмысленную злобу. Такъ, г. Штульцъ, не сообразивши даже времени этого собора, отнеся его къ 866 году (стр. 390—91) и выставляя въ числѣ участниковъ давно уже лежавшаго въ могилѣ Варду, будто бы самовольно вынудившаго дѣлать на соборѣ то, чего желалъ онъ, объявляетъ, что съ востока явились купцы и заняли мѣста патріарховъ восточныхъ: это были, по его увѣреніямъ, наемные обманщики, подававшіе голосъ по приказу двора цареградскаго (сравн. стр. 408). Что можно говорить противъ такой безстыдной клеветы?

[81] Mansi, XV, 355.

[82] Annal. Fuld. ad an. 867.

патріарха Фотія, будтобы извлеченныя имъ изъ окружнаго его посланія къ восточнымъ архіереямъ, которое Фотій, вмѣстѣ съ другими письмами, препроводилъ и къ болгарскому князю, а этотъ переслалъ все папѣ. Всматриваясь въ эти посланія и сравнивая содержаніе ихъ съ окружною грамматою Фотія, мы не можемъ не удивиться различію и такимъ новостямъ, которыя рѣшительно обнаруживаютъ клевету. Вопросъ можетъ только заключаться въ томъ, кому принадлежитъ послѣдняя: посламъ ли болгарскимъ, передававшимъ, быть можетъ, многое на словахъ неправильно, или самому папѣ Николаю. Во всякомъ случаѣ, невозможно допустить, чтобы подобныя вещи, въ какихъ упрекаетъ папа Фотія передъ западнымъ духовенствомъ, заключались въ письмахъ императоровъ византійскихъ къ Борису-Михаилу, пересланныхъ послѣднимъ папѣ, по свидѣтельству его самого: iidem imperatores epistolam suam ipsi regi Bulgarorum transmisere, quam ipse accipiens nobis per legatos nostros deferri devota mente decrevit[83]. Императоры, конечно, ежели касались вопросовъ церковныхъ или догматическихъ, то выражали то-же, что было высказано въ Фотіевой грамматѣ, и никогда не допустили бы тѣхъ нелѣпостей, въ какихъ упрекается Николаемъ Фотій; ктомуже изъ того, что говорятъ императоры, вовсе не слѣдуетъ, чтобы то-же утверждалъ и Фотій. Какъ бы то ни было, но потеря въ римской церкви императорскихъ писемъ не можетъ не давать повода знакомому съ выдумками западными предполагать, что извѣстія о Фотіевыхъ дѣйствіяхъ, въ посланіяхъ папскихъ къ духовенству западному, обязаны своимъ источникомъ не этимъ письмамъ какъ, въ свою очередь, посланія Николая не даютъ ни малѣйшаго права утверждать, что по содержанію ихъ слѣ-

---

[83] Mansi, тамъ-же.

дуетъ судить о содержаніи упомянутыхъ писемъ, на чемъ настаиваютъ писатели западные[84]. Въ самомъ дѣлѣ, могъ ли Фотій, при обширномъ своемъ умѣ, при сдержанномъ нравѣ, при строго-серьезномъ взглядѣ на дѣла религіи и церкви, обвинять передъ болгарскимъ княземъ латинниковъ въ томъ, что они приготовляютъ мѵро изъ воды, что жертвуютъ и благословляютъ, подобно Іудеямъ, пасхальнаго агнца на алтарѣ, вмѣстѣ съ тѣломъ Господнимъ, что латинскіе священники стригутъ бороды, что діаконъ можетъ быть посвященъ въ епископа помимо священства и т. п., какъ пишетъ о томъ Николай къ епископамъ французскимъ; еще менѣе согласно съ духомъ патріарха Фотія увѣреніе папы, въ томъ-же посланіи, будто онъ убѣждалъ Бориса-Михаила въ первенствѣ своего престола и въ главенствѣ своемъ надъ церьковью: первое опровергается отчетливымъ, подробнымъ и глубокимъ знаніемъ Фотія исторіи церкви, въ чемъ не сомнѣваются и самые злые его противники, что столь блистательно доказалъ онъ своими обширными сочиненіями и что такъ рѣшительно свидѣтельствуется послѣднимъ его окружнымъ посланіемъ, переполненнымъ выдержками изъ опредѣленій вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, извлеченіями изъ знаменитѣйшихъ отцевъ церкви и книгъ св. писанія; послѣднее уничтожается положительно слѣдующими словами самого Фотія, заключающими окружную его граммату: *Христосъ и истинный Богъ нашъ, глава и начальникъ всего священнаго чина*[85].... И ежели возможно объяснить подобныя клеветы на Фотія со стороны взволнованнаго, раздраженнаго и самолюбиваго папы неукротимымъ пыломъ его честолюбія и надменности, то навсегда останется непростительнымъ повтореніе того-же и увѣреніе въ

[84] См. Рачкій, стр. 202, прим. 1.

[85] Срв. «Очеркъ жизни патріарха Фотія», стр. 57.

справедливости повторяемаго, со стороны отдаленнаго потомка, въ сочиненіи историческомъ, въ пору, когда подъ-рукою автора могутъ находиться достовѣрныя данныя, приводящія къ обратному заключенію, и тѣмъ непростительнѣе, когда самъ-же авторъ всюду обнаруживаетъ, что такія данныя ему извѣстны и притомъ— какъ несомнѣнныя [86].

Въ заключеніе своего несправедливаго, вымышленнаго обвиненія, папа проситъ западныхъ епископовъ ускорить опроверженіемъ Фотіевыхъ небывалыхъ приговоровъ, чтобы послать его немедленно-же въ Царьградъ. Николай не преминулъ отнестись и къ свѣтской власти, и въ особомъ письмѣ (отъ 24 октября, 867 года) [87], на имя Карла, убѣждаетъ этого короля поддержать своихъ епископовъ. Пока готовится это безполезное опроверженіе того, чего въ дѣйствительности не было, взглянемъ на цѣли болгарскаго посольства и на распоряженія, по его поводу, папы.

По словамъ Анастасія библіотекаря, цѣль новаго болгарскаго посольства состояла въ испрошеніи у папы архіепископа, въ лицѣ отправленнаго прежде въ Болгарію епископа портуанскаго, Формоза, а также и новыхъ священниковъ для наставленія народа (Unum ex his Formosum vita et moribus episcopum sibi dari archiepiscopum (rex) expetiit. Tunc iterum legatos suos Romam direxit et inter alia... ab ejus sanctitate pro instructione gentis illius presbyteros postulavit) [88]. Припоминая время перваго отправленія изъ Рима духовныхъ въ Болгарію, кажется, нельзя не подивиться скорости втораго посольства отъ князя болгарскаго, равно и не понять побужденій къ нему.

---

86 Рачкій, Viek i djel., стр. 202.

87 Mansi, XV, 332.

88 Anast. Bibl. «de vitis pontif. romanor.», стр. 421 — 422.

Дѣйствительно, не прошло и года, какъ Борисъ-Михаилъ познакомился съ епископами римскими, а уже встрѣчаетъ надобность посылать опять въ Римъ, и за-чѣмъ-же? Чтобы одинъ изъ епископовъ, и именно Формозъ, былъ поставленъ архіепископомъ въ Болгаріи. Какъ ни скрыта, Анастасіемъ библіотекаремъ, настоящая цѣль такого желанія, но, смѣемъ думать, добраться до нея очень не трудно, какъ весьма понятно, что эта цѣль только подтвердитъ высказанныя нами прежде соображенія, относительно неожиданнаго оборота болгарскаго князя къ Риму.

Въ самомъ дѣлѣ, въ числѣ вопросовъ Бориса-Михаила къ папѣ видное мѣсто занимаетъ вопросъ о патріаршествѣ въ Болгаріи; уклончивый отвѣтъ папы, въ ряду 106 его отвѣтовъ — „объ этомъ нельзя отвѣчать положительно, пока не возвратятся отъ васъ наши послы; на первый разъ имѣйте епископа, потомъ-же, когда у васъ распространится христіанство и поставлены будутъ надъ отдѣльными церквами епископы, то можно будетъ одного изъ нихъ избрать, если не въ патріархи, то по крайней мѣрѣ въ архіепископы“ [89] — естественно, тѣмъ менѣе въ состояніи былъ удовлетворить болгарскаго князя, чѣмъ настоятельнѣе, по его политическимъ соображеніямъ, была потребность имѣть отдѣльный патріархатъ. Не видя надежды на полученіе отъ папы патріарха, тѣмъ поспѣшнѣе желалъ упрочить за своей страной Михаилъ архіепископа, конечно, не безъ разсчетовъ перейти, при учрежденіи архіепископства, къ требованію и патріарха, въ чемъ, вѣроятно, надѣялся онъ и на содѣйствіе новаго архіепископа. Отношеніе князя къ Формозу и взглядъ на послѣдняго папы способны только подтверждать это

89 Гильферд., стр. 80.

предположеніе. На-сколько тѣсна была связь и велико единодушіе между Борисомъ-Михаиломъ и Формозомъ, кромѣ желанія перваго имѣть *только его* архіепископомъ, видно и изъ распространившагося мнѣнія въ Римѣ, повлекшаго за собою строгое осужденіе Формоза, будто онъ взялъ клятву съ князя не брать никого другаго къ себѣ въ архіепископы, кромѣ него [90]. Къ тому-же заключенію ведетъ и распоряженіе папское: назначая въ Болгарію новыхъ священниковъ и присоединяя къ нимъ еще двоихъ епископовъ — Доминика тривентинскаго и Гримвальда полимартійскаго, папа Николай не только отказываетъ князю поставить архіепископомъ Формоза, но спѣшитъ даже удалить его изъ Болгаріи, требуя немедленнаго же путешествія его въ Царьградъ. Что за причина такого неуваженія къ просьбѣ князя, столь опаснаго для видовъ самаго папы? Ловкій и политическій умъ папы Николая служитъ лучшимъ доказательствомъ, что причина должна быть весьма важная, въ смыслѣ интересовъ римскаго первосвященника. Едва-ли возможно допустить въ составъ такой причины какое-либо иное соображеніе, кромѣ опасенія, что Формозъ, ставши архіепископомъ, не откажется дѣйствовать въ видахъ князя и, ограничивши сначала, потомъ прерветъ окончательно зависимость отъ Рима. А, разумѣется, не такимъ результатомъ восхищался папа, когда встрѣчалъ впервые посольство Борисово и распоряжался отпускомъ въ Болгарію западнаго духовенства. Что таковы были побужденія отказа, очевидно изъ противорѣчивой шаткости внѣшняго основанія, представленнаго Николаемъ Борису-Михаилу, по свидѣтельству Анастасія библіотекаря: потому, говорилъ папа, нельзя утвердить Формоза архіепископомъ, что онъ не долженъ

---

[90] Mansi, XVII, 236; Рачкій, стр. 203.

оставлять своей портуанской паствы, что нуженъ для нея, и въ то-же самое время, ни мало не стѣсняется предлагать выбрать для архіепископскаго званія кого-либо изъ вновъ посылаемыхъ епископовъ, которые, однако-же, точно также имѣли свои паствы и въ такой-же степени могли быть нужны для нихъ, какъ и Формозъ для своей: ille (papa) non pauci numeri coram se probavit presbyteros, et... in Bulgariam direxit, cum quibus Dominicum Trivensem et Grimvaldum Polimartiensem episcopos destinavit, ut quia ipsum Formosum plebem dimittere sibi creditam non opportebat, episcopum ex his presbyteris ad archiepiscopatum, qui dignus inveniretur, in nomine Domini tandem eligeretur, et Sedi consecrandus apostolicae mitteretur [91]. Своекорыстная разсчетливость папы въ отказѣ подтверждается не мало и высокимъ мнѣніемъ о поведеніи Формоза, противъ котораго обвинители не нашли ничего сказать, кромѣ голословныхъ осужденій въ славолюбіи и въ стремленіи къ высшимъ почестямъ [92]. Нѣтъ, не таковъ былъ папа Николай и не таковы были вообще обстоятельства, чтобы онъ рѣшился на опасный рискъ — пренебрегать желаніемъ князя имѣть архіепископомъ достойнаго человѣка, если-бы онъ не былъ увѣренъ, что въ этомъ рискѣ заключено единственное средство спасти свое вліяніе и владычество надъ ново-обратившеюся къ нему страною, а эта увѣренность, въ свою очередь, слишкомъ наглядно выражаетъ исключительный взглядъ римскаго первосвященника на безусловное свое господство всюду, не зависимо отъ воли народной и желаній ея представителей. Но не легко было провести такой взглядъ среди народа новаго, въ странѣ, привыкшей видѣть у ближайшаго сосѣда совершенно иное направленіе

91 Anast. Bibl. «de vit. pontif. romanor.», стр. 422.

92 Mansi, тамъ-же, срав. Рачкій, стр. 203.

въ тѣхъ-же предметахъ; и Болгарія не замедлила покинуть западъ и Римъ, еще тѣснѣе, чѣмъ прежде, примкнувши къ востоку, отъ котораго самымъ естественнымъ способомъ получила сначала архіепископство, а потомъ и патріаршество.

Велико было раздраженіе Николая противъ рѣшительныхъ дѣйствій патріарха Фотія, обширны были и приготовленія его къ своему оправданію и пораженію противника, но судьба не дала ему довести дѣла до конца: 13 ноября, слѣдовательно, съ небольшимъ черезъ двѣ недѣли послѣ подписи посланія къ Гинкмару, Николай умеръ, а 14 декабря, того-же 867 года, былъ уже избранъ и утвержденъ новый папа, Адріанъ II. Въ то-же почти время, придворный переворотъ въ Византіи послужилъ основаніемъ къ устраненію и невольнаго противника папы Николая — патріарха Фотія. Въ концѣ сентября, цезарь Василій, опасаясь погибнуть отъ императора Михаила, нетрезвый и буйный нравъ котораго давалъ силу и значеніе всевозможнымъ интригамъ, рѣшился предупредить убійствомъ его самого, что и совершилъ 23 сентября. На слѣдующій день былъ уже коронованъ онъ, вмѣстѣ съ женою, императорскою короною, а скоро и патріархъ Фотій принужденъ былъ оставить престолъ свой, на который снова возвратился Игнатій.

Основанія, какими руководился новый императоръ, при перемѣнѣ патріарха, представляются у различныхъ писателей различно. Врагъ Фотія, знакомый уже намъ, Никита Пафлагонянинъ, увѣряетъ, будто Василій низвергъ Фотія за несогласія, какія возбуждалъ Фотій давно между покойнымъ императоромъ

[93] Qui (Photius) cum dubius hæreret, ad quem tandem summa imperii esset perventura; subinde apud Michaëlem carpebat Basilium, et vicissim apud Basilium obtrectabat Michaëli, ratus amborum se ita amicitiam comparaturum. Рачкій, 208, прим. 2.

и имъ, и за двуличнивость въ обращеніи какъ съ тѣмъ, такъ и съ другимъ [93]. Вѣрить этому свидѣтельству было бы не справедливо уже по одному знакомству съ характеромъ Фотія, прямымъ и рѣшительнымъ, и по обращенію его съ злымъ, раздражительнымъ и, въ свое время, всесильнымъ Вардою, которому, однакоже, Фотій не считалъ нужнымъ потворствовать, тѣмъ менѣе унижаться передъ нимъ. Но мы имѣемъ болѣе несомнѣнное свидѣтельство о причинѣ недовольства Василія на Фотія, предлагающей новое доказательство правдолюбія и твердости патріарха. По словамъ Льва грамматика, Фотій отказалъ Василію въ св. причастія, какъ убійцѣ императора, и это было причиною гнѣва противъ него новаго правителя [94]. Самъ Константинъ Багрянородный, не отказавшійся бы воспользоваться обвиненіемъ Фотія, ежели бы оно было справедливо, чтобы оправдать великаго своего дѣда, не проронилъ, однакоже, ни одного слова противъ патріарха, замѣтивши, по этому случаю, только, что возвращеніе Игнатія Василіемъ произошло единственно изъ правдолюбія послѣдняго. Уважая умъ императора Василія, его политическій тактъ, мы готовы согласиться, что не одно раздраженіе за отказъ въ св. причастіи побудило его отстранить Фотія, но и желаніе прекратить раздоръ церкви, чего трудно было достигнуть при немъ, когда въ Константинополѣ не было еще извѣстно, что престолъ римскій не занимаетъ больше безпокойный и упорный Николай. По свидѣтельству Никиты Пафлогонянина, Фотій удаленъ былъ изъ Константинополя ровно черезъ мѣсяцъ послѣ воцаренія Василія, а патріархъ Игнатій

---

[94] Imperatorem . . . . prædonem et homicidam s. communionis indignum Photius patriarcha vocabat; то-же говорятъ и другіе лѣтописцы: Зонара, Іоиль, Георгій, даже врагъ Фотіевъ, Симеонъ Логотетъ, см. «Правда вселен. церк.», стр. 253 — 254.

возстановленъ 23 ноября, слѣдовательно спустя десять дней, по смерти Николая папы[95].

И такъ, къ самому концу 867 года или къ началу 868, два противника, бывшіе, хотя и не одинаковыми, виновниками прекращенія сношеній между обѣими половинами церкви вселенской, прекращенія, едва не перешедшаго въ окончательный разрывъ, сошли съ поприща дѣятельности, — одинъ на-всегда, другой пока только на-время. На мѣстѣ Фотія явился опять Игнатій, тотъ патріархъ, изъ-за поддержки котораго, по видимому, столь ревностно вступилъ въ борьбу папа Николай. Казалось бы, нѣтъ ничего легче произвести примиреніе и возстановить единство церкви: стоило только оправдать и одобрить поступокъ императора за возстановленіе власти законнаго представителя цареградской церкви и подать совѣтъ о необходимости и справедливости подчиниться всѣмъ ея членамъ новому патріарху. Но въ томъ-то и дѣло, что заступничество за Игнатія, со стороны церкви римской, было лишь видимымъ предлогомъ, и настоящая цѣль, упроченіе и на востокѣ безусловнаго владычества надъ церковью, обнаружилась тотчасъ-же и въ лицѣ новаго папы, рѣшившагося дѣйствовать по духу и видамъ своего предшественника: Cujus (Nicolai) ipse (Hadrianus) conversationis exempla sic solertissime sequebatur, ut ab hostibus s. Nicolai, quia omnibus ejus acta penitus infringere nitebantur, Nicolaitanus et scriberetur et publice diceretur, говоритъ Анастасій библіотекарь[96]. Простое признаніе Игнатія и немедленное же возвращеніе единенія, согласныя съ духомъ смиренія и любви,

---

[95] Ignatius XXIII Novembris, dies erat Dominica . . . ecclesiæ suæ throno restituitur. Ракчій, тамъ-же, прим. 5.

[96] De vitis pontific. romanor., стр. 225.

не соотвѣтствовали задуманнымъ планамъ римскихъ первосвященниковъ — подчинить своему господству церковь христіанскую, и Адріанъ II возобновилъ тѣ-же притязанія, за которыми неминуемо должно было послѣдовать продолженіе и прежняго отчужденія.

Довольный низложеніемъ Фотія, Адріанъ II считалъ своею обязанностью воспользоваться даннымъ случаемъ, столь согласнымъ съ опредѣленіями римскими, чтобы поднять авторитетъ своего престола и въ Царьградѣ на ту-же высоту, на какую поставленъ онъ былъ Николаемъ на западѣ; а для этого необходимо было торжественное заявленіе своего одобренія совершившемуся перевороту и настояніе на наказаніи того лица, которое осмѣлилось не только противорѣчить волѣ папской, но даже цѣлымъ соборомъ произнести проклятіе надъ самимъ папой; необходимо было и торжественное уничтоженіе равносильнымъ же собраніемъ всѣхъ опредѣленій такого собора, чтобы поддержать разглашенную неподсудность римскаго епископа, могущаго только судить и осуждать, но никѣмъ не быть судимымъ, тѣмъ менѣе осужденнымъ. Соборъ представлялся папѣ тѣмъ болѣе потребнымъ, чѣмъ очевиднѣе казалась надежда на выставленіе своего первенства, при слабомъ старчествѣ Игнатія, не могшаго не быть благодарнымъ Риму за участіе въ немъ, и при горячемъ желаніи императора прекратить раздоръ церкви, чтобы тѣмъ легче, при содѣйствіи римскаго престола, возобновить утраченное, при его слабыхъ предшественникахъ, господство надъ Италіей. И какъ дорожилъ этимъ событіемъ Адріанъ II, видно изъ поспѣшнаго отправленія имъ посланій къ императору и Игнатію, лишь только *стороною* узналъ онъ о происшедшей въ Константинополѣ перемѣнѣ, отъ проѣзжавшаго черезъ Римъ посла Василіева къ императору Людовику II. Благодаря царя

за возвращеніе Игнатія и удаленіе Фотія, восхваляя передъ Игнатіемъ его терпѣніе и радуясь за его возвышеніе, въ обоихъ письмахъ онъ объявляетъ, что не только относительно Фотія, но и всѣхъ его сообщниковъ, слѣдовательно огромнаго числа какъ высшаго, такъ и низшаго духовенства византійскаго, столица римская остается при прежнемъ своемъ опредѣленіи, т. е. необходимости отлученія и проклятія ихъ. Понятно, что въ этомъ заключается прямой вызовъ на соборъ, который бы уравнялъ дѣла церковныя и на которомъ представители папскіе могли бы явиться главными распорядителями. Письма были отправлены въ самомъ началѣ августа, 868 года, и не раньше, какъ въ послѣдніе дни того-же года, выѣхало посольство изъ Константинополя въ Римъ, съ письмами отъ Василія и Игнатія. Первый высказываетъ горячее желаніе возстановленія порядка церковнаго, спрашиваетъ совѣта папскаго, какъ поступить съ приверженцами Фотія и убѣждаетъ его прислать отъ себя людей, съ которыми бы возможно было устроить дѣла церковныя. Въ томъ-же духѣ и смыслѣ изложенъ отвѣтъ и Игнатія: ни у того, ни у другаго нѣтъ ни малѣйшаго намека на какой-либо вселенскій соборъ[97].

Но, начавши сношенія съ востокомъ, новый папа никакъ не думалъ не только прекратить, но и отложить или отсрочить распоряженія Николая. Мы видѣли, что послѣдній, предъ смертію своею, обратился съ окружными грамматами къ духовенству французскому и нѣмецкому, предлагая ему приготовить возраженія противъ дѣйствій и приговоровъ Фотіевыхъ, чтобы, на

---

[97] Оба письма находятся у Баронія: Annal. ecclesiast. ad an. 867. Въ годѣ Бароній допустилъ ошибку, сколько можно видѣть изъ содержанія писемъ. Срв. Гачкій, стр. 215, прим. 3.

основаніи этихъ возраженій, отплатить на собственномъ соборѣ византійскому патріарху за то, что сдѣлалъ онъ въ Цареградѣ, относительно папы. Вѣрный поклонникъ политики Николая, Адріанъ II считалъ своимъ долгомъ довершить то, чего не успѣлъ покончить, за смертію, его предшественникъ. И вотъ, въ маѣ 869 года, въ церкви св. Петра въ Римѣ, составился соборъ, въ присутствіи 30 епископовъ [98]. На немъ, прежде всего, отвергнутъ соборъ константинопольскій, 867 года, и дѣянія этого собора, принесенныя изъ Царяграда, были сожжены; за этимъ рѣшено, что всѣ, подписавшіеся подъ опредѣленіями собора, могутъ быть приняты снова въ лоно церкви, только подъ условіемъ исправленія. Замѣтимъ, что въ числѣ подписавшихся былъ и тогдашній кесарь, а нынѣшній императоръ Василій, къ которому съ такою любовію и благодарностью обратился папа, Адріанъ. Тутъ-то, въ оправданіе императора и множества другихъ высшихъ сановниковъ, изъ духовенства и мірянъ, заявлено было о ложности подписей, чтобы тѣмъ легче усилить виновность Фотія, при исключеніи отъ отвѣтственности остальныхъ вліятельныхъ лицъ. Понятно, что Фотій былъ осужденъ и отлученъ отъ церкви, съ замѣчаніемъ, что, ежели онъ покорится приговору соборному, то можетъ быть принятъ въ церковное общеніе, *какъ мірянинъ.* Такъ усиливался Римъ уничтожить цѣлыхъ десять лѣтъ патріаршества Фотіева, чтобы только настоять на своихъ противузаконныхъ опредѣленіяхъ и поставить ихъ во главу угла судебъ всей церкви христіанской.

Уже въ іюнѣ того-же года, отправлено было посольство изъ Рима въ Царьградъ, съ опредѣленіями только-что оконченнаго собора и съ письмами отъ папы къ императору и Игнатію. Въ

---

[98] Mansi, XVI, 122 — 131.

этомъ посольствѣ находился епископъ остійскій, Донатъ, діаконъ римской церкви, Маринъ, въ послѣдствіи папа, подъ именемъ Стефана, и епископъ непійскій, Стефанъ. Въ письмахъ [99], проникнутыхъ тономъ величія и диктаторства римскаго, Адріанъ II предлагаетъ рѣшительно составить въ Константинополѣ „многочисленный соборъ, подъ предсѣдательствомъ римскихъ пословъ". Императоръ, съ особенною честью принявши посольство папское, распорядился немедленно-же созваніемъ въ столицу собора, и, въ началѣ сентября, въ церкви св. Софіи, происходило уже первое его засѣданіе.

Соборъ этотъ, извѣстный на западѣ подъ именемъ *восьмаго вселенскаго*, представляетъ весьма важное событіе въ исторіи церкви, для опредѣленія духа и способа дѣйствій римскаго духовенства. Не смотря на то, что всѣ подробности и общій ходъ его сохранились только въ извѣстіяхъ латинниковъ, которые не упустили, конечно, случая выставить все согласно съ личными воззрѣніями и интересами, факты, совершившіеся на этомъ соборѣ, до того крупны и рѣшительны, такъ опредѣленны и самостоятельны, что, и при извращеніи ихъ или намѣренной запутанности въ текстахъ латинскихъ, мы не можемъ не дойти весьма близко до настоящей истины. А и эта приблизительная истина укажетъ необыкновенно ярко и на пристрастіе, и на недобросовѣстность и на положительную ложь, какія пущены были въ ходъ распорядителями собора, представителями римскими.

Описаніе этого собора сохранилось у одного Анастасія библіотекаря [100], также присутствовавшаго на немъ, и только въ

---

[99] См. Mansi, XVI, 20 и 311, 50 и 327.

[100] Mansi, XVI, стр. 1—207.

переводѣ латинскомъ. Подлинникъ дѣяній соборныхъ, на языкѣ греческомъ, погибъ во время нападенія славянъ далматскихъ на возвращавшееся въ Римъ посольство. Этого уже достаточно, чтобы съ особенною осторожностью и даже съ недовѣріемъ пользоваться свидѣтельствами библіотекаря Анастасія, не стѣснявшагося выдумками и въ такихъ случаяхъ, о которыхъ существуютъ и другія извѣстія.

Всматриваясь въ это описаніе, прежде всего невольно поражаешься удивительною малочисленностью присутствовавшихъ на этомъ *вселенскомъ* соборѣ. При всѣхъ усиліяхъ, со стороны и императора и Игнатія, едва-едва могли собрать 102 епископа, и то уже подъ самый конецъ собора, продолжавшагося отъ 5 сентября (869) по 28 февраля (870), слѣдовательно, въ теченіе цѣлаго полугода. А что было въ началѣ! Первое засѣданіе открылось при 18 святителяхъ, изъ которыхъ трое были легаты римскіе, а пять митрополитовъ и семь епископовъ греческихъ принадлежали къ числу пострадавшихъ за Игнатія; во второмъ засѣданіи присоединилось еще десять епископовъ, а между тѣмъ призывъ продолжался усиленнѣе и усиленнѣе, и это почти изъ шестисотъ епархій, составлявшихъ патріархатъ константинопольскій[101]. Таковы ли были соборы при Фотіи? Мы видѣли, что количество присутствовавшихъ на нихъ восходило далеко за триста. На основаніи сказаній того-же Анастасія, мы можемъ понять и причину этой малочисленности, открыть и такія дѣйствія на соборѣ, которыя въ состояніи быть самою твердою порукою, что лишь ничтожное меньшинство духовенства восточнаго соглашалось съ его дѣйствіями и опредѣленіями.

Существенная причина неявленія на соборъ заключалась въ

---

[101] Срв. Правда вселенск. церк., стр. 191.

формулѣ, привезенной изъ Рима, которую принять предварительно и подписать считали легаты необходимымъ для каждаго, кто хотѣлъ участвовать на соборѣ. Формула же эта, осуждая окончательно Фотія и его сообщниковъ, предавая проклятію ихъ, доколѣ ни покорятся суду римскому, проклиная равно и соборы, бывшіе въ Константинополѣ при Михаилѣ императорѣ и Фотіи, въ то-же время требуетъ безусловнаго признанія главенства папы и подчиненія исключительнымъ его приговорамъ. Дѣло слишкомъ ясное, что соборъ составлялся, по понятіямъ римскихъ пословъ и, конечно, самаго папы, вовсе не съ намѣреніемъ изслѣдовать дѣло, приговоръ надъ которымъ уже опредѣленъ напередъ, а чтобы только выслушать такой приговоръ и заставить подчиниться ему осужденныхъ. Съ другой стороны, принятіе этого рѣшенія было неразлучно съ признаніемъ законности и справедливости тѣхъ папскихъ притязаній, результатомъ которыхъ должно было упрочиться полное подчиненіе и востока престолу римскому. Дряхлый Игнатій, какъ видно, не сообразилъ цѣлей подобныхъ требованій легатскихъ принять предварительно означенную формулу, или, что также возможно, считалъ неумѣстнымъ, при желаніи своемъ примирить, какъ только можно скорѣе, раздоръ церковный, раздражать легатовъ и папу и тѣмъ отклонить примиреніе, да и личныя его отношенія къ первосвященникамъ римскимъ, столь горячо, по видимому, вступившимся за его достоинство и неприкосновенность, должны были удерживать его отъ всякаго рѣзкаго столкновенія. Ктому-же, нельзя не принять при этомъ и того въ соображеніе, что въ латинскомъ собраніи актовъ, относящихся къ восьмому собору, формула римская находится въ двухъ видахъ: на греческомъ, съ точнымъ латинскимъ переводомъ, и только на латинскомъ, будтобы переведенномъ Анастасіемъ съ погибшаго греческаго. Въ первой редакціи, гре-

ческой и переводной латинской [102], формула гораздо короче и съ значительнымъ выпускомъ тѣхъ выраженій, которыя относятся къ возвышенію власти папской и которыя занимаютъ видное мѣсто въ редакціи Анастасія библіотекаря. Едва-ли можно сомнѣваться, что первая редакція, осуждающая только Фотія съ сообщниками и соборы его въ Константинополѣ, и была предлагаема для подписи, и принять ее, равно и требовать принятія отъ другихъ тѣмъ болѣе могъ Игнатій, чѣмъ сильнѣе было его недовольство на Фотія. Но не такъ смотрѣли на это обстоятельство остальные епископы, не имѣвшіе никакой вражды къ Фотію, тѣмъ менѣе готовые пожертвовать независимостью своей церкви для честолюбія папскаго,—и ни сколько не удивительно, что когда, на третьемъ засѣданіи собора, отправлены

[102] Помѣщена она также у Mansi, XVI, вслѣдъ за редакціей Анастасіевой, съ страницы 208. Въ глазахъ латинника, конечно, текстъ греческій отличается *несовершенствомъ и испорченностью* (см. Рачк., стр. 248, прим. 2), не смотря на то, что допустить испорченность, какъ и вообще какую-либо преднамѣренную ложь въ настоящемъ случаѣ, совершенно противно здравому смыслу. Вѣдь вся *порча* заключается только въ опущеніи того положенія папы, какое придано ему въ редакціи Анастасія; а кому же пришла бы охота составлять греч. редакцію послѣ, когда было извѣстно, что и документы, везенные римскимъ посольствомъ, погибли подъ набѣгомъ славянскимъ, и когда греку естественнѣе бы было вовсе опустить преступную формулу римскую, доселѣ небывалую, нежели измѣнять ее. Нѣтъ, ежели уже допускать гдѣ *несовершенство* и *испорченность*, то только въ редакціи латинской, составлявшейся по *предполагаемому* лишь греческ. экземпляру, неизвѣстными судьбами спасенному будто отъ погрома славянскаго, и составлявшагося притомъ человѣкомъ, нравственность котораго вовсе не можетъ обязывать къ безусловному довѣрію (см. Правда вселен. церк., стр. 195—196).

были нѣкоторые епископы убѣждать другихъ подписать римскую формулу, то послѣдніе рѣшительно объявили, что для права участвовать на соборѣ достаточно ограничиться лишь ихъ исповѣданіемъ вѣры. Въ какой степени были обманчивы, а вѣроятно, относительно нѣкоторыхъ, и насильственны подписи подъ формулой, ясно изъ того, что, не взирая на всю малочисленность подписавшихся, сравнительно съ цѣлымъ составомъ патріархата византійскаго, императоръ обратилъ заботливое вниманіе на представленія своихъ епископовъ, что подобными подписями церковь восточная передается въ руки папъ, и тотчасъ-же послѣ собора, какъ говоритъ Анастасій библіотекарь, распорядился отнять у легатовъ формулу и возвратилъ обратно только по просьбѣ бывшихъ въ ту пору въ столицѣ пословъ императора нѣмецкаго[103]. Нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что и нападеніе на легатовъ, со стороны славянъ далматскихъ, совершилось не безъ участія императорскаго.

Ограничивши, такимъ образомъ, соборъ единственно лицами,

---

[103] His expletis quidam Graecorum imperatorem conveniunt et constantinopolitanam ecclesiam per oblatos libellos in potestatem romanam redactam flebiliter conqueruntur, ex dubietate subscriptionum. Omnia quae in Synodo decreta fuerant, revolvenda, cunctaque residuis erroribus confundenda fatentur, et nisi libellos reciperent, libertatem pristinam se non posse recipere fingunt et illico quidam libelli a custodibus, quoniam excellentiorum episcoporum libellos legati sanctæ romanæ ecclesiæ, futurorum praescii, prorsus abstulerant, defraudantur, ac per hoc incredibiliter consternati Supponis... et Anastasii... fidelissimis auxiliis innituntur. Quibus diverso modo non sine magno laboris periculo imminentibus, libellos quidem vix tandem recipiunt: sed imperatoris iram pro nimia suæ districtione fidei vehementer incurrunt. «De vitis pontif. romanor.», стр. 230.

или враждебными Фотію, или безразличными въ нравственномъ отношеніи, или прямыми поборниками престола римскаго, легаты, тѣмъ не менѣе, принуждены были, и при такомъ составѣ собранія, встрѣтить не мало препятствій для довершенія своихъ плановъ, и еще ярче обнаружить всю постыдную несправедливость и злоумышленность своихъ дѣйствій.

Съ этой точки зрѣнія, едва-ли не самое важное было засѣданіе четвертое. На него явились два митрополита, посвященные еще Игнатіемъ, Ѳеофилъ и Захарія, которые удостовѣряли соборъ, что они, будучи отправлены Фотіемъ въ Римъ, съ извѣстіемъ о вступленіи его на патріаршество, имѣли сообщеніе съ папою Николаемъ. Обстоятельство очень знаменательное, потому что свидѣтельствуетъ о неотверженіи Николаемъ Фотія, въ первое время. Можно представить, какъ возстали противъ этого легаты, не смотря на то, что оба митрополита указывали на сидѣвшаго тутъ-же діакона Марина, какъ на очевидца ихъ общенія съ папою. И тѣмъ настоятельнѣе потребовали легаты изгнанія митрополитовъ изъ собранія, что они съ рѣшительностью отказались подписать предложенную имъ формулу римскую.

На шестомъ засѣданіи, въ присутствіи уже императора, отказавшагося быть на первыхъ засѣданіяхъ, чтобы не стѣснять своимъ вліяніемъ духовенства, произошелъ также замѣчательный случай. За рѣчью Василія, въ которой императоръ старался убѣдить приверженцевъ Фотія обратиться, одинъ изъ нихъ, епископъ кесарійскій, объявилъ императору, что если онъ дастъ письменное удостовѣреніе въ томъ, что они могутъ говорить въ свое оправданіе свободно, то онъ надѣется доказать всю несправедливость произносимыхъ на соборѣ рѣчей, и когда за этимъ сказалъ онъ императору, что Игнатій далъ, наконецъ, отрече-

піе отъ патріаршаго престола, то легаты запретили продолжать ему разговоръ, какъ отлученному римскою церковью, и обратились съ вопросомъ, кто изъ держащихъ еще сторону Фотія посвящен Игнатіемъ. Поднялись три епископа, и когда послы папскіе предложили имъ ту-же формулу, то они на-отрѣзъ отказались подписать ее, присоединивъ, что если императоръ прикажетъ, то они скажутъ истину, какъ все было. И эти три епископа, за упорство, были удалены изъ собора. Обо всемъ этомъ говорится у Анастасія библіотекаря, и нельзя тѣмъ болѣе еще не приходить къ заключенію, до какой степени были малочисленны приверженцы Игнатія и какъ слабы должны были быть они нравственно, когда и въ средѣ посвященныхъ имъ епископовъ, въ средѣ, очевидно, сильно уменьшенной десятилѣтнимъ отстраненіемъ Игнатія, являлось довольно много святителей, не отступавшихъ отъ Фотія.

Но западъ признаетъ этотъ соборъ вселенскимъ, для чего необходимо присутствіе и остальныхъ верховныхъ представителей церкви, какъ-то: патріарха александрійскаго, іерусалимскаго и антіохійскаго. Были ли они, или прислали ли, по крайней мѣрѣ, отъ себя уполномоченныхъ? Мы привели выше слова одного изъ писателей католическихъ, на-счетъ намѣстниковъ отъ этихъ патріарховъ на соборѣ 867 года, которыхъ онъ позволилъ себѣ назвать купцами, наемными обманщиками, — а между тѣмъ, всѣ они явились съ довѣрительными грамматами отъ своихъ патріарховъ. Что-же было теперь, на признаваемомъ католиками *восьмомъ вселенскомъ* соборѣ? Въ католическихъ описаніяхъ, конечно, занимаютъ мѣста и уполномоченные отъ патріарховъ іерусалимскаго и антіохійскаго. Между тѣмъ до насъ дошли слишкомъ достовѣрныя извѣстія, что такіе намѣстники были не кто другіе, какъ присланные съ востока, калифомъ арабскимъ, иноки,

по дѣламъ, не имѣвшимъ рѣшительно ни малѣйшей связи съ настоящимъ соборомъ, потому что они касались единственно вопроса о выпускѣ сарацинскихъ плѣнниковъ, находившихся въ греческомъ царствѣ. Независимо отъ свидѣтельства патріарха Фотія, это очевидно изъ самаго письма патріарха іерусалимскаго, Θеодосія, представленнаго Игнатію, его посланникомъ, занявшимъ, по приказанію императора и Игнатія, мѣсто своего патріарха на соборѣ. Въ томъ-же письмѣ говорится и объ архіепископѣ, Θомѣ, отправленномъ эмиромъ по тому-же выкупу плѣнныхъ, и засѣдавшимъ на соборѣ, въ качествѣ старшаго въ патріархатѣ александрійскомъ, только-что потерявшемъ своего патріарха [104]. Но самое очевидное свидѣтельство недѣйствительности патріаршихъ уполномоченныхъ, по дѣламъ, такъ называемаго, восьмаго вселенскаго собора, предлагаютъ грамматы самихъ патріарховъ, присланныя на слѣдующій соборъ константинопольскій, въ которыхъ увѣдомляютъ первосвятители церковь вселенскую о строгомъ наказаніи, какому подвергли они нарушителей данныхъ имъ правъ.

Какъ-же поступали съ Фотіемъ, виновникомъ этого собора? Какъ подсудимый, напередъ уже осужденный властолюбіемъ и корыстолюбіемъ римскимъ, онъ два раза былъ призываемъ въ собраніе, на пятое и седмое его засѣданія. Въ первый разъ, патріархъ не отвѣчалъ ничего на обращавшіеся къ нему вопросы, ссылаясь на примѣръ Спасителя, молчавшаго на судѣ; во второй разъ, когда требовали отъ него покаянія, Фотій спросилъ самихъ членовъ собора, одумались ли они и рѣшились ли, наконецъ, перемѣнить неправый свой судъ, дополнивши, что онъ

---

104 Правда вселен. церк., стр. 266 — 267; Флёри, кн. LI, гл. 27, 41.

не находитъ что отвѣчать противъ клеветы. Тогда, вмѣстѣ съ множествомъ своихъ приверженцевъ, онъ преданъ былъ проклятію; всѣ акты бывшихъ опредѣній соборныхъ противъ папы Николая сожжены; уполномоченные отъ восточныхъ патріарховъ, на прежнемъ соборѣ, объявлены ложными, а лица, свидѣтельствовавшія противъ Игнатія, подвержены покаянію. За многолѣтіями новому папѣ, Адріану, патріарху Игнатію и императору, и за вѣчною памятью папѣ Николаю, окончился соборъ одинъ изъ самыхъ скудныхъ, по количеству лицъ, и, конечно, самый скуднѣйшій, если смотрѣть на него съ точки зрѣнія римской, возвышающей его на степень вселенскаго. И непонятнымъ становится для прямаго взгляда притворное восхваленіе блеска и многочисленности этого собора, въ сочиненіяхъ католическихъ писателей, которымъ нельзя отказать ни въ знакомствѣ съ источниками, ни въ критическомъ талантѣ, по другимъ историческимъ вопросамъ [105]. Какой же блескъ и какая многочисленность на этомъ соборѣ могла восхитить ученаго, отчетливо знакомаго съ составомъ и дѣяніями дѣйствительно вселенскихъ соборовъ? Неужели едва сотня членовъ соборныхъ, принимавшихъ участіе въ опредѣленіяхъ, въ состояніи поразить многочисленностью, когда слишкомъ 300 епископовъ той-же цареградской патріархіи, по дѣламъ которой составился соборъ, не хотѣли и слышать объ этихъ опредѣленіяхъ и неизмѣнно оставались въ тѣсномъ общеніи съ Фотіемъ, какъ съ своимъ патріархомъ [106]; неужели добросовѣстно историку проповѣдывать о свѣтлости блеска тамъ, гдѣ сдѣлано все, чтобы устранить истинный свѣтъ, то есть правду, гдѣ однихъ выгоняли, другихъ заставляли мол-

---

105 Срв. Рачкій, стр. 248.

106 Флёри, кн. LII, гл. 20; Правда вселен. церк., стр. 273—274.

чать, — и такъ поступали съ лицами, готовыми представить положительныя доказательства своихъ заявленій, противныхъ напередъ составленному рѣшенію подъ своекорыстнымъ вліяніемъ римскаго первосвященника и его легатовъ? Ни сколько не удивительно, послѣ этого, что тотъ-же писатель, который такъ подробно разбираетъ другіе соборы, признаетъ излишнимъ останавливаться на частностяхъ этого *inače veleznamenitoga sabora* (во всякомъ случаѣ многознаменитаго собора), и считаетъ достаточнымъ удовольствоваться только нѣкоторыми общими чертами: понятно, что и пользованіе Анастасіемъ библіотекаремъ неизбѣжно должно набросить такія тѣни, по которымъ безпристрастный судья не преминетъ заподозрѣть чистоту цѣлаго собора [107].

Но какъ бы то ни было, соборъ состоялся; опредѣленія его приняты и подписаны и верховнымъ представителемъ церкви цареградской, возстановленнымъ патріархомъ Игнатіемъ. Раздоръ церковный, такимъ образомъ, долженъ былъ прекратиться; единенію, между обѣими половинами въ духѣ согласія, мира и любви, казалось, не предстояло препятствій: Римъ, ежели онъ, дѣйствительно, имѣлъ въ виду идею правды и безукоризненной законности, достигъ вполнѣ своей цѣли и усилій отстраненіемъ незаконнаго, по его понятіямъ, патріарха Фотія и возстановленіемъ любезнаго ему Игнатія, въ которомъ видѣлъ онъ и полноту правовѣрія, и законность избранія и образецъ христіанскаго управленія, за поддержаніе котораго не щадилъ ни трудовъ, ни безпокойствъ, ни средствъ, ни опасныхъ отношеній къ свѣтскимъ правителямъ, который и самъ, въ свою очередь, изъ ревности къ миру, переступилъ, въ уступчивости

---

107 Рачкій, тамъ-же.

притязаніямъ римскимъ, даже тѣ предѣлы, за которыми, при слабости преемниковъ, могли бы легко пострадать интересы святой церкви. Все, слѣдовательно, говорило въ пользу истинно-христіанскаго общенія между старымъ и новымъ Римомъ послѣ оконченнаго собора. А между тѣмъ, едва прошло три дня, послѣ заключительнаго засѣданія, какъ въ отношеніяхъ между ними обнаружилась снова враждебность, поводъ къ которой представилъ міру самое разительное доказательство неискренности, умышленности, заднихъ цѣлей во всѣхъ доселѣшнихъ дѣйствіяхъ римскаго двора; этотъ поводъ раскрылъ до несомнѣнности, что главною и существенною задачею папы, въ участіи къ патріарху Игнатію, былъ вовсе не патріархъ, не усилія поддержать неприкосновенность церкви отъ вторженія въ нее власти свѣтской, какъ любятъ выражаться католики, и слѣдовательно не беззаконность возведенія Фотія, а мысль, желаніе и надежда, подъ предлогомъ возникшаго разстройства въ греческой церкви, только возвысить и обогатить собственную свою власть, словомъ — поставить и укрѣпить свое беззаконное величіе и на востокѣ, какъ удалось это ему сдѣлать, на основаніи вымышленныхъ декреталій, на западѣ. Такимъ поводомъ были дѣла болгарскія.

Мы видѣли, что папа Николай, передъ своею смертію, назначая въ посольство въ Болгарію двоихъ епископовъ, Доминика и Гримвальда, рѣшительно отказалъ Михаилу-Борису утвердить любимца его, епископа Формоза, въ качествѣ архіепископа Болгаріи, и даже постарался вызвать его поскорѣе въ Римъ. По крайней мѣрѣ, то несомнѣнно, что въ 868 году, слѣдовательно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по смерти Николая, мы встрѣчаемъ Формоза въ Римѣ, святящимъ учениковъ Кирилла и Меѳодія въ священники и діаконы, какъ говоритъ объ

этомъ явственно паннонское житіе св. Меѳодія: „по семъ повелѣ папа (Адріанъ) двѣмя епископама Форьмосоу и Гондрихоу светити словесіемь словѣньскые оученикы“ [108]. Но не легко было папѣ подчинить своему произволу стремившагося къ самостоятельности князя болгарскаго, который, въ соперничествѣ его съ Цареградомъ, могъ всегда надѣяться выиграть обращеніемъ къ послѣднему. Поэтому, не удовлетворившись новымъ римскимъ посольствомъ, и желая настоять на своемъ, Михаилъ-Борисъ, въ томъ-же 868 году, отправляетъ новое въ Римъ посольство, во главѣ котораго стоитъ родственникъ князя, бояринъ Петръ. Съ этимъ-то посольствомъ возвратились и оба прежде посланные епископа, Формозъ и Павелъ [109]. Михаилъ снова возобновляетъ свое требованіе дать Болгаріи архіепископомъ, если уже не Формоза, то діакона Марина или одного изъ кардиналовъ римскихъ. Но какъ прежде Николай, такъ теперь и Адріанъ, пропитанный идеями своего предшественника, находилъ неудобнымъ исполнить желаніе правителя земли болгарской. Вмѣсто кого-либо изъ просимыхъ Михаиломъ, онъ посылаетъ въ Болгарію *какого-то* Сильвестра, предлагая его для избранія въ архіепископы: Summus Pontifex Silvestrum quemdam Bulgaris eligendum direxit [110]. Ставши разъ на одномъ и, какъ видно, не думая возвышать власть папскую въ ущербъ собственной, въ своемъ собственномъ государствѣ, Михаилъ не замедлилъ отправить обратно въ Римъ не только Сильвестра, но и прежняго епископа, Доминика, съ болѣе рѣшительнымъ и, сколько можно судить по словамъ жизнеописателя Адріана, окончательнымъ требованіемъ, чтобы болгарамъ присланъ былъ или

---

[108] Шафар. Památ., глав. XVI.

[109] Anast. Bibl., тамъ-же, стр. 232 — 233.

[110] Тамъ-же, стр. 233.

архіепископъ или снова епископъ портуанскій, Формозъ. Отвѣтъ Адріана говоритъ слишкомъ убѣдительно, какъ испугался римскій дворъ такой настойчивости болгарскаго князя и какъ, съ другой стороны, онъ энергически исключилъ изъ кандидатовъ Формоза и Марина, т. е. тѣхъ, кого желалъ имѣть самъ князь. Не ясное ли доказательство, что папа или не надѣялся на безпрекословное ихъ подчиненіе произволу первосвященника римскаго или усиливался поддержать преимущество своей власти надъ княжескою, рискуя даже потерять обширную страну: quibus (Bulgaris) inter nonnulla rescripsit ut quemcunque nominatim devotio regalis exprimeret, eum sine dubio pontificalis provisio Bulgaris archiepiscopum commendaret, *Marino exceptis atque Formoso* [111].

Не трудно было убѣдиться, послѣ всего этого, Михаилу, съ какимъ запасомъ самовластія и своекорыстія пришлось ему имѣть дѣло въ Римѣ и дойти до рѣшимости прекратить съ нимъ всѣ сношенія. Это тройное посольство болгарское, въ промежутокъ какихъ-нибудь полутора лѣтъ, происходило въ то время, когда въ Царьградѣ собирался и совершался описанный нами соборъ, низвергшій патріарха Фотія. Не много требуется вниманія, чтобы понять цѣль такой настойчивости и поспѣшности болгарскаго князя въ этихъ сношеніяхъ съ Римомъ: ясно до очевидности, что онъ спѣшилъ воспользоваться собраніемъ святителей въ Константинополѣ и, въ случаѣ неудовлетворенія своихъ желаній и требованій, со стороны папы, разсчитывалъ обратиться къ послѣднему собору и тамъ домогаться отдѣльнаго архіепископа, какъ ни согласнѣе съ государственною его политикою было держать себя вдали и въ церковныхъ дѣлахъ отъ Царе-

---

[111] Тамъ-же.

града. Не можетъ быть, во всякомъ случаѣ, ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что только государственные разсчеты руководили Михаиломъ въ обращеніи его къ Риму, и какъ скоро замѣтилъ онъ, что разсчеты эти столкнулись съ упорными претензіями на безусловное владычество папъ, при которыхъ трудно было достигнуть желаемаго, онъ тотчасъ-же отшатнулся отъ него и всецѣло предался той церкви, изъ которой почерпнулъ свѣтъ христіанской истины. Едва-ли знакомому съ утвердившимся, при Николаѣ, характеромъ политики римской можно было и надѣяться на болѣе благопріятный результатъ: виды князя болгарскаго и разсчеты Рима стояли такъ противоположно другъ другу, что слѣдовало бы гораздо болѣе изумляться тому, если-бы они сошлись въ чемъ-либо одномъ. И напрасно одинъ изъ писателей католическихъ съ упрекомъ отзывается о политикѣ римской, которая своими фабіево-кунктаторскими дѣйствіями служила, будто-бы, единственнымъ поводомъ къ отторженію отъ запада Михаила [112]; не медлительность, не способъ дѣйствія Рима оттолкнули отъ него болгаръ, а принципъ, котораго думали держаться неуклонно его представители, основная мысль, укоренившаяся въ политикѣ папской, проводить, во что-бы то ни стало, безусловное свое господство всюду. И прежде, нежели окончился соборъ, къ послѣднимъ его засѣданіямъ, въ февралѣ, тотъ-же Петръ, только-что возвратившійся изъ Рима, съ другими боярами, посылается Михаиломъ, потерявшимъ всякое терпѣніе въ безполезныхъ попыткахъ добиться толку отъ папы, въ Константинополь, съ цѣлью рѣшить мнѣніемъ собравшихся святителей вопросъ, какой церкви по праву должна принадлежать Болгарія: Bulgarum rex expectationum moras diutius

---

[112] Рачкій, стр. 257.

ferre non valens, ad Graecorum imperatorum... eundem Petrum, quem a Roma, sine desiderii sui effectu sero receperat, cum aliis e latere suo Constantinopolim requisitionis gratia, *cui potissimum* Bulgaria pertinere deberet, emisit[113].

Понятна радость двора византійскаго, понятенъ и почетъ, какой сдѣланъ былъ этому посольству императоромъ, посадившимъ его, на заключительномъ засѣданіи, 28 февраля, рядомъ съ послами императора нѣмецкаго. Рѣшеніе, однако-же, болгарскаго дѣла императоръ Василій не хотѣлъ смѣшивать съ главнымъ вопросомъ, для котораго составился соборъ, и въ этомъ нельзя не видѣть самой мудрой его предусмотрительности. Надобно было прекратить прежде всего раздоръ церковный, видимымъ основаніемъ котораго представлялъ Римъ беззаконность низложенія Игнатія и такую-же беззаконность возведенія въ санъ патріаршій Фотія; отстраненіемъ послѣдняго и возстановленіемъ перваго уничтожалось само собою это основаніе, — и было бы не благоразумно, вводомъ новаго спорнаго обстоятельства, отклонять примиреніе и по главному вопросу; съ другой стороны, отдѣленіемъ болгарскаго предмета въ особое сужденіе, по окончаніи спора чисто церковно-административнаго и догматическаго, можно было надѣяться обнаружить передъ цѣлымъ свѣтомъ и настоящую причину прежняго разрыва, въ случаѣ, если-бы Римъ вздумалъ и по дѣлу болгарскому возстановить съ Константинополемъ ту-же враждебность отношеній, въ какую вступилъ онъ съ перваго года патріаршества Фотіева. Въ несогласіяхъ по дѣлу патріаршества, хотя только и внѣшняя, правда была на сторонѣ папы, и онъ спокойно, подъ ея прикрытіемъ, могъ проводить честолюбивые свои виды; только немногіе, бо-

---

[113] Anast. Bibl., тамъ-же, стр. 233.

лѣе близкіе къ дѣлу, болѣе опытные, проницательные и дальновидные могли различать форму отъ сущности, кажущійся поводъ отъ настоящихъ цѣлей; большинство, напротивъ, ограничивалось лишь этою внѣшнею правдою: необходимо было отнять ее и разоблачить стремленія римскаго двора. Вопросъ болгарскій, при замиреніи церковномъ, былъ лучшимъ къ тому средствомъ.

На четвертый день, по окончаніи собора, императоръ Василій созвалъ, 3 марта, 870 года, въ дворецъ легатовъ римскихъ, патріарха Игнатія и тѣхъ иноковъ, которые, по его желанію, заняли мѣста патріарховъ александрійскаго, антіохійскаго и іерусалимскаго. Приглашено было и посольство болгарское, которое, послѣ обычныхъ привѣтствій, предложило для рѣшенія вопросъ о принадлежности Болгаріи, по дѣламъ церковнымъ. Разговоръ святителей и пословъ, по этому поводу, съ значительными подробностями, сохранился въ жизнеописаніи папы Адріана [114] и, въ достаточномъ извлеченіи, переведенъ на русскій языкъ г. Гильфердингомъ, въ его „письмахъ объ исторіи сербовъ и болгаръ“ [115]. Считаемъ излишнимъ, по этому, приводить цѣликомъ интересный разговоръ, столь наглядно характеризующій обѣ противныя стороны — латинскую и греческую, остановимся только на доказательствахъ, приводившихся и римлянами и греками, въ подтвержденіе правъ ихъ на обладаніе областью болгарскою.

Легаты римскіе первые вступили въ бесѣду съ уполномоченными болгарскими, лишь только заявленъ былъ послѣдними во-

---

114 Anast. Biblioth., «de vitis pont. rom.», стр. 230—232, а также въ статьѣ «о началѣ христіанства, его распространеніи и утвержденіи между болгарами», Христ. чтен., 1858, стр. 275—277.

115 Выпускъ I-й, Москва, 1855, письмо 4-е, стр. 62 — 64.

просъ, разрѣшенія котораго прибыли искать они отъ соединившихся представителей всѣхъ патріаршествъ въ Константинополѣ. Удивленіе легатовъ неумѣстности подобнаго вопроса, при столь очевидныхъ, на ихъ взглядъ, свидѣтельствахъ зависимости Болгаріи отъ папы, желаніе ихъ отдѣлаться указаніемъ на множество латинскаго духовенства и въ это время въ Болгаріи, ни сколько не ослабили домогательствъ пословъ Михаила услышать опредѣленное и окончательное мнѣніе отъ іерарховъ церковныхъ: кому *по праву должна* принадлежать церковь болгарская, не смотря на то, что они не только не отвергали, но торжественно признавали справедливость легатскихъ указаній. Когда настойчивость болгаръ на своемъ вопросѣ не поколебалась и ссылкою легатовъ римскихъ на неуполномоченность ихъ отъ папы къ сужденію по этому предмету, то они рѣшились, наконецъ, высказать свое мнѣніе и, опираясь на то — а) что область болгарская, до прихода въ нее болгаръ, какъ входившая въ составъ Эпира, относилась нѣкогда къ римскому престолу, б) что болгары, овладѣвши этою областью и державши ее долго на правахъ язычниковъ, крестились, наконецъ, и обратились подъ верховную защиту папы сами, добровольно, в) что апостольскій престолъ руководитъ и управляетъ болгарами уже больше трехъ лѣтъ, что и до-нынѣ посланники его завѣдываютъ дѣлами церкви болгарской, — опредѣлили, что не должно быть и мыслимо отторженіе Болгаріи отъ церкви римской, безъ дозволенія папскаго. — Греки долгое время молчали, уступая латинянамъ возможность высказаться вполнѣ. Ихъ возраженія и доказательства отличаются особенною краткостью, простотою и опредѣлительностью. Греки спросили только болгаръ — кому принадлежала та земля, которою овладѣли они оружіемъ и на которой живутъ теперь, и какихъ священниковъ встрѣтили они

на ней. Отвѣтъ былъ слишкомъ ясенъ и рѣшителенъ, чтобы могли задуматься болгарскіе послы: конечно, грекамъ и греческихъ священниковъ. Совершенно уже не доступно было ихъ пониманію возраженіе легатовъ римскихъ, вздумавшихъ доказывать различіе области государственной отъ церковной и пріурочивать Болгарію церкви римской, на основаніи историческаго права, уничтоженнаго за-долго еще до переселенія болгаръ въ за-дунайскую область. Когда высказаны были доводы обѣими сторонами и когда возникъ рѣшительный вопросъ — какой-же изъ нихъ принять въ основаніе, легаты римскіе, вѣроятно, не надѣясь уже на благопріятный исходъ рѣшенія, возстали противъ самаго права подвергать чьему-бы-то ни было сужденію подобные предметы, кромѣ одного папы, и едва-ли не въ-первые на востокѣ съ такою рѣзкостью и дерзостью заявили беззаконный принципъ могущества папскаго: святой апостольскій престолъ, сказали они, имѣющій право одинъ судить о всякой церкви, не избралъ васъ судьями въ своемъ дѣлѣ, потому что вы, конечно, ниже его, не уполномочилъ онъ и насъ изрекать какой-бы-то ни было приговоръ: Sancta Sedes apostolica vos, quia revera inferiores estis, super sua causa judices nec eligit, nec per nos elegit, utpote quae de omni ecclesia sola specialiter fas habeat judicandi: sed neque nobis de hac causa sententiam proferre commisit [116]. Не смотря, однакоже, на столь рѣзкія выраженія легатовъ, собраніе единогласно, за исключеніемъ послѣднихъ, опредѣляло, что страна болгарская должна возвратиться опять къ цареградской церкви, отъ которой отступила въ-слѣдствіе язычества завоевательнаго народа. Съ крикомъ протестовали противъ такого приговора легаты рим-

---

116. De vitis pontif. romanor., стр. 232.

скіе и не удержались снова, въ обращеніи къ патріарху Игнатію и въ требованіи отъ него не вмѣшиваться въ дѣла болгарскія, высказать мнимое значеніе папы, относительно возстановленія его патріаршества: передъ Богомъ, его ангелами и всѣми присутствующими заклинаемъ тебя дѣйствовать согласно съ посланіемъ св. Адріана, который возвратилъ тебѣ престолъ, воздерживаться отъ всякаго управленія Болгаріей, не посылать туда никого изъ среды своихъ, чтобы св. апостольскій престолъ, доставившій тебѣ твое, не потерялъ черезъ тебя своего: *ne sancta Sedes apostolica, quae tibi tua restituit, per te sua perdere videatur* [117]. Такъ окончилось это знаменательное засѣданіе, повернувшее судьбу церкви болгарской, а съ нею вмѣстѣ и народа болгарскаго.

Всматриваясь въ него внимательнѣе, мы не можемъ не отмѣтить въ немъ трехъ предметовъ, составлявшихъ существенную задачу тогдашней политики папской и ея представителей въ Царьградѣ.

Первое, на что прежде всего старались опереться легаты римскіе, состояло въ провозглашенномъ ими безправіи рѣшать дѣла церкви вселенской, помимо воли папской, которая одна въ-правѣ изрекать судъ надъ всею церковью. Такой принципъ, уже вошедшій въ силу на западѣ, былъ новъ, необыкновененъ и дико отзывался на востокѣ, пріученномъ постановленіями апостольскими, соборовъ вселенскихъ и вѣковою церковною практикою признавать силу и святость не воли отдѣльнаго лица, а рѣшенія представителей всей церкви. Для насъ важно, въ настоящемъ случаѣ, направленіе образа мыслей пословъ болгарскихъ: какъ ни силенъ былъ голосъ легатовъ римскихъ, какъ

---

[117] Тамъ-же, стр. 232.

ни диктаторскимъ, казалось, опредѣленіе ихъ о подчиненности Болгаріи папскому престолу, они, однако-же, ни мало не смутились имъ, двоекратно указывая на представителей другихъ патріаршествъ, и отъ нихъ ожидая рѣшенія; справедливо, что мы просили и получили отъ Рима священниковъ и доселѣ имѣемъ ихъ, говорили они, *verum utrum romanae an constantinopolitanae ecclesiae rationabilius subdi debeamus, cum his Patriarcharum vicariis diffinite*[118]. Ясно, какое значеніе придавали болгаре претензіямъ папскимъ на исключительное и безусловное владычество въ дѣлахъ церкви вселенской. И можно ли, послѣ этого, добросовѣстно утверждать, что болгарскій князь обратился къ папѣ съ сознаніемъ его верховнаго главенства и съ убѣжденіемъ только въ немъ одномъ найти истинное спасеніе, какъ толкуютъ объ этомъ писатели римской церкви, думающіе, во второй половинѣ XIX-го столѣтія, возстановить историческое право папы на Болгарію въ IX-мъ вѣкѣ, продолжавшееся, при томъ, въ теченіе трехъ лѣтъ и то, какъ старались показать мы, исключительно въ силу политическихъ соображеній стремившагося въ ту пору къ полной независимости отъ Византіи князя болгарскаго.

Второе обстоятельство, выявившееся въ бесѣдѣ на этомъ засѣданіи, еще ярче обрисовавшее способъ воззрѣнія представителей тогдашняго католичества, такъ неуклонно продолжавшійся и въ послѣдующіе вѣка, до настоящихъ дней, заключается въ мнимомъ историческомъ правѣ, по которому признавали легаты римскіе принадлежность Болгаріи папѣ, даже и независимо отъ того, что она, по крещеніи своемъ, добровольно предалась Риму и приняла отъ него духовенство. Обстоятельство

---

[118] Тамъ-же, стр. 231.

это тѣмъ большаго заслуживаетъ вниманія, со стороны вообще историка и особенно православнаго, что подобное-же право выставляютъ пропагандисты-католики и въ послѣдніе годы, разсчитывая, подъ прикрытіемъ его, точно такъ-же заманить въ унію нынѣшнихъ болгаръ, какъ, въ мартѣ 870 года, такимъ-же извѣтшавшимъ и сотни разъ нарушеннымъ прежде историческимъ правомъ думали легаты римскіе удержать за Римомъ область болгарскую. Отвергая выраженное греками объединеніе области государственной съ церковною и желая доказать, что послѣдняя можетъ существовать и существовала отдѣльно, независимо отъ первой, легаты указали на давнее подчиненіе Риму префектуры иллирійской, въ которую значительнѣйшею частью входила и страна, завоеванная въ концѣ VII-го и въ VIII-мъ столѣтіяхъ болгарами. Если-бы мы и согласились допустить въ четвертомъ, отчасти и въ пятомъ вѣкахъ провозглашенную легатами подчиненность, то все-же не въ состояніи отвергнуть, что основаніе ея, источникъ, лежитъ въ томъ-же государственномъ дѣленіи. Извѣстно, что Константинъ великій раздѣлилъ соединенныя подъ его властію обѣ имперіи на двѣ половины, восточную и западную, а каждую половину на двѣ префектуры; согласно съ такимъ государственнымъ дѣленіемъ, распредѣлено было и управленіе церковное, въ каждой префектурѣ независимое. Нынѣшняя земля болгарская входила въ составъ префектуры иллирійской, обнимавшей Дарданію, среднюю Дакію (западную часть Болгаріи) и вторую Мисію; въ послѣдней былъ одинъ епископъ, въ городѣ Томи, называвшійся скиѳскимъ и завѣдывавшій епархіей готской; зависѣлъ онъ непосредственно отъ императора, тогда-какъ митрополиты средней Дакіи и Дарданіи подчинены были митрополиту Сирміума. Въ 395 году, въ-слѣдствіе распаденія монархіи между дѣтьми Ѳеодосія великаго, Гоноріемъ

и Аркадіемъ, на западную и восточную, иллирійская префектура подверглась также раздѣленію: обѣ Дакіи, въ составъ которыхъ входила только малая часть Болгаріи, отчислены, подъ именемъ дакійской области, къ западной имперіи, тогда-какъ вторая Мисія и Скиѳія стали принадлежать восточной. Ежели, послѣ всего этого, и допустить, хотя-бы то и противорѣчило положительной исторіи, что, въ четвертомъ столѣтіи, власть первостепенныхъ патріаршествъ была въ такой-же организованной и узаконенной силѣ, въ какой встрѣчаемъ ее во второй половинѣ IX столѣтія, то во а) развѣ область церковная не опредѣлена была тогда единственно государственнымъ раздѣломъ? и во б) развѣ такой-же государственный раздѣлъ, по смерти Ѳеодосія, не отчислилъ наибольшей части позднѣйшей Болгаріи въ составъ имперіи восточной, а слѣдовательно, въ церковномъ отношеніи, къ патріархату византійскому, оставивъ за западомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и за Римомъ, лишь незначительную часть Болгаріи западной?

Не зависимо отъ мѣстной ограниченности этого права, оно имѣетъ и въ другихъ отношеніяхъ опредѣленныя условія своей силы в дѣйствительности, можетъ имѣть рѣзкіе предѣлы, за которыми начинается новое историческое право, часто гораздо справедливѣйшее и дѣйствительнѣйшее. Въ такомъ положеніи, на самомъ дѣлѣ, мы и встрѣчаемъ, въ сущности все-таки крайне шаткое и ограниченное, историческое право Рима на Болгарію. Развѣ римляне не покинули той части послѣдней страны, какая относилась къ западной имперіи, а вмѣстѣ съ нею и цѣлой сремской области, когда, съ пятаго вѣка, онѣ сдѣлались мѣстомъ нападеній и поселеній — сначала гунновъ, за-тѣмъ остготовъ, наконецъ, славянъ и болгаръ? Если власть свѣтская не нашла у себя достаточной силы сберечь эти провинціи отъ

варварскихъ завоеваній, то развѣ духовенство западное не отказалось само отъ всякаго права на нихъ, предоставивши расширившееся уже было тамъ христіанство произволу судьбы и не подумавши подчинить ему ново-населившійся народъ? Между тѣмъ, въ шестомъ столѣтіи императоръ Юстиніанъ, которому удалось возстановить снова господство надъ Италіей, потерянное было завоеваніями варваровъ, желая обезпечить, на будущее время, отъ опустошительныхъ ихъ вторженій старую префектуру иллирійскую и вмѣстѣ упрочить твердо остатки въ ней христіанства, возобновилъ префектуру, а съ нею учредилъ и новую митрополію, сосредоточивши ея столицу въ такъ названной Юстиніанѣ первой (Охридъ, на границѣ Македоніи и Албаніи) и поручивши архіепископу, съ титуломъ митрополита, управленіе, въ зависимости отъ одного императора, всею Македоніей, Сербіей, Зетой, Болгаріей и Сремомъ [119]. Такъ, новое административно-государственное дѣленіе произвело и новую область въ церковномъ отношеніи. Какъ ни не велики были успѣхи христіанства въ наибольшей части этихъ странъ, въ-слѣдствіе непрерывныхъ вторженій славянскихъ, все-таки, въ теченіе шестаго и седмаго вѣковъ, церковное управленіе должно было находить тамъ себѣ пищу, потому что, въ государственномъ отношеніи, народы этихъ областей входили въ составъ подданныхъ византійскихъ. Но вотъ, съ конца седмаго вѣка, переходитъ за Дунай новый варварскій народъ, не только не думающій сдѣлаться данникомъ Византіи, но помышляющій рѣшительно оторвать отъ нея самой область и образовать независимое государство. Народъ этотъ — болгаре, язычники. Бы-

[119] Срав. Вѣстн. Европы, 1826, 5, стр. 108 и слѣд., въ статьѣ М. Каченовскаго: «историческія справки объ Іоаннѣ экзархѣ болгарскомъ».

стрые успѣхи ихъ завоеваній, гроза, въ какой держали они самую столицу имперіи, могутъ быть вѣрнымъ ручательствомъ, что и остатки христіанъ принуждены были въ болгарскомъ государствѣ или скрывать свое вѣроисповѣданіе или уклоняться съ нимъ въ другую страну. Церковная администрація, естественно, прекратилась и для греческаго митрополита: о духовенствѣ латинскомъ не могло быть и рѣчи, чего не скрыли и сами легаты римскіе, замѣтивши, что *римская церковь потеряла страну болгарскую*, въ-слѣдствіе вторженія въ нее языческихъ болгаръ: *quam tunc paganorum Bulgarorum irruptione omiserat* [120]; хотя, какъ видѣли, за-долго оставили римляне земли эти и до впаденія болгаръ.

Теперь, въ первыхъ годахъ второй половины девятаго столѣтія, подъ вліяніемъ греческихъ миссіонеровъ, болгаре принимаютъ христіанство, греческимъ епископомъ креститея и самъ князь ихъ, Богорисъ, и дѣлаетъ христіанство господствующею религіею, — какую же силу можетъ имѣть для полнаго въ эту пору подчиненія Болгаріи Риму то право, по которому часть болгарской страны, въ IV — V столѣтіяхъ, отдѣлена была къ западной имперіи, если даже и допустить, что съ такимъ отдѣленіемъ связана была и зависимость въ церковномъ отношеніи этой части Болгаріи отъ римскаго первосвященника? Или для римскихъ претензій не существуютъ предѣлы здраваго разума, когда ихъ не могутъ остановить ни коренные государственные перевороты, опредѣляющіе жизнь на цѣлые вѣка, ни уваженіе къ самобытности народа и государства, по тому только обязанныхъ подчиниться этимъ претензіямъ, что когда-то въ позапамятную для этого народа и государства эпоху, когда ни о томъ

120 De vitis pontif. roman., стр. 231.

ни о другомъ не было еще и помину на данной землѣ, кусокъ этой земли далъ сомнительный поводъ къ такимъ притязаніямъ? При подобномъ пониманіи значенія историческаго права, пожалуй, возможно допустить и стремленіе возстановить государственную жизнь большей половины западной Европы на началахъ и по формамъ языческой римской имперіи, а юго-восточной по образцу республики древне-греческой. Но едва-ли найдется въ мірѣ народъ, съ самыми фанатическими наклонностями, который бы высказалъ способность такъ понимать историческое право, какъ понимаетъ его церковь римская. А такъ готово понимать оно его даже и въ настоящія минуты, и съ притворно-горячимъ убѣжденіемъ проповѣдуетъ среди нашихъ соплеменниковъ, болгаръ, о правѣ папы на земли ихъ, потому, что въ теченіе трехъ лѣтъ, 866 — 870, въ ней дѣйствовали римскіе епископы и священники, назначавшіеся папою.

Весьма важно было бы знать, какъ греческіе представители церкви, на собраніи 3 марта 870 года, выслушали доказательства историческаго права папы на Болгарію, отъ легатовъ римскихъ, и чѣмъ и какъ опровергли ихъ; но, къ сожалѣнію, Анастасій библіотекарь, такъ подробно передающій крикливыя рѣчи легатовъ (legati sanctæ romanæ ecclesiæ *clamantes* dixerunt), ни слова не проронилъ изъ возраженій противной стороны, — а невозможно допустить, чтобы этихъ возраженій не было.

Третій фактъ, поражающій наблюдателя въ преніи легатовъ римскихъ, по дѣлу болгарскому, состоитъ въ отзывѣ ихъ о степени значенія папы во вторичномъ возведеніи Игнатія на патріаршество. Они прямо объявляютъ, что возстановленіемъ своимъ обязанъ онъ единственно римскому престолу, и готовы уже грозить ему, ежели онъ дерзнетъ что-либо сдѣлать, вопреки

волѣ и интересамъ папскимъ. Такъ скоро обнаружилась настоящая цѣль вмѣшательства папскаго въ дѣла церкви византійской, подъ благовиднымъ предлогомъ поддержать неприкосновенность высшаго іерархическаго достоинства, оскорбленнаго, будто-бы, возведеніемъ въ санъ патріаршій великаго Фотія. Извѣстенъ простой умъ Игнатія, чуждый науки и высокаго образованія, извѣстна и старческая слабость характера его, въ последніе годы патріаршества, — этими-то качествами и располагалъ воспользоваться Римъ, для осуществленія цѣлей своихъ на востокѣ, выраженныхъ, въ формѣ опредѣленнаго права, въ выдуманныхъ декреталіяхъ; отсюда и потаенный, но, тѣмъ не менѣе, несомнѣнный торгъ за признаніе того и другаго претендента на патріаршество въ этомъ званіи. Фотію прямо предлагается отъ Николая готовность согласиться на его возведеніе, если онъ сдѣлаетъ желаемыя римскимъ дворомъ уступки въ церковной территоріи; легаты Адріановы, ссылаясь на возвращеніе папой патріаршества Игнатію, грозно заклинаютъ его отказаться отъ Болгаріи. А между тѣмъ, возстановленіе патріаршества Игнатіева могло ли быть хотя чѣмъ-нибудь обязаннымъ папѣ? Возвратилъ его, какъ знаемъ мы, самъ императоръ, и Римъ долженъ былъ только радоваться, потому что, во все время правленія Фотіева, онъ неуклонно считалъ истиннымъ патріархомъ Игнатія, какъ съ патріархомъ, сносясь съ нимъ и письменно и посольствомъ. Какимъ-же образомъ въ состояніи бы былъ Адріанъ отказать въ признаніи Игнатію, не уничтожая этимъ и своей и своего предшественника политики? Но до того уже давно въ церкви римской внѣшняя форма стала замѣнять существо дѣла и обратилась въ прикрытіе постороннихъ дѣлу интересовъ. По всей вѣроятности, Адріанъ не упустилъ случая и письменно потребовать отъ Игнатія уступки Болгаріи, за

участіе и помощь, какую оказывалъ Римъ въ судьбѣ его. По крайней мѣрѣ, переданное легатами, во время разсужденія по вопросу болгарскому, письмо отъ папы Игнатію, о чемъ ясно говоритъ жизнеописатель Адріановъ, не могло заключать въ себѣ тѣмъ болѣе ничего другаго, что легаты, съ своей стороны, выразили также требованіе патріарху руководиться въ дѣлѣ болгарскомъ именно этимъ посланіемъ папы: teque adjuramus, patriarcha Ignati, auctoritate sanctorum Apostol. principum coram Deo suisque angelis, omnibusque præsentibus, *ut secundum hanc epistolam sanctissimi restitutoris tui* Domini Hadriani summi Pontificis, *quam tibi ecce offerimus, industriam tuam ab omni Bulgariae ordinatione immunem nullum tuorum illuc mittendo*, custodias, ne sancta sedes apost. . . . . per te sua perdere videatur [121].

Такъ кончилось дѣло о Болгаріи, на соборѣ цареградскомъ. Что-же папа? Успокоился ли онъ примиреніемъ церквей, возвращеніемъ патріаршаго престола Игнатію и устраненіемъ и наказаніемъ Фотія? Намъ извѣстно уже, что только эти обстоятельства были, какъ выражался самъ Римъ, по крайней мѣрѣ, по внѣшности, поводами къ раздору; казалось бы, что теперь, по устраненіи этихъ обстоятельствъ, согласно съ видами и желаніями римскаго двора, должно всецѣло возстановиться единство. Но поступки легатовъ римскихъ въ дѣлѣ о Болгаріи, ихъ общее поведеніе на соборѣ, столь надменное и притязательное, по отношенію къ востоку, служили ясными признаками, что разногласіе далеко отъ своего конца, что оно только-что начинается; рѣшеніе болгарскаго вопроса и взглядъ на него представителей римскихъ только раскрыли настоящую причину поднятыхъ на-

---

[121] Тамъ-же, стр. 232.

ною несогласій, заставили его дѣйствовать прямо и открыто и обнаружить вполнѣ беззаконность своихъ искательствъ, при которой невозможно было и мыслить о единствѣ и примиреніи, доколѣ церковь восточная остается вѣрною чистотѣ христіанскаго ученія и постановленіямъ первобытной церкви христіанской. Здѣсь-то и заключается мудрая политика императора, такъ ловко отдѣлившаго дѣло о Болгаріи отъ вопроса о патріаршествѣ.

Послы римскіе, возвратившіеся въ западную столицу, въ самомъ концѣ 870 года, возвѣстили первые папѣ о результатахъ оконченнаго въ Византіи собора; но не замедлили, съ своей стороны, увѣдомить его о томъ-же и императоръ съ Игнатіемъ. И тотъ и другой, не говоря ни слова, въ своихъ письмахъ, о Болгаріи, какъ о предметѣ, по рѣшенію собора, отчисленномъ въ вѣденіе власти государственной, просятъ папу согласиться на оставленіе при прежнемъ званіи духовенства, посвященнаго Фотіемъ, такъ-какъ количество его необыкновенно многочисленно [122]. Но не это занимало Адріана; на сердцѣ лежала у него Болгарія, безъ которой и соборъ оказался не соборомъ, не смотря на рѣшенія его, составленныя въ Римѣ, подъ диктовку папы,— и не удивительно, что въ посланіяхъ своихъ къ Василію и патріарху, отъ 10 ноября, 871 года [123], онъ все свое вниманіе сосредоточилъ на Болгаріи и, не стѣсняясь, поставилъ прямо вопросъ въ такое положеніе, что отъ исхода его должно зависѣть и согласіе церквей: „весьма удивлены мы, писалъ онъ къ императору, что братъ и соепископъ нашъ, Игнатій, пользуясь вашею подпорою, *осмѣлился* посвятить владыку для Болгаріи... Просимъ васъ, чтобы, по крайней мѣрѣ теперь, вы убѣдили

---

[122] См. Baron. Annal. ad an. 871.

[123] Mansi, XVI, 206, 714.

упомянутаго епископа прекратить управленіе этою землею, ибо, въ противномъ случаѣ, ни онъ не избѣгнетъ законнаго наказанія, ни тѣ, которые присвоиваютъ себѣ тамъ владычество или другую какую-либо службу, не освободятся отъ отлученія". Игнатія же упрекаетъ за отправленіе въ Болгарію духовенства и требуетъ, чтобы онъ не смѣлъ вмѣшиваться въ это королевство. Тонъ и направленіе этихъ отвѣтовъ Адріана слишкомъ ясны и опредѣленны, чтобы не сомнѣваться въ неизбѣжности новаго и скораго разрыва между востокомъ и западомъ. Угроза отлученія уже произнесена, хотя и дано еще время для исправленія. Но судьба избавила Адріана отъ выполненія этой беззаконной угрозы: онъ умеръ ровно почти черезъ годъ, послѣ подписи упомянутыхъ посланій (въ концѣ ноября или въ началѣ декабря, 872 года): 14 декабря, возсѣлъ на престолъ римскій Іоаннъ VIII, тотъ папа, которому суждено было, по преимуществу, сталкиваться съ славянами, по устройству ихъ дѣлъ церковныхъ, и который дошелъ до несогласнаго съ достоинствомъ папскимъ униженія въ непрерывныхъ попыткахъ, во чтобы то ни стало, пріурочить снова Болгарію къ Риму.

Исполняя приговоръ большинства представителей церкви вселенской, болгарскій князь, Михаилъ, немедленно-же принялъ къ себѣ греческаго архіепископа и духовенство, постаравшись отдѣлаться отъ епископа и священниковъ римскихъ, которые, волею-неволею, должны были удалиться. Занятый важными дѣлами на сѣверѣ, западѣ и югѣ, вынужденный обратить всѣ помыслы свои на спасеніе отъ усиливавшихся все болѣе и болѣе завоеваній сарацинскихъ, въ самой Италіи, Іоаннъ VIII, въ первые годы своего папства, не имѣлъ ни времени, ни средствъ съ тою-же энергіею поддерживать свои интересы и на востокѣ. Первый опытъ сношеній его съ Цареградомъ послѣдовалъ въ

878 году, когда, въ отвѣтъ на дружелюбное посланіе императора Василія, онъ отправилъ въ Царьградъ двоихъ епископовъ, Павла анконскаго и Евгенія остійскаго, съ письмомъ къ императору (отъ 16 апрѣля). Этимъ-же епископамъ поручено было посѣтить и Болгарію, куда папа не полѣнился также написать нѣсколько писемъ, къ Михаилу, его родственнику, бояриpу Петру, и къ духовенству. Это было начало тѣхъ частыхъ и многорѣчивыхъ посланій, которыми Іоаннъ VIII усиливался, во все время своего папства, обратить болгарскаго князя къ западу и отвратить отъ востока. Письмо 878 года заслуживаетъ особеннаго интереса по крайнимъ софизмамъ автора, по обычной преувеличенности значенія Рима и по недобросовѣстному униженію церкви греческой[124]. Но какъ это, такъ и пять послѣдующихъ писемъ, въ которыхъ папа попеременно переходитъ отъ ласкательства и завѣренія въ любви и готовности исполнить все возможное, къ угрозамъ, не оказали ни малѣйшаго вліянія на Михаила, который оставался непреклонно преданнымъ православію и изрѣдка отдѣлывался отъ налеганій папскихъ подарками, конечно, не желая раздражать первосвященника и разсчитывая, такимъ образомъ, на мирное съ нимъ разобщеніе. Несравненно прямѣе и жестче выражался Іоаннъ VIII передъ духовенствомъ болгарскимъ, опредѣляя ему мѣсяцъ времени для выхода изъ Болгаріи и угрожая, въ противномъ случаѣ, лишеніемъ званія; для большаго успѣха, не забылъ онъ упомянуть и о награжденіи тѣмъ, кто покорится этому распоряженію, обѣщая распредѣлить между ними епископіи внѣ Болгаріи, при первой от-

---

[124] Переводъ его помѣщенъ въ статьѣ: «о началѣ христіанства, его распространеніи и утвержденіи между Болгарами», Христ. чтеніе, 1858, ч. 2, стр. 281—284.

крывшейся ваканціи[125]. Нисколько не помогли безсилію этихъ посланій и оба епископа, на личныя увѣщанія которыхъ разсчитывалъ Іоаннъ VIII: безъ всякаго успѣха, перешли они черезъ Болгарію въ столицу имперіи византійской.

Здѣсь цѣль ихъ была та-же самая, все тотъ-же вопросъ болгарскій, сдѣлавшійся, со времени послѣдняго собора, исходною точкою сношеній папскихъ съ Цареградомъ. Опираясь на обязательство патріарха Игнатія передъ Римомъ, за участіе его въ возстановленіи патріаршества, и на власть патріаршескую, относительно подчиненнаго ей духовенства, папа, въ особомъ письмѣ къ Игнатію, напоминаетъ ему о необходимости быть благодарнымъ престолу римскому и не оскорблять этой благодарности противозаконнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла болгарскія и *внесеніемъ*, вопреки закону Божьему, *своей косы въ чужую жатву.* За этимъ предлагаетъ ему мѣсяцъ срока для вызова изъ Болгаріи греческаго духовенства, съ тѣмъ, чтобы, по прошествіи двухъ мѣсяцевъ, не оставалось въ ней больше никого; за ослушаніе же такого постановленія, онъ грозитъ патріарху, по истеченіи двухъ мѣсяцевъ, лишить его св. тѣла и крови Спасителя[126].

И такъ, вотъ гдѣ единственная и дѣйствительная причина грознаго недовольства Рима на востокъ и неукротимая готовность его произвести разрывъ церковный, не смотря на только-что признанное и скрѣпленное согласіе въ догматахъ и ученіи церкви. Не лице Фотія, не порядокъ поставленія его въ патріархи произвели, на цѣлыя десять лѣтъ, бурю между востокомъ и западомъ; лице смѣнилось другимъ, казавшимся столь

---

125 Mansi, XVII, 68; срв. Рачкій, 308.

126 Mansi, XVII 67.

любимымъ западу, порядокъ возстановленъ, по видамъ и настоянію Рима, а, между тѣмъ, буря и не думала улегаться и, черезъ девять лѣтъ, разразилась новымъ вихремъ изъ римскаго двора. Къ счастію, патріархъ Игнатій не дожилъ до яснаго сознанія того, съ кѣмъ пришлось имѣть ему дѣло и какая политика руководила мнимыми защитниками его правъ, единственнымъ побужденіемъ которыхъ, прежде, по своей простотѣ и смиренію, могъ онъ считать лишь христіанское къ себѣ участіе. Игнатій скончался не за-долго до прибытія легатовъ папскихъ, 23 октября, 878 года.

На кого падетъ жребій быть преемникомъ Игнатію? — вопросъ, при усилившихся столкновеніяхъ съ Римомъ, при обнаружившейся столь открыто властолюбивой и корыстной политикѣ его, не могъ не занимать серьезно ума какъ духовенства восточнаго, такъ и самаго императора. Только высокообразованный умъ, въ соединеніи съ чистотою вѣры и съ непреклонной волею, ручался за успѣхъ борьбы для православія. Большинство духовенства, какъ видно, поняло это съ первыхъ дней посягательствъ римскихъ и, отмѣтивши Фотія, какъ лице наиболѣе способное и приготовленное къ отраженію этихъ посягательствъ, все болѣе и болѣе привязывалось къ нему, не прерывая съ нимъ общенія, считая его своимъ патріархомъ и выражая сердечное соболѣзнованіе объ участи его, во все время изгнанія и тяжкой неволи. Число подобныхъ приверженцевъ Фотіевыхъ, только среди епископовъ, простиралось слишкомъ до 300, что составляетъ огромную цифру для цареградскаго патріархата, находившагося въ вѣдѣніи Игнатія, во всякомъ случаѣ, непріятеля Фотія. Слишкомъ много требуется высокихъ, и умственныхъ и нравственныхъ, качествъ, чтобы пріобрѣсти и удержать такую привязанность въ годину, когда высшая власть, и свѣтская и ду-

ховная, отнеслись такъ враждебно къ бывшему патріарху: и это отношеніе греческаго духовенства къ Фотію, во все время его удаленія, останется навсегда самымъ лучшимъ и убѣдительнѣйшимъ опроверженіемъ вымышленной противъ него клеветы завистливыми врагами-современниками и пристрастными католическими писателями позднѣйшихъ вѣковъ. Старость и дряхлость Игнатія, свидѣтельствовавшія о приближеніи его кончины, выяснившіяся неугомонныя и преступныя притязанія папы на неприкосновенныя права церкви восточной, желаніе сохранить цѣлость и невредимость ихъ, равно поддержать и ея достоинство — должны были заставить заранѣе подумать о будущемъ патріархѣ и самаго императора. Послѣдній не могъ не видѣть, что требовательности первосвященниковъ римскихъ не будетъ конца до тѣхъ поръ, пока и восточная церковь не подчинится безусловному и исключительному ихъ произволу, что̀ столь противно и духу христіанской церкви и всѣмъ постановленіямъ вселенскихъ соборовъ; не могъ, слѣдовательно, не усмотрѣть и онъ, что, въ виду подобныхъ столкновеній съ дворомъ римскимъ, прежде всего необходимо обезпечить престолъ представителя цареградской церкви лицемъ, достойнѣйшимъ и по обширному знакомству съ наукою церковною, и по образованности умственной, и по энергической твердости характера и по безукоризненности нравственной, пользующимся, при томъ, уваженіемъ и любовію громаднѣйшаго большинства въ цѣлой имперіи. А такимъ лицемъ, въ ту пору, былъ только одинъ Фотій, — къ нему-то и обратился императоръ Василій еще за три года до кончины Игнатія (около 875). Вызвавши Фотія изъ изгнанія, онъ поручилъ ему воспитаніе двоихъ своихъ сыновей, Константина и Льва, и сдѣлалъ предсѣдателемъ знаменитой академіи Магнаурской. Стоитъ лишь немного углубиться въ тогдашнее положеніе

дѣлъ церкви восточно-византійской, чтобы съ положительностью признавать это возвышеніе Фотія только предвѣстникомъ будущаго новаго возвышенія. И дѣйствительно, на третій день послѣ погребенія Игнатія, онъ снова, по распоряженію императора, занялъ престолъ патріаршій.

И напрасно такъ долго унижали себя католическіе писатели повтореніемъ безсмысленныхъ выдумокъ Никитою пафлагонскимъ, придумавшимъ нелѣпыя басни для объясненія сближенія Фотія съ императоромъ [127]; не менѣе напрасно другіе усиливаются убѣдить, будто возстановленіе Фотіева патріаршества Василіемъ, такъ горячо заботившимся о мирѣ церковномъ, обязано единственно вліянію сильной партіи Фотія, которой не имѣлъ твердости не уступить императоръ [128]. Нѣтъ, именно потому, что Василій стремился возстановить миръ въ церкви, онъ и долженъ былъ скорѣе всего ухватиться за Фотія. Только тогда было бы справедливо отстраненіе его отъ Фотія, если-бы этотъ миръ понималъ императоръ по смыслу католиковъ, то есть признавалъ бы условіемъ его безпрекословное и всецѣлое порабощеніе востока западу. Если же онъ заботился о мирѣ, какъ по своему уму, образованію и патріотизму и долженъ былъ, съ сохраненіемъ священныхъ правъ вселенской церкви и съ обузданіемъ беззаконныхъ порывовъ одной ея части, то назначеніе всякаго другаго въ патріархи, еще неизвѣстнаго и неиспытаннаго, скорѣе бы говорило не въ пользу желанія его упрочить дѣйствительный миръ церковный, а въ пользу нерадѣнія его о благѣ церкви и предоставленія ея произволу посторонняго често-

---

127 См. Jager, Histoire de Photius, auteur du schisme des Grecs, Paris, 1845; срав. «Правда вселен. церк.», стр. 274; Востокова — «Объ отношеніяхъ римской церкви», стр. 265.

128 См. Рачкій, стр. 305.

любія и самовластія, въ такое время, когда и то и другое достигли въ Римѣ полнаго разгара. Лишь съ такимъ патріархомъ, какъ Фотій, можно еще было надѣяться на примиреніе, не роняя правъ и достоинствъ собственной своей церкви. И ежели западные писатели не отвергаютъ ума и мудрой, самостоятельной политики въ императорѣ Василіи, ежели они единогласно считаютъ его образцовымъ правителемъ, видя въ немъ возстановителя распадавшейся имперіи византійской, то не должны ли они, напротивъ, признавать въ новомъ отношеніи его къ Фотію дѣло сознанной необходимости, единственное средство выйдти изъ запутаннаго и затруднительнаго положенія, въ какое поставлена была цареградская церковь претензіями папскими? Ужъ, конечно, безъ нужды не обратился бы къ нему Василій, который такъ еще недавно оскорбилъ его сверженіемъ съ патріаршаго престола и удаленіемъ, и, заботясь объ успокоеніи волненій церковныхъ, разумѣется, не возстановилъ бы его патріархомъ, зная напередъ, что признаніе его на западѣ не обойдется безъ затрудненій, если-бы многолѣтній опытъ не убѣдилъ его, что только Фотій въ состояніи съ честію и достоинствомъ отстоять законныя и священныя права. Безспорно, что безъ настоятельной надобности обратилъ бы гораздо охотнѣе императоръ назначеніе на кого-либо другаго, и тѣмъ не былъ бы вынужденъ подавлять собственное свое самолюбіе, что было неизбѣжно, при возстановленіи сношеній съ Фотіемъ, которому не могъ не считаться онъ врагомъ.

Возстановленіе Фотія, естественно, должно было снова возбудить болѣе живыя сношенія съ Римомъ, такъ-какъ императоръ постоянно мечталъ о единеніи церковномъ, чего не могло быть безъ согласія съ западомъ. Въ этихъ сношеніяхъ опять повторяется всецѣло та-же политика папская, съ которою мы

уже знакомы изъ дѣйствій Николая и Адріана; точно также и преемникъ ихъ, Іоаннъ VIII, условіемъ признанія ставитъ посторонніе и корыстные разсчеты, точно также стремится удержать за собою право суда и первенства во всей церкви и, подобно имъ, не стѣсняется отверженіемъ того, что сдѣлано его уполномоченными въ духѣ его-же распоряженій, какъ скоро заданія и эгоистическія цѣли оказываются неудовлетворенными. И при вторичномъ патріаршествѣ Фотія, Римъ одинаково вооружается противъ легатовъ, хотя выборъ ихъ произведенъ со всею осторожностью; по прежнему сваливаетъ всю вину на нихъ, чтобы поддержать свои притязанія, и точно также упрекаетъ востокъ въ искаженіи и подкупѣ, хотя не было къ тому въ дѣйствительности ни повода, ни нужды. Достаточно самаго бѣглаго обзора событія и самаго слабаго вниманія къ существеннымъ подробностямъ его, чтобы съ ясностью усмотрѣть поразительную недобросовѣстность въ дѣйствіяхъ двора римскаго.

Римскіе легаты, Павелъ и Евгеній, не успѣвши ничего сдѣлать въ Болгаріи, прибыли въ Царьградъ уже въ то время, когда Игнатій былъ похороненъ, а на его престолъ возведенъ Фотій. На первый взглядъ, слѣдовало ожидать, что легаты останутся чуждыми всякаго сношенія съ новымъ патріархомъ, осужденнымъ и преданнымъ проклятію въ Римѣ; а между тѣмъ, они не замедлили вступить съ нимъ въ общеніе. Что за причина такого поворота? Западные писатели, привыкшіе судить въ подобныхъ дѣлахъ о самыхъ мелкихъ частностяхъ по свойству окончательнаго результата, не забыли и въ настоящемъ случаѣ примѣнить обычный свой пріемъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тѣ-же Павелъ и Евгеній были бы вознесены до небесъ, если-бы окончательное утвержденіе Фотія совершилось согласно съ интересами католичества; но какъ, на оборотъ, оно повлекло за

собою рѣшительный подрывъ преобладанію римскому на востокѣ, разстаться съ которымъ никакъ не желалъ Римъ добровольно, то, чтобы прикрыть удачнѣе нечистыя свои побужденія къ разрыву, онъ перенесъ всю вину на упомянутыхъ епископовъ, объявивши общеніе ихъ съ Фотіемъ самопроизвольнымъ, противнымъ волѣ первосвященника, состоявшимся въ-слѣдствіе подкупа и угрозъ со стороны востока. Мы видѣли уже, что такой-же точно пріемъ былъ употребленъ и относительно Родоальда и Захарія, бывшихъ легатами Николая, при первомъ постановленіи Фотія. Разсмотримъ это дѣло поближе.

Во первыхъ, не покажется ли страннымъ и не понятнымъ для всякаго то явлѣніе, что два *епископа*, избранные изъ среды огромнаго количества для важнѣйшаго дѣла, каково возвращеніе къ Риму Болгаріи и отстраненіе Игнатія отъ участія въ управленіи ею, для дѣла, которое уже нѣсколько лѣтъ составляло исходный пунктъ политики римской на востокѣ, что два епископа, отличенные такимъ довѣріемъ, изъ выгодъ вещественныхъ, изъ-за денегъ, рѣшаются поступить противъ интересовъ довѣрителя и къ тому-же въ вопросѣ, который имѣетъ неразрывную связь съ ихъ главнымъ посольствомъ? Ежели это дѣйствительно такъ, то, значитъ, въ области церкви римской трудно уже было отыскать и двоихъ человѣкъ, которые бы отличались неподкупностью, были бы чисты отъ продажности, при первомъ случаѣ: а тогда она обвиняетъ сама себя и напрасно упрекаетъ востокъ за отторженіе отъ нея. Присоединимъ къ этому и то обстоятельство, что такая подкупность и продажность выставляются Римомъ въ другой разъ, и, въ обоихъ случаяхъ, при такихъ вопросахъ, для рѣшенія которыхъ не могъ не быть наиболѣе тщательный, осторожный и строжайшій выборъ. Во вторыхъ, была ли особенная нужда для Фотія и всего Цареграда прибѣ-

гать къ подкупу явившихся въ столицу византійскую нежданныхъ епископовъ, назначенныхъ при томъ для Игнатія? Вѣдь общеніе ихъ съ патріархомъ вовсе не обязывало ни папу, ни вообще церковь западную признать Фотія за патріарха. Для востока же еще менѣе могли имѣть значенія отношенія къ Фотію легатовъ: намъ извѣстно, въ какомъ объемѣ и въ какой степени духовенство восточное стояло за него, и голосъ легатовъ римскихъ не могъ тутъ ничего прибавить или убавить. Нѣтъ, цѣли со стороны востока къ подкупу не было, а, конечно, и писатели католическіе не упрекнутъ знаменитаго Фотія въ безцѣльныхъ дѣйствіяхъ. Въ третьихъ, всякое признанное неисполненіе поручительства влечетъ за собою прежде всего снятіе порученія и наказаніе, и тѣмъ, разумѣется, скорѣе, чѣмъ важнѣе предстоятъ дѣйствія впереди. Католическіе писатели увѣряютъ, что папа Іоаннъ VIII былъ весьма недоволенъ легатами, узнавши о ихъ произвольномъ поступкѣ, конечно, въ силу подкупности ихъ, а между тѣмъ тотъ-же Іоаннъ VIII ни мало не усумнился назначить тѣхъ-же легатовъ заступать его мѣсто на готовившемся вселенскомъ соборѣ въ Царьградѣ, по дѣлу Фотіева патріаршества, присоединивъ къ нимъ еще одного, кардинала Петра. Что это за необыкновенный, за безпримѣрный способъ дѣйствія, если дѣйствительно папа былъ увѣдомленъ о подкупности Павла и Евгенія? Что онъ зналъ объ общеніи ихъ съ Фотіемъ, это не подлежитъ сомнѣнію, потому что назначеніе ихъ присутствовать на соборѣ, вмѣстѣ съ кардиналомъ Петромъ, состоялось въ слѣдствіе писемъ къ нему императора и Фотія, тотчасъ по избраніи послѣдняго, — а, конечно, и тотъ и другой не забыли въ письмахъ упомянуть объ отношеніяхъ къ прибывшимъ легатамъ. И такъ, одно изъ двухъ: или папа не желалъ общенія своихъ легатовъ съ Фотіемъ, состоявшагося въ слѣд-

ствіе подкупа ихъ послѣднимъ и однакоже, не взирая на это, по какимъ-то не человѣческимъ соображеніямъ, не смотря на очевидное доказательство несостоятельности и низости уполномоченныхъ своихъ, уполномочилъ ихъ снова вести самое щекотливое и трудное дѣло Фотіево отъ своего имени; или, назначивши Павла и Евгенія замѣнить себя на соборѣ, онъ вполнѣ соглашался на общеніе ихъ съ Фотіемъ, признавалъ его, а тогда нѣтъ надобности и думать о какомъ-либо подкупѣ, потому что легаты, значитъ, дѣйствовали съ знаніемъ мыслей и плановъ своего довѣрителя. Едва-ли рѣшатся католики допустить первое предположеніе, а послѣднее оправдывается, какъ увидимъ, и дальнѣйшимъ образомъ дѣйствія Іоанна VIII. Наконецъ, въ четвертыхъ, на какихъ свидѣтельствахъ опираются католики въ своихъ увѣреніяхъ о подкупности легатовъ? На словахъ одного изъ враговъ Фотіевыхъ, писавшаго уже, по вторичномъ низложеніи патріарха, къ одному изъ преемниковъ Іоанна VIII, Стефану VI (въ 886 году), именно, епископа ново-кесарійскаго, Стиліана. Вотъ какъ отозвался объ этомъ Стиліанъ, въ переводѣ Баронія: Photius illos (пословъ) muneribus corruptos decepit et imperatoris minis coëgit, ut dicerent coram omni clero et populo, quod contra Ignatium a Ioanne papa essent missi, ut illum anathemate damnarent et Photium patriarcham promulgarent [129]. Какъ мало надобно имѣть здраваго смысла, чтобы въ немногихъ приведенныхъ словахъ не подмѣтить очевидной лжи, и каково, въ свою очередь, должно быть сильно пристрастіе до ослѣпленія, чтобы изъ этихъ словъ дѣлать непремѣнно заключеніе о дѣйствительности сокрытаго въ нихъ факта. Мы не говоримъ уже, какъ мало вообще заслуживаетъ довѣрія Стиліанъ

---

[129] Annal ad an. 886.

и какъ въ каждомъ выраженіи его о Фотіи проглядываетъ личная вражда, влекущая къ всевозможной клеветѣ и выдумкамъ, столь противорѣчащимъ и характеру описываемаго имъ лица и другимъ достовѣрнѣйшимъ свидѣтельствамъ. Фотій, говоритъ Стиліанъ, побудилъ легатовъ предать проклятію Игнатія, а его провозгласить, въ виду духовенства и народа, патріархомъ. Но, во а) нѣтъ нигдѣ и намека, даже и у враждебныхъ писателей Фотія, чтобы Игнатій былъ предаваемъ проклятію, — а, конечно, и Никита пафлагонянинъ и Анастасій библіотекарь не упустили бы случая упомянуть объ этомъ и выставить новое свидѣтельство злобы Фотіевой даже къ умершему патріарху. Во б) да и какая-же была цѣль для Фотія въ проклятіи Игнатія? Фотій, безъ всякаго сомнѣнія, больше, нежели кто-нибудь изъ его современниковъ, зналъ и понималъ, кто былъ главнымъ его противникомъ и виновникомъ низверженія, увѣренъ былъ, что, въ проведеніи беззаконной къ нему строгости, Игнатій служилъ лишь орудіемъ. Да если-бы было и не такъ, то умъ Фотія настолько отличался ясностію и благоразуміемъ, чтобы не раздражать никого осужденіемъ умершаго старца патріарха, причисленнаго къ лику святыхъ. Напротивъ, въ г) мы имѣемъ положительное доказательство тому, что Фотій признавалъ не излишнимъ торжественно, передъ лицемъ многочисленнаго собора заявить о своемъ искреннемъ примиреніи съ Игнатіемъ, о близости своей къ нему, въ послѣднее время его жизни, и объ участіи ко всѣмъ его домашнимъ, оставшимся послѣ его смерти [130]. Неправды, въ этомъ случаѣ, говоритъ Фотій не могъ, не боясь тутъ-же быть уличеннымъ многими изъ присутствовавшихъ, которые могли очень хорошо знать обстоятельства позднѣйшей

---

[130] Правда вселен. церкв., стр. 280.

жизни и смерти Игнатія. И только одна неукротимая злоба въ состояніи была побудить Стиліана высказать подобную нелѣпость о подкупѣ легатовъ, для небывалаго проклятія Игнатія, какъ только затаенныя, совершенно стороннія заднія цѣли въ силахъ дать поводъ повѣрить этой нелѣпости. То-же слѣдуетъ сказать и относительно провозглашенія легатами Фотія патріархомъ. Мы уже видѣли, что этимъ не достигалась ровно никакая цѣль: папа тѣмъ менѣе могъ придать какой-нибудь вѣсъ этому провозглашенію, что посылалъ онъ Павла и Евгенія къ Игнатію и по другому дѣлу; а намъ извѣстно уже, что папы не стѣснялись отвергать рѣшеній своихъ уполномоченныхъ и по такимъ вопросамъ, для рѣшенія которыхъ они ихъ уполномачивали, какъ скоро оказывалось, хотя-бы и въ послѣдствіи, что такія рѣшенія не согласовались съ ихъ видами. Греческое же духовенство, тѣмъ болѣе народъ не нуждались, какъ видно, въ санкціи папской, когда, не взирая на проклятіе Фотія въ Римѣ, первое избрало его патріархомъ еще до прибытія легатовъ; съ другой стороны, какъ Фотій долженъ быть недалекъ, если, по словамъ Стиліана, рѣшился побудить легатовъ къ тому, что они публично заявили, будто присланы въ Царьградъ папою предать проклятію Игнатія и провозгласить патріархомъ Фотія: вѣдь, по крайней мѣрѣ, ближайшее къ Болгаріи высшее духовенство, а также и въ самомъ Константинополѣ не могло не знать, зачѣмъ проживали Павелъ и Евгеній въ Болгаріи, равно не ушло отъ ихъ вниманія и грозное посланіе Іоанна VIII къ Игнатію, гдѣ рѣчь о проклятіи могла развѣ только подразумѣваться въ будущемъ.

Отвергая, такимъ образомъ, всякую мысль о возможности какого-либо подкупа легатовъ Фотіемъ, считая ее единственно плодомъ злобы и клеветой враговъ, мы позволяемъ себѣ объяснить

общеніе Павла и Евгенія съ ново-избраннымъ патріархомъ разсужденіемъ болѣе естественнымъ и болѣе согласнымъ съ характеромъ дѣйствій римскаго двора.

Послѣдній, видя себя обманутымъ въ надеждахъ на Игнатія по дѣлу о Болгаріи и не думая разстаться съ мыслью о подчиненіи ея Риму, точно также не могъ затрудняться и теперь сдѣлать патріаршество въ Царьградѣ предметомъ соперничества между низложеннымъ Фотіемъ и возстановленнымъ, его же усиліями, Игнатіемъ, какъ не затруднился онъ устроить такую-же торговлю, при первомъ поставленіи Фотія, предлагая условіемъ признанія его въ санѣ патріаршемъ отказъ отъ управленія въ пользу Рима нѣкоторыми областями. Весьма естественно, что, и въ настоящее время, какъ Римъ, такъ и его уполномоченные не столько обращали вниманія на лице, сколько на готовность его дѣйствовать въ духѣ ихъ интересовъ. А извѣстно, что Фотій, еще въ 862 году, въ письмѣ къ папѣ Николаю, высказалъ свой взглядъ на зависимость границъ областей церковныхъ отъ гражданской власти, присоединивши, въ свою очередь, готовность на уступку части округа, принадлежащаго даже его епископскому престолу[131]. Нельзя сомнѣваться, что то-же самое повторилъ онъ и теперь, въ 879 году, при первомъ общеніи съ легатами, нельзя сомнѣваться потому, что на установившемся скоро соборѣ, на которомъ предсѣдательствовалъ Фотій, болгарскій вопросъ, дѣйствительно, отнесенъ былъ къ вѣдомству императора. Весьма возможно, что Фотій обѣщалъ и свое ходатайство передъ императоромъ, вовсе не заботясь о территоріальномъ расширеніи своей власти. А этого было уже вполнѣ достаточно, чтобы легатамъ, при общемъ на восто-

---

[131] Срв. «Очеркъ жиз. патр. Фотія», Зернина, стр. 37.

къ сочувствіи къ Фотію и при согласіи его обѣщанія съ главною задачею ихъ первосвященника, не замедлить своимъ общеніемъ и тѣмъ не испортить дѣла въ самомъ началѣ. Таково, по нашему мнѣнію, самое простое и естественное объясненіе неожиданнаго поворота отношеній легатовъ римскихъ къ Фотію.

Императоръ Василій и только-что возстановленный патріархомъ Фотій не замедлили отправить въ Римъ посольство съ письмами, въ которыхъ увѣдомляютъ папу о совершившемся переворотѣ въ Константинополѣ и просятъ его вступить въ общеніе съ новымъ патріархомъ, для прекращенія, наконецъ, соблазна церковнаго. Посольство это прибыло въ Римъ въ половинѣ апрѣля, 879 года. Положеніе Іоанна VIII, только-что возвратившагося въ свою столицу изъ Франціи, куда ѣздилъ онъ, съ цѣлію отыскать средства противъ волненій въ Италіи, было крайне неловкое. Признать прямо и рѣшительно Фотія значило не только нарушить опредѣленія на-счетъ его обоихъ своихъ предшественниковъ, но и объявить ихъ нарушителями церковнаго мира, столько лѣтъ волновавшими церковь безъ основательныхъ поводовъ; поступить по ихъ примѣру и, такимъ образомъ, поддержать политику римскую, конечно, было бы согласнѣе съ тѣми претензіями Рима, какія высказалъ Николай, перенялъ Адріанъ и какихъ не могъ не раздѣлять и Іоаннъ, но опасное положеніе, въ какомъ находился въ эту пору престолъ папскій, требовало отъ послѣдняго инаго образа дѣйствій. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, возстаніе нѣкоторыхъ графовъ италіянскихъ, изъ которыхъ сполеттскому, Ламберту, удалось захватить всю область папскую и даже самого Іоанна держать, какъ плѣнника, въ ватиканѣ, съ другой, все лютнѣе усиливавшіеся набѣги на южную Италію сарацинъ, успѣвшихъ овладѣть уже нѣкоторыми твердыми пунктами, не могли не заставить папу искать

помощи отъ императора византійскаго, а съ этимъ вмѣстѣ измѣнить и политику относительно Фотія, дальнѣйшее упорство въ непризнаніи котораго въ состояніи было только раздражить Василія. Папа избралъ средній путь, на которомъ надѣялся примирить оба требованія. Въ отвѣтномъ письмѣ къ императору, Іоаннъ, принимая въ соображеніе, какъ пишетъ самъ, *единодушное согласіе всѣхъ патріарховъ и епископовъ, даже поставленныхъ Игнатіемъ, на избраніе Фотія, соглашается признать его патріархомъ, но только по исполненіи слѣдующихъ четырехъ условій:* а) чтобы Фотій покаялся и испросилъ прощеніе въ прежнемъ неправильномъ вступленіи на патріаршество передъ соборомъ; б) чтобы, по смерти Фотія, никто изъ мірянъ болѣе не былъ поставляемъ въ патріархи, а только священники или діаконы цареградской церкви; в) чтобы Болгарія была возвращена снова римскому престолу, и г) чтобы не преслѣдовались епископы и священники, посвященные Игнатіемъ. Понятно, что первое, второе и четвертое условія были дѣломъ единственно формы, въ глазахъ первосвященника римскаго: они были нужны ему лишь для успокоенія тѣни его предшественниковъ; самая же существенная часть заключалась, какъ и прежде, въ Болгаріи, уступку которой Фотіемъ считалъ въ правѣ ожидать Іоаннъ за признаніе его патріархомъ. Въ томъ-же духѣ писалъ онъ и самому Фотію. Замѣчательно, что требуя отъ Фотія имѣть общеніе съ епископами Игнатія, папа послѣднимъ угрожалъ отлученіемъ, ежели они не признаютъ Фотія патріархомъ; объ этомъ писалъ онъ и тремъ главнѣйшимъ врагамъ Фотія, Митрофану, Стиліану и Іоанну. Посламъ же своимъ въ Царьградѣ, Павлу и Евгенію, поручилъ папа просить Фотія не вступаться въ дѣла Болгаріи и отлучать отъ церкви всѣхъ, кто воспротивится общенію съ Фотіемъ. При вы-

полненіи условія о Болгаріи, положено было въ Римѣ считать бывшіе противъ Фотія соборы, въ Римѣ и Царьградѣ, не существовавшими: этотъ приговоръ подписанъ былъ 17-ю епископами, въ присутствіи папы [132]. Всѣ эти посланія привезены были въ Константинополь кардиналомъ Петромъ, назначеннымъ присутствовать на соборѣ, вмѣстѣ съ Павломъ и Евгеніемъ.

Едва только прибылъ въ Царьградъ кардиналъ Петръ съ папскими посланіями, какъ тотчасъ-же созванъ былъ и соборъ, который происходилъ въ церкви св. Софіи. Можно себѣ представить напередъ, зная результаты этого собора, какъ смотрятъ на сохранившіеся о немъ акты писатели римскіе. Видя во всѣхъ пунктахъ неудачу для своихъ первосвященниковъ, изумительное единство и твердость въ отстояніи правъ своей церкви, со стороны всего представительнаго духовенства восточнаго, независимое и согласное съ апостольскимъ равенствомъ всѣхъ частей церкви рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, разумѣется, вопреки беззаконнымъ посягательствамъ папъ, эти писатели нашли единственное средство, для поддержанія пущенныхъ въ ходъ притязаній римскихъ, отвергать дѣйствительность актовъ, увѣрять въ ихъ испорченности и подложности, со стороны грековъ, а нѣкоторые дошли даже до притворнаго убѣжденія, что и самый соборъ, столь противный видамъ Рима, вовсе не существовалъ [133], не смотря на очевидныя доказательства дѣйствительности его въ посланіяхъ самого папы, Іоанна VIII, не отвергаемыхъ ни римскою церковью, ни учеными римскими. Впрочемъ, такой фанатическій скептицизмъ не можетъ, въ настоящее время, поддерживаться даже и такими писателями католическими, которые готовы ухватиться за все, что мало-мальски даетъ поводъ къ

132 См. «Правда вселен. церк.», стр. 276—277.

133 Срав. Bamberger, Geschichte des Mittelalters. Bd. III, 735.

сомнѣнію или придиркѣ, въ пользу церкви римской [134]. А между тѣмъ, акты собора 879 года сохранились въ нѣсколькихъ спискахъ, и весьма древнихъ; находятся рукописи ихъ греческія, весьма старыя, и въ римскихъ владѣніяхъ, напримѣръ, въ библіотекѣ ватиканской и графовъ Колонна [135]; давно переведены они и на латинскій языкъ и согласны съ древними описаніями этого событія у различныхъ писателей, какъ, напримѣръ, съ сочиненіемъ епископа кесалонійскаго, XI столѣтія, Ильи Минятія „Камень соблазна". Вотъ почему, болѣе безпристрастные писатели западные и не находятъ основанія отрицать дѣйствительность этихъ актовъ, какъ, напримѣръ, Флери. Но намъ уже знакомъ характеръ дѣйствій католическихъ писателей, какъ скоро касаются они древнихъ вопросовъ, рѣшенныхъ противъ интересовъ Рима: подлоги, испорченность, подкупность — обыкновенное для нихъ прибѣжище, въ подобныхъ случаяхъ. Мы разсмотримъ только главнѣйшія части этого замѣчательнаго собора [136].

Количество явившихся на него поразительно. Это не соборъ при Игнатіи, составившійся противъ Фотія и едва-едва собравшій, подъ конецъ засѣданій, сто святителей: въ церкви св. Софіи, черезъ 10 лѣтъ, подъ предсѣдательствомъ Фотія, собралось 383 подвластныхъ ему епископа; прибыли и уполномоченные отъ восточныхъ патріарховъ, съ грамматами отъ своихъ довѣрителей, въ которыхъ излагали они злоупотребленіе прежнихъ пословъ, посланныхъ по дѣламъ плѣнниковъ сарацинскихъ и, вопреки ихъ волѣ, занявшихъ ихъ мѣсто на соборѣ при

134 Срав. Рачкій, стр. 327, прим.

135 См. тамъ-же, стр. 326, прим. 2.

136 Напечатаны эти акты въ собраніи Mansi XVII, 370—527.

Игнатія; увѣдомляли, что двое изъ этихъ пословъ, за нарушеніе власти, преданы проклятію и что сами патріархи никогда не прекращали общенія съ Фотіемъ [137]. Грамматы эти имѣютъ громадную важность, — и признать подлинность ихъ, значитъ обнаружить величайшую недобросовѣстность римскаго двора, рѣшившагося на низкій подлогъ, въ 869 году. Не мудрено, что и онѣ, такимъ образомъ, въ глазахъ писателей западныхъ, по крайней мѣрѣ, большей части, не избѣгли подозрѣнія въ поддѣльности ихъ Фотіемъ. Но если мы понимаемъ затруднительное положеніе католиковъ, побудившее ихъ къ такому заподозрѣнію, то никакъ не можемъ понять упорства современныхъ ученыхъ настаивать на такомъ заподозрѣніи [138], когда достаточно самаго простаго человѣческаго смысла, чтобы считать его нелѣпостью. Могъ ли, во-первыхъ, Фотій пуститься на обманъ передъ огромнѣйшимъ собраніемъ, составленнымъ изъ лицъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей, когда сношенія съ восточными патріархами были не рѣдки и не затруднительны, чтобы быть увѣреннымъ въ невозможности скораго обнаруженія такого обмана? Во вторыхъ, какая цѣль могла руководить Фотіемъ обратиться къ обману, когда, судя по дружественнымъ его отношеніямъ къ патріархамъ, какъ теперь, такъ и во все послѣдующее время, до смерти Фотія, онъ и безъ обмана могъ выхлопотать грамматы отъ самихъ патріарховъ? Въ третьихъ, какъ объяснить прибытіе уполномоченныхъ съ востока, которыхъ, конечно, не могли не знать, хотя нѣкоторые изъ присутствовавшихъ на соборѣ? Другаго дѣла не видно, какъ въ 869 году, когда явившихся пословъ по дѣлу о плѣнныхъ можно было перевернуть въ уполномоченныхъ патріаршихъ, — будто-бы, по дѣ-

[137] Правда всел. церк. стр. 280.

[138] Рачкій, стр. 327.

замъ церковнымъ. Наконецъ, въ четвертыхъ, голословная подозрительность, безъ всякой тѣни какого-либо довода, будучи безсильна вообще, въ настоящемъ случаѣ положительно опровергается отсутствіемъ не только протеста, со стороны патріарховъ, за злоупотребленіе ихъ именемъ въ такомъ важномъ событіи, но и малѣйшаго намека на недовольство, которое бы непремѣнно отразилось въ отношеніяхъ и сношеніяхъ патріарховъ съ Фотіемъ, отличавшихся постоянно близостью и пріязнью. Или допустить, что и патріархи александрійскій, антіохійскій и іерусалимскій раздѣляли вполнѣ образъ мыслей и дѣйствій Фотія, а потому и смотрѣли равнодушно на поддѣланныя имъ граммaты отъ ихъ имени? Но, въ такомъ случаѣ, дѣло будетъ касаться одной формы, а по существу, значитъ, вся восточная церковь мыслила одинаково, касательно несправедливости собора 869 года и отношеній къ римскому первосвященнику. Но и тогда невозможно допустить обмана, потому что глубокій умъ Фотія не дозволилъ бы ему рисковать своею репутаціею безъ всякой цѣли, когда того-же самаго онъ могъ достигнуть прямымъ путемъ, полученіемъ дѣйствительныхъ граммaтъ отъ патріарховъ.

Всѣхъ засѣданій было семь, изъ которыхъ два послѣднія происходили въ присутствіи императора Василія. Мы остановимъ вниманіе на самыхъ важныхъ дѣйствіяхъ этого собора и прежде всего — на прочитанныхъ передъ цѣлымъ собраніемъ посланіяхъ папскихъ. Всѣ представители церкви единогласно приняли изъ нихъ все, что касается до мира церкви. Относительно условій, предложенныхъ Іоанномъ VIII, они постановили слѣдующее: дѣло о Болгаріи, какъ относящееся до свѣтской власти, потому что представляетъ вопросъ чисто областной, должно быть передано на благоусмотрѣніе императора; не приняли они и рѣше-

нія папы, на-счетъ непосвященія, на будущее время, мірянъ въ патріархи и избранія константинопольскихъ патріарховъ лишь изъ среды своей церкви. Единодушное согласіе на такое рѣшеніе раздѣлялось и легатами римскими. Соборъ велъ себя, такимъ образомъ, совершенно самостоятельно; легаты занимали на немъ мѣсто нисколько не вліятельнѣйшее, сравнительно съ остальными представителями церкви; имя патріарха Фотія стояло даже впереди папскаго на многолѣтіяхъ, которыми заключалось каждое засѣданіе. Словомъ, устранена была, какъ въ дѣлѣ папскихъ посланій, такъ и во всѣхъ послѣдующихъ, и малѣйшая тѣнь какого-либо начальническаго первенства римскаго первосвященника. Трудно, конечно, было выдерживать такое положеніе его легатамъ; но единство духовное всей восточной церкви, полнѣйшее согласіе съ новымъ патріархомъ и глубокое къ нему уваженіе у всѣхъ присутствовавшихъ, естественно, отнимало охоту къ безполезнымъ попыткамъ провести и теперь прежній тонъ властительства римскаго. Но не выдержали за-то сторонніе поклонники католичества мнимаго униженія на соборѣ папской воли и свободнаго толкованія его распоряженій членами собора. Какъ современные, такъ и послѣдующіе, до новѣйшихъ дней, писатели западные, усиливаясь доказать, что только Фотій былъ виновникомъ непризнанія первенствующаго и судейскаго надъ всею церковью значенія папы, а слѣдовательно, и раскола восточнаго, что остальное духовенство готово бы было неуклонно исполнить всѣ постановленія его, не замедлили пустить въ ходъ мысль, будто Фотій извратилъ въ переводѣ греческомъ письма папскія и, такимъ образомъ, соборъ не зналъ дѣйствительныхъ желаній главы западной церкви. Здѣсь встрѣчаемся мы снова съ заподозрѣніемъ, точно также лишеннымъ смысла и обнаруживающимъ опять лишь недобросовѣстные пріемы западниковъ.

Фотій извратилъ посланія папы! Но вѣдь греческій переводъ писемъ читался на соборѣ въ присутствіи легатовъ, которые, однако-же, ни однимъ звукомъ не протестовали противъ невѣрности перевода. Допустить, что они не знали греческаго языка, нельзя въ легатахъ, отправленныхъ съ такимъ важнымъ порученіемъ въ Царьградъ, въ среду духовенства исключительно греческаго; да не допускаютъ этого и сами писатели западные. Остается одно, что не только Павелъ и Евгеній, но и новоприбывшій кардиналъ, Петръ, были подкуплены или устрашены угрозами. Но во всей послѣдующей жизни ихъ нѣтъ никакого указанія, чтобы они сознались въ этомъ сами или были уличены кѣмъ-нибудь другимъ. Да и что-же, наконецъ, за духовенство западное, когда не возможно было отыскать среди него и одного надежнаго человѣка даже тогда, когда недовѣрчивость, по словамъ нынѣшнихъ католиковъ, папы къ Павлу и Евгенію, за общеніе ихъ съ Фотіемъ, должна была заставить его найдти самаго вѣрнѣйшаго поклонника себѣ, чтобы парализовать дѣйствія подозрительныхъ епископовъ, оставленныхъ, однако-же, заступать мѣсто папы на знаменательномъ соборѣ? Какъ ясно обнаруживаются натяжки римлянъ, при первомъ прикосновеніи къ ихъ отзывамъ и мнѣніямъ, и какъ въ пылу пристрастія, роняютъ они и себя и то, что берутся защищать. Въ настоящемъ случаѣ, они, по видимому, имѣютъ и основаніе именно въ томъ, что на соборномъ чтеніи папскаго посланія было опущено условіе, чтобы Фотій принесъ покаяніе и испросилъ прощеніе за неправильное прежде овладѣніе патріаршествомъ. Дѣйствительно, это условіе опущено въ актахъ собора; но исходило ли это опущеніе отъ воли Фотія? Сомнительно, чтобы остальные члены собора, при извѣстномъ единодушіи съ Фотіемъ, при глубокомъ уваженіи своемъ къ правамъ церкви, что

доказывается всѣми дѣйствіями собора, позволяли прочитать условіе, столь унизительное для ихъ патріарха и для всей церкви, которая избрала его въ свои представители. Для подобнаго опущенія одного изъ условій не было вовсе надобности искажать, и, вѣроятно, сами легаты вполнѣ согласились на него, видя въ этомъ всеобщее желаніе. Всякое намѣренное искаженіе имѣетъ цѣлью обманъ, а до какой степени Фотій былъ чуждъ его, въ настоящемъ случаѣ, онъ доказалъ своимъ посланіемъ къ Іоанну, написаннымъ по окончаніи собора, гдѣ прямо самъ говоритъ папѣ, что *просить прощеніе считалъ вовсе излишнимъ* и именно потому, что *только одни преступники просятъ о помилованіи*. Да и на какомъ сравненіи документовъ позволяютъ себѣ латиняне утверждать искаженіе въ переводѣ греческомъ писемъ Іоанна VIII? Они указываютъ на латинскій текстъ этихъ писемъ, упомянутый Бароніемъ, въ слѣдующемъ выраженіи: in codice vaticano charactere longobardo exarato, his ferme temporibus scripto [139]; но ученый Бамбергеръ едва-ли безосновательно призналъ эту рукопись положительно подложною [140]. И нѣкоторыя изъ тѣхъ выраженій, на которыхъ думаютъ опереться ученые католическіе въ своихъ утвержденіяхъ объ испорченности греческаго текста, говорятъ рѣшительно въ пользу подложности текста латинскаго. Въ примѣръ приведу выраженіе папы, касательно условія о Болгаріи. Въ латинской редакціи читается: *fieri jubemus*... Bulgarorum dioecesim... a modo suo jure vindicare; въ греческой, слово *jubemus* переведено: *просимъ, умоляемъ*. Не говоря уже о томъ, что подобный тонъ и такой подборъ выраженій, какъ *fieri jubemus*, скорѣе относятся къ порицанію папы за превышеніе своей

---

[139] Annal. eccles. ad an. 879.

власти, относительно равностепеннаго ему іерарха, къ которому ни разу притомъ не обращался онъ ни съ чѣмъ подобнымъ въ дѣйствительныхъ своихъ посланіяхъ, они до несомнѣнности опровергаются и предпринятою, въ 879 году, политикою Іоанномъ VIII въ дѣлахъ церковно-восточныхъ, въ-слѣдствіе стѣсненнаго отвсюду своего положенія. Наконецъ, за исключеніемъ условія о прощеніи, всѣ остальныя, разумѣется, гораздо важнѣйшія, находятся во всей полнотѣ въ греческихъ дѣяніяхъ собора, съ заключеніемъ по нимъ послѣдняго. А тутъ представлялось бы больше интереса къ искаженію. И едва-ли можно сомнѣваться, что самый латинскій-то текстъ страдаетъ искаженіемъ, и появился не ранѣе того времени, когда отношенія папы къ Фотію установились прежнія, т. е. враждебныя, слѣдовательно, послѣ уже собора, на основаніи приведенныхъ греческихъ дѣяній, съ произвольнымъ дополненіемъ того, что возвышаетъ власть римскаго епископа, и съ измѣненіемъ и опущеніемъ всего, что, въ греческомъ текстѣ, ставитъ ее въ уровень съ властію другихъ представителей церкви и низводитъ подъ законную зависимость отъ цѣлаго собора.

Второе важное дѣйствіе на соборѣ заключалось въ обличеніи прежнихъ quasi-уполномоченныхъ патріаршихъ, при чемъ прочитаны были грамматы, присланныя съ явившимися изъ Антіохіи, Александріи и Іерусалима мѣстоблюстителями. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого обличенія было отверженіе собора 869 года и торжественное признаніе Фотія патріархомъ цареградскимъ. Какъ въ первомъ дѣлѣ, такъ и тутъ, легаты не отдѣлялись отъ единодушнаго приговора всѣхъ святителей.

Послѣднія два засѣданія выдвинули вопросъ, направленный

---

[14] Gesch. des Mittelalters, III, Kritikheft, 331 — 332.

прямо противъ злоупотребленія, расширившагося уже въ большей части церкви западной, именно, противъ прибавки въ символѣ вѣры *„и отъ Сына“*. Въ присутствіи императора, прочитанъ былъ никейскій символъ вѣры, принятый и всѣми последующими вселенскими соборами, и состоялось снова единогласное рѣшеніе, чтобы впредь никто не дерзалъ ни прибавлять ничего, ни убавлять въ символѣ, подъ карою проклятія. Приняли и торжественно подтвердили это рѣшеніе и мѣстоблюстители древняго Рима. Въ актахъ собора приводится, при описаніи этого дѣянія, и письмо папы Іоанна, въ которомъ онъ осуждаетъ, какъ преступниковъ, и ставитъ на одно мѣсто съ Іудою всякаго, кто дерзнетъ измѣнить въ чемъ-либо никейскій символъ вѣры. Разумѣется, нашлись противники дѣйствительности и этого письма, считая, по обыкновенію, поддѣльщикомъ его Фотія [141]; но мы увидимъ на своемъ мѣстѣ, какъ твердо отстаивалъ Іоаннъ VIII никейскій символъ вѣры и у себя, на западѣ, и какъ порицалъ тѣхъ, кто настаивалъ на прибавленіи *„filioque“*. Этого уже достаточно, чтобы не видѣть ничего подозрительнаго въ посланіи въ томъ-же духѣ и на востокъ, въ такія минуты, когда ему слѣдовало по преимуществу доказать вѣрность свою къ одному изъ существенныхъ догматовъ, постановленныхъ вселенскими соборами. Соборъ заключился слѣдующимъ провозглашеніемъ легатовъ папскихъ: если кто не признаетъ святѣйшаго Фотія законнымъ патріархомъ и съ нимъ не сообщится, да будетъ часть его съ Іудою.

Что было дѣлать теперь папѣ, получившему извѣстіе о заключеніяхъ собора цареградскаго въ письмахъ императора Василія и Фотія? Главная цѣль его, возвращеніе Болгаріи, не ис-

[141] См. Рачкій, стр. 328.

полнилась; необходимо было вести дѣло дальше. Но какъ, когда легаты его, имъ уполномоченные, скрѣпили всѣ соборныя дѣянія собственноручною подписью? Оставалось одно средство: заподозрить легатовъ въ неисполненіи ими порученія, свалить всю вину на нихъ и, отказавшись отъ дѣйствій ихъ, возобновить свои требованія. Вотъ почему, въ отвѣтномъ посланіи Василію, соглашаясь на признаніе патріархомъ Фотія, онъ включаетъ условіе, за которое бы можно было ухватиться для користныхъ цѣлей римскаго епископства, что дѣяній соборныхъ онъ не пріиметъ и не признаетъ за ними никакой твердости, если легаты его что-либо совершили противъ апостольскаго наставленія. Si *fortasse* legati nostri in eadem synodo contra apostolicam praeceptionem egerint, nos non recipimus, nec judicamus alicujus existere firmitatis[142].

Сколько произвола предоставляетъ себѣ такимъ выраженіемъ папа, сколько придирокъ и крючковъ можно допустить, при такомъ условіи! Отвергнуть Фотія было уже невозможно, какъ потому, что согласіе на возстановленіе его выражено было и прежде Іоанномъ, такъ и потому, что слишкомъ неприлично было бы раздражать императора, выславшаго уже флотъ для защиты южной Италіи отъ сарацинъ, успѣвшій одержать уже и блистательную надъ ними побѣду. Точно также и въ письмѣ къ Фотію, послѣ замѣчанія касательно того, что въ просьбѣ о прощеніи передъ соборомъ онъ, папа, не видитъ униженія, вставлено не менѣе тяжелое условіе для будущаго согласія представителей римской и цареградской церквей и также обезпечивающее широкій произволъ притязаніямъ перваго: только тогда обниметъ папа Фотія, какъ брата, и только тогда будетъ считать

---

142 Mansi XVII, 186.

его дорогимъ сосѣдомъ, ежели Фотій будетъ стараться оказывать достойное почитаніе и покорность, относительно римской церкви: quia nos, si tu debitam devotionem et fidelitatis incrementa erga sanctam romanam ecclesiam et nostram parvitatem observare studueris, et ut fratrem amplectemur et ut carissimum proximum retinebimus[143].

Надобно же было изслѣдовать дѣйствія легатовъ, по крайней мѣрѣ показать видъ, что изслѣдованіе совершено, чтобы потомъ приступить къ рѣшительному отверженію этихъ дѣйствій, не удовлетворившихъ видамъ Рима на Болгарію. И вотъ, въ концѣ того-же 880 или въ началѣ 881 года, посылается въ Царьградъ дьяконъ Маринъ. Его надменный тонъ, несогласіе отвергнуть соборъ, бывшій при Игнатіи и отверженный уже самимъ папою, наконецъ, возстаніе противъ заключеній послѣдняго собора, съ какою единственно цѣлью, конечно, и прибылъ онъ на востокъ, раздражили до того императора, что этотъ, въ теченіи цѣлаго мѣсяца, держалъ его въ темницѣ. Возвратившись въ Римъ, Маринъ, естественно, привезъ то, чего желалъ престолъ папскій, усиливши еще болѣе преступленіе легатовъ, вслѣдствіе личнаго своего раздраженія за заключеніе. Но Іоаннъ VIII уже находился передъ смертью и, 15 декабря, 882 года, скончался. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, и Рачкій силится доказать, что Іоаннъ еще успѣлъ передъ кончиной отлучить Фотія, но доказательства его основаны на однихъ предположеніяхъ и, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что отлученіе произведено уже его преемникомъ.

Всматриваясь въ образъ дѣйствій папы Іоанна VIII, мы не можемъ не замѣтить, что въ ней отразилось больше мягкости

---

143 Тамъ-же, стр. 184.

и больше непритворнаго желанія дѣйствительнаго мира въ церкви вселенской; хотя, въ свою очередь, и онъ не въ силахъ былъ оторваться отъ гибельныхъ для единства церковнаго претензій, открытое и рѣшительное начало которымъ положено было Николаемъ и поддержано Адріаномъ. Не отличаясь особенною силою духа, твердостью и рѣшимостью, естественно, Іоаннъ не могъ выйдти побѣдителемъ окрѣпшаго уже беззаконнаго начала въ Римѣ; и умеръ, не достигши окончательнаго примиренія съ востокомъ и не удовлетворивши желаніямъ ревнителей и поклонниковъ политики Николая. Какъ современные ему такіе поклонники, такъ и позднѣйшіе писатели католическіе не безъ ѣдкихъ насмѣшекъ отзывались и отзываются объ этомъ папѣ, порицая его за малодушіе, которое, будто-бы, оказалъ онъ въ сношеніяхъ съ Цареградомъ, и не стѣсняясь прозвищемъ *бабы*. Вотъ какой отзывъ читаемъ мы объ Joаннѣ VIII у Баронія: hinc puto factum.... quod ob nimiam Joannis animi facilitatem et mollitudinem, abjecta penitus omni virilitate, non papa, ut Nicolaus et Hadrianus, sed papissa fuerit contumeliæ loco dictus,.... atque ita a compluribus decantatum fuerit: Joannem VIII fuisse foeminam; sicque jactata vulgo invenerit eo modo locum fabula [144].

Въ нашихъ глазахъ, подобный отзывъ не можетъ не служить подтвержденіемъ неправды и умышленнаго притворства тѣхъ писателей, которые усиливаются доказать подлоги и искаженія Іоанновыхъ посланій и распоряженій на востокѣ. Если-бы то, что дѣлалось и писалось въ Царьградѣ отъ лица этого папы, не было дѣйствительно, то не было бы никакой надобности и выдѣлять его изъ ряда папъ, съ надменностью и рѣзкою рѣ-

---

[144] Annal. eccles. ad an. 879.

шительностью Николая и Адріана, соединявшихъ и тѣ ихъ насильственныя посягательства на права церкви восточной, при которыхъ не мыслимо было христіанское примиреніе и единство церковное.

Мѣсто умершаго Іоанна VIII занялъ тотъ діаконъ Маринъ, который только-что возвратился изъ Цареграда и чувствовалъ себя оскорбленнымъ, со стороны императора и самаго патріарха. Нисколько, послѣ сего, не удивительно, что онъ тотчасъ-же, подъ предлогомъ неисполненія легатами папскихъ порученій, отвергнулъ соборъ 879 года и снова предалъ отлученію Фотія. Сношенія съ востокомъ ограничились опять только обличительными переписками, что продолжалось до самаго удаленія Фотія отъ патріаршества, при обоихъ преемникахъ Марина († 884), при Адріанѣ III (884—885) и при Стефанѣ VI.

Между тѣмъ Фотія постигло новое несчастіе. Въ 886 году, 29 августа, умеръ императоръ Василій и наслѣдникъ его, Левъ философъ, обязанный спасеніемъ отъ смерти Фотію, вступившемуся за него передъ раздраженнымъ Василіемъ, желая предоставить патріаршескій престолъ своему брату, Стефану, удалилъ Фотія, подъ предлогомъ участія его въ заговорахъ отцу, вмѣстѣ съ епископомъ, Сантовариномъ. Въ декабрѣ того-же года, Стефанъ занялъ уже престолъ патріаршій. Съ удаленіемъ Фотія и съ послѣдовавшею очень скоро его смертію, казалось, не было больше причинъ, по крайней мѣрѣ, явныхъ, продолжать несогласіе; не признать Стефана патріархомъ не было основаній, такъ-какъ онъ прошелъ необходимыя степени духовнаго званія и былъ при томъ братъ императора, смѣнившій къ тому-же ненавистнаго Риму Фотія. Дѣйствительно, папа Стефанъ VI, въ отвѣтномъ письмѣ своемъ къ императору[145], хвалитъ послѣдняго

[145] Mansi XVI, 435; XVIII, 18.

за удаленіе Фотія, но отказаться при этомъ случаѣ отъ фиктивныхъ правъ Рима на судъ надъ всею церковью тяжело было тому папѣ, который, за годъ тому назадъ, въ посланіи къ Василію, признавалъ самымъ высшимъ и непререкаемымъ достоинствомъ за своимъ предшественникомъ, Мариномъ, то, что „онъ чувствовалъ и мыслилъ одинаково съ Николаемъ" [146]. И Стефанъ VI потребовалъ отъ императора посольства въ Римъ, для обсужденія всего дѣла, подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ, что въ увѣдомленіи императора, будто Фотій добровольно удалился съ патріаршества, находится противорѣчіе съ извѣстіемъ Стиліана, отправившаго тотчасъ, по вступленіи въ патріархи Стефана, письмо къ папѣ, утверждавшее, что Фотій былъ изгнанъ императоромъ изъ церкви.

На этомъ дѣло и остановилось. Посольство въ Римъ, конечно, отправлено не было, а въ исторіи папъ, съ конца X вѣка, начинается то мрачное время, приводившее въ ужасъ и негодованіе самихъ католиковъ, при которомъ часто должно было казаться унизительнымъ всякое сношеніе съ первосвященниками римскими. Начало положено было Стефаномъ VII, который предшественника своего, папу Формоза, дозволившаго себѣ осудить Фотія уже умершаго, какъ-бы въ наказаніе, подвергъ еще большему осужденію. Онъ приказалъ вырыть его тѣло и представилъ на судилище; отсѣкъ пальцы и голову и бросилъ въ р. Тибръ, за-то, что вопреки каноновъ былъ переведенъ на каѳедру римскую изъ другой епархіи. Какъ-бы въ укоръ Николаю и Адріану, въ Римѣ не однократно повторялось назначеніе папъ не только прямо изъ міранъ, но и изъ дѣтей, какъ, напримѣръ, поставленіе 12-лѣтняго Бонифація II, племянника тускулумскаго

---

[146] Тамъ-же, XVIII, 11. Baron., annal. ad an. 885

графа; не соображались тамъ болѣе и съ тѣмъ, было ли избираемое въ папы лице изъ римской епархіи, или изъ другой, чего требовалъ Іоаннъ VIII въ одномъ изъ условій признанія Фотія. Вотъ какъ характеризуетъ папское управленіе въ X вѣкѣ ревностный католикъ Бароній: eu illa infelicissima romanæ ecclesiæ tempora.... quando intrusi in cathedram Petri..... *homines monstrosi, moribus perditissimi, usquequoque foedissimi.* Cuncta quæ olim passa est (romana ecclesia) sub gentilibus imperatoribus vel ab haereticis aliisque persecutoribus, horum comparatione sunt æstimanda lusus puerorum[147]. А Мосгеймъ говоритъ: omnis sacra res maxima saeculi parte in potestate vilissimorum scortorum fuit[148].

Но и въ X столѣтіи, равно и въ началѣ XI, хотя и очень рѣдкія, сношенія между восточною и западною церквами все еще продолжались, и сношенія довольно дружелюбныя, не взирая на то, что имя Фотія провозглашалось въ Царьградѣ на поминовеніяхъ между именами Игнатія и Стефана, какъ имя дѣйствительнаго и законнаго патріарха. Окончательное раздѣленіе произошло не раньше 1053 года, въ слѣдствіе обличительнаго по-

---

147 Annal. ad an. 900, n. III. Т. е.: вотъ тѣ несчастнѣйшія времена римской церкви,... когда ворвались на каѳедру Петра люди чудовищные, нравственно испорченнѣйшіе, въ конецъ гнуснѣйшіе. Все то, что нѣкогда переносила римская церковь, во время языческихъ императоровъ, или отъ еретиковъ и другихъ преслѣдователей, въ сравненіи съ этими (папами), должно почитаться лишь дѣтской игрушкою.

148 Instit. histor. christ., стр. 610—611. Т. е.: «вся святыня, въ наибольшую часть этого вѣка, находилась во власти гнуснѣйшихъ непотребныхъ женщинъ». Желающіе ближе ознакомиться съ этимъ временемъ римской церкви, могутъ прочитать 51—56 книги «исторіи» Флери.

сланія патріарха Михаила Керуларія, направленнаго противъ опрѣсноковъ, пощенія въ субботу и нѣкоторыхъ другихъ отступленій отъ правилъ, что вошло во всеобщій обычай въ церкви римской. Но и при этомъ, патріархъ цареградскій не выступилъ изъ своей области, такъ-какъ посланіе назначено было епископу транійскому, въ южной Италіи, относившемуся къ цареградскому патріархату [149].

Мы разсмотрѣли, такимъ образомъ, взаимныя отношенія между востокомъ и западомъ до той поры, когда прекратилась, вмѣстѣ съ жизнію (885), и дѣятельность послѣдняго изъ солунскихъ братьевъ, св. Меѳодія; видѣли, что начало несогласій произошло съ избраніемъ въ патріархи знаменитаго Фотія, въ самые послѣдніе дни 857 года, и что съ напряженностью продолжались они до его смерти или до вторичнаго удаленія съ патріаршаго престола (886). Перенося этотъ промежутокъ времени къ жизни и трудамъ св. Кирилла и Меѳодія, невольно остановишься на замѣчательномъ, хотя, конечно, и случайномъ стеченіи обстоятельствъ, именно, что періодъ проповѣднической ихъ дѣятельности совпадаетъ годъ въ годъ съ обозначеннымъ нами промежуткомъ. Первое посольство ихъ, съ цѣлію благовѣстія въ средѣ языческихъ народовъ, принадлежитъ 858 году, послѣдніе подвиги Меѳодія и смерть его относятся къ 885 году. Случайно, говоримъ мы, такое стеченіе, но оно весьма важно для правильной оцѣнки воззрѣній и мнѣній нынѣшнихъ католиковъ, не преминувшихъ воспользоваться этимъ совпаденіемъ для проведенія своихъ цѣлей между западными славянами — убѣдить послѣднихъ, что уходъ братьевъ солунскихъ изъ Кон-

---

[149] Подробности объ этомъ событіи можно найдти въ сочиненіи «Правда вселенской церкви», стр. 295, 313.

стантипополя, переходъ ихъ на западъ и сближеніе съ папою стоятъ въ неразрывной связи съ разногласіемъ между Римомъ и Цареградомъ, разногласіемъ, въ которомъ непремѣнно хотятъ видѣть они начало церковнаго раскола въ послѣднемъ. Эти писатели усиливаются, такимъ образомъ, объяснить самое посольство Кирилла и Меѳодія на западъ нежеланіемъ ихъ дальнѣйшаго общенія съ востокомъ, какъ виновникомъ церковнаго разногласія, и обращеніемъ къ папѣ, какъ къ справедливому и законному судьѣ надъ церковью вселенскою, усиливаются, слѣдовательно, доказать, что католическое направленіе солунскихъ братьевъ обнаружилось въ самый первый моментъ измѣнившихся отношеній между Римомъ и Цареградомъ, по поводу возведенія на патріаршество Фотія, что, въ свою очередь, и было первою причиною отстраненія ихъ отъ востока. На этомъ-то обстоятельствѣ, составляющемъ переходъ въ жизни первоучителей, мы и намѣрены остановиться въ самомъ началѣ рѣшенія втораго главнаго вопроса — о положеніи той области, въ какую явились Кириллъ и Меѳодій въ 863 году и изъ которой впервые вступили въ связь съ римскимъ первосвященникомъ. Важность этого обстоятельства неоспорима: если уже самый отходъ Кирилла и Меѳодія имѣлъ побужденіемъ признаніе, съ ихъ стороны, первенства папы и недовольство на порядки въ церкви восточной, то, само собою разумѣется, что тѣ-же основанія руководили ими и въ сношеніяхъ съ Римомъ тогда, когда жили они и дѣйствовали въ области папской.

———

Б. Въ какомъ положеніи застаемъ мы область, куда призваны были Кириллъ и Меѳодій и откуда вошли въ сношенія съ Римомъ.

Для болѣе обстоятельнаго обсужденія вопроса объ отношеніяхъ Кирилла и Меѳодія къ восточной и западной церквамъ, передъ отправленіемъ ихъ въ Моравію, мы разсмотримъ: а) что и какъ говорятъ объ этомъ писатели католическіе; б) въ какомъ положеніи жили Кириллъ и Меѳодій на востокѣ, до своего ухода на западъ, и в) въ какихъ отношеніяхъ находились къ отправленію ихъ туда императоръ и патріархъ.

Съ каждымъ полугодомъ умножающееся количество современныхъ писателей на западѣ о Кириллѣ и Меѳодіи повторяетъ въ одинъ почти голосъ одну и ту-же мысль, что оба брата съ радостью приняли предложеніе идти на призывъ князя моравскаго, что дальнѣйшее пребываніе ихъ въ Царьградѣ становилось невыносимымъ, въ слѣдствіе несогласій съ Фотіемъ и глубокаго огорченія отъ оскорбленія послѣднимъ церкви вселенской. Мы приведемъ выраженія такихъ только писателей, которые обработывали свои сочиненія болѣе — менѣе самостоятельно и потомъ служили уже источникомъ для другихъ, имѣвшихъ цѣлью

только шире распространить высказанныя первыми свѣдѣнія и сужденія. Вотъ что говоритъ Гинцель[1]: „призванный императоромъ Константинъ могъ въ желаніи моравскаго князя, Ростислава, усмотрѣть лишь голосъ свыше, съ радостью слѣдовать которому былъ онъ тѣмъ приготовленнѣе, что рѣшительно православный и церковный образъ мыслей его встрѣчалъ пораженія отъ господствующихъ не церковныхъ дѣйствій въ Константинополѣ и что чувствовалъ влеченіе въ тѣсно связанныя съ апостольскимъ престоломъ западныя страны, гдѣ представлялась ему благословенная дѣятельность среди родственнаго народа. Константинъ, вмѣстѣ съ братомъ Меѳодіемъ, стоявшій на сторонѣ Игнатія, могъ изъ дѣйствій въ Царьградѣ предвидѣть только самый дурной исходъ и не могъ не желать поскорѣе убраться изъ тѣхъ предѣловъ“[2]. Штульцъ[3] утверждаетъ, что Кириллъ, живя въ Царьградѣ, по возвращеніи изъ посольства хазарскаго (859), „*кажется*, не находился въ пріятельскомъ отношеніи къ Фотію; старая сердечная дружба между ними, угаснувшая еще прежде, прекратилась, когда Кириллъ, воодушевленный чистымъ и строгимъ ученіемъ Спасителя, возсталъ публично противъ Фотія, распространявшаго заблужденіе о душѣ человѣческой... Не заботясь о пріязни человѣка, производящаго расколъ въ церкви, *Кириллъ ожидалъ*, *какой судъ произнесетъ римскій папа въ споръ между Фотіемъ и Игнатіемъ*“; и тѣмъ охотнѣе удалился св. мужъ изъ источника раздора. Докторъ Рачкій[4] остерегается съ такою-же рѣшительностью, какъ поименованные выше авторы, утверждать, буд-

---

[1] Geschichte d. slav. Apostel, стр. 34.

[2] При этомъ ссылается Гинцель на слова Копитара: hinc nostri (Constantini) paratior e Graecia emigratio.

[3] Zivot sv. Cyr. a Methoda, стр. 49—50.

[4] Viek i djel. sv. Cyr. i Meth., стр. 116—118.

то Кириллъ и Меѳодій уже въ Царьградѣ выразили свое охлажденіе къ востоку и обращеніе къ папѣ, тѣмъ не менѣе, подробнымъ изображеніемъ разногласія, происшедшаго, будто-бы, между Фотіемъ и Кирилломъ, за ученіе перваго о душѣ, невольно заставляетъ читателя предполагать и въ немъ ту-же мысль. Довольно ясно это видно и изъ его голословнаго, ничѣмъ не оправдываемаго мнѣнія, будто Кириллъ и Меѳодій, въ-слѣдствіе недружелюбныхъ отношеній къ Фотію, отвратили отъ отъ Царьграда и моравскаго князя Ростислава, немедленно по своемъ прибытіи въ Моравію [5]. Съ положительностью и рѣзкостью высказана она и докторомъ Билымъ въ недавно оконченномъ его сочиненіи [6], назначенномъ для народа къ тысячелѣтнему торжеству въ честь св. апостоловъ. Такіе отзывы и положенія повторяются ими при всякомъ удобномъ случаѣ, какъ-скоро заходитъ рѣчь о привязанности братьевъ солунскихъ къ римскому престолу, повторяются при томъ, какъ вещи доказанныя, противъ которыхъ нельзя спорить. А между тѣмъ, доказательствъ нѣтъ ровно никакихъ, да, по нашему убѣжденію, ихъ и не могло быть, по самому характеру жизни Кирилла и Меѳодія въ Константинополѣ.

Всего легче убѣдиться въ этомъ, разсмотрѣвши состояніе, въ какомъ находились Кириллъ и Меѳодій передъ самымъ уходомъ на западъ, а также и обстоятельства, побудившія ихъ къ новому подвигу. Но здѣсь невольно сталкиваемся мы съ вопросомъ, когда прибыли послы изъ Моравіи и когда приблизительно, если уже нельзя сказать опредѣлительно и точно, вышли изъ Царяграда проповѣдники славянскіе?

---

[5] Тамъ-же, стр. 209.

[6] Sv. Apoštolové Slovanšti Cyrill a Method, v Praze, 1863, стр. 26.

Для рѣшенія этого вопроса, извѣстные намъ достовѣрнѣйшіе и подробнѣйшіе источники не представляютъ положительныхъ данныхъ. Положительно годъ не указанъ ни въ одномъ изъ нихъ, а несогласіе источниковъ въ исчисленіи времени по другимъ близкимъ событіямъ въ жизни св. братьевъ, имѣющимъ непосредственную связь съ ихъ выходомъ изъ Царяграда, на первый взглядъ, какъ-будто лишаютъ возможности и на приблизительное опредѣленіе. Тѣмъ не менѣе, вниманіе къ намекамъ, съ обсужденіемъ побочныхъ обстоятельствъ, упоминаемыхъ въ извѣстіяхъ, даетъ достаточное средство къ безошибочному и весьма близкому къ истинѣ рѣшенію вопроса.

Солунскіе братья отправлены въ Моравію, въ-слѣдствіе посольства отъ тамошнихъ князей къ императору Михаилу. Послѣднее не могло прибыть позже 21 мая, 866 года, потому-что въ это время умеръ Варда, присутствовавшій на совѣщаніи во дворцѣ императорскомъ, когда рѣшался вопросъ, кого отправить въ Моравію: „отвѣща емоу (Константину) пакы царь и съ Варьдою оуемъ своимъ“, говоритъ жизнеописаніе св. Константина. Если же мы пріймемъ въ соображеніе, что Кириллъ и Меѳодій отправились изъ Моравіи въ Римъ, въ первый разъ, въ 867 году, потому что, прибывши туда, по призыву папы Николая, они не застали уже его въ-живыхъ, и что пробыли въ Моравіи до ухода въ Римъ не менѣе трехъ съ половиною лѣтъ, то едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что посольство моравское явилось въ Константинополь никакъ не позже 862 г. Въ самомъ дѣлѣ, папа Николай умеръ въ ноябрѣ 867 года, и тотчасъ-же былъ возведенъ Адріанъ II, который и принималъ Кирилла и Меѳодія; такъ-какъ послѣдніе шли по желанію Николая, нѣсколькими днями не заставъ его, какъ свидѣтельствуетъ латин. легенда о перенесеніи мощей Климента: cum ante non

multas dies supradictus papa Nicolaus transiisset ad Dominum [7], и, при трудностяхъ, въ то время, пути и отдаленности его, а равно и при задержкахъ, безъ сомнѣнія, довольно продолжительныхъ, въ Панноніи, у князя Коцела, и въ Венеціи, гдѣ св. Кириллъ выдержалъ побѣдоносно диспутъ съ латинянами, могли употребить около полугода для своего путешествія, то срокомъ отхода ихъ изъ Моравіи можно смѣло положить осень 867 года. Отбрасывая три съ половиною года, мы получимъ или самое начало 864 или конецъ 863 года, какъ время, когда пришли въ Моравію Кириллъ и Меѳодій. Трудно положить меньше года и для путешествія ихъ изъ Константинополя въ Моравію, потому что шли они черезъ Болгарію, гдѣ, какъ несомнѣнно, занимались проповѣдью христіанской между болгарскимъ народомъ, и когда, вѣроятнѣе всего, особенно подѣйствовалъ Меѳодій и на князя Бориса. Такимъ образомъ, удаленіе Кирилла и Меѳодія изъ Царьграда не можетъ быть позже самаго конца 862 или начала 863 года, а прибытіе посольства моравскаго— раньше 862 года.

Нѣкоторое затрудненіе можетъ происходить только отъ того, что житія славянскія, Константиново и Меѳодіево, почти не отличаясь другъ отъ друга въ означеніи времени, проведеннаго ими въ Моравіи до отхода въ Римъ, довольно значительно не согласуются съ латинскими легендами, возводящими время это до четырехъ съ половиною лѣтъ, слѣдовательно, цѣлымъ годомъ больше. Тогда какъ въ житіи Константина читаемъ: „40 же мѣсецъ сътвори въ Моравѣ и иде светить оученикы свое“ [8], а въ житіи Меѳодія: „и трємъ лѣтомъ ишедшемъ, възврати-

---

[7] Acta sanct. Мартъ, II, стр. 12—25, § 9.

[8] Шаф. XV, стр. 20.

стася изъ Моравы“ [9], въ легендѣ о перенесеніи мощей св. Климента: „manserunt ergo in Moravia per annos quatuor et dimidium“ [10]; то-же самое и въ легендѣ моравской [11]. Но не произошло ли это различіе отъ того, что легенды латинскія считаютъ время отъ выхода Кирилла и Меѳодія изъ Царяграда, между тѣмъ какъ славянскія житія имѣютъ въ виду лишь время, прожитое ими въ Моравіи [12]. Въ такомъ случаѣ, подтверждалось бы фактически наше соображеніе о годовомъ, по крайней мѣрѣ, пребываніи св. братьевъ на пути изъ Константинополя въ Моравію. Во всякомъ случаѣ, вопросъ объ отправленіи въ Моравію Кирилла съ Меѳодіемъ могъ возникнуть въ Царьградѣ только въ 862 году, что отчасти оправдывается и вставкою у нашего Нестора имени блатенскаго князя Коцела, въ числѣ пославшихъ посольство къ императору Михаилу; а Коцелъ, какъ извѣстно, наслѣдовалъ своему отцу, Привинѣ, лишь въ 861 году. Мы ссылаемся на Нестора потому, что извѣстіе его ни мало не противорѣчитъ древнѣйшимъ источникамъ. Въ житіи Меѳодія, правда, говорится только о Ростиславѣ и Святополкѣ, по желанію которыхъ вызваны были проповѣдники съ востока; за-то въ житіи Константина читаемъ: „Растиславъ, моравьскыи кнезь, богомь оустимь, съвѣтъ сътвори *съ кнези своими мо-*

---

[9] Тамъ-же, V, стр. 4. Различіе въ показаніяхъ обоихъ житій на 4 мѣсяца едва-ли можно брать слишкомъ строго: что въ одномъ, Константиновомъ, сказано точно и опредѣлительно, въ исчисленіи мѣсяцевъ, то въ другомъ — въ приблизительномъ, кругломъ числѣ лѣтъ.

[10] Act. sanct., тамъ-же, § 7.

[11] Добров., mähris. Legende, 1826, Prag, стр. 24.

[12] Срв. Рачкій, стр. 155, прим. 4.

равляны“ [13], въ числѣ этихъ князей нѣтъ основанія не предполагать и Коцела. Вѣроятнѣе всего, что имя это и находилось въ оригиналѣ тѣхъ житій Кирилла и Меѳодія, которымъ пользовался нашъ лѣтописецъ: послѣдующіе списки этихъ житій могли выбросить его точно такъ-же, какъ выброшено въ житіи Константина и имя Святополка, сохранившееся въ житіи Меѳодія.

Состояніе церковныхъ отношеній въ 862 году намъ уже извѣстно: это была пора, когда выяснялъ только свои притязанія папа Николай, не предпринимая пока ничего рѣзкаго противъ Фотія, избраннаго въ патріархи, въ декабрѣ, 857 года. Соборъ въ Римѣ, на которомъ, наконецъ, рѣшился прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ Николай, т. е. осудить и отлучить отъ церкви Фотія, состоялся лишь въ 863 году. До этого времени, напротивъ, можно было только замѣчать изъ посланій его готовность признать патріаршество Фотія, ежели только послѣдній согласится способствовать притязаніямъ римскимъ на Эпиръ, Ахайю и др. области, подробно обозначенныя въ письмѣ Николая къ императору. Въ цареградской церкви, какъ видѣли мы, только ничтожное число духовенства держало сторону сверженнаго Игнатія; превосходнѣйшее же большинство высказалось прямо и рѣшительно въ пользу Фотія огромнѣйшимъ собраніемъ на соборѣ константинопольскомъ, 861 года. Въ числѣ недовольныхъ даже въ письмѣ къ Николаю личнаго врага Фотія упоминаются только 10 архіепископовъ и 15 епископовъ, что составляетъ крайне незамѣтную величину въ количествѣ 400 святителей, принадлежавшихъ въ то время патріархату цареградскому. При томъ, обращеніе къ Риму недовольныхъ послѣдовало уже послѣ 863 года.

---

[13] Шаф. XIV, стр. 18.

Въ какомъ положенiи застаемъ мы въ это время Кирилла и Меѳодiя? Они только-что возвратились къ этой порѣ изъ посольства къ хазарамъ, въ которомъ прославились успѣшною проповѣдью, и снова обратились къ своей уединенной, отшельнической жизни. Меѳодiй, въ качествѣ игумена, помѣстился въ монастырѣ полихроноскомъ (на азiатскомъ берегу Мраморнаго моря, близъ города Кизика), а Константинъ остался въ Царьградѣ, при церкви св. апостоловъ, для занятiя молитвою и книгами. Такъ-какъ ни одинъ источникъ, ни древнѣйшiй ни позднѣйшiй, не говоритъ ни слова о взглядѣ ихъ на переворотъ церковный, то католическимъ писателямъ и показалось возможнымъ наполнить этотъ пробѣлъ такими соображенiями, которыя бы согласовались съ задуманною ими цѣлью — обратить обоихъ братьевъ въ чистыхъ католиковъ и выдать эти соображенiя за неопровержимую истину. А между тѣмъ, достаточно самаго поверхностнаго сличенiя подобныхъ соображенiй съ обстоятельствами жизни Кирилла и Меѳодiя, и прежней и по возвращенiи изъ Хазаръ, чтобы опредѣлить полнѣйшую ихъ несостоятельность.

Такъ, опираясь на то, что Кириллъ и Меѳодiй отказались принять высокiй святительскiй санъ, которымъ хотѣли наградить ихъ и царь и патрiархъ за подвиги въ землѣ хазарской, и предпочли уединенiе и отдаленность отъ суеты мiрской, эти писатели утверждаютъ, будто такимъ рѣшенiемъ они выразили недовольство свое на дѣла церковныя, по случаю возведенiя въ патрiархи Фотiя, и скрылись отъ всякаго въ нихъ участiя. Тогда-какъ качество смиренiя и любовь къ тихой и сосредоточенной жизни являются у одного изъ братьевъ въ самыхъ юныхъ еще годахъ, у другаго, у Меѳодiя, обнаружились задолго еще до возвышенiя Фотiя. Въ силу подобнаго настроенiя,

Константинъ, еще на 24 году, отказывается отъ почестей и блистательной будущности, какую нарисовалъ передъ нимъ императорскій логотетъ, и охотно смѣнилъ все это на скромное званіе священника и патріаршаго библіотекаря; это было въ 851 году. Но и здѣсь, въ самое непродолжительное время, слѣдовательно опять за-долго до патріаршества Фотія, *еще при Игнатіи*, показалась ему неудобною жизнь, и онъ удалился тайно въ Узкое море, въ одинъ изъ монастырей. И во все время правленія Игнатія, не смотря на великія услуги Константина, оказанныя въ спорѣ съ бывшимъ патріархомъ Анніемъ и съ сарацинами, мы видимъ его въ томъ-же смиренномъ санѣ. Удаленіе отъ житейскихъ почестей не менѣе, если не болѣе, высказалось и въ жизни Меѳодія: онъ оставляетъ свое высокое положеніе правителя цѣлой области, на которомъ сдѣлался извѣстнымъ самому императору, и спокойно, съ любовію посвящаетъ остальную жизнь свою монашеству, удалившись на олимпійскую гору, гдѣ „бѣ повинуѧсѧ покоромъ и съвръшаѧ вьсѧ испълнь мнишскыи чинъ, а книгамъ прилежа“ [14]. Это случилось также за-долго передъ тѣмъ, какъ Фотій смѣнилъ на патріаршествѣ Игнатія, потому что Меѳодій, уже монахомъ, сопутствовалъ своему брату въ страну хазарскую, куда отправились они, по всей вѣроятности, въ самые первые дни правленія Фотіева. Вообще, вся жизнь Константина, отъ самаго дѣтскаго возраста и, сколько извѣстно, Меѳодія, отъ поступленія его въ монастырь, полны примѣрами кротости и смиренія, не только чуждыхъ всякаго искательства внѣшнихъ отличій, но и прямо противорѣчившихъ ему. Что-же удивительнаго, послѣ этого, если такіе люди отказываются отъ сана свя-

[14] Шаф. III, стр. 3.

тительскаго, которымъ хотѣли облечь ихъ патріархъ Фотій и императоръ, когда возвратились они изъ Хазаріи въ Царьградъ? Не согласовалось ли это со всею предыдущею ихъ жизнію и не естественнѣе ли слѣдовало ожидать, по примѣрамъ послѣдней, ихъ вторичнаго удаленія въ уединеніе, доколѣ новый проповѣднической подвигъ не вызоветъ опять къ общественной дѣятельности. Думаемъ, что скорѣе можно было бы удивляться обратному, и ни въ какомъ случаѣ, не оскорбляя памяти святыхъ апостоловъ славянскихъ, нельзя допускать, тѣмъ менѣе утверждать, будто этотъ отказъ отъ возвышенія, со стороны Кирилла и Меѳодія, находится въ какой-нибудь связи съ патріаршествомъ Фотія, что допускаютъ и утверждаютъ поименованные нами писатели-католики. То-же самое обнаружили они не разъ и прежде, и еще въ сильнѣйшей степени, если сообразимъ, что Меѳодій все-таки принялъ на себя званіе игумена, по желанію императора и Фотія. Въ заключеніе, не можемъ не замѣтить, что если латиняне позволяютъ себѣ дѣлать выводъ о недружелюбныхъ отношеніяхъ между новымъ патріархомъ и солунскими братьями изъ отказа ихъ принять высшій санъ, то съ одинаковымъ правомъ могли бы они, на томъ-же основаніи, дѣлать такой-же выводъ и объ отношеніи, по крайней мѣрѣ, Кирилла къ папѣ Адріану II: и въ Римѣ, передъ кончиною своею, Кириллъ „sciens omnium esse virtutum veram in humilitate custodiam, episcopatum renuncians, habitum induit monachalem“, какъ говорится въ легендѣ моравской[15].

---

[15] Т. е. зная, что смиреніе есть истинный стражъ всѣхъ добродѣтелей, отказываясь отъ епископства, онъ облекся въ монашеское одѣяніе. Добров., стр. 36, § 8.

Славянскія жизнеописанія, этотъ достовѣрнѣйшій источникъ для правильнаго пониманія дѣятельности св. братьевъ, ничего не говорятъ объ участіи патріарха, при отправленіи ихъ въ землю моравскую. Обращается къ Константину самъ императоръ, самъ-же излагаетъ ему цѣль посольства моравскаго и самъ убѣждаетъ и проситъ его принять на себя трудъ удовлетворить этой цѣли. Нельзя ли отсюда, хотя въ видѣ предположенія, выводить заключеніе о характерѣ отношеній Константина къ Фотію? Въ самомъ дѣлѣ, предметъ посольства принадлежитъ непосредственно и исключительно церковному дѣлу, и какъ-бы, кажется, патріарху не выразить тутъ своего участія и не замѣнить собою императора? Но дѣло здѣсь, во первыхъ, касалось посторонняго народа, и, во вторыхъ, представители этого народа, князья моравскіе, обратились прямо къ императору; онъ и изображается главнымъ распорядителемъ въ назначеніи проповѣдниковъ, хотя, не можетъ быть и тѣни сомнѣнія, что это назначеніе не обошлось безъ совѣта съ высшею духовною властью. Въ этомъ случаѣ, жизнеописатель выставляетъ одного императора точно такъ-же, какъ и во всѣхъ другихъ подобныхъ, относившихся къ тѣмъ-же Константину и Меѳодію и бывшихъ при предшественникѣ Фотія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ императоръ Михаилъ обращается къ Константину, по поводу просьбы моравскихъ князей и самъ ведетъ бесѣду съ нимъ, такъ и въ дѣлѣ съ иконоборцемъ Анніемъ „*царь* же съ патрикіи ѹстроивъ философа посла понь“ [16]; равнымъ образомъ, и въ назначеніи проповѣдника и учителя къ сарацинамъ: „сьборь же сьтворь *царь* и призвавь его, рече емоу: слышиши ли, философе, что глаголють скврьнныи агарѣны на нашу вѣроу? Ты

---

[16] Шаф. Жит. Конст., V, стр. 4.

же, яко светые троице сын слоуга и оученикъ, шьдь противисе имъ“ [17]; точно то-же находимъ и при отправленіи къ хазарамъ: „тогда възыскавь *царь* философа, и обрѣть его сказа емоу козарьскоую рѣчь глаголя: иди, философе, кь людемь симь“ [18]. Вездѣ представляется императоръ единственнымъ распорядителемъ, хотя и не устраняется при этомъ предварительное совѣщаніе съ людьми, которые вѣрнѣе и справедливѣе могли оцѣнить требуемыя достоинства людей для христіанской проповѣди среди непросвѣщенныхъ народовъ свѣтомъ евангельскимъ. И приведенныя только-что мѣста изъ житія прямо указываютъ на такое совѣщаніе царя: узнавъ о желаніи сарацинъ, Михаилъ не только *совѣтуется съ патриціями*, какъ въ спорѣ съ Анніемъ, но и *созываетъ соборъ*, въ которомъ, само собою разумѣется, патріархъ не могъ и не долженъ быть лишнимъ. А о такомъ-же соборѣ говорится въ житіи Константина и при отправленіи его въ Моравію: „*събравь же съборь* царь, и призва Коньстантина философа“. Замѣчательно, что латинскія легенды, зависимость которыхъ отъ житій славянскихъ, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, говорятъ прямо о совѣщаніи императора съ патріархомъ, по крайней мѣрѣ, при посольствѣ къ хазарамъ; какъ въ легендѣ о перенесеніи мощей св. Климента, такъ и въ легендѣ моравской читаемъ по этому случаю слѣдующее: „tunc imperator *simul cum patriarcha consilio habito*, praefatum philosophum *advocant*“ [19]. Впрочемъ, участіе патріарха, и именно Фотія, въ подвигахъ

---

[17] Тамъ-же, VI, стр. 5.

[18] Тамъ-же, VIII, стр. 8.

[19] Acta sanctor., подъ 9 марта, том. II, § 2; срв. легенд. морав. Добров., стр. 12, § 1.

солунскихъ братьевъ, не скрыто и въ славянскомъ жизнеописаніи; въ житіи Меѳодія прямо говорится, какъ онъ, вмѣстѣ съ царемъ, заботился о награжденіи ихъ за успѣшную проповѣдь среди хазаръ и успѣлъ убѣдить Меѳодія принять санъ хотя игумена: „видѣвъ же царь и *патріархъ* подвигъ его добръ на божіи поуть, бѣдиша и да быша и свѧтили архіепископа на честноѥ мѣсто, идеже есть потреба такого моужа: не рачьшю же емоу, поудиша и, и поставиша и игоумена въ монастыри, иже нарицаѥтъсѧ полихронъ“ [20].

Да и могъ ли оставаться равнодушнымъ и холоднымъ зрителемъ дѣятельности Кирилла Фотій, его наставникъ, которому несомнѣнно считалъ себя обязаннымъ во многомъ первый. Изъ письма Фотія къ папѣ Николаю ясно, какія отношенія господствовали между наставникомъ и его учениками, какія тѣсныя и дружественныя узы связывали ихъ другъ съ другомъ; тѣмъ прочнѣе должны были установиться подобныя отношенія между Фотіемъ и Константиномъ, какъ лучшимъ и даровитѣйшимъ ученикомъ, который и самъ вскорѣ, по желанію царя, долженъ былъ занять мѣсто преподавателя философіи: „оумолише и оучительныи столъ прѣѩти и оучити философіи тоземце и странные съ вьсакою слоужбою и помощію и се пріеть“ [21]. И г. Штульцъ вполнѣ справедливъ, когда утверждаетъ о сердечной, пріятельской дружбѣ между наставникомъ и ученикомъ. Этой-то дружбѣ мы и можемъ только приписать особенное вниманіе императора къ Кириллу, выражавшееся каждый разъ, какъ только предстоялъ какой-либо важный случай, гдѣ требовался человѣкъ, соединявшій съ глубокою вѣрою и высокое образо-

---

[20] Шаф. IV, стр. 4.

[21] Шаф., IV, стр. 4, жит. Конст.

ваніе. Извѣстны жалкіе недостатки императора Михаила: преданный пьянству и порочной жизни, конечно, онъ не въ состояніи былъ сдѣлать разумнаго и достойнаго выбора, не смотря на личное знакомство свое съ Константиномъ, какъ съ соученикомъ, и тутъ-то, какъ въ годы свѣтскаго своего званія, такъ и въ пору патріаршества, болѣе всѣхъ долженъ былъ принимать участія Фотій, лучше всѣхъ другихъ знавшій Константина и пользовавшійся безграничною любовію и довѣріемъ императора. Не забудемъ, что, по настоянію Михаила, принялъ онъ высшій духовный санъ, что Михаилъ защищалъ его противъ папы, доходя въ защищеніи своемъ иногда до рѣзкостей. При такой связи между царемъ и Фотіемъ, если и согласиться съ тѣмъ, что не Фотій выставлялъ постоянно передъ Михаиломъ Константина, никакъ нельзя допустить, чтобы назначеніе послѣдняго въ столь важныя посольства совершалось противъ воли Фотія. Это особенно должно сказать о посольствѣ въ Моравію, принадлежавшую западному патріархату и уже наполненную латинскими священниками: отправленіе туда Константина, въ минуты, когда готова была разгорѣться борьба съ Римомъ, напротивъ, служитъ непререкаемымъ доказательствомъ сохранившейся прежней дружбы его къ новому патріарху и увѣренности послѣдняго въ томъ, что Константинъ не только не измѣнитъ ему и востоку на почвѣ римской, а скорѣе будетъ дѣйствовать въ его интересахъ, согласно съ своимъ миролюбивымъ и чуждымъ житейской суеты характеромъ.

Но западные писатели, какъ указали мы, утверждаютъ, будто солунскіе братья съ нетерпѣніемъ ожидали случая удалиться отъ *раскольническаго* востока и съ радостью ухватились за представившійся случай отправиться въ Моравію, не стѣсняясь при этомъ догадками, что тамъ, въ Моравіи, они бу-

дутъ находиться ближе къ престолу римскому, отъ котораго будто-бы ждали рѣшительнаго суда надъ Фотіемъ. Предположенія, основанныя исключительно на предвзятой идеѣ, совершенно не совмѣстимой съ жизнію и трудами апостоловъ славянскихъ, и тѣмъ болѣе заслуживающія порицанія, что высказаны они людьми, ставящими въ числѣ источниковъ, на первомъ планѣ, славянскія житія, которыя, напротивъ, требуютъ совершенно обратнаго заключенія. Дѣйствительно, какъ великою и радостною изображается въ нихъ готовность Константина на посольство къ сарацинамъ и хазарамъ, такъ, на оборотъ, какая-то отговорчивость и условность замѣтны въ принятіи имъ предложенія отправиться въ Моравію. Мы приведемъ для сличенія всѣ эти мѣста изъ житія Константина, чтобы читатель могъ самъ видѣть существенное между ними различіе: вотъ какъ отвѣчаетъ онъ царю, на просьбу его идти къ сарацинамъ: *„съ радостію идоу* за христіанскоую вѣроу, что бо есть мнѣ слаждьше на семь свѣтѣ, нь по свѣтѣи троици живоу быти и оумрѣти"; одинаковый отвѣтъ находимъ и по дѣлу хазарскому: „аще велиши, владыко, на таковоую рѣчь *съ радостію идоу пѣшь и бось безъ вьсего*, его-же неповелѣвааше богъ оученикомь си носити"; относительно же посольства моравскаго читаемъ мы уже слѣдующее: *„и троудьнъ сыи и болѣнъ тѣломь, съ радостію идоу тамо, аще имають боуквы въ языкъ свои"*. Это условіе невольно вызываетъ на вопросъ: какая же причина, какія соображенія побуждали св. Кирилла согласиться на отправленіе въ Моравію лишь въ такомъ случаѣ, когда тамъ есть въ ходу собственная письменность, т. е. славянская? Въ прежнихъ случаяхъ, о такомъ условіи не было и помину, а между тѣмъ, намъ извѣстно, что и у хазаръ, Кириллъ прежде всего позаботился объ изученіи того чуждаго для себя язы-

ка, на которомъ бы удобнѣе могъ проповѣдывать слово Божіе; теперь-же, идя въ среду славянскую, съ языкомъ которой онъ сроднился отъ самой колыбели, считаетъ необходимымъ узнать предварительно, есть ли письменность у тѣхъ славянъ и, услышавши изъ устъ царя, что письменность едва-ли тамъ окажется, выражаетъ боязнь прослыть еретикомъ, если онъ самъ рѣшится исправить этотъ недостатокъ и ввести грамоту. Причина могла быть только одна: вращаясь въ предѣлахъ чисто языческихъ или не христіанскихъ, какъ у хазаръ и сарацинъ, равно и въ областяхъ византійской имперіи, онъ смѣло обращался къ языку туземному и не стѣснялся обращать его, по всей вѣроятности, и въ письменность, хотя для нѣкоторыхъ частей св. писанія и христіанскаго богослуженія. Въ настоящемъ случаѣ, для насъ все равно, какую употреблялъ онъ грамоту: греческую ли, еврейскую или, быть можетъ, уже и славянскую. Онъ могъ такъ поступать, потому что съ отдаленнѣйшихъ временъ востокъ никогда не препятствовалъ народному языку служить органомъ для идей христіанскихъ не только въ устахъ, но и въ письменности. Св. писаніе было уже переведено и на готскій языкъ, и на армянскій, и на грузинскій и на другіе [22]. Почему-же испугался онъ нареканія въ еретичествѣ, если-бы поступилъ такимъ-же образомъ и въ моравской землѣ? Кажется, не трудно отвѣчать, и отвѣтъ можетъ быть только одинъ, что Кириллъ былъ хорошо знакомъ съ укоренившимся уже взглядомъ на народный языкъ въ дѣлахъ вѣры на западѣ, къ которому, въ церковномъ отношеніи, принадлежала и Моравія. Западъ искони преслѣдовалъ въ богослуженіи народную рѣчь;

---

[22] Срв. Макарія: «Введ. въ ист. христ. церк. въ Рос.». 1846, стр. 190.

исключительный латинизмъ сдѣлался закономъ, нарушитель котораго становился, естественно, въ рядъ еретиковъ. А между тѣмъ, на это обстоятельство читаемъ у г. Штульца такое объясненіе, что Кириллъ, опасаясь пріобрѣсти имя еретика, еслибы согласился изобрѣсти азбуку и переложить св. писаніе на народный языкъ славянскій, „обратился къ этому дѣлу только тогда, когда былъ охраненъ словомъ императора противъ преслѣдованій въ Константинополѣ“ [23]. Не есть ли это разсчитанный обманъ, пропущенный въ тысячи умовъ простолюдиновъ, не имѣющихъ возможности провѣрить дѣла, обманъ тѣмъ болѣе не согласующійся съ честью, что вышелъ онъ изъ-подъ пера лица духовнаго, къ которому хранитъ еще такъ много довѣрія простолюдинъ славянскій? Въ Константинополѣ нечего было бояться Кириллу, какъ потому, что посольство моравское требовало роднаго языка въ дѣлахъ вѣры не для греческихъ славянъ, а для западныхъ, такъ, еще болѣе, и потому, что Константинополь скорѣе способствовалъ въ подобныхъ случаяхъ туземной рѣчи и никогда не противодѣйствовалъ. Такъ, ослѣпленный задними мыслями и цѣлями, латинянинъ способенъ извращать истину и, вопреки столь яснымъ и положительнымъ свидѣтельствамъ, вопреки многовѣковой исторической практикѣ, на виду всѣхъ людей понимающихъ дѣло, готовъ сваливать собственную вину на другихъ и грозно упрекать въ ней тѣхъ, кто не запятналъ себя никакимъ участіемъ въ ней! Послѣдующая исторія оправдала опасенія Кирилла: онъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, дѣйствительно не замедлилъ явиться по суду поклонниковъ церкви римской еретикомъ за славянское христіанство.

---

[23] Štulc, Život и т. д., стр. 51.

Такимъ образомъ, и мысль о радости св. братьевъ при удаленіи въ Моравію, будто доказывающей ихъ отчужденіе отъ востока, должна быть отчислена въ разрядъ умышленныхъ предположеній, не только не оправдываемыхъ, а скорѣе ниспровергаемыхъ самымъ поверхностнымъ прикосновеніемъ къ источникамъ. Поводъ къ отчужденію выставляютъ обыкновенно возвышеніе въ патріархи Фотія; но если-бы мы и не согласились не признать той дружбы, какая виднѣется сквозь отрывистыя и не прямыя выраженія въ жизнеописаніяхъ между Кирилломъ и Фотіемъ, если-бы и допустили возможность привязанности и уваженія къ первому со стороны Михаила, вопреки волѣ и желанію Фотія, пользовавшагося особенною близостью къ императору и очевиднымъ вліяніемъ на него, то и тогда не въ силахъ бы были добросовѣстно утверждать, что славянскіе первоучители видѣли въ новомъ патріархѣ виновника церковнаго раскола уже въ концѣ 862 года. Мы сказали и доказали, что въ эту пору о расколѣ не было и мысли, что все ограничивалось пока переговорами, и со стороны Рима — домогательствомъ осуществить свои корыстныя притязанія. Такую истину высказываетъ и г. Рачкій, когда, оправдывая моравскаго князя въ томъ, будто-бы желаніе раскола побудило его прибѣгнуть къ Царьграду, замѣчаетъ, что „тогда этотъ расколъ былъ только въ сѣмени, и самый проницательный умъ не въ силахъ былъ бы отгадать этого“ [24]. Но не стѣсняется умъ и совѣсть католика одно и то-же явленіе объяснять различно, смотря по тому, кого имѣетъ онъ въ виду при этомъ, — и г. Рачкій соглашается съ Шгульцемъ, на-счетъ причинъ и цѣлей св. Кирилла и Меѳодія поскорѣе удалиться изъ Константинополя.

[24] Стр. 134.

Грустно только, что цѣли, придумываемыя католическими писателями, такъ несогласны съ дѣйствительными, возвышеннѣйшими и такъ ясно выраженными цѣлями въ ихъ жизнеописаніяхъ.

Но нельзя же и западнымъ писателямъ не указать на какую-либо опору въ историческихъ свидѣтельствахъ, на основаніи которой они считаютъ себя въ-правѣ разглашать свои увѣренія о непріязненности Кирилла и Меѳодія къ Фотію, а черезъ это — и вообще къ тогдашнему востоку. Опору такую думаютъ они видѣть въ Анастасіи библіотекарѣ, современникѣ апостоловъ славянскихъ и дѣятельномъ участникѣ въ спорѣ Рима съ Константинополемъ.

Дѣйствительно, въ одномъ изъ сочиненій Анастасія библіотекаря, именно въ предисловіи его къ собору 869 года, мы читаемъ слѣдующее мѣсто, касающееся Константина: „за нѣсколько лѣтъ, тотъ-же Фотій проповѣдывалъ, что каждый человѣкъ состоитъ изъ двухъ душъ. Когда же Константинъ философъ, великой святости мужъ, *искреннѣйшій его другъ*, порицалъ Фотія, говоря: для чего, разсѣевая такое заблужденіе въ народѣ, ты погубилъ столько душъ? — послѣдній отвѣчалъ: не изъ желанія кого-либо оскорбить предлагалъ я сказанное, но для испытанія, чтб бы сталъ дѣлать патріархъ Игнатій, еже-ли бы въ его время появилась какая-либо ересь, выведенная посредствомъ силлогизмовъ философскихъ, Игнатій, прогнавшій людей высокой мудрости; но я не зналъ, что такимъ ученіемъ могу поразить столько душъ. На это замѣтилъ Константинъ: о разрушительная мудрость міра! Ты бросалъ стрѣлы въ обильную толпу и не зналъ, что кто-либо изъ нея долженъ быть раненъ. Всѣмъ точно извѣстно, что какъ глаза, пораженные дымомъ, не могутъ видѣть далеко, какъ бы ни были они от-

крыты и велики; такъ и очи мудрости твоей, какъ ни обширны и широки они, будучи, однако-же, всецѣло ослѣплены дымомъ жадности и зависти, не въ состояніи видѣть стези справедливости. По этому и вѣрно сказанное тобою, что ты не думалъ, чтобы ранилъ кого-либо своимъ ударомъ, когда, имѣя столь ослѣпленное упомянутыми страстями чувство противъ патріарха, и не предвидѣлъ, что произвелъ « [25].

Въ этомъ обширномъ извлеченіи, находимъ мы два существенныхъ факта: во первыхъ, что св. Кириллъ былъ самымъ искреннимъ другомъ Фотія, во вторыхъ, что послѣдній раздѣлялъ мнѣніе древнихъ философовъ о двухъ отдѣльныхъ душахъ въ человѣкѣ, мнѣніе, которое высказано было еще Пла-

---

[25] «Ante aliquot annos Photius idem duarum unumquemque hominem animarum consistere praedicabat. Qui quum a Constantino philosopho, magnae sanctitatis viro, *fortissimo ejus amico*, increpatus fuisset, dicente: cur tantum errorem in populum spargens, tot animas interfecisti? Respondit: non studio quemquam laedendi talia, inquit, dicta proposui; sed probandi, quid patriarcha Ignatius ageret, si suo tempore quaelibet haeresis per syllogismos philosophorum exorta patesceret, qui scilicet viros exterioris sapientiae repulisset; verum ignoravi me sub hujus fomite propositionis tot animas fore laesurum. Ad quod ille: o sapientia mundi, quae infatuatur et destruitur! Jactasti sagittas in multitudinem copiosae turbae, et ignorasti quemlibet ex his omnibus vulnerandum. Certe omnibus liquet, quia sicut oculi quantumlibet sint magni et aperti, si fumus palearum interjacuerit, videre ultra non possunt; ita oculi sapientiae tuae quantumlibet sint ampli et patuli, avaritiae tamen et invidiae fumo penitus obcoecati, tramitem justitiae videre non possunt. Ac per id verum est, quod dicis neminem ictu tuo putasse esse laedendum, quum sic obcoecatum sensum praedictis adversum patriarcham passionibus habens, nec quid emiseris praevidisti». Mansi, XVI, стр. 6.

тономъ, утверждавшимъ три составныя части въ человѣкѣ— πνεῦμα (νοῦς), ψυχή и σῶμα, распространеннаго, въ четвертомъ столѣтіи, Аполлинаріемъ, которое осталось въ ходу надолго и послѣ Фотія, и котораго не только не принималъ Кириллъ, но и опровергалъ его. Достовѣрность дружбы доказывается неопровержимѣе всего тѣмъ, что свидѣтельствуется оно Анастасіемъ библіотекаремъ, человѣкомъ, который принималъ участіе, со стороны Рима, въ соборѣ 869 года, низвергшемъ Фотія, обнаружившимъ злобу свою противъ него во многихъ мѣстахъ своего описанія, который, слѣдовательно, не сталъ бы выставлять дружбы съ нимъ Кирилла, восхваляемаго самимъ Анастасіемъ за великую святость, въ приведенномъ извлеченіи, и за глубину христіанскаго просвѣщенія, въ письмѣ къ Карлу Лысому (875), при посылкѣ ему сочиненія Діонисія ареопагита: тутъ обрисованъ Кириллъ высокимъ авторитетомъ и апостольской жизни и истиннаго и глубокаго пониманія науки христіанской. Выдумывать дружбу, ктому-же искреннѣйшую, такого лица съ ненавистнымъ для ревностнаго латинянина 869 года Фотіемъ, не возможно; логичнѣе ожидать обратнаго, скрытія или затемненія подробностей дружескихъ отношеній: дружба, такимъ образомъ, между Фотіемъ и Кирилломъ входитъ въ рядъ неоспоримыхъ данныхъ.

Философское ученіе Фотія о двухъ отдѣльныхъ душахъ въ человѣкѣ вскользь упоминается и у Симеона Логотета[26], распространившагося подробнѣе о забавномъ послѣдствіи этого ученія, какъ посланный отъ хазаръ сталъ просить у императора Михаила двойной порціи для рабовъ на томъ основаніи, что у нихъ двѣ души, а не одна, какъ думали они прежде, до уче-

---

[26] Edit. Paris., стр. 445.

нія Фотія[27]. Но ежели и согласиться съ вѣроятностью, что знаменитый ученый своего времени, Фотій, раздѣлялъ такое ученіе о составныхъ частяхъ человѣка, если и допустить, что Константинъ имѣлъ съ нимъ споръ по этому предмету, какъ говоритъ Анастасій библіотекарь, то слѣдуетъ ли отсюда, по здравому, незараженному пристрастіемъ смыслу, что результатомъ разговора этого было прекращеніе дружелюбныхъ между ними отношеній и замѣна ихъ недоброжелательствомъ, даже непріязнію, со стороны перваго? А и Гинцель, и Штульцъ и Рачкій положительно указываютъ на это и ставятъ новыя отношенія побудительною причиною удаленія св. братьевъ изъ Греціи. Замѣчательная логичность выводовъ! Изъ словъ приводимаго ими автора, какъ единственнаго источника для подобнаго вывода и подъ ихъ перомъ, не видно и намека на то, чтобы опроверженіе Константиномъ Фотія сопровождалось какимъ-либо измѣненіемъ въ ихъ прежнихъ отношеніяхъ. Правда, тонъ рѣчи, обращенный къ патріарху и вложенный въ уста Константина Анастасіемъ, отзывается нѣкоторою рѣзкостью, недовольствомъ; но не слѣдуетъ вовсе быть защитникомъ Фотія, чтобы съ перваго раза усмотрѣть, что рѣзкость и недовольство выходятъ изъ души автора предисловія къ *осьмому* вселенскому собору, что весь диспутъ составленъ по образцу

[27] Primus a secretis (у хазаръ) cum audisset, patriarcham Photium docere singulos homines duplici anima praeditos esse, ad imperatorem veniens in haec verba locutus est: servi nostri vim faciunt, „qui dicunt: sperabamus nos una praeditos esse anima, eique procurandae duos singuli quot mensibus modios accipiebamus; nunc autem. ut palam docet patriarcha. quisque duas animas habet, idcirco necesse est, ut duo alii modii nobis adjiciantur. Tum imperator in risum solutus... Тамъ-же.

рѣчей Тита Ливія, переносившаго собственныя свои мысли въ уста миѳическихъ героевъ римскихъ. Но независимо отъ этого, самъ Анастасій библіотекарь, напротивъ, заявилъ положительно, что опроверженіе Константиново прошло безъ малѣйшаго вліянія на дружбу его съ Фотіемъ. Такое заявленіе признаемъ мы себя вправѣ видѣть, во первыхъ, въ гробовомъ молчаніи о какой бы то ни было перемѣнѣ въ дружбѣ, чего никакъ не могло быть, еслибы эта перемѣна дѣйствительно обнаружилась: непріятель Фотія, позволявшій себѣ очевидный обманъ, какъ видѣли мы въ разборѣ источниковъ для *осьмаго* вселенскаго собора, на его счетъ, Анастасій тѣмъ менѣе въ состояніи былъ упустить случай кольнуть еще сильнѣе его въ приведенномъ мѣстѣ, чѣмъ выше ставитъ онъ Кирилла и чѣмъ громче разносилась славная молва о немъ въ Римѣ въ тѣ минуты, когда писалъ Анастасій строки эти и когда только-что успѣли похоронить Кирилла. Во вторыхъ, ту-же ненарушимость прежнихъ отношеній между ними и послѣ разговора о душѣ человѣческой, выставляетъ положительно Анастасій и употребленіемъ въ настоящемъ времени выраженія: *fortissimus ejus amicus.* Не забудемъ, что едва не за годъ до собора 869 года, Кирилла не было уже въ живыхъ, а авторъ описанія этого собора, не смотря на смерть и торжественное погребеніе Кирилла папою въ Римѣ, не смотря на уваженіе свое къ православію Кирилла, все-таки называетъ его *искреннѣйшимъ другомъ* Фотія, какъ ни исключительна была задача всего сочиненія Анастасіева унизить послѣдняго и выставить въ глазахъ цѣлаго западнаго міра раскольникомъ. И могъ ли же, при этомъ случаѣ, не воспользоваться онъ упомянутымъ разногласіемъ въ философскомъ ученіи о душѣ и упрекомъ Константина Фотію, чтобы не сказать о разрывѣ, въ слѣдствіе этого, между ними,

еслибы дѣйствительно онъ былъ, и когда-бы Анастасій не боялся быть уличеннымъ въ неправдѣ и братомъ Константина, Меѳодіемъ, и многочисленными учениками ихъ, еслибы вздумалъ клеветать? Этотъ твердый и безусловный отзывъ Анастасія о *неизмѣнной* дружбѣ между Кирилломъ и Фотіемъ, подтверждается и отсутствіемъ малѣйшаго намека на какой-либо между ними разладъ во всѣхъ, безъ исключенія, латинскихъ современныхъ источникахъ, относящихся къ жизни и дѣятельности св. братьевъ, отсутствіе не объяснимое ничѣмъ другимъ, кромѣ отсутствія разлада въ самой дѣйствительности: для папъ, и Адріана II, и Іоанна VIII и Адріана III, враждовавшихъ съ Фотіемъ, было бы очень важно разногласіе и непріязнь къ нему Константина, и ни въ какомъ случаѣ не упустили бы они этого изъ виду въ многочисленныхъ посланіяхъ на востокъ, гдѣ уважался св. Кириллъ, для вящшаго доказательства неправды ненавистнаго имъ патріарха; еще непостижимѣе было бы невниманіе къ этому обстоятельству въ ихъ письмахъ на западѣ, къ славянамъ моравскимъ, которыхъ приходилось Риму удерживать отъ наклонности къ востоку, для чего указаніе на недовольство обожаемаго ими Константина *расколомъ* цареградскимъ служило бы самымъ надежнымъ орудіемъ. И, однакоже, нѣтъ и тѣни такого указанія; не отыщутъ ея католики и въ сношеніяхъ съ папами обоихъ братьевъ.

Такимъ образомъ, допуская и правдивость словъ Анастасія библіотекаря, мы можемъ вывести изъ нихъ *только одно* положительное заключеніе, которое оправдывается и всѣми другими извѣстіями, подтверждается и воспитаніемъ и образованіемъ Константина, именно, что между нимъ и Фотіемъ существовала самая сердечная дружба, которой не въ силахъ была искоренить и разлука ихъ и которой оставался вѣренъ Константинъ

до самой своей смерти. Но, какъ ни важно для насъ свидѣтельство Анастасія, съ одной стороны, недопускающее сомнѣнія въ дѣйствительности искренней, пріятельской связи Фотія и Константина, какъ голосъ врага перваго и почитателя втораго, съ другой,—фактически и ясно характеризующее натяжки, неправды, прямую ложь современныхъ славяно-католическихъ писателей о Кириллѣ и Мееодіи, всецѣло извращающихъ единственно возможный выводъ изъ словъ Анастасія, какъ ни важно, говоримъ, это свидѣтельство, но мы не можемъ не усомниться въ справедливости подробностей въ немъ.

Къ сожалѣнію, при молчаніи объ этихъ подробностяхъ въ другихъ источникахъ жизни патріарха Фотія, мы въ состояніи подкрѣпить свое сомнѣніе лишь общими соображеніями.

Замѣтимъ прежде всего, что говорятъ о нихъ только двое писателей — Анастасій и Симеонъ Логотетъ, оба — враги Фотія. Первый не выходитъ изъ предѣловъ серьезности и, конечно, выставилъ этотъ фактъ ученія Фотіева съ цѣлію уличить его въ злонамѣренности противъ Игнатія; у втораго нѣтъ и помину объ Игнатіи, и все дѣло сводится къ смѣшному разсказу объ анекдотическихъ послѣдствіяхъ такого ученія. У обоихъ, такимъ образомъ, есть общая сторона и особенности, свои у каждаго. Относительно первой, т. е. общаго предмета, распространенія Фотіемъ ученія о двухъ раздѣльныхъ душахъ, нельзя не усомниться, при соображеніи глубокаго его ума и обширныхъ свѣдѣній въ исторіи церковной. Фотій, конечно, зналъ о неоднократномъ осужденіи церковью такого пониманія состава человѣка[28], и едва-ли бы рѣшился защищать его, еслибы даже и соглашался съ нимъ съ своей филсеофской точки

[28] Рачкій, стр. 116, прим. 1.

зрѣнія. Но и послѣднее допустить не легко, какъ скоро сообразимъ высокое образованіе этого человѣка, возвышавшагося надъ всѣми современниками. Возможно, что раздѣленіе имъ способностей души на душевную и духовную, понятое ложно, было принято за признаніе трехъ *существенно* отдѣльныхъ другъ отъ друга частей: тѣла, души и духа. Такъ разсуждали и нѣкоторые изъ древнихъ учителей церкви; замѣтно различіе между душею и духомъ и въ словахъ апостола Павла (послан. къ Евр. 4, 12; 1 солун. 5, 23); но никогда церковь не признавала души и духа особыми самостоятельными частями, по примѣру Аполлинарія, различавшаго *душу животную* и *душу разумную* (см. Макарія, „Правосл. догматич. богословіе“, Спб., 1856, т. 1, § 80, 341—344). Впрочемъ, намъ трудно сказать въ настоящемъ случаѣ что-либо положительно, за отсутствіемъ другихъ безпристрастнѣйшихъ свидѣтельствъ, и для нагляднѣйшаго убѣжденія въ вымышленности подробностей, мы готовы даже повѣрить въ истину общаго, переданнаго врагами Фотія.

Но, не отвергая дѣйствительности ученія Фотія о двухъ душахъ, нисколько этимъ не подвинемся мы къ оправданію и уясненію цѣли, сообщенной Анастасіемъ, будто она заключалась въ умыслѣ противъ Игнатія патріарха, въ желаніи доказать его непросвѣщенную простоту, и послѣдствій, разсказанныхъ Симеономъ Логотетомъ. Уже одно то, что у послѣдняго нѣтъ никакого намека на отношеніе къ Игнатію, служитъ, въ нашихъ глазахъ, достаточнымъ ручательствомъ несправедливости Анастасія. Такой упорный непріятель Фотія, какъ Симеонъ Логотетъ, поставившій задачею своего сочиненія унизить намѣстника Игнатіева и выставить его, на сколько можно, въ темномъ свѣтѣ, для чего не стѣснялся и вымыслами, конечно, не про-

пустилъ бы и этого случая, подобно Анастасію библіотекарю, еслибы онъ былъ дѣйствителенъ и такъ распространенъ, что дошелъ до ушей латинянина, въ кратковременное пребываніе его въ Константинополѣ. А случай весьма пригодный къ тому, чтобы остановиться основательно на изображеніи нравственныхъ недостатковъ нелюбимаго человѣка, чего такъ усильно домогался Симеонъ Логотетъ. Этимъ мы не хотимъ еще прямо упрекнуть Анастасія въ выдумкѣ: легко могло статься, что ему передалъ такъ кто-либо изъ враговъ Фотія, съ которыми только и могъ онъ сноситься, по самой цѣли своего пребыванія въ Царѣградѣ. Тѣмъ не менѣе, сущность остается та-же, и прицѣпленіе имени Игнатія къ философскому взгляду Фотія о душахъ человѣческихъ все-таки должно отнестись въ разрядъ положительныхъ вымысловъ. Фотій стоялъ и безъ того, во мнѣніи общества, слишкомъ высоко надъ Игнатіемъ, со стороны науки и просвѣщенія, чтобы имѣть надобность въ униженія послѣдняго; соперничество же по званію будетъ допускать лишь тотъ, кто привыкъ закрывать глаза свои передъ очевидными свидѣтельствами противувольнаго возведенія Фотія въ патріаршество и кто усиливается доказать, на основаніи единственно заднихъ цѣлей, давно затаенную въ немъ мысль смѣнить собою патріарха Игнатія. На долю Анастасія библіотекаря можетъ быть отнесено составленіе рѣчи Константина, которая въ каждомъ словѣ и въ общемъ тонѣ обнаруживаетъ напыщенность и рѣзкость, вовсе не совмѣстныя съ духомъ кроткаго просвѣтителя славянъ[29].

Разсказъ же Симеона Логотета носитъ самъ въ себѣ явные признаки анекдота или чистой басни. Въ самомъ дѣлѣ, согласно

---

[29] Срв. списк. Филарета, «Кириллъ и Меѳодій», М. 1846, стр. 2, пр. 2.

ли съ здравымъ смысломъ, чтобы рабы, изъ хазаръ, въ IX столѣтіи, интересовались рѣшеніемъ философскихъ вопросовъ и немедленно-же требовали примѣненія рѣшенія къ обыденной своей жизни? Едва-ли многимъ будетъ основательнѣе и объясненіе этого событія тѣмъ, что рабамъ сообщилъ кто-либо мнѣніе Фотія о составныхъ частяхъ человѣка, а тѣ выслушали его, сообразили и рѣшились воспользоваться для увеличенія своихъ порцій. Не слѣдуетъ забывать при этомъ и противорѣчія между Логотетомъ и Анастасіемъ: тогда, какъ у послѣдняго Фотій изображается еще міряниномъ, подсмѣивающимся надъ простотою патріарха Игнатія, Симеонъ Логотетъ представляетъ его уже патріархомъ, какъ патріарху, приписываетъ ему и извѣстное ученіе. Не есть ли это одна изъ уловокъ враговъ Фотія, пустившихъ ее въ ходъ посредствомъ рабовъ, для униженія ненавистнаго себѣ патріарха? Или быть можетъ, это чистая выдумка досужей фантазіи, направленная съ тою-же цѣлію на умы простыхъ и невѣжественныхъ людей? Во всякомъ случаѣ, одно изъ двухъ; что-либо третье, тѣмъ болѣе достовѣрно-историческое, не мыслимо.

И такъ, мы перебрали всѣ случаи, которые въ состояніи указывать на отношенія славянскихъ просвѣтителей къ церкви восточной, въ моментъ отправленія ихъ въ Моравію, и не увидѣли ничего, что бы могло свидѣтельствовать въ пользу мнѣнія католическихъ писателей о недовольствѣ ихъ патріархомъ, объ отчужденіи отъ востока и о радостной готовности перенестись поближе къ престолу римскому, въ которомъ, будто, признавали они единственно законнаго судью въ возникшихъ церковныхъ несогласіяхъ. Одни изъ такихъ случаевъ, какъ отказъ св. братьевъ отъ высшихъ почетныхъ званій, послѣ проповѣди среди хазаръ, или какъ соображеніе о періодѣ, въ кото-

рый явилось въ Царьградъ посольство моравское, не даютъ и тѣни повода къ подобнымъ выводамъ; другіе, напротивъ, какъ несомнѣнное участіе Фотія въ назначеніяхъ св. Константина, какъ условность послѣдняго при согласіи на вызовъ императора идти въ Моравію, условность, столь ярко свидѣтельствующая о боязни его прослыть на преданномъ исключительному латинизму западѣ еретикомъ, какъ исторически достовѣрная и тѣсная дружба его съ бывшимъ своимъ наставникомъ, а теперь патріархомъ, наконецъ, какъ близость его къ императору, такъ тѣсно связанному съ Фотіемъ, и безпрекословная покорность волѣ его, — всѣ такіе случаи, записанные въ источникахъ, приводятъ положительно къ обратнымъ заключеніямъ. И надобно имѣть крайне мало исторической совѣстливости, быть до фанатизма пристрастнымъ къ предвзятой идеѣ, чтобы позволить себѣ до такой степени извращать и уродовать истину, какъ поступили Гинцель, Штульцъ и Рачкій въ своихъ мнѣніяхъ и увѣреніяхъ о папско-католическомъ образѣ мыслей Кирилла и Меѳодія, со времени патріаршества Фотія. Нѣтъ, какъ ни отрывочны историческіе памятники, относящіеся къ ихъ жизни и трудамъ, какъ ни малочисленны они вообще, но въ нихъ свѣжо еще хранятся указанія на истинно и всецѣло православное, въ смыслѣ вселенской церкви, настроеніе славянскихъ проповѣдниковъ, на неразрывную связь съ родившимъ и воспитавшимъ ихъ востокомъ. Въ какой степени и мѣрѣ могли имѣть въ виду папу солунскіе братья, передъ отходомъ въ Моравію, лучше всего говорятъ слова самого Константина, высказанныя имъ передъ самою кончиною, въ Римѣ, и заключившія въ себѣ задачу цѣлой подвижнической его жизни: „и облькь се вь чьстныѥ ризы, тако прѣбысть вьсь дьнь ть“, читаемъ въ его житіи, „весслѥ се и глаголѥ: *отъ-*

семь нѣсмь азъ ни царю слоуга, ни иномоу ни комоу-же на земли, нь тькмо богоу вьседрьжителю". Не ясно ли, что и послѣ четырехъ-почти лѣтняго пребыванія въ областяхъ западныхъ, и послѣ призыва Николаемъ папою въ Римъ и вблизи преемника его, въ самой столицѣ западной, Константинъ пребылъ вѣренъ *своему царю*, въ которомъ признавалъ верховнаго представителя своего государства, и, въ послѣднія минуты жизни, вспомнилъ о немъ, какъ объ императорѣ, на служеніе которому прежде всего посвящена была дѣятельность его. Въ силу этого-то служенія, по голосу Михаила, отправляется онъ къ сарацинамъ; слѣдуя тому-же голосу, идетъ къ хазарамъ; торжественно самъ удостовѣряетъ потомство и въ томъ, что единственно та-же обязанность руководила имъ и въ проповѣди среди западныхъ славянъ. Кажется, наиболѣе былъ пригодный случай вспомнить тутъ о папѣ, и, однако-же, нѣтъ объ немъ ни слова, какъ не встрѣтимъ мы его нигдѣ въ источникахъ, какъ-скоро изображается взглядъ самихъ св. братьевъ на свою дѣятельность и свое назначеніе. Для насъ не можетъ быть не важнымъ и то, что дѣло идетъ не о той или другой личности царя, а вообще о власти царской, съ которою и Константинъ, даже и въ Римѣ, соединялъ, значитъ, обычное на востокѣ олицетвореніе всего высшаго, во всѣхъ условіяхъ жизни государственной, слѣдовательно, и въ церковномъ отношеніи. Онъ не могъ не знать, въ 869 году, о происшедшей правительственной перемѣнѣ въ Византіи, за два года, въ-слѣдствіе которой на престолѣ близко знакомаго ему Михаила сидѣлъ уже Василій. Такимъ понятіемъ о власти царской въ Византіи объясняется естественно и первенствующее, почти исключительное значеніе императора и при отправленіи проповѣдниковъ христіанства къ чуждымъ народамъ, и закрытое по-

ложеніе высшаго представителя церкви, патріарха. Приведенныя выше мѣста изъ жизни св. Константина служатъ фактическимъ тому доказательствомъ. А при подобномъ понятіи, вполнѣ раздѣлявшемся и Константиномъ, едва-ли совмѣстимо согласіе на ту первенствующую и господствующую власть надъ церковью вселенскою, какую усиливался фактически укрѣпить за престоломъ римскимъ Николай I. И если позволительно изъ историческихъ наведеній, извлеченныхъ путемъ самой простой логики изъ несомнѣнно историческихъ данныхъ, дѣлать заключеніе, то тѣмъ рѣшительнѣе слѣдуетъ отнести Кирилла къ числу недовольныхъ беззаконными притязаніями папъ, чѣмъ безгласнѣе всѣ современныя свидѣтельства, не исключая и латинскихъ, въ пользу хотя-бы самаго слабаго намека на согласіе его съ такими притязаніями. Выводъ нашъ изъ наведеній получитъ еще бо́льшую прочность, когда мы припомнимъ грозныя посланія папы Николая къ императору и соборное въ Римѣ отлученіе отъ церкви и проклятіе Фотія, возвышеннаго и поддерживавшагося императоромъ: невольно, предсмертныя слова Константина о службѣ царю представятся нѣкоторымъ протестомъ противъ превысившейся незаконно власти римскаго престола.

Мы оставляемъ, такимъ образомъ, первый вопросъ съ полною увѣренностью и убѣжденіемъ, что св. Кириллъ и Меѳодій вышли изъ Константинополя и Греціи на проповѣдь въ Моравію съ тѣмъ-же духомъ единства и любви къ восточной церкви, съ тѣмъ-же благоговѣйнымъ уваженіемъ къ предержащей въ ней власти и съ тою-же привязанностью къ Фотію, какія сопровождали ихъ на прежніе подвиги, въ проповѣди сарацинамъ и хазарамъ и въ преніи Константина съ низложеннымъ патріархомъ иконоборцемъ, Анніемъ. Съ этимъ вмѣ-

стѣ, еще больше упрочиваемъ въ себѣ убѣжденіе въ недобросовѣстности отзывовъ, по этому предмету, славяно-католическихъ писателей, въ ихъ бездоказательныхъ, фантастическихъ выводахъ, въ очевидномъ искаженіи ими истины и въ умышленномъ обманѣ вѣрующей на-слово непросвѣщенной массы.

Но, переходя съ славянскими проповѣдниками на западъ, мы считаемъ не лишнимъ задержать еще на нѣсколько минутъ читателя, чтобы опредѣлить довольно спорный въ литературѣ о нихъ предметъ, именно, въ какомъ званіи оставили они Грецію.

До открытія житій, такъ называемыхъ паннонскихъ, когда на-ряду первостепенныхъ источниковъ принимались свѣдѣнія о св. братьяхъ изъ позднѣйшихъ рукописей, прологовъ и миней, легко можно было впасть въ ошибки и неточности, и признавать за Кирилломъ и Меѳодіемъ то, чѣмъ или вовсе не были они или чѣмъ сдѣлались только въ послѣдствіи, спустя уже нѣсколько лѣтъ, по удаленіи изъ Византіи, и что не основательно приписывалось имъ въ позднѣйшихъ памятникахъ. Отсюда произошли тѣ непослѣдовательности и даже противорѣчія, какія замѣтны иногда у осторожныхъ и добросовѣстныхъ изслѣдователей жизни и дѣятельности солунскихъ братьевъ. Съ обнародованіемъ паннонскихъ жизнеописаній и съ большимъ ознакомленіемъ съ современными латинскими источниками настала полная возможность дать правильный отвѣтъ и на вопросъ о званіи Кирилла и Меѳодія въ Константинополѣ. Къ сожалѣнію, и до сихъ поръ не установилась еще опредѣленная точность во всемъ, частію по цѣлямъ религіознымъ, какъ въ средѣ католиковъ, частію по неотрѣшенности отъ прежнихъ мнѣній, выведенныхъ изъ мутныхъ извѣстій позднѣйшихъ источниковъ, какъ въ средѣ отечественныхъ писателей.

Что касается до греческаго происхожденія Константина и Меѳодія, то это фактъ, едва-ли въ настоящее время способный вызвать сомнѣніе. Правда, большая часть первостепенныхъ источниковъ не говоритъ прямо о происхожденіи; но общій тонъ повѣствованія скорѣе противорѣчитъ славянству. Выраженіе же зальцбургскаго лѣтописца (873), современника Меѳодіева, писавшаго о немъ и знавшаго его: *quidam graecus Methodius*, возводитъ мнѣніе о греческомъ происхожденіи св. братьевъ до положительности. Признанъ этотъ фактъ несомнѣннымъ и большинствомъ новѣйшихъ изслѣдователей, такъ что нельзя не пожелать болѣе прочныхъ доказательствъ для рѣшительнаго голоса одного изъ позднѣйшихъ авторовъ статьи: „Святые Константинъ и Меѳодій, учители славянскіе", утверждающаго болгарское происхожденіе солунскихъ братьевъ [30]. Несравненно менѣе единства, относительно званія.

---

[30] Душеполезное чтеніе, Москва, 1862, августъ, стр. 331. Основался авторъ на рукописи призренской, весьма поздней. Два источника, говорящихъ о славянскомъ происхожденіи, по своему позднему времени, не могутъ имѣть авторитета. Одинъ — сербская рукопись, XV — XVI столѣтія, открытая г. Гильфердингомъ, и заключающая проложную статью о кончинѣ св. Кирилла, о которомъ сказано: «съ и придобныи о̃ць нашь Куріль — рожденіемь бѣ̃ ѿ солѹна града, родѡм съ *блъгаринъ* (см. Изв. 2 отд. акад. наукъ, т. VI, стр. 383); другой — excerptum de conversione carantanorum, *XIII столѣтія*, гдѣ читаемъ: «supervenit quidam Sclavus ab Hystrie et Dalmatie partibus, nomine Methodius, qui adinvenit sclavicas literas et slavice celebravit divinum officium. Уже выводъ Меѳодія изъ Истріи и Далмаціи, ясно говоритъ о невѣжествѣ поздняго писателя; о томъ-же свидѣтельствуетъ и пріуроченіе Меѳодію того, что по древнѣйшимъ указаніямъ принадлежитъ Кириллу; изъ сопоставленія же Меѳодія

Вотъ что находимъ мы о Константинѣ, младшемъ братѣ, въ его жизнеописаніи, когда онъ изображается еще живущимъ въ Константинополѣ: „съ философь не любить житіа сего (говоритъ императору Логотетъ, послѣ бесѣды своей съ Константиномъ, изъ которой узналъ о нерасположенности послѣдняго къ мірскимъ занятіямъ и почестямъ), да не отпоустимь его общини, *нь постригьши его штдадимь на поповьство и службоу*, да будеть вивлотикарь оу патріарха въ светѣи Софіи еда понѣ тако его оудрьжимь, еже и сьтворише емоу“. Изъ этого выраженія, на самомъ дѣлѣ, не вполнѣ опредѣленнаго, выводили очень долгое время, выводятъ и по сіе время нѣкоторые писатели о Кириллѣ заключеніе, будто онъ еще въ Византіи былъ постриженъ въ монахи. Къ такому заключенію, по видимому, побуждала и позднѣйшая четья-минея, утверждающая также монашество Константина еще въ Царьградѣ, до отправленія на западъ. Но чѣмъ неопредѣленнѣе приведенное выраженіе, тѣмъ требовательнѣе осторожность въ выводѣ и тѣмъ необходимѣе слѣдуетъ сообразоваться съ послѣдующими событіями жизни и въ нихъ искать ясность и опредѣленность. Между тѣмъ, въ томъ-же жизнеописаніи, при извѣстіи о кончинѣ Константина, мы встрѣчаемъ слѣдующее: „вь оутрѣи же дьнь вь светыи мьнишькыи юбразь юблече се, и свѣть кь свѣтоу пріемь, нарече си име Кириль. и вь томь юбразѣ прѣбысть дьнии 8“. Здѣсь ясно уже засвидѣтельствовано, что только въ Римѣ, за нѣсколько дней до смерти, именно, за 8, при-

---

съ изобрѣтеніемъ *славянской* азбуки и съ введеніемъ *славянскаго* богослуженія обнаруживается и источникъ, давшій писателю поводъ утверждать славянское происхожденіе Меѳодія. См. Wattenbach: Beiträge zur Geschichte der christlich. Kirche in Mähren und Böhmen, Wien, 1849, стр. 50.

нялъ Константинъ монашескій чинъ, а съ нимъ вмѣстѣ и новое имя, Кириллъ. Позднѣйшая четья-минея, выводя Константина еще въ Моравію монахомъ, конечно, не замедлила постриженіе въ Римѣ объяснить схимою. Слѣдуя, безъ сомнѣнія, этому авторитету, и трудолюбивый изслѣдователь о жизни и трудахъ Кирилла и Меѳодія, преосвященный Филаретъ[31], говоритъ о схимничествѣ Константина, хотя и признаетъ (см. 1 стр.), что имя „Кириллъ“ монашеское и, слѣдовательно, отвергаетъ справедливость показанія паннонскаго житія, въ которомъ это имя является только передъ смертію, при постриженіи въ Римѣ. Позднѣйшіе русскіе авторы статей о томъ-же предметѣ всецѣло раздѣляютъ это мнѣніе. Одинъ изъ нихъ, г. Бѣляевъ, утверждаетъ прямо, что Константинъ, послѣ предложенія Логотета и послѣ своего отказа, удалился въ одинъ изъ монастырей на Черномъ морѣ „гдѣ и принялъ постриженіе въ иноческій чинъ“, а „передъ кончиной въ Римѣ постригся въ схиму и принялъ имя Кирилла[32]. То-же находимъ и у г. Лебединцева, признающаго имя Кирилла *схимнымъ*[33]; господинъ-же Пигулевскій, соглашаясь съ послѣднимъ, назвалъ имя Константина иноческимъ[34]; для мірскаго же названія Константина сдѣлалъ такое предположеніе, котораго, надѣемся, не возмется и самъ онъ объяснять, тѣмъ менѣе доказать, хотя тонъ выраженія его и носитъ на себѣ отпечатокъ положитель-

---

[31] Чтенія общества истор. и древ. россійск. М. 1846, кн. 1, стр. 8.

[32] Душеполезн. чтеніе, тамъ-же, стр. 334.

[33] Кіев. епарх. вѣдомости, 1862, № 16, стр. 539 и 550.

[34] «Дѣятельность св. Кирилла и Меѳодія среди ѳракійскихъ, македонскихъ и булгарскихъ славянъ». Кіевск. университ. извѣстія, 1862, № 5, стр. 5.

ности и несомнѣнности: г. Пигулевскій ухватился за Куоару, того Куоару, который способствовалъ христіанству болгарскаго князя Бориса, во время своего продолжительнаго плѣна въ Болгаріи; онъ забылъ, вѣроятно, что Куоара представляется уже и въ Болгаріи монахомъ. Писатели западные точно также считаютъ Константина монахомъ еще въ Греціи, но объясненіе ихъ основано на особыхъ доказательствахъ, несостоятельность которыхъ докажемъ мы скоро.

Какъ очевидно, исходною точкою для мнѣнія русскихъ писателей служитъ позднѣйшее жизнеописаніе, въ четьи-минеи, достовѣрность которой, въ настоящемъ случаѣ, не можетъ никакъ соперничать съ житіемъ паннонскимъ, подкрѣпляемымъ ктому-же и другими также болѣе авторитетными свидѣтельствами. Такъ, въ житіи Климента читаемъ о Константинѣ: *προγνοὺς δὲ τὴν ἑαυτοῦ τελευτὴν τὸ τῶν μοναχῶν σχῆμα ἐπαμφιέννυται* [35], т. е. предузнавши кончину свою, облекается въ одежду монашескую; а между тѣмъ, Климентъ останавливается непосредственно передъ этимъ съ вниманіемъ на посвященіи учениковъ и самого Меѳодія въ епископы. Слово до слова одинаково выражается, какъ видѣли мы, и моравская легенда, которой вторятъ и „Lectiones ecclesiasticae“, по старой рукописи ольмюцкаго бревіарія (monachicum habitum ibi (Romae) suscipiens, diem clausit extremum) [36]. Да и можно ли допустить, чтобы ближайшіе современники Кирилла не проронили хотя-бы мелькомъ свѣдѣнія о его монашествѣ, при столь частыхъ объ немъ упоминаніяхъ, какъ, напр., монахъ Храбръ, Іоаннъ экзархъ болгарскій, или папы въ своихъ посланіяхъ? Кромѣ этого, намъ

---

[35] Vita s. Clementis, Miklosich, 1847, стр. 4 — 5.

[36] Acta sanctorum, мартъ, т. 2-й, стр. 24, § 4.

извѣстна жизнь Константина съ самаго дѣтства, потому что уже съ дѣтства начинаетъ отличаться онъ высокими качествами ума и сердца, и постоянно встрѣчаемъ мы вездѣ наименованіе Константина. На какомъ-же основаніи считать его не мірскимъ, а монашескимъ; развѣ точно также не упомянули бы объ этой перемѣнѣ имени при монашествѣ, какъ упомянуто, по мнѣнію писателей исчисленныхъ, при схимѣ? И однако-же, житіе продолжаетъ называть его Константиномъ до той поры, пока при постриженіи въ монахи не перемѣнилъ онъ самъ прежняго имени на новое. Но при описаніи поставленія въ *поповьство*, по паннонскому житію, употреблено выраженіе — *постригъши*; не говоритъ ли оно о монашескомъ постриженіи Константина еще въ Константинополѣ? Едва-ли кто, знакомый съ древне-славянскою терминологіею, рѣшится на подобное предположеніе [37]. *Постриженіе* было всегда общимъ терминомъ при поставленіи въ священническій санъ; какъ такой, остался онъ надолго и въ отечественныхъ лѣтописяхъ. Нельзя забыть и о выраженіи *на поповьство*, которое, сколько извѣстно, не соединялось съ понятіемъ монаха, въ древнее время, какъ не соединяется и теперь въ мірѣ православномъ:

---

[37] Замѣтимъ при этомъ, что отдѣленіе причастія *постригъши* отъ выраженія: *въдадимъ на поповьство и слоужбоу*, указывающее, какъ-будто, на два различныя дѣйствія — постриженіе во что-то и отдачу, посвященіе въ священника, находится *только* въ изданіи Шафарика; между тѣмъ, во всѣхъ спискахъ изданія г. Бодянскаго (Чтен. общ. ист. и древн., 1863, кн. 2, отд. III, стр. 6, 12, 70, 100, 134, 165, 196) читаемъ это мѣсто такъ: *по постригъше и на поповьство, въдадимъ емоу слоужбоу.* Здѣсь уже прямо говорится о постриженіи въ санъ священника и отстраняется всякая двусмысленность.

для перваго былъ всегда свой терминъ *іеромонахъ*. Ктому-же трудно допустить, чтобы древне-славянскій авторъ, говоря о посвященіи въ монашество кого-либо, опустилъ обыкновенныя въ такомъ случаѣ, неизмѣнныя выраженія: *черньчьскій чинъ, образъ, мнишьскій чинъ, образъ, черньчьскія* или *мнишьскія* одежды, что встрѣчаемъ и въ паннонскомъ житіи Кирилла, при описаніи дѣйствительнаго постриженія его въ монашество, передъ кончиною въ Римѣ. Такое единственно справедливое пониманіе словъ паннонскаго житія оправдывается и слѣд. мѣстомъ изъ лат. легенды о перенесеніи мощей Климента: hic (Constant.) cum adolevisset... essetque insuper magna religione et prudentia praeditus, *honorem quoque sacerdotii* ibidem (Constantinopoli)... est adeptus [38]. Да нельзя не остановить вниманія и на лѣтахъ св. Кирилла, при постриженіи его *на поповьство*. Ему было только 24 года, какъ положительно свидѣтельствуетъ житіе (срв. изданіе житія паннонскаго Бодянскаго, стр. 8), когда вступилъ онъ въ диспуты съ агарянами; а между тѣмъ, послѣ постриженія, Кириллъ болѣе полугода прожилъ *на узкомъ морѣ*, потомъ занимался преподаваніемъ философіи и имѣлъ пренія съ патріархомъ Анніемъ. Такъ что, едва-ли можно допустить болѣе 20 лѣтъ ему отъ рожденія, когда совершилось его постриженіе, — возрастъ слишкомъ незрѣлый для монашества, чтобы и самъ умный, осторожный и строго благочестивый Кириллъ не рѣшился, въ ту пору, уклониться отъ него. Какъ бы то ни было, но нѣтъ и тѣни основанія предпочитать древнѣйшему, достовѣрнѣйшему и полнѣйшему источнику о жизни Константина позднѣйшее и во многихъ мѣстахъ очевидно неправильное жизнеописаніе въ четьи-минеи, и тѣмъ

[38] Acta sanct. Martii, II, 12 — 15, § 1.

болѣе, что другія современныя свидѣтельства только подтверждаютъ первый и противорѣчатъ послѣднему. И мы съ полною рѣшительностью признаемъ за св. Константиномъ въ Византіи только священническій санъ, безъ всякаго монашества, принятаго имъ уже въ Римѣ, за немного дней до смерти, и послужившаго поводомъ къ первой перемѣнѣ имени. Отсюда самъ собою вытекаетъ и выводъ, что въ IX столѣтіи, въ восточной церкви, далеко еще не былъ всеобщимъ обычай браковъ бѣлаго духовенства.

Въ той-же четьи-минеи предлагается и новое данное, сравнительно съ житіемъ паннонскимъ, именно, будто еще въ Константинополѣ Константинъ былъ уже поставленъ въ епископы. Послѣ изслѣдованія г. Бодянскаго, кажется, нѣтъ повода останавливаться и на этомъ предметѣ; имъ положительно и убѣдительно доказанъ поздній и перепутанный источникъ, служившій матеріаломъ, при описаніи жизни Кирилла, для автора четьи-минеи: это такъ называемыя проложныя житія, составленныя изъ пространнаго, паннонскаго, съ немалыми прибавленіями, основанными не рѣдко или на собственныхъ догадкахъ ихъ составителей или на такихъ-же догадкахъ предшественниковъ. Г. Бодянскій раскрылъ и поводы къ неправильностямъ и смѣшенію въ проложныхъ житіяхъ[39]. И удивительно, какимъ образомъ, послѣ столь тщательнаго и добросовѣстнаго изслѣдованія, можно еще утверждать, будто „передъ отъѣздомъ (въ Моравію) патріархъ Фотій, прежній наставникъ и другъ Константина, посвятилъ его во епископа“[40]. Преосвященный Филаретъ, еще за 9 лѣтъ до изслѣдованія г. Бодян-

---

[39] См. «О времени происх. слав. письм.», стр. 65 и слѣд.

[40] Душеполезн. Чтеніе, тамъ-же стр. 341.

скаго, признавалъ уже необходимымъ выражаться какъ-можно осторожнѣе касательно этого предмета, не смотря на то, что четья-минея служила и для него достаточнымъ основаніемъ, при рѣшеніи вопроса о монашествѣ и схимничествѣ Кирилла. Только въ примѣчаніи нашелъ онъ умѣстнымъ сдѣлать слѣдующую замѣтку: „въ Четьи-минеи сказано, что Кириллъ въ Константинополѣ посвященъ былъ въ епископа. Но ни паннонское житіе, ни біографія Климента, ни италийская легенда не говорятъ объ этомъ. Только моравская легенда, какъ будто, намекаетъ на епископскій санъ Кирилла: она говоритъ, что Кириллъ въ Римѣ episcopatui renuncians habitum induit monachalem“ [41]. Изъ окончанія замѣтки видно, что почтенный авторъ не рѣшается высказать прямо своего мнѣнія противъ епископства Кирилла и находитъ задержку для этого въ легендѣ моравской. Но прибавимъ, съ своей стороны, что — во а) легенда моравская говоритъ объ отказѣ отъ епископства, которое предлагалось Кириллу въ Римѣ; во б) что если допускать по легендѣ моравской прежнее епископство, пріобрѣтенное Кирилломъ еще въ Константинополѣ, то вышла бы безсмыслица, потому что греческій епископъ IX столѣтія не могъ быть не монахомъ, и Константину не за-чѣмъ бы было принимать монашество въ Римѣ. Молчаніе всѣхъ древнѣйшихъ памятниковъ, и славянскихъ и латинскихъ, о санѣ епископскомъ Константина въ Царьградѣ, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ недѣйствительности его; такое молчаніе особенно было бы необъяснимо въ паннонскомъ житіи, останавливающемся часто на столь мелкихъ подробностяхъ жизни Кирилловой и говорящемъ

[41] «Кириллъ и Меѳодій», Чтенія общ. ист. и древн., тамъ-же, стр. 4, прим. 9.

такъ рѣшительно объ отказѣ, со стороны св. братьевъ, отъ всѣхъ почестей, какія предлагались имъ послѣ проповѣди ихъ среди хазаръ. Изъ паннонскаго житія, а равно и изъ другихъ достовѣрнѣйшихъ источниковъ до несомнѣнности очевидно, что св. Кириллъ и умеръ простымъ іеромонахомъ, и не только не былъ никогда епископомъ въ Византіи, но отстранился отъ этого сана и въ Римѣ.

Между тѣмъ, западные писатели усиливаются, во что бы то ни стало, доказать, что въ епископскій санъ былъ облеченъ св. Кириллъ, только не въ Константинополѣ и патріархомъ восточнымъ, а въ Римѣ и папою Адріаномъ II. Такъ-какъ вопросъ этотъ тѣсно связанъ съ мнѣніемъ католическихъ писателей о монашествѣ Константина еще въ Византіи и съ особымъ объясненіемъ перемѣны имени на Кирилла, то мы и остановимся на ихъ доводахъ здѣсь, чтобы потомъ уже не возвращаться больше къ этому предмету.

И докторъ Гинцель[42], и докторъ Рачкій[43], а за ними и позднѣйшіе писатели полагаютъ, что Константинъ былъ уже монахомъ въ Константинополѣ. Неосновательность этого мы видѣли выше; доказательство же, приводимое Рачкимъ, не стоитъ вниманія. Уходъ св. Константина *въ братній монастырь*, о чемъ говоритъ житіе Кирилла, передавая извѣстіе, какъ онъ послѣ пренія съ агарянами, любя жизнь уединенную, удалился на Олимпъ, къ брату своему[44], ни въ какомъ случаѣ не можетъ ручаться за монашеское званіе Кирилла, какъ думаетъ Рачкій: онъ способенъ только оправдывать общее настроеніе

---

[42] Geschichte der Slawen Apostel, стр. 22, прим.

[43] Viek i djelovanje sv. Cyril. i Meth., стр. 223, прим. 2.

[44] Житіе, стр. 8, VII.

философа, какимъ былъ Константинъ, настроеніе къ уединенію, отрѣшенію отъ мірской суеты, что обнаружилось въ немъ съ малыхъ лѣтъ и чему удовлетворялъ онъ пребываніемъ и въ другихъ уединенныхъ мѣстахъ, гдѣ проводилъ время въ постѣ и молитвѣ. Но западнымъ, католическимъ писателямъ необходимо раннее монашество Кирилла, чтобы съ большимъ правомъ настаивать на его посвященіи въ епископы въ Римѣ. И дѣйствительно, оба упомянутые авторы[45] выдаютъ за положительный фактъ такое посвященіе и изъ новаго сана епископскаго стараются вывести побужденіе къ перемѣнѣ имени. Они основываются на двухъ примѣрахъ въ западной церкви, совершившихся въ прежніе вѣка, изъ которыхъ видно, что, при посвященіи въ епископы, перемѣнялось и прежнее имя. Первый примѣръ относится къ проповѣднику германскому, Вилльброрду, посвященному папою Сергіемъ, въ 696 году, въ епископа утрехтскаго и названному Климентомъ; второй — тоже къ германскому проповѣднику, Винфриду, котораго папа Григорій II, въ 723 году, назначилъ епископомъ въ Германію и наименовалъ при этомъ Бонифаціемъ. Подобными-то примѣрами думаютъ католики оправдать выведенную изъ заднихъ цѣлей мысль о такой-же перемѣнѣ имени и для св. Константина, попирая всѣ положительныя древнѣйшія свидѣтельства, ими же признаваемыя за достовѣрныя. Грубость натяжки въ этомъ объясненіи бросается сама собою въ глаза, даже безъ соображенія о противорѣчіи его историческимъ даннымъ. Во первыхъ, изъ всей церковной исторіи запада едва-едва въ силахъ былъ отыскать два примѣра одинъ изъ ученѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ духовно-католическихъ писателей; во вторыхъ, развѣ можно опускать изъ виду,

---

[45] Гинцель, стр. 47—49, прим. 7 и 1; Гачкій, стр. 222—223.

что въ указанныхъ примѣрахъ измѣняются и на что, и можетъ ли это быть сопоставлено съ перемѣною для Кирилла? Оба имени нѣмецкихъ проповѣдниковъ, и Вильбродъ и Винфридъ, имена языческія, и оставить ихъ для высшихъ святителей церкви, въ ту пору, когда уже вошло въ обычай въ христіанствѣ, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, заимствовать имена изъ пространнаго списка святыхъ, прославленныхъ своею жизнію и страданіями за вѣру христіанскую, едвали было возможно въ концѣ VII, тѣмъ болѣе въ восьмомъ столѣтіи. Между тѣмъ какъ имя Константина давнымъ-давно уже было освящено христіанствомъ и могло указать собою на цѣлую группу святыхъ, одинаково признанныхъ такими и на востокѣ и на западѣ. Съ другой стороны, перемѣна Константина на Кирилла, намекаетъ именно на издавна укоренившееся на востокѣ обыкновеніе называться въ монашествѣ именемъ, которое бы начиналось одинаковымъ звукомъ съ прежнимъ, мірскимъ названіемъ, чего не видно ни въ переименованіи Вильброрда въ Климента, ни Винфрида въ Бонифація, и что встрѣчаемъ въ Кириллѣ, вмѣсто Константина. Едва-ли не справедливѣе было бы ожидать отъ папы, если, по словамъ Гинцеля и Рачкаго, ему слѣдуетъ приписать перемѣну имени, какъ и для двоихъ нѣмецкихъ проповѣдниковъ, при посвященіи въ епископы, ожидать и другаго имени. Конечно, Адріанъ II, знавшій уваженіе Константина къ св. Клименту, мощи котораго принялъ онъ изъ рукъ его, тѣмъ скорѣе назвалъ бы и его этимъ именемъ, что связалъ бы тѣмъ еще крѣпче великаго учителя славянскаго съ Римомъ, да не нарушилъ бы и обычая грековъ, потому что и названіе „Климентъ“ начинается съ того-же звука *К*. Во всякомъ случаѣ, такая перемѣна была бы желательнѣе для Рима, не-

жели названіе „Кириллъ", и своимъ происхожденіемъ и прославленною святостію носившихъ его, указывающее на востокъ.

Впрочемъ, не здѣсь заключается рѣшительное опроверженіе корыстныхъ предположеній писателей католическихъ о римскомъ епископствѣ Константина: всею силою выступаетъ оно въ прямыхъ свидѣтельствахъ древности, какъ по славянскимъ источникамъ, такъ и по латинскимъ. Не говоря уже объ извѣстныхъ намъ: паннонскомъ житіи, моравской легендѣ, жизнеописаніи Климента, епископа болгарскаго, въ одинъ голосъ говорящихъ только о принятіи монашества Константиномъ въ Римѣ, развѣ умолчали бы о епископствѣ и ближайшіе послѣдователи солунскихъ братьевъ, не отрицающіе дѣйствительнаго архіепископства Меѳодія? И однакоже, какъ Іоаннъ экзархъ болгарскій называетъ его только *святымъ человѣкомъ Божіимъ, Константиномъ, именуемымъ философомъ*[46], такъ и у монаха Храбра читаемъ лишь: „посла имъ (славянамъ) с҃того Константина философа, нарицаемаго Курила, мѫжа праведна и истинна; с҃ый Курилъ; с҃ый Константинъ философъ, нарицаемый Курилъ, тъ писмена сътвори". Еще менѣе можно согласиться съ ошибкою въ святцахъ при Остромировомъ евангеліи, памятникѣ половины XI столѣтія, гдѣ также нѣтъ и намека на епископство: „памѧть прп҃дбьнаго о҃ца нашего Константина философа нареченаго въ чрьньчьство именьмь Кирила"[47]. Здѣсь также извѣстенъ Константинъ только-какъ философъ, переименованный въ Кирилла въ монашествѣ. То-же подтверждаетъ и другой памятникъ того-же вѣка, сборникъ 1076 года[48],

---

[46] Калайдовича, Москва, 1825, стр. 129.

[47] Остром. ев, 265, на обор., подъ 14 февраля.

[48] См. Бодян., стр. 37.

въ которомъ Кириллъ точно также называется только святымъ философомъ. Нѣтъ ни малѣйшей возможности допускать, чтобы востокъ, узнавшій о святости Константина, признавшій эту святость повсюду, съ отдаленнѣйшихъ временъ титуловавшій Меѳодія епископомъ и архіепископомъ, не зналъ о посвященіи въ епископы его или принялъ это посвященіе за постриженіе въ монашество.

Но и латинскій западъ сохранилъ для насъ не менѣе прочное ручательство въ недѣйствительности епископства Кириллова. Два памятника современныхъ, изъ которыхъ авторъ одного чуть не считаетъ себя другомъ Константина, а авторъ другаго, вѣроятнѣе всего, присутствовалъ бы и при посвященіи, ежели бы оно было, упоминаютъ о Кириллѣ, однакоже, какъ только о философѣ, ни словомъ не отзываясь о его епископствѣ. Намъ извѣстенъ уже одинъ отзывъ Анастасія библіотекаря, писавшаго вскорѣ послѣ кончины Кирилла; а вотъ и второй отзывъ его-же, изъ письма къ Карлу Лысому (875 года): deniqne vir magnus et apostolicæ sedis præceptor, *Constantinus philosophus,* qui Romam sub venerabilis memoriæ Adriano juniori *papa* veniens, s. Clementis corpus sedi suæ restituit [49]. *Кажется,* нѣтъ надобности доказывать, что Анастасій библіотекарь никогда бы не позволилъ себѣ опустить епископскаго титула, при своемъ глубокомъ уваженіи къ Константину, и тѣмъ скорѣе бы упомянулъ о немъ, что видѣлъ бы въ этомъ новое свидѣтельство вниманія къ Константину и римскаго престола, связь съ которымъ такъ ярко выставляется и въ приведенномъ мѣстѣ изъ письма къ королю Карлу. Еще изумительнѣе было

---

[49] См. Ваттенбахъ, Beiträge zur Geschichte der christl. Kirche in Mähren, 1849, Wien, стр. 14.

бы умолчаніе объ этомъ папою Іоанномъ VIII, въ письмѣ къ князю Святополку (отъ 880 года), рекомендующемъ передъ нимъ архіепископа Меѳодія. Письмо это писано черезъ 11 лѣтъ, по смерти Кирилла, послѣдовавшей за два съ небольшимъ года до принятія Іоанномъ папскаго престола и, конечно, нельзя же думать, чтобы послѣдній не зналъ того, что совершилось, вѣрнѣе всего, на его глазахъ; и однако-же, въ этомъ письмѣ, читаемъ: litteras denique sclaviniscas a *Constantino quondam philosopho* repertas, quibus deo laudes debite resonent, jure laudamus [50]. Уже Ассемани [51] считалъ это свидѣтельство вполнѣ достаточнымъ, чтобы отвергать справедливость епископскаго сана за Константиномъ, признавая неестественнымъ, со стороны папы, въ одномъ и томъ-же посланіи говорить о возвышеніи Адріаномъ II въ епископы Меѳодія, а относительно Константина ограничиться только эпитетомъ *философъ*, если-бы онъ дѣйствительно былъ посвященъ вмѣстѣ съ братомъ. Замѣчаніе Гинцеля, будто Іоаннъ VIII хотѣлъ опредѣлить, что когда изобрѣтена была азбука, то Константинъ не былъ еще епископомъ, должно быть отнесено въ разрядъ самыхъ насильственныхъ натяжекъ [52]. Наконецъ, нельзя забыть и свидѣтеля самаго близкаго, которому приписываютъ посвященіе Кирилла въ епископа, именно — папу Адріана. Въ сохранившемся на славянскомъ языкѣ, въ житіи Меѳодія, посланіи своемъ къ Ростиславу и Коцелу, въ посланіи, достовѣрность котораго не подлежитъ, какъ видѣли на своемъ мѣстѣ, ни малѣйшему сомнѣнію и оспаривается единственно Гинцелемъ, папа Адріанъ дважды упоминаетъ о Кон-

---

[50] Erben, Regesta Bohemiæ, стр. 17.

[51] Kalend. III, 115.

[52] См. Гинцеля, стр. 48, прим.

стантинѣ, называя его только философомъ. А между тѣмъ, трудно вообразить болѣе удобный случай сказать объ этомъ посвященіи, чтобы фактически доказать уваженіе римскаго престола къ заслугамъ св. мужа, что, очевидно, имѣлъ въ виду Адріанъ.

При такихъ прямыхъ, положительныхъ и древнѣйшихъ свидѣтельствахъ, на чемъ же опираются Рачкій и Гинцель въ своихъ увѣреніяхъ о посвященіи Константина въ епископы? Тамъ, гдѣ достигается цѣль, для нихъ и самый мутный источникъ представляется совершенно чистымъ. Свѣдѣнія о епископствѣ почерпнули они — во а) изъ легенды о перенесеніи мощей св. Климента, во б) изъ святцевъ римскихъ. Въ первой, дѣйствительно, читаемъ, что папа Адріанъ II multis gratiarum actionibus præfato philosopho pro tanto beneficio redditis, consecraverunt ipsum et Methodium in episcopos[53]; въ послѣднихъ очень обыкновенна память Cyrilli et Methodii *episcoporum*[54]. Но позволительно ли ученому, еще болѣе старающемуся показать всю силу своего критицизма, отвергнувши древнѣйшіе источники, основаться на позднѣйшихъ? А и легенда о перенесеніи мощей Климента, тѣмъ несравненнѣе еще святцы римскіе (martyrologia) принадлежатъ къ числу, первая хотя и по рукописи только, самыхъ позднихъ источниковъ. Мы уже сказали, что и на востокѣ, въ мірѣ православномъ, подобнымъ же образомъ, позднія рукописи смѣшали званія обоихъ братьевъ, и отъ Меѳодія — епископство перешло и на Кирилла[55]; то-же самое случилось и на западѣ. Нельзя, при этомъ, не

---

[53] Acta sanctor. Martii; tom. II, стр. 12—25, § 9.

[54] Срв. Гинцель, тамъ-же.

[55] Срв. Водянскаго, стр. 152—53.

обратить строгаго вниманія и на такъ называемыя Lectiones ecclesiasticae, данныя въ которыхъ вообще согласны съ легендой итальянской; между тѣмъ, о епископствѣ Кирилла и въ нихъ не говорится, тогда-какъ о монашествѣ предъ смертію читаемъ слѣдующее: ipse autem Cyrillus etiam ibi persistens, monachicum habitum ibi suscipiens, diem clausit extremum, relinquens... fratrem suum [56].

Оставляя, такимъ образомъ, вопросъ о санѣ Кирилла при выходѣ его изъ Царьграда въ Моравію, мы съ полною увѣренностью можемъ опредѣлить его мірскимъ священникомъ, съ именемъ Константина; отвергнуть всякую тѣнь за нимъ епископства не только въ Византіи, но и въ Римѣ, и причислить послѣднему лишь постриженіе его въ монашество, подъ именемъ Кирилла. Вотъ почему и на превосходномъ изображеніи св. братьевъ Г. И. Ширяева было бы тѣмъ пріятнѣе видѣть св. Кирилла не въ архіерейскомъ видѣ, чѣмъ менѣе этотъ видъ согласуется съ историческою дѣйствительностью.

Обратимся къ св. Меѳодію, замѣтивъ прежде всего, что положеніе Гинцеля [57], а прежде и Шафарика [58], будто онъ былъ младшимъ братомъ, какъ ни на чемъ не основанное и прямо противорѣчащее слѣдующимъ словамъ паннонскаго житія Меѳодіева: „шедъ, слоужи ꙗко рабъ меншю братоу, повиноуꙗсѧ емоу“; и Кириллова: „живыи же съ подроужіемь своимь и роди 7 ѡтрочеть, ѿтъ нихьже бѣше *младьшии* седмыи Коньстантінъ философъ“ [59], должно быть отчислено въ разрядъ голыхъ и

[56] Acta sanctor., тамъ-же, стр. 24, § 4.

[57] Стр. 21, прим. 2.

[58] Slovan. starož., v Praze, 1837, стр. 810.

[59] Шафар., стр. 4, § IV; стр. 1, § II.

всецѣло произвольныхъ предположеній, а потому и не принято ни однимъ изъ послѣдующихъ писателей, даже и католическихъ.

Вотъ три замѣчательныхъ выраженія въ паннонскомъ житіи Меѳодія, дающія основанія для опредѣленія званія его, при удаленіи изъ Византіи на западъ: а) сказавши кратко о происхожденіи Меѳодія, о службѣ его почетной въ свѣтскомъ быту, житіе быстро переходитъ къ его обращенію въ духовный чинъ и продолжаетъ такъ: „не хотѧше бо честныѧ доушѧ орошьтати непребывающими въ вѣкы. и обрѣтъ времѧ избысть кнѧженіа, и шедъ въ алимбъ, идѣже святіи ѡтци живоутъ, постригъ сѧ облече сѧ въ черны ризы“ [60]. Изъ этого видимъ, во первыхъ, что Меѳодій съ самаго начала своего обращенія принимаетъ монашество, что и выражается въ житіи самымъ точнымъ и опредѣленнымъ способомъ; во вторыхъ, имя остается съ сихъ поръ до конца его жизни — Меѳодій. Перемѣнить его онъ долженъ былъ, по общему обычаю монашества, и мы позволяемъ себѣ дѣлать такое заключеніе изъ неизвѣстности мірскаго его имени, не смотря на продолжительную, до самой глубокой старости, дѣятельность его, именно, что, въ новомъ званіи своемъ, Меѳодій сталъ извѣстнымъ уже тогда, когда забылась его жизнь мірская, а съ тѣмъ вмѣстѣ забылось и самое имя; б) второе мѣсто, важное для положенія Меѳодія въ Царьградѣ, есть назначеніе его *игуменомъ монастыря полихронскаго*, послѣдовавшее тотчасъ по возвращеніи братьевъ отъ хазаръ; в) наконецъ, третье, хотя и относится уже къ Риму, но тѣсно связано съ правильнымъ взглядомъ на значеніе Меѳодія въ Византіи; именно, при первомъ приходѣ въ столицу западную, вмѣстѣ съ св. Кирилломъ, онъ поставляется папою въ священника:

---

[60] Тамъ-же, стр. 3, § III.

„святи же на поповьство блаженнаго меѳодіа", говоритъ его паннонское жизнеописаніе. У писателей русскихъ это обстоятельство обыкновенно опускается, и Меѳодій въ Римѣ прямо посвящается въ епископа. Писатели западные, не признавая также этого факта, стараются, однакоже, доказать его недѣйствительность.

Въ самомъ дѣлѣ, всматриваясь въ приведенныя выраженія о назначеніяхъ Меѳодія, невольно пріидешь, на первый взглядъ, къ заключенію о неточности или даже о невѣрности какого-либо одного изъ нихъ: если Меѳодій былъ уже *игуменомъ* въ Полихронѣ, то какъ-же можно было посвящать его въ Римѣ въ священника, и на-оборотъ, если справедливо послѣднее извѣстіе, то какъ-же допустить званіе игумена безъ сана священническаго.

Гинцель[61] рѣшительно возстаетъ противъ посвященія, въ Римѣ, Меѳодія въ священника, и возводитъ его тамъ только въ епископа. Съ этимъ вмѣстѣ, понятно, и житіе паннонское, въ его глазахъ, теряетъ авторитетъ правдиваго и достовѣрнаго источника. Кромѣ указаннаго соображенія, побужденіемъ для Гинцеля отвергать извѣстіе пан. житія служатъ, какъ полагаетъ онъ, и другіе источники: въ итальянской легендѣ и въ житіи Климента, говоритъ онъ, прямо заявляется, что Меѳодій святится Адріаномъ въ епископа; точно также и папа Іоаннъ VIII, въ посланіи къ Святополку, говоритъ только о посвященіи Адріаномъ Меѳодія въ епископа. Доказательства крайне бездоказательныя. И итальянская легенда, и житіе Климента не говорятъ очень многаго о Кириллѣ и Меѳодіи, что есть въ паннонскихъ житіяхъ и что не подлежитъ сомнѣнію; и та и дру-

[61] Стр. 23, примѣч.

гое имѣютъ иной предметъ въ виду: первая — перенесеніе мощей Климента, второе — жизнь болгарскаго епископа; о Кириллѣ и Меѳодіи распространяются онѣ лишь по тѣсной связи съ главнымъ ихъ предметомъ. То-же слѣдуетъ замѣтить и о посланіи Іоанна VIII: ему не было нужды говорить о священствѣ Меѳодія, когда уже онъ былъ облеченъ высшимъ саномъ отъ папы. Вотъ почему, возраженіе Дюммлера остается въ своей силѣ и послѣ кажущагося опроверженія Гинцелемъ: dies klingt jedoch keineswegs unwahrscheinlich, wenn wir bedenken, dass Method als Laie in den Mönchsstand getreten war, und also Presbyter werden musste, ehe er die Bischofswürde erlangen konnte[62]. Рачкій[63], соглашаясь всецѣло съ Гинцелемъ, еще явственнѣе указываетъ, будто-бы, на противорѣчіе между извѣстіемъ о посвященіи въ священника и извѣстіемъ о званіи игумена. Отсюда, выводъ: Меѳодій, будучи монахомъ въ Царьградѣ, былъ уже и священникомъ, или, что то-же, іеромонахомъ, какъ игуменъ полихронскій.

Но дѣйствительно ли званіе игумена или настоятеля монастыря непремѣнно требуетъ и требовало священническаго сана? Если въ настоящее время это и такъ, то дѣлать необходимое отсюда заключеніе о томъ и въ отдаленно прошедшемъ времени, безъ положительныхъ, фактическихъ указаній, было бы поспѣшно и, возможно, несправедливо. Съ другой стороны, несомнѣнно противные факты, даже и въ самомъ ограниченномъ числѣ, подорвали бы окончательно такое заключеніе. А между тѣмъ, тогда-какъ защитники непосредственнаго епископства Меѳодія въ Римѣ вовсе и не думали представить доказательствъ

---

[62] Dümmler, тамъ-же, стр. 179.

[63] Стр. 118, 221—222.

о несоотвѣтствіи въ Византіи, въ IX вѣкѣ, званія игумена безъ сана священническаго, свидѣтельство паннонскаго житія подтверждается положительными примѣрами подобнаго раздѣленія двухъ званій. Я укажу на самый близкій къ Меѳодію, ему современный; онъ относится къ Игнатію, бывшему патріархомъ и соперникомъ знаменитому Фотію. Вступивши на четырнадцатомъ году въ монастырь Сатира, онъ обратилъ на себя жизнію своею общее вниманіе братіи, которая и не замедлила избрать его въ *игумены*, не смотря на молодость. Извѣстность его увеличила братію, и Игнатій сначала распространилъ монастырскія зданія, а потомъ и основалъ еще три монастыря: Платосъ, Пантосъ и Теребиноъ. Тогда епископы, видя такое рвеніе къ добродѣтели въ Игнатіи, стали убѣждать его принять *священство*. Онъ согласился, и былъ рукоположенъ паросскимъ епископомъ, Василіемъ [64].

Что-же невозможнаго, послѣ этого, и въ томъ, что подобнымъ-же образомъ и Меѳодій былъ сдѣланъ игуменомъ, не будучи вовсе священникомъ? И мы, напротивъ, въ указаніи житіемъ паннонскимъ о посвященіи Меѳодія въ Римѣ въ санъ священника видимъ лучшее доказательство исторической точности этого источника жизни святыхъ братьевъ, и посвященіе это принимаемъ какъ фактъ, не вызывающій ни малѣйшаго сомнѣнія въ его дѣйствительности. И ежели западные писатели, изъ цѣлей стороннихъ, способны отвергать его, то странно недовѣріе къ нему авторовъ русскихъ, большею частью и не упоминающихъ о посвященіи Меѳодія „на поповьство“ въ Римѣ. Даже г. Платоновъ, какъ ни преимущественно пользовался, въ своемъ сочиненіи, житіями паннонскими, не рѣшился

[64] Зернина, «Очеркъ жиз. патріарха Фотія», стр. 8—9.

упомянуть объ этомъ фактѣ въ текстѣ, гдѣ возводитъ, по примѣру другихъ, Меѳодія прямо въ епископа[65], и только въ примѣчаніи (28, стр. 41) выписываетъ, однакоже, какъ увидимъ, невѣрно, слова житія паннонскаго: „апостоликъ Никола святи Меѳодія на поповьство", впрочемъ — совершенно по другому поводу и безъ малѣйшаго объясненія справедливости или несправедливости ихъ.

Мы позволили себѣ сказать, что приведенная выписка г. Платоновымъ — не вѣрна. И дѣйствительно, если-бы такъ читались слова эти въ житіи паннонскомъ, то послѣднее не могло бы пользоваться тѣмъ значеніемъ въ ряду источниковъ, какое придали ему мы и какое признается за нимъ другими, — значеніемъ полной достовѣрности, подробности и точности, условій, какія характеризуютъ современнаго изображаемымъ событіямъ и лицамъ писателя. А конечно, и черезъ пятьдесятъ лѣтъ, по смерти Меѳодія, авторъ, благоговѣвшій передъ его памятью, рѣшившійся описать его жизнь и подвиги, слѣдовательно, ознакомившійся со всѣмъ, съ чѣмъ только могъ, не допустилъ бы такой рѣзкой ошибки, не поставилъ бы рядомъ въ Римѣ Меѳодія и Николая, папу, уже лежавшаго въ могилѣ передъ самымъ приходомъ солунскихъ братьевъ въ западную столицу. Это могъ бы сдѣлать только весьма поздній біографъ, котораго нужда заставляла бы руководиться или отдаленными и перепутанными слухами, или краткими, отрывочными и несвязными замѣтками. А между тѣмъ, какъ мы уже сказали, житіе паннонское Меѳодія не признается плодомъ такого біографа и тѣми, кто отвергаетъ дѣйствительность священническаго посвяще-

---

[65] «Жизнь и подвиги первоучителей славян. Кирилла и Меѳодія». Харьковъ, 1862, стр. 48.

нія его въ Римѣ. Но мы выпишемъ все мѣсто житія, чтобы правильнѣе понимать полную возможность отсутствія въ немъ кажущагося анахронизма.

Въ VI главѣ, по раздѣленію Шафарикомъ житія Меѳодіева, читаемъ: „оувѣдѣвъ же такого моужа апостоликъ никола, посла по нѧ, желаѧ видѣти ѧ. ѩко аггела божіа. свѧти оученіе ею. положь словеньское еуаггеліе на олтари свѧтаго апостола петра. свѧти же на поповьство блаженнаго мефодіа“. Сравнивая это мѣсто съ слѣдующимъ выраженіемъ въ житіи Константина[66]: „и оувѣдѣвь о нѥмь римьскыи *папа (Николай)*, посла по нь и дошьдшоу емоу вь римь, изыде самь апостолікь *адріань*..... пріемь же папа книгы словеньскые, и положи ѥ вь црькви светые маріе, иже парицает се фатань[67] и пѣше надь ними свѧтоую литоургію. по семь повелѣ папа двѣма епископома... светити... словеньскые оученикы. и ѩкоже светише іе, и абіе пѣше литоурьгію въ црькви светаго апостола петра словеньскыимь ѩзыкомь“....., не можемъ не замѣтить, что первое есть только сокращеніе послѣдняго, при томъ, до извѣстной степени, дословное. Во время этого-то сокращенія, безъ сомнѣнія, и произошло опущеніе посредствующаго выраженія, отдѣлявшаго папу Николая, какъ призвавшаго Константина и Меѳодія въ Римъ, отъ папы Адріана, какъ принимавшаго ихъ уже по смерти перваго. Только отсюда и произошло то кажущееся сочетаніе предложеній, въ которыхъ подлежащимъ является одинъ папа Николай и при сказуемомъ посла и при сказуемыхъ свѧти. Кто бы ни былъ виновни-

---

[66] Стр. 23, § XVII.

[67] Отъ греческаго *Φάτνη*, ясли; теперь извѣстна эта церковь подъ именемъ S. Mariæ ad præsepe, или, по-итальянски, просто S. Maria Maggiore.

комъ подобнаго сокращенія, первоначальный ли авторъ, имѣвшій уже, вѣроятно, подъ рукою житіе Константиново, или позднѣйшій переписчикъ съ древнѣйшаго оригинала, въ которомъ могло и не быть сокращенія, для насъ, въ сущности, все равно, потому что смѣшеніе *только* подлежащаго, и при томъ единственно отъ неловкости сокращенія, слишкомъ очевидно. Самъ г. Рачкій, не допускающій факта посвященія Меѳодія въ священника въ Римѣ, рѣшительно, однакоже, соглашается, что начало шестой главы житія Меѳодіево дошло до насъ въ испорченномъ видѣ, именно, въ силу сокращенія оригинала, который, по его мнѣнію, основанному на мнѣніи Миклошича, былъ греческій [68] и въ которомъ не могло быть смѣшенія обоихъ папъ. А ежели такъ, ежели событіе о посвященіи Меѳодія „на поповьство" не можетъ быть отвергнуто кажущимся анахронизмомъ, ежели, напротивъ, по сличенію съ житіемъ Константина, оно положительно должно быть пріурочено папѣ Адріану и ежели, въ свою очередь, отсутствіе священническаго сана ничуть не противорѣчило, въ IX столѣтіи, званію игумена въ церкви восточной, то нѣтъ, значитъ, и основаній не считать его за фактъ дѣйствительный и признавать Меѳодія, по однимъ лишь догадкамъ или по задуманному стороннему разсчету, какъ это дѣлаетъ особенно Гинцель, желая подорвать важность первостепеннаго источника въ паннонскомъ житіи, признавать Меѳодія уже священникомъ въ Царьградѣ.

И такъ, Константинъ и Меѳодій удалились съ востока, въ 862 году, на западъ со всѣми признаками ни чѣмъ непоколебленнаго единенія съ церковью восточною, съ полною любовію къ тогдашнему патріарху Фотію, съ безпредѣльною преданностью

---

[68] Стр. 222, прим. 1.

императору и съ единственною цѣлію, бывшею для нихъ и прежде задачею жизни, просвѣщать въ вѣрѣ христіанской непросвѣщенныхъ и проповѣдывать слово Божіе на понятномъ, родномъ языкѣ для обращенныхъ. О папѣ, о какихъ-то исключительныхъ преимуществахъ Рима тѣмъ менѣе могли помышлять святые братья, чѣмъ опаснѣе представлялось имъ посольство именно на западъ, по исключительности тамъ латинизма, и чѣмъ болѣе протекало времени жизни ихъ въ Моравіи, безъ всякаго отношенія къ Риму, до тѣхъ поръ, пока первосвященникъ послѣдняго, черезъ три съ половиною года, ни потребовалъ ихъ къ отвѣту. Удалились они, какъ истинные послѣдователи апостоловъ, въ самомъ скромномъ званіи, одинъ, Константинъ, какъ мірской священникъ, другой, Меѳодій, какъ монахъ-игуменъ, не имѣвшій даже и священническаго сана. — Взглянемъ теперь на страну, въ которую отправились солунскіе проповѣдники.

Страна, въ которую были призваны св. Константинъ и Меѳодій и куда отправились они изъ Константинополя, есть Моравія. Но понятіе о Моравіи далеко не такъ опредѣленно, чтобы не остановиться на ближайшемъ разсмотрѣніи ея предѣловъ въ эпоху дѣятельности въ ней славянскихъ проповѣдниковъ.

Въ IX столѣтіи упоминается о трехъ Моравіяхъ: во а) Моравія въ тѣсномъ смыслѣ, равняющаяся нынѣшней Моравіи, во б) Моравія въ обширномъ значеніи, называемая верхнею или вышнею Моравіею, въ отличіе, въ в) отъ нижней или болгарской Моравіи, лежавшей по рѣкѣ Моравѣ. Понятно, что насъ могутъ занимать только двѣ первыя. Что касается до первой Моравіи, то границы ея совпадаютъ болѣе или менѣе съ нынѣшними границами маркграфства моравскаго; въ составъ выш-

ней Моравіи, кромѣ Моравіи въ тѣсномъ значеніи, входятъ земли словаковъ на востокъ до рѣки Торисы и на югъ, черезъ Дунай, за блатенское озеро, до границъ, съ одной стороны, Кроаціи, съ другой, хорутанъ. Теченіемъ рѣки Дуная, эта вышняя Моравія дѣлилась на двѣ части: сѣверная до Пресбурга и Вацова, южная до впаденія Дравы въ Дунай на востокѣ и до западныхъ береговъ блатенскаго озера на западѣ. Эта-то часть Моравіи и называлась паннонская Моравія, или просто Паннонія. Указывая на доказательства Шафарика о народномъ единствѣ обитателей обѣихъ частей [69], мы взглянемъ коротко на историческую судьбу этой области.

Ясная и положительная исторія начинается съ той поры, какъ Карлъ Великій одержалъ (796) побѣду надъ аварами и разгромилъ ихъ царство, средоточіе котораго было именно въ Панноніи. Отсюда, славяне и авары паннонскіе, управляясь своими князьями, должны были подчиниться верховному господству маркграфа Карлова, платить послѣднему дань и обязаться военною службою. Опустошенная войною, Паннонія не замедлила наполниться переселенцами славянскими съ сѣвера Дуная, моравапами и словаками, такъ-что элементъ аварскій неминуемо долженъ былъ все больше и больше исчезать въ преобладающей массѣ славянской. Жители сѣверной, надъ-дунайской Моравіи, хотя, безъ сомнѣнія, и пользовались еще самостоятельностью, но, замѣчая стремленія франковъ къ завоеванію на востокѣ и заботясь о спокойной и мирной жизни, рѣшились также подчиниться императору, по примѣру южныхъ своихъ собратій, и въ 803 году, князья ихъ, на сеймѣ въ Регенсбургѣ, признали его господство, обязавшись военною служ-

---

[69] Slov. staroż., 794 — 795.

бою и платою дани. Съ сихъ поръ продолжалась полная тишина въ этихъ областяхъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока на сѣверѣ, въ Моравіи, не явился княземъ Мойміръ. Всѣ усилія его, въ первое время, направлены были къ тому, чтобы доставить своей области миръ, а черезъ это укрѣпить ее для будущаго; покорныя отношенія къ императору не прерывались, хотя, согласно съ цѣлью своей, Мойміръ и не принималъ никакого участія ни въ войнахъ нѣмцевъ съ хорватами (818 — 823), ни въ войнахъ ихъ-же съ болгарами (827 — 829). Имъ-то и было положено начало тому могуществу, славѣ и огромности моравскаго княжества, какимъ видимъ мы его во время наслѣдниковъ Мойміра. Первымъ расширеніемъ собственно моравской области послужило присоединеніе области нитранской, гдѣ управлялъ особый князь, Привина. Поводомъ къ несогласію едва-ли не была преданность послѣдняго язычеству, что не могло нравиться Моймiру, уже обращенному въ христіанство, устроившему у себя два епископства и усильно заботившемуся о распространеніи вѣры христіанской. Изгнанный Привина (830) удалился сначала къ императору Людовику, который убѣдилъ его креститься, потомъ къ булгарамъ, за-тѣмъ къ хорватскому князю, враждовавшему съ франками, наконецъ, опять къ императору, который далъ ему въ управленіе нижнюю Паннонію, у блатенскаго озера. Вѣроятно, благодаря содѣйствію императора, примирился онъ и съ Моймiромъ, потому что, въ 836 году, мы видимъ нитранскую область снова во владѣніи Привины.

Но въ то время, какъ Привина, всею душею отдавшись нѣмцамъ, спокойно управлялъ за-дунайскою или паннонскою Моравіей и прилежащимъ къ ней княжествомъ нитранскимъ, заслуживши полное благоволеніе отъ императора, великій князь

Моймíръ, напротивъ, впалъ у нѣмцевъ въ подозрѣнíе, какъ будто-бы усиливался онъ окончательно отдѣлаться отъ нихъ. Такое подозрѣнíе—весьма естественно, коль скоро сообразимъ сознанное уже нѣмцами желанíе упрочить свое господство надъ здѣшними славянами и возроставшее могущество Моймíра. Встревоженный этимъ могуществомъ, не безъ возбужденiя, конечно, окрестныхъ своихъ маркграфовъ, король Людовикъ, въ 846 году, вторгнулся съ огромнымъ войскомъ въ Моравiю, низложилъ Моймíра и посадилъ на его мѣсто его племянника, Ростислава или Растица, какъ онъ именуется не только въ латинскихъ, но и въ славянскихъ источникахъ. Привина пережилъ довольно долго своего соперника; но, въ 861 году, въ битвѣ съ мораванами, вѣроятно, подъ начальствомъ Растица, онъ былъ убитъ, а сынъ его, Коцелъ, могъ наслѣдовать только задунайскую Паннонiю, потому что княжество нитранское, захваченное Ростиславомъ, было передано Святополку, его племяннику.

Но напрасно нѣмцы надѣялись въ Ростиславѣ встрѣтить болѣе покорнаго себѣ слугу. Ежели Моймíръ казался подозрительнымъ только, то Растицъ сдѣлался очень скоро положительно опаснымъ. Дѣйствительно, поставивши задачею своей жизни возвратить независимость княжеству своему, онъ наполнилъ свою землю прежде всего крѣпостями и вступилъ въ дружескiя связи съ сосѣдними болгарами. Не ушло это, конечно, отъ вниманiя нѣмцевъ, и, еще въ 855 г., Ростиславъ долженъ былъ выдержать нападенiе короля Людовика. Но походъ послѣдняго, своими неудачами, только способствовалъ независимости Моравiи, которая сдѣлалась теперь прибѣжищемъ не только славянъ, недовольныхъ тираннiей нѣмецкой, но и самыхъ нѣмцевъ, возстававшихъ противъ своего короля. Какъ ни поль-

зовался фактически самостоятельностью моравскій князь, тѣмъ не менѣе, нѣмецкій король не думалъ отказаться отъ господства и неоднократными войнами постоянно стремился возвратить Моравію къ прежней покорности. Въ 864 г. удалось было ему принудить Ростислава дать обѣтъ вѣрности, но черезъ два года, возбужденный сыномъ короля, также Людовикомъ, Ростиславъ отказался снова отъ покорности. Это вызвало короля на самую упорную войну, продолжавшуюся слишкомъ два года. Первый, 868-й годъ, она ограничилась отдѣльнымъ и неудачнымъ походомъ; за-то въ 869 году, объемъ ея расширился на огромное пространство, такъ-какъ съ моравапами соединились чехи и сербы-лужичане. Съ трехъ сторонъ двинулъ на Моравію силы свои Людовикъ, предводительствуемыя троими его сыновьями. Не смотря на разграбленіе и опустошеніе страны, на плѣнъ и убійства, Ростиславъ умѣлъ удержаться въ своемъ укрѣпленіи и тѣмъ побудилъ непріятеля къ миру на выгодныхъ для себя условіяхъ. Такимъ образомъ, съ 870 годомъ Ростиславъ достигнулъ вершины своего могущества и славы, и могъ бы съ успѣхомъ употребить мирное время на утвержденіе благосостоянія народнаго. Къ несчастію, властолюбивый племянникъ его, Святополкъ, князь нитранскій, успѣлъ гораздо скорѣе погубить своего дядю, въ которомъ обнаружились такіе прочные залоги объединенія славянъ и спасенія ихъ отъ завоеваній иноземныхъ. Недовольный зависимостью отъ Ростислава, онъ захватилъ его и выдалъ нѣмцамъ. Въ Регенсбургѣ, на сеймѣ, онъ присужденъ былъ на смерть, но король Людовикъ, сохранивши ему жизнь, приказалъ выколоть глаза и заключить въ одинъ изъ нѣмецкихъ монастырей.

Подобнымъ поступкомъ, Святополкъ не могъ, естественно, расположить къ себѣ народъ, считавшій его измѣнникомъ; но

заслужилъ онъ довѣрія и у нѣмецкихъ властей, которыя не замедлили передать его королю, какъ заподозрѣннаго въ измѣнѣ, а послѣдній заключилъ его въ темницу. Между тѣмъ, мораване не могли равнодушно переносить новаго господства: они возстали подъ начальствомъ князя Славоміра и выгнали нѣмцевъ, отказавшись отъ повиновенія имъ. Снова слѣдовало усмирять и покорять Моравію. Оправданный Святополкъ получилъ управленіе надъ войскомъ нѣмецкимъ. Но едва вступилъ въ родную землю, какъ тотчасъ-же перешелъ на сторону славянъ и выгналъ нѣмцевъ. Предвидя войну съ королемъ, Святополкъ сблизился съ чехами и не только поразилъ Карлманна (872), сына короля Людовика, но и самъ явился въ нѣмецкія земли. Не видя средствъ покорить отложившихся, Людовикъ заключилъ съ Святополкомъ миръ (874), весьма выгодный для послѣдняго. Съ сихъ поръ, упрочившись во владѣніи, Святополкъ только и думалъ достигнуть славы своего дяди мудрымъ управленіемъ, любовію къ народу, особенно-же строгою справедливостью. Память о немъ и доселѣ не исчезла среди моравանъ и словаковъ (срв. пословицу: Svatopluka hledati). Границы его государства простирались на востокъ до Кракова, къ рѣкѣ Стрыю; на сѣверъ къ Магдебургу, на югъ до Дуная, потому что паннонская Моравія была въ то время еще во владѣніи Коцела, сына Привины, находившагося въ ленной зависимости отъ Карлманна, а потомъ отъ Арнульфа, хорутанскаго.

Съ 882 года начинается борьба съ Арнульфомъ, по поводу нѣмецкихъ графовъ Австріи, съ которыми находился въ дружбѣ Святополкъ и противъ которыхъ враждовалъ маркграфъ хорутанскій. Во время этого разлада, Святополкъ въ 883 году опустошилъ Паннонію, а въ слѣдующемъ году одержалъ бли-

стательную побѣду надъ нѣмцами, въ-слѣдствіе чего король Карлъ III долженъ былъ уступить Святополку паннонскую Моравію въ ленное владѣніе. Коцела давно уже не было въ живыхъ. Съ 887 года, Святополкъ является вооруженнымъ посредникомъ между Арнульфомъ, который опять сблизился съ Святополкомъ, и его дядею Карломъ, императоромъ. Но едва Арнульфъ утвердился на престолѣ, какъ началась опять вражда. Хитрый Арнульфъ, домогаясь подданства Святополкова и не имѣя силы принудить его къ этому, обратился къ мадьярамъ, вызваннымъ около этого времени правительствомъ византійскимъ противъ болгаръ. Но и этотъ союзъ, а также союзъ съ хорватами, не перемѣнилъ судьбы вел. кн. моравскаго. Война длилась до 894 года, когда умеръ Святополкъ.

Наслѣдники его, Святополкъ и Моймiръ, своими раздорами, ускорили паденіе Моравіи и дали надежнѣйшее средство Арнульфу пріурочить къ себѣ наибольшую часть земель моравскихъ. Помогая то одному, то другому брату, отдѣливши интригами Чехію отъ Моравіи, вызывая мадьяръ на опустошеніе, Арнульфъ, наконецъ, подчинилъ себѣ, около 901 г., сначала Паннонію, а потомъ и Моравію. Но трудно было отвратить мадьяръ, однажды уже испытавшихъ счастіе въ земляхъ моравскихъ, и, не взирая на усилія нѣмцевъ послѣ побѣды подъ Пресбургомъ (917), гдѣ рѣшительно были поражены и нѣмцы и славяне, гдѣ палъ и Моймiръ, самостоятельность Моравія пала на-всегда. Этотъ ударъ поразилъ въ самое сердце славянство: прежнее народонаселеніе, избавившееся отъ плѣна или смерти, разбѣжалось по Татрамъ, въ Болгарію, къ хорватамъ и въ другія мѣста, а на землѣ, воздѣланной кровью славянскою, утвердилъ престолъ — азіатскій дикій выходецъ. Погибли и знаменитые труды св. Константина и Меѳодія, такъ бли-

стательно было привившіеся въ Паннопіи и Моравіи.

Съ возникшими съ IX вѣка столкновеніями славянъ моравско-словацкихъ съ западомъ, мы, въ то-же время, встрѣчаемъ среди нихъ и успѣхи христіанской проповѣди. Первые слѣды христіанства относятся къ паннонской Моравіи, которую Карлъ В., послѣ побѣды надъ аварами, подчинилъ, въ церковномъ отношеніи, Арнону, епископу зальцбургскому. Въ то-же почти время, послѣ добровольнаго подчиненія Карлу и князей наддунайской Моравіи, начинается расширеніе христіанства и на сѣверѣ, подъ вліяніемъ проповѣдниковъ пассавскихъ. Мы видѣли, что уже Моймиръ не только исповѣдывалъ христіанство, но и заботился объ устройствѣ церкви своей, образовавши въ Моравіи два епископства, около 826 года, одно въ Ольмюцѣ, другое въ Нитрѣ. Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ христіанства, славяне моравскіе были раздѣлены въ церковной администраціи: южные, за-дунайскіе принадлежали вѣдомству зальцбургскаго епископства; сѣверные же, над-дунайскіе — пассавскаго или, по архіепископству, регенсбургскаго. Раздѣленіе это весьма важно, потому-что на его основаніи происходили между прочимъ страшные споры съ Меѳодіемъ, вовлекшіе чуть-чуть не въ борьбу съ нѣмецкимъ духовенствомъ и самаго папу. Какъ сильны должны были быть эти споры при Меѳодіи, грекѣ и православномъ, нагляднѣе всего представляется намъ изъ несогласій между зальцбургскимъ и пассавскимъ епископствами еще за-долго до прихода св. братьевъ.

Урольфъ, нѣкогда епископъ пассавскій, оказавшій особенно дѣятельное участіе въ обращеніи сѣверныхъ моравлянъ, убѣдилъ папу Евгенія II, около 826 года, назначить его отдѣльнымъ архіепископомъ въ Гунніи или Аваріи, Паннопіи, Моравіи и Мезіи. Съ страшною бурею возстали тогда противъ такого на-

рушенія правъ своихъ, съ одной стороны, новый епископъ пассавскій Регингаръ, съ другой, архіепископъ зальцбургскій, Адальрамъ. Не обращая никакого вниманія на распоряженіе папы, они требовали удаленія Урольфа. Споръ зашелъ такъ далеко, что рѣшить его долженъ былъ самъ король, Людовикъ, на сеймѣ въ Регенсбургѣ, въ 829 году. Положено было, чтобы Моравія сѣверная, за исключеніемъ области нитранской, относилась къ пассавскому епископству, за-дунайская же, или Паннонія, вмѣстѣ съ нитранскимъ княжествомъ, къ епископству зальцбургскому.

Ежели мы сообразимъ при этомъ, что побужденіемъ всѣхъ этихъ споровъ были чисто финансовые разсчеты, безъ малѣйшей тѣни заботливости о вѣрѣ, что самое христіанство было дѣломъ исключительно формы данничества, то не удивимся той ярости, съ какою возстало латино-нѣмецкое духовенство противъ Константина и Меѳодія, какъ поймемъ и цѣль Ростислава и другихъ князей моравскихъ—обратиться за учителями вѣры въ Византію.

Разсмотримъ же призывъ и дѣятельность солунскихъ братьевъ въ Моравіи, до отхода ихъ въ Римъ.

Время вызова греч. проповѣдниковъ князьями моравскими намъ уже извѣстно: оно относится къ 862 году, т. е. къ той порѣ, когда Ростиславъ, укрѣпившись въ странѣ своей, овладѣвши княжествомъ нитранскимъ и посадивши тамъ племянника своего, Святополка, обнаружилъ явное намѣреніе отдѣлаться отъ нѣмцевъ и упрочить свою самостоятельность. Съ этимъ намѣреніемъ вполнѣ согласовалась и политика сближенія съ востокомъ, съ Византіей, сближеніе, оправдывавшееся и ложнымъ устройствомъ недавно установленной христіанской церкви въ Моравіи, при содѣйствіи духовенства латинскаго. Духовенство

это, какъ въ другихъ странахъ славянскихъ, такъ и здѣсь заботилось лишь о собственныхъ выгодахъ, стараясь обеспечить дани и десятины, не думая вовсе объ истинномъ христіанскомъ просвѣщеніи народа. Распространеніе вѣры было для него только средствомъ упроченія свѣтскаго владычества, и то, что дѣлалось въ это и послѣдующее время на Эльбѣ и Салѣ, у славянъ прибалтійскихъ, повторялось и въ Моравіи. Мудрено ли послѣ этого, что мысль о независимости политической необходимо должна была связаться съ мыслію и о самостоятельности церковной, которая могла осуществиться единственно при обращеніи къ востоку. Здѣсь лежитъ существенная причина моравскаго посольства въ Константинополь. Мы видѣли уже, что посольство это обязано не одному Ростиславу; въ житіи Кирилла говорится о совѣтѣ Ростислава съ князьями моравскими; въ житіи Меѳодія—о союзѣ его, въ этомъ случаѣ, съ Святополкомъ; Несторъ упоминаетъ и о Коцелѣ, занявшемъ мѣсто своего отца, Привины, убитаго въ 861 г.

Латинскій писатель Гинцель изъ особенныхъ, заднихъ цѣлей, которыя увидимъ на своемъ мѣстѣ, опровергаетъ участіе въ этомъ посольствѣ не только Коцела, находившагося въ покорной ленной зависимости отъ короля нѣмецкаго и дружелюбно принимавшаго высылавшееся духовенство изъ Зальцбурга, но и Святополка, который, будто-бы, былъ преданъ болѣе франкамъ, нежели своему дядѣ, Ростиславу [70]. Что касается до Святополка, то, независимо отъ Дюммлера [71], признающаго неопровержимымъ его участіе въ посольствѣ, и самъ Рачкій [72], вопреки Гинцелю, держится точно свидѣтельства житія Меѳо-

[70] Ginzel, 33, пр. 3.

[71] Archiw, XIII, 167; X, 40.

[72] Стр. 136, прим. 1.

діева. Мы можемъ замѣтить, съ своей стороны, что Гинцель слишкомъ безцеремонно смѣшиваетъ эпохи отношеній между дядей и племянникомъ: что произошло въ 870 году, когда и возмужалъ Святополкъ, проникся и чувствомъ самовластія, понялъ и политическія столкновенія между Ростиславомъ и нѣмцами, того вовсе не могло еще быть въ 861 году, когда въ его пользу было завоевано у Коцела княжество нитранское Ростиславомъ и когда послѣдній далеко еще не вполнѣ достигъ самъ независимости отъ нѣмцевъ. Такое соображеніе, какъ ни важно оно относительно довода Гинцеля, служитъ, впрочемъ, лишь слабою тѣнью, сравнительно съ положительнымъ доказательствомъ участія Святополкова въ посольствѣ въ Константинополь, выраженнымъ въ житіи Меѳодія.

Другое дѣло, какъ скоро идетъ вопросъ о Коцелѣ. Дѣйствительно, и молчаніе о немъ въ обоихъ житіяхъ и политическое положеніе его относительно нѣмецкаго короля, говорятъ скорѣе противъ его участія въ дѣлѣ, которое направлено прямо противъ преобладанія нѣмцевъ какъ въ государственномъ смыслѣ, такъ и въ церковномъ: нѣмецкій король, естественно, не могъ не вступиться за права зальцбургскаго епископства на господство церковное въ Панноніи, въ которомъ заключалось орудіе и господства политическаго. И Коцель, обязанный своею областью правительству нѣмецкому, едва-ли бы такъ-же смѣло рѣшился обратиться къ востоку, какъ Ростиславъ и его племянникъ. Вотъ почему намъ и кажется, что Несторъ прибавилъ отъ себя это имя, руководясь, конечно, послѣдующею тѣсною связью и дружбою Коцела съ Кирилломъ и Меѳодіемъ.

Ближайшая цѣль посольства высказана опредѣленно въ древнѣйшихъ и достовѣрнѣйшихъ источникахъ о жизни и трудахъ солунскихъ братьевъ. Въ житіи Кирилла читаемъ: „людемъ

нашимь поганьства се отврьгьшімь и по христіаньскы се законь дрьжещімь, оучителы не имамы таковаго, иже ны бы вь свои езыкь истинноую вѣроу христіаньскоую сказаль, да се быше и ины страны зреще подобили намь. да посли ны, владыкω, епископа и оучителы таковаго: *ωть вась бо на вьсе страны добрь законь исходить*"; то-же находимъ и въ житіи Меѳодія: „божіею милостію здрави есмы, и соуть во нь вьшли оучители мнози христіане, изъ влахъ и изъ грекъ и изъ немець, оучаще ны различь, а мы словени проста чадь и не имамъ, иже бы ны наставилъ на истиноу и разоумъ сказалъ, то добрѣ, владыкω, посли такъ моужь, иже ны исправить вьсякоу правдоу"; въ легендѣ моравской: „misit (princeps Moraviae) ad imperatorem nuncios rogans, quatenus genti suae verum doctorem dirigat, qui eis pleniter fidem rectam, legis ordinem et viam veritatis valeat ostendere"; въ тѣхъ-же почти самыхъ словахъ, лишь съ немногимъ дополненіемъ, читаемъ объ этой цѣли и въ легендѣ итальянской:.... nuntios misit, nuntians hoc, quod populus suus ab idolorum quidem cultura recesserat et christianam legem observare desiderabat; verum doctorem talem non habent, qui ad legendum eos et ad perfectam legem ipsam edoceat: rogare te, ut talem hominem ad partes illas dirigat, qui pleniter fidem et ordinem divinae legis et viam veritatis populo illi ostendere valeat".

Изъ приведенныхъ извлеченій очевидно, во а) что Моравапе описываются христіанами, что, въ самомъ дѣлѣ, и было, какъ видѣли мы въ предложенномъ историческомъ обзорѣ судьбы Моравіи и Паннопіи; во б) что, не смотря на видимое, формальное христіанство, народъ оставался чуждымъ новаго ученія, не будучи вовсе просвѣщаемъ господствующимъ духовенствомъ, имѣвшимъ въ виду единственно корыстныя цѣли и незнакомымъ съ ту-

земнымъ языкомъ. Эта беззаботность духовенства о просвѣщеніи крещенныхъ моравакъ высказалась и на соборѣ маницкомъ, 852 года, гдѣ заявлено было о невѣжественномъ, грубомъ христіанствѣ моравскаго народа: *rudis adhuc christianitas gentis Marahensium*[73]. Въ б) что моравскіе князья, понимая необходимость для народа въ истинномъ и дѣйствительномъ знакомствѣ съ ученіемъ христіанскимъ и, не видя возможности достигнуть этого при латинскомъ духовенствѣ, инородномъ и враждебномъ народности славянской, просили учителя изъ Византіи, какъ изъ страны, которая постоянно избирала народный языкъ орудіемъ христіанской проповѣди. Въ приведенныхъ извлеченіяхъ прямо желается отъ просимаго учителя, чтобы онъ ввелъ христіанство въ туземный языкъ; эта цѣль посольства есть вмѣстѣ и условіе истиннаго значенія вѣры, и въ этомъ смыслѣ вполнѣ справедливо замѣчено о представителяхъ церкви византійской, что *отъ нихъ во вся стороны ширится добрый законъ.* При невниманіи пастырей къ паствѣ, весьма естественно вліяніе и лжеучителей, которые не замедлили появиться и въ Моравіи; послѣдніе могли тѣмъ быстрѣе дѣйствовать на народъ, чѣмъ больше обращались къ народному языку. О подобныхъ-то лжеучителяхъ и говоритъ житіе Меѳодія, упоминая и о грекахъ. Подъ послѣдними трудно разумѣть кого-либо инаго, кромѣ сектаторовъ павликіанскихъ, нашедшихъ уже себѣ пристанище и въ предѣлахъ болгарскихъ[74]. Невозможность противодѣйствовать наплыву разноученій должна была служить новымъ побужденіемъ искать такого наставника въ вѣрѣ, который бы съ ея правотою соединялъ и знаніе языка славянскаго.

---

[73] Pertz, Monum. German... leg. I, 414.

[74] См. выше, стр. 96—97.

Напрасно и Гинцель и Рачкій предполагаютъ, будто Ростиславъ именно просилъ Кирилла, слухъ объ успѣшной проповѣди котораго среди хазаръ могъ служить для него побужденіемъ и основаніемъ. Оба славянскія житія рѣшительно противорѣчатъ этому, говоря совершенно неопредѣленно объ учителѣ. Житіе же Кирилла указываетъ даже на епископа, кѣмъ, какъ знаемъ мы, *никогда* не былъ Кириллъ. Правда, легенда о перенесеніи мощей Климента ставитъ въ связь съ посольствомъ имя Кирилла; замѣтно это и въ легендѣ моравской; но, очевидно, это произошло отъ сопоставленія событій, т. е. возвращенія Константина въ Царьградъ изъ Хазаріи въ то время, какъ прибыло туда посольство отъ Ростислава. Изъ того, что главнѣйшее участіе въ вызовѣ Кирилла и Меѳодія въ Моравію принималъ Ростиславъ, смѣло слѣдуетъ заключать, что и прибыли они прямо къ нему, и его столица, Дѣвинъ, нынѣшній Велеградъ, въ Моравіи, былъ, конечно, и для нихъ первымъ пристанищемъ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ задунайскую Моравію, или Паннонію, свободно явиться они не могли, потому что Коцелъ, если-бы даже онъ и принималъ участіе въ вызовѣ братьевъ, находился въ полной зависимости отъ нѣмцевъ, какъ въ политическомъ, такъ и въ церковномъ отношеніи.

Согласно съ цѣлью призванія славянскихъ проповѣдниковъ въ Моравію, должно ожидать и дѣятельности ихъ тамъ въ томъ видѣ и съ тѣмъ характеромъ, какіе неразлучны съ цѣлью, т. е. перевода св. писанія и богослужебныхъ книгъ, а также и богослуженія на родномъ языкѣ. Такъ и свидѣтельствуютъ намъ источники. По житію Кирилла, прибывши въ Моравію, онъ „оученикы сьбравь и въдасть ихъ оучити. вьскорѣ же вьсь црьковныи чинь пріемь, научи е оутрьници и часовомь и вечерни и павечерницѣ и таинѣи слоужбѣ. к отврьзоше се

по пророчьскомоу словеси оушеса глоухыхъ и оуслышаше книжнаа словеса, и езыкъ ꙗсьнъ бысть гоугнивыхъ. богъ же възвесели се о семь, а діаволь постидѣ се"; по легендѣ моравской, обои братья „cumque ipsum regem cum populo suo religiosa sollicitudine ad fidei lumen omnino provocassent, illis deinde vetus et-novum testamentum vigilanti cura exponentes et informantes eos, plura de graeco et latino transferentes, in sclavon'ca lingua canonicas horas et missas in ecclesia Dei publice decantare statuerunt". Те-же находимъ и въ легендѣ итальянской, съ присоединеніемъ вообще, что св. братья оставили въ переводѣ всѣ книги, необходимыя для церковной службы. Подобныя указанія такъ, кажется, ясны, что не нуждаются вовсе въ мудрыхъ толкованіяхъ. Кириллъ и Меѳодій переводили на слав. языкъ, конечно, для того, чтобы переводомъ пользоваться въ богослуженіи; обучали точно также для того, чтобы изъ учениковъ приготовить служителей на слав. языкѣ и, разумѣется, вводили служеніе тотчасъ-же, какъ только являлись приготовленные и посвященные люди. Само собою разумѣется, что и Кириллъ, какъ священникъ, отправлялъ слав. службу немедленно-же по прибытіи въ Моравію. Основываясь на этихъ указаніяхъ, и безпристрастный въ вопросахъ о религіи Добровскій не сомнѣвался во введеніи славянской службы солунскими братьями задолго до призыва ихъ въ Римъ [75]. Но не такъ должны были отнестись къ нимъ тѣ писатели католическіе, которые въ Кириллѣ и Меѳодіи уже въ Царьградѣ хотятъ видѣть поклонниковъ вселенской власти папской; и если Копитаръ, родоначальникъ, среди славянъ, ученыхъ натяжекъ въ пользу Рима, говоритъ въ настоящемъ случаѣ только отри-

[75] Срв. mähr. Legend., стр. 91, Cyrill u. Meth., стр. 57.

цательно, указывая на отсутствіе слѣдовъ славянства въ богослуженіи до 868—69 годовъ: de linguæ slavicae in sacris usu primis jam quatuor et dimidio annis tentato nulla in historia vestigia [76], то новѣйшіе писатели обращаютъ его отрицаніе уже въ положительный приговоръ. Рѣзче, положительнѣе и опредѣлительнѣе другихъ высказано подобное отрицаніе Гинцелемъ. Отстраняя прямыя свидѣтельства источниковъ, даже и того, который онъ считаетъ достовѣрнѣйшимъ, именно, легенды итальянской, Гинцель утверждаетъ по догадкѣ, что Кириллъ и Меѳодій, какъ вступившіе на почву, принадлежащую въ церковномъ отношеніи епископіи пассавской, не осмѣлились бы никогда преступить обязанности повиновенія ей, а послѣдняя, ни въ какомъ случаѣ, не допустила бы смѣны латинскаго богослуженія на славянское. При этомъ приводится и постановленіе церкви зальцбургской, записанное въ лѣтописи безъименнаго, въ силу котораго священникъ, прибывшій изъ чужой епархіи, могъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ совершать богослуженіе прежде представленія епископу отпускной своей грамматы [77]. Докторъ Рачкій [78] не видитъ основаній утверждать рѣшительно мнѣніе Гинцеля, но считаетъ вѣроятнѣйшимъ, что Константинъ не вводилъ слав. языка въ богослуженіе, а только приготовлялъ учениковъ.

Не говоря уже о томъ, что такое постановленіе относится къ епископіи зальцбургской, а не пассавской, въ которой могли быть особыя, на этотъ случай, распоряженія, мы не въ силахъ удержать своего удивленія и вообще непослѣдовательности въ

---

[76] Miklos. Slav. Biblioth. 1, Wien, 1851 стр. 64.

[77] Гинцель, стр. 42, пр. 12, срв. стр. 40, пр. 6.

[78] Стр. 162.

мысляхъ г. Гинцеля. Ни онъ, ни кто и другой не отрицаютъ того факта, что Ростиславъ, обращеніемъ къ Византіи и вызовомъ оттуда греческаго просвѣтителя, поступилъ не только противъ желанія и воли духовенства своей митрополіи, т. е. пассавской, но и прямо дѣйствовалъ въ пользу рѣшительнаго отъ нея отдѣленія, какъ задумалъ онъ и почти уже достигъ своего намѣренія и въ политикѣ относительно короля нѣмецкаго. Странно было бы сообразоваться Кириллу съ неизвѣстными намъ и во всякомъ случаѣ произвольными постановленіями администраціи пассавской, когда вызванъ онъ Ростиславомъ, расторгнимъ связи съ этою администраціей. Прежде всего, естественно, они обязаны были выполнить то, къ чему приглашены были княземъ и за-чѣмъ вышли изъ Константинополя въ Моравію, а приглашены они были и вышли для просвѣщенія народа въ истинахъ христіанской вѣры на родномъ языкѣ.

Но какой способъ, въ XI вѣкѣ, предполагалъ Ростиславъ, равно считали возможнымъ и всѣ, для просвѣщенія, для сознательнаго понимація христіанства *народомъ?* Конечно, единственно тотъ, какимъ постоянно отличался востокъ и какой всегда преслѣдовался западомъ до возникшихъ въ немъ реформацій, т. е. довести до понимація народнаго богослуженіе христіанское. Недаромъ же и ссылался Ростиславъ, устами своихъ пословъ, на *добрый законъ*, исходящій изъ Византіи, не даромъ и просилъ онъ отъ императора такого учителя, который бы истолковалъ мораванамъ вѣру *въ свой языкъ*, что, по обычаю восточному, значило прежде всего сдѣлать доступнымъ для народнаго разумѣнія богослуженіе христіанское. Думать при этомъ объ образованіи понятій и убѣжденій путемъ *исключительной проповѣди и наставленій*, значило бы, требовать перевоспитанія народа, что неразлучно съ цѣлыми вѣками, въ теченіе кото-

рыхъ обряды церкви оставались бы все-таки пустою формою, не имѣющею никакого смысла для народа, при чуждомъ языкѣ.

Взглядъ на изображенную въ источникахъ первую дѣятельность Кирилла и Меѳодія въ Моравіи положительно убѣждаетъ, что они такъ и понимали свое призваніе, въ такомъ духѣ и дѣйствовали. Что сдѣлано ими? Прежде всего переведено евангеліе, какъ основа христіанства; переведенное евангеліе было уже принесено ими въ Моравію, какъ говоритъ легенда итальянская, извѣщая о радости моравлянъ, при приходѣ св. братьевъ: cognoscentes loci indigenae adventum illorum valde gavisi sunt, quia secum ferre audierant Evangelium in eorum linguam a philosopho translatum. Но какое евангеліе? По словамъ Іоанна экз. болгарскаго — *изборъ*, т. е. выборъ тѣхъ чтеній евангельскихъ, которыя употребляются при богослуженіи, евангеліе недѣльное, какое дѣйствительно только и принадлежитъ древнѣйшимъ рукописямъ: четверо-евангелія стали появляться уже позднѣе; на эти же чтенія указываетъ и письмо Іоанна VIII, папы, къ Святополку, отъ 880 года: sive sacrum evangelium vel *lectiones* divinas veteris et novi testamenti bene translatas legere. За этимъ, житіе Кирилла паннонское, а также и легенды латинскія приводятъ рядъ книгъ, которыя исключительно относятся къ богослуженію, по всѣмъ его частямъ: въ литургіи, въ утренни, вечерни и т. д. Намъ могутъ возразить, что дѣйствительно Кириллъ и Меѳодій заботились о приготовленіи средствъ для славянской службы, но стали отправлять ее не раньше, какъ получили позволеніе изъ Рима, отъ папы; не было, при томъ, и людей, прибавятъ, которые бы, научившись этимъ средствамъ, въ состояніи были примѣнить ихъ къ дѣлу, потому что не откуда было достать посвященія въ священники и діаконы. Это, во первыхъ, не относится къ Константину, ко-

торый былъ уже священникомъ; во вторыхъ, не можетъ относиться и къ тѣмъ, кто прибылъ съ нимъ съ востока, въ званіи священника, — а едва-ли съ положительностію возможно отрицать и такихъ спутниковъ Кирилла и Меѳодія; въ третьихъ, было бы также не послѣдовательно утверждать, что кто-либо и изъ бывшихъ священниковъ въ Моравіи, особенно славянскаго происхожденія, не принялъ живаго участія въ дѣлѣ славянскихъ просвѣтителей и не воспользовался тотчасъ-же трудами ихъ. Догадка г. Гильфердинга, при этомъ случаѣ, что священникъ Славоміръ, поставленный моравянами княземъ, послѣ заточенія Ростислава и задержки нѣмцами Святополка, былъ изъ числа учениковъ Кирилла и Меѳодія, — заслуживаетъ полнаго вниманія [79]. Но согласимся, что способнымъ для славянской службы, до путешествія въ Римъ, былъ только Кириллъ самъ, неуже-ли же отказался бы и онъ примѣнить свои переводы къ жизни, считая съ малыхъ лѣтъ такое примѣненіе вполнѣ законнымъ и на востокѣ безпрепятственнымъ? Естественную законность службы на славянскомъ языкѣ высказали оба брата очень ясно въ порицаніи еретиками латинскихъ священниковъ и латинскаго духовенства еще до отхода въ Римъ, о чемъ убѣдительно свидѣтельствуютъ жизнеописанія ихъ: „Богъ же въвеселл се о семь, а діаволь постидѣ се. Растещоу же божію словеси, злыи завистивыи испръва тръклетіи діаволь нетръпе сего добра, нъ вышьдъ въ свое съсоуды, и начеть многы въздвизати, глаголе имь: не славит се богъ о семь. аще бо би емоу сице годѣ было, то не би ли могль сътворити, да быше и си испръва писмени пишоуще бесѣды свое славили бога? нъ три

[79] «Письма объ ист. сербовъ и болгаръ». Москва, 1855, стр. 92, прим. 1.

език̑ы ѥсть тькмо избралъ, еврєискы, грьчьскы и латинскы, имиже достоитъ славоу богоу въздаати. бѣхоу же се глаголюще латиньсціи сьпричьтници, архіереи, иерси и оученици. и бравъ се съ ними ꙗко давидъ съ иноплеменникы, книжными словеси побѣждь ѥ нарече ѥ триꙗзычникы"... читаемъ въ житіи Константина. И мы, принимая въ соображеніе цѣль, съ какою явились братья въ Моравію, характеръ отношеній князя этой страны къ латинскому духовенству, положительныя указанія о дѣятельности Кирилла и Меѳодія въ первые годы на западѣ, наконецъ, взглядъ обоихъ братьевъ на туземный языкъ въ дѣлѣ богослуженія, отразившійся рѣзко въ житіи Константина: „и како вы не стыдите се три езыкы мѣнеще тьчью, а прочіимъ вьсѣмъ езыкомъ и племенемъ слѣпѡмъ велеще и глоухомъ быти? скажите ми, бога твореще немощна, ꙗко немогоуща сего дати, или завистлива, ꙗко не хотеща? мы же народъ мьного знаемъ, книгы оумѣюще, и богоу славоу въздающе, кьждо своимъ езыкомъ. ꙗвѣ же соуть сіи: армены, перси, авазгы, ивери, соугды, готеи, обри, турьси, козари, аравлꙗне, ѥгупты и ины мнози", — рѣшительно заявляемъ, что нераздѣльно съ обученіемъ шло и отправленіе богослуженія на славянскомъ языкѣ, хотя, по недостатку приготовленныхъ и посвященныхъ, оно и должно было быть весьма ограниченно. И трудно удержаться отъ удивленія, при чтеніи, на примѣръ, слѣдующихъ строкъ г. Гинцеля: „очевидная ложь извѣстія (что св. Константинъ отправлялъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ, о чемъ говорятъ моравская легенда и паннонское жизнеописаніе) обнаруживается сама собою. Что Моравія передъ прибытіемъ св. братьевъ и во время ихъ присутствія совершала литургію по-латини и по обычаю латинской церкви, никто (?) не будетъ спорить. Константинъ и Меѳодій, одинаково (?)

свѣдущіе въ латинскомъ и греческомъ языкахъ, должны были держаться литургіи той страны, въ которую прибыли, потому что, вступивши подъ юрисдикцію епископа пассавскаго, они переставали быть священниками греческой церкви и обязаны были въ отправленіи своего священническаго званія подчиняться законамъ и обычаямъ церкви латинской. Кромѣ того, богослуженіемъ по обряду греческому, они ввели бы христіанскій народъ Моравіи, привыкшій къ литургіи латинской, лишь въ ненужное, даже вредное замѣшательство. Введеніе же славянскаго языка, вмѣсто церковнаго латинскаго, при подчиненномъ положеніи Кирилла и Меѳодія, какъ-только священниковъ, и при отношеніяхъ къ епископу страны (т. е. пассавскому), не могло придти имъ и въ голову (!!), такъ-какъ, въ противномъ случаѣ, отстраненіе ихъ отъ законной юрисдикціи повлекло бы за собою немедленно жалобу въ Римъ, со стороны епископа Пассавы“ [80]. Вотъ нерѣдкій образчикъ доказательствъ защитниковъ католичества св. братьевъ!. Вмѣсто того, чтобы позаботиться прежде всего доказать самое главное свое положеніе, будто власть епископіи пассавской продолжалась съ прежнимъ значеніемъ надъ Моравіей и послѣ прихода въ нее Кирилла и Меѳодія, г. Гинцель, напротивъ, ставитъ его, какъ фактъ несомнѣнный, въ основу дальнѣйшихъ положеній, которыя и могутъ имѣть силу только при дѣйствительности перваго. А какова дѣйствительность его, не трудно, кажется, усмотрѣть: во первыхъ, изъ извѣстнаго уже намъ отношенія Ростислава вообще къ нѣмцамъ; во вторыхъ, изъ самостоятельной дѣятельности въ Моравіи солунцевъ, безъ малѣйшаго обращенія къ нѣмецкой іерархіи; въ третьихъ, весьма наглядно изъ поступка

---

[80] Ginzel, стр. 42, прим. 12.

Коцела, находившагося въ несравненно невыгоднѣйшемъ положеніи, нежели Ростиславъ, къ господству нѣмецкому, и однакоже, удалившаго зальцбургское нѣмецкое духовенство изъ области своей, не смотря на его протесты и негодованіе, какъскоро явился туда Меѳодій; въ четвертыхъ, изъ соображенія постановленій церкви католической, на-счетъ священниковъ, приходящихъ въ чужую епархію. Соборъ въ Вормсѣ, 868 года, въ присутствіи Карла Лысаго, Людовика нѣмецкаго, трехъ архіепископовъ, между которыми былъ и Адальвинъ зальцбургскій, и многихъ епископовъ, энергично повторилъ опредѣленіе еще маинцкаго собора (813), чтобы ни одинъ священникъ не имѣлъ права отправлять церковныхъ требъ въ чужой епархіи, доколѣ ни представитъ туземному епископу отпускную или рекомендательную граммату отъ прежняго своего епископа; въ противномъ случаѣ, туземный епископъ долженъ немедленно же возбранить ему всякую духовную службу, *пока церковный соборъ ни произнесетъ надъ такимъ священникомъ своего приговора*[81]. Такое повтореніе сего опредѣленія, въ 868 году, вмѣстѣ съ Рачкимъ[82], мы смѣло объявляемъ нетерпимостью нѣмцевъ относительно Кирилла и Меѳодія, въ минуты, когда Римъ готовъ былъ распорядиться ихъ назначеніемъ для церкви славянской. Какъ-же, спрашивается, согласить съ этимъ опредѣленіемъ рѣшительное отсутствіе указаній на какое-либо подчиненное отношеніе св. братьевъ къ епископу пассавскому, еще болѣе, какъ объяснить безсиліе послѣдняго, при возникшемъ несогласіи между духовенствомъ нѣмецкимъ и Кирилломъ, по поводу славянскаго языка? Нѣмцы возстаютъ противъ него,

[81] Mansi, XIV, 879.
[82] Стр. 229.

готовы подвергнуть строжайшему наказанію нововводителя, а Кириллъ не только продолжаетъ свое дѣло, но еще рѣзко и, главное, самостоятельно опровергаетъ и осуждаетъ нѣмцевъ. Не очевидно ли, что тутъ нѣтъ и тѣни отношеній подчиненнаго и начальника, въ смыслѣ вообще епископской власти римской церкви и по опредѣленію ея на соборѣ майнцскомъ въ частности? Не несомнѣнно ли на-оборотъ, что Кириллъ и Меѳодій чувствовали себя вполнѣ независимыми въ Моравіи отъ іерархіи нѣмецкой, признавая за собою только обязанность свято выполнять ту цѣль, для которой призваны они потрясшимъ и уничтожившимъ господство нѣмецкое въ Моравіи, княземъ Ростиславомъ?

Что сказать о томъ, будто-бы, замѣшательствѣ, по словамъ Гинцеля, какое могли бы произвести въ моравскомъ народѣ Кириллъ и Меѳодій введеніемъ славян. богослуженія, по обряду греческому, вмѣсто латинскаго, съ которымъ свыкся этотъ народъ? Мало надобно имѣть и уваженія къ читателямъ и совѣстливости исторической, чтобы ставить въ рядъ доказательствъ подобныя сужденія. Во а) трудно допустить быструю привычку въ народѣ къ тому, что совершается безъ всякаго съ его стороны участія, какъ вовсе для него непонятное, чуждое, и тѣмъ труднѣе, чѣмъ менѣе протекло времени отъ возникновенія самаго христіанства въ Моравіи. Не менѣе препятствія для привычки во б) предлагало и само духовенство латинское, съ обычнымъ взглядомъ на христіанство у славянъ, какъ на средство обогащенія и политическаго нѣмецкаго господства. Не даромъ же и жаловался на латинскихъ просвѣтителей Ростиславъ въ Царьградѣ. Но неразумность доказательства отъ привычки въ в) обнаруживается всего ярче изъ сопоставленія съ новизною: новизна эта состояла въ родномъ языкѣ, понятномъ

для каждаго простолюдина; а какая привычка къ чуждому, непонятному, принимаемому лишь безъ сознанія ухомъ какъ-бы ни была она продолжительна, въ состояніи устоять противъ подобной новизны? И исторія изъ дѣятельности тѣхъ-же солунскихъ братьевъ предлагаетъ самое убѣдительное свидѣтельство безсилія такой привычки: по словамъ неизвѣстнаго писателя объ обращеніи хорутанъ[83], архипресвитеръ нѣмецкій, Рихбальдъ, не имѣя силъ терпѣть (quod ille ferre non valens), какъ *весь народъ славянскій* въ Панноніи бросился къ славянской службѣ, по приходѣ туда Меѳодія, и покинулъ латинскую, удалился себѣ въ Зальцбургъ. Этого факта не слѣдовало бы забывать г. Гинцелю, равно и того, что въ Панноніи духовенство нѣмецкое имѣло возможность гораздо долѣе упражнять въ народѣ привычку къ латинской литургіи и несравненно свободнѣе дѣйствовать въ ней, чѣмъ въ Моравіи, гдѣ такъ враждебно стоялъ князь къ нѣмцамъ, гдѣ не много уваженія обнаружилъ онъ и къ духовенству нѣмецкому, гласно заявивши торжественнымъ посольствомъ въ Царьградѣ о его бездѣятельности и безполезности. Но, независимо отъ историческихъ данныхъ, столь несовмѣстныхъ съ подчиненіемъ Кирилла іерархіи латино-нѣмецкой, самый простой, здравый смыслъ не можетъ допустить и тѣни какого-либо начальническаго отношенія послѣдней къ первому. Неужели г. Гинцель и всѣ его единомышленники не замѣчаютъ, что, настаивая на іерархическомъ господствѣ пассавскаго епископа надъ Моравіей, въ періодъ дѣятельности тамъ Кирилла, они ставятъ Ростислава въ самое нелестное противорѣчіе самому себѣ, противорѣчіе, столь не согласное ни съ умомъ князя моравскаго,

---

[83] Копитаръ, Glagol. Cloz., стр. LXXV.

ни съ предпринятою имъ политикою, относительно нѣмцевъ вообще, ни, наконецъ, съ рѣшительнымъ его способомъ дѣйствія въ Константинополѣ? Развѣ не долженъ былъ предвидѣть Ростиславъ, что обращеніе его къ востоку и вызовъ оттуда проповѣдниковъ останутся безъ всякой пользы, какъ скоро допуститъ онъ вмѣшательство и вліяніе епископа нѣмецкаго? Князь моравскій, безъ сомнѣнія, потому и обратился къ Царьграду, потому и рѣшился искать тамъ наставниковъ въ вѣрѣ, что окончательно убѣдился во враждѣ латинскаго духовенства къ проповѣди и богослуженію на народномъ языкѣ, — въ противномъ случаѣ, не-зачѣмъ было бы и искать въ чуждой и далекой странѣ того, что, при содѣйствіи туземнаго духовенства, легко могло быть найдено у себя, дома. И едва-ли кто-нибудь изъ здраво-мыслящихъ католиковъ, принявши въ соображеніе эту сторону вопроса, не придетъ къ заключенію, хотя-бы только и въ умѣ, что фактъ призванія Кирилла и Меѳодія въ Моравію исключаетъ продолженіе тамъ прежней власти нѣмецкой епископіи, и на-оборотъ, что продолженіе послѣдней не совмѣстимо ни съ цѣлями вызова св. братьевъ, ни съ характеромъ ихъ дѣятельности.

Такой взглядъ на самостоятельное положеніе Кирилла всего лучше оправдывается и тѣми историческими фактами, которые, при всей ихъ дѣйствительности, отвергаются писателями католическими, положившими отрицать богослужебную дѣятельность Константина въ Моравіи и требующихъ непремѣннаго подчиненія его особеннымъ латинскимъ обычаямъ. Я имѣю въ виду извѣстіе о посвященіи въ Голумуцѣ церкви во имя св. Петра Кирилломъ, въ 863 году.

Извѣстіе это сохранилось отъ 1062 года, когда зашла рѣчь объ образованіи голомуцкаго епископства и когда потребова-

лись древнія грамматы о постройкѣ церквей моравскихъ. Тогда-то епископъ пражскій, Северъ, на обязанности котораго лежало это дѣло, получилъ ветхіе и временемъ попорченные уже документы, между которыми находился и слѣдующій, имъ переписанный и скрѣпленный печатью герцога моравскаго: Ratis dux tradidit in die consecrationis ecclesiae s. Petri in Olomutici per venerabilem fratrem Kyrillum omnes homines castelli et civitatis ad ripam usque Moraue fluvii [84]. Событіе это относится къ 863 году и записано, безъ сомнѣнія, очень скоро послѣ него, потому что Северъ упомянулъ объ этомъ документѣ, какъ о единственномъ памятникѣ о началѣ христіанства въ Моравіи до разоренія мадьярскаго: utpote pium et post vastationem Hungarorum unicum superstes monumentum christianitatis coeptae [85]. Отсюда очевидно, что Кириллъ не только служилъ, но даже освящалъ и церкви. Въ глазахъ западнаго ученаго, привыкшаго позднѣйшія нововведенія возводить въ положительный и общій законъ для глубокой древности и подчинять ему даже и тѣхъ, кто легко могъ обойтись безъ него и даже не справляться съ нимъ, въ глазахъ подобнаго ученаго, конечно, будетъ казаться недѣйствительнымъ, подложнымъ самый опредѣленный и точный историческій актъ, для выдумки котораго не представлялось никакой и цѣли, — и Гиппель [86] рѣшительно объявляетъ о невозможности этого событія, ссылаясь на то, что посвященіе церкви могло быть совершено *только* епископомъ, кѣмъ не былъ въ ту пору Константинъ. Докторъ Рачкій, для котораго, какъ для славянина, дорога память о солунскихъ братьяхъ, но который, въ свою

---

[84] Boczek, I, 32; Erben, стр. 14, № 32.

[85] Erben, 54, № 127.

[86] Стр. 41, прим. 2.

очередь, какъ ревностный поборникъ окатоличенія Кирилла и Меѳодія, точно также не въ силахъ разстаться съ мыслію о выполненіи ими всѣхъ случайныхъ, мѣстныхъ и временныхъ обычаевъ церкви западной, согласно съ Гинцелемъ, не допускаетъ посвященія Кирилломъ церкви голомуцкой, но, не желая и отвергать совершенно столь древняго и важнаго свидѣтельства о первой дѣятельности Кирилла въ Моравіи, позволяетъ себѣ объяснять, будто-бы, не необыкновенною въ средніе вѣка замѣною выраженія *benedictio* выраженіемъ *consecratio*, такъ что, по его мнѣнію, и въ актѣ, сохраненномъ епископомъ Северомъ, слѣдуетъ подъ *посвященіемъ* разумѣть лишь *благословеніе* [37]. Къ такимъ изумительнымъ и возмутительнымъ искаженіямъ очевидной истины можетъ приводить и дѣйствительно ученыхъ людей напередъ задуманная пристрастная мысль! А между тѣмъ, дѣло такъ ясно и необходимо, какъ скоро мы сойдемъ съ исключительной точки католицизма и взглянемъ на него простыми глазами. По цѣли, съ какою обратился Ростиславъ къ востоку и выпросилъ оттуда просвѣтителей, невозможно и думать, чтобы онъ стѣснялся латинскими епископами, особенно передъ 864 годомъ, когда успѣлъ онъ достигнуть полной независимости отъ нѣмцевъ; по образованію и воспитанію, по утвердившемуся отъ самаго дѣтства духу христіанства восточнаго съ его обычаями и обрядами въ Кириллѣ и Меѳодіи, тѣмъ менѣе основательно отвергать свободную дѣятельность ихъ въ Моравіи, чѣмъ нагляднѣе усматривали они независимость вызвавшаго ихъ князя. По духу же церкви греческой, посвященіе церкви вовсе не составляетъ исключительнаго права епископа и весьма обыкновенно совершается про-

[37] Рачкій, стр. 163.

стымъ священникомъ. Тѣмъ скорѣе слѣдовало ожидать примѣненія этого обычая въ Моравіи, гдѣ едва-ли остались епископы, по прибытіи Кирилла и Меѳодія, если они и были прежде, и къ которымъ, конечно, не рѣшился бы обратиться князь, неизбѣжно поставившій себя во враждебное къ нимъ отношеніе связями съ Цареградомъ и приглашеніемъ оттуда проповѣдниковъ. Нѣтъ, для насъ на столько-же было бы не понятно посвященіе церкви въ Моравіи, въ 863 — 64 годахъ, латинскимъ епископомъ, на сколько несомнѣнно и понятно желаніе, до усильныхъ натяжекъ, со стороны современныхъ писателей латинскихъ скрыть или заподозрить столь достовѣрный фактъ посвященія церкви Кирилломъ, потому что въ немъ вполнѣ наглядно обрисовывается характеръ дѣятельности солунскихъ братьевъ всецѣло въ духѣ греческой церкви, даже и въ такихъ случаяхъ, гдѣ обычаи ея противорѣчатъ обычаямъ церкви латинской. И этимъ фактомъ не можетъ не дорожить православный, какъ яркимъ свидѣтельствомъ сбереженія слав. просвѣтителями и на западѣ обычаевъ и обрядовъ восточныхъ, какъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ сохраненія ихъ ими и въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ исторія оставила не прямыя указанія, дающія поводъ противникамъ къ произвольнымъ и ложнымъ толкованіямъ, напр., о славян. богослуженіи Кирилла, наконецъ, какъ рѣшительнѣйшимъ опроверженіемъ католическихъ умствованій и свидѣтелемъ недобросовѣстности и злоумышленности новѣйшихъ писателей латинскихъ, положившихъ изъ корыстныхъ цѣлей представить Кирилла и Меѳодія міру ревностными поклонниками западнаго католицизма.

Какъ вообще въ событіяхъ историческихъ, многія явленія кажутся не понятными, не объяснимыми, доколѣ не открытъ ключъ къ ихъ уразумѣнію, не опредѣлены основанія, изъ ко-

торыхъ вытекали они, такъ точно и при ложномъ взглядѣ католиковъ на характеръ дѣятельности Кирилла и Меѳодія многія событія изъ ихъ жизни и подвиговъ, уцѣлѣвшія въ древнихъ памятникахъ, или оставляются въ сторонѣ не разрѣшенными, или отбрасываются, какъ недѣйствительныя, вымышленныя, или, наконецъ, толкуются самымъ натянутымъ, неестественнымъ, при множествѣ противорѣчій, способомъ единственно потому только, что не достаетъ нравственной силы отрѣшиться отъ ложнаго взгляда. Такъ, сей часъ видѣли мы, что и Гинцель и Рачкій отвергаютъ посвященіе Кирилломъ церкви св. Петра въ Голомуцѣ лишь потому, что имъ непремѣнно хочется и видѣть самимъ и увѣрить другихъ, будто солунскіе братья, прежде чѣмъ явились въ Моравію, уже неуклонно готовы были выполнять всѣ обряды католичества и всецѣло отрѣшились отъ востока. Отсюда, несомнѣнный фактъ исторіи однимъ заподозрѣнъ, какъ вымышленный, другимъ растолкованъ произвольно и неестественно. А между тѣмъ, та-же исторія, какъ нарочно, выставляетъ намъ другой подобный же фактъ, отрицать истину котораго придетъ въ голову опять только тому, кто упорно стоитъ на ложномъ началѣ, фактъ, который, при отсутствіи всѣхъ условій самой строгой критики для заподозрѣнія, служитъ непререкаемымъ доказательствомъ дѣйствительности и перваго для всякаго, кто смотритъ на дѣло безъ умышленной цѣли. Подъ тою-же грамматою епископа Севера, который, говоря мимоходомъ, будучи католикомъ, не могъ не знать также, что Кириллъ не былъ епископомъ и, однакоже, не выразилъ *ни малѣйшаго сомнѣнія* на-счетъ факта посвященія имъ церкви, находится приписка, по свидѣтельству ученаго декана, Ройка, никакъ не позднѣе XII в. (Lumír, 1853), слѣдующаго важнаго содержанія: consecrarunt hi sancti viri etiam capellam b.

Clementis in confiniis Moraviæ. Тотъ-же деканъ справедливо утверждаетъ, что эта капелла, на границахъ Моравіи, относится къ Литомышлю и основана, вѣроятно, въ 863 же году, во всякомъ случаѣ, не позже 867 года. Что церковь св. Климента въ Литомышли и въ позднѣйшее время приписывалась св. Кириллу, на это есть положительныя и старыя свидѣтельства. Такъ, въ грамматѣ городской литомышльской ратуши, 1416 года, которою обязуются граждане жертвовать ежегодно церкви св. Климента извѣстную сумму, говорится, что эта церковь— древнѣйшая въ чешской землѣ и освящена св. Кирилломъ и Мееодіемъ: wir Burgermeister und..... bekennen.... dass wir den Zinnszo 24 grosch der sant Clemens Kirchen unser Pfarre, *die die erst ist im Böhmerland geweyhet von heiligen sant Cyrillo und Methodio auslöszen.* Въ старыхъ директаряхъ литомышльской церкви находится, подъ 23 листопада, и указаніе, какъ должна праздноваться память св. папы и мученика Климента; при этомъ повторено снова свидѣтельство о слав. апостолахъ: hora octava missa cantata ob memoriam quod hicce Litomyslii a ss. Moraviæ apostolis Cyrillo et Methudio ex Moravia in Bohemiam transeuntibus et corpus s. Clementis deferentibus ecclesia honori ejusdem S. Clementis P. M. dicata fuerit[88]. И это, разумѣется, событіе должно отчислиться въ разрядъ сомнительныхъ такими историками церковными, каковы гг. Гинцель и Рачкій, хотя не въ силахъ представить они и тѣни доказательства, кромѣ предвзятаго предположенія, что латинское духовенство господствовало въ Моравіи и по приходѣ Кирилла и Мееодія, и что послѣдніе безусловно обязаны были повиноваться ему; по убѣжденію же всякаго, незараженнаго усп-

---

[88] См. Lumír, 1862, № 28, стр. 669.

ліемъ подвести исторически-дѣйствительный фактъ подъ напередъ задуманную цѣль, записанное извѣстіе подъ грамматою Севера, скрѣпленное позднѣйшими указаніями, имѣетъ всю силу несомнѣнности, будучи вполнѣ согласно съ дѣйствительнымъ положеніемъ Кирилла и Меѳодія въ Моравіи, а не съ придуманнымъ новѣйшими пропагандистами католичества.

Въ обоихъ указанныхъ фактахъ находимъ мы и положительное оправданіе словъ легенды моравской, что Кириллъ и Меѳодій не оставались на одномъ мѣстѣ, а разносили и лично ученіе свое по окрестнымъ селамъ и городамъ: unde quotidie cum fratre suo Methudio perlustrabat civitates, vicos et oppida, stillando in auribus infidelium verba vitae, docens populum per baptismum remissionem peccatorum percipere, nec eos aliter salvari posse veraciter proclamabat[89]. Напрасно Гинцель старается уничтожить услуги св. братьевъ и въ крещеніи моравскаго народа, такъ рѣшительно заявленные только-что приведеннымъ мѣстомъ легенды[90]; мы ничего не можемъ сказать противъ того, что моравскій народъ, говоря вообще, былъ уже крещенъ, и легенда итальянская, равно и паннонское житіе Кирилла вполнѣ справедливо влагаютъ въ уста пословъ Ростиславовыхъ въ Константинополѣ извѣстіе объ этомъ; но развѣ можно заключать отсюда о томъ, что на всемъ пространствѣ княжества моравскаго не оставалось уже язычниковъ? Не болѣе ли основанія будетъ непремѣнно утверждать существованіе язычества, когда мы сообразимъ, напр., хотя то обстоятельство, что цѣлое княжество нитранское сдѣлалось доступнымъ для успѣшной проповѣди лишь съ удаленіемъ Привины, что̀ случилось не раньше

---

89 Mähr. leg., стр. 19—20.

90 Гинцель, стр. 40, пр. 4.

830 года; а съ небольшимъ 30 лѣтъ крайне недостаточно для того, чтобы съ корнемъ истребить язычество во всей странѣ, даже и при томъ безцеремонномъ и формальномъ взглядѣ на обращеніе, какимъ отличались особенно въ земляхъ славянскихъ латино-нѣмецкіе миссіонеры.

Сводя въ общему итогу дѣятельность Кирилла и Меѳодія въ Моравіи, мы видимъ, что они занялись прежде всего обученіемъ славянской службѣ будущихъ служителей церкви, приготовляли сами средства для этой службы, въ переводѣ на славянскій языкъ необходимыхъ для богослуженія книгъ, освящали церкви, удалялись на проповѣдь въ отдаленныя отъ столицы мѣста и крестили остатки язычниковъ.

Изъ всѣхъ этихъ дѣйствій, понятно, сильнѣе всего должно было раздражаться духовенство латинское славянскимъ богослуженіемъ, безъ котораго не мыслима жизнь солунскихъ братьевъ въ Моравіи и о которомъ для безпристрастнаго критика достаточно убѣдительно говоритъ легенда моравская, въ слѣд. выраженіи: *in sclavonica lingua canonicas horas et missas in ecclesia Dei publice statuerunt decantare*[91], не менѣе и превозносимая Гинцелемъ легенда итальянская своими словами: coeperunt.... *officia ecclesiastica instruere*, какъ ни усиливается ея почитатель[92] объяснить ихъ по-мимо богослуженія. Латиники IX вѣка могли не обращать вниманія и оставаться совершенно равнодушными, еслибы, въ самомъ дѣлѣ, труженичество Кирилла и Меѳодія ограничивалось переводами и обученіемъ слав. грамотѣ; они могли быть вполнѣ увѣрены, что этимъ на-столько же не подорвется ихъ значеніе и не отни-

---

[91] Стр. 23.

[92] Гинцель, 41, пр. 10.

мется *десятина* и др. дани, на-сколько подобная дѣятельность не въ силахъ была коснуться массы народной. А что недовольство и злоба ихъ обращены были именно на введеніе слав. языка *въ службу*, тѣмъ, естественно, восточные проповѣдники не замедлили отторгнуть отъ нихъ весь народъ, лучшимъ доказательствомъ въ нашихъ глазахъ служитъ споръ братьевъ съ латинниками до отхода въ Римъ, споръ, въ которомъ не стѣсняются они клеймить послѣднихъ *треязычными еретиками*, указывая прямо на требованіе ими только трехъ языковъ въ богослуженіи — еврейскаго, греческаго и латинскаго. Удивительно, что ни Гиндель, ни Рачкій не обратили на это вниманія, а вѣдь трудно допустить, чтобы и латинское духовенство позволило себѣ возставать противъ перевода евангелія и другихъ церковныхъ книгъ на народный языкъ, если только не захотимъ обвинять его въ безправіи, беззаконіи и прямомъ неповиновеніи рѣшеніямъ недавнихъ соборовъ. Латинская церковь, въ концѣ VIII и въ началѣ IX столѣтія, весьма рѣшительно высказалась въ пользу проповѣдей, молитвъ и св. писанія на языкѣ народномъ, даже поставила это въ обязанность духовенству. Соборъ франкфуртскій, 794 года, говоритъ такъ: ut nullus credat, quod nonnisi tribus linguis Deus orandus sit; quia in omni lingua Deus adoratur et homo exauditur, si justa petierit[93]. Соборъ ахенскій, 802 года, рѣшаетъ также: ut fides catholica ab episcopis et presbyteris diligenter legatur, et omni populo praedicetur. Et dominicam orationem ipsi intelligant et omnibus praedicent intelligendam, ut quisque sciat, quod petat a Deo[94]; майнцкій соборъ 813 г.: Symbolum et

---

[93] Pertz, Mon. leg. I, 75, гл. 52.

[94] Тамъ-же, I, 100.

orationem dominicam discere semper admoneant sacerdotes populum christianum... Et qui aliter non potuerit, vel in sua lingua hoc discat [95]; въ томъ-же году, турскій соборъ опредѣлилъ: ut easdem (ss. Patrum) homilias quisque (sacerdos) aperte transferre studeat in rusticam romanam linguam aut theotiscam, quo facilius cuncti possint intelligere, quæ dicuntur [96]; наконецъ, соборъ ахенскій, 847 г., окончательно подтвердилъ всѣ эти постановленія [97]. Можно ли послѣ этого думать, чтобы западное духовенство позволило себѣ возставать, порицать и доносить на Кирилла и Меѳодія за то, что они *проповѣдывали* христіанство на народномъ языкѣ и переводили книги на него церковныя, не отправляя, однакоже, на немъ богослуженія? Между тѣмъ извѣстно, что то-же духовенство, съ отдаленныхъ временъ, жестоко противилось богослуженію на иномъ языкѣ, кромѣ трехъ пилатныхъ [98]. И ежели мы видимъ латинниковъ явно возставшими противъ славянскихъ просвѣтителей именно по поводу введеннаго ими слав. языка въ христіанство, положительно въ состояніи опредѣлить, что и вызовъ ихъ въ Римъ папою обязанъ былъ наиболѣе слухамъ и доносамъ по этому обстоятельству, то, ни мало не колеблясь, должны заявить, что Кириллъ и Меѳодій рѣшительно не отказывались, тотчасъ по приходѣ въ Моравію, начать и свое служеніе славянское.

Сводя къ общему итогу всѣ частныя замѣчанія, соображенія и выводы, касательно положенія страны, куда прибыли на проповѣдь Кириллъ и Меѳодій, и касательно ихъ первоначальной дѣятельности, мы замѣчаемъ: во 1) что въ политическомъ от-

95 Mansi, XIV, 72.

96 Тамъ-же, стр. 85.

97 Тамъ-же, стр. 903, глав. 2.

98 Срв. Рачкій, стр. 161.

ношеніи, Моравія заявила рѣшительное намѣреніе отторгнуться отъ нѣмецкаго преобладанія; согласно съ этимъ намѣреніемъ, возникли и войны между Ростиславомъ и императоромъ нѣмецкимъ, остановившіяся, передъ самымъ прибытіемъ св. братьевъ, на томъ, что моравское княжество, фактически, достигло совершенной независимости; во 2) что, рядомъ съ недовольствомъ на политическое господство нѣмцевъ, развилось и недовольство на іерархію латино-нѣмецкую, рѣшительно заявленное тѣмъ-же Ростиславомъ въ извѣстномъ посольствѣ его въ Константинополь, вслѣдъ за военными успѣхами, упрочившими самостоятельность политическую въ Моравіи. Такимъ образомъ, государственныя и церковныя цѣли точно такъ-же слились неразрывно въ политикѣ Ростислава, какъ постоянно сообща, въ средневѣковой исторіи, дѣйствовала сила мірская и духовная у нѣмцевъ, для порабощенія чуждыхъ, преимущественно славянскихъ народовъ. Легко послѣ этого понять, какъ непріязненно должно было смотрѣть духовенство нѣмецкое на прибывшихъ просвѣтителей изъ Византіи: вмѣстѣ съ утратою вліянія іерархическаго, а съ нимъ неразлучно и множества доходовъ, составлявшихъ для него если не высшій, то ни въ какомъ случаѣ и не низшій интересъ въ дѣлѣ обращенія народовъ въ христіанство, оно не могло не видѣть въ новыхъ просвѣтителяхъ-грекахъ и залога къ національной независимости славянской, издавна обратившей на себя завоевательные планы нѣмецкихъ сосѣдей и, въ значительной части областей, уже уничтоженной Карломъ великимъ и его преемниками. Естественно, что самый вызовъ и приходъ св. братьевъ заключалъ уже въ себѣ неизбѣжное сѣмя борьбы и вражды; надобно было только отыскать и заготовить почву, чтобы вѣрнѣе и надежнѣе ожидать успѣшнаго плода отъ этого сѣмени, — а почва была

уже приготовлена предшествующими вѣками: она состояла вообще въ установившемся различіи духа въ обѣихъ половинахъ церкви вселенской, въ различіи, какое только-что выступило наружу, и въ эти самыя минуты разрывало уже первобытное единство христіанской церкви; въ частности же, что непосредственнѣе относилось къ задачамъ трудовъ Кирилла и Меѳодія, обильный просторъ для такой почвы давало развившееся и упрочившееся отъ временъ апостольскихъ направленіе востока, подавленное и отвергнутое западомъ, направленіе, такъ положительно и отчетливо высказанное св. Кирилломъ въ возникшихъ, должно быть, немедленно по его приходѣ въ Моравію, спорахъ съ нѣмцами: *„мы же народь мьного знаемь, книгы оумѣюще и богоу славоу вьздающе кьждо своимь єзыкомь“*. Этимъ-то направленіемъ, тѣсно связаннымъ съ общимъ духомъ терпимости и уваженія ко всякой народности, чѣмъ успѣла уже не разъ въ жизни заявить себя церковь восточная, и становились славянскіе просвѣтители въ противоположность къ политикѣ латино-нѣмецкой, какъ мірской, такъ и духовной. Вызывая заклейменный на западѣ варварствомъ языкъ славянскій къ высшей жизни, возбуждая тѣмъ сознаніе народное и приводя славянъ, посредствомъ единаго роднаго языка въ вѣрѣ и литературѣ, къ мысли и объ объединеніи политическомъ, св. Кириллъ и Меѳодій разомъ, однимъ, такъ сказать, ударомъ подрывали и надежды нѣмцевъ на дальнѣйшій успѣхъ завоеваній государственныхъ, поражали и своекорыстное вліяніе іерархіи латино-нѣмецкой, служившей лишь помощницею первымъ; съ этимъ вмѣстѣ, раскрывали они и тѣ самовольныя уклоненія въ дѣлахъ вѣры, какія успѣли укорениться на западѣ, преимущественно на почвѣ нѣмецкой. И если государственной политикѣ нѣмцевъ невозможно было указывать на дѣятельность

новыхъ проповѣдниковъ, какъ на зло для цѣлей нѣмецко-государственныхъ, ежели ей оставалось гласно только вооружаться военнымъ образомъ противъ собирателя земель славянскихъ на западѣ, противъ Ростислава, то представители іерархіи латино-нѣмецкой, пользуясь обнаружившимися уже разногласіями въ церкви западной и восточной, считали себя, по-крайней-мѣрѣ, формально, въ-правѣ начать процесъ противъ смѣлыхъ нарушителей обычаевъ латинства, и тѣмъ скорѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ очевиднѣе нарушенія высказывались въ пользу сдѣлавшейся уже имъ ненавистною церкви восточной. Но подобный процессъ не могъ предвѣщать никакого успѣха для епископіи пассавской, при отсутствіи силы матеріальной, не собранной еще государствомъ нѣмецкимъ, послѣ недавнихъ неудачныхъ походовъ на Моравію, и при политической самостоятельности Ростислава, могшаго лишь радоваться святому выполненію его плановъ приглашенными съ востока вѣроучителями и считавшаго, конечно, обязанностью защищать и поддерживать ихъ противъ зловреднаго народу самоуправства латинской епископіи. Оставалось одно средство втянуть въ процессъ папу, только-что признаннаго на западѣ главою церкви и уже доказавшаго тамъ всесильное свое могущество, — и его авторитетомъ выиграть побѣду надъ пришлыми греками, возстановить снова потрясенное и утраченное господство надъ церковью моравскою, а черезъ это продолжать дѣйствовать по прежнему и на пользу политическаго порабощенія нѣмцамъ народа славянскаго. Здѣсь только лежитъ поводъ обращенія нѣмцевъ съ жалобами и доносами на Кирилла и Меѳодія къ папѣ, въ этомъ только заключается и единственная причина и побужденіе первыхъ сношеній св. братьевъ съ Римомъ, что и постараемся мы доказать въ слѣдующемъ отдѣлѣ, равно опредѣлимъ и самый характеръ сношеній.

В. Въ какомъ видѣ представляются сношенія Кирилла и Меѳодія съ папою, и отразились ли въ этихъ сношеніяхъ какіе-либо слѣды ново-устанавливавшихся отношеній церковныхъ между востокомъ и западомъ.

Изъ предшествующаго обозрѣнія читатель легко увидитъ, что самый вопросъ о сношеніяхъ солунскихъ братьевъ съ Римомъ принадлежитъ уже къ позднѣйшему акту жизни ихъ и дѣятельности, слѣдовательно, къ такой порѣ, когда и понятія, и взгляды и убѣжденія ихъ получили ту крѣпость, устойчивость и рѣшительность, какія не легко колеблятся и въ виду рѣзко бросающейся въ глаза недѣйствительности ихъ или ошибочности. А мы разсмотрѣли уже положеніе Кирилла и Меѳодія въ Моравіи въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ тамошней дѣятельности ихъ, замѣтили, что вынесенныя ими убѣжденія съ востока сильно столкнулись съ установившимися обычаями и понятіями запада, и увидѣли, что, не взирая на общность тамъ послѣднихъ, на видимую законность и каноничность ихъ, св. братья остались ревностными блюстителями порядковъ греческой церкви и не только не обнаружили и тѣни той всепокорной преданности папѣ, какая обусловлена уже была на западѣ признаніемъ его главою церкви вселенской, видимымъ намѣстникомъ Спасителя, но и во весь довольно продолжительный срокъ, при возникшихъ явственно несогласіяхъ, до враж-

дебнссти, съ высшимъ духовенствомъ нѣмецкимъ, не отнеслись къ нему ни устно, ни письменно, продолжая дѣйствовать по воспитаннымъ на родинѣ убѣжденіямъ, въ связи съ волею князя мѣстнаго, сходившеюся вполнѣ съ ихъ долговременною практикою проповѣдничества на востокѣ и, безъ-сомнѣнія, съ наставленіями, полученными въ Константинополѣ, сущность которыхъ такъ явственно выражена императоромъ Михаиломъ въ посланіи къ князьямъ моравскимъ, по случаю отправленія къ нимъ св. братьевъ: *„да и вы причтетеся великыхъ языцѣхъ, иже славятъ б҃а своимъ языкомъ“* (Житіе Кирилла).

Едва-ли можно сомнѣваться, что съ тѣмъ-же характеромъ продолжалась бы жизнь ихъ въ Моравіи и послѣ, и кончилась бы однимъ возможнымъ концомъ, такимъ, какой послѣдовалъ въ Болгаріи, какимъ завершалась личная проповѣдь Кирилла и Меѳодія на отдаленномъ востокѣ, какой приносило ученіе ихъ, въ славянскомъ переводѣ, среди сербовъ и русскихъ, и какой высказался въ переворотѣ у хорватовъ, какъ увидимъ на своемъ мѣстѣ, какъ-скоро проникло и къ нимъ богослуженіе на понятномъ родномъ языкѣ, т. е. отстраненіемъ отъ запада и присоединеніемъ къ востоку, другими словами — тѣмъ православіемъ греко-восточнымъ, въ какомъ родились, воспитались и образовались сами первоучителя славянскіе, какое разносили они непросвѣщеннымъ народамъ и какое точно высказано въ жизни и трудахъ Кириллова друга, патріарха Фотія. Но Моравія слишкомъ далеко врѣзалась въ западъ, слишкомъ давно допустила впутать себя въ завоевательную политику нѣмцевъ и, съ первыхъ минутъ христіанства, вошла въ составъ церковной области римской. Отстраниться отъ запада, приблизиться къ востоку было для нея тѣмъ труднѣе, чѣмъ зорче слѣдило за нею вниманіе правительства нѣмецкаго и чѣмъ ме-

не способна была отказаться отъ нея пропаганда римская, привыкшая уже видѣть въ Моравіи не только край завоеванный, но и твердый сторожевой постъ, изъ котораго удобно расширять завоеванія и дальше на востокъ. Первые годы дѣятельности Кирилла и Меѳодія, характеръ ихъ проповѣди и обращенія не могли не смутить первосвященника римскаго опасностью выпустить изъ своихъ рукъ эту важную область, а установившіяся, къ этой именно порѣ, враждебныя отношенія къ Византіи не могли не заставить его принять самыхъ дѣятельныхъ мѣръ, чтобы новые проповѣдники не сдѣлались орудіемъ окончательнаго присоединенія Моравіи къ востоку. При независимомъ положеніи князя, рѣшившагося безъ всякихъ сношеній съ Римомъ обратиться по дѣламъ вѣры въ Константинополь, при вліятельной постановкѣ Кирилла и Меѳодія въ церкви греческой, въ которой родились и выросли они, для успѣховъ которой посвятили и жизнь свою, невозможно было папѣ, сразу, выступить противъ нововведеній въ Моравіи съ тѣмъ диктаторскимъ тономъ, какой только-что удалось упрочить за собою въ областяхъ отдаленнаго запада Николаю. Подобнымъ тономъ скорѣе можно было повредить дѣлу, заставить князя высказаться положительнѣе и изъ темныхъ, неопредѣленныхъ отношеній ввести его въ явную вражду и гласную отторженность,—и властолюбивый до деспотизма Николай рѣшается ограничиться только вызовомъ славянскихъ просвѣтителей въ Римъ, чтобы тамъ, въ центрѣ своего незаконнаго величія, испытать виновниковъ опасности и пріискать болѣе вѣрныя и надежныя средства удержать за собою Моравію, а если удастся, то сдѣлать ихъ и орудіемъ дальнѣйшаго расширенія своей власти.

Западнымъ писателямъ обыкновенно очень трудно бываетъ обойдти вопросъ о вызовѣ папою св. братьевъ, они не въ си-

лахъ скрыть странности сопоставленія, съ одной стороны, безусловной, по ихъ увѣреніямъ, покорности Кирилла и Меѳодія Риму, съ другой—самостоятельности дѣйствій ихъ въ Моравіи, вопреки даже обычаямъ римскимъ, невниманія ихъ къ высшей іерархіи католическо-нѣмецкой и до того отдаленности и отчужденности отъ престола римскаго, въ теченіе слишкомъ трехъ лѣтъ проповѣди въ Моравіи, что, наконецъ, самъ папа принужденъ дать знать имъ о себѣ особымъ приглашеніемъ, вѣроятнѣе всего, *повелѣніемъ* явиться въ столицу, и, очевидно, на испытаніе, а не на благословеніе ихъ и не для благодарности за совершенные ими великіе подвиги. Понимая эту неловкость и не желая давать поводъ, даже и для поверхностнаго наблюдателя, къ упрекамъ Кирилла и Меѳодія въ странной непослѣдовательности, они, католическіе писатели, *придумали* весьма простое средство — увѣреніе, что вызовъ папскій произошелъ лишь въ отвѣтъ на покорнѣйшее посланіе святѣйшему отцу отъ обоихъ братьевъ, посланіе, въ которомъ, конечно, не замедлили они изобразить доселѣшнюю дѣятельность свою, представить *совершеннѣйшее согласіе свое въ вѣроученіи съ римскою церковью, выразить свое почтеніе къ апостольскому престолу* и увѣдомить объ открытіи мощей св. Климента[1]. Напрасно стали бы мы искать источника и историче-

---

[1] Вотъ въ подлинникѣ слова Гинцеля: ohne Zweifel unterliessen die Brüder nicht, im eigenen Namen an den Papst zu schreiben, demselben ihre bisherige Wirksamkeit zu schildern, ihren mit der römischen Kirche vollkommen übereinstimmenden Glauben darzulegen, ihrer Verehrung gegen den apostolischen Stuhl Ausdruck und Kunde von dem durch Konstantin aufgefundenen Schatze der Reliquien des h. Clemens zu geben. Gesch. der slav. Apostel, стр. 44, прим. 3.

скихъ основаній для столь положительнаго увѣренія: оно до того есть плодъ чисто произвольныхъ католическихъ соображеній, что даже другой знакомый намъ авторъ, котораго нельзя также упрекнуть въ недостаткѣ фантастическихъ доказательствъ, въ пользу интересовъ церкви латинской, позволилъ себѣ положительность Гинцеля замѣнить лишь вѣроятностью, не больше: *nije nevjerovatno, da se sami blagovjestnici i knez Rastic pismeno obratiše na papu*[2]. Въ какой степени легко, на основаніи извѣстной уже намъ жизни Кирилла и Меѳодія въ Моравіи, допустить и вѣроятность, предоставляемъ судить читателю, а сами обратимся къ извѣстіямъ историческимъ, и посмотримъ, какъ они изображаютъ намъ первое столкновеніе св. братьевъ съ Римомъ и какія предлагаютъ побужденія для путешествія ихъ въ столицу папскую.

Въ то время, какъ ни одинъ изъ источниковъ не даетъ и тѣни повода предполагать о какомъ-либо намѣреніи св. братьевъ отнестись къ Риму, вотъ какія находимъ мы свѣдѣнія, касательно побужденій ихъ выдти изъ Моравіи въ Италію.

Въ житіи Константина встрѣчаемъ мы два упоминанія: одно указываетъ, какъ-бы мимоходомъ, лишь на цѣль, безъ малѣйшаго намека на какой-либо вызовъ; именно, сказавши о времени, проведенномъ св. мужемъ въ Моравіи, оно присоединяетъ: *и иде стити оучнкъ своихъ*; другое относится уже къ выходу Константина изъ Венеціи и выражено такъ: *оувѣдѣвъ же римскыи папежь, посла по него*[3]. Въ Меѳодіевомъ

---

[2] Рачкій, Viek i djelov., стр. 204, прим. 4.

[3] Житіе Константина, стр. 25, 27, по изд. проф. Бодянскаго, въ «Чтеніяхъ общ. истор. и древ. рос.», 1863, кн. 2. Отсюда, при указаніяхъ на житіе Константина, мы постоянно будемъ ссылаться на это изданіе, какъ на болѣе исправное, но, къ сожалѣнію, полу-

житіи, читаемъ то-же самое, только съ прибавленіемъ имени папы: *оувѣдѣвъ же такого моужа апостоликъ никола, посла по ня, желая видѣти я, яко ангела божіа*[4]. Изъ однихъ этихъ свидѣтельствъ вывести положительное заключеніе, какъ очевидно, не легко; выраженіе, что Кириллъ отправился *посвящать учениковъ своихъ*, скорѣе говоритъ въ пользу личнаго его желанія посѣтить Римъ, въ силу необходимости сообщить право ученикамъ своимъ на священно-служеніе; два другія, напротивъ, выставляя инниціативу путешествія Кирилла и Меѳодія въ Римъ со стороны папы, не опредѣляютъ ни мало цѣли вызова, побужденій для желанія *апостолика* видѣть славянскихъ просвѣтителей. Не мудрено, такимъ образомъ, что писатели католическіе, довольствующіеся всякою неопредѣленностью, лишь-бы можно было согласить ее съ предвзятыми соображеніями, остановились на этихъ свидѣтельствахъ и вывели заключеніе — одинъ о несомнѣнности, другой о вѣроятности письма къ папѣ; Гинцель даже прямо рѣшаетъ походъ св. братьевъ изъ цѣлей Ростислава пріобрѣсти въ Кириллѣ и Меѳодіи независимыхъ отъ нѣмецкой іерархіи епископовъ, не стѣсняясь, по обыкновенію, включить, при этомъ, и оскорбительную для памяти св. просвѣтителей завѣтную мысль свою, что послѣдніе тѣмъ скорѣе предприняли путешествіе, чѣмъ сильнѣе чувствовалось ими *отвращеніе отъ схизматическаго настроенія въ Константинополѣ* (Abscheu gegen das schismatische Treiben in Constantinopel)[5]. Подобный выводъ особенно замѣчателенъ въ сочиненіи Гинцеля, потому что

ченное нами, когда значительная часть нашего труда была уже отпечатана.

[4] Шафарикъ, стр. 4, § VI.

[5] Гинцель, тамъ-же.

извлеченъ онъ изъ паннонскихъ житій, которыя, какъ уже извѣстно намъ, онъ едва не сопоставляетъ съ баснями и отвергаетъ рѣшительно историческое ихъ достоинство; а между тѣмъ источники, полагаемые имъ въ основаніе дѣйствительности свѣдѣній о жизни и трудахъ апостоловъ славянскихъ, именно — итальянская и моравская легенды, должны бы, кажется, удержать его отъ довѣрія къ первымъ, потому что извѣстія въ нихъ по этому вопросу и отличнѣе отъ житій паннонскихъ и опредѣленнѣе.

Вотъ что читаемъ мы въ итальянской легендѣ: his omnibus auditis (т. е. о проповѣдничествѣ св. братьевъ въ Моравіи и о славянскихъ книгахъ для богослуженія), papa gloriosissimus Nicolaus, valde laetus super his, *quae sibi ex hoc relata fuerant* redditus, *mandavit et ad se venire illos litteris apostolicis invitavit* [6]. Оставляя пока въ сторонѣ изъясненіе характера радости папы, мы видимъ въ приводенныхъ словахъ, во а) что папѣ было подробно донесено о дѣятельности Кирилла и Меѳодія въ Моравіи, во б) что, на основаніи этихъ донесеній, онъ особеннымъ письмомъ приказалъ явиться имъ въ Римъ. Здѣсь, слѣдовательно, не только нѣтъ указанія на какое-либо обращеніе прежде самихъ солунскихъ братьевъ къ Риму, а, на-оборотъ, прямо свидѣтельствуется, что дошедшіе до папы слухи, извѣстія, были единственнымъ для него побужденіемъ потребовать ихъ къ себѣ. Опущенная въ этихъ словахъ цѣль требованія отчасти выражена въ другой легендѣ, моравской, которая, въ настоящемъ случаѣ, тѣмъ замѣчательнѣе и важнѣе, что сопоставляетъ папскую радость съ неудовольствіемъ; такъ читаемъ въ легендѣ моравской: his omnibus auditis papa Nicolaus laetus factus super his, quae sibi relata

[6] Acta sanctor., томъ II, 1658, подъ 9 марта, § 8.

fuerant, scilicet de conversione gentis Bulgarorum et Moraviae, et de reliquiis inventis s. Clementis. *Mirabatur autem ex alia parte, quomodo ausi fuissent sacerdotes Domini, Cyrillus et Methudius, horas canonicas in slavonico psallendo statuere idiomate. Quapropter mandavit per litteras apostolicas illos ad se Romam venire* [1].

Сближая между собою указанныя извѣстія, не возможно удержаться отъ слѣдующихъ заключеній: а) что во всѣхъ нихъ приглашеніе или требованіе папы является общимъ дѣломъ и при томъ первымъ и единственнымъ побужденіемъ для похода св. братьевъ въ Римъ; поставленное въ текстѣ житія Константинова выраженіе: *и иде стит҃ъ оучн҃къ своихъ,* не будучи связано ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ, представляется лишь отрывочнымъ результатомъ того, что, *между прочимъ только,* совершилось въ столицѣ западной, въ бытность тамъ Кирилла; этотъ результатъ, схваченный одинъ изъ многихъ, только особенно обратилъ на себя вниманіе автора житія, писавшаго уже по смерти Кирилла и интересовавшагося, конечно, больше тѣмъ, что сдѣлано въ Римѣ, по видамъ и цѣлямъ св. братьевъ, а не мелочными наблюденіями и справками о папскихъ основаніяхъ вызова, какія невольно занимаютъ насъ, благодаря произвольнымъ и ложнымъ толкованіямъ католиковъ. Въ другомъ мѣстѣ, которое привели мы, тотъ-же авторъ прямо свидѣтельствуетъ о вызовѣ папою Николаемъ, подобно житію Меѳодіевому, не думая, разумѣется, что это извѣстіе будетъ современемъ уликою несправедливостей латинниковъ, а выставляя его, какъ дѣйствительный фактъ. И какъ жизнеописатель Кирилловъ остановился на результатѣ посвященія въ Римѣ учениковъ, такъ точно біографъ епископа Кли-

[1] Mähris. Legende, стр. 24, § 6.

мента упомянулъ, передъ повѣствованіемъ объ отходѣ солунцевъ изъ Моравіи, о другомъ важнѣйшемъ предметѣ, составлявшемъ задачу ихъ дѣятельности, о признаніи и объ освященіи папою славянскихъ книгъ: *τρέχουσι καὶ αὐτοὶ πρὸς τὸν Ῥώμης, τῷ μακαρίῳ πάπᾳ τὸ ἔργον τῆς ἑρμηνείας τῶν γραφῶν ἐμφανίσοντες*[8]. Не споримъ, что такая цѣль могла быть у Кирилла и Меѳодія, но только у нихъ, въ силу папскаго вызова, и опредѣлилась такая цѣль лишь въ-слѣдствіе особаго характера этого вызова, потому-что б) по рѣшительному заявленію легенды моравской, дворъ римскій былъ удивленъ дерзостью апостоловъ славянскихъ, задумавшихъ, безъ вѣдома папы, ввести богослуженіе славянское. Надобно было, такимъ образомъ, изслѣдовать дѣло, остановить нововведеніе и наказать виновныхъ, если-бы они оказались непокорными; вызовъ, слѣдовательно, былъ необходимъ. Со стороны получившихъ же вызовъ, предстала нужда доказать двору римскому, что предпринятое ими дѣло въ Моравіи не заслуживаетъ упрека, показать самыя книги, что въ нихъ, кромѣ чистыхъ христіанскихъ истинъ, нѣтъ ничего предосудительнаго. Эта ближайшая цѣль вызова, объясняясь извѣстнымъ уже намъ положеніемъ Кирилла и Меѳодія въ Моравіи, какъ грековъ, среди враждебной и безсильной мѣстной іерархіи латино-нѣмецкой, всецѣло оправдывается и большинствомъ недовольныхъ на славянскую службу въ Римѣ, уже въ бытность тамъ обоихъ братьевъ, какъ говоритъ житіе Меѳодієво: „бѣхоу же етера многа чадь, иже хоулмахоу словеньскыя книгы, глаголюще: яко не достоитъ никоторому же языкоу имѣти боуковъ сихъ, развѣ евреи и грекъ и латинъ"; оправдывается и всею послѣдующею исторіею сношеній Меѳо-

---

[8] Vita s. Clementis, Miklos., стр. 3, т. е. спѣшатъ и сами въ Римъ, чтобы показать блаженному папѣ дѣло перевода писанія.

дія съ дворомъ римскимъ, въ которыхъ славянская служба съ ученіемъ восточнымъ составляетъ главный предметъ и камень преткновенія для противорѣчивыхъ распоряженій папскихъ.

Но въ легендѣ итальянской говорится только о радости первосвященника римскаго и умалчивается о недовольствѣ его на славянскія книги и службу. Чтобы уяснить эту радость, слѣдуетъ опредѣлить точнѣе время вызова и прибытія въ Римъ Кирилла и Меѳодія и сопоставить его съ отношеніями римскаго двора, въ эти минуты, къ Византіи и Болгаріи: тогда раскроется передъ нами вмѣстѣ причина и неопредѣленности извѣстія о вызовѣ въ житіяхъ паннонскихъ и въ легендѣ итальянской.

Время вызова точно опредѣляется лицемъ, отъ котораго вышелъ онъ, и лицемъ, которое приняло въ Римѣ Кирилла и Меѳодія. Первое было папа Николай, о чемъ единогласно говорятъ всѣ источники: — и житія паннонскія и легенды латинскія; второе — папа Адріанъ, смѣнившій на папскомъ престолѣ Николая и избранный 14 декабря, 867 года. Такъ-какъ Николай скончался 13 ноября этого-же года, то ясно, что вызовъ не могъ быть позже осени 867 года, потому что нѣкоторыя свидѣтельства не скрываютъ быстроты, съ какою отправились Кириллъ и Меѳодій, по полученіи папскаго приглашенія. Такъ, по моравской легендѣ, св. братья: *mox* iter aggressi applicuerunt Romam [9]; легенда же итальянская, повторяя это извѣстіе, дополняетъ: sicque, *post aliquot dies* Romam applicuerant [10]. Хотя эти *нѣсколько дней* и должны превратиться въ нѣсколько недѣль, потому-что ранѣе 14 декабря не былъ еще папою принимавшій Кирилла и Меѳодія

[9] Стр. 25.

[10] § 8.

Адріанъ, тѣмъ не менѣе, неоспоримо немедленное путешествіе, вслѣдъ за вызовомъ, который, по тому самому, долженъ былъ послѣдовать тѣмъ болѣе не за-долго до смерти Николая, чѣмъ значительнѣе промежутокъ времени до замѣщенія его Адріаномъ. Едва-ли этотъ вызовъ не былъ однимъ изъ самыхъ послѣднихъ распоряженій непреклоннаго врага Фотіева.

А мы знаемъ уже, какъ велика была степень раздраженія Николая противъ востока, передъ самою кончиною; мы разсмотрѣли уже, какъ константинопольскій соборъ, въ маѣ мѣсяцѣ, 867 года, обнаружившій рѣзко отступленія церкви западной, возставшій единодушно противъ беззаконнаго присвоенія верховной власти папою, отлучилъ его отъ церкви и предалъ проклятію; видѣли, какъ и подѣйствовало скорое извѣстіе обо всемъ этомъ на Николая, возбудивши его къ немедленному приготовленію собора въ Римѣ и къ призыву всего западнаго духовенства подробно опровергнуть тѣ обвиненія, въ какихъ укоряла латинскую церковь греческая; самый императоръ и другіе правители свѣтскіе были приглашаемы поддержать духовенство. Не забудемъ, что въ числѣ обвиненій было и роковое *filioque*, въ пользу котораго лежала обязанность представить сильныя возраженія особенно на нѣмецкомъ духовенствѣ, такъ-какъ въ его средѣ всюду упрочилась и получила историческую давность эта прибавка. А между тѣмъ, по сосѣдству съ нѣмцами, въ ихъ собственной епархіи, *въ эти самыя минуты* торжественно отвергалось filioque, какъ преступное, письменами и устами прибывшихъ изъ Греціи славянскихъ благовѣстниковъ. Придумывать доказательства и настаивать, отъ имени всей западной церкви, слѣдовательно, и главы ея, на томъ, что рѣшительно не соблюдается и противъ чего съ такимъ огромнымъ успѣхомъ протестуется въ ближайшей же об-

ласти, входящей также въ составъ запада и подчиненной одинаково вѣдомству того-же папы, было крайне не ловко; противорѣчіе было слишкомъ очевидно, устранить его предстояла настоятельнѣйшая нужда, — и нѣмецкое высшее духовенство, уже испытавшее неудачу въ спорахъ съ Кирилломъ и Меѳодіемъ и замѣтившее безсиліе свое, тѣмъ съ большею, конечно, надеждою на успѣхъ обратилось къ Риму, что самъ его первосвященникъ имѣлъ личную надобность подавить или, по крайней мѣрѣ, прикрыть столь практическое признаніе обвиненія въ его-же территоріи. Слухи, безъ сомнѣнія, доходили до Николая и прежде, въ теченіе слишкомъ трехлѣтняго ученія и богослуженія славянскихъ апостоловъ въ Моравіи, о несогласіяхъ ихъ съ духовенствомъ нѣмецкимъ и объ уклоненіяхъ отъ нововведеній латинскихъ; но папа молчалъ или потому, что считалъ это дѣло слишкомъ не значительнымъ, сравнительно съ тѣми вопросами, какіе поднялъ онъ на западѣ и на востокѣ, или, быть можетъ, и потому, что не вполнѣ доволенъ былъ іерархами нѣмецкими, въ Пассавѣ и Зальцбургѣ, не обнаруживавшими особенно раболѣпной пріязненности къ Риму ни прежде этого, ни послѣ; но оставаться невнимательнымъ къ слухамъ и, навѣрное, къ нѣмецкимъ доносамъ теперь, когда, независимо отъ ученія восточной церкви объ исхожденіи Св. Духа, онъ могъ предполагать въ славянскихъ проповѣдникахъ вѣрное орудіе Фотія и въ другихъ отношеніяхъ, было уже невозможно, — и Николай долженъ былъ принять свои мѣры. Здѣсь находится и одна изъ побудительныхъ причинъ ихъ призыва въ Римъ, что такъ наглядно подтверждается и временемъ. Только въ началѣ октября отправлено посланіе папское къ нѣмецкому духовенству, съ изложеніемъ обвиненій Фотіевыхъ и съ требованіемъ приготовить возраженія; только въ октябрѣ или

въ началѣ ноября могъ быть отправленъ и вызовъ Кириллу и Меѳодію, потому что только въ такомъ случаѣ, при извѣстной поспѣшности ихъ отъѣзда, могли они прибыть въ Римъ при Адріанѣ.

Но къ осени 867 года, созрѣла уже и другая причина ухватиться за Кирилла и Меѳодія. Болгарія, неотступными своими предложеніями, просьбами и требованіями прислать особаго архіепископа, видимо обнаруживала намѣреніе устроить у себя независимую іерархію, вопреки лестнымъ надеждамъ, какія питалъ дворъ римскій. Каждое посольство отъ Бориса-Михаила, которыя были такъ часты, свидѣтельствовало убѣдительно о непрочности верховной власти Рима надъ новообратившеюся страною; потеря ея казалась тѣмъ неизбѣжнѣе, что и удовлетвореніе желаніямъ князя, — посвященіе ему любимаго человѣка въ архіепископы, и отказъ вели къ одному результату, къ независимости іерархіи болгарской, въ-слѣдствіе удобности достигнуть желаемаго съ другой стороны, со стороны Византіи, и сосѣдней, и дружественной, въ ту пору, и родственной. Но чѣмъ упорнѣе думалъ настоять на своемъ, безъ потери, властолюбивый Николай, тѣмъ усиленнѣе долженъ былъ обратиться къ моравскимъ проповѣдникамъ. Въ Римѣ не могло не быть извѣстно участіе обоихъ братьевъ въ обращеніи къ христіанству и болгарскаго князя и болгарскаго народа; легенда моравская, какъ видѣли мы, говоритъ прямо о полученныхъ папою на этотъ счетъ свѣдѣніяхъ: his omnibus auditis papa Nicolaus, *scilicet de conversione gentis Bulgarorum et Moraviæ*[1]...., то-же самое сообщаютъ и церковныя чтенія о св. Кириллѣ и Меѳодіи: beatus Cyrillus, natione graecus tam la-

---

[1] Стр. 24, § 6.

tinis, quam ipsis graecorum apicibus instructus, *postquam Vulgari crediderunt, aggressus est..... etiam genti Moraviæ fidem Domini.... praedicare*[12]. О любви болгаръ къ славянскимъ проповѣдникамъ, объ уваженіи, какое оставили они по себѣ въ Болгаріи, папа легко могъ судить по значенію и вліянію ихъ въ Моравіи, о чемъ, конечно, не упустилъ случая собрать надлежащія извѣстія. Привлечь, такимъ образомъ, вліятельныхъ людей къ себѣ и обратить дѣятельность ихъ на пользу цѣлей римскихъ тѣмъ болѣе было важно, что и шаткость покорности и подчиненности самой Моравіи и возникшія, въ это время, дружескія ея сношенія съ сосѣднею Болгаріей грозили утратою и другой обширной области.

Въ самомъ дѣлѣ, Моравія, обращеніемъ могущественнаго князя своего, Ростислава, по вопросамъ религіи, къ Константинополю, самостоятельность, съ какою держали себя греческіе проповѣдники, относительно церковнаго начальства латино-нѣмецкаго, должны были заставить власть римскую подумать серьезно о положеніи этой страны, особенно, когда интересы церковные совпали съ личными интересами обоихъ враждующихъ представителей западной и восточной церкви. Войдти въ ближайшія отношенія съ Кирилломъ и Меѳодіемъ, узнать ихъ направленіе, цѣли и характеръ, если возможно, сдѣлать ихъ орудіемъ двора римскаго, предоставивъ имъ управленіе епархіею моравской, — вотъ, казалось, лучшее средство удержать Моравію отъ окончательнаго соединенія съ востокомъ. Поспѣшность и осторожность были необходимы: напряженность вражды къ Византіи была слишкомъ велика, точки отдѣленія высказались слишкомъ ясно и положительно, особенно на послѣднемъ

---

[12] Lectiones ecclesiasticæ de sanctis Cyrillo et Methodio. Acta sanct., II, стр. 24, подъ 9 марта.

соборѣ въ Константинополѣ, чтобы не могли подмѣтить и міряне, къ какой сторонѣ принадлежатъ они болѣе, по развившимся уже у нихъ догматамъ и обрядамъ церковнымъ; рѣзкость и самовластность дѣйствія могли скорѣе повредить, въ виду спора за самое право самовластія и при добытой независимости государственной въ Моравіи. Ловкій и умный Николай понялъ ясно, что упускать это единственное средство, если не для побѣды и дальнѣйшихъ завоеваній, то для сохраненія прежняго достоянія, значило проститься на-всегда не только съ Болгаріей, но и съ Моравіей. И ухватился онъ за него тѣмъ съ большимъ жаромъ, чѣмъ раздраженнѣе было положеніе его, подъ проклятіемъ восточнымъ и подъ настоятельнымъ требованіемъ болгарскаго боярина Петра, прибывшаго въ Римъ, къ осени того-же, роковаго для Николая, 867 года, дать непремѣнно Болгаріи своего архіепископа. Въ умѣ своемъ Николай уже соображалъ легкую возможность порѣшить удачно посредствомъ Кирилла и Меѳодія и утомившія его притязанія болгарскія, — и вполнѣ естественна въ немъ, вмѣстѣ съ удивленіемъ и недовольствомъ на службу славянскую, и радость за успѣхи проповѣди св. братьевъ и за пріобрѣтенныя ими расположенность и вліяніе среди славянскихъ народовъ, радость, о которой свидѣтельствуютъ обѣ латинскія легенды.

И такъ, съ одной стороны, необходимость устранить изъ своей области противодѣйствія латинскимъ нововведеніямъ, осужденнымъ соборно въ Византіи и поддерживавшимся на западѣ, съ другой — желаніе воспользоваться популярностью св. Кирилла и Меѳодія, между славянами, для удержанія за собою сильно пошатнувшейся къ востоку Моравіи, а черезъ нее и Болгаріи, въ минуты, когда въ этомъ заключалось единственное средство, — вотъ, что заставило гордаго Николая сблизиться съ

проповѣдниками славянскими. Но неужели нельзя было обойтись и безъ вызова ихъ въ Римъ; неужели папѣ не достаточно было простою буллою предписать способъ дѣйствія Кириллу и Меѳодію? Тутъ-то и лежитъ вся *суть* вопроса, такъ явственно выдѣляющая солунскихъ братьевъ изъ разряда покорныхъ письменнымъ повелѣніямъ Рима духовныхъ запада. Булла папская точно такъ-же не ручалась за повиновеніе ея предписаніямъ не служить *по-славянски* и не опускать обычнаго *filioque*, какъ оставались безъ послѣдствія всѣ споры и угрозы епископовъ нѣмецкихъ; еще менѣе было возможности выразить въ ней съ успѣхомъ соображенія и цѣли политическо-административныя на-счетъ приуроченія Болгаріи и Моравіи къ патріархату римскому. Подобные вопросы привыкъ и не Римъ одинъ рѣшать словесно, съ глазу на глазъ; въ настоящемъ случаѣ, такой способъ былъ тѣмъ требовательнѣе, что Кириллъ и Меѳодій были греки, питомцы Византіи и близкіе люди къ другу Фотіеву, императору Михаилу, да и къ самому Фотію. Присутствіе ихъ въ Римѣ папа могъ обратить въ свою пользу даже и тогда, когда-бы личныя совѣщанія его съ ними оказались безуспѣшными и они остались бы непреклонными въ томъ направленіи, прекращеніе какого было желательно для Рима: Николай весьма способенъ былъ задержать св. братьевъ въ столицѣ и не пускать снова въ Моравію.

Вмѣстѣ съ Гинцелемъ[13], мы жалѣемъ, что до насъ не дошло пригласительное посланіе папы Николая; въ-слѣдствіе потери его, дѣйствительно, приходится судить о содержаніи и тонѣ его болѣе по соображеніямъ; согласны, что оно въ состояніи было вполнѣ освѣтить эту темную эпоху въ жизни святыхъ солунскихъ братьевъ. Но ни въ какомъ случаѣ, и

[13] Gesch. d. slav. Apost., стр. 45, прим. 1.

основаніи соображеній характера и всей предыдущей жизни Николая, не можемъ принять предположеній ученаго католика, будто это посланіе подтвердило бы его произвольные выводы о взглядѣ Кирилла и Меѳодія на папу и Римъ. Сказаннаго нами, надѣемся, достаточно, чтобы считать за положительно вѣрное, что инниціатива сношеній съ Римомъ исходила отъ самаго папы, и что цѣль вызова обусловливалась исключительно его личными разсчетами. Еще болѣе, для правильной оцѣнки политики Николая, можно жалѣть о томъ, что судьба не свела вызванныхъ съ вызвавшимъ: Николай умеръ за нѣсколько недѣль до прихода Кирилла и Меѳодія, а въ эти нѣсколько недѣль произошелъ тотъ переворотъ въ Византіи, который необходимо долженъ былъ отразиться на отношеніяхъ Рима къ востоку, а съ этимъ вмѣстѣ и на взглядѣ и на пріемѣ новымъ папою св. братьевъ, а также и на распоряженіяхъ его относительно дальнѣйшаго ихъ назначенія: спеціальныя цѣли и задачи не могли не потерпѣть измѣненія какъ отъ перемѣны лица, такъ не менѣе и отъ переворота въ политикѣ,—и дѣлать, слѣдовательно, заключеніе отъ поведенія съ Кирилломъ и Меѳодіемъ папы Адріана къ подобному же обращенію съ ними его предшественника было бы крайне несправедливо. Напротивъ, принимая во вниманіе крутой, надменный и властолюбивый нравъ Николая, его окончательный разрывъ съ востокомъ и пламенное чувство вражды и мести за личное оскорбленіе, гораздо скорѣе можно ручаться за совершенно иныя послѣдствія. Этому-то обстоятельству, перемѣнѣ лицъ и политики, мы, конечно, и обязаны закрытостью и неопредѣленностью источниковъ, касательно тона, характера и частностей, сопровождавшихъ вызовъ св. братьевъ въ Римъ: весьма естественно, что результаты оказались далеко не соотвѣтствующими

тѣмъ ожиданіямъ, какія возлагались на этотъ вызовъ, какъ врагами Кирилла и Меѳодія, такъ и ихъ друзьями и учениками. Во всякомъ случаѣ, готовность нести въ Римъ книги и показать ихъ папѣ, разумѣется, съ цѣлью доказать ихъ правовѣрность, даютъ достаточный поводъ думать, что приглашеніе въ Римъ не чуждо было и требованія къ отвѣту, къ суду. Это предположеніе, въ глазахъ безпристрастнаго судьи, можетъ возвыситься до степени положительной увѣренности, если онъ сообразитъ, что, съ небольшимъ за годъ, Николай выражался передъ Борисомъ болгарскимъ о необходимости скрывать отъ мірскихъ людей церковную службу: *nam saeculares tale quid habere non convenit*, замѣтилъ папа de codice missae, подъ которымъ разумѣлся весь составъ нашего служебника и требника; а за нѣсколько недѣль до вызова поручалъ своему духовенству защищать противъ Фотія *filioque*[14].

До сихъ поръ, такимъ образомъ, мы не замѣчаемъ ни малѣйшей особенной наклонности къ Риму и его духовной главѣ, со стороны Кирилла и Меѳодія; они остаются все тѣмиже, какими вышли изъ Царяграда и, конечно, за непреклонную-то твердость къ обычаямъ и постановленіямъ родной своей церкви и были витребованы въ столицу западнаго міра. Не считаемъ нужнымъ опровергать возраженіе тѣхъ, кто въ самомъ повиновеніи приглашенію, въ самомъ походѣ въ Римъ думаетъ видѣть доказательство признанія верховной власти папы надъ всею церковью; полагаемъ, что для опроверженія подобнаго возраженія достаточно сказано и прежде[15]. Од-

---

[14] Срв. Малышевскаго: «отношеніе Руси къ церкви римской». Труды кіев. дух. акад., 1863, февраль, стр. 109.

[15] Спб. вѣдом., 1863, № 135, 137; срв. Макарія, Ист. Христ. церк. въ Россіи. Спб. 1846, стр. 210.

но еще можно бы сдѣлать замѣчаніе: это—касательно похода Кирилла и Меѳодія въ Римъ тогда, какъ востокъ такъ рѣзко осудилъ его ученіе, и къ лицу, которое предано было проклятію Фотіемъ. Но стоитъ лишь сопоставить время, чтобы не признавать за подобнымъ замѣчаніемъ какой-либо важности. Осужденіе и проклятіе совершилось только въ концѣ мая, а въ глухую осень мы видимъ уже обоихъ братьевъ на пути. Сомнительно крайне, чтобы они со всею подробностью знали объ этомъ событіи; можно даже думать, что они и вовсе еще не слыхали о немъ, познакомившись съ нимъ, вѣроятно, уже въ Римѣ. Самъ Николай, при всемъ вниманіи своемъ къ Константинополю, при всемъ удобствѣ и всѣхъ средствахъ получить быстрыя извѣстія, узналъ о послѣдствіяхъ собора лишь къ осени. Замѣчательно, впрочемъ, что во всѣхъ сношеніяхъ Рима и его епископовъ съ солунцами нѣтъ и малѣйшаго намека на церковныя распри представителей церквей западной и восточной,— и Кириллъ и Меѳодій спокойно могли относиться къ Риму съ подобающимъ ему почтеніемъ, какъ-только къ первопрестольной столицѣ и къ средоточію высшей администраціи надъ тою областью, въ которую судьба поставила ихъ проповѣдниками.

Но взглянемъ на жизнь св. братьевъ въ Римѣ и на ихъ отношенія тамъ къ западу вообще и къ папѣ въ особенности. Встрѣча ихъ папою была торжественна: онъ, съ католическимъ крестомъ, вышелъ самъ въ церковной процессіи за городъ. Впрочемъ, и житіе Кирилла, и легенды латинскія и біографъ Климентовъ объясняютъ положительно такое участіе и торжественность мощами св. Климента, папы римскаго, открытыми Кирилломъ и несенными имъ съ собою въ Римъ[16].

---

[16] По житію Кирилла: изиде самъ аплинъ андріанъ противꙋ емоу съ всѣми гражаны и свѣща несꙋще, ꙋвѣдѣвше, яко несетъ

Здѣсь славянскія книги не только были одобрены первосвященникомъ, но самъ онъ положилъ ихъ на алтарь въ церкви св. Маріи, по житію Кирилла, и на алтарь св. Петра, по Меѳодіеву, отслужилъ надъ ними литургію, дозволилъ и славянское богослуженіе, отрядивши на помощь Кириллу одного изъ епископовъ-кардиналовъ[17]; въ это же, вѣроятнѣе всего, время посвященъ былъ въ священники и Меѳодій, а также посвящены въ священники и діаконы, приведенные и приготовленные къ славянской службѣ св. братьями, и ихъ ученики „и свѧти ѡтъ оученикъ словенескъ три попы и два анагноста“[18]; „тогда же сопутствовавшихъ святымъ, имѣвшихъ достаточныя свѣдѣнія въ письменности славянской, возвелъ (папа) частію въ священники, частію въ діаконы, частію въ поддіаконы“[19].

Откуда эта неожиданная перемѣна въ понятіяхъ римлянъ о варварскомъ языкѣ въ богослуженіи и въ переводѣ св. писанія? Что за переворотъ съ папою, не только освящающимъ

мощи стго Климента. Чтен. общ., стр. 27. Adrianus..., audiens, quod praefatus philosophus corpus B. Clementis.... secum deferret, valde nimis exhilaratus est et extra urbem cum clero et populo procedens obviam illis honorifice satis eos recepit. Act. sanct., § 9. Почти дословно то-же находится и въ морав. легендѣ, стр. 25, § 6; Адріанъ..., пораженный издали громомъ славы святыхъ, пожелалъ видѣть и молнію благодати, какая находилась у нихъ; взявши духовенство, вышелъ на-встрѣчу святымъ, имѣя передъ собою по обычаю крестъ... Miklos., Vita s. Clem., стр. 3.

[17] Въ житіи Кирилловомъ говорится только объ одномъ изъ семи епископовъ (Арсеніи); но, по всѣмъ соображеніямъ, подъ семью должно разумѣть епископовъ-кардиналовъ. См. Москвит., 1843, стр. 423, прим. 22.

[18] Житіе Меѳодія, Шафар., стр. 4.

[19] Vita Clem., стр. 4.

славянскій переводъ, но и сообразующимся съ знаніями этого перевода, при посвященіи прибывшихъ съ Кирилломъ и Мееодіемъ? Неужели вѣрный послѣдователь политики Николая, такъ недавно заявившаго представителю другаго славянскаго народа, болгарскаго, рѣшительный свой голосъ противъ туземнаго языка въ дѣлѣ богослуженія, этотъ *Nicolaitanus*, какъ прозвали Адріана за неуклонность его отъ предначертанныхъ плановъ предшественника, не остановился прежде съ особеннымъ вниманіемъ на подобной отверженной новизнѣ западомъ и, безъ изслѣдованія, одобрилъ и освятилъ ее? Не могло, конечно, этого быть, — и, какъ ни темно, но извѣстные намъ источники даютъ полное право считать за несомнѣнное предварительное изслѣдованіе.

Не говоря уже о томъ, что *удивленіе* двора римскаго къ *дерзости* солунцевъ входило въ мотивы Николая вызвать ихъ въ Римъ, мы замѣчаемъ, изъ житія Мееодіева, что и здѣсь, уже при Адріанѣ, продолжалось не одно удивленіе, а и порицаніе: *бяхоу же етера многа чядь, яже хоуляхоу словеньскыя книгы;* видно, что поднятъ былъ и вопросъ, и въ немъ принималъ участіе самъ папа, потому что то-же житіе свидѣтельствуетъ, что порицающихъ *апостоликъ пилатны и трезычникы нарокъ, проклятъ.* Легенда же моравская, по странному опредѣленію судьбы, хотя составлена и латинникомъ и съ полнымъ благоговѣніемъ къ Риму и его представителю, будучи вообще наивно и неумышленно подробна въ повѣствованіи о дѣйствіяхъ римлянъ, быть можетъ, не всегда безъ цѣли скрытыхъ и запутанныхъ въ другихъ источникахъ, — эта легенда, первымъ дѣломъ, послѣ погребенія мощей св. Климента, выставляетъ слѣдствіе, весьма похожее на судъ, по предмету славянскихъ книгъ: *apostolicus vero et reliqui rectores ecclesiæ corripiebant s.*

Cyrillum, cur ausus fuerit canonicas horas in slavonica lingua statuere et in hoc sanctorum Patrum statuta immutare[20]. За этимъ идетъ подробное описаніе извѣстной защиты св. Кирилломъ своего подвига, основанной и на здравомъ, чуждомъ упорныхъ предразсудковъ, разумѣ и на ясныхъ и знакомыхъ мѣстахъ св. писанія. Результатомъ этой защиты было и слѣд. опредѣленіе, безъ дальнѣйшихъ возраженій: illi (apostolicus et rectores ecclesiæ) audientes et admirantes tanti viri industriam et fidem, *studiosa deliberatione praehabita*, statuerunt supradicto sermone *in illis partibus*, quas b. Cyrillus Deo acquisierat et sicut statuerat, *canonicas horas cum missarum solemniis ita debere deinceps celebrare*[21]. Житіе Кирилла и легенда итальянская, какъ-будто намѣренно, совершенно обошли этотъ предметъ молчаніемъ; и только первое, въ знаменательной предсмертной молитвѣ описываемаго святаго, сопоставленіемъ прошенія его къ Богу погубить, на-ряду съ безбожною и поганскою, языческою злобою, и *ересь* треязычную, даетъ основаніе предполагать, что и въ Римѣ не былъ свободенъ Кириллъ отъ несправедливыхъ и грѣшныхъ порицаній латинниковъ за введеніе новаго языка.

Только послѣ этого рѣшенія, составленнаго высшею іерархіею римскою, возможно было и то поведеніе папы, относительно славянскихъ книгъ и посвященія учениковъ, о какомъ мы только-что сказали. Но изъ какихъ побужденій рѣшился Римъ высказать такое опредѣленіе? Въ защитѣ св. Кирилла ученые латиняне не услышали, конечно, ничего, что бы не было

---

[20] § 7, стр. 30.

[21] Тамъ-же, стр. 31—32.

имъ также хорошо извѣстно и прежде: приводившіяся въ ней извлеченія изъ свящ. книгъ — самыя обыкновенныя, какъ и основанія изъ здраваго разума самыя простыя. Было бы крайне изумительно, да для церкви римской и оскорбительно, если-бы римляне только по этимъ основаніямъ вдругъ признали несправедливость *постановленій св. отцевъ*, обвиненіемъ въ нарушеніи, будто-бы, которыхъ начали они такъ грозно допросъ Кириллу. Что-нибудь одно: или такихъ постановленій отъ св. отцевъ не было въ церкви римской, или папа съ кардиналами оказались через мѣру не свѣдущими въ св. писаніи и весьма недалекими умственно, если обыкновенныя истины писанія и простыя разсужденія частнаго человѣка такъ быстро заставили ихъ отбросить святые каноны. Но постановленія уже сложились и дѣйствительно существовали, хотя и безъ вліянія *святыхъ* отцевъ, потому что римская церковь твердо руководилась ими прежде, не допуская иного языка въ богослуженіи, кромѣ латинскаго и греческаго, непоколебимо держалась и во всѣ послѣдующіе вѣка, держится и до настоящихъ дней; еще менѣе позволительно предполагать умственную слабость высшихъ іерарховъ римскихъ; довольно имѣть передъ глазами самаго Адріана, которому нельзя отказать ни въ твердости воли, ни въ изворотливости и силѣ ума. Должна быть, такимъ образомъ, иная причина снисходительности латинской къ языку славянскому, и чрезвычайно важная, чтобы вынудить эту снисходительность отъ *поклонниковъ Николая*, вопреки общественному мнѣнію, заявленному и устами епископовъ нѣмецкихъ и духовенствомъ венеціанскимъ, препиравшимся съ Кирилломъ, во время путешествія его через Венецію въ Италію, и *многочисленною* римскою чадью, вопреки и затвердѣвшей практикѣ въ церкви латинской. Что же эта за причина?

Въ приведенномъ опредѣленіи читаемъ, что св. отцы, по внимательномъ обсужденіи отвѣта Кирилла, согласились на славянскую службу *лишь въ тѣхъ краяхъ*, какіе пріобрѣлъ последній для Бога, слѣдовательно, только въ Моравіи. Кажется, слишкомъ убѣдительно и ясно, что только изложенныя нами выше соображенія о значеніи моравской области и въ состояніи были склонить іерарховъ въ пользу допущенія слав. книгъ. Слѣдовательно, опредѣленіе составлялось вовсе не изъ убѣжденій въ справедливости, не по дѣйствительному согласію съ доводами Кирилла, а по побужденіямъ стороннимъ, далекимъ отъ видовъ истинной пользы христіанства, по личнымъ выгодамъ администраторовъ церковныхъ. Уже ограниченіе опредѣленія мелкою мѣстностью наглядно свидѣтельствуетъ, что въ немъ заключалась мѣра временная, что это была лишь уступка необходимости, правда, насущей, но случайной: перемѣнятся обстоятельства, — отмѣнится и самое опредѣленіе, и Моравія опять войдетъ въ общій резервуаръ латинской миссіи. Результаты соображеній на-счетъ Моравіи и Болгаріи поддерживались и усиливались еще болѣе новыми отношеніями къ Византіи. Первые два года правленія Адріана, 868 — 869, были именно годы, когда возобновились дружественныя связи съ востокомъ, когда все предвѣщало прекращеніе начавшихся несогласій и когда Римъ могъ спокойно торжествовать близкую и окончательную побѣду. Намъ уже извѣстно, что къ концу 867 года, вмѣсто Михаила, сидѣлъ на престолѣ императорскомъ Василій, вмѣсто Фотія занималъ патріаршество Игнатій; мы разсмотрѣли, какъ тотчасъ-же, за этимъ переворотомъ, начались взаимныя посольства между дворомъ византійскимъ и римскимъ, отличавшіяся общею готовностью возстановить нарушенный было миръ и соборомъ прекратить всѣ бывшіе поводы къ несогласіямъ; знаемъ,

что, въ октябрѣ 869 года, дѣйствительно, и открылись засѣданія собора. А въ эти-то именно годы и проживали въ Римѣ Кириллъ и Меѳодій. Не удовлетворить, слѣдовательно, ихъ представленіямъ и разсужденіямъ, относительно права славянъ на туземный языкъ въ дѣлахъ церкви, значило — ввести новый элементъ раздоровъ въ отношенія къ востоку, считавшему всегда закономъ покровительствовать, въ этомъ отношеніи, народности.

Это явныя побужденія для римскаго двора; но нельзя отрицать и другихъ, сокрытыхъ отъ насъ, о дѣйствительности которыхъ однакоже можно судить, по стеченію времени и сближенію лицъ. Если Кириллъ и Меѳодій, въ частныхъ переговорахъ своихъ съ прелатами римскими и съ самимъ папою, не скрывали того, что успѣхами проповѣди своей среди различныхъ народовъ обязаны они прежде всего общей доступности этой проповѣди, туземному языку, на которомъ проповѣдывали и который всего болѣе привлекалъ народъ[22], то и прибывшій изъ Болгаріи Формозъ, съ новымъ посольствомъ отъ Бориса Михаила, не въ состояніи былъ также утаить ширившагося предпочтенія среди подданныхъ болгарскихъ къ славянскому богослуженію, безъ сомнѣнія, не замедлившему проникнуть и къ нимъ изъ Моравіи, по непосредственному сосѣдству послѣдней, на среднемъ Дунаѣ и Тисѣ, гдѣ сосредо-

---

[22] Срв. слѣд. выраженіе въ Lectiones ecclesiasticæ, почему-то опущенное въ легендахъ латинскихъ, хотя и предыдущія и последующія мысли общи всѣмъ тремъ источникамъ: sed omnino idiotas et ignaros viarum Domini reperiens, solum hoc ingenium, omnipotenti Deo cordi meo inspirante comperi: per quod etiam multos Deo acquisivi, т. е. посредствомъ туземнаго языка. Acta sanctor., тамъ-же, стр. 24, § 3.

точивалась сѣверо-западная граница царства болгарскаго[23]. Въ свою очередь, болгары не могли забыть и того уваженія къ ихъ языку, какое оказывали и прежде греки, до появленія среди нихъ латинскихъ священниковъ, и тѣмъ съ большимъ неудовольствіемъ и негодованіемъ должны были смотрѣть на нетерпимость къ нему послѣднихъ. Римъ убѣдился ясно, что тамъ трудно, да и невозможно, по крайней мѣрѣ разомъ, безъ существенной потери для себя, провести исключительный латинизмъ, гдѣ благопріятныя обстоятельства прежде дали уже почувствовать и понять всю прелесть и превосходство народнаго языка.

Такимъ образомъ, первое столкновеніе св. братьевъ съ епископомъ римскимъ ознаменовалось ярко выступившимъ своекорыстіемъ послѣдняго, обычною политикою дѣлать уступки лишь по необходимости, когда только при ихъ помощи можно сохранить свое господство. Подобная политика, чуждая сознанія правды и заботливости объ истинныхъ интересахъ христіанской вѣры, не могла, конечно, скрыться отъ проницательнаго ума св. Кирилла и должна была болѣзненно отозваться въ его глубоко-религіозномъ сердцѣ. Не благоговѣніе къ римскому престолу, не признаніе непогрѣшимости и безусловной справедливости папы должны были послѣ этого наполнять его душу, какъ стараются то навязать читателю писатели католическіе, а скорѣе рѣшительное неодобреніе его образа мыслей, увѣренность въ нечистотѣ источниковъ его и боязнь, что, подъ такимъ вліяніемъ, не устоитъ святое дѣло ихъ, что рано или поздно падетъ оно и просвѣщенная ими паства сдѣлается снова добычею корыстолюбиваго нѣмецко-латинскаго духовенства. И

[23] Письма объ ист. серб. и болгаръ, 1855, стр. 91—95.

дѣйствительно, въ то время, какъ ни малѣйшаго намека не встрѣчаемъ мы въ Кириллѣ на какое-либо благопріятное чувство къ Риму, тѣмъ менѣе на доказательство того благоговѣнія, о какомъ съ жаромъ распространяются нынѣшніе католики, его предсмертная рѣчь, сохраненная въ жизнеописаніи паннонскомъ, открыто и убѣдительно обнаруживаетъ въ немъ вѣрнаго и ревностнаго слугу Византіи и ея императора, служить которымъ составляло его задачу до послѣдняго издыханія; ставитъ его прямо въ число недовольныхъ западомъ и неувѣренныхъ въ твердости рѣшенія папскаго: не смотря на дозволеніе славянскихъ книгъ, Кириллъ, тѣмъ не менѣе, считаетъ обязанностью молить Бога о погубленіи *ереси треязычниковъ*, помѣщая ее рядомъ съ язычествомъ и безбожіемъ; наконецъ, завершается настоятельными увѣщаніями брату, Мееодію, продолжать дѣйствовать, согласно съ тѣми началами, какимъ слѣдовали они вмѣстѣ, продолжать, не взирая на препятствія и трудности, какія предвидѣлъ онъ впереди.

Кириллъ скончался, какъ намъ извѣстно уже, простымъ монахомъ, въ Римѣ, не дождавшись никакого рѣшенія относительно іерархическаго переустройства въ Моравіи. Опредѣленіе года смерти его и выводъ отсюда о количествѣ времени, проведеннаго имъ въ Римѣ, долженъ служить новымъ доказательствомъ, какъ осторожно дѣйствовалъ папа, какъ выжидалъ онъ случая увернуться отъ дозволенія и какъ, наконецъ, уступилъ, не видя иного средства сберечь обширныя земли славянскія за римскимъ престоломъ.

Въ послѣднее время, признано почти всѣми изслѣдователями жизни солунскихъ братьевъ, что Кириллъ скончался въ 869 году, какъ опредѣленно отмѣчено объ этомъ и въ паннонскомъ житіи Кирилла: „и тако почи о г҃ѣ, бывъ лѣтъ четыре-

десят и два, въ четвертыи надесят днь мца феврyарia, въ инди" в҃ ѿ твари всего мира в лѣто ѕ҃т҃о҃з [24]. Свидѣтельство хиландарскаго жизнеописанія, указывающаго на 868 годъ, отвергнуто, какъ несостоятельное, авторомъ статьи: „о св. Кириллѣ и Меѳодіи“ [25], на основаніи слѣдующихъ соображеній: день кончины, 14 февраля, не можетъ подлежать сомнѣнію, такъ-какъ его выставляютъ не только житія, даже и хиландарское, но и мѣсяцесловъ, остромирово евангеліе и другіе древнѣйшіе латинскіе памятники; время же прихода св. братьевъ въ Римъ не могло быть раньше 14 декабря 867 года, какъ показано выше; едва-ли даже не слѣдуетъ отнести его и на нѣсколько недѣль позже 14 декабря, прибавимъ мы отъ себя, потому что житія представляютъ Адріана уже какъ вполнѣ установившагося папу, безъ малѣйшаго намека на недавнее его избраніе. Во всякомъ случаѣ, если принять и конецъ декабря, хотя бы 25 число, срокомъ прибытія Кирилла и Меѳодія, то до 14 февраля выйдетъ всего не болѣе 50 дней; а между тѣмъ, по описанію въ житіяхъ, Кириллъ былъ боленъ въ Римѣ *многи дни* и за *50 дней* до кончины облекся въ иноческій санъ. Ясно, что — или приходится прибавить цѣлый годъ, чтобы удержать день смерти 14 февраля, или допустить, что Кириллъ не принималъ никакого участія въ дѣлахъ, по которымъ явился въ папскую столицу, а только проболѣлъ, принялъ монашество и скончался. Но и изъ сказаннаго нами видно, что, напротивъ, Кириллъ принималъ живое участіе въ рѣшеніи вопроса о славянскомъ богослуженіи и дождался окончательнаго приговора отъ папы. Слѣдовательно, надобно признать 869 годъ, и тѣмъ скорѣе, что

---

[24] Чтенія Общ. ист. и др., стр. 29.

[25] Москвитянинъ. 1843, кн. VI, стр. 425, прим. 24.

онъ же указанъ и въ житіи паннонскомъ. Соображенія весьма достаточны, чтобы отбросить 868 годъ, какъ ошибочный; ихъ и приняли отечественные писатели, какъ преосв. Макарій и Филаретъ, Бодянскій, Платоновъ и др.[26]. Независимо отъ опредѣленія въ русской литературѣ такого года смерти Кирилла, и на западѣ нашли невозможнымъ поддерживать свидѣтельство житія хиландарскаго. Ученый нѣмецъ, Дюммлеръ[27], вмѣстѣ съ сопоставленіемъ времени болѣзни Кирилловой и жизни его въ монашествѣ съ срокомъ прихода въ Римъ, доказываетъ дѣйствительность 869 года и словами Анастасія библіотекаря, который подробно передаетъ о слушателяхъ, собиравшихся въ Римѣ къ Кириллу, и о наставленіяхъ, какія послѣдній *имѣлъ обыкновеніе (solitus erat)* дѣлать о трудахъ Діонисія Ареопагита. Все это указываетъ на отчетливое знаніе римлянами Кирилла и на составившееся мнѣніе о пользѣ, какую можно извлечь изъ бесѣдъ его, — что, конечно, требовало гораздо болѣе времени, нежели 50 дней, и притомъ проведенныхъ въ болѣзни и, по случаю принятія монашества, всего вѣроятнѣе, въ уединеніи. Положеніе Дюммлера принято и Штульцемъ и Рачкимъ[28]. Но не такъ легко соображенія эти могли подѣйствовать на Гинцеля; онъ остался непреклоненъ въ убѣжденіи (?) своемъ, что Кириллъ скончался въ 868 году и, слѣдовательно, прожилъ въ Римѣ не болѣе двухъ

---

[26] Ист. Хр. церк. въ Россіи, 1846, стр. 207, прим. 214; Кириллъ и Меѳод., славян. просвѣтители, Чтен. общ. 1846, кн. 4, стр. 8 и прим. 18; О времени происхож. слав. письменъ, стр. 362; Жизнь и подвиги первоучит. слав., стр. 50.

[27] Archiv, XIII 181.

[28] Život sv. Cyril. a Meth., стр. 83; Vjek i djelov., стр. 227.

мѣсяцевъ [29]. Изъ словъ его, предложенныхъ, какъ-будто, въ доказательство справедливости, въ дѣйствительности, однакоже, ничего не доказывающихъ, можно угадать и цѣль упорства противъ столь очевидныхъ и рѣшительныхъ соображеній: es erscheint ganz unglaublich, говоритъ Гинцель, dass sie (Cyr. und Meth.) bei der Dringlichkeit, mit welcher Rastislav ihre Weihe betrieb, über ein volles Jahr in Rom Zwecklos sollten zugebracht haben (т. е. невѣроятно, чтобы они, при настоятельствѣ, съ какимъ Ростиславъ спѣшилъ съ ихъ посвященіемъ, провели *безцѣльно* въ Римѣ больше цѣлаго года). Цѣль эта заключается въ томъ, чтобы показать полную готовность папы удовлетворить искательству славянъ и самого Кирилла, какъ скоро съ этимъ связанъ успѣхъ христіанства, *хотя бы удовлетвореніе и не соотвѣтствовало обычной практикѣ въ церкви римской*: папа такъ ревностно ухватился за представленіе св. братьевъ и князя моравскаго, что не далъ и *осмотрѣться* въ Римѣ Кириллу, посвятивъ его, будто бы, тотчасъ-же въ епископы моравскіе. Тогда какъ, во-первыхъ, ничѣмъ нельзя подтвердить, чтобы Ростиславъ чѣмъ-нибудь отнесся къ престолу папскому, въ походъ Кирилла въ Римъ, во-вторыхъ, и самъ Кириллъ не только не помышлялъ о епископствѣ, но, какъ знаемъ мы, рѣшительно отвергнулъ предложеніе сего сана папою. Кромѣ того, г. Гинцель удивительно не послѣдователенъ, когда въ настоящемъ случаѣ, столь важномъ, совершенно устраняетъ политическіе разсчеты, которыми такъ не рѣдко объясняетъ онъ распоряженія римскія, на пр., относительно Болгаріи и другихъ дѣлъ: мы старались показать, до какой степени *безцѣльна* была жизнь въ Римѣ Кирилла, выдержавшаго упреки и порицанія за свое святое дѣло и от-

[29] Gesch. d. Slav. Apost., стр. 49 — 50, прим. 2.

ставившаго его передъ всею римскою консисторіей. Правда, и въ посвященіи Кирилла въ епископы, Гинцель не отказывается приписать Адріану виды политическіе [30]; но онъ забываетъ, что послѣдніе тѣмъ болѣе требуютъ осторожности въ распоряженіяхъ: не узнавши людей, опасно дѣлать ихъ орудіемъ личныхъ разсчетовъ. Нѣтъ, какъ всюду и всегда, такъ и въ этомъ вопросѣ, церковь римская не прежде согласилась отступить отъ своихъ обычаевъ, какъ „изучивши основанія, на которыхъ опирались св. братья въ желаніи устроить самостоятельность моравской церкви, основанія, касательно перевода богослужебныхъ книгъ, касательно церковнаго употребленія языка, тѣмъ болѣе, касательно способностей и правовѣрія самихъ первоучителей, чего, заключаетъ Рачкій, никакъ нельзя было сдѣлать въ столь короткое время“ [31]. Но можно указать г. Гинцелю и еще на одно обстоятельство, также противорѣчащее 868 году и тѣмъ не оспоримѣе, что время его засвидѣтельствовано латинскимъ писателемъ, которому безусловно вѣритъ авторъ „исторіи славянскихъ апостоловъ“. Обстоятельство это относится къ епископу Формозу. По житію Кирилла, папа приказалъ двоимъ епископамъ святить славянскихъ учениковъ, именно — Формозу и Гаудерику [32]. Это происходило еще при жизни Кирилла, чего не отрицаетъ и Гинцель. Но епископъ Формозъ, при вступленіи папы Адріана на престолъ, находился въ Болгаріи, и Анастасій библіотекарь, который говоритъ объ этомъ, ни однимъ

[30] Стр. 47, прим. 6.

[31] Стр. 228.

[32] И по семь повелѣ папежь двѣмас епк҇пωма, формосу и гоирьдиху ст҇ити словѣньскыѧ ученикы. Чтен., стр. 28. Что Гоирдихъ, вѣроятнѣе всего, есть Гаудерихъ, срв. Москвит., 1843, стр. 422, прим. 22.

звукомъ не даетъ замѣтить, чтобы Формозъ собирался изъ Болгаріи, или чтобы его ожидали на западѣ [33]. Прибылъ Формозъ въ Римъ съ извѣстнымъ посольствомъ болгарскимъ, при которомъ находился и родственникъ князя, бояринъ Петръ. Посольство же это могло явиться въ западную столицу никакъ не раньше половины 868 года, хотя могло явиться и значительно позже. Какъ-же бы Формозъ засталъ, въ такомъ случаѣ, Кирилла, если-бы послѣдній умеръ 14 февраля 868 года?

Такимъ образомъ, не два только мѣсяца, а слишкомъ годъ прожилъ Кириллъ въ Римѣ, и прожилъ вовсе не безцѣльно, потому что, не смотря на *защиту* своего дѣла и на совѣты и убѣжденія, не смотря на состоявшееся позволеніе папское, онъ все-таки не дождался устройства іерархіи моравской, такъ-какъ посвященіе Кирилла въ епископы не оправдывается ровно ничѣмъ, а смерть его простымъ монахомъ подтверждается всѣми достовѣрнѣйшими источниками.

Гдѣ-же, спрашиваемъ мы, отступничество св. Кирилла отъ востока и *приглѣненіе* его къ западу; гдѣ свидѣтельства его благоговѣйнаго уваженія къ папѣ, какъ къ намѣстнику Христову, главѣ христіанской церкви? Мы видимъ его дѣйствующимъ съ молодыхъ лѣтъ по распоряженіямъ императорскимъ, не безъ участія патріаршаго; повинуясь тому-же распоряженію, хотя и не съ прежнею безусловною охотою, идетъ онъ въ Моравію и только на смертномъ одрѣ, въ Римѣ, признается въ безсиліи продолжать долѣе службу своему царю; въ Моравіи, не взирая

---

[33] Вотъ слова Анастасія въ житіи Адріана: die dominico secundum morem idem. . . sacerdos (Hadrianus). . . per episcopum Petrum Gavensem. . . . quia episcopus Albanensis obierat, Formosus vero Portuensis a b. Nicolao ad praedicationem et instructionem Bulgarorum destinatus extiterat. . .

на порядки латинскіе, онъ разомъ вноситъ тѣ обычаи, въ которыхъ заготовила его церковь греческая, возводя славянскій языкъ не только въ орудіе проповѣди христіанской, но и богослуженія церковнаго; сильно было недовольство латинниковъ, велики угрозы, шумы, споры, но св. Кириллъ и не думалъ прекращать своего дѣла, въ безусловной правотѣ котораго убѣдило его воспитаніе и жизнь на терпимомъ востокѣ: покровительствующая ему власть свѣтская спасла его отъ преслѣдованій и насилія. Дѣйствуя самостоятельно, не считая себя обязаннымъ повиноваться мѣстной іерархіи, въ которой не трудно было ему усмотрѣть не пастырей, а хищниковъ, не просвѣтителей народа, а поработителей невѣжеству, св. Кириллъ поступалъ и въ другихъ отношеніяхъ, не справляясь съ обычаями латинскими, такъ на пр., освящалъ церкви, будучи священникомъ, что, по западнымъ постановленіямъ, принадлежало только власти епископской. Лишь вызовъ папскій, составленный подъ вліяніемъ политическо-церковныхъ разсчетовъ и усиленныхъ доносовъ, со стороны нѣмецкихъ іерарховъ, побудилъ его отправиться въ Римъ, въ которомъ не могъ не видѣть Кириллъ центра верховной администраціи въ западномъ патріархатѣ, гдѣ пришлось заняться и ему проповѣдью, и въ духовномъ представителѣ котораго не могъ не уважать одного изъ преемниковъ одной изъ старѣйшихъ каѳедръ апостольскихъ. Тѣмъ скорѣе шелъ въ Римъ св. мужъ, чѣмъ глубже былъ проникнутъ правотой своего ученія и тѣмъ безпристрастнѣйшее сужденіе надѣялся услышать отъ высшаго на западѣ іерарха. Что-же въ Римѣ? Слишкомъ годъ живетъ онъ, мужественно и энергически защищаетъ законность славянскаго перевода и богослуженія и съ горестью долженъ замѣтить, что уступка, въ пользу народнаго, живаго языка, дѣлается не изъ убѣжде-

нія въ его законности, не изъ видовъ успѣха святой вѣры, а изъ корыстныхъ разсчетовъ администраціи. Отказывается отъ епископства, принимаетъ монашество и ни однимъ движеніемъ, ни однимъ словомъ не оправдываетъ велерѣчивыхъ, хотя и пустыхъ, возгласовъ нынѣшнихъ католиковъ о томъ беззаконномъ превознесеніи папской власти, какимъ проникнуты ревностные пропагандисты католичества. Въ послѣднія минуты жизни, онъ оказывается тѣмъ-же восточникомъ, на сердцѣ котораго лежитъ существенная заботливость о славѣ родной Византіи, неразлучной съ успѣхами истиннаго православія, тѣмъже ревностнымъ проповѣдникомъ его, въ духѣ безкорыстной любви къ человѣчеству и уваженія и терпимости къ каждой народности, какимъ видимъ мы его въ преніяхъ съ сарацинами и Анніемъ, въ походахъ въ Крымъ и на Кавказъ; передъ послѣднимъ вздохомъ, вспоминаетъ онъ объ императорѣ и умоляетъ брата своего тянуть начатую борозду, не смущаясь и не падая подъ бременемъ предчувствовавшихся имъ препятствій и гоненій. А Римъ — въ сторонѣ, хотя и умираетъ въ немъ Кириллъ; о папѣ ни одного звука, хотя и сносился онъ съ нимъ не разъ, въ теченіе года, по самому задушевному предмету! Но, быть можетъ, паннонскія житія, намѣренно или неумышленно, на этотъ разъ, все равно, допустили пропускъ? Странно предположить пропускъ и въ нихъ, потому что и они относятся съ уваженіемъ къ престолу римскому, особенно непонятенъ былъ бы такой пропускъ въ житіи Меѳодіевомъ, составленномъ, какъ извѣстно, приверженцемъ западной церкви; но и латинскія легенды не прерываютъ, въ этомъ случаѣ, молчанія, а въ нихъ слишкомъ замѣтна наклонность выставить преимущества папскія. Подобная безотносительность къ Риму Кирилла, близкая къ холод-

ности, въ трогательныя минуты кончины [34], сопоставленная съ молитвою его, между прочимъ, и о *совокупленіи всѣхъ въ единодушіи,* едва-ли не высказываетъ соболѣзнованія его и о потрясенномъ папами единствѣ церковномъ. Мы болѣе склонны предполагать, что до прибытія въ Римъ, Кириллъ или не зналъ вовсе о происходившихъ раздорахъ между представителями церквей западной и восточной и о взаимныхъ проклятіяхъ обоихъ на соборахъ, или зналъ по темнымъ слухамъ, стороною и отрывочно; къ такому предположенію приводитъ соображеніе годовъ: только въ 863 году разразился рѣшительный раздоръ между Фотіемъ и Николаемъ, утишившійся на-время со вступленіемъ Адріана, къ 868 году: а все это время св. братья проводили не только внѣ Цареграда, но и внѣ областей имперіи византійской, на отдаленномъ западѣ, въ отрѣзанной нѣмцами, и политически и церковно-административно, Моравіи. Не откуда, слѣдовательно, было имъ знать о происходившемъ въ Римѣ и Царьградѣ; тѣмъ менѣе могли достигнуть до нихъ свѣдѣнія точныя и подробныя. Въ Римѣ, навѣрное, только впервые ознакомился со всѣмъ этимъ дѣломъ Кириллъ и, какъ ни односторонни, рѣзки и ни единодушны были тамъ отзывы противъ востока, но опытный и глубокій умъ его не могъ обмануться на-счетъ *дѣйствительной* причины разногласій и не могъ не подмѣтить въ ней тѣхъ-же оснований, какія столь явственно отличалъ онъ въ рѣшеніи вопроса о славянскомъ переводѣ св. писанія и о введеніи славянскаго языка въ богослуженіи. То-же своекорыстіе, та-же притязательность на неправую власть должны были поразить Кирилла и въ этомъ болѣе широкомъ и опасномъ дѣлѣ, — и нисколько не удивительна холодность его къ Риму.

[34] Срв. описаніе ея, по «Житію», г. Платоновымъ, стр. 48—50.

Умѣстно было бы теперь коснуться и ученія Кирилла объ исхожденіи св. Духа, потому что Гинцель увѣряетъ, будто и въ этомъ отношеніи онъ сходился всецѣло съ церковью римскою, потому что иначе папа не рѣшился бы посвятить его въ епископы, при чемъ требуется полное согласіе въ исповѣданіи вѣры съ Римомъ; но какъ Кириллъ никогда епископомъ не былъ и какъ вопросъ объ этомъ ученіи возникъ опредѣленно уже послѣ, то мы отлагаемъ сужденіе о немъ; здѣсь-же, прежде нежели перейдемъ къ дальнѣйшей судьбѣ дѣятельности св. братьевъ, олицетворенной уже въ одномъ Меѳодіи, скажемъ нѣсколько словъ о погребеніи Кирилла.

Духовные католики изъ славянъ, въ сочиненіяхъ своихъ о Кириллѣ и Меѳодія, усиливаются и это, чисто случайное событіе — смерть и погребеніе въ Римѣ Кирилла, обратить въ разрядъ доказательствъ его римскаго православія. Není li to zřetelným znamením všemu národu slovanskému, заключаетъ Штульцъ свое описаніе погребенія Кириллова [85], kde sluší hledati střed a ohnisko jednoty křesťanské? Není-li ukrytý v Římě hrob sv. Cyrilla upomínkou na krasnou tu modlitbu, kterouž sv. otec náš, umíraje, v posledních okamženích života svého ještě Boha prosil o usjednoccnost' jích v víře? Конечно, подобный способъ доказательствъ тѣмъ справедливѣе способенъ возбудить удивленіе, чѣмъ важнѣе и спорнѣе предметъ, требую-

[85] Život sv. Cyril. a Meth., стр. 91 — 92. Т. е. «не служитъ ли это очевиднымъ свидѣтельствомъ всему народу славянскому, гдѣ слѣдуетъ искать средоточія и свѣточа единства христіанскаго? Не составляетъ ли сокрытый въ Римѣ гробъ св. Кирилла напоминаніе на прекрасную молитву, которою умирающій св. отецъ нашъ, въ послѣднія минуты жизни своей, просилъ еще Бога о соединеніи ихъ (славянъ) въ вѣрѣ!».

щій успенія; но въ настоящемъ случаѣ, этотъ способъ особенно неумѣстенъ и положительно отзывается тѣмъ пристрастіемъ и натяжками, къ какимъ прибѣгаютъ обыкновенно люди, за неимѣніемъ ничего прочнаго и вѣрнаго въ свою пользу, закрывши глаза передъ очевидною истиною. Ежели мы только дѣломъ случая можемъ объяснять смерть въ Римѣ Кирилла, то на *нежеланіе* св. братьевъ быть погребенными въ западной столицѣ находимъ самыя рѣшительныя указанія въ источникахъ ихъ жизни. По свидѣтельству паннонскаго жизнеописанія, Мееодій употреблялъ особенныя усилія, чтобы взять съ собою тѣло покойнаго брата и убѣдительнѣйше просилъ о томъ папу, ссылаясь на клятву, данную обоими братьями матери въ томъ, что оставшійся въ живыхъ перенесетъ умершаго на родину и тамъ погребетъ. Погребеніе Кирилла въ Римѣ совершилось противъ воли Мееодія, — это ясно изъ темныхъ намековъ въ паннонскомъ житіи и изъ сопоставленія ихъ съ легендой моравской. Послѣдняя прямо говоритъ, что Мееодій, спустя уже долго послѣ смерти и погребенія Кирилла, при вторичномъ своемъ путешествіи въ Римъ, снова просилъ папу дозволить ему взять тѣло брата и отнести въ Моравію, для поддержанія религіознаго чувства въ недавно обращенномъ народѣ, помнившемъ Кирилла и благоговѣвшемъ передъ его святостью. Папа отказалъ, — и Мееодій рѣшился унести гробъ тайкомъ, во время ночи. Если-бы мы и согласились съ Гинцелемъ, что разсказъ въ легендѣ моравской о томъ, какъ взятое Мееодіемъ тѣло брата, послѣ нѣсколькихъ дней пути, остановилось и какъ поднятая рука покойникомъ указала на Римъ, какъ на мѣсто, гдѣ должны оставаться его мощи, что и побудило Мееодія возвратить гробъ въ церковь св. Климента, — что этотъ разсказъ носитъ на себѣ слѣды сказачности (märchen-

hafte Dichtung)[36], то все-таки этимъ ни мало не ослабимъ самой сильной вѣроятности, а въ глазахъ безпристрастныхъ людей, и достовѣрности, что удержаніе тѣла Кириллова въ Римѣ не обошлось безъ принужденія, что оно совершилось единственно по волѣ постороннихъ людей, вопреки намѣреніямъ роднаго брата, дѣлившаго съ покойнымъ всѣ трудности и подвиги въ жизни и оставшагося единственнымъ исполнителемъ воли и желаній умершаго. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ объяснить странныя особенности при погребеніи и по описанію паннонскому: папа соглашается на просьбу Меѳодія, приказываетъ вложить тѣло въ раку и забить ее желѣзными гвоздями; держать такимъ образомъ цѣлыхъ 7 дней, пока увѣщанія римлянъ ни побудили его отказаться отъ даннаго согласія: онъ рѣшается похоронить Кирилла въ собственномъ своемъ гробѣ, въ церкви св. Петра. Меѳодій, при видѣ такой настоятельности, вынужденъ уступить, но умоляетъ похоронить не въ церкви св. Петра, а въ церкви Климента, мощи котораго обрѣтены Кирилломъ и принесены въ Римъ. И вотъ собрались *всѣ* епископы, *всѣ* черпецы и множество публики, чтобы съ торжествомъ похоронить останки великаго мужа; но и тутъ странность: передъ погребеніемъ, „рекоша епископи: *отвоздьше ракꙋ, видимъ, аще есть цѣлъ, еда есть что взято отъ него, и трꙋждьшеся много, не могоша отвоздити ракы, по божію повелѣнію, и тако съ ракою вложиша и въ гробъ*[37]“... Откуда эта боязнь? Кому надобно было тѣло Кириллово? Кто могъ интересоваться имъ до такой степени, чтобы рѣшиться даже на похищеніе, по догадкамъ епископовъ

[36] Стр. 50, прим. 4.

[37] Чтенія общ. ист. и древ., стр. 30.

римскихъ? Конечно, значитъ, было основаніе къ подобнымъ догадкамъ, — и вотъ здѣсь-то невольно приходишь къ заключенію о достовѣрности, если не подробностей моравской легенды, то событія, факта, что Меѳодій, дѣйствительно, не соглашался на оставленіе тѣла братова въ Римѣ и, при упорствѣ духовенства римскаго и самаго папы, не стѣснялся, какъ видно, и готовностью къ похищенію. За этимъ трудно устоять и противъ другаго вопроса: изъ какихъ побужденій дѣйствовалъ столь настоятельно и рѣшительно Меѳодій въ пользу удаленія мощей Кирилловыхъ изъ Рима? Правда, вопросъ этотъ не замедлятъ устранить католики, вѣроятно, лишь по новости предмета, не заподозрѣвшіе еще окончательно извѣстій житія паннонскаго, выставленіемъ обѣта, клятвы св. братьевъ, данной матери; но, во-первыхъ, нарушеніе клятвы, въ настоящемъ случаѣ, искупалось бы волею *святѣйшаго отца*, значеніе котораго въ глазахъ солунцевъ, по увѣренію католическихъ писателей, было ни чѣмъ не менѣе того значенія, въ силу котораго земному намѣстнику Спасителя приписывается католическимъ западомъ право на индульгенціи, т. е. на разрѣшеніе не только прошедшихъ, но и будущихъ грѣховъ; искупалось бы и мѣстомъ погребенія, столицею св. апостола Петра, которую, по голословному мнѣнію тѣхъ-же католическихъ писателей, будто-бы признавали Кириллъ и Меѳодій главою всей церкви вселенской, источникомъ православія, обличителемъ и карателемъ погрязшаго въ ереси востока; во-вторыхъ, легенда моравская, которой невѣрить, по крайней мѣрѣ относительно сущности факта, не имѣемъ мы никакого права, указываетъ уже не на *братній* только *монастырь*, въ Византіи, къ которому относилась клятва Кирилла и Меѳодія, а на Моравію, куда хотѣлъ перевесть послѣдній тѣло покойнаго своего брата; а Моравія находилась тоже

въ предѣлахъ западнаго патріархата, и отпустить туда мощи, кажется, не было особеннаго препятствія. Почему же такъ возставалъ Меѳодій противъ Рима? Не предчувствовалъ ли онъ и, по нѣкоторымъ довольно явственнымъ проявленіямъ политики римской даже въ вопросѣ о славянскомъ языкѣ въ св. книгахъ и богослуженіи, не предугадывалъ ли, что со временемъ дворъ римскій не преминетъ воспользоваться случайностью кончины Кирилла въ Римѣ для доказательства привязанности его къ нему, преданности и какъ-бы признанія правоты его передъ востокомъ, Цареградомъ, въ такія минуты, когда точки отступленій запада отъ вселенскаго православія стали обнаруживаться рѣзче и когда твердость востока начала уже замѣтно вызывать ту вражду къ нему запада, какою ознаменовалъ послѣдній всю исторію свою до настоящихъ дней. И въ нежеланіи Меѳодія оставить тѣло брата въ Римѣ, въ усиліяхъ его захватить, какимъ бы то ни было способомъ, съ собою, въ нежеланіи и въ усиліяхъ, которыхъ не въ состояніи отвергнуть всецѣло и католики, мы можемъ усматривать только протестъ оставшагося въ живыхъ брата противъ посягательствъ современнаго латинства на чистоту восточнаго православія въ Кириллѣ и противъ коварныхъ его умысловъ выставить Кирилла приверженцемъ римскаго отступничества. Римъ справедливо могъ бояться отпустить мощи Кирилла и въ Моравію, не надѣясь на прочность связей ея съ митрополіей западной и опасаясь сблизить ее съ ненавистнымъ ему востокомъ; примѣръ обращенія къ послѣднему Ростислава былъ слишкомъ свѣжъ, чтобы отрицать возможность повторенія его съ рѣшительнѣйшими послѣдствіями въ пору полной политической независимости отъ римско-нѣмецкаго императора, съ которымъ, въ это самое время, началась у Ростислава снова борьба за независимость. На мощи Кирилла въ Римѣ,

при благоговѣйной памяти и любви къ Кириллу моравскаго народа, папа и духовенство могли смотрѣть какъ на залогъ своего права на Моравію и обязанности послѣдней на преданность Риму.

Итакъ, взвѣшивая безпристрастно всѣ доселѣ разобранные и оцѣненные моменты жизни и дѣятельности св. братьевъ, преимущественно въ области западной, мы можемъ съ положительностью утверждать лишь слѣдующее: во-первыхъ, со стороны Рима, папы и его вліятельнаго духовенства, замѣтна неоспоримо разсчитанность въ отношеніяхъ къ Кириллу и Мееодію; содѣйствіе и до нѣкоторой степени покровительство только кажущіяся, подчиненныя единственно личнымъ видамъ, въ зависимости отъ надеждъ удержать такимъ пріемомъ политики поколебавшуюся Моравію и, быть можетъ, снова выиграть видимо терявшуюся Болгарію; со стороны Кирилла и Мееодія, видимъ непреклонную послѣдовательность въ проведеніи и на западѣ тѣхъ же началъ проповѣди и христіанскаго просвѣщенія, съ какими впервые выступили они и какихъ постоянно держались на востокѣ: ни козни латинскаго духовенства въ Моравіи, ни убѣжденія и судъ въ Римѣ, подъ предсѣдательствомъ папы, не въ силахъ были поколебать ихъ увѣренности въ правотѣ своего ученія, вынесеннаго съ родины; возникшія новизны на западѣ, какъ слѣдствія отступничества отъ общаго православія, отвергались ими при каждомъ встрѣтившемся случаѣ; отношеніе ихъ къ первосвященнику римскому не носитъ на себѣ и тѣни той безусловной вѣры въ непогрѣшимость его и того признанія безграничной власти его въ дѣлахъ церкви вселенской, какія стали въ эту пору проповѣдываться на западѣ и проводиться въ жизни. При всемъ вниманіи къ источникамъ, всѣхъ извѣстныхъ видовъ, мы не открыли ни малѣйшаго намека на то, чтобы Ки-

риллъ и Меѳодій, до 869 года, гдѣ-нибудь и въ чемъ-нибудь высказали хотя какой-либо оттѣнокъ преимущества римской церкви передъ всякою другою христіанскою, заявивши, между тѣмъ, явственно, что они, какъ были прежде, такъ оставались и въ Римѣ, даже въ послѣднія минуты жизни Кирилла, ревностными слугами и вѣрными исполнителями воли и предначертаній императора восточнаго, византійскаго. Правда, въ томъ спискѣ паннонскаго житія Кирилла, которымъ только и можно было пользоваться до настоящаго года, встрѣчается выраженіе, котораго, по видимому, одного было бы достаточно, чтобы не отрицать права у католиковъ утверждать преимущественную любовь и уваженіе въ Кириллѣ къ Риму; вотъ какъ читается это выраженіе въ рыльскомъ спискѣ, конца XV вѣка, напечатанномъ въ „Памятникахъ древней письменности югославянской“ Шафарикомъ: „и рече апостолікъ (когда епископы убѣждали его не отдавать тѣла Кириллова Меѳодію) за светыню его и *любовь вь римскыи обычаи*, пришьдь, погребу и вь моемь гробѣ“ [38]. Не удивительно, что католики крѣпко ухватились за эти слова, которыя, въ самомъ дѣлѣ, были бы очень рѣшительны, подъ перомъ жизнеописателя, ученика Кириллова, если-бы только они были дѣйствительны. Благодаря профессору Бодянскому, мы имѣемъ уже напечатаннымъ житіе это по семи спискамъ, гораздо исправнѣйшимъ, — и во всѣхъ нихъ, безъ изъятія, приведенное мѣсто читается такимъ образомъ: „рече же апостоликъ: то за с҃тыню его и любовь, *римьскыи обычаи прѣступль*, погробу и въ моемъ гробѣ“ [39].

---

[38] См. стр. 25.

[39] Чтенія общ. ист. и древн., 1863, кн. 2, от. III, стр. 29, 64, 92, 123, 156, 187, 220.

Обратимся теперь къ взаимнымъ отношеніямъ Рима и Меѳодія, во все послѣдующее время по смерти Кирилла, до той минуты, когда прекратилась жизнь и старшаго изъ братьевъ солунскихъ.

Уже и сказаннаго достаточно, чтобы предвидѣть бо́льшую сложность и запутанность въ этихъ отношеніяхъ. Римъ, вступивши разъ въ связи съ славянскими проповѣдниками, поставивши ихъ, хотя и формально, съ характеромъ кажущагося покровительства, въ зависимость отъ себя, естественно, не могъ и не долженъ былъ упускать изъ виду ихъ дѣятельности, и тѣмъ напряженнѣе считалъ себя обязаннымъ наблюдать за нею, чѣмъ тревожнѣе сдѣлалось духовенство нѣмецкое, чѣмъ раздраженнѣе выступило оно противъ Меѳодія, явившагося снова въ придунайскія земли, уже въ качествѣ самостоятельнаго іерарха, и чѣмъ чаще и рѣзче сыпались въ Римъ обвиненія, доносы и жалобы, проникнутыя подозрѣніями и явною клеветою. Въ свою очередь, и мѣнявшіяся отношенія къ Царьграду, въ-слѣдствіе быстрой смѣны папъ, не могли оставаться безъ вліянія на отношеніе ихъ къ славянскому богослуженію, распространявшемуся и укрѣплявшемуся Меѳодіемъ и его учениками; не менѣе сильно должно быть вліяніе па чуткій къ мірскимъ переворотамъ Римъ и важныя политическія событія въ государствахъ моравскомъ и болгарскомъ, столь неразрывно связанныхъ въ политикѣ римской съ дѣломъ славянской проповѣди. Источники, съ своей стороны, не только не расширяются въ подробностяхъ, но еще съуживаются и тѣмъ значительно отнимаютъ средства отстранить съ историческою положительностью недоразумѣнія въ сложности и запутанности событій. Если папскія посланія, начавшіяся съ времени отправленія изъ Рима Меѳодія, и увеличиваютъ объемъ матеріаловъ, служащихъ къ разъясненію

вопроса о славянскомъ богослуженіи въ Моравіи и о взглядѣ на него Рима, то нельзя не замѣтить, что эти посланія характеризуютъ только общія распоряженія, не раскрывая оснований и побужденій, которыя для нашей задачи, для опредѣленія отношеній римскаго двора къ Меѳодію и обратно, имѣютъ существенную важность. Для правильнаго пониманія буллъ, необходимы стороннія подробности; только при содѣйствіи ихъ, можетъ быть постигнута и настоящая цѣль того или другаго общаго распоряженія. Намъ приходилось уже не разъ убѣждаться, какъ дворъ римскій привыкъ скрывать подъ внѣшнею правдою свои коварные и не рѣдко преступные разсчеты, — и вѣрить безусловно булламъ папскимъ по дѣлу о Меѳодіи и изъ нихъ выводить заключеніе о настроеніи и убѣжденіяхъ первосвященниковъ римскихъ было бы то-же самое, если-бы мы вздумали изучать исторію уніи, на основаніи подобныхъ же буллъ, оставшихся безъ всякаго значенія для уніатовъ и только служившихъ внѣшнимъ формальнымъ оправданіемъ римской куріи отъ справедливыхъ обвиненій въ непрерывномъ и преступномъ ея потворствѣ явнымъ преслѣдователямъ и нарушителямъ всѣхъ тѣхъ правъ и преимуществъ уніатскихъ, какія гарантированы буллами. И какъ стороннія свѣдѣнія объ уніи способствуютъ правильному воззрѣнію и на самыя буллы, по этому предмету, такъ и подробности о дѣятельности въ Паннонiи и Моравіи Меѳодія дали бы возможность опредѣлить истинное значеніе и сокрытыя цѣли разнообразныхъ посланій папскихъ и къ самому Меѳодію, и къ князьямъ свѣтскимъ, и къ духовенству нѣмецкому. Но эти-то подробности и съуживаются въ знакомыхъ уже намъ источникахъ, со смертію Кирилла. Паннонское житіе последняго, понятно, прекращается; легенда итальянская, назначившая главною задачею себѣ разсказать объ открытіи и при-

несеніи Константиномъ въ Римъ мощей св. Климента, точно также не переходитъ за предѣлы своей цѣли, и лишь въ немногихъ и общихъ словахъ передаетъ о затрудненіяхъ Меѳодія въ Моравіи, касаясь при этомъ больше князя, Святополка, и не проронивши ни одного слова даже о смерти Меѳодія; почти одинаково скудна, въ этомъ отношеніи, и легенда моравская, остановившаяся больше на характерѣ Святополка, а изъ дѣятельности Меѳодія почему-то ограничившаяся только повѣствованіемъ о крещеніи Боривоя, князя чешскаго, да о похищеніи мощей Кирилла, при чемъ, въ сказаніи о поднятой рукѣ Кирилла съ указаніемъ на Римъ, ярко обнаружился въ авторѣ поклонникъ западной столицы. Точно также и жизнеописатель св. Климента спѣшитъ гораздо уже быстрѣе, по смерти Константина, перейдти къ главному лицу своего жизнеописанія, очертивши съ подробностью лишь отношенія Меѳодія къ Святополку, что для него особенно было необходимо, такъ-какъ съ этими отношеніями тѣсно связаны были и бѣдствія учениковъ Меѳодія, выгнанныхъ по кончинѣ послѣдняго изъ Моравіи, а слѣдовательно — и самаго Климента. Остается, такимъ образомъ, одинъ подробный источникъ, это паннонское житіе Меѳодія, и его-то свѣдѣніями постараемся воспользоваться мы при дальнѣйшемъ изложеніи судьбы славянскаго богослуженія въ Паннонiи и Моравіи, подъ натискомъ духовенства нѣмецкаго и подъ вліяніемъ папы римскаго. Само-собою понятно, что только тѣ свѣдѣнія будутъ имѣть для насъ силу исторической достовѣрности, которыя оправдываются или подтверждаются какъ общими соображеніями о характерѣ и дѣятельности современныхъ лицъ, принимавшихъ какое бы то ни было участіе, дружеское или враждебное, въ дѣятельности Меѳодія, такъ и положительными указаніями другихъ современныхъ извѣстій, при чемъ, конечно, на

первомъ мѣстѣ должны стоять буллы папскія и неизвѣстный лѣтописецъ объ обращеніи баварцевъ и хорутанъ, писавшій въ ту пору, когда дѣйствовалъ Меѳодій въ Паннопіи, какъ архіепископъ, когда личность его останавливала на себѣ самое зоркое вниманіе туземнаго и окрестнаго духовенства нѣмецкаго, къ числу котораго, безъ сомнѣнія, принадлежалъ и безъименный лѣтописецъ.

Первое распоряженіе папы относительно дальнѣйшей дѣятельности Меѳодія заключается въ отправленіи послѣдняго къ Коцелу. Побужденіе къ этому распоряженію было извнѣ и состояло въ посольствѣ изъ Паннопіи съ просьбою отпустить изъ Рима *блаженнаго учителя Меѳодія*. Какъ поступилъ бы съ оставшимся въ живыхъ солунцемъ самъ папа, скоро ли бы рѣшился дать онъ ему какое-либо назначеніе, — отвѣчать, конечно, невозможно; но для насъ не должно быть безразлично, что инніціатива къ удаленію Меѳодія изъ Рима вышла отъ одного изъ славянскихъ князей и при томъ поставленнаго въ особыя отношенія какъ къ проповѣдникамъ славянскимъ, такъ и къ врагамъ ихъ — духовнымъ нѣмецкимъ. Взглядъ на эти отношенія и вниманіе къ времени вызова Меѳодія не могутъ не привести къ нѣкоторымъ соображеніямъ.

Въ обзорѣ политической исторія Моравіи, мы имѣли случай указать, что Коцелъ, наслѣдовавъ отцу своему Привинѣ въ области паннонской, находился въ качествѣ вассала императора нѣмецкаго и отличался особенною ему покорностью. Незначительность владѣнія и слабость силъ, съ одной стороны, непосредственное сосѣдство правителей нѣмецкихъ, въ восточной Маркѣ и въ Каринтіи, гдѣ проживалъ сынъ императора, и непотрясенное еще могущество нѣмцевъ — съ другой, естественно были основательными причинами для Коцела держать себя мирно и не

уклоняться отъ упроченной еще при отцѣ его зависимости. На ряду съ политическою покорностью, Коцелъ отличался и расположенностью къ духовенству нѣмецкому, распространявшемуся въ его владѣніяхъ изъ зальцбургскаго епископства. Подъ вліяніемъ этого духовенства, Коцелъ не замедлилъ обнаружить и замѣчательную ревность къ постройкѣ церквей, которыми обильно была наполнена земля его, какъ свидѣтельствуетъ современный писатель объ обращеніи баварцевъ и хорутанъ. Въ ту пору, когда Кириллъ съ Меѳодіемъ дѣйствовали въ Моравіи, находимъ мы Коцела въ самомъ лучшемъ согласіи съ зальцбургскимъ митрополитомъ и епископомъ своимъ, Адальвиномъ. Послѣдній даже пробылъ у Коцела, въ его столицѣ, Мосбургѣ, праздникъ Рождества, въ 865 году, при чемъ освятилъ новую церковь, во имя первомученика Стефана; на слѣдующій годъ, видимъ мы его снова тамъ-же, святящимъ много другихъ храмовъ[40]. Но едва успѣлъ пройти годъ, послѣ столь значительнаго доказательства согласія и дружбы между Коцеломъ и епископомъ, какъ прибыли въ Паннонію св. братья, проходомъ изъ Моравіи въ Римъ. Какъ отнесся къ нимъ Коцелъ, которому не могло быть неизвѣстно разногласіе и неріязнь между Кирилломъ и нѣмецкимъ священствомъ? По словамъ жизнеописателя паннонскаго: приѧт же и идоущь (Константина) Кочелъ, князь панонескъ, и възлюби вельми словеньскы букви и наоучисѧ имъ и въдавъ до пѧтидесѧтъ оученикъ оучитисѧ имъ и велику емоу чьть створи, мимо проводі и"[41]. Подобное обращеніе съ славянскими проповѣдниками, быстрая готовность принять къ себѣ учениковъ ихъ и вве-

---

[40] Anonymi de conversione Carant., «Glag. Cloz.», LXXV; срв. Kollár, «Cestopis», стр. 200.

[41] Чтен., стр. 25.

сти славянскій языкъ въ богослуженіе замѣчательны со стороны недавняго друга зальцбургскаго епископа, который, какъ іерархъ нѣмецкій, разумѣется, смотрѣлъ враждебно на результаты трудовъ Кирилла и Меѳодія. Откуда же это видимое отдѣленіе въ Коцелѣ отъ нѣмецкаго духовенства? Безспорно, что ему, какъ славянину, не могъ быть не пріятенъ и не желателенъ родной языкъ въ дѣлахъ вѣры; но трудно было, если не положительно не возможно, при всецѣлой зависимости, и политической и церковной, отъ нѣмцевъ, дѣйствовать вопреки интересовъ ихъ рѣшительно и самостоятельно безъ какихъ-либо особенныхъ вспомогательныхъ побужденій? Прежде, нежели выскажемъ мнѣніе объ этихъ посредствующихъ побужденіяхъ, замѣтимъ, что это было время, когда готовилось нѣчто особенное въ юговосточныхъ областяхъ нѣмецкой имперіи, когда снова возставшій Ростиславъ моравскій нашелъ себѣ поддержку въ родномъ сынѣ императора, недовольномъ Людовикѣ, и когда можно было надѣяться если не на окончательное уничтоженіе, то на ослабленіе владычества нѣмецкаго.

Этого Коцела встрѣчаемъ мы теперь единственнымъ ходатаемъ передъ папою за Меѳодія. Гдѣ же Ростиславъ, къ которому, конечно, стояли несравненно ближе славянскіе проповѣдники, которымъ вызваны они были изъ Греціи и въ области котораго съ такимъ успѣхомъ проповѣдывали въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ? Казалось бы, не въ паннонскомъ князѣ, подчиненномъ нѣмцамъ, подвластномъ зальцбургской митрополіи, слѣдовало ожидать защитника и покровителя Меѳодію, а въ Ростиславѣ, задумавшемъ образовать самостоятельную славянскую церковь въ своемъ княжествѣ, видимо достигавшемъ и политической независимости. Бездѣятельность Ростислава относительно Меѳодія опре-

дѣлается всего нагляднѣе временемъ, какъ имъ-же уясняется и энергическое участіе Коцела.

Посольство послѣдняго прибыло въ Римъ уже по смерти Кирилла, слѣдовательно, послѣ 14 февраля, 869 года, но и никакъ не позже весны слѣдующаго года. Потому что въ папскомъ посланіи на имя Коцела, врученномъ Меѳодію и сохранившемся только на славянскомъ языкѣ, въ паннонскомъ жизнеописаніи, говорится прямо, что не къ нему одному посылается Меѳодій, а и къ Ростиславу. Ростиславъ же, какъ извѣстно, выданъ былъ измѣннически Святополкомъ только весною 870 года.

Если мы припомнимъ, при этомъ случаѣ, сказанное нами выше о положеніи моравскаго князя въ промежутокъ времени отъ 868 по 870 годъ, то поймемъ невозможность его слѣдить за ходомъ дѣлъ Кирилла и Меѳодія въ Римѣ и заботиться о скорѣйшемъ возвращеніи послѣдняго въ Моравію. Это было время, когда Ростиславъ окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ непріятелями, когда три громадныхъ войска императора, подъ начальствомъ троихъ сыновей его, грозили гибелью юному княжеству, когда вся Моравія предана была опустошенію и самъ Ростиславъ спасался лишь въ укрѣпленномъ своемъ замкѣ. Не до дѣлъ церковныхъ было ему въ эту пору, и ни сколько не удивительна безучастность его въ славянскихъ просвѣтителяхъ. За-то тѣмъ болѣе предстояло возможности Коцелу не стѣсняться нѣмецкимъ господствомъ, жестоко потрясеннымъ войною съ Ростиславомъ, вызвавшею всѣ силы нѣмцевъ изъ сосѣднихъ съ Паннонiей областей на усмиреніе не только Моравовъ, но и союзниковъ ихъ, чеховъ и сербовъ-лужичанъ. Этими-то вотъ политическими соображеніями, имѣвшими въ основаніи обезсиленіе нѣмецкаго владычества на востокѣ и возвышеніе Моравіи до полной независимости, мы и позволяемъ себѣ объяснять столь рѣшительное

участіе Коцела въ Меоодіи и открытое приглашеніе его въ Паннонію, съ цѣлью устроить славянскую церковь. Подъ охраною самостоятельной Моравіи, ему не было основаній бояться грозы нѣмецкой, по примѣру прежнихъ лѣтъ: малѣйшее посягательство со стороны нѣмцевъ могло окончиться подчиненіемъ Коцела Ростиславу, трудность и опасность борьбы съ которымъ не разъ уже испытали нѣмцы.

Папа не замедлилъ исполнить просьбу князя паннонскаго и отправилъ Меоодія съ особою грамматою на имя Ростислава и Коцела. Если мы и не въ состояніи обозначить точно мѣсяца, когда выпущенъ былъ Меоодій изъ Рима, то событія, среди которыхъ совершился его отпускъ, не подлежатъ сомнѣнію и на нихъ нельзя не обратить вниманія: на сѣверѣ, среди славянъ моравскихъ, Ростиславу удалось, наконецъ, упрочить свою самостоятельность, послѣ того какъ нѣмцы, потерпѣвши много бѣдствій, принуждены были удалиться изъ Моравіи (aut nihil aut parum utilitatis egerunt sed damnum maximum retulerunt, говоритъ лѣтописецъ Гинкмаръ [42]), а король Людовикъ поспѣшилъ къ началу 870 года заключить миръ, на какихъ пришлось условіяхъ [43]; на востокѣ же, въ Византіи, происходилъ пресловутый *восьмой вселенскій соборъ*, на которомъ довольные низложеніемъ Фотія легаты папскіе съ надеждою ожидали уступки Болгаріи Игнатіемъ.

Въ какомъ званіи отправленъ былъ Меоодій изъ Рима? Всѣ изслѣдователи и писатели о жизни Меоодія единогласно утверждаютъ, что вышелъ онъ къ Коцелу епископомъ, опираясь

---

[42] Pertz, I, 482.

[43] Hludovicus pacem *sub quadam conditione*. . . obstinere procuravit, заключаетъ тотъ-же лѣтописецъ, тамъ-же.

единственно на томъ бездоказательномъ положеніи, что еще при жизни Кирилла или вскорѣ по его кончинѣ посвятилъ его въ этотъ санъ Адріанъ. На своемъ мѣстѣ старались мы уяснить, что житіе паннонское говоритъ лишь о посвященіи Меѳодія *на поповьство* и, надѣемся, доказали дѣйствительность этого событія, вопреки мнимымъ увѣреніямъ писателей латинскихъ въ невозможности будто-бы такого факта. Ссылаться въ настоящемъ случаѣ на легенды латинскія или на біографа Климентова было бы крайне не осторожно, потому что всѣ эти источники говорятъ коротко о Меѳодіи, указывая разомъ и въ общихъ выраженіяхъ на то, что совершалось у него съ Римомъ въ нѣсколько пріемовъ, послѣдовательно, въ троекратный приходъ его въ западную столицу. Отсюда и выходитъ та разноголосица, въ-слѣдствіе которой одни писатели, какъ Рачкій[44], находятся въ недоумѣніи, къ какому моменту отнести посвященіе Меѳодія въ епископы: тотчасъ ли по смерти Кирилла, какъ-бы въ замѣнъ умершаго епископа, кѣмъ, какъ мы уже знаемъ, никогда не былъ Кириллъ, или по прибытіи уже посольства Коцела, во вниманіе къ просьбѣ послѣдняго; другіе, какъ на пр. Гинцель, считаютъ себя въ-правѣ признавать посвященіе Меѳодія въ епископы вмѣстѣ съ небывалымъ никогда посвященіемъ Кирилла[45], а по смерти послѣдняго возводятъ его немедленно въ архіепископы, и въ этомъ санѣ выводятъ въ первый разъ изъ Рима къ Коцелу и Ростиславу. Не удивительно встрѣчать подобную запутанность у Гинцеля, какъ отвергнувшаго историческое значеніе жизнеописаній паннонскихъ и довѣрившагося всецѣло сжатой и съ обильными

---

[44] Стр. 240.

[45] Стр. 47.

пропусками легендѣ итальянской; но не простительно отсутствіе ясности и опредѣленности у Рачкаго, который не только возноситъ житія славянскія на первое мѣсто достовѣрныхъ историческихъ источниковъ, но не задумывается безусловно вѣрить и сохранившемуся въ переводѣ славянскомъ, въ Меѳодіевомъ житіи, посланію Адріана. А житія Меѳодіева съ посланіемъ совершенно достаточно, чтобы опредѣлить точно переходы его изъ одного сана въ другой.

Дѣйствительно, до отхода Меѳодія въ Паннонію, мы находимъ только извѣстіе о поставленіи его въ священника: о епископствѣ нѣтъ и помину. Въ званіи священника, по житію, слѣдуетъ считать и первое его посольство изъ Рима. Такимъ оно, безъ всякаго сомнѣнія, и было, по непреложному свидѣтельству самого папы, въ его славянскомъ посланіи. Въ послѣднемъ не замѣтно и тѣни епископской власти за Меѳодіемъ, чего никогда не могъ бы умолчать папа, если-бы дѣйствительно отправлялъ его епископомъ, чего не скрывалъ и онъ въ послѣдствіи, не скрывали и его преемники, въ латинскихъ буллахъ. Да и можно ли думать объ умолчаніи, когда по всему очевидно, что Адріанъ хотѣлъ какъ-возможно ярче выставить и свое расположеніе къ Меѳодію и готовность удовлетворить славянъ; а между тѣмъ, вотъ что и какъ читаемъ въ посланіи: „мы же... умыслихомъ испытавше послати меѳодіа, сващьше и съ оученикы, *сына* же нашего, на страны ваша, моужа же съвершена разоумомъ и правовѣрна, да вы наоучитъ, якоже есте просили, сказаа книгы въ азыкъ вашь, по всемоу церковномоу чиноу исполнь, и съ сватою мьшею, рекше съ слоужбою, и крещеніемь...“ [46]. Здѣсь, какъ въ формѣ вы-

[46] Жит. Меѳод., стр. 5.

раженія, такъ и въ содержаніи, все говоритъ объ отсутствіи званія епископскаго: папа прямо называетъ Меѳодія *сыномъ нашимъ,* чего бы никогда не дозволилъ онъ себѣ, если-бы послѣдній былъ облеченъ въ санъ епископа; и дѣйствительно, въ томъ-же житіи [47], первосвященникъ римскій относится уже къ Меѳодію, какъ къ *брату,* когда епископство его не подлежитъ сомнѣнію. Адріанъ посылаетъ Меѳодія, напротивъ, только какъ *учителя* и сопоставляетъ весьма отчетливо съ блаженнымъ Константиномъ, который въ Моравіи и былъ не чѣмъ инымъ, какъ учителемъ, съ саномъ простаго священника. Еще ярче видно такое назначеніе изъ очерка обязанностей, возлагаемыхъ на Меѳодія: ему поручается единственно лишь то, для чего просили моравы Константина у греческаго императора, т. е. чтобы передать на славянскомъ языкѣ св. книги и устроить славянское богослуженіе; не такая сфера дѣятельности принадлежитъ епископу, не съ такимъ ограниченнымъ назначеніемъ отправлялъ потомъ и того-же Меѳодія тотъ-же Адріанъ, когда возложенъ былъ на перваго епископскій санъ. Эта ограниченность дѣятельности и отсутствіе власти особенно замѣтны въ опредѣленіи отношенія Меѳодія къ порицателямъ и гонителямъ славянскаго языка въ вѣроученіи и литургіи. Въ то время, какъ, по разбираемому нами посланію Адріана, подобные хулители должны быть отлучены, „но токмо въ соудъ даны церкви, доньдеже сѧ исправитъ“ [48], при чемъ Меѳодій находится совершенно въ сторонѣ; въ послѣдующемъ посланіи, писанномъ уже въ пору епископства Меѳодіева, мы, по тому-же поводу, встрѣчаемъ уже съ такою властью послѣдняго: „и в роу-

---

[47] См. стр. 7, § XII.

[48] Тамъ-же, стр. 5 — 6.

коу его соуть ѡтъ бога и ѡтъ апостольска стола вся словеньскыя страны, *да его же проклянетъ* (Меѳодій), *проклятъ, а его же святитъ, ты святъ да боуди*"[49].

Паннонское житіе Меѳодія, спеціально назначенное для изображенія жизни и дѣятельностіі описываемаго лица, естественно, тѣмъ подробнѣе и точнѣе должно слѣдить за всѣми переворотами въ положеніи этого лица, чѣмъ ближе стоялъ къ нему авторъ, какъ извѣстно, современникъ Меѳодіевъ и его ученикъ. Съ этой стороны, не мыслимо соперничество съ „житіемъ" ни одного изъ остальныхъ источниковъ. И въ самомъ дѣлѣ, паннонскій жизнеописатель не пропустилъ случая остановить вниманія на времени и побужденіяхъ для посвященія Меѳодія въ санъ епископа. Тогда какъ, до перваго отправленія изъ Рима къ Коцелу, говоритъ онъ лишь о посвященіи Меѳодія въ *поповьство*, вотъ какое извѣстіе находимъ мы у него въ слѣдъ за посланіемъ папскимъ, отправленнымъ къ Коцелу и Ростиславу съ Меѳодіемъ: „пріатъ же и коцель съ великою честію и *пакы посла и къ апостоликоу*, и два десяте моужъ честныя чади, да и емоу святитъ на *епископьство* въ панонiи..... *еже и бысть*". И такъ, вотъ когда состоялось возведеніе Меѳодія въ епископа и вотъ до какой степени точенъ, послѣдователенъ и подробенъ біографъ паннонскій.

Да и можно ли ожидать отъ римскаго двора такой поспѣшности, близкой къ неосторожности, какую хотятъ навязать ему современные авторы католическіе, увѣряя, будто папа, въ теченіе какого-нибудь года пребыванія солунцевъ въ Римѣ, посвятилъ ихъ въ епископы, а, по мнѣнію Гинцеля, даже че-

---

[49] Тамъ-же, стр. 7, § XII.

резъ нѣсколько недѣль, послѣ прихода изъ Моравіи? Подобный способъ дѣйствія крайне не согласенъ съ знакомою уже намъ выжидательною политикою римской куріи и съ ея системою удовлетворять интересамъ подчиненной ей паствы, маломальски несогласнымъ съ ея собственными, только въ нуждѣ, изъ опасенія потерять упорствомъ гораздо бо́льшее. Въ 868 и въ первую половину 869 года настоятельной нужды еще не было; лишь въ послѣдующее за этимъ время обнаружилась она явственнѣе, когда возобновившіяся дружественныя сношенія съ Царьградомъ требовали справедливаго вниманія къ нему и устраненія поводовъ къ недоразумѣніямъ, когда болгарскій вопросъ выступалъ на череду окончательнаго рѣшенія и вызывалъ дворъ римскій къ доказательствамъ уваженія славянской народности и когда, наконецъ, моравская народность, подъ водительствомъ мудраго Ростислава, подорвала нѣмецкое владычество; когда, въ свою очередь, папа и въ политическомъ отношеніи неизбѣжно нуждался въ поддержкѣ отъ императора византійскаго, по поводу начавшихся войнъ въ южной Италіи съ сарацинами, захватившими значительную часть владѣній папскихъ. При такомъ только стеченіи обстоятельствъ, въ 870 году, Адріанъ не видѣлъ болѣе возможности устоять противъ желаній и настояній Коцела, не рискуя потерять съ Болгаріей и Моравію съ Паннопіей, уже испробовавшую такъ недавно путь обращенія къ Греціи и доставшую оттуда народныхъ проповѣдниковъ. Стоитъ не много вникнуть въ посланіе Адріана, чтобы усмотрѣть со всею очевидностью его внимательность къ вынуждающимъ на уступку событіямъ. Какъ тонко, напримѣръ, упоминаетъ онъ объ обращеніи князей къ греческому императору, Михаилу, стараясь оправдать дворъ римскій тѣмъ, что онъ не успѣлъ сдѣлать того-же, т. е. отправить въ Моравію подоб-

ныхъ же народныхъ просвѣтителей, будто при всемъ своемъ желаніи. Это мѣсто весьма важно, потому что свидѣтельствуетъ устами самого папы о предварительной просьбѣ Ростислава у Рима и объ обращеніи къ Византіи только тогда, когда послѣдній оставилъ ее безъ вниманія: „не токмо бо оу сего святительскаго стола *просите оучителя*, но и оу благовѣрнаго царя михаила, да посла вамъ блаженнаго философа коньстаньтина и съ братомъ, *донъдеже мы недоспѣхомъ*" [50], — и никогда бы не доспѣлъ Римъ, никогда бы и на мысль не пришло его епископу удовлетворять такому желанію народному, если-бы не вынудила къ тому необходимость, прибавимъ мы. Съ какимъ уваженіемъ относится Адріанъ и къ Михаилу царю, тому Михаилу, который привязанностью своею къ Фотію, возвышеніемъ его въ патріархи и энергическимъ заступничествомъ болѣе всего надѣлалъ непріятностей Риму и возбудилъ Николая къ преступному расторженію единства церковнаго. Но Адріанъ, по примѣру дѣйствій своего предшественника въ Болгаріи, и тутъ, при первомъ посольствѣ Коцела, все еще не думалъ объ епископствѣ Меѳодія, и послалъ его въ званіи простаго учителя, съ саномъ *только* священника; онъ не могъ уже долѣе упорствовать, когда Коцелъ, какъ видно, тотчасъ-же по прибытіи Меѳодія въ Паннонію, послалъ его назадъ въ Римъ, съ просьбою, вѣроятно, недалекою отъ требованія, посвятить въ епископа.

Не рѣшаемся утверждать положительно, но не скроемъ и своей догадки: не потому ли западно-католическіе историки о Кириллѣ и Меѳодіи и спѣшатъ, какъ-можно поскорѣе, возвести въ епископскій санъ въ Римѣ св. братьевъ,

---

[50] Жит. Меѳ., стр., 5, § VIII.

чтобы устранить отъ читателя возможныя соображенія насчетъ вынужденности папы поступить подобнымъ образомъ изъ побужденій чисто своекорыстныхъ, а не изъ любви и преданности къ солунцамъ, что обыкновенно выставляютъ они на первый планъ. Въ противномъ случаѣ, чѣмъ объяснить утвержденіе Гинцеля [51], столь высоко цѣнящаго осторожность Рима, будто Адріанъ, немедленно по смерти Кирилла, возвысилъ Меѳодія даже въ санъ архіепископа, утвержденіе, которое находится въ такомъ поразительномъ противорѣчіи съ его-же мнѣніемъ о законности власти надъ Панноніей нѣмецкаго епископства, о несомнѣнныхъ правахъ его господства, которыхъ поколебать или сокрушить не удалось и самому папѣ: послѣдній могъ возстать противъ этихъ правъ только въ силу особенныхъ, настоятельныхъ побужденій, которыхъ до требованія Коцела не было; не удивительно, что докторъ Рачкій, внимательнѣйшій къ противорѣчіямъ, возсталъ по этому поводу противъ Гинцеля [52], доказывая неестественность со стороны папы вступать въ борьбу съ нѣмецкимъ духовенствомъ безъ основательныхъ причинъ. Борьба эта, неизбѣжная при назначеніи особаго паннонскаго архіепископа, оказалась необходимою уже послѣ заявленія паннонскаго князя. Мы готовы согласиться съ Рачкимъ, что ошибка Гинцеля произошла отъ того, что онъ удалилъ изъ числа источниковъ паннонское житіе; но потому-то и удалилъ онъ его, что сообщаемыя свѣдѣнія въ немъ должны ниспровергнуть проводимую имъ теорію римскаго католичества Кирилла и Меѳодія; потому-то и самъ г. Рачкій, признающій достовѣрность житія, доказывающій несомнѣнную дѣйствитель-

---

[51] Стр. 51.

[52] Стр. 263, прим. 3.

ность въ немъ и посланія Адріанова, не держится, однакоже, строго указаній ихъ и, не смотря на то, что всѣ остальные источники, какъ мы уже замѣтили, рѣшительно молчатъ о подробностяхъ и послѣдовательности связей Меѳодія съ Римомъ послѣ 14 февраля, 869 года, оставляя мѣсто извѣстіямъ объ этомъ лишь въ паннонскомъ житіи и въ папскомъ посланіи, онъ все-таки посвящаетъ Меѳодія въ епископа передъ первымъ его отходомъ въ Паннонію, а при вторичномъ посольствѣ Коцела возводитъ его уже въ архіепископа; между тѣмъ, какъ послѣдній санъ Меѳодія былъ уже результатомъ новой прозьбы, и при томъ моравамъ, о чемъ опять точно свидѣтельствуетъ, какъ сейчасъ увидимъ, то-же житіе Меѳодіево.

Такимъ образомъ, не рѣшительныя слова автора статьи „О св. Кириллѣ и Меѳодіи“ [53]: *ни въ одномъ сказаніи о Кириллѣ и Меѳодіи не говорится, чтобы Меѳодій сначала посланъ былъ изъ Рима только священникомъ, а потомъ уже епископомъ; но нѣтъ уважительныхъ причинъ отвергать сего*, мы позволяемъ себѣ обратить въ положительное мнѣніе, что св. Меѳодій явился въ Паннонію сначала священникомъ, и только послѣ вторичнаго похода въ Римъ, вѣроятнѣе всего, въ 870 году еще, получилъ санъ епископа. На такое мнѣніе уполномочиваетъ насъ прямое свидѣтельство житія паннонскаго и заключенной въ немъ буллы Адріановой, при отсутствіи и малѣйшаго противорѣчія такому свидѣтельству всѣхъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ; не менѣе побуждаетъ и согласіе подобнаго распоряженія съ обычною политикою двора римскаго, допускающею уступки только въ крайности, въ какой, дѣйствительно, и находился Римъ въ указан-

[53] Москвитянинъ, 1843, кн. 6, стр. 427, прим. 27.

ное время. Припомним, что, въ февралѣ этого года, Болгарія опять отошла къ Византіи, вслѣдствіе неуступчивости Николая, какъ видѣли мы, желаніямъ Бориса имѣть своего архіепископа: боязнь видѣть повтореніе того-же и въ Панноніи заставила Адріана ускорить посвященіемъ Меѳодія. Ниже мы убѣдимся болѣе, что, и во все послѣдующее время трудной и обставленной опасностями жизни Меѳодія, Римъ является, какъ нарочно, съ вниманіемъ къ нему именно только въ минуты, когда это вниманіе обусловливалось корыстными соображеніями.

Но, удовлетворяя одной сторонѣ, славянской, папа неминуемо вооружалъ противъ себя другую, не менѣе сильную и опасную, именно сторону нѣмецкую, считавшую своею неотъемлемою собственностью область паннонскую, какъ потому, что его миссіонерами расширено было тамъ христіанство, такъ и по рѣшенію Карла Великаго, отчислившаго Моравію и Паннонію вѣдомству епископовъ зальцбургскаго и пассавскаго. Какъ было поступить въ такомъ случаѣ святѣйшему отцу, чтобы доказать свое право на столь видимое нарушеніе неоспаривавшихся досслѣ никѣмъ правъ другаго, признававшихся безспорными, въ теченіе слишкомъ 70 лѣтъ, и самымъ Римомъ? Просьба Коцела, *да и емоу сътанъ на епископьство въ панонiи, на столъ святаго андроника апостола отъ .о. (70)*, указывала слишкомъ наглядно, если не прямо на право папы не стѣсняться іерархіею нѣмецкою, то — на поводъ къ такому праву. За этотъ поводъ и ухватился Адріанъ, развилъ изъ него историческое въ пользу Рима право и оперся на послѣднее въ притязаніяхъ своихъ на область зальцбургскую не только передъ высшимъ духовенствомъ, но и передъ высшею свѣтскою властью, передъ королемъ нѣмецкимъ.

И старое преданіе, включенное въ лѣтопись преподобнаго Нестора, и свидѣтельства историческія утверждають, что первымъ сѣятелемъ христіанства, въ странахъ западно-дунайскихъ, былъ апостолъ Андроникъ: его усиліямъ приписывается и устройство сремско-паннонской епископіи, первымъ епископомъ которой считается самъ онъ[54]. Западъ причисляетъ его даже къ разряду митрополитовъ паннонскихъ, какъ ни тяжело вяжется съ первыми годами христіанства эта строго-іерархическая регуляція; но установить ее, хотя-бы и въ XIX столѣтіи, Риму ничего не стоитъ, коль скоро приходится оперѣть на ней какое-либо задуманное право. Впрочемъ, не только епископство, а и самое христіанство, въ предѣлахъ проповѣди св. Андроника, подверглось вскорѣ послѣ него сначала паденію, а послѣ 582 года, когда область дунайская досталась въ руки дикихъ аваровъ, и конечному уничтоженію. Въ послѣдніе годы VIII столѣтія здѣсь произошелъ знаменательный переворотъ, какъ въ политическомъ, такъ и религіозномъ отношеніяхъ: Карлъ Великій, сокрушивши силу аваровъ и подчинивши своей власти подунайскія земли, раздѣлилъ ихъ въ церковной администраціи на двѣ части, изъ которыхъ одну, такъ называемую верхнюю (западную) Паннонію отчислилъ вѣдомству пассавскихъ епископовъ, сдѣлавшихся скоро обладателями, какъ сказали мы выше, и Моравіи; другую, нижнюю (восточную) Паннонію, съ княжествомъ нитранскимъ, передалъ зальцбургскому епископству. При столь самовластномъ распоряженіи областями въ церковной администраціи, со стороны свѣтской власти, дворъ римскій не только не заявилъ какого-либо протеста, но не выразилъ ничѣмъ и тѣни неудовольствія, какъ

[54] *Ἀνδρόνικος... ἐπίσκοπος Παννονίας ἐγένετο.* Chronic. pasch. Pertz.

во время жизни Карла Великаго, такъ и при послѣдующихъ его преемникахъ, вплоть до 870 года. Замѣчательный фактъ, доказывающій, что и на западѣ, до второй половины IX вѣка, церковь вполнѣ подчинялась свѣтской власти, въ административномъ распредѣленіи областей; самъ папа Николай, рѣзко вооружившійся, по дѣлу о Болгаріи, противъ зависимости церковной территоріи отъ свѣтско-государственнаго раздѣленія, ни однимъ звукомъ не возсталъ въ пользу отчисленія Паннонiи себѣ или устройства изъ нея отдѣльной епархіи. Понятно, тогда не выступали еще личные интересы для Рима по Паннонiи, и она безпрепятственно продолжалась управляться по распоряженію Карла Великаго.

Дѣла съ Меѳодіемъ и съ князьями славянскими заставили взглянуть папу иначе на исторію христіанства въ Паннонiи. Поставленный между двухъ огней и напуганный событіями въ Болгаріи, онъ не видѣлъ уже иного средства отдѣлаться отъ просьбы Коцела, какъ полнымъ удовлетвореніемъ ея, а противъ притязаній іерархіи нѣмецкой рѣшился выставить историческія права Паннонiи на самостоятельность церковной администраціи, какъ страны, находившейся нѣкогда подъ властью собственнаго епископа. Въ какой мѣрѣ руководили при этомъ римскимъ дворомъ случайные и личные интересы, а не знаніе правды и пользы народовъ, убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ послужитъ намъ судьба Паннонiи по смерти Меѳодія, когда снова все вошло въ прежніе порядки и папа оставался также спокойнымъ зрителемъ господства въ ней духовенства нѣмецкаго, какъ это было до 870 года. Какъ-бы то ни было, но въ это время ему легче было бороться съ архіепископомъ зальцбургскимъ, нежели съ народною волею славянъ, заявившею представителями ихъ, князьями, — и Меѳодій утвержденъ еписко-

помъ Панноніи. Теперь мы можемъ смѣлѣе высказать и свою догадку, что едва-ли не по совѣту и увѣщаніямъ изъ Рима включено и въ просьбу Коцела напоминаніе о Панноніи; оно важно въ томъ смыслѣ, что придавало основаніе, законность самой просьбѣ, какъ послѣдняя должна была, въ глазахъ вліятельныхъ противниковъ Меѳодія, снять упрекъ съ папы за инниціативу небывалаго еще распоряженія. Во всякомъ случаѣ, не легко допустить, безъ крайнихъ натяжекъ, мысль, будто самъ Коцелъ или Меѳодій пришли къ такому основанію, которое только въ изворотливомъ и казуистическомъ умѣ римлянъ могло отыскать, хотя и внѣшнюю, юридическую опору. Ктому-же, скорая за этимъ ссылка Меѳодія, на судѣ передъ нѣмецкими епископами, на земли Панноніи, какъ на область св. Петра, служила бы рѣзкимъ противорѣчіемъ теоріи о паннонскомъ епископствѣ св. Андроника; а точное и подробное знакомство съ древнею исторіею церкви христіанской едва-ли согласно съ образованіемъ Коцела.

Современные источники не говорятъ ничего объ объемѣ власти, предоставленной Адріаномъ новому паннонскому епископу: былъ ли онъ назначенъ простымъ епископомъ, или ему дана власть независимаго въ своей территоріи іерарха, съ правами архіепископа, слѣдовательно ни въ чемъ не подчиненнаго митрополіи зальцбургской. Но, принимая въ соображеніе дальнѣйшую безучастность Адріана въ несчастіяхъ Меѳодія, отсутствіе всякихъ съ Римомъ сношеній послѣдняго до 873 года, когда уже не было въ живыхъ Адріана; а съ другой стороны, положительное увѣреніе наслѣдника Адріанова, папы Іоанна VIII, въ буллѣ къ Святополку, въ томъ, что Меѳодій, опредѣленъ архіепископомъ паннонскимъ *его предшественникомъ*, кажется, мы не ошибемся, заключивъ, что въ томъ-же, 870 году, Ме-

ѳодій и былъ отправленъ въ Паннонію въ качествѣ и съ правами архіепископа. Къ такому только заключенію приводитъ и просьба Коцела — посвятить Меѳодія на столъ епископа Андроника; князю лучше другихъ должно было быть извѣстнымъ, что лишь при независимости отъ власти нѣмецкой въ состояніи былъ дѣйствовать Меѳодій въ видахъ пользы и желаній народа славянскаго, равно и въ видахъ личнаго убѣжденія. Независимостью только и самоправностью Меѳодія объясняется и та жестокая ярость, съ какою бросилась на него нѣмецкая іерархія, тотъ-часъ, по прибытіи его въ область паннонскую. Съ этой поры начинается самая упорная борьба между двумя властями, представлявшими двѣ враждебныя народности. Нѣмцы тѣмъ легче усматривали подрывъ своего господства надъ славянами, которыхъ издавна привыкли уже считать своими подданными, чѣмъ глубже, духовнѣе и всестороннѣе оказывалъ вліянія Меѳодій и чѣмъ сочувственнѣе относился къ нему народъ славянскій. Не мудрено, что въ этой борьбѣ, начатой на почвѣ исключительно церковной, приняли горячее участіе и свѣтскіе правители, какъ со стороны нѣмецкой, такъ и славянской.

Меѳодій остановился прежде всего въ Панноніи; нѣтъ никакихъ указаній, чтобы заходилъ онъ и въ Моравію, а соображеніе политическихъ событій въ послѣдней, именно въ эти минуты, даетъ право съ положительностью утверждать, что ему и не удалось уже болѣе видѣться съ Ростиславомъ. Само-собою понятно, что первымъ дѣломъ Меѳодія въ Панноніи было введеніе славянскаго богослуженія, доселѣ еще въ ней неслыханнаго. Къ этому обратился бы онъ даже и въ томъ случаѣ, если-бы оставался въ званіи простаго учителя и священника, по примѣру своего брата, не замедлившаго ввести славянскую

службу въ Моравіи, по приходѣ своемъ изъ Византіи. Тѣмъ болѣе, разумѣется, считалъ онъ себя въ правѣ распорядиться такъ теперь, будучи епископомъ и услышавши въ Римѣ торжественное признаніе славянскаго языка въ божественной службѣ изъ устъ самого папы. И нельзя безъ изумленія читать тѣхъ строкъ сочиненія Гинцеля, въ которыхъ старается онъ ослабить виновность Меѳодія, дерзнувшаго, безъ особаго разрѣшенія папскаго, служить по-славянски. Мы видѣли, что Гинцель рѣшительно отвергаетъ такую службу и въ Моравіи, въ первые годы пребыванія тамъ св. братьевъ; отвергаетъ на томъ только основаніи, что Кириллъ не получилъ на это права ни изъ Рима, ни отъ мѣстнаго, пассавскаго епископа; отсюда, и на приведенныя нами выше свидѣтельства, доказывающія неподчиненность Кирилла римско-нѣмецкой іерархіи, самостоятельный образъ дѣйствій его, на основаніи постановленій и обычаевъ церкви восточной, онъ смотритъ подозрительно и отрицаетъ ихъ историческую дѣйствительность. Но теперь, въ пребываніе Меѳодія въ Панноніи, славянское богослуженіе не подлежитъ сомнѣнію; не въ силахъ не признавать его и Гинцель, а между тѣмъ точно такъ-же онъ не знаетъ особой буллы или другаго акта отъ папы Адріана, которымъ бы дозволялся славянскій языкъ въ дѣлахъ церкви. И вотъ г. Гинцель рѣшается обвинить Меѳодія въ самоволіи; но какъ Меѳодій находится въ числѣ святыхъ и римской церкви и автору, какъ католику, желательно изъ видовъ славянской пропаганды выставить непорочными передъ римскимъ престоломъ солунцевъ, то онъ не стѣсняется, хотя и весьма не ловкими соображеніями, оправдать его въ этомъ своеволіи. Соображенія эти сведены къ одной мысли, къ догадкамъ и надеждѣ Меѳодія, что святой отецъ не осудитъ его распоряженій, оцѣнивши высокую

отъ нихъ пользу для христіанскаго успѣха среди славянъ [55]. Не уже ли г. Гинцель не сообразилъ, что вѣдь подобнымъ образомъ могъ оправдывать себя и Кириллъ, затѣявши славянское богослуженіе въ Моравіи; да и мало ли какого нарушенія постановленій и обычаевъ нельзя извинить такимъ пріемомъ. И все это происходитъ отъ того, что, отвергнувши паннонское житіе Меѳодія, и въ вопросахъ, клонящихся къ нарушенію обычаевъ римскихъ, положивши пользоваться единственно посланіями папскими и опредѣленіями соборными, въ огромной массѣ для древности погибшими, онъ слѣпо отрицаетъ и другіе источники, согласные съ житіемъ и по такимъ событіямъ, которыя оправдываются и даже требуются ходомъ дѣлъ. Такъ, для него ничего не значитъ и легенда моравская, не значутъ и Lectiones Ecclesiasticæ, въ которыхъ, по поводу суда въ Римѣ надъ Константиномъ за славянскій языкъ, читаемъ: „at illi audientes (т. е. духовенство римское съ папой защиту Кирилла) et admirantes tanti viri sanctitatem et fidem, *auctoritate sua statuerunt et firmarunt*, supernotato sermone partibus in illis missarum solennia ceterasque horas canonicas hymnizare“ [56]. Понятно, что такими соображеніями не удовлетворилъ г. Гинцель и своихъ единовѣрцевъ изъ славянъ и заслужилъ отъ нихъ справедливый и рѣзкій укоръ [57].

---

[55] Zwar konnte es sich der einsichtsvolle Kirchenfürst nicht bergen, dass er durch Einführung der Volkssprache in die Liturgie eine bisher unerhörte Neuerung statuire; aber er gab sich der Hoffnung hin, der apostolische Stuhl werde in Würdigung des überwiegenden Nutzens für den christlichen Fortschritt der Slaven diese Abweichung von der Allgemeinen Kirchenordnung nicht verdammen, стр. 56 — 57.

[56] Acta Sanctor., тамъ-же, стр. 24, § 3.

[57] Рачкій, стр. 266, примѣч. 1.

Но не самъ-собою славянскій языкъ, нововведенный въ богослуженіе, сдѣлался теперь поводомъ и основаніемъ для вооруженія нѣмецкой іерархіи, а архіепископская власть Меѳодія, которая, въ соединеніи съ намѣреніями и желаніями какъ его, такъ и народа, распиритъ всюду по территоріи славянской народную службу, могла свободно располагать выборомъ и назначеніемъ духовенства. Понятная вещь, что нѣмцамъ трудно было удержаться на своихъ мѣстахъ, еще труднѣе, прямо невозможно было разсчитывать на новую высылку ихъ изъ Зальцбурга. Это теоретическое соображеніе оправдывается и положительнымъ свидѣтельствомъ исторіи. По словамъ безъименнаго лѣтописца объ обращеніи хорутанъ, когда съ прибытіемъ Меѳодія весь народъ въ Панноніи бросился въ тѣ церкви, въ которыхъ сталъ раздаваться языкъ славянскій, то архипресвитеръ Рихбальдъ, со всѣмъ нѣмецкимъ духовенствомъ, не имѣя силы снести этого униженія, не замедлилъ тотъ-часъ же убраться въ свой Зальцбургъ [58]. И дѣйствительно, не легко было нѣмцамъ согласиться на подчиненіе Меѳодію, котораго они считали пришлецомъ, человѣкомъ чуждымъ, отзываясь о немъ презрительно, какъ о простомъ грекѣ, даже и въ то время, когда онъ уже былъ посвященъ въ епископа; еще труднѣе было для нихъ принять въ службу презрѣнный въ ихъ глазахъ языкъ рабовъ, что было неизбѣжнымъ условіемъ признанія власти епископской за Меѳодіемъ и удержанія за собою прежнихъ мѣстъ въ епархіи славянской.

Не много требовалось усилій, чтобы удалившемуся изъ Панноніи нѣмецкому священству взволновать митрополію зальбургскую и побудить ее прибѣгнуть къ самымъ крутымъ и рѣши-

---

[58] Kopitar, Glag. Cloz., стр. LXXV.

тельнымъ мѣрамъ. Не думая признавать папскаго рѣшенія о епископствѣ Меѳодія, считая его простымъ грекомъ, что очевидно изъ упомянутой лѣтописи, писанной въ 874 году (quidam graecus), митрополія зальцбургская потребовала его на судъ. Правда, объ этомъ судѣ, равно и о послѣдствіяхъ его, сопровождавшихся заключеніемъ Меѳодія, какъ преступника, мы не находимъ нигдѣ извѣстія, кромѣ одного жизнеописанія паннонскаго; но тѣмъ съ большимъ правомъ слѣдуетъ довѣрять ему въ этомъ, что въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ, въ срокъ, какой, по житію, содержался Меѳодій въ заключеніи у нѣмцевъ, всѣ источники молчатъ о немъ; нисколько не менѣе возбуждаютъ довѣріе къ житію и послѣдующія обстоятельства, связанныя съ заступничествомъ папы и съ характеромъ возобновленія епископской власти Меѳодія.

На судъ этотъ, надобно полагать, потребованъ былъ Меѳодій очень скоро, послѣ своего возвращенія изъ Рима; вѣроятнѣе всего, въ томъ-же году, потому что, по свидѣтельству житія, нѣмцы „сьпрѣвше сѧ разидоша, а онаго (Меѳодія) заславше въ свабы, дръжааша *пол третіа* (2½) *лѣта*"; между тѣмъ, какъ въ 874 году, какъ скоро увидимъ, Меѳодій, по настоянію папы, является снова въ Панноніи. Житіе совершенно согласно съ единственно возможнымъ настроеніемъ нѣмецкихъ іерарховъ изображаетъ и главный вопросъ на судѣ; онъ заключался въ требованіи отчета, по какому праву Меѳодій осмѣлился учить въ области зальцбургской епископіи: „старыи врагъ... въздвиже серце врага моравьскаго короля на насъ, съ всѣми епископы: ꙗко на нашеи области оучиши". Особеннаго вниманія достоинъ отвѣтъ Меѳодія, подробно переданный въ его паннонскомъ житіи: „и азъ аще быхъ вѣдалъ, ꙗко ваша есть, кромѣ быхъ ходилъ, но свѧтаго петра

есть“; въ этихъ словахъ позволяемъ мы себѣ видѣть взглядъ св. братьевъ на предѣлы патріархата римскаго и основаніе, въ силу котораго не затруднились они отправиться въ столицу сего патріархата, какъ скоро были обвинены за вѣроученіе въ его области. По нашему убѣжденію, въ упомянутомъ отвѣтѣ нельзя ничего усмотрѣть иного, кромѣ напоминанія о раздѣленіи европейской церкви на два патріаршества, въ силу стародавняго раздѣла на двѣ части восточно-римской имперіи, и на то, что страна паннонская относится къ западной половинѣ и, слѣдовательно, находится подъ верховнымъ вѣдѣніемъ епископа римскаго, какъ патріарха западнаго, властью котораго поставленъ онъ въ епископа Паннопіи. Меѳодію, конечно, хорошо было извѣстно, что не апостолъ Петръ, а апостолъ Андроникъ устроилъ первоначальную церковь христіанскую въ послѣдней, и ежели, не взирая на это, все-таки отчисляетъ ее къ апостолу Петру, то ясно, что дѣлаетъ это въ смыслѣ утвердившейся издавна церковной іерархіи, освященной многими вѣками и признанной высшею свѣтскою властью. Но напрасны были усилія чужестранца Меѳодія тамъ, гдѣ властолюбіе и корыстолюбіе ослѣпляли судей до того, что они позволили себѣ дерзкое пренебреженіе только-что состоявшагося распоряженія верховнаго своего представителя и главы, римскаго папы. Обвиняя Меѳодія и подвергая его наказанію, они этимъ самымъ развѣ не сильнѣе еще оскорбляли послѣдняго, волею и именемъ котораго получилъ въ церковное управленіе область свою Меѳодій?

Но что же князья славянскіе? Неужели они отступились отъ Меѳодія и спокойно, безъ возраженій, предоставляли судьбу его ненависти закоренѣлыхъ враговъ славянства и его возлюбленнаго учителя, къ которому одинъ изъ нихъ, Коцелъ, такъ не-

давно еще выразилъ безграничное свое уваженіе и за посвященіе котораго столь настоятельно, за нѣсколько мѣсяцевъ, хлопоталъ передъ римскимъ престоломъ? Вопросъ необыкновенно важный, по нашему мнѣнію, и не столько въ томъ смыслѣ, чтобы опредѣлить отношеніе князей къ Меѳодію и его судьямъ, сколько въ томъ, что съ правильнымъ пониманіемъ его нераздѣльно связана оцѣнка дѣйствій и самого папы.

Между 870 и 873 годами происходили въ Моравіи тѣ горестныя событія, которыя угрожали окончательнымъ паденіемъ только-что упроченнаго славянскаго княжества; въ общихъ чертахъ намъ уже извѣстенъ этотъ плачевный переворотъ, главною виною котораго было несогласіе между самими князьями, близкими родичами, Ростиславомъ и Святополкомъ. Мы уже сказали выше, какъ Святополкъ, удовлетворяя своему честолюбію, захватилъ измѣннически своего дядю и благодѣтеля и передалъ его въ руки яростныхъ враговъ, нѣмцевъ, разсчитывая самъ занять мѣсто великаго князя моравскаго. Ростиславъ былъ преданъ суду, приговоренъ къ смерти и только по волѣ короля наказаніе это замѣнено ослѣпленіемъ и ссылкою въ одинъ изъ нѣмецкихъ монастырей. Результатомъ гибели Ростислава было то, что нѣмцы снова овладѣли Моравіей: королевскій сынъ, Карломанъ, правитель восточной Марки, безъ малѣйшаго отпора вступилъ въ княжество, захватилъ замки и укрѣпленія и, устроивши управленіе страною на нѣмецкій ладъ (ordinato regno atque per suos disposito), возвратился въ свою землю, взявши съ собою княжескія сокровища и поручивши завѣдываніе Моравіей двоимъ нѣмецкимъ графамъ [59]. Все это совершилось въ теченіе 870 года, когда Меѳодій, въ санѣ

---

[59] Annal. Fuldenses, ad an. 870.

епископском, явился въ Паннонію, подвергся нападенію нѣмцевъ и, спустя немного времени, былъ заключенъ. Святополкъ, слѣдовательно, обманулся въ своихъ разсчетахъ; онъ долженъ былъ ограничиться однимъ своимъ княжествомъ нитранскимъ, да и въ немъ не могъ избѣжать подозрительности нѣмцевъ, не смотря на желаніе поддѣлаться къ нимъ. Только угодливостью послѣднимъ можно уяснить и ироническое замѣчаніе Святополка, на-счетъ Меѳодія, высказанное имъ во время суда: „многамъ же рѣчемъ прогоненамъ и не могущемъ емоу противоу ѡтвѣщевати, рече король из ница; *не троужаите моего мефодіа, оуже бо ся яко и при пещи оупотілъ*“. Къ сожалѣнію, Святополкъ, какъ видно, не вполнѣ еще понималъ тогда, съ какими друзьями пришлось имѣть ему дѣло. Не прошло и года, какъ, по подозрѣніямъ въ измѣнѣ, схваченъ былъ и самъ онъ, по приказанію Карлманна, и посаженъ подъ стражу[60].

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ князей могъ лишь одинъ Коцелъ принять участіе въ Меѳодіи и возстать противъ своевольнаго и преступнаго распоряженія іерарховъ нѣмецкихъ. Но и прежде говорили мы, что сила паннонскаго князя была слишкомъ ничтожна, чтобы дѣйствовать вопреки могущественнаго и сосѣдняго своего господина, какимъ былъ Карлманнъ, маркграфъ Австріи; теперь, по завоеваніи послѣднимъ Моравіи, тѣмъ менѣе возможно было разсчитывать на противодѣйствіе, — и Коцелу оставалось лишь покорностью и смиреніемъ сохранять и собственное свое княженіе. Здѣсь умѣстно замѣтить,

---

[60] Annal. Fuld., ad an. 871: Zuentibald, nepos Rastici, apud Karlomannum infidelitatis crimine insimulatus, in custodiam missus est.

въ какой неразрывной связи съ могуществомъ моравскаго князя проявляется и свободный, до нѣкоторой степени даже энергическій, голосъ Коцела: за три года назадъ, когда Моравія видимо упрочивала независимость, онъ ни мало не затруднился не только принять съ любовію и почетомъ шедшихъ въ Римъ Кирилла и Меѳодія, но послалъ съ ними и учениковъ отъ себя, для обученія славянскому языку, научился и самъ ему отъ св. Кирилла, не смотря на то, что едва успѣлъ дружественно проводить нѣмецкаго епископа, которому, естественно, не могло быть пріятно подобное отношеніе его къ солунцамъ; а за нѣсколько мѣсяцевъ передъ арестомъ Меѳодія, Коцелъ не задумался потребовать отъ папы даже и отдѣльнаго епископа, въ лицѣ Меѳодія, будучи увѣренъ въ грозномъ возставіи зальцбургскихъ іерарховъ; но не страшны были ему нѣмцы въ ту пору, когда на верху могущества стоялъ въ родственной и сосѣдней Моравіи Ростиславъ. Совсѣмъ другое теперь; тотъ-же Коцелъ не осмѣливается замолвить и слова за своего епископа, такъ невинно и беззаконно оскорбленнаго нѣмцами, и единственно потому, что его сила и значеніе заключались въ опасномъ для нѣмецкой власти могуществѣ князя моравскаго, уничтоженномъ захватомъ и заключеніемъ Ростислава.

Но у Меѳодія былъ, по видимому, и другой защитникъ, несравненно сильнѣйшій и могущественнѣйшій, вліяніе котораго на дѣла западныя съ каждымъ годомъ усиливалось и въ области свѣтской, тѣмъ болѣе въ сферѣ церковной, гдѣ оно, казалось, было безусловнымъ, — это первосвященникъ римскій, съ такимъ горячимъ, по видимому, сочувствіемъ отправившій Меѳодія въ Паннонію, съ такою любовію относившійся къ нему съ первыхъ дней перваго посѣщенія имъ Рима и съ такою

опредѣлительностью уполномочившій его на подвигъ славянскаго служенія, грозя даже проклятіемъ его хулителямъ и порицателямъ. Что же сдѣлалъ этотъ первосвященникъ, въ виду злодѣйскаго обращенія съ Меѳодіемъ, которое столь очевидно задѣвало и оскорбляло и его апостольскую честь и постыднымъ образомъ подрывало, уже не ту всесвѣтную, абсолютную, искомую только со времени Николая, а дѣйствительную, законную, неотъемлемо принадлежащую римскому іерарху власть? Никакого отголоска не слышимъ мы изъ Рима въ защиту Меѳодія и въ поддержаніе униженнаго собственнаго его достоинства. Загадочное дѣло, возбуждающее къ разнообразнымъ заключеніямъ, и при томъ такъ, что при всевозможныхъ натяжкахъ, ни одно заключеніе не удается въ пользу и оправданіе невнимательности римской. Не мудрено, что одни католическіе писатели, какъ Штульцъ и Рачкій, столь гибкіе въ тѣхъ случаяхъ, когда предстоитъ надобность отстранить, во что бы то ни стало, наложенную исторіею тѣнь на *святаго отца*, проходятъ молча это событіе, какъ-бы боясь затронуть отношеніе къ нему папы; другіе, какъ Гинцель, позволяютъ себѣ вовсе отвергать судъ надъ Меѳодіемъ, съ его послѣдствіями, и хотятъ видѣть Меѳодія спокойно исправляющимъ свою должность въ Панноніи[61]. Но это слишкомъ уже рѣзкій пріемъ, пригодный лишь для г. Гинцеля и весьма немногихъ, какіе могутъ найтись подобными ему: сношенія папы съ королемъ и нѣмецкимъ духовенствомъ, въ 873 — 75 гг., противъ которыхъ не дерзнетъ возстать и г. Гинцель и съ которыми мы не замедлимъ познакомить читателя, не позволятъ никому сомнѣваться, что жизнь Меѳодія не была спокойна, въ двухъ-съ-половиною-

---

[61] Гинцель, стр. 55, прим. 6.

лѣтній промежутокъ, и что преслѣдованія со стороны нѣмецкой іерархіи не подлежатъ ни малѣйшему отрицанію. Впрочемъ, и католики не безъ изумленія относятся къ пріему г. Гинцеля.

Изъ всѣхъ, однакоже, заключеній, по поводу непостижимой, на первый взглядъ, безучастности папы къ несчастіямъ Меѳодія, прежде всѣхъ и навязчивѣе всѣхъ бросается въ голову слѣдующее: уже не потому ли папа считалъ себя въ-правѣ оставить безъ вниманія судьбу Меѳодія, а съ нимъ и славянской службы, что въ возстановленной власти нѣмецкой надъ Моравіей видѣлъ достаточное средство удержать славянскій народъ въ повиновеніи церковномъ и безъ тяжелыхъ уступокъ, безъ особеннаго архіепископа и безъ введенія неслыханной въ римской церкви новизны, славянскаго языка? Это заключеніе вызываетъ и обратное: не потому ли папа и считалъ себя вынужденнымъ посвятить Меѳодія въ епископы Панноніи, по рѣшительному желанію Коцела, и предоставить ему свободу для богослуженія по-славянски, что тогда сила Моравіи была слишкомъ велика и независима отъ нѣмцевъ и что представитель княжества моравскаго, обращеніемъ къ Византіи, обнаружилъ слишкомъ энергически ревность къ самостоятельности церковной и къ понятному языку въ дѣлахъ вѣры? Ежели это такъ, то нечисты побужденія Рима, и напрасно католическо-славянскіе авторы приходятъ въ энтузіазмъ отъ того, что, будто-бы, святѣйшій отецъ одинъ, среди іерарховъ запада, покровительствовалъ славянскимъ братьямъ, одинъ отстаивалъ ихъ отъ посягательствъ духовенства нѣмецкаго; будто въ противодѣйствіяхъ славянскому богослуженію отражается лишь вражда національности нѣмецкой и корысть духовенства нѣмецкаго, а не принципъ церкви римской, представитель которой поступалъ

совершенно обратно, — ежели это такъ, то и святѣйшій отецъ, значитъ, руководился одинаково разсчетами попускать и славянамъ по необходимости, изъ крайности, по минованіи которой не только съ удовольствіемъ взиралъ на возстановленіе прежнихъ порядковъ, но способенъ былъ и самъ, собственноручно, уничтожить то, что создалъ онъ по нуждѣ; ежели это такъ, то, выходитъ, что гоненіе на славянскую службу и на проводниковъ и учредителей ея, на св. Кирилла и Меѳодія, проистекало не изъ народной вражды, противъ воли куріи римской, а изъ жалкаго начала, усвоеннаго честолюбивою церковью запада и проводимаго съ непоколебимымъ упорствомъ, черезъ костры изъ книгъ и людей, во все время ея существованія, до настоящихъ дней. А чтобы убѣдиться, такъ ли это, посмотримъ, при какихъ условіяхъ поднялся, наконецъ, и голосъ римскаго первосвященника противъ насилій нѣмецкой іерархіи.

На своемъ мѣстѣ имѣли мы случай упомянуть о тѣхъ обстоятельствахъ, какими скоро воспользовался Святополкъ для своего высвобожденія изъ плѣна нѣмецкаго и для полученія княжескаго достоинства надъ всею областью Ростислава: это была вторая его измѣна, уже нѣмцамъ, искупившая, въ глазахъ народа моравскаго, первую измѣну отечеству и славянству. Но, ставши княземъ Моравіи и избивши сопровождавшее его войско нѣмецкое, Святополкъ долженъ былъ прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ средствамъ защиты, будучи увѣренъ, что нѣмцы не легко разстанутся съ столь богатою добычею и не замедлятъ явиться съ местію за коварное истребленіе соотечественниковъ. Весь 872 и большая часть слѣдующаго года прошли въ самой ожесточенной и опустошительной войнѣ. Но тщетно король нѣмецкій высылалъ громадныя войска свои изъ

баварцевъ, тюрингцевъ и саксонцевъ, — Святополкъ находилъ возможность уничтожать и прогонять ихъ; въ самомъ началѣ войны, присоединились къ нему и вѣрные союзники, чехи, значительно задержавшіе и ослаблявшіе силу нѣмецкую. Въ 873 году, Святополкъ перешелъ изъ оборонительнаго положенія въ наступательное и, вторгнувшись въ восточную Марку, до того стѣснилъ сына королевскаго, Карлманна, что тотъ долженъ былъ просить у своего отца, въ Метцѣ, немедленнойже помощи, если только онъ хочетъ видѣть его въ живыхъ[62]. Людовикъ, предвидя отчаянную защиту въ мораванахъ и угрожаемый со стороны поднимавшихся славянъ полабскихъ, отправилъ изъ Регенсбурга пословъ къ Святополку и помирился съ нимъ, *какъ только можно было*[63]. Въ слѣдующемъ году, въ маѣ или іюнѣ 874, миръ этотъ былъ утвержденъ торжественнымъ договоромъ въ Форхгеймѣ, гдѣ, отъ лица Святополка, присутствовалъ посолъ его, священникъ Іоаннъ изъ Венеціи (presbyter de Venetiis). Этимъ миромъ, Святополкъ достигъ фактическаго признанія своей независимости, которую и сохранялъ въ теченіе всей своей жизни. Политическая побѣда Моравіи оказалась немедленно-же и побѣдою св. Меѳодія.

Папа Адріанъ спокойно могъ умереть, среди воинственныхъ приготовленій нѣмцевъ къ походу на Моравію, въ надеждѣ, что окончательно будетъ уничтожена опасная для него самостоятельность славянская. Уже въ началѣ 872 года, на пре-

---

[62] Вотъ что говоритъ лѣтописецъ Гинкмаръ: Hludovicus nuncium accepit, quod nisi citissime filio suo Karlomano in marchia contra vinidos subveniret, illum ulterius non videret. Pertz, I, 496.

[63] Qui (Hludovicus) statim reversus ad Reginisburg perveniens per missos suos Vinidos sub diversis principibus constitutos *modo quo potuit* sibi reconciliavit. Тамъ-же.

столѣ римскомъ сидѣлъ Іоаннъ VIII. Ежели римская церковь такъ чистосердечно боролась за Меѳодія, какъ утверждаетъ г. Рачкій[64], и ежели Адріанъ почему-либо не имѣлъ еще удобнаго времени вступиться за него, то что-же дѣлаетъ Іоаннъ, въ промежутокъ времени отъ 872 до 875 года? Любопытно взглянуть на его дѣйствія и сопоставить ихъ съ приведенными событіями возстановленія Моравіи.

Первый признакъ положительнаго дѣйствія Іоанна VIII, въ спорѣ за Паннонію, встрѣчаемъ мы въ посланіи его къ епископу анконскому, Павлу, отъ 874 года. Здѣсь папа говоритъ, между прочимъ, что „апостольскій престолъ издавна привыкъ совершать посвященія, опредѣленія и рѣшенія не только между Италіею и остальными областями запада, но и внутри предѣловъ всего Иллирика.... Далѣе, если-бы кто случайно опирался на число лѣтъ, то пусть знаетъ, что только между христіанами и тѣми, кто исповѣдуетъ одну вѣру, срокъ проченъ; тамъ-же, гдѣ въ спорѣ является свирѣпство язычниковъ и невѣрныхъ, сколько бы ни протекло времени, не уничтожается право церквей“[65]. Значеніе этихъ выраженій будетъ для насъ совершенно ясно, когда мы сообразимъ: а) что Павелъ былъ отправленъ въ *Германію и Паннонію*, въ качествѣ посла папскаго, по дѣламъ церковнымъ; б) что въ 873 году появилась лѣтопись безъименнаго зальцбургца, поставившаго себѣ задачею доказать неотъемлемость права митрополіи зальцбургской на Паннонію, которою непрерывно управляла она цѣлыхъ 75 лѣтъ, и безправіе всякаго другаго распоряжаться ею, такъ-какъ она отнята была Карломъ Великимъ у язычниковъ

---

[64] Стр. 291.

[65] Erbeni, стр. 16, № 38; Boczek, I, стр. 35, № 50; Рачкій, по особому списку, стр. 293, примѣчаніе.

аваровъ, державшихъ ее за собою нѣсколько столѣтій, и завоеванная передана тѣмъ-же Карломъ церкви зальцбургской. Вотъ, въ переводѣ, существенное мѣсто этой замѣчательной лѣтописи, правильнѣе, оправдательной записки: „съ того, слѣдовательно, времени, какъ, въ силу дара и распоряженія императора Карла, восточный народъ Паннопіи началъ управляться зальцбургскими архіепископами (которыхъ всѣхъ четырехъ поименовалъ онъ выше), до настоящей поры прошло 75 лѣтъ, — и во весь этотъ періодъ никакой епископъ, откуда бы ни пришелъ онъ, не имѣлъ церковной власти въ этомъ округѣ, кромѣ правителей зальцбургскихъ; ни одинъ священникъ, откуда бы ни былъ онъ, не осмѣливался совершать службу болѣе трехъ мѣсяцевъ прежде, нежели не представитъ епископу отпускной своей грамматы. Такъ соблюдалось тамъ постоянно, *пока ни появилась новая наука философа Меѳодія*" [66]. Этими словами завершается и самая лѣтопись.

Не очевидно ли, что посланіе папское Павлу есть возраженіе на доводы зальцбургцевъ и опроверженіе ихъ; не ясно ли, до положительности, въ свою очередь, и то, что цѣлью посольства Павлова въ Паннонію было, между прочимъ, и разузнаніе основаній, по которымъ нѣмецкое духовенство позволило себѣ осудить и арестовать Меѳодія, такъ-что записка безъименнаго должна разсматриваться, какъ выраженіе этихъ основаній, въ отвѣтъ на разспросы Павла; посольство же послѣдняго произошло никакъ не раньше 873 года, когда побѣда моравапъ была уже очевидна и когда, вѣроятнѣе всего, заключенъ уже былъ миръ королемъ нѣмецкимъ съ Святополкомъ. Нельзя не обратить вниманія на осторожность, боязливость,

[66] Glag. Cloz., Копитаръ, стр. LXXVI; Гинцель, приложеніе, стр. 57.

съ какою выпускаетъ папа свои доказательства на историческое право Рима на Паннонію; онъ считаетъ прежде всего необходимымъ выслѣдить аргументы противниковъ, чтобы какъ-нибудь не промахнуться въ своихъ. До того, значитъ, убѣжденъ былъ Римъ самъ въ непрочности, шаткости правъ своихъ на новое пріобрѣтеніе. Но, видно, мало надѣялся *святый отецъ* на покорность зальцбургскаго духовенства, потому-что въ одно время съ посланіемъ Павлу отправилъ и другое подобное же королю Людовику. И это посланіе весьма любопытно, свидѣтельствуя, съ одной стороны, о соучастіи свѣтской власти въ удаленіи изъ Панноніи Меѳодія, чего и надобно ожидать, при извѣстномъ, въ средневѣковой исторіи Германіи, взаимномъ содѣйствіи силъ мірской и духовной, направленныхъ къ одной цѣли — къ завоеванію и обогащенію на счетъ побѣжденныхъ, съ другой, — характеризуя яркою чертою нечистую политику римскаго двора. Тогда какъ въ письмѣ къ Павлу, папа идетъ, можно сказать, ощупью, въ доказательствахъ своихъ правъ, боясь еще употребить тонъ положительной увѣренности въ ихъ несомнѣнной дѣйствительности и прибѣгая къ многорѣчивымъ объясненіямъ, письмо къ королю носитъ уже на себѣ отпечатокъ полнѣйшаго убѣжденія въ истинѣ права и отличается всецѣло аподиктическимъ тономъ: „паннонская епархія, пишетъ онъ, издревле отчислена была привилегіями къ апостольскому престолу... Это доказываютъ соборныя дѣянія, подтверждаютъ и историческіе памятники"; права римской церкви, слѣдуетъ дальше, не могутъ быть ослаблены никакимъ числомъ лѣтъ и никто не долженъ основываться на этомъ; притомъ и самые божественные законы римскіе допускаютъ давность въ церковныхъ вещахъ не иначе, какъ *во сто лѣтъ* [67].

---

[67] Sed et venerandae romanae leges divinitus per ora priorum

Ясенъ намекъ на безсиліе 75 лѣтъ зальцбургскаго владѣнія. Нельзя было такъ говорить съ церковною митрополіей, которая, въ защитѣ правъ своихъ, не смутилась бы спросить, какія это привилегіи, равно и попросить указать на соборныя дѣянія, а также и на историческіе документы. Замѣчательно, что папа не сослался даже и на столѣтнюю давность въ посланіи къ Павлу. Но король не свѣдущъ въ мелочахъ церковной исторіи, да и интересъ, послѣ побѣдъ Святополка, не такъ близко касался его сердца, — и передъ нимъ можно было смѣло указывать голословно на какіе-то законы. Очевидно, папа искалъ поддержки во вліяніи короля на непослушную іерархію Зальцбурга. Предпринималъ ли что, по поводу этого посланія, Людовикъ, достовѣрно не извѣстно; но положительно можемъ судить, что ежели и предпринималъ, то безъ всякой пользы для Меѳодія и разсчетовъ римскихъ, потому-что папа вынужденъ былъ прибѣгнуть, разумѣется, въ-слѣдствіе упорства нѣмцевъ, къ обычной громоносной политикѣ, къ клятвѣ и запрещенію службы, какъ читаемъ въ житіи Меѳодія: „и оувѣдѣвъ (апостоликъ) посла клѧтвоу на нѧ, да не поютъ мьша, рекше слоужбы, вси королеви епископы, доньдеже и держатъ“. Но едва-ли бы помогла и эта угроза, — и мы вполнѣ согласны съ г. Рачкимъ [68], что главнѣйшимъ образомъ содѣйствовало успѣшному рѣшенію дѣла особенно благопріятное стеченіе обстоятельствъ: въ эту пору скончался митрополитъ зальцбургскій, Адальвинъ, kroz što rimska stolica mogaše lakse postići svoju svrhu (цѣль), zahtjevajući od njegova nasljednika

---

principum promulgatae, rerum ejus praescriptionem *non nisi per centum annos admittunt.* Erbeni, № 37, стр. 15; Boczek, II, № 40, стр. 34.

[68] Стр. 294.

Theotmara, da se odreče svakoj vlasti nad panonijom, hoce-li, da ga potvrdi, i da mu pošalje plašt metropolitski. Theotmar imao je popustiti (уступить)...[69]. Такимъ образомъ, успѣхомъ выигрыша процесса и освобожденіемъ Меѳодія обязанъ римскій дворъ тому-же чувству честолюбія и личныхъ интересовъ новаго архіепископа, ради какихъ выступилъ и самъ онъ въ спорѣ о Меѳодіевомъ архіепископствѣ въ Паннопіи.

Теперь только могло появиться и знаменитое посланіе папы къ эрцгерцоту Карлманну, какъ къ непосредственному свѣтскому правителю и надъ Панноніей, посланіе, въ которомъ Іоаннъ VIII, начиная съ возвращенія и возстановленія Риму паннонскаго епископства, разрѣшаетъ Меѳодію, поставленному апостольскимъ престоломъ въ епископы, свободно исправлять, по прежнимъ обычаямъ, епископскую власть: reddito ac restituto nobis pannoniensium episcopatu, liceat *fratri nostro* Methodio, qui illic a sede apostolica ordinatus est, secundum priscam consvetudinem libere, quae sunt episcopi, gerere[70]. Это было въ 875 году. И не даромъ употреблялъ папа усилія для скорѣйшаго окончанія процесса о Панноніи. Моравапе, освободившись, наконецъ, отъ нѣмцевъ и опомнившись послѣ утомительной войны, вспомнили и о Меѳодіи; само собою понятно,

---

[69] Годъ смерти Адальвина Рачкій полагаетъ въ 873 (см. стр. 294), авторъ статьи о св. Кириллѣ и Меѳодіи — въ 875 (Москвитянинъ, тамъ-же, стр. 429, прим. 30), докторъ Билый возводитъ на архіепископство Теотмара только въ 877 году (выпускъ 2, стр. 38). Если и допустить большую точность за Рачкимъ, то все-таки не раньше 874 года получилъ наслѣдникъ Адальвина плащъ митрополитскій.

[70] Erbeni, стр. 16, № 39; Boczek, 1, стр. 36, № 52; Ginzel, приложеніе, стр. 57.

что не могли же они теперь оставить въ средѣ своей нахлынувшаго снова духовенства нѣмецкаго, когда не стерпѣли присутствія его за тринадцать лѣтъ, въ пору менѣе благопріятную для полной политической независимости, и житіе Меѳодія говоритъ: „приключи же сѧ тогда, моравлѧне очющьше нѣмечьскыѧ попы, иже живѣхоу въ нихъ, непріающе имъ, но ковъ коующе на нѧ, изгнаша вьсѧ, а къ апостоликоу послаша: *яко и первѣе ωтци наши ωтъ св. петра крещеніе пріали, то даждь намъ Меѳодіа архіепископа и оучителя*". Не мѣсто было разбирать, дѣйствительно ли предки моравянъ принимали крещеніе отъ св. Петра и отъ Рима, да и не безопасно пускаться въ такой розыскъ, результатомъ котораго могли быть только сомнѣнія; надобно было удовлетворить скорѣе просьбѣ побѣдоноснаго народа, — и Меѳодій утвержденъ архіепископомъ Паннонія и Моравіи.

Вотъ, слѣдовательно, при какихъ условіяхъ возникло заступничество папское въ несчастіяхъ Меѳодія. Первые проблески его обнаружились лишь въ 873 году, и то только въ видѣ разспросовъ и развѣдокъ епископа Павла, въ томъ году, когда король нѣмецкій принужденъ былъ заключить унизительный миръ съ Святополкомъ и когда послѣдній возводилъ видимо Моравію въ положеніе прежней славы и величія. Что-же дѣлалъ цѣлый годъ Адріанъ? Почему цѣлый годъ слишкомъ не предпринималъ ничего въ пользу заключеннаго Меѳодія и Іоаннъ VIII? Нѣтъ, не искренняя борьба за славянскаго просвѣтителя видна въ римскихъ дѣйствіяхъ, а исключительно личные интересы, внѣшнія принудительныя причины, опасенія за территоріальныя потери въ пользу враждебнаго востока.

Къ тому-же результату приводятъ и соображенія объ отношеніяхъ въ эту пору Рима къ Византіи; вниманіе и къ нимъ

невольно вызываетъ на то-же заключеніе, касательно основаній безучастія Адріанова и горячаго заступничества Іоаннова. Въ 870 году, рѣшеніемъ константинопольскаго собора, Болгарія на-всегда отчислена въ вѣдомство восточнаго патріархата; папа Адріанъ одержалъ полнѣйшее пораженіе, которое должно тѣмъ болѣе охладить его ревность, чѣмъ крѣпче казалось упроченіе нѣмецкаго владычества надъ Моравіей, могшаго и безъ непріятныхъ для Рима уступокъ удержать послѣднюю въ повиновеніи и подчиненіи папскому престолу: о посредствующихъ цѣляхъ — проводить завоеваніе Болгаріи черезъ Моравію нечего было и думать. Но съ 872 года, въ-слѣдствіе мудрой политики императора Василія, при-адріатическіе сербы и хорваты, давно уже воспользовавшіеся слабостью имперіи и забывшіе о прежней зависимости отъ Византіи, теперь покорились добровольно, а вмѣстѣ съ государственною зависимостью незамедлила утвердиться среди нихъ и зависимость церковная, отъ константинопольскаго патріарха. Власть римскаго епископа, существовавшая надъ митрополіей сплетской, надъ епископами далматскими и надъ хорватскимъ епископомъ въ г. Нинѣ, была, такимъ образомъ, отвергнута [71]. Ниже мы будемъ имѣть слу-

[71] Мы позволяемъ себѣ не согласиться съ мнѣніемъ г. Гильфердинга, будто присоединеніе къ восточной церкви городовъ далматскихъ совершилось въ концѣ 878 или въ началѣ 879 года, (см. Письма объ истор. серб. и болг., 1855, стр. 73, прим. 17). Приводимое имъ основаніе отъ миролюбія патріарха Игнатія слишкомъ слабо противъ слѣдующихъ словъ посланія Іоанна VIII къ епископамъ далматскимъ, отъ 879 года: reminisci namque debetis. . . *quanta postmodum nunc usque* sustinueritis adversa, cum ab ea (rom. ecclesia) vos quasi alienos separare non dubitastis. Подобное выраженіе ни въ какомъ случаѣ не согласно съ однимъ годомъ или полугодомъ отступничества.

чай указать, что такой переходъ хорватовъ къ востоку, вѣроятнѣе всего, связанъ съ свободою славянскаго богослуженія, какой не стѣсняла Византія и противъ которой постоянно свирѣпствовалъ въ при-адріатикѣ Римъ. Эта потеря не могла не напугать римскаго двора и должна была скорѣе заставить наслѣдника Адріанова устремить взоры на сѣверъ славянскій, что добытая тамъ самостоятельность государственная прежде всего могла отразиться на домогательствѣ и независимости отъ нѣмцевъ церковной и испытанной уже прелести славянскаго богослуженія. Что передъ глазами Іоанна VIII, въ эпоху его процесса за Меѳодія съ Зальцбургомъ, стояли южные славяне и что посредствомъ Меѳодія онъ уже разсчитывалъ на возсоединеніе послѣднихъ, нагляднѣйшимъ доказательствомъ служитъ посланіе его къ сербскому князю Мутиміру, отправленное, вѣроятно, тотъ-часъ же послѣ буллы къ Карлману, которою окончательно возстановлялась власть особаго архіепископа паннонскаго, въ лицѣ Меѳодія. Здѣсь увѣщаваетъ папа Мутиміра, по примѣру предковъ, обратиться снова къ епархіи паннонской и подчиниться пастырскому попеченію тамошняго епископа, *потому что, благодаря Бога, онъ уже поставленъ тамъ апостольскимъ престоломъ*[72]. Такъ быстро воспользовался Іоаннъ VIII *возстановленіемъ* паннонской архіепископіи и

---

[72] Admonemus te ut progenitorum tuorum secutus morem, quantum potes, ad Pannoniensium reverti studeas diœcesim, et quia illic jam Deo gratias a Sede b. Petri Apostoli Episcopus ordinatus est, ad ipsius pastoralem recurras sollicitudinem. Erbeni, № 40. Шафарикъ, въ Славянскихъ древностяхъ (Slov. Staroz., стр. 671), считаетъ этого Мутиміра великимъ жупаномъ хорватскимъ; но мы находимъ болѣе основаній у г. Рачкаго признавать его великимъ жупаномъ сербскимъ (Рачкій, стр. 298, прим. 3).

освобожденіемъ Меѳодія для цѣлей римской пропаганды въ поколебавшихся, а отчасти и отпавшихъ уже отъ Рима земляхъ славянскихъ. Вотъ, какія соображенія двигали западнымъ первосвященникомъ въ пособіяхъ Меѳодію: не его лично имѣлъ въ виду онъ, а собственные свои интересы.

Мы намѣренно остановились внимательнѣе на обзорѣ этого вопроса, потому что, какъ легко замѣтитъ самъ читатель, важность его неоспорима. Въ отношеніяхъ Кирилла и Меѳодія къ Риму, и обратно, весьма мало моментовъ вполнѣ ясныхъ и опредѣленныхъ, по недостаточности источниковъ; этому отсутствію ясности и опредѣленности и обязана исторія жизни ихъ не рѣдкой голословности и чувствуемой натянутости выводовъ преимущественно у писателей католическихъ. И тѣмъ обязательнѣе для изслѣдователя ухватиться за все разнообразіе достовѣрныхъ свидѣтельствъ современности, какъ скоро оно представляется для какого-либо момента, особенно, если этотъ моментъ одинъ въ состояніи придать настоящій свѣтъ и остальнымъ, темнымъ и неопредѣленнымъ. Трудно, разумѣется, допустить, чтобы всѣ эти данныя, по вопросу о заступничествѣ Іоанна VIII, не были знакомы писателямъ католическимъ; нѣкоторые изъ послѣднихъ, своими указаніями на нихъ, прямо утверждаютъ, что онѣ были извѣстны имъ, — и между тѣмъ, ни одна сторона жизни солунскихъ братьевъ не предлагаетъ такого разногласія, даже въ новѣйшихъ сочиненіяхъ, какая замѣтна въ описаніи заключенія Меѳодія и его освобожденія: мы позволяемъ себѣ объяснять это единственно усиліями обойдти это обстоятельство такъ, чтобы не пробудить въ читателѣ догадокъ на-счетъ истинной политики папской и, на сколько возможно, выставить ее и тутъ въ свѣтломъ и привлекательномъ видѣ. Такъ, не говоря о Гинцелѣ, который почелъ за

лучшее, какъ уже мы сказали, совершенно выбросить этотъ актъ изъ жизни Меѳодія, ни мало не стѣсняясь столь несомнѣнными доказательствами дѣйствительности его, вотъ какъ отзываются о немъ Штульцъ, Рачкій и Билый.

Первый находитъ вовсе не нужнымъ обращать вниманіе на сохранившіяся историческія указанія и спокойно замѣняетъ ихъ личными соображеніями, выдавая ихъ за положительные факты и не стѣсняясь ни мало рѣзкими противорѣчіями. Понятно, что такой ревностный обожатель непогрѣшимости папской не могъ не придать Адріану значенія заступника Меѳодія и борца за него съ нѣмецкимъ духовенствомъ: „узнавъ, что дѣлается Меѳодію у нѣмцевъ, *Адріанъ*, по увѣренію Штульца, не замедлилъ *съ выговоромъ писать* къ его противникамъ, грозя имъ клятвою, если-бы они вздумали держать долѣе въ заключеніи захваченнаго Меѳодія. Упорно стоять противъ папы было не благоразумно, — Меѳодій отпущенъ на свободу.... Что особенно тревожило противниковъ Меѳодія, это то, что они видѣли, *какъ достойно, рѣзко и могущественно вступается за преслѣдуемаго ими новаго епископа моравскаго папа Адріанъ*“ [73]. Откуда заимствовалъ г. Штульцъ эти свѣдѣнія о дѣятельности Адріана? Мы видѣли, что въ памятникахъ нѣтъ и слѣда, ни малѣйшаго намека на какое-либо его участіе. По всему ясно, что онъ отнесъ къ Адріану записанное въ паннонскомъ житіи Меѳодія извѣстіе о клятвѣ папской; и дѣйствительно, по его словамъ, послѣдній освобожденъ еще при жизни Адріана, слѣдовательно, не позже конца 872 года, а по невѣрному разсчету г. Штульца, относящаго смерть Адріана

---

[73] Штульцъ, стр. 107—108.

къ 25 апрѣлю этого года [74], не позже апрѣля. Но г. Штульцъ, какъ и слѣдуетъ, выводитъ Меѳодія изъ Рима, послѣ посвященія въ епископы, также въ 870 году; не только допускаетъ и утверждаетъ сказаніе паннонскаго житія о двухъ-съ-половиною-лѣтнемъ заключеніи Меѳодія нѣмцами, но еще увеличиваетъ почему-то срокъ этотъ до трехъ лѣтъ [75]. Какъ-же, послѣ этого, согласить освобожденіе Меѳодія съ жизнію Адріана? Противорѣчіе, кажется, слишкомъ очевидно, чтобы не приписывать Адріану того, что не было совершено имъ. Самъ г. Штульцъ замѣтилъ это; по крайней мѣрѣ, черезъ пять страницъ послѣ хвалебнаго описанія заступничества Адріанова, окончившагося полною побѣдою Рима надъ іерархіею зальцбургскою, когда пришлось ему говорить о дальнѣйшей дѣятельности Меѳодія, онъ уже прямо выставляетъ 873 годъ, какъ время полученной свободы послѣднимъ. Но противорѣчія не задерживаютъ г. Штульца; онъ убѣжденъ, что масса читателей не остановится на нихъ и, съ полною вѣрою къ автору, признаетъ дѣйствительнымъ то горячее участіе святаго отца, какое желательно г. Штульцу выставить на видъ. Такимъ образомъ, вмѣсто недоразумѣній, способныхъ возбудить сомнѣнія на-счетъ искренности дѣйствій и отношеній къ Меѳодію Рима, въ промежутокъ времени отъ 870 до 873 или 874 года, является непрерывная съ его стороны и самая сердечная заботливость, не опускающая ни на одинъ часъ изъ виду св. мужа и съ полнымъ вооруженіемъ власти покровительствующая ему при всякомъ препятствіи.

Противорѣчіе, хотя и болѣе тонкое, болѣе сокрытое, за-

---

[74] См. тамъ-же, стр. 108.

[75] Тамъ-же, стр. 113.

мѣтно и въ строго критическомъ сочиненіи Рачкаго. Различіе его взгляда отъ изложеннаго нами заключается единственно въ томъ, что освобожденіе Меѳодія признаетъ онъ за самый первый актъ Іоанна, какъ-бы устраняя связь этого акта съ посланіями къ епископу Павлу и королю Людовику. Правда, Рачкій оставляетъ въ покоѣ Адріана, позволяя себѣ прямо объявить, что *spomenici nam ništa ne govore, kako se Hadrijan u toj razmirici* (между Меѳодіемъ и Зальцбургомъ) *vladaše* [76], чѣмъ рѣзко осуждаетъ г. Шгульца; тѣмъ не менѣе, и онъ не выставилъ въ настоящемъ свѣтѣ зависимости свободы Меѳодія отъ продолжительныхъ предварительныхъ сношеній Іоанна съ означенными лицами, результатомъ которыхъ была угроза проклятіемъ; особенно же утаилъ затруднительность упорства со стороны наслѣдника Адальвинова, Теотмара. Вслѣдствіе нарушенія дѣйствительной послѣдовательности въ процессѣ папы съ духовенствомъ нѣмецкимъ, повѣствованіе Рачкаго, естественно, скрадываетъ и настоящій смыслъ и значеніе и энергическаго участія папы, т. е. значеніе вынужденности внѣшними обстоятельствами, опасностью большихъ потерь, подъ вліяніемъ могущественной и самостоятельной Моравіи.

Въ сочиненіи г. Билаго уже рѣшительно раздѣлены два обстоятельства и поставлены внѣ всякой зависимости другъ отъ друга, именно, дипломатическій споръ папы съ митрополіей Зальцбурга и Людовикомъ и осужденіе съ заключеніемъ Меѳодія и его освобожденіе. Иной цѣли, при столь очевидной связи обоихъ событій, въ глазахъ всякаго, опирающагося на сохранившіяся историческія данныя, а не на предвзятыя со-

---

[76] Стр. 291.

ображенія, не могло и не можетъ быть, кромѣ усилія отвлечь отъ вниманія читателя дѣйствительность, которая такъ рѣзко противорѣчитъ предвзятымъ соображеніямъ [77].

Опираясь на неопровержимые историческіе источники, мы пришли къ заключенію, что свобода Меѳодія была лишь послѣдствіемъ сношеній Рима съ духовною властью нѣмецкою и съ свѣтскою, въ лицѣ короля; вотъ почему, и считаемъ мы вполнѣ основательнымъ мнѣніе безпристрастнаго изслѣдователя, г. Дюммлера, что освобожденіе Меѳодія совершилось не ранѣе весны 874 года [78], въ одно время съ упомянутымъ уже миромъ въ Форхгеймѣ, упрочившимъ торжественно независимость Святополка.

Изъ того положенія, какое поставлено было Римомъ въ основаніе ново-учрежденнаго паннонскаго архіепископства, т. е., что оно есть только возстановленіе древней епископіи св. Андроника, можно уже заключать и объ обширности его, по понятіямъ римскаго запада. Въ составъ его входила прежде всего Паннонія, на всемъ ея протяженіи, съ юго-восточною частью княжества хорутанскаго, и область сремская. Но Меѳодій является архіепископомъ не только въ этой странѣ, а и въ великомъ княжествѣ моравскомъ. Если мы примемъ теперь во вниманіе, что собственная Моравія не имѣла никакого отношенія, сколько извѣстно, къ проповѣди св. Андроника, а между тѣмъ отчислена къ новосозданному архіепископству, то поймемъ, до какой степени провозглашенное папою основаніе отъ историческаго права было лишь предлогомъ, уловкой и какъ, въ дѣйствительности, побужденіемъ для него служили одни современ-

---

[77] Срв. Билаго «Sv. Apošt. Slov.», выпускъ 2, стр. 38—40.

[78] Тамъ-же.

ные и эгоистическіе разсчеты. Въ самомъ дѣлѣ, какъ согласить съ этимъ основаніемъ отнятіе отъ пассавскаго епископства Моравіи, на которую ни въ какомъ уже случаѣ нельзя распространять того права, которое съ такими хлопотами и принужденіемъ допущено наконецъ зальцбургскою митрополіею на востокѣ, гдѣ, дѣйствительно, пребываніе св. Андроника не подлежитъ сомнѣнію. Главная причина молчанія, кажущейся покорности пассавскаго духовенства распоряженію папскому даетъ самый вѣрный отвѣтъ на такую несообразность, обнаруживающую явственно политику римскую. Потому, конечно, оставалась спокойною Пассава, что считала слишкомъ мало обязательнымъ для себя распоряженіе папское, сравнительно съ рѣшимостью самостоятельной свѣтской власти въ Моравіи. Какая цѣль была возставать противъ этого распоряженія, когда независимый и могущественный моравскій князь не могъ быть принужденъ держаться нѣмецкаго духовенства? Дальнѣйшая судьба славянской церкви въ Моравіи оправдываетъ какъ нельзя болѣе подобное толкованіе молчанія пассавской епископіи: лишь умеръ Меѳодій, какъ она, не обращая рѣшительно никакого вниманія на голосъ изъ Рима, пользуясь добытымъ, посредствомъ разнообразныхъ интригъ, вліяніемъ на Святополка, изгнала съ преслѣдованіемъ учениковъ св. братьевъ и возстановила прежнюю власть свою. Вотъ почему и папа позволилъ себѣ отчислить къ архіепископіи Меѳодія и Моравію, не стѣсняясь противорѣчіемъ этого дѣйствія основному принципу, въ силу котораго онъ возобновилъ епархію паннонскую, не смущаясь и тѣмъ, что въ такомъ противорѣчіи внимательный изслѣдователь не можетъ не открыть настоящей причины такой, а не иной политики римской и не изобличить заявленнаго принципа въ фиктивности, во внѣшнемъ прикрытіи затаенной корыстной цѣли —

уступить возродившейся силѣ, а съ нею и требованіямъ славянъ, чтобы не упустить ихъ изъ состава паствы римской и не дать повода упорствомъ своимъ обратиться, по примѣру Болгаріи, къ востоку. Къ этому присоединялась и надежда возвратить, при содѣйствіи Меѳодія, и потерянное уже Римомъ.

Такая надежда всего лучше выражается въ приведенномъ нами посланіи папы къ сербскому жупану, Мутиміру, котораго увѣщаваетъ онъ обратиться опять къ епархіи паннонской, гдѣ уже поставленъ апостольскимъ престоломъ собственный епископъ. Поспѣшность, съ какою написано это посланіе послѣ оконченнаго спора съ Зальцбургомъ, убѣдительно доказываетъ, какъ близко къ сердцу папскому лежала мысль о ловлѣ потерянныхъ душъ при посредствѣ новаго епископства. Сербскій жупанъ съ своимъ народомъ принадлежалъ цареградскому патріархату; но онъ жилъ въ Сремѣ, въ области, которая, по проповѣди въ ней св. Андроника, связана съ паннонскимъ епископствомъ, въ понятіяхъ Рима, — и его первосвященникъ ни мало не колеблется указывать Мутиміру на предковъ его, пользовавшихся попеченіемъ паннонскаго епископа: для папы все равно, что предки Мутиміра никогда не могли находиться въ связи съ паннонскимъ епископствомъ, потому что самое переселеніе сербовъ и хорватовъ къ Дунаю, въ нынѣшнія земли сербо-хорватскія, произошло не раньше конца первой половины седьмаго вѣка, когда Паннонія находилась въ рукахъ аваровъ. Къ счастію, твердость Мутиміра сберегла для потомства славянское богослуженіе, а съ нимъ и не испорченный западнымъ вліяніемъ славянскій духъ въ народѣ сремско-сербскомъ.

Не одинъ, однакоже, Сремъ изъ древней епархіи паннонской сталъ вдали отъ возстановленнаго архіепископства Меѳодіева; слишкомъ скоро, по освобожденіи послѣдняго, и средо-

точіе епископіи Андрониковой, самая Паннонія очутилась опять въ вѣденіи зальцбургской митрополіи, по крайней мѣрѣ фактически. Это обстоятельство должно служить новымъ доказательствомъ, какъ вся администрація западной іерархіи была переплетена связями и переворотами политическими и какъ послѣдніе отражались неминуемо на распоряженіяхъ первой. Поводомъ къ возобновленію власти духовенства нѣмецкаго надъ Паннопіей, въ прямой ущербъ только-что признаннаго архіепископскаго достоинства за Мееодіемъ, была смерть Коцела и послѣдовавшее немедленно за нею подчиненіе его области непосредственно нѣмецкому управленію.

Историческіе источники этого времени не говорятъ ничего положительнаго о годѣ смерти Коцеловой [79]; но изъ нѣкоторыхъ распоряженій, могшихъ совершиться только по смерти Коцела, возможно опредѣлить его весьма приблизительно. Такъ, въ 874 году, мы встрѣчаемъ образованіе особаго графства или жупанства, Дудлеба, съ главнымъ городомъ Петтау, подчиненнаго графу Гозвину; область этого жупанства состояла изъ нижней Панноніи и простиралась до самаго блатенскаго озера, составляя часть Хорутаніи. Изъ этого обстоятельства смѣло мож-

[79] Гинцель (стр. 64), основываясь на томъ, что Бочекъ, передъ посланіемъ папы Іоанна къ Коцелу, ставитъ слѣд. слова: e concilio III apud Ravenam an. 877 (Cod. diplom. Mor. I, 36), дѣлаетъ заключеніе, будто Коцелъ жилъ еще и въ 877 году; отсюда и другое заключеніе, что Мееодій до этого времени оставался въ Панноніи; но подобныя заключенія уничтожаются сами собою розысканіемъ Ваттенбаха, доказавшаго, что приведенныя латин. слова относятся только къ первому отрывку, а не къ пятому, въ которомъ находится посланіе къ Коцелу. Срв. Рачкій, стр. 296, прим. 3; Дюммлеръ, Archiv, X, 41; XIII, 192.

но заключить, что Коцела не было уже въ живыхъ, что власть непосредственная перешла къ Карломану, верховному правителю Хорутаніи и, быть можетъ, тогда уже предоставлена было имъ незаконному его сыну, Арнульфу. Единственно этимъ переходомъ господства надъ Панноніей въ нѣмецкія руки и объясняются самовольныя дѣйствія зальцбургскаго духовенства въ области Меѳодіевой, еще въ 874 году. Дѣйствительно, по словамъ лѣтописца, въ упомянутомъ году, архіепископъ Теотмаръ святилъ церковь въ Петтау, въ графствѣ Гозвина [80]. Что-же папа? Возсталъ ли онъ противъ нарушенія правъ законнаго, имъ-же утвержденнаго іерарха? По крайней мѣрѣ выразилъ ли онъ чѣмъ-нибудь свое недовольство? Источники не говорятъ ни одного слова, а Меѳодій, вѣроятнѣе всего, въ это-же время, по нуждѣ переселяется въ Моравію [81]. Такое переселеніе, въ виду смерти Коцела и дерзкаго невниманія къ правамъ законнаго архіепископа, со стороны нѣмцевъ, при равнодушіи верховной власти церковной, въ виду полной самостоятельности Святополка моравскаго, весьма знаменательно и невольно заставляетъ ставить дѣйствія папы въ тѣсную зависимость отъ политическаго положенія страны. Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ высвобожденія своего изъ непріязненныхъ рукъ нѣмецкихъ, Меѳодій увидѣлъ область свою, столь обширную по назначенію, ограниченною въ дѣйствительности лишь одною Моравіей.

---

[80] Dietmarus archiepiscopus ecclesiam ad Bettove (Petov) Gozvini comitis consecravit. См. Дюммлера, die südöstlichen Marken., стр. 42.

[81] Безыменный лѣтописецъ выражается объ этомъ весьма определенно: Methodius... tandem fugatus a Karentanis partibus intravit Moraviam. См. Ваттенбаха, стр. 50.

Жизнеописаніе Меѳодія въ точности передаетъ характеръ его дѣятельности въ Моравіи. Она состояла не только въ истинномъ просвѣщеніи уже крещеннаго народа, не только въ умноженіи церквей и расширеніи богослуженія, но и въ привлеченіи къ христіанству новыхъ народовъ, въ лицѣ ихъ представителей, князей. Къ этой порѣ слѣдуетъ отнести обращеніе Меѳодіемъ князя *въ вислахъ*, тогда-же, безъ сомнѣнія, до третьяго путешествія его въ Римъ, совершилось и крещеніе чешскаго князя Боривоя съ женою Людмилою [81]. Біографъ паннонскій не даромъ ставитъ въ связь такое распространеніе истинной вѣры съ расширеніемъ и самыхъ политическихъ границъ государства моравскаго и съ процвѣтаніемъ послѣдняго во всѣхъ отношеніяхъ. До сихъ поръ мы не сталкивались еще съ духовенствомъ пассавскимъ; оно оставалось, по видимому, спокойнымъ, хотя и нельзя допустить, чтобы оно равнодушно смотрѣло на упроченіе съ каждымъ годомъ потери своей власти въ странѣ моравской, и тѣмъ болѣе должно было отыскивать

---

[81] Такимъ образомъ, крещеніе Боривоя Меѳодіемъ, засвидѣтельствованное положительно первымъ лѣтописцемъ чешскимъ, Козмою (Scriptores rerum bohemic., Pragæ, 1783, т. 1, стр. 23,35), могло совершиться единственно въ промежутокъ времени между 874 — 879 годами. На этомъ основаніи, мы позволяемъ себѣ несогласиться съ мнѣніемъ Шафарика (Slov. Staroż., стр. 778), относящаго крещеніе къ 871 году, когда Меѳодій содержался въ заключеніи; признаемъ слишкомъ сжатымъ опредѣленіе и Палацкаго (Dějiny české, 1, 153), ограничивающагося 873 — 74 годами. Понятно, что старое мнѣніе Добнера (Annal. Hajecii, III, 252), считающаго годомъ крещенія Боривоя 890, а также и Добровскаго (Kritis. Versuche, 1803, I, Bořiwojs Taufe, стр. 35, 89), относящаго это событіе къ 887 — 890, — не имѣютъ никакого значенія, послѣ того какъ извѣстенъ годъ смерти Меѳодія, 885.

мѣры къ возвращенію старыхъ порядковъ, чѣмъ очевиднѣе вліяніе Меѳодія угрожало потерею и другихъ областей славянскихъ, на которыя привыкало уже считать оно права своя неотъемлемыми, какъ, на пр., на землю чешскую. Но самое дѣйствительное средство находилось, конечно, въ расположеніи князя моравскаго: чѣмъ болѣе преданъ онъ былъ дѣлу Меѳодія, чѣмъ сознательнѣе понималъ несоединимость и недостижимость самостоятельности церковной съ близостью къ нѣмцамъ, тѣмъ, естественно, безнадежнѣе должны были быть и ожиданія послѣднихъ. Къ сожалѣнію, Святополкъ, и по величію мысли и по чистотѣ и твердости своей воли, стоялъ гораздо ниже Растица, — послѣдній боролся за возвышенную идею, за самостоятельность страны и народа, — Святополкъ имѣлъ болѣе въ виду расширеніе личной власти и господства[82]. Такая политика, въ основаніи которой лежало главнѣйшимъ образомъ самолюбіе, руководила Святополкомъ и въ то время, какъ онъ рѣшился измѣнить своему дядѣ, двигала имъ и въ послѣдующіе годы, когда сдружался онъ съ тѣми, кого не задолго презиралъ. Неоспоримы въ немъ предпріимчивость, смѣлость и мужество — качества, которыми онъ далеко опередилъ современныхъ Каролинговъ, но все это подчинялось основному двигателю — самолюбію. Когда дядя его думалъ упрочить народность религіею и послѣднюю народностью, то и Святополкъ, какъ лицо тогда подвластное, слѣдовалъ примѣру Растица; когда послѣдній впалъ въ несчастіе, а съ нимъ и Меѳодій, Святополкъ оставался спокойнымъ. Но едва только Каролинги задѣли собственное его самолюбіе, онъ поднялся со всею силою, свергъ нѣмецкое иго, выгналъ нѣмецкое духовенство, на

---

[82] Палацкій, Déjiny českého národu, I, 152—53.

которое справедливо смотрѣлъ, какъ на орудіе Каролинговъ, и принялъ съ распростертыми объятіями Меѳодія и его учениковъ. При такомъ характерѣ, Святополкъ не былъ преданъ своему архіепископу съ такими-же чистыми и высокими мыслями, какъ Растицъ, не заботился онъ столько и о томъ, чтобы славянскій языкъ былъ органомъ просвѣщенія народа, потому что вниманіе его преимущественно, ежели не исключительно, обращено было на политическое возвеличеніе Моравіи, а не на духовное[83].

При такихъ свойствахъ характера Святополкова, не трудно было изворотливому и опытному въ интригахъ духовенству нѣмецкому всецѣло подчинить моравскаго князя своему вліянію. Потворство преступнымъ наклонностямъ и ласкательство гордости и самолюбію его, были самыми законными, въ глазахъ западнаго священства, средствами, чтобы достигнуть необходимаго вліянія. Сопоставленіе слѣдующихъ словъ житія паннонскаго: *они бо* (т. е. западные, нѣмецкіе духовные) *божіа раби творяще ся, таи развращаахоу я* (т. е. богатыхъ людей, не исполнявшихъ постановленій церковныхъ), *ласкающа имѣніа ради, да сетнѣе отлоучити я отъ церкве*, съ слѣдующимъ выраженіемъ о жизни Святополка и его приближенныхъ, въ легендѣ моравской: Svatopluk regnum Moraviæ gubernaret sua feritate, fastu inflatus arrogantiæ cum ministris satanæ, qui sibi pari conspiratione tanquam canes rabidissimi erant connexi, doctrinam viri Dei vanam fore asserebant, et eos, qui una secum erroneos revocabant ad viam salutis et gratiæ, laborabant exterminare[84], показываетъ ясно,

[83] Срв. Рачкій, стр. 319.

[84] Т. е., Святополкъ съ обычнымъ звѣрствомъ, напыщенный надменностью, сталъ управлять съ служителями сатаны, которые,

что эти средства, дѣйствительно, употреблялись и что они приводили къ желаемой цѣли. Біографъ паннонскій не скрылъ того равнодушія Святополка къ Меѳодію и его богослуженію, какое замѣтно въ увѣщаніяхъ послѣдняго первому посѣтить храмъ божій въ день св. апостола Петра.

Еще съ большею подробностію, рѣзкостію и положительностію говоритъ объ этомъ жизнеописатель Климента болгарскаго, могшій слышать всѣ частности изъ устъ описываемаго имъ святаго, бывшаго очевидцемъ отношеній Святополка къ Меѳодію и обоихъ къ духовенству нѣмецкому. Вотъ что и какъ читаемъ въ Климентовой біографіи: *ἐπεὶ καὶ τὸν Σφεντόπλικον, ὃς μετὰ Ῥασίσθλαβον ἦρξε Μοράβου, περιελθόντες ἀπάτῃ, βάρβαρον ἄνδρα καὶ τὸν καλοῦ ἀνόητον, ὅλον τῆς δόξης ἑαυτὸν ἐποιήσαντο. τί γὰρ οὐκ ἔμελλεν ἐκεῖνος, ἀνδράποδον ἡδονῶν γυναικείων ὤν... ἐκείνοις μᾶλλον διδόναι τὴν οἰκείαν γνώμην τοῖς θύραν αὐτῷ πρὸς τὰ πάθη πᾶσαν ἀνοίγουσιν ἢ Μεθοδίῳ τῷ πάσης ἡδονῆς πικρίαν ψυχόλεθρον στηλιτεύοντι; ὅπερ γὰρ Εὐνόμιος ἐκεῖνος, ὁ τῆς τῶν Ἀνομοίων ἄρξας αἱρέσεως, ἐξεῦρε πρὸς τὸ μαθητὰς ἐπισπᾶσθαι πλείονας, τοῦτο δὴ καὶ τὸ Φράγγων ἔθνος ἀνόητον ἐπενόησε...... ὑπὸ τούτων οὖν ὁ Σφεντόπλικος διαφθαρεὶς τῶν πάντα χαριζομένων αὐτῷ τοῖς Μεθοδίου λόγοις ἐλάχιστα προσεῖχε τὸν νοῦν. τοὐναντίον μὲν οὖν καὶ ὡς ἐχθρῷ προσεφέρετο.... καίτοι τί μὲν οὐκ ἔλεγεν ἱλαρὸν, τὶ δὲ οὐκ ἠπείλει φοβερὸν ὁ μέγας τῷ ἄρχοντι*[85].

подобно невѣстѣйшимъ псамъ, будучи связаны съ нимъ одинаковыми мыслями, утверждали, что ученіе мужа Господня (Меѳодія) суетно, и старались истребить тѣхъ, кто вмѣстѣ съ нимъ призывалъ заблудшихъ на путь спасенія и милости. Легенд. морав., Добров., стр. 41—42.

[85] Vita s. Clementis, Miklosich, Vindobonæ, 1847, стр. 8. Т. е., тогда и Святополка, который управлялъ послѣ Ростислава Моравіей, человѣка грубаго и невѣжественнаго, обошедши коварствомъ, сдѣлали они (нѣмцы) всецѣло участникомъ своего уче-

Но привлеченіе на свою сторону князя моравскаго было лишь посредствующею цѣлью для задушевной, главной цѣли — воспользоваться имъ какъ орудіемъ противъ Меѳодія. Поэтому не замедлили начаться происки и противъ него. Дѣйствовать по прежнему, доказывать безправіе Меѳодія на управленіе областью, подчиненною такъ еще недавно нѣмецкой епископіи, было безполезно и не разумно, послѣ столь положительнаго заявленія правъ его папою. Гораздо болѣе надеждъ ожидалось отъ обращенія противъ ученія его, и на этомъ пути обнаружить несостоятельность славянскаго учителя и епископа. На эту сторону и обратилось духовенство нѣмецкое, разсчитывая, конечно, тѣмъ скорѣе на успѣхъ, чѣмъ менѣе греческое происхожденіе Меѳодія, греческое воспитаніе и образованіе его могли и должны были согласоваться съ укоренившимися отступническими отъ вселенской церкви обычаями на западѣ. Эта сторона обвиненій Меѳодія, понятно, составляетъ существенную часть нашего изслѣдованія, потому что отъ правильнаго взгляда на возникшій въ слѣдствіе сего судъ надъ Меѳодіемъ зависитъ и истинный взглядъ на самыя отношенія его къ Риму. Не удивительно, что здѣсь должны мы съ особенною внимательностію относиться къ указаніямъ западно-католическихъ писателей, но

нія. Да и какимъ образомъ онъ, рабъ женскихъ удовольствій, не внималъ бы больше имъ, чѣмъ Меѳодію, отмѣчавшему гибельное для души зло въ каждомъ удовольствіи? Ибо что изобрѣлъ Евномій, положившій начало Аномейской ереси, для привлеченія большаго числа учениковъ, то придумалъ также и безумный народъ Франковъ, т. е. снисходить ко всѣмъ грѣхамъ. Святополкъ, извращенный ими, позволявшими ему все, не обращалъ вовсе вниманія на Меѳодія, даже относился къ нему, какъ къ непріятелю. И что ужъ ни говорилъ ему съ ласкою, какими угрозами ни устрашалъ князя Великій!

упустившихъ случая обставить свои положенія самыми заманчивыми софизмами.

Начало обвиненіямъ Меѳодія въ ученіи положено было уже прежде, духовенствомъ зальцбургскимъ, сколько можно судить изъ замѣтокъ *безъименнаго лѣтописца* объ обращеніи хорутанъ, замѣтокъ, имѣвшихъ, какъ видѣли мы, характеръ оправдательной записки. Правда, тамъ это обвиненіе имѣло второстепенное значеніе, а потому и приводится вскользь, мимоходомъ, такъ-какъ, въ ту пору, признавалось главнымъ и наиболѣе сильнымъ преступленіемъ Меѳодія безправное, будто-бы, и беззаконное съ его стороны вмѣшательство въ управленіе чужою епархіею. При всей, однако-же, краткости, мы встрѣчаемъ въ запискѣ всѣ тѣ основныя обвиненія, на которыя ссылались противники Меѳодіевы до самой смерти его и которыя только уясняли они больше и распространяли. Вотъ мѣста изъ записки, гдѣ сведено обвиненіе: архипресвитеръ Рихбальдъ свободно исправлялъ свои обязанности въ Панноніи, usque dum quidam graecus, Methodius nomine, noviter inventis sclavinis literis, *linguam latinam doctrinamque romanam atque literas auctorales latinas*, philosophice superducens, *vilescere fecit* cuncto populo ex parte (Slavorum) *missas et evangelia ecclesiasticumque officium illorum, qui hoc latine celebraverunt*; въ заключеніи записки: hoc enim ibi observatum fuit, *usque dum nova orta est doctrina Methodii philosophi* [86]. Изъ этихъ словъ видно, что Меѳодію ставилось въ вину: во 1) *употребленіе славянскаго языка въ богослуженіи* и, въ слѣдствіе этого, униженіе языка латинскаго, который до него былъ единственнымъ органомъ; во 2) *новое ученіе*, сравнительно съ

[86] Glag. Cloz., стр. LXXV — LXXVI.

римскимъ, которое также подверглось униженію. Въ чемъ заключалось это ученіе, какое различіе было въ немъ отъ господствовавшихъ правилъ и догматовъ въ латинской церкви, авторъ не говоритъ ничего, но узнать это весьма не трудно, обративши вниманіе на послѣдующія сношенія враговъ Меѳодія съ Римомъ, по описанію житій солунскихъ братьевъ, и на посланія и распоряженія папскія.

По этому, замѣченному еще прежде, пути и устремились противники Меѳодія и, пользуясь привлеченіемъ къ себѣ Святополка, мало по малу успѣли заподозрить въ его глазахъ архіепископа, выставляя его отступникомъ отъ ученія православнаго римскаго, недостойнымъ дарованнаго ему сана и заслуживающимъ изгнанія изъ области. При этомъ не стѣснялись они и ссылкою на папу, утверждая, будто-бы самъ онъ возвратилъ власть нѣмецкой іерархіи и распорядился удаленіемъ Меѳодія; только такое заключеніе возможно вывести о коварствѣ латино-нѣмецкаго духовенства изъ слѣдующихъ словъ жизнеописателя паннонскаго: *сихъ же всѣхъ не терпя стары врагъ... въздвиже нѣкыя нань... глаголюще: намъ есть папежъ власть далъ, а сего* (Меѳодія) *велитъ вонъ изгнати.* При любви къ Меѳодію народа, при нежеланіи разстаться съ нимъ, не мудрено, что подобныя интриги произвели замѣшательство въ моравской епископіи и тѣмъ скорѣе побудили князя искать разрѣшенія недоумѣній въ Римѣ, что и самъ онъ, подъ вліяніемъ льстивыхъ враговъ Меѳодіевыхъ, не устоялъ противъ сомнѣній на-счетъ справедливости власти и ученія Меѳодія. Святополкъ отправилъ въ западную столицу того-же Іоанна de Venetiis, какъ называетъ его лѣтописецъ фульдскій [87], или pres-

[87] Ad an. 874. Вѣроятно, вмѣсто de Venedis или Vendis; срв. Рачкій, стр. 320, прим. 3.

biter, какъ находимъ въ отвѣтномъ посланіи папскомъ [88]. Это отвѣтное посланіе папы Іоанна VIII, на имя Меѳодія и Святополка, составляетъ первый положительный документъ, уясняющій намъ положеніе Меѳодія, говорящій прямо о винахъ архіепископа моравскаго и вмѣстѣ раскрывающій оригинальный способъ дѣйствій римскаго первосвященника.

Оба посланія писаны въ одинъ день, въ іюлѣ 879 года [89]. Вотъ что существеннаго находимъ мы въ письмѣ къ Меѳодію: до папы дошли слухи, что Меѳодій училъ не такъ, какъ паучапа св. римская церковь отъ самого апостоло-начальника, и тѣмъ вводитъ народъ въ заблужденіе; отсюда — повелѣніе явиться въ Римъ немедленно, дабы апостольскій престолъ могъ изъ собственныхъ его устъ убѣдиться, признаетъ ли онъ и проповѣдуетъ ли такъ, какъ обѣщалъ, и словесно и письменно, вѣрить передъ св. римскою церковью, или нѣтъ, дабы можно было до-подлинно узнать его ученіе; папа услышалъ и о томъ, что Меѳодій поетъ литургію на варварскомъ, т. е. славянскомъ, языкѣ, тогда какъ письмомъ посредствомъ епископа анконскаго, Павла, онъ запретилъ ему употребленіе этого языка въ богослуженіи, дозволивши служить только на латинскомъ или на греческомъ, какъ дѣйствуетъ Божія церковь всюду и среди всѣхъ народовъ. Въ самомъ концѣ письма, соглашается на проповѣданіе какимъ угодно языкомъ, на основаніи словъ псалмопѣвца, повелѣвающаго всѣмъ народамъ славить Бога, и словъ апостола, который допускаетъ, чтобы всякъ языкъ исповѣдывалъ Іисуса. Въ письмѣ къ Святополку, Іоаннъ VIII, послѣ

[88] Калайдовичъ (Іоаннъ экзархъ болгар., стр. 92) считаетъ его Іоанномъ экзархомъ болгарскимъ, что, конечно, несправедливо.

[89] См. Эрбена, Regesta Bohem., №№ 41 — 42; Гинцеля, приложеніе, стр. 58 — 59; Рачкій стр, 321 — 322, прим.

самыхъ лестныхъ заявленій заботливости о князѣ и его народѣ, увѣщаваетъ какъ-можно строже держаться того ученія, какое сообщено апостоломъ святой римской церкви и какое посредствомъ ея первосвященниковъ преподано предкамъ Святополка. За этимъ убѣждаетъ отвергнуть всякое ложное ученіе, если-бы подобное задумалъ распространять кто-либо, хотя-бы епископъ или священникъ; далѣе, выражаетъ удивленіе, что Меѳодій, какъ слышитъ папа, поставленный его предшественникомъ въ архіепископа, иначе учитъ, нежели какъ обѣщалъ онъ римскому престолу вѣрить и словесно и письменно. Въ заключеніе увѣдомляетъ о немедленномъ вызовѣ Меѳодія въ Римъ, для удостовѣренія въ его ученіи.

Сопоставляя обвиненія въ обоихъ письмахъ, мы можемъ подвести ихъ подъ слѣдующія двѣ рубрики: а) *ложное,* по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія Рима, *ученіе*; тѣмъ изумительнѣе должно было казаться оно послѣднему, что связано было съ нарушеніемъ обѣта, даннаго Меѳодіемъ въ Римѣ, учить такъ, какъ признаетъ справедливымъ римская церковь; б) запрещенное на западѣ *славянское богослуженіе.* И здѣсь усиливается виновность Меѳодія, дерзнувшаго ослушаться особеннаго ему запрещенія, со стороны папы, не служить по-славянски, а употреблять въ литургіи только латинскій или греческій языки. Такимъ образомъ, въ сущности, обвиненія остаются тѣ-же самыя, какія замѣчены въ запискѣ *безъименнаго лѣтописца* и какія выставляло духовенство нѣмецкое въ Моравіи, передъ Святополкомъ: такъ и должно быть, потому-что источникъ ихъ одинъ и тотъ-же, тѣ-же католическіе іерархи нѣмецкіе, которымъ противенъ былъ Меѳодій по ученію и опасенъ, въ матеріальномъ и политическомъ отношеніи, по преданности ему славянскаго народа.

Такъ-какъ источники не предлагаютъ никакихъ подробностей, касательно похода Меѳодія въ Римъ и его суда передъ престоломъ римскимъ, и какъ единственнымъ пособіемъ для уясненія вопроса этого служитъ новое посланіе Іоанна VIII къ Святополку, гдѣ только въ краткихъ и общихъ чертахъ указывается успѣшный для Меѳодія результатъ новаго процесса, то мы и остановимся на разсмотрѣніи обвиненій, стараясь какъ возможно внимательнѣе относиться къ способу выраженій въ посланіяхъ папскихъ. Замѣтимъ только прежде всего, что обвиненіе въ славянскомъ богослуженіи, весьма сильное по связи его съ упорнымъ ослушаніемъ, вовсе не упомянуто въ письмѣ къ Святополку, будучи вставлено единственно въ посланіе къ Меѳодію. Начнемъ съ славянской службы.

Мы видѣли, что Меѳодій, отправляясь изъ Рима, послѣ посвященія въ епископы, еще при Адріанѣ, въ 870 году, получилъ уже разрѣшеніе на славянскую службу, что доводы Константина передъ соборомъ іерарховъ римскихъ, а еще болѣе политическія соображенія до того были вліятельны, что латинолюбивый западъ увидѣлъ необходимость подавить хотя на-время обычную нетерпимость иныхъ языковъ въ дѣлахъ церкви. Жизнеописанія Меѳодія и не скрываютъ, что онъ тотчасъ-же, по прибытіи къ Коцелу, обратился къ славянскому языку. Но не долго наслаждался свободою Меѳодій: менѣе, чѣмъ черезъ годъ, былъ уже онъ въ заключеніи у нѣмцевъ, а у Рима начался споръ съ Зальцбургомъ, за отдѣльное епископство панонское. Долго длился онъ, но, какъ намъ уже извѣстно, папа выигралъ, и Паннонія получила независимую отъ нѣмцевъ церковную администрацію. Предложенное выше извлеченіе изъ письма Іоанна VIII къ Меѳодію показываетъ, что этотъ выигрышъ не обошелся безъ ущерба для славянъ: папа, какъ

видно, не стѣснялся отвергнуть славянскаго языка, среди заботливости приурочить себѣ Паннонію и отнять ее у нѣмцевъ. Да, дѣйствительно, и трудно было ему устоять противъ необходимости уступки: сама римская церковь съ отдаленныхъ временъ, особенно со времени Григорія I, признавала главнѣйшею своею задачею сдѣлать исключительнымъ языкъ латинскій въ богослуженіи на всемъ пространствѣ запада [90]; не проводить эту задачу теперь, когда духовенство нѣмецкое требовало удаленія Меѳодія, между прочимъ, именно потому, что онъ не блюдетъ обычаевъ римскихъ, значило, дать поводъ заподозрить самого себя въ поддержкѣ началъ, противныхъ Риму, и основаніе къ опаснымъ упрекамъ, будто *святѣйшій* отецъ, дѣйствуя изъ личныхъ видовъ, забываетъ даже общіе интересы церкви. Папа принялъ во вниманіе обвиненіе нѣмцевъ и, ради спокойнѣйшаго пріобрѣтенія Панноніи, пожертвовалъ языкомъ славянскимъ, сообщивши черезъ своего легата, Павла, Меѳодію запрещеніе служить на языкѣ варварскомъ.

Что-же Меѳодій? Внялъ ли онъ голосу римскаго первосвященника и отклонился ли отъ пути, указаннаго ему востокомъ и утвержденнаго великимъ его братомъ? Посланіе папское отъ 879 года служитъ слишкомъ яснымъ отвѣтомъ, чтобы отнять право и поводъ и у самыхъ ярыхъ поклонниковъ Рима упрекать Меѳодія въ измѣнѣ тому духу, какимъ пропитался онъ въ лонѣ вселенской православной церкви, борцемъ за истину которой явился теперь Константинополь, въ лицѣ Фотія. Нѣтъ, Меѳодій продолжалъ свое святое дѣло, какъ-будто и не зналъ мнѣнія папскаго, продолжалъ до тѣхъ поръ, пока оскорбленный представитель западной церкви ни увидѣлъ

[90] Гинцель, 57, прим.

себя вынужденнымъ позвать его грозно къ отвѣту въ свою столицу. Какъ понять, какъ объяснить это странное поведеніе Меѳодія, близкое къ самому непростительному, по видимому, неуваженію *верховнаго намѣстника Спасителя*, и тѣмъ болѣе непостижимому, чѣмъ настоятельнѣе усиливается завадъ навязать св. братьямъ безусловное признаніе того беззаконнаго значенія папы, какое утверждено за нимъ ложными декреталіями? Какъ понять и дѣйствія Рима, поражающія своею непослѣдовательностью и противорѣчіями? Вопросъ не легкій, для католическихъ писателей, и не удивительно, что одни изъ нихъ считаютъ опаснымъ и касаться его, проходя молча, другіе напрягаютъ всю изворотливость софистическаго ума своего, чтобы, по крайней-мѣрѣ, запутать дѣло и тѣмъ отстранить возможность подозрительныхъ и для Рима весьма не лестныхъ выводовъ у невнимательныхъ читателей? Говоримъ у невнимательныхъ, потому-что фактъ самъ по себѣ такъ простъ, очевиденъ, что только единственно разсчетомъ на крайнюю невнимательность и на безграничное довѣріе къ печатному слову и можно объяснять попытки католиковъ дать ему произвольное, согласное лишь съ задними цѣлями толкованіе. Дѣйствительно, Адріанъ II торжественно дозволяетъ славянскую службу, въ 870 году: этого не отрицаетъ ни одинъ католикъ за исключеніемъ Гинцеля; проходитъ три-четыре года, и слѣдующій папа запрещаетъ ее безусловно, особымъ посланіемъ; Меѳодій, однако-же, не думаетъ обращать вниманія, продолжаетъ служить, не обнаруживая ничѣмъ и ни въ чемъ даже готовности объясниться съ *святѣйшимъ отцемъ*, и послѣдній, уже черезъ шесть лѣтъ, снова повторяетъ запрещеніе и требуетъ Меѳодія, какъ виновнаго, на судъ. Кажется, ясно, что славянскій просвѣтитель руководствовался въ этомъ случаѣ ины-

ми, своими соображеніями, а не тѣми, какія шли изъ Рима; кажется, несомнѣнно, что, съ точки зрѣнія католической, слѣдуетъ обвинить Меѳодія въ непокорности, а съ этимъ вмѣстѣ значительно поколебать и *безпредѣльную преданность его папѣ*. Но при томъ значеніи солунскихъ проповѣдниковъ, какое придано имъ современными пропагандистами католичества, служить для всѣхъ славянъ, и западныхъ и восточныхъ, указателями преданности папизму, связью съ Римомъ, какъ съ признаннымъ этими проповѣдниками верховнымъ главою вселенской церкви, подобное заключеніе опасно; оно, естественно, подрывало бы только такое значеніе, а не поддерживало и скрѣпляло его. Остается, на обыкновенный взглядъ, другое средство: обвинить папу въ поспѣшности и неразборчивости и оправдать Меѳодія важностью цѣлей, изъ-за какихъ могъ онъ ослушаться распоряженій римскихъ. Но папа безгрѣшенъ, судъ его непререкаемъ, — и обвинять его въ чемъ-бы то ни было не возможно. Отсюда одинъ исходъ — избрать такую средину, на которой бы легко было устранить обвиненіе и отъ того и другаго и придумать такія объясненія, которыя бы, хотя по виду, оправдывали и папу и Меѳодія.

Относительно побужденій, какими руководствовался Іоаннъ VIII въ запрещеніи славянскаго богослуженія, г. Штульцъ выражается такимъ образомъ: „жалкіе споры съ греками на востокѣ и возникшіе безпорядки въ Болгаріи должны были устрашить мысль папскую. Жалобы со столькихъ сторонъ наполнили его сердце боязнію, чтобы и Меѳодій, происходя изъ греческаго царства, не сдѣлался и самъ дѣятельнымъ участникомъ въ этихъ распряхъ и не произвелъ на западѣ того, на что недостойные его единоземцы рѣшились на востокѣ и притомъ съ великимъ успѣхомъ. Этою боязнію папскою умѣли

превосходно воспользоваться противники св. апостола. Все, что дѣлалъ архіепископъ моравскій, постарались объяснить они въ Римѣ такъ, какъ будто-бы онъ разсѣвалъ гибельныя заблужденія и только, какъ одеждою, прикрывалъ славянскимъ обрядомъ враждебные свои замыслы" [91]. Вотъ что заставило Іоанна VIII прекратить право славянскаго языка въ богослуженіи. Господинъ Штульцъ никакъ не въ силахъ отвязаться отъ Фотія; вездѣ, при всѣхъ запутанныхъ вопросахъ, является онъ ему разрѣшающимъ орудіемъ. И теперь выставляетъ онъ его виновникомъ несогласій церковныхъ, напугавшихъ папу и за Меѳодія; что за дѣло, что въ это время на престолѣ патріаршемъ сидѣлъ Игнатій, а Фотій находился въ удаленіи — для г. Штульца не существуетъ хронологія, умѣстны и анахронизмы, какъ уже видѣли мы, если дѣло идетъ объ оправданіи папы. Но допуская и анахронизмъ, въ настоящемъ случаѣ, все-таки не поймемъ, почему-же понадобилось запрещеніе Іоанну VIII, около 878 года, по мнѣнію Штульца, и почему не явилось оно при Адріанѣ II, въ 870 году, когда раздраженіе Рима противъ Игнатія, за Болгарію, было особенно сильно, когда *святѣйшій отецъ* дозволилъ даже себѣ угрозу проклятія надъ старцемъ-патріархомъ? Почему и Іоаннъ VIII, въ теченіе слишкомъ пяти лѣтъ своего папства, до 878 года, ничего не предпринималъ противъ славянской службы, когда прерваны были всѣ сношенія между востокомъ и западомъ и когда ничуть не менѣе жестоки были нападки и клеветы нѣмецкаго духовенства на Меѳодія? Почему, напротивъ, появилось это запрещеніе, если признавать время его съ г. Штульцемъ, именно къ той порѣ, когда начали снова возстановляться сношенія Рима съ Царьградомъ? Объ основаніяхъ не-

[91] Стр. 143 — 144.

повиновенія Меѳодія папѣ, г. Штульцъ не говоритъ ни слова; его римо-любявому сердцу гораздо удобнѣе казалось подвинуть срокъ перваго запрещенія къ вызову Меѳодія въ Римъ, чтобы, такимъ образомъ, утаить продолжительность времени самовольныхъ дѣйствій слав. первоучителя: письмомъ черезъ Павла анконскаго, папа велѣлъ Меѳодію прекратить славянскую службу, a pak *po nedlouhém čase* druhým listem, daným 14 června 879, poručil jemu, aby do Říma bez odkladu se dostavil [92]. Между тѣмъ, это недолгое время равняется пяти слишкомъ годамъ, въ продолженіе которыхъ Меѳодій не покидалъ своего дѣла и заставилъ папу вторично писать о томъ-же и требовать даже къ отвѣту.

Не болѣе послѣдователенъ въ своихъ сужденіяхъ и Гинцель, хотя и рѣшительнѣе въ отверженіи несомнѣнно историческихъ фактовъ. По его мнѣнію, непризнанному, впрочемъ, ни однимъ изъ его единовѣрцевъ, даже и начало славянскаго богослуженія было дѣломъ чисто произвола Меѳодіева, безъ всякаго разрѣшенія, со стороны Адріана: „хотя и не въ состояніи былъ скрыть архіепископъ, что введеніемъ народнаго языка въ литургію, онъ вноситъ доселѣ неслыханную новизну, но надѣялся, что апостольскій престолъ, изъ уваженія къ пользѣ для христіанскаго успѣха среди славянъ, не осудитъ этого отступленія отъ всеобщаго церковнаго порядка“ [93]. Намъ уже извѣстно, какъ положительно свидѣтельствуютъ источники о торжественномъ разрѣшеніи славян. богослуженія Адріаномъ, еще во время жизни Кирилла въ Римѣ, но будемъ держаться умозаключеній Гинцеля. Согласно съ его утвержденіями, Меѳодій, значитъ, только по надеждѣ, по догадкамъ на согласіе папы,

---

[92] Тамъ-же.

[93] Стр. 56 — 57.

началъ славянскую службу. Съ каждымъ новымъ годомъ, эта надежда и догадки должны, естественно, укрѣпляться тѣмъ болѣе, чѣмъ меньше противорѣчій обнаруживалъ Римъ, — а Римъ молчитъ до самаго 873 года, слѣдовательно во все время папства Адріанова. Въ этомъ году, говоритъ Гинцель, папа, уже Іоаннъ, запрещаетъ всякой иной языкъ въ богослуженіи, кромѣ греческаго и латинскаго, запрещаетъ опредѣленно и положительно. Надежды и догадки Меѳодія, очевидно, уничтожены въ самомъ основаніи; ему остается руководиться прямымъ рѣшеніемъ папскимъ: никакого документальнаго оправданія дѣйствовать по прежнему у него нѣтъ. При всемъ томъ, служба славянская длится цѣлыхъ пять лѣтъ, безъ всякаго указанія на какое-либо оправданіе отъ Меѳодія и на неудобство или невозможность исполнить требованіе папское. Въ 879 году, идетъ изъ Рима новое, рѣзкое посланіе, запрещающее вторично славянскую службу и вызывающее виновника на судъ. Въ этомъ отношеніи, г. Гинцель, какъ-будто, вполнѣ послѣдователенъ: ему нѣтъ надобности указывать на причины, почему папа возстаетъ противъ славянскаго языка, потому-что, по его словамъ, ни одинъ первосвященникъ римскій и прежде не дозволялъ ему быть органомъ церкви, а, напротивъ, каждый заботился о водвореніи исключительнаго латинства, слѣдовательно, весьма понятно повтореніе запрещенія. Тѣмъ, не менѣе, послѣдовательность эта только кажущаяся; въ дѣйствительности же, г. Гинцель собственными словами поражаетъ свою непослѣдовательность. Въ самомъ дѣлѣ, возставая противъ заключенія Дюммлера [91], будто первое запрещеніе, посредствомъ епископа анконскаго, отправлено только въ 878 году, онъ возражаетъ: „вѣроятно ли, чтобы противники Меѳодія, который несомнѣн-

[91] Archiw, XIII, 193, прим. 7.

ко начала славянское богослуженіе до 873 года, спокойно смотрѣли на такую новизну пять или болѣе лѣтъ, прежде нежели обратились на него съ жалобами? Неоспоримо, что они поспѣшили съ жалобами въ Римъ въ теченіе еще 871 или въ 872 году. Еще менѣе римскій престолъ позволилъ бы себѣ оставлять не разрѣшенною жалобу въ теченіе пяти или болѣе лѣтъ" [95]. Совершенно согласны съ такими заключеніями; но, въ такомъ случаѣ, и самъ г. Гинцель долженъ признать справедливость тѣхъ, кто въ запретительныхъ распоряженіяхъ папы Іоанна видитъ единственно разсчеты политическіе, а не принципы и догматы церковные, потому-что безъ такихъ разсчетовъ еще труднѣе понять молчаніе папы въ теченіе шести лѣтъ, отъ 873 до 879 г., среди непрестанныхъ и усиленныхъ, именно въ этотъ промежутокъ времени, жалобъ и доносовъ, со стороны нѣмцевъ: невниманіе къ этимъ жалобамъ и доносамъ было бы тѣмъ преступнѣе, что самовольное распоряженіе Меѳодія и рѣшительное неповиновеніе его письменному приказанію папы свидѣтельствовали только въ пользу основательности тѣхъ и другихъ. Нѣтъ, тогда только г. Гинцель могъ бы уклониться отъ объясненія дѣйствій Іоанна VIII и считать ихъ вполнѣ естественными и законными, если-бы онъ въ силахъ былъ доказать отсутствіе связи въ эту пору между Римомъ и Моравіей, а вслѣдствіе сего и неизвѣстность, какъ принято въ послѣдней то или иное распоряженіе перваго; но этого-то и не рѣшится онъ доказывать, не противорѣча самъ себѣ и не возставая противъ очевиднѣйшаго факта, что въ средневѣковой исторіи едва-ли много найдется эпохъ, въ которыя бы такъ живы были интересы, связывавшіе Римъ и Моравію,

---

95 Стр. 61, прим. 2.

какъ въ этотъ періодъ жизни Меѳодія. Отсюда остается не рѣшеннымъ необходимо возникающій вопросъ: почему Римъ молчалъ до 873 года, когда Меѳодій задумалъ ввести *неслыханную новизну* (unerhörte Neuerung) въ западной церкви; еще болѣе, за-чѣмъ онъ не возставалъ противъ нововводителя до 879 года, когда къ прежней *винѣ* присоединилось и *преступленіе* въ явной непокорности спеціальному и положительному распоряженію папскаго престола? *Вѣроятно ли, чтобы послѣдній спокойно смотрѣлъ, въ теченіе шести лѣтъ, на такое оскорбленіе горделивой власти своего первосвященника?* Если такъ, то должны быть особенныя основанія, на которыя не дѣлаетъ ни малѣйшаго указанія г. Гинцель. Но, отстраняя, фиктивною своею послѣдовательностью, въ читателѣ попытку допросить папу, Гинцель не забываетъ оправдать и Меѳодія. Какъ ни явственно отражается его равнодушіе къ послѣднему, какъ нѣмца, тѣмъ не менѣе, разсчеты на пропаганду католическую, новымъ орудіемъ которой рѣшился сдѣлать западъ и братьевъ солунскихъ, потребовали и отъ него, какъ отъ ревностнаго католика, представить объясненіе, которое бы сняло или, по крайней мѣрѣ, ослабило виновность Меѳодія въ неповиновеніи папѣ. Подвигъ не легкій для вѣрующаго въ святость догмата о непогрѣшимости и главенствѣ папы. Всего бы легче, казалось, ударить на епископа анконскаго и утверждать, что имъ не доставлено Іоанново посланіе Меѳодію, и послѣдній продолжалъ свою новизну, вовсе не подозрѣвая въ этомъ поступка, запрещеннаго Римомъ. Но та-же вѣра въ силу папства отнимаетъ у Гинцеля право предполагать неисправность въ епископѣ: „если-бы даже и не могъ онъ самъ явиться въ Паннонію, куда былъ отправленъ, то непремѣнно долженъ былъ употребить всѣ средства, чтобы столь

важное посланіе было доставлено Меѳодію“ [96]. Какъ будто латинянамъ впервые приходится обвинять своихъ епископовъ въ неисправности, когда требуетъ того житейскій интересъ: развѣ не такъ-же строго должны были выполнять порученія папскія и тѣ святители, которые заступали мѣсто своего первосвященника на соборахъ въ Константинополѣ и, однако-же, подвергались по-очередно обвиненіямъ въ слабости и подкупности, коль-скоро матеріальныя выгоды Рима не согласовались съ тѣми рѣшеніями, подъ какими считали дѣломъ совѣсти подписываться эти святители? И тутъ можно бы было заподозрить подкупъ, хотя со стороны Святополка, еще не увлеченнаго, къ 873 году, интригами нѣмцевъ; западъ и не замедлилъ бы сдѣлать это, чтобы не допускать тѣни сомнѣнія на-счетъ Меѳодіевой преданности апостольскому престолу, если-бы послѣдующія посланія папы, и къ Меѳодію и Святополку, не отнимали права дѣлать подобныя предположенія: въ нихъ — во а) нигдѣ нѣтъ и намека на то, чтобы Меѳодій отговаривался неполученіемъ письма отъ епископа Павла; во б) не замѣтно и осужденія гдѣ-либо Павла за неисправность, что непремѣнно было бы обнаружено, если-бы Меѳодій дѣйствительно не зналъ о запрещеніи 873 года. Надобно и Гинцелю согласиться, что Павелъ анконскій выполнилъ точно порученіе и, при этомъ удобномъ случаѣ, сослаться на невозможность невыполненія, потому-что такова была воля *святѣйшаго отца*.

Но тогда виноватъ и сильно виноватъ Меѳодій. Вотъ оправданіе, предлагаемое Гинцелемъ: „при всемъ благоговѣніи къ опредѣленію папскому, Меѳодій позволялъ себѣ извинять то, что дѣлалъ онъ ради успѣха славянъ въ христіанскомъ просвѣщеніи и ради поддержанія ихъ въ общеніи съ апостольскимъ

[96] Тамъ-же, стр. 62.

престоломъ". И такъ, начавши славянское богослуженіе въ 870 году, безъ разрѣшенія изъ Рима, по мнѣнію Гинцеля, въ надеждѣ только, что папа, изъ уваженія къ цѣлямъ его, проститъ за неслыханную въ римской церкви новизну, онъ рѣшается продолжать такую надежду и послѣ того, какъ римскій дворъ грозно осудилъ и запретилъ эту новизну. Замѣчательное оправданіе, въ устахъ католическаго ревнителя ненарушимости и святости папской воли и власти! Оно тѣмъ болѣе поражаетъ читателя, что основано единственно на голомъ предположеніи, способномъ, въ глазахъ внимательнаго читателя, лишь усилить виновность Меѳодія: кажется, посланія папскаго, переданнаго епископомъ анконскимъ, достаточно было, чтобы подорвать само-извиненіе Меѳодія и побудить къ прекращенію славянской службы, — а онъ, между тѣмъ, еще цѣлыхъ шесть лѣтъ извиняетъ себя и дѣйствуетъ по осужденному папой своему усмотрѣнію до тѣхъ поръ, пока ни вызвалъ его, наконецъ, Римъ на судъ. Но шести-лѣтній срокъ слишкомъ великъ, чтобы *святѣйшій отецъ* дозволилъ такъ явно злоупотреблять своею волею безъ всякаго объясненія, со стороны злоупотребляющаго, — и Гинцель отстраняетъ эту несообразность новымъ предположеніемъ, будто Меѳодій отвѣчалъ на посланіе папское 873 года, *потому что онъ не могъ не отвѣчать;* будто онъ не оставилъ и легата, т. е. Павла анконскаго „безъ устныхъ объясненій" [97]. Г. Гинцель, въ натяжкахъ своихъ и отвлеченныхъ предположеніяхъ, забылъ, что подобнымъ оправданіемъ набрасывается снова неблаговидная тѣнь на папу: если послѣдній, дѣйствительно, получилъ тотъ-часъ же объясненіе Меѳодіево и если онъ не былъ съ нимъ согласенъ и настаивалъ на своемъ, то почему-же оставался онъ бездѣятельнымъ цѣ-

[97] Тамъ-же, стр. 62.

лыхъ шесть лѣтъ и только по прошествіи столь долгаго срока рѣшился снова воспретить то, что было имъ-же запрещено еще въ 873 году? Но предположеніе Гинцеля уничтожается само-собою невозможностью, чтобы папа, во второмъ посланіи своемъ, 879 года, не упомянулъ вовсе объ объясненіяхъ Меѳодія и не указалъ, почему же не принимаетъ онъ ихъ и, по прежнему, требуетъ прекращенія новизны. А въ новомъ посланіи, дѣйствительно, нѣтъ и тѣни такого намека.

Иначе разсуждаетъ Рачкій, хотя также не въ силахъ своими разсужденіями устранить недоразумѣнія въ читателѣ, насчетъ послѣдовательности и даже добросовѣстности распоряженій папскихъ. Основаніемъ Іоанна VIII къ запрещенію славянскаго языка въ литургіи, выставляетъ Рачкій заблужденіе на-счетъ развитія, образованности и пригодности этого языка для высшихъ понятій; враги Меѳодіевы не замедлили, говоритъ онъ, представить папѣ грубость и варварство славянизма, — и папа опредѣлилъ служить только по-гречески или полатыни. Могущее возникнуть сомнѣніе въ читателѣ касательно того, почему же тотъ-же папа, черезъ какой-нибудь годъ, или менѣе, разрѣшилъ Меѳодію служить и по-славянски, Рачкій силится уничтожить слѣдующимъ умствованіемъ: какъ самъ Меѳодій, въ бытность свою, 879 — 880 гг., успѣлъ доказать Іоанну VIII несправедливость взгляда враговъ своихъ на славянскій языкъ, такъ и могшіе находиться въ Римѣ духовные изъ славянъ, бывшіе въ Болгаріи и Далмаціи и ознакомившіеся съ этимъ языкомъ, не замедлили подтвердить доказательства Меѳодіевы. Іоаннъ VIII разувѣрился въ справедливости отзывовъ нѣмцевъ и согласился на введеніе и славянскаго языка въ богослуженіе [98]. Конечно, все это — голыя предположе-

[98] Стр. 331 — 332.

нія; но посмотримъ, въ какой степени въ состояніи оправдаться и они безпристрастнымъ обсужденіемъ наличныхъ данныхъ.

Во а) Рачкій всецѣло допускаетъ, что Адріанъ II разрѣшилъ солунскимъ братьямъ славянское богослуженіе; онъ признаетъ за неоспоримый фактъ и судъ въ Римѣ, на которомъ св. Кириллъ доказывалъ справедливость права каждаго языка быть органомъ христіанства и на которомъ вполнѣ убѣдилъ въ основательности мнѣнія своего не только папу, но и другихъ іерарховъ. Какъ-же, черезъ какіе-нибудь три-четыре года, намѣстникъ Адріана, бывшій при немъ архидіакономъ, знавшій, конечно, все, что совершалось въ Римѣ съ Кирилломъ и Меѳодіемъ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, опредѣляетъ славянскій языкъ варварскимъ и, не упоминая о недавнемъ папскомъ разрѣшеніи, запрещаетъ его безусловно для богослуженія? Надѣемся, что г. Рачкій согласится съ нами, что и Адріанъ убѣдился въ достаточной приготовленности славянскаго языка, какъ доводами самого Кирилла, такъ и достоинствомъ переводныхъ трудовъ его, для христіанской службы; въ противномъ случаѣ, если такое убѣжденіе считаетъ онъ необходимымъ въ Іоаннѣ VIII, не могъ бы разрѣшить славянской литургіи и Адріанъ II. Или изслѣдованіе о достоинствѣ того или иного языка для литургіи необходимо повторять при каждомъ папѣ? Во б) если въ 879 году нашлись въ Римѣ духовные изъ славянъ, которые были въ пользу развитія и богатства языка славянскаго, то развѣ не было ихъ въ 873 году, или развѣ папа не могъ запросить ихъ, напр., въ Далмаціи, чтобы не рѣшать столь важнаго вопроса на-обумъ, слушая лишь навѣты одной и, очевидно, пристрастной стороны: вѣдь въ 879 году онъ-же, по предположенію Рачкаго, принялъ во вниманіе мнѣнія такихъ духовныхъ. Крайне поспѣш-

ный приговоръ, и несправедливый, по собственному признанію приговорщика, чтобы отстаивать его непогрѣшимость. Въ в) ежели второй разъ, такимъ образомъ, было доказано, что славянскій языкъ, по своему развитію, способенъ къ богослуженію, доказано не только Меѳодіемъ, но и другими іерархами изъ славянъ, то почему же въ послѣдующее время снова запрещается славянскій языкъ въ литургіи, въ Далмаціи? Или опять не было въ Римѣ людей, въ X и XI вѣкахъ, которые бы подтвердили два раза признанное апостольскою столицею достоинство языка славянскаго? Г. Гинцель, дѣйствительно, такъ и объясняетъ [99], — только этимъ рѣшительно уже заставляетъ читателя увѣриться, что подъ перомъ обоихъ католическихъ писателей, и Гинцеля и Рачкаго, такое объясненіе есть лишь пустыя слова, сказанныя единственно для того, чтобы указать хотя какое-нибудь оправданіе подозрительной непослѣдовательности римскихъ предписаній.

Подобную же голословность и произвольныя предположенія находимъ мы и въ оправданіи Рачкимъ неповиновенія Меѳодія. На какомъ основаніи не пересталъ Меѳодій служить по-славянски, получивши запрещеніе отъ папы; „неужели изъ непокорности и упорства пренебрегъ онъ приказаніемъ верховнаго пастыря, спрашиваетъ Рачкій? Никогда; значеніе Меѳодія не позволяетъ допускать что-либо подобное. Безъ сомнѣнія, онъ имѣлъ опору въ чемъ-нибудь другомъ, — и это другое составляла привиллегія, данная славянскому языку Адріаномъ II; что Іоаннъ, конечно, знакомый съ нею, дѣйствовалъ теперь противъ нея, Меѳодій имѣлъ достаточное основаніе приписывать то упорнымъ своимъ сосѣдямъ; могъ также и надѣяться, что и Іоаннъ не преминетъ одинаково судить объ этомъ предметѣ

[99] Тамъ-же, стр. 121 — 122.

съ своимъ предшественникомъ, какъ скоро получитъ точнѣйшія свѣдѣнія, *которыя сообщить не упустилъ онъ случая, хотя и не существуетъ относящихся до этого памятниковъ.* Вотъ почему раздавались славянскіе звуки по Моравіи; а что не видимъ много лѣтъ препятствія со стороны папы, — причина заключается *въ разныхъ событіяхъ*, приковывавшихъ всю его дѣятельность“ [100]. Все это оправданіе, какъ легко замѣтитъ самъ читатель, не выходитъ изъ предѣловъ голаго предположенія: на немъ основано и ни чѣмъ не оправдываемое объясненіе Меѳодія; оно же лежитъ въ основаніи и долголѣтней бездѣятельности папы: вѣдь не станетъ же, конечно, г. Рачкій и самъ внутренно придавать какой-нибудь вѣсъ *разнымъ событіямъ*, будто бы отвлекавшимъ вниманіе Іоанна отъ столь рѣзкаго оскорбленія его нарочитаго предписанія Меѳодію. Важнѣйшее событіе было одно, — война съ сарацинами, въ южной Италіи; но не говоря уже о томъ, что тамъ успѣшно расправлялись флотъ и войско императора византійскаго, Василія, война эта ни мало, однакоже, не помѣшала папѣ принимать живое участіе въ спорѣ за императорскую корону между двоими братьями, Людовикомъ, королемъ нѣмецкимъ, и Карломъ Лысымъ, королемъ французскимъ; не мѣшала она ему возобновить и сношенія съ болгарскимъ княземъ, съ старою цѣлью — приманить его снова въ лоно римской церкви. Нѣтъ, не въ силахъ бы были удержать римскаго первосвященника подобныя *разныя событія* отъ немедленнаго же возстановленія и огражденія оскорбленнаго такъ явственно самолюбія, если-бы не оказалось какихъ-либо иныхъ препятствій, болѣе существенныхъ, о которыхъ не желательно распространяться, на которыя опасно и намекать римскому католику. Не основательно г. Рачкій

[100] Vjek i djel., стр. 299 — 300.

скорбить и о потерѣ источниковъ, вмѣщавшихъ, будто бы, въ себѣ точнѣйшія свѣдѣнія, сообщенныя Меѳодіемъ Іоанну VIII, въ отвѣтъ на посланіе послѣдняго отъ 873 года, неосновательно потому, что гораздо послѣдовательнѣе утверждать несуществованіе такихъ источниковъ и въ IX столѣтіи: посланія папы въ 879 году, къ Меѳодію и Святополку, равно и посланіе къ послѣднему отъ 880 года, совершеннымъ молчаніемъ о какомъ-либо объясненіи, со стороны Меѳодія, говорятъ слишкомъ убѣдительно, что ихъ и не было, потому что при дѣйствительномъ существованіи ихъ папа непремѣнно намекнулъ бы о нихъ, когда дѣлалъ указаніе въ 879 году на запрещеніе свое за шесть лѣтъ, отвергнутое Меѳодіемъ.

Въ томъ-же духѣ, почти тѣми-же словами, какія читаемъ мы у Рачкаго, излагаетъ этотъ фактъ запрещенія папою славянской литургіи Меѳодію и неповиновенія послѣдняго запрещенію, и докторъ Билый, въ новѣйшемъ сочиненіи своемъ о св. *апостолахъ славянскихъ*[101].

Какъ-же объяснить двукратное, въ продолжительный промежутокъ времени, запрещеніе славянской литургіи Іоанномъ VIII, послѣ несомнѣннаго разрѣшенія его Адріаномъ, и понять рѣшительное неповиновеніе ему со стороны Меѳодія, повлекшее за собою вызовъ послѣдняго къ суду?

За отсутствіемъ положительныхъ историческихъ свидѣтельствъ, и намъ приходится обратиться къ предположеніямъ; но наши предположенія будутъ непосредственно вытекать изъ самыхъ событій и изъ того характера римской политики, какой отпечатлѣлся на всѣхъ сношеніяхъ съ Римомъ Кирилла и Меѳодія. Въ самомъ дѣлѣ, что могло побудить прежде всего Іоанна VIII, несомнѣнно знавшаго о распоряженіи Адріана II, на-

[101] Выпускъ II, стр. 56 — 57.

счетъ языка славянскаго, возстать противъ него въ 874 году? Намъ уже извѣстно, что при этомъ папѣ возникъ процессъ объ архіепископіи паннонской, которую такъ желалъ Римъ отторгнуть отъ зальцбургской митрополіи и пріурочить своему вѣдомству, для чего не затруднился онъ сослаться и на темное историческое право и связать его съ забытой епископіей св. Андроника. При встрѣченномъ упорствѣ нѣмцевъ въ отстаиваньи своихъ правъ, папѣ тѣмъ затруднительнѣе было не принять во вниманіе ихъ жалобъ на отступленіе Меѳодія отъ обычаевъ латинской церкви, чѣмъ заботливѣе поддерживалъ издавна самъ Римъ латинское богослуженіе въ областяхъ своихъ. Мы уже выше замѣтили, что Іоанново запрещеніе, въ 873 — 74 году, было слѣдствіемъ необходимой уступки нѣмецкой іерархіи изъ видовъ личныхъ и корыстныхъ разсчетовъ римскаго двора. Но въ то время Святополкъ былъ уже въ полной силѣ, вражда его къ нѣмцамъ только-что разрѣшилась окончательнымъ высвобожденіемъ Моравіи изъ-подъ господства нѣмецкаго, независимость славянской жизни только-что упрочилась и уже успѣла заявить себя въ пользу роднаго языка, просьбою поставить и въ Моравіи архіепископомъ Меѳодія, — и папа Іоаннъ, издавшій запрещеніе славянской литургіи, не могъ не бояться настаивать на немъ, имѣя предъ глазами страшную опасность въ отвращеніи моравянъ отъ Рима и въ обращеніи ихъ, по прежнему, къ ненавистному востоку. Этотъ естественный страхъ за драгоцѣнную потерю и былъ причиною, почему папа оставался до 879 года равнодушнымъ къ неисполненію запрещенія Меѳодіемъ, довольствуясь формальнымъ удовлетвореніемъ нѣмцевъ. Но чѣмъ болѣе проходило времени, а съ нимъ чаще и сильнѣе доносились жалобы послѣднихъ на невниманіе къ папскому предписанію, тѣмъ не-

ловче становилось и положеніе Іоанна: исходъ изъ двойственности былъ необходимъ. Но какой исходъ? — это опредѣлилось новымъ направленіемъ Святополка. Ловкія интриги нѣмцевъ мало-по-малу, какъ видѣли мы, успѣли сблизить съ послѣдними князя моравскаго и даже подчинить его ихъ вліянію. Святополкъ введенъ былъ даже въ сомнѣніе, на-счетъ справедливости ученія Меѳодіева, и обратился самъ въ Римъ за разрѣшеніемъ его сомнѣнія[102]. Папа, подъ навѣтами тѣхъ-же нѣмцевъ, смотрѣлъ уже на Святополка, какъ на отвлеченнаго отъ стороны славянской, — и спокойнѣе могъ повторить запрещеніе, съ вызовомъ самого Меѳодія къ отвѣту въ Римъ, не боясь болѣе отвратить этимъ отъ себя могучую главу моравскаго народа. Такое соображеніе оправдывается и послѣдующими годами, до самой смерти Меѳодія, въ которые, не смотря на интриги, клеветы, доносы и настоянія нѣмцевъ, римскіе первосвященники не рѣшились уже измѣнить даннаго Іоанномъ VIII рѣшенія, потому что съ 882 года пало вліяніе на Святополка нѣмцевъ и онъ снова сталъ въ ряды злѣйшихъ ихъ враговъ. Взглядъ Рима на востокъ, въ эту эпоху, одинаково не давалъ повода его первосвященнику дѣйствовать вопреки увѣковѣченнаго обычая латинской церкви. Іоаннъ VIII, съ первыхъ дней своего вступленія на папскій престолъ, вынужденъ былъ, какъ намъ извѣстно[103], совершенно покинуть изъ виду Болгарію, которую считалъ окончательно погибшею. Первыя попытки сношеній его съ Михаиломъ относятся только къ 878 году. Слѣдовательно, виды возвратить Болгарію посредствомъ свободы славянскаго языка въ Моравіи и Панноніи не могли

---

[102] Quod autem, sicut Johanne presbytero vestro, *quem nobis misistis, referente didicimus,* in recta fide dubitetis. Erben, l. c.

[103] См. выше, стр. 151 — 152.

имѣть прежней силы. Такимъ образомъ, единственно разсчетливость и политическая сообразительность руководили папою въ этихъ замѣчательнѣйшихъ распоряженіяхъ о запрещеніи славянской службы: душевной искренности, безкорыстной заботливости объ истинномъ благѣ церковномъ, какія усиливаются выставить католическіе писатели, нѣтъ и слѣда въ упомянутыхъ распоряженіяхъ.

Совершенно иное значеніе раскроется и въ дѣйствіяхъ Меѳодія, если смотрѣть на нихъ прямо, безъ католическаго предубѣжденія въ пользу рабской покорности его Риму. Меѳодій имѣлъ полное право не придавать рѣшительнаго вѣса папскому запрещенію; право это могъ выводить онъ изъ самыхъ прочныхъ основаній. Въ ряду ихъ, на первомъ планѣ, выступали слѣдующія: а) прежде всего, конечно, долженъ былъ руководиться Меѳодій *общею пользою* отъ введенія славянскаго языка въ богослуженіе. Подобная польза ни для кого не могла быть столь ощутительна и поразительна, какъ для самого Меѳодія, заставшаго славянскій народъ отъ латинства въ христіанствѣ въ самомъ грубомъ и невѣжественномъ состояніи, свидѣтельствовавшемъ скорѣе о его полномъ язычествѣ, и имѣвшаго возможность къ 874 году, въ-слѣдствіе ревностной своей и учениковъ своихъ дѣятельности, въ духѣ славянскомъ, наслаждаться самыми утѣшительными успѣхами истинно-христіанскаго просвѣщенія: *отъ тогожe дьне велми начатъ рости божіе оученіе, и стрижници множити ся въ всѣхъ градѣхъ, и поганіи вѣровати въ истинныи богъ*, говоритъ жизнеописатель Меѳодіевъ, передавая извѣстіе о плодахъ ученія Меѳодія послѣ поставленія его архіепископомъ и въ Моравіи. Истинное же христіанское просвѣщеніе, будучи первою и исключительною цѣлью каждой іерархической администраціи, составляло, какъ

уже не разъ имѣли мы случай повторять, жизненную задачу солунскихъ братьевъ. Что-же удивительнаго, ежели Меѳодій, опираясь на осязаемые плоды осуществленія этой задачи, считалъ преступленіемъ наносить имъ подрывъ въ самомъ корнѣ выполненіемъ римскаго предписанія, вытекшаго изъ житейско-корыстныхъ и личныхъ соображеній, и предпочелъ ему неуклонное слѣдованіе завѣту умиравшаго великаго брата: „не мози, горы ради, оставити *ученія своего*, паче же можеши кымъ спасенъ быти“. б) Такой взглядъ на высокую важность призванія своего, как просвѣтителя славянскаго, находилъ оправданіе и въ рѣшеніи Адріана II, дозволившаго безусловно славянскую службу, не по минутному увлеченію, не необдуманно, а послѣ торжественнаго обсужденія на соборѣ, послѣ продолжительныхъ преній и обильныхъ доводовъ со стороны Кирилла, заимствованныхъ изъ христіанской практики и изъ положительныхъ и опредѣленныхъ словъ въ пользу народной, понятной проповѣди въ самомъ священномъ писаніи. И чѣмъ осторожнѣе и осмотрительнѣе поступалъ въ этомъ случаѣ Адріанъ, чѣмъ законнѣе представлялось рѣшеніе его, выведенное изъ подробнаго разбора обстоятельствъ, тѣмъ менѣе уваженія возбуждало къ себѣ предписаніе Іоанна VIII, изданное безъ всякихъ справокъ и не только безъ суда надъ обвиняемымъ лицемъ, но даже и безъ всякаго допроса ему, хотя-бы письменно. Не привыкшій на родинѣ къ стѣсненію администраціей церковной въ подобныхъ предметахъ, пріученный, напротивъ, съ дѣтства православнымъ востокомъ считать дѣломъ необходимости облекать слово Божіе въ понятный для обращаемаго народа языкъ, Меѳодій долженъ былъ только изумиться столь не христіанскому, въ его понятіяхъ, не зараженныхъ лжемудрствованіемъ западнымъ, требованію папы. Послѣднее, въ свою

очередь, в) въ самомъ себѣ заключало такія условія, которыя способны были изумленіе греческаго проповѣдника обратить въ самое тяжелое чувство соболѣзнованія и грусти за латинское заблужденіе. Дѣйствительно, Меѳодія не могла не поразить явная *неправда*, на которой верховный представитель западной церкви задумалъ укрѣпить справедливость своего требованія о прекращеніи славянскаго богослуженія: litteris nostris... tibi directis, писалъ Меѳодію Іоаннъ, prohibuimus, ne in ea lingua sacra missarum solemnia celebrares, sed vel in latina, vel greca lingua, *sicut ecclesia Dei toto terrarum orbe diffusa et in omnibus gentibus dilatata cantat*[104]. Какую степень довѣрія, такимъ явнымъ извращеніемъ истины, могъ пробудить къ себѣ папа въ Меѳодіи, *греческомъ монахѣ и миссіонерѣ*, указывавшемъ, вмѣстѣ съ Кирилломъ, латинянамъ на свободный доступъ народнаго языка въ богослуженіи на востокѣ, приводившемъ въ доказательство обильное количество народовъ, уже пользующихся народною службою, и имѣвшемъ обожаемаго брата, который признавалъ святымъ долгомъ прежде всего освоиться съ языкомъ того народа, среди котораго намѣревался проповѣдывать, который и для славянъ, прежде прибытія къ нимъ, позаботился уже положить начало переводу св. писанія? На ряду съ этою *неправдою*, столь чувствительною для Меѳодія, выступало ярко и то казуистическое направленіе, какимъ въ позднѣйшую пору ознаменовали себя неразборчивые въ средствахъ ревнители католичества, езуиты: predicare vero, aut sermonem in populo facere tibi licet, *quum psalmista omnes commonet Deum gentes laudare, et apostolus omnis inquit lingua confiteatur quia Jesus in gloria est Dei Patris*, заключаетъ то-

---

104 Erbeni, тамъ-же.

же посланіе къ Меѳодію Іоаннъ VIII. Какъ долженъ былъ взглянуть Меѳодій и на это примѣненіе доказательствъ изъ св. писанія свободы народнаго языка *въ одной устной проповѣди*, когда, въ ряду многихъ другихъ доводовъ, и эти слова псалмопѣвца и апостола приводились его братомъ въ оправданіе безграничнаго употребленія туземнаго языка въ дѣлахъ христіанства, повлекшія за собою признаніе славянской службы и со стороны прелатовъ римскихъ, присутствовавшихъ на испытаніи и допросахъ Кириллу, и со стороны самого папы Адріана; когда и послѣдній, въ граммать на имя князей славянскихъ, считалъ достаточнымъ сослаться на тѣ-же слова, какъ на доказательство справедливости богослуженія славянскаго: „да сѧ исполнитъ слово книжное: ꙗко въсхвалѧтъ господа вси ѩзыци, и дроугоици: вси възглаголютъ ѩзыкы различны величіа божіа". Справедливость взгляда своего на это заключеніе Іоаннова посланія, какъ на недобросовѣстную уловку, чисто казуистическую, могъ вскорѣ, черезъ годъ, доказать положительно Меѳодій ссылкою Іоанна, въ новомъ посланіи къ Святополку, на тѣ-же самыя слова уже въ доказательство законности *и литургіи славянской*, какъ увидимъ ниже.

Принимая, такимъ образомъ, въ соображеніе эти данныя, мы смѣло можемъ утверждать, что не надежда на будущее прощеніе папой руководила Меѳодіемъ въ его невниманіи къ энергическому римскому запрещенію славянскаго языка въ св. литургіи, за что хватаются писатели католическіе и чѣмъ искусственно думаютъ поддержать превознесенное ими мнимое благоговѣніе Меѳодія къ папѣ, какъ къ верховному судіи надъ всей вселенской церковью; такая надежда на будущее, при рѣшительномъ голосѣ папскомъ, не только противорѣчитъ благоговѣнію, но и унижаетъ самого Меѳодія, выставляя ярко его упорное

самомнѣніе, въ виду будто-бы *имъ-же признаннаго* всесвѣтнаго авторитета, который столь положительно заявляетъ преступность дѣйствій Меѳодіевыхъ, продолженіемъ которыхъ, однако-же, не стѣсняется послѣдній *въ надеждѣ на будущее*. И когда должно наступить это будущее? Имѣлъ ли Меѳодій въ виду какой-либо опредѣленный срокъ? Прошло шесть цѣлыхъ лѣтъ, а онъ все дѣйствуетъ по прежнему, и уже самъ папа назначаетъ свиданіе, не преминувши въ назначеніи снова выразить грозный упрекъ и порицаніе съ новымъ энергическимъ запрещеніемъ. Нѣтъ, *пустая и неопредѣленная надежда*, въ такомъ важномъ дѣлѣ, не согласна ни съ характеромъ Меѳодія, ни съ его возрастомъ, ни съ утвердившимся взглядомъ на свое назначеніе и на свою дѣятельность; не *надеждой подобной* можно и должно объяснять положительное и рѣшительное невниманіе его къ голосу папы, а единственно увѣренностью въ правотѣ своей, нераздѣльной съ пользами истиннаго христіанства, увѣренностью въ правѣ своемъ дѣйствовать такъ, а не иначе, воспитанномъ и вынесенномъ имъ съ православнаго востока. Эта увѣренность, въ свою очередь, опредѣляла въ настоящемъ свѣтѣ и характеръ папскаго предписанія: при ней Меѳодій могъ ясно видѣть въ послѣднемъ не плодъ чистой заботливости іерарха о дѣйствительномъ просвѣщеніи народа, а лишь стороннія житейскія цѣли, корыстную разсчетливость римскаго первосвященника, — и тѣмъ менѣе считалъ себя обязаннымъ внимать его голосу, чѣмъ болѣе такія цѣли и такая разсчетливость ставились въ разрѣзъ съ истинными пользами христіанства и съ вѣковою, освященною самимъ Спасителемъ и его апостолами, разумною практикою православнаго востока. Если надобно, слѣдовательно, дѣлать какое-либо заключеніе о непринятомъ къ исполненію Меѳо-

діемъ папскаго повелѣнія, то оно скорѣе можетъ говорить противъ возгласовъ католическихъ о преданности и безусловной покорности Меѳодія Риму, — и тотъ гораздо ближе подойдетъ къ истинѣ, кто въ самостоятельныхъ и противныхъ означенному повелѣнію дѣйствіяхъ славянскаго просвѣтителя будетъ видѣть, на-оборотъ, сознаніе заблужденій римскихъ и рѣшительное невѣріе, не въ безгрѣшность папскую, о чемъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи относительно Меѳодія, а даже и въ прямоту распоряженій его по вопросамъ, исключительно направленнымъ на успѣхи евангельскаго просвѣщенія. Обращаясь, такимъ образомъ, ко второму пункту обвиненій Меѳодія, къ его, будто-бы, неправовѣрному ученію, мы съ полнымъ убѣжденіемъ должны сказать, что разсмотрѣніе вопроса о славян. литургіи, какъ выраженъ онъ въ посланіяхъ папскихъ, неизбѣжно приводитъ къ заключенію о неразрывной связи Меѳодія съ православнымъ востокомъ, о непреклонной силѣ его преданности къ постановленіямъ и обычаямъ послѣдняго, о неуваженіи къ новизнамъ западнымъ, объ отверженіи ихъ, какъ противорѣчащихъ духу Христовой проповѣди и, нераздѣльно съ этимъ, о законномъ недовольствѣ на постановленія главы западной церкви, какъ противныя тому-же духу, уцѣлѣвшему неповрежденно на родномъ Меѳодію востокѣ.

Обвиненіе Меѳодія въ неправильномъ ученіи выражено папою слѣдующимъ образомъ: въ посланіи на имя самого Меѳодія — audivimus, quod *non ea, que sancta romana ecclesia ab ipso apostolorum principe didicit et cottidie predicat*, tu docendo doceas et ipsum populum in errorem mittas; въ письмѣ на имя Святополка — monemus dilectionem vestram, *ut sic teneatis, sic credatis, sicut sancta romana ecclesia ab ipso apostolorum principe didicit, tenuit, et usque ad finem se-*

culi tenebit... audivimus vero, quia Methodius.... *aliter doceat, quam coram sede apostolica se credere et verbis et litteris professus est.* Изъ этихъ словъ, въ обоихъ посланіяхъ, ясно, что Меѳодій порицается за инаковое ученіе, *сравнительно съ римскою церковью.* Въ чемъ состояло это ученіе, чѣмъ отличалось оно отъ принятаго въ Римѣ, — папа умалчиваетъ; странное молчаніе это повторилось и въ 880 году, когда папа, въ письмѣ къ Святополку, рекомендуетъ Меѳодія какъ правовѣрнаго и убѣждаетъ его вѣрить своему архіепископу и поддерживать его. Къ чему такая скрытность? Или Іоаннъ VIII, быть можетъ, не довѣрялъ еще справедливости нѣмецкихъ донесеній и хотѣлъ прежде убѣдиться въ основательности ихъ личными переговорами съ Меѳодіемъ, для чего и вызвалъ послѣдняго въ свою столицу? Но тогда, во-первыхъ, нельзя не удивляться слѣдующему предписанію его Святополку, отъ 879 года: si autem aliquis vobis, vel *episcopus* vester, vel quilibet sacerdos aliter adnunctiare, aut predicare presumpserit, zelo Dei accensi uno animo, unaque voluntate *doctrinam falsam abjicite*, stantes et tenentes traditionem Sedis apostolicae; здѣсь прямо уже уполномачивается князь на неповиновеніе епископу въ пониманіи Христова ученія, что не только не послѣдовательно, но и преступно со стороны папы, если онъ самъ еще не увѣренъ, что пониманіе епископа несправедливо и хочетъ только разузнать его лично; подобная непослѣдовательность тѣмъ недобросовѣстнѣе, что Іоанну было извѣстно согласіе Святополка съ нѣмцами и совокупное съ послѣдними осужденіе имъ Меѳодія передъ престоломъ римскимъ. Отсюда, основательнѣе допускать, что папа вполнѣ вѣрилъ доносамъ враговъ Меѳодіевыхъ; если-же такъ, то, значитъ, другія были побужденія требовать его въ Римъ и иныя соображенія не сказать

ви слова о предметѣ спорнаго ученія. Во-вторыхъ, нельзя не порицать еще сильнѣе папу за неуказаніе въ точности этого предмета въ рекомендательномъ посланіи, въ которомъ представляется Меѳодій, послѣ уже суда въ Римѣ, вообще правовѣрнымъ. Подобная неточность, при несомнѣнномъ обвиненіи Меѳодія нѣмцами и Святополкомъ въ извѣстномъ, опредѣленномъ предметѣ ученія, крайне подозрительна и опасна, потому-что легко развязывала руки непріятелямъ славянскаго архіепископа возобновить опять то-же обвиненіе, руководясь общностью, а въ-слѣдствіе того, и неопредѣленностью папскаго оправданія.

Уже эти соображенія говорятъ довольно убѣдительно объ особенности предмета обвиненія, о такихъ его свойствахъ, выставлять которыя на видъ казалось римскому первосвященнику IX вѣка не совсѣмъ удобнымъ. Тѣмъ важнѣе знать этотъ предметъ намъ, чтобы имѣть право судить о томъ, что въ Меѳодіи представлялось на западѣ отступничествомъ и въ какомъ отношеніи это отступничество находилось къ востоку. И нельзя не благодарить жизнеописателя паннонскаго и біографа Климентова, сохранившихъ для насъ положительное и опредѣленное указаніе на предметъ несогласнаго ученія Меѳодія съ западно-нѣмецкимъ духовенствомъ. У перваго читаемъ слѣдующее краткое изрѣченіе: „сихъ же всѣхъ не терпя старый врагъ.... въздвиже нѣкыя вань.... *иже болять иопаторьскою ересію*“ [105]; жизнеописатель Климента выражается болѣе подробно: *Οὐκ ἔληγεν οὖν ὁ μέγας Μεθόδιος πᾶσαν νουθεσίαν τοῖς ἄρχουσι προσάγων ἑκάστοτε, καὶ τοῦτο μὲν πρὸς βίον σεμνὸν ὁδηγῶν τοῦτο δὲ τὸ τῆς ἐκκλησίας ἀπαραποίητον δόγμα παρατιθείς.... ἦσαν γὰρ οἱ τοῦτο καὶ τότε παραχαράσσοντες καὶ μετακινοῦντες ὅρια, ἃ οἱ πατέρες ἡμῶν τῇ ἐκκλησίᾳ τοῦ Θεοῦ ἔθεντο, καὶ τῇ ὑπὸ*

---

[105] Шафар., житіе Меѳодія, стр. 7, § XII.

τῶν Φράγγων εἰσαγομένῃ παραφθορᾷ πολλοὶ τὰς ψυχὰς ἐβλάπτοντο, οἱ τὸν μὲν Υἱὸν γεννηθῆναι ἐκ τοῦ Πατρὸς, τὸ δὲ Πνεῦμα ἐκ τοῦ Υἱοῦ ἐκπορεύεσθαι διετείνοντο, οἷς ὁ ἅγιος ἀντισθάμενος τοῦτο μὲν ἐκ τῶν τοῦ Κυρίου λόγων τοῦτο δὲ ἐκ φωνῶν πατρικῶν λογισμοὺς καθῄρει.... πολλοὺς δὲ καὶ ᾐχμαλώτιζεν εἰς τὴν ὑπακοὴν Χριστοῦ [106].

Разногласіе, такимъ образомъ, въ ученіи Меѳодія, сравнительно съ духовенствомъ нѣмецкимъ, франкскимъ, относилось къ одному изъ догматовъ, именно къ догмату объ исхожденіи Св. Духа, который, по понятіямъ франковъ, исходилъ отъ Сына и Отца (*Υἱοῦ καὶ Πατρος*): отсюда и ославляенный терминъ въ житіи паннонскомъ — *хопаторская ересь.* Противъ этого-то ученія возставалъ Меѳодій, называя его, по свидѣтельству упомянутыхъ авторовъ, ересью, отступничествомъ отъ праваго ученія, ненарушимо содержавшагося на востокѣ и допускавшаго исхожденіе Св. Духа лишь отъ Отца. Вопросъ шелъ, слѣдовательно, объ извѣстномъ *Filioque*, въ латинскомъ символѣ, которое, сдѣлавшись всеобщимъ на западѣ, составляетъ одинъ изъ существенныхъ пунктовъ раздѣленія между восточно-православною церковью и западною.

Какъ Меѳодій, явившись въ римскій патріархатъ, подчиненный юрисдикціи папской, рѣшился прямо и рѣзко возставать

---

[106] Vita s. Clementis, Miklosich, Vindob., 1847, стр. 7, § 5. Т. е.: не переставалъ великій Меѳодій предлагать всевозможное вразумленіе князьямъ, которыхъ направлялъ къ честной жизни и которымъ передавалъ *не извращеннымъ догматъ церковный.* Ибо были и тогда уже такіе, *которые извращали его и раздвигали предѣлы, положенные нашими отцами божественной церкви,* — и души многихъ заражались зломъ отъ внесенной порчи франками, которые утверждали, что Сынъ раждается отъ Отца и Духъ исходитъ отъ Сына. Ихъ-то сужденія ниспровергалъ святой частью словами Спасителя, частью голосомъ отцевъ.

противъ ученія, не вызывавшаго со стороны папы никакого протеста и расширеннаго на огромномъ пространствѣ? Краткій взглядъ на развитіе западнаго ученія о Св. Духѣ дастъ намъ вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ.

Первый опытъ ложнаго ученія объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына явился въ Испаніи, въ 589 году, на соборѣ въ Толедо. Цѣль прибавки *filioque* была благая: ею думали возвысить до истиннаго значенія второе лице св. Троицы, Сына Божія, унижавшагося аріанами, которыхъ въ VI столѣтіи было много въ Испаніи. Но, преслѣдуя благую цѣль, вводя ради нея прибавку въ символѣ вѣры, духовные испанскіе опустили изъ виду, что ею неизбѣжно полагается начало новому злу, не менѣе вредному и опасному: „защищая славу Сына Божія, изводя Духа Св. и отъ Сына, они тѣмъ самымъ низводили скорѣе Сына Божія на низшую степень божества, а Духа Св. на низшую степень самого Сына, чѣмъ возвышали Сына Божія, такъ-какъ два начала, два равные Бога не возможны, униженіе же одного передъ другимъ возможно только въ аріанствѣ“ [107]. Такимъ образомъ, неловкое и одностороннее противоборство аріанству повлекло за собою, со стороны испанской церкви, участіе въ томъ-же основномъ заблужденіи аріанства. Не удивительно, что западъ оставался долго не причастнымъ грѣху нововводителей, — и прибавленіе *filioque* не выходило изъ предѣловъ Испаніи. Еще при Карлѣ Великомъ, знаменитый любимецъ его, Алкуинъ, убѣждавалъ духовенство ліонское въ Галліи остерегаться новаго ученія, которое называлъ рѣшительно ересью: *hispanici erroris sectas tota vobis cavete intentione*

---

[107] «Кириллъ и Меѳодій, славян. просвѣт.», Чтен. общ. ист. и древ., 1846, кн. 4, стр. 17—18.

et symbolo catolicæ fidei nova nolite inserere[105]. Тѣмъ не менѣе, къ началу IX вѣка, еретическая новизна мало-по-малу, черезъ готскую Галлію, распространилась далеко на западѣ и упрочилась особенно съ тѣхъ поръ, какъ самъ императоръ Карлъ Великій, на ахенскомъ соборѣ, 809 года, принялъ прибавку *filioque* подъ свое покровительство. Съ этимъ вмѣстѣ, и необычное прежде на западѣ чтеніе во время литургіи символа вѣры вошло во всеобщее обыкновеніе, господствовавшее въ церкви греческой уже съ начала VI столѣтія.

Что-же Римъ и папа? Признали ли они подобную прибавку и дозволили ли употребленіе ея у себя? Вселенскіе соборы, непогрѣшительность рѣшенія которыхъ признавалась такъ торжественно и представителями западной церкви, говорили слишкомъ ясно и рѣзко противъ всякаго измѣненія никейско-цареградскаго символа, чтобы не возстать верховнымъ на западѣ блюстителямъ чистоты и неприкосновенности христіанскаго ученія и по поводу новизны объ исхожденіи Св. Духа: кара проклятія за малѣйшее отступленіе отъ символа, постановленнаго никейскимъ соборомъ и утвержденнаго всѣми послѣдующими соборами вселенскими, была на-столько положительна и на-столько рѣшительно признавалась необходимою и римскими первосвященниками, что развѣ только особенныя, личныя побужденія послѣднихъ, ставшія со времени Николая I основою дѣйствій ихъ и въ дѣлахъ религіозныхъ, въ состояніи были подорвать и унизить значеніе этой кары. И папа Левъ III, далекій еще отъ Николаевской притязательности и эгоизма, строго осудилъ и запретилъ состоявшееся измѣненіе символа на ахенскомъ соборѣ и, въ отвѣтъ на предложеніе императора

---

[105] Тамъ-же, стр. 16.

утвердить прибавку, сдѣлалъ распоряженіе, которое въ глазахъ непредубѣжденныхъ людей останется навсегда самою явственною уликою неправды послѣдующаго и современнаго католичества. По свидѣтельству Анастасія библіотекаря [109], Левъ III *pro amore et cautela orthodoxæ fidei* fecit in basilica s. Petri scuta argentea duo, scripta utraque Symbolo, unum quidem litteris græcis, et aliud latinis, — этотъ символъ, вырѣзанный на серебряныхъ доскахъ, повѣшенныхъ въ храмѣ св. Петра, былъ никейскій, безъ малѣйшаго измѣненія. Выраженіе Анастасія библіотекаря весьма опредѣленно, — и нельзя не удивляться натяжкамъ Рачкаго, усиливающагося навязать Льву III вѣру въ догматъ объ исхожденіи Духа и отъ Сына и желаніе сохранить въ неповрежденности лишь освященную соборами букву; слова „изъ любви къ православной вѣрѣ и изъ охраненія ея (cautela)", разумѣется, отъ поврежденія, говорятъ до того очевидно противъ признанія Львомъ испанской новизны и со стороны догматической, что только одно крайнее упорство въ отстояніи упрочившагося на всемъ западѣ заблужденія церковнаго могло дать право ученому высказывать подобныя объясненія.

Да, Римъ отвергъ въ первую пору нововведеніе; онъ и не могъ поступить иначе, не навлекая на себя, безъ нужды, самаго грознаго осужденія всею христіанскою церковью. Къ сожалѣнію, протестъ его противъ заключенія ахенскаго собора былъ слишкомъ слабъ и не сопровождался необходимою твердостью и настойчивостью. Причина такой слабости кроется въ могуществѣ императора и въ тѣхъ взаимно обусловливавшихъ интересы обѣихъ сторонъ отношеніяхъ, какія указаны нами на своемъ мѣстѣ [110]. Результатомъ равнодушія римскаго къ ново-

---

[109] Parisiis, 1649, De vitis pontif. roman., стр. 140.

[110] См. выше, стр. 52 — 53.

му заблужденію было то, что послѣднее, не встрѣчая должной преграды, могло свободно шириться дальше и дальше въ предѣлахъ западнаго патріархата. Къ 866 году, когда прибыло въ Болгарію папское духовенство, оно было уже почти повсемѣстнымъ, и не удивительно, что это духовенство стало вводить новое ученіе и среди болгарскаго народа. Здѣсь произошло и первое столкновеніе съ патріархатомъ цареградскимъ. Напрасно Рачкій, пользуясь позднимъ осужденіемъ западнаго заблужденія греческою церковью, старается оправдать его, между прочимъ, и тѣмъ, что въ теченіе болѣе полу-вѣка не было никакого ему отпора со стороны грековъ: sve to se učini bez svakoga odpora od strane Grkov [111]. Было бы крайне неумѣстно ожидать отпора отъ Византія, когда самое заблужденіе представляло явленіе частное, ограниченное лишь узкою мѣстностью и не только не признанное, но и отвергнутое мѣстною высшею іерархіею: въ противномъ случаѣ, при вмѣшательствѣ патріархата греческаго, Римъ съ гораздо большимъ правомъ могъ бы упрекнуть послѣдній *внесеніемъ косы въ чужую жатву*, какъ несправедливо выразился папа Іоаннъ VIII въ письмѣ къ патріарху Игнатію, по дѣлу о Болгаріи [112]. Греки могли даже и незнать о превратномъ ученіи на западѣ, доколѣ сосредоточивалось оно въ отдѣльныхъ и отдаленныхъ епархіяхъ, будучи чуждо верховному управителю и блюстителю западной церкви; такъ-же точно оставались вдали и римскіе первосвященники отъ частныхъ заблужденій на отдаленномъ востокѣ, вызывавшихъ противъ себя дѣятельность мѣстной власти. Совсѣмъ иное отношеніе должно было образоваться съ той поры, какъ латинскіе священники, именемъ своего папы,

---

[111] Рачкій, стр. 200 — 201, прим. 1.

[112] См. выше, стр. 153.

начали распространять заблужденіе въ области болгарской, гдѣ не было недостатка и въ греческомъ духовенствѣ и гдѣ догматъ объ исхожденіи Св. Духа былъ уже извѣстенъ болгарскимъ христіанамъ, по ученію вселенской церкви. Патріархъ Фотій считалъ себя тѣмъ болѣе обязаннымъ вступиться противъ столь пагубнаго нарушенія правоты и чистоты христіанскаго ученія и предложить вопросъ по этому предмету на общее обсужденіе, чѣмъ справедливѣе могъ заключать онъ изъ дѣйствій духовенства римскаго о широкомъ распространеніи заблужденія и объ участіи въ немъ самого папы. Вотъ почему, и въ извѣстномъ намъ окружномъ посланіи Фотія [113], въ числѣ многихъ неправдъ римскихъ, дано видное мѣсто и осужденію западнаго ученія *объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына*. Это первый актъ, которымъ вызывался епископъ римскій высказать, наконецъ, прямо и рѣшительно свой образъ мыслей. Какъ-же поступилъ Николай? Мы знакомы уже съ характеромъ этого папы; знаемъ его стремленіе упрочить за собою первенствующее значеніе во вселенской церкви, утвердить надъ нею свое верховное главенство и отстранить всякую мысль о собственной подсудности послѣдней. Понятно, что при такомъ его направленіи, соединенномъ съ непреклоннымъ упорствомъ духа, окружное посланіе Фотія въ состояніи было возбудить его только къ защитѣ заблужденія, а не къ осужденію его. Защиту поручилъ папа Николай французскому и нѣмецкому духовенству, среди котораго особенно укоренилось заблужденіе; по его распоряженію, состоялся соборъ въ Вормсѣ, въ присутствіи королей Карла Лысаго и Людовика нѣмецкаго, въ 868 году. Результатомъ этого собора появилось слѣдующее о-

---

[113] См. выше, стр. 108.

предѣленіе, котораго только и можно было ожидать: spiritum enim sanctum unum atque aequalem cum Deo patre et filio credimus esse Deum, unius substantiae, unius quoque naturae; nec tamen genitum vel creatum *sed a patre filioque procedentem* amborum esse spiritum [114]. Но Николая уже не было въ живыхъ, а преемникъ его, Адріанъ II, не дозволилъ въ своей столицѣ никакого измѣненія въ символѣ, который тамъ по прежнему оставался въ употребленіи безъ прибавки *filioque* [115]; но не замѣтно и протеста противъ вормскаго опредѣленія, — уступка, слѣдовательно, французско-нѣмецкому духовенству была, наконецъ, сдѣлана, вопреки рѣшенію папы Льва III, и единственнымъ побужденіемъ къ этой уступкѣ оказывается оскорбленное чувство папское въ борьбѣ съ Фотіемъ и усиліе поддержать предъявленное право, хотя-бы и самымъ незаконнымъ способомъ, на независимость римскаго епископа.

Понятно теперь, почему Меѳодій, дѣйствуя въ области прежней проповѣди нѣмцевъ, окруженный отовсюду нѣмецкими духовными, неизбѣжно долженъ былъ столкнуться и съ ложнымъ ученіемъ объ исхожденіи Св. Духа; понятно отсюда, какое пониманіе должно приписать Меѳодію и какой предположить въ немъ взглядъ на новизну въ символѣ вѣры. Обвиненіе моравскаго архіепископа нѣмцами въ несогласномъ съ римскою церковью ученіемъ, съ одной стороны, свидѣтельство жизнеописателя паннонскаго и Климентова, съ другой, — говорятъ положительно и опредѣленно: во а) что Меѳодій исповѣдывалъ свято и ненарушимо тотъ символъ вѣры, какому научился онъ на родинѣ, что его считалъ единственно истиннымъ, и во б) всякое отступленіе отъ него, а въ частности

[114] Mansi, XIV, 868.

[115] См. Рачкій, стр. 201, прим.; Гинцель, стр. 110, прим. 20.

и отступленіе нѣмцевъ, признавалъ *ересью*, противною православной вѣрѣ; какъ *ересь* — представлялось ученіе нѣмцевъ и ученику Меѳодіеву, описавшему жизнь своего наставника, представлялось такъ, разумѣется, потому, что за *ересь* считалъ его и самъ Меѳодій. Послѣдній тѣмъ съ большею силою могъ возставать противъ своихъ обвинителей, что встрѣтилъ поддержку и въ самомъ Римѣ, гдѣ, какъ только-что сказали мы, еще не вошла въ обычай прибавка и символъ вѣры оставался не нарушеннымъ. Не логично послѣ этого и спрашивать, какое слѣдуетъ понимать исповѣданіе въ Меѳодіи, которое сообщилъ онъ папѣ Адріану, и словесно и письменно, при посвященіи своемъ въ епископа, о чемъ свидѣтельствуетъ Іоаннъ VIII, въ письмѣ къ Святополку; тѣмъ болѣе преступно утверждать, по примѣру Гинцеля, Рачкаго и другихъ писателей католическихъ, будто оно, это исповѣданіе, непремѣнно должно было согласоваться съ пониманіемъ нѣмецко-французскимъ, общимъ, по ихъ увѣреніямъ, и Риму; что, въ противномъ случаѣ, папа никогда не дозволилъ бы себѣ не только возвести Меѳодія въ санъ епископскій, но не оставилъ бы даже его и безъ отлученія, въ случаѣ неисправленія [116]. Не трудно понять, чему обязаны подобныя утвержденія: современнымъ католикамъ во что бы то ни стало приходится доказывать, что роковое въ символѣ *filioque*, сдѣлавшееся всеобщимъ на западѣ, не исключая и Рима, уже довольно въ позднее время, не раньше XI вѣка, составляетъ измѣненіе сравнительно съ вселенскимъ символомъ только въ формѣ, ибо догматъ самый, будто-бы, принимался всегда такъ, какъ вѣруетъ и учитъ нынѣшняя католическая церковь. Очевидно, что эти писатели считаютъ, такимъ образомъ, обязанностью толковать по

[116] Гинцель, стр. 46 — 47, пр. 5; Рачкій, стр. 330.

своему и несомнѣнно противорѣчащія имъ данныя историческія, какъ, напр., распоряженіе Льва III и слова Анастасія библіотекаря, о чемъ упомянули мы выше, вынуждены, отстранивши всякую совѣстливость, отвергать и дѣйствительность такихъ свидѣтельствъ, которыя заключаютъ въ себѣ всѣ свойства подлинности, чему увидимъ скоро самый рѣзкій примѣръ. Между тѣмъ, дѣло ясное: папа Адріанъ призналъ заключеніе вормскаго собора только отрицательно, руководясь, какъ видно, удовлетвореніемъ лишь нанесенной самолюбію обидѣ, призналъ молчаніемъ, не думая вовсе дѣлать обязательнымъ такое заключеніе даже и въ собственномъ епископствѣ; тѣмъ менѣе должно ожидать отъ него упорной настойчивости въ виду возстановившихся добрыхъ отношеній, съ конца 868 года, съ Царьградомъ, по низложеніи Фотія, въ пору блистательнаго для честолюбія римскаго *восьмаго вселенскаго собора* (869) и при рѣшительности и непреклонности св. братьевъ въ вѣрѣ въ правоту никейско-цареградскаго символа. Послѣдніе вселенскіе соборы были очень еще недавно, чтобы римскіе первосвященники IX столѣтія могли забыть клятвенное обѣщаніе содержать этотъ символъ ненарушимо и чтобы не стѣснялись за нарушеніе карою проклятія, которую торжественно подписывали и они, лично или черезъ своихъ уполномоченныхъ. Адріанъ и его предшественники могли только скорбѣть, что невнимательность въ самомъ началѣ развитія заблужденія дала возможность расшириться послѣднему до той степени, что искорененіе его безъ сильныхъ потрясеній церкви сдѣлалось немыслимымъ, и не безъ горести предвидѣть, что при такой обстановкѣ вопроса, рано или поздно, изъ цѣлей единства, придется и самому Риму примкнуть къ громадному большинству и тѣмъ придать потомству новое данное для изощренія ложнаго

искусства отстаивать очевидную неправду. Но въ 869 году, когда посвященъ былъ Меѳодій въ епископа, на сторонѣ Адріана, независимо отъ важныхъ интересовъ внѣшнихъ, была могучая поддержка всецѣло признать правовѣрнымъ восточное исповѣданіе символа за Меѳодіемъ и въ господствовавшемъ символѣ римскомъ, безъ *filioque*.

Послѣ всего сказаннаго, не должно казаться удивительнымъ и скрытіе предмета обвиненія Іоанномъ VIII, въ посланіи къ князю Святополку: папа находился между двухъ огней, между допущеннымъ на вормскомъ соборѣ отступленіемъ въ нѣмецкой церкви, которое отстаивало духовенство нѣмецкое и навязывало Меѳодію, и между признаннымъ, со стороны Адріана, исповѣданіемъ солунскихъ братьевъ, отрицать истину котораго, кромѣ собственнаго убѣжденія, не дозволяла Іоанну и особенность отношеній къ Византіи: не забудемъ, что за два мѣсяца передъ отправленіемъ письма къ Святополку, явилось посольство изъ Царьграда, отъ императора Василія и только-что возстановленнаго патріарха Фотія [117], съ предложеніемъ папѣ вступить снова въ общеніе, которое должно было быть столь заманчиво для послѣдняго по видамъ на Болгарію. Къ тому-же, практика въ римской церкви и во время Іоанна оставалась въ прежнемъ положеніи, — символъ вѣры читался также безъ прибавки. Естественно, несравненно безопаснѣе было умолчать вовсе о предметѣ обвиненія, выразить его въ самыхъ общихъ словахъ: Methodius... *aliter docet, quam coram Sede apostolica se credere et verbis et litteris professus est*, и оставить дѣло до личныхъ объясненій.

И такъ, славянское богослуженіе и инаковое, сравнительно съ римскою церковью, ученіе, — вотъ два обвиненія, представ-

[117] См. выше, стр. 165.

ленныя нѣмцами противъ Меѳодія папѣ, для обсужденія которыхъ рѣшился послѣдній, въ 879 году, вызвать обвиненнаго въ Римъ и тѣмъ исправить свою непростительную ошибку поспѣшнаго осужденія, безъ всякаго изслѣдованія дѣла. Позволяемъ себѣ думать, что мы не отклонимся отъ истины, ежели поставимъ въ тѣсную связь и этотъ вызовъ съ политическими соображеніями Іоанна VIII: и въ 879 году, папа могъ точно такъ-же распорядиться письменно, какъ это сдѣлалъ онъ за шесть лѣтъ назадъ, могъ даже поступить и гораздо рѣзче, въ угоду нѣмецкому духовенству, удаливши вовсе Меѳодія, если-бы не приспѣло къ этой именно порѣ посольство цареградское и не польстило римскому первосвященнику снова надеждами на богатую жатву въ предѣлахъ восточно-славянскихъ.

О подробностяхъ третьяго и послѣдняго пребыванія Меѳодія въ Римѣ, о частностяхъ суда надъ нимъ и переговоровъ его съ папою не сохранилось никакихъ источниковъ, и мы вынуждены довольствоваться лишь тѣми общими свѣдѣніями, какія угодно было включить Іоанну VIII въ письмо къ тому-же моравскому князю Святополку, которымъ увѣдомлялъ папа послѣдняго о дознанномъ правовѣріи Меѳодія и объ утвержденіи его снова архіепископомъ Моравіи и Панноніи. Письмо это писано въ іюнѣ 880 года, слѣдовательно, черезъ годъ послѣ вызова Меѳодія; отсюда ясно, что пребываніе его въ Римѣ было весьма кратковременно, такъ-какъ и самый приходъ Меѳодія въ западную столицу не могъ состояться раньше весны 880 года [118].

Изъ упомянутаго письма [119] очевидно, что Меѳодію дѣлаемъ былъ допросъ въ присутствіи нѣсколькихъ епископовъ; папа

---

118 Срв. Рачкій, стр. 328.

119 См. Erbeni, regesta Bohem., стр. 17, № 43.

пишетъ прямо: hunc Methodium... interrogavimus coram positis fratribus nostris episcopis. Едва-ли можно сомнѣваться, что въ числѣ этихъ епископовъ находился и кто-либо изъ обвинявшихъ архіепископа моравскаго нѣмцевъ; по крайней мѣрѣ, относительно присутствія, въ это именно время въ Римѣ, зальцбургскаго архіепископа, Дитмара, есть положительныя указанія. Такъ, изъ письма папы, отъ 879 года, на имя Дитмара, ясно, что послѣдній призывался въ Римъ[120]: unde his nostris apostolicis litteris vos monemus et exhortamur, ut libenti ad nos animo properare omnimode studeatis, а изъ свидѣтельства лѣтописца, — что онъ дѣйствительно былъ тамъ въ 880 году и принесъ оттуда съ собою мощи св. Викентія: Dietmarus archiepiscopus salzburgensis Romam venit et s. Vincentium adduxit in patriam[121]. Какой же результатъ этихъ допросовъ предлагаетъ Іоаннъ? Относительно славянскаго богослуженія полнѣйшее разрѣшеніе: litteras sclaviniscas.... quibus Deo laudes resonent, *jure laudamus, et in eadem lingua Christi domini nostri preconia et opera enarrentur, jubemus...... nec sanæ fidei vel doctrinæ aliquid obstat sive missas in eadem lingua sclavinica canere, sive sacrum evangelium... legere aut alia horarum officia omnia psallere.* Т. е. „письмена славянскія, которыми бы возглашалась хвала Богу, мы по праву одобряемъ и повелѣваемъ передавать на этомъ языкѣ дѣянія Спасителя, — и истинной вѣрѣ или ученію ни мало не препятствуетъ пѣть литургіи на этомъ славянскомъ языкѣ, или читать божественное евангеліе или воспѣвать всѣ другія службы“. Такое рѣзкое противорѣчіе столь свѣжему еще и двух-

---

[120] Mansi, XVII, 174.

[121] Auctor. Garsiense ad an. 880.

кратному запрещенію славянской службы тѣмъ-же самымъ лицемъ, въ 873 и 879 годахъ, поразитъ насъ еще больше, когда мы примемъ въ соображеніе, что основанія нынѣшняго разрѣшенія слово до слова тѣ-же, какія приводилъ Іоаннъ въ доказательство, годъ сему назадъ, *только* проповѣди славянскія, запрещая при этомъ безусловно богослуженіе: въ посланіи 880 года, мы читаемъ уже въ оправданіе послѣдняго: „laudate Dominum omnes gentes et collaudate eum omnes populi" и „omnis lingua confiteatur, quia Dominus noster Jesus Christus in gloria est Dei Patris". Такъ, самъ себя выставляетъ въ темномъ свѣтѣ римскій первосвященникъ, допуская совершенно различное толкованіе однихъ и тѣхъ-же словъ св. писанія, смотря по различнымъ отношеніямъ къ постороннимъ вопросамъ, въ основѣ которыхъ лежитъ лишь корыстный разсчетъ. И можно ли, справедливо ли, послѣ этого, по примѣру нѣкоторыхъ отечественныхъ писателей, объяснять подобныя дѣйствія „*отголоскомъ, проблескомъ въ римской куріи обще-христіанскаго, православнаго воззрѣнія*, только стѣсняемаго новымъ латинско католическимъ воззрѣніемъ, переходящимъ въ неумолимую систему", и возставать противъ исключительности житейскихъ соображеній Рима, въ проявляющемся случайно покровительствѣ его славянской службѣ?[122]. Нѣтъ, гораздо справедливѣе выразился о политикѣ Адріана и Іоанна католикъ Лелевель, замѣтивши, что Rzym obu jezykom łacińskiemu i słowiańskiemu równą dawał opiekę, *gdyž mu szło o utrzymanie* swego patryarchalnego *prawa nad Morawą, Illirykiem i Bulgarią*[123]; несравненно послѣдовательнѣе и другой католикъ,

---

[122] Срв. Труды Кіевской духовн. акад., февраль, 1863, стр. 113.

[123] Polska wieków srednich, IV, 504; т. е. Римъ обоимъ язы-

de Maistre, позволившій себѣ порицать Іоанна VIII за уступку, когда ею не была достигнута цѣль, т. е. возвращеніе Болгаріи, и преемникамъ Іоанна пришлось снова отнимать дарованное послѣднимъ [124]. Какъ бы то ни было, но въ іюнѣ 880 года Римъ снова утвердилъ за славянскимъ языкомъ право на безусловное употребленіе въ богослуженіи, только, для бо́льшаго почета, приказавши предварительно читать евангеліе по-латыни. Видно, Святополкъ, подъ вліяніемъ нѣмецкимъ, успѣлъ заявить передъ папою готовность свою слушать латинскую миссу, а потому и понятна любезная уступчивость послѣдняго въ заключеніи письма, которымъ разрѣшаетъ онъ не только ему, но и приближеннымъ его латинскую литургію: et si tibi et judicibus tuis placet missas latina lingua magis audire, praecipimus, ut latine missarum tibi solemnia celebrentur. Здѣсь уже замѣтна обратная сторона уловки: папа какъ-будто изъ снисходительности, только изъ вниманія къ желаніямъ самого князя, на льстивую похвалу котораго употребилъ онъ такъ много строкъ въ началѣ письма, соглашается для него на латинское богослуженіе, которое вообще должно быть славянское.

Не менѣе побѣдоносно для Меѳодія отвергнута была справедливость и втораго обвиненія, касательно ученія. Результатомъ допроса по этому предмету явилось слѣдующее опредѣленіе: ille autem (Methodius) professus est, *se juxta evangelicam et apostolicam doctrinam*, *sicuti* sancta romana ecclesia docet et *a patribus traditum est tenere et psallere*. Т. е.,

камъ, латинскому и славянскому, доставлялъ одинаковую (?) поддержку, когда интересъ его устремлялся на удержаніе права надъ Моравіей, Илларикомъ и Болгаріей.

[124] См. Труды кіевск. духовн. акад., тамъ-же.

онъ исповѣдывалъ, что держится евангельскаго и апостольскаго ученія, какъ учитъ св. римская церковь и какъ передано св. отцами. Принимая въ соображеніе такое опредѣленіе, вникая въ характеръ самого вопроса и сравнивая все это съ способомъ папскаго выраженія въ 879 году, когда грозно осуждался Меѳодій за несогласное съ Римомъ ученіе, нельзя не обратить вниманія на важную особенность въ первыхъ двухъ случаяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ въ посланіи 879 года упоминается *единственно* римская церковь, отъ ученія которой отступилъ Меѳодій, въ письмѣ 880 года, въ доказательство правовѣрія Меѳодіева, папа указываетъ уже, какъ видѣли, на согласіе его съ евангельскимъ и апостольскимъ ученіемъ и съ преданіями св. отцевъ, а въ допросѣ приведены и шесть вселенскихъ соборовъ, которыхъ неуклонно держался Меѳодій: Іоаннъ спрашивалъ его, въ присутствіи епископовъ, si orthodoxae fidei symbolum ita crederet et inter sacra missarum solemnia caneret, sicut s. romanam ecclesiam tenere *et in sanctis sex universalibus synodis* a sanctis patribus... traditum constat. Не очевидно ли, что самая форма вопроса свидѣтельствуетъ уже противъ заблужденія нѣмецко-французскаго и заключаетъ сама въ себѣ оправданіе ученія и вѣрованія Меѳодія: если онъ вѣритъ, какъ учитъ евангеліе и апостолъ, какъ постановлено на вселенскихъ соборахъ и передано св. отцами, значитъ, онъ истинно вѣритъ, въ частномъ же вопросѣ, относительно символа, вѣритъ, значитъ, въ исхожденіе Св. Духа *только* отъ Отца, читаетъ его безъ вставки *filioque*, — а такая только вѣра и есть истинная вѣра. Но папа вставилъ въ образецъ, на ряду съ св. отцами и вселенскими соборами, и римскую церковь; и вполнѣ справедливо вставилъ, потому-что, какъ уже намъ извѣстно, собственно-римская церковь не при-

знавала еще въ ту пору прибавленія *filioque* и держалась строго вселенскаго символа вѣры. Папа ловко воспользовался этимъ обстоятельствомъ и, оправдывая правовѣріе Меѳодія, подтвердилъ и собственное свое православіе. Но понятно, что такое подтвержденіе касается лишь въ тѣсномъ смыслѣ римской церкви и ни въ какомъ случаѣ не могло относиться къ римскому патріархату, въ огромной части котораго уже издавна утвердилось заблужденіе. Вотъ почему мы и считаемъ себя вправѣ утверждать, что въ письмѣ 879 года необходимо или иначе понимать выраженіе *римская церковь*, т. е. придавать ему общее значеніе, въ объемъ котораго входятъ всѣ области западнаго патріархата, — и тогда папа какъ будто принимаетъ на себя отвѣтственность и за правоту ученія съ filioque, или объяснять его ложными доносами, въ основаніи которыхъ находилась положительная клевета, ставившая Меѳодія въ число дѣйствительныхъ отступниковъ, въ чемъ-либо, отъ римской церкви, и въ общемъ ея значеніи и въ тѣсномъ. Прямо отвергать и первый случай, сколь ни въ невыгодномъ свѣтѣ представилъ бы онъ Іоанна VIII, едва-ли будетъ основательно, если сообразить поспѣшный характеръ этого папы, укорененность новизны въ символѣ на сѣверо-западѣ и понятную подозрительность къ Меѳодію, смѣлому греческому борцу противъ ложной догмы въ церкви германской. Во всякомъ случаѣ, остается неопровержимымъ то, что послѣдній судъ надъ Меѳодіемъ доказалъ ясно вѣру его въ символъ никейскій, исключающій всякую мысль объ исхожденіи Св. Духа *и отъ Сына*, и что такая вѣра признана отъ папы правою.

Такъ и рѣшаемъ былъ этотъ вопросъ въ старые годы тѣми, кто касался его, хотя католики, по обыкновенію отстранять все, что противорѣчитъ ихъ позднѣйшимъ нововведеніямъ,

и обходили его молчаніемъ; такъ смотрятъ на исповѣданіе Меѳодія и современные ученые, не зараженные католическимъ пристрастіемъ. Не упоминая о православныхъ писателяхъ, въ глазахъ которыхъ не мыслимо иное вѣроученіе въ Меѳодіи, укажемъ на двоихъ протестантовъ, внимательно изучившихъ эпоху дѣятельности солунскихъ братьевъ и отчетливо прослѣдившихъ отношенія ихъ къ Риму. Вотъ что читаемъ у Ваттенбаха: „изъ позднѣйшихъ обстоятельствъ (т. е. во время папы Іоанна VIII), кажется, съ достовѣрностью слѣдуетъ, *что Меѳодій никогда не принималъ римскаго ученія, будто Св. Духъ исходитъ отъ Отца и Сына*“ [125]; не менѣе положителенъ и отзывъ Дюммлера: „*мы не смѣемъ сомнѣваться, что Меѳодій, въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа, слѣдовалъ греческой церкви, и по этому вступилъ въ рѣзкое противорѣчіе съ франкскимъ духовенствомъ*“ [126]. Отсюда, при *такомъ* исповѣданіи Меѳодія и при *такомъ* оправдательномъ на него взглядѣ Іоанна VIII, единственно возможное слѣдствіе только то, что вѣра въ *filioque* и въ глазахъ римскаго первосвященника представлялась заблужденіемъ. Но выразить это явно и возстать противъ послѣдняго съ надлежащею энергіею на столько-же должно было казаться не практическимъ и опаснымъ и для Іоанна, на сколько считалъ это вреднымъ для спокойствія церковнаго и для личныхъ интересовъ и папа, Левъ III. Этимъ опасеніемъ произвести бурю и объясняемъ мы отсутствіе точнаго указанія на предметъ разногласія Меѳодія съ нѣмецкимъ духовенствомъ въ пониманіи символа въ обоихъ посланіяхъ папскихъ (879 и 880), гдѣ

---

[125] Beiträge, стр. 23.

[126] Archiw, XIII, 195.

выраженъ этотъ предметъ лишь въ общихъ словахъ; на немъ-же основываемъ и полнѣйшее свое согласіе съ слѣдующимъ замѣчаніемъ Ваттенбаха: „солунскіе братья, проникнутые духомъ истиннаго христіанства, какъ видно, вообще избѣгали догматическихъ споровъ“ [127]; дополнимъ только, что избѣгалъ подобныхъ споровъ и самъ папа, и былъ вполнѣ доволенъ возможностью рѣшить вопросъ, придерживаясь лишь формальной стороны символа, въ которомъ отсутствіе *filioque* не давало ни малѣйшаго права ни ему, ни врагамъ Меѳодіевымъ возстать противъ того, что освящено вселенскими соборами.

Но тяжелъ, невыносимъ такой результатъ для позднѣйшихъ ревнителей католичества, особенно изъ славянъ, задумавшихъ, ради успѣшнѣйшей пропаганды, обратить, во что бы ни стало, въ чистѣйшихъ католиковъ св. Кирилла и Меѳодія. Между тѣмъ, уступить очевидной истинѣ въ этомъ случаѣ, въ вопросѣ о вѣрѣ Меѳодія въ исхожденіе Св. Духа, значило бы подорвать въ самомъ основаніи всякій успѣхъ великихъ попытокъ и уничтожить въ корнѣ столь заманчивыя надежды, потому-что существенное различіе между восточною и западною церквами, въ IX столѣтіи, ограничивалось почти исключительно только различнымъ вѣрованіемъ въ этотъ догматъ, да и то, какъ уже намъ извѣстно, различіе это не успѣло еще обнять всего запада. Что-же предпринять? Казуистическій умъ католика слишкомъ гибокъ и слишкомъ не разборчивъ въ средствахъ, чтобы оставаться долго въ недоумѣніи, когда представляющіяся выгоды требуютъ немедленной изворотливости. Положилъ извернуться онъ и въ настоящемъ дѣлѣ и заявилъ вотъ какого рода заключеніе: споръ между нѣмцами и Меѳодіемъ,

---

[127] Тамъ-же, стр. 13.

конечно, былъ и жаркій споръ за символъ вѣры; но было бы крайне несправедливо утверждать, будто касался онъ понимания догмы; нѣтъ, дѣло шло единственно о формѣ, буквѣ, словѣ, тогда-какъ собственно вѣрованіе западное въ исхожденіе Св. Духа и отъ Сына всегда и неизмѣнно принадлежало Меѳодію; враги Меѳодія только поспѣшили не логически заключить отъ формы символа къ пониманію его: tužitelji objediše ga, da isti symbol pjeva bez dodatka, proti porabi i naredbam njemačke, a po običaju grčke crkve; s toga veoma nelogično zaključiše: da ni ne vjeruje u izhodjenje Duha svetoga i od Sina[128]; папа изслѣдовалъ жалобу и доказалъ, что обвинители не правы, что если Меѳодій и поетъ никейско-цареградскій символъ, то вѣруетъ такъ, какъ учитъ римская церковь. Понятно, что писатели римскіе ухватились за отсутствіе точнаго указанія въ словахъ папы и въ молчаніи не стѣснились открыть себѣ, конечно только кажущееся, право на столь рѣшительное заключеніе. До какой степени была вынужденною для нихъ подобная рѣшительность, виднѣе всего изъ обращенія ихъ съ тѣми положительно-историческими свидѣтельствами, которыя такъ прямо и явственно противорѣчатъ ихъ голословнымъ объясненіямъ. Даже Рачкій, вообще съ глубокимъ уваженіемъ и довѣріемъ относящійся къ жизнеописателю паннонскому, ставящій въ ряду первостепенныхъ источниковъ и біографа Климентова, при этомъ случаѣ отвергаетъ ихъ указанія, какъ не стоющія никакого вниманія; о Гинцелѣ и другихъ нечего и говорить. А между тѣмъ біографъ Меѳодіевъ, и по изслѣдованію Рачкаго, принадлежалъ къ поклонникамъ Рима и постоянно съ благоговѣніемъ относится къ его перво-

---

[128] Рачкій, стр. 330; срв. Гинцель, стр. 72 и слѣд.

священнику; точно также и біографъ Климентовъ ни разу не обнаружилъ невниманія къ западной столицѣ, напротивъ, обращается къ ней при всякомъ случаѣ съ полнымъ почтеніемъ и неоднократно возвышаетъ папу эпитетомъ θεῖος (божественный). Извѣстія же обоихъ этихъ писателей о борьбѣ Меѳодія съ *гонаторскою ересью* нами уже приведены. Но этого мало; католическіе ученые, безъ зазрѣнія совѣсти, рѣшаются отвергать и дѣйствительность собственнаго документа, принадлежащаго ихъ церкви, единственно потому, что въ немъ слишкомъ прямо выставляется отрицаніе самимъ папою грѣховной новизны запада. Мы имѣемъ въ виду извѣстное письмо Іоанна VIII собору въ Константинополѣ, сохранившееся въ актахъ этого собора [129]. Вотъ замѣчательнѣйшія его строки, касающіяся исповѣданія объ исхожденіи Св. Духа: novit fraternitas tua, пишетъ Іоаннъ Фотію, quod quando accessit ad nos qui non ita pridem a te missus est, de sancto symbolo nostram sententiam perscrutatus est, et invenit illaesum, quemadmodum a principio traditum est nobis, servasse nos, nihil addentes, nihil auferentes. И далѣе: iterum igitur tuae reverentiae significamus, ut de hoc articulo, ob quem suborta sunt scandala inter ecclesias Dei, certam persuasionem de nobis habeas, quod non solum illum non dicimus, sed etiam eos, qui primum ausi sunt sua insipientia hoc facere, praevaricatores esse censemus divinorum oraculorum, qui pervertunt sacram doctrinam Domini Christi et apostolorum ac ceterorum Patrum [130]. Отрицаніе дѣйствитель-

---

[129] См. выше, стр. 175.

[130] Mansi, XVII, 239 — 526. Т. е., братство твое увѣдало, что прибывшій къ намъ не-задолго тобою посланный, изслѣдовалъ наше мнѣніе о святомъ символѣ и нашелъ, что мы хранимъ его

ности этого-то документа и составляетъ тотъ рѣзкій примѣръ безцеремоннаго и недобросовѣстнаго обращенія ученыхъ католическихъ съ историческими свидѣтельствами, которыя заключаютъ въ себѣ всѣ признаки несомнѣнной подлинности. Не забудемъ, что послѣдняя самымъ яркимъ образомъ подтверждается и подписью намѣстниковъ римскихъ на соборѣ, подписавшихъ и то его дѣяніе, которымъ запрещено подъ страхомъ клятвы какое бы то ни было измѣненіе никейско-цареградскаго символа вѣры. А между тѣмъ, вопросъ этотъ обсуживался въ Константинополѣ и писалось упомянутое письмо папою въ Римѣ почти именно въ то-же самое время, когда производились допросы Меѳодію; — понятно, что, допуская подлинность посланія и признавая дѣйствительность уполномоченныхъ папскихъ на соборѣ, а слѣдовательно и законность и силу ихъ подписи, католики ставятся въ безвыходное положеніе: или они должны отказаться отъ увѣреній въ западномъ православіи Меѳодія, считать его дѣйствительнымъ противникомъ *догмы* происхожденія Св. Духа и отъ Сына, а съ тѣмъ вмѣстѣ согласиться и на собственное отступничество отъ истиннаго, вселенскаго правовѣрія, или заклеймить Іоанна VIII двуличнымъ іерархомъ, дѣйствовавшимъ въ столь важномъ догматѣ

неповрежденнымъ, какъ передалъ онъ намъ отъ начала, ничего не прибавляя и ничего не отнимая... И такъ, снова предлагаемъ твоему почтенію, чтобы ты о томъ предметѣ, по поводу котораго возникли соблазны между Божіими церквами, имѣлъ о насъ твердое убѣжденіе, что не только его не произносимъ, но и тѣхъ, которые первые дерзнули дѣлать это, по своему безумію, считаемъ извратителями божественныхъ изреченій, которые извращаютъ священное ученіе Христа Спасителя, апостоловъ и прочихъ отцевъ.

христіанскомъ въ одно и то-же время прямо противоположнымъ способомъ, — на одномъ пунктѣ, въ Царьградѣ, увѣреніемъ цѣлаго собора, что онъ считаетъ еретичествомъ малѣйшее извращеніе символа никейскаго, на другомъ, въ Римѣ, провозглашая Меѳодія правовѣрнымъ, между прочимъ, и за-то, что послѣдній вѣритъ въ догматическую истину извращеннаго символа посредствомъ прибавки *filioque*. Но ни тотъ ни другой выходъ не возможны для ревнителей католицизма, — и они рѣшаются лучше сдѣлать въ наукѣ по-истинѣ salto mortale, т. е. заподозрить подлинность папскаго посланія и, даже болѣе, обвинять въ самовольствѣ, на основаніи ни чѣмъ не оправдываемаго и въ дѣйствительности не возможнаго подкупа, легатовъ папскихъ. Такъ не разборчивъ въ средствахъ и ученый католикъ для доказательства грѣховныхъ своихъ цѣлей! А для ниспроверженія этой цѣли безпристрастному цѣнителю истины не предстоитъ особенной надобности даже и справляться съ современными жизнеописателями Меѳодія и Климента или съ посланіемъ папскимъ къ Фотію и съ опредѣленіями цареградскаго собора 880 года. Онъ найдетъ совершенно достаточнымъ ограничиться, для полнаго удовлетворенія истинному знанію, безхитростнымъ соображеніемъ обстоятельствъ и прямымъ заявленіемъ своего пониманія самимъ св. Кирилломъ.

Первое, соображеніе обстоятельствъ не можетъ не увѣрить его, что нѣмцы никогда бы не подняли шумной бури, если-бы дѣло касалось только внѣшности, а не смысла, вѣрованія; и тѣмъ болѣе считали бы себя обязанными предоставить Меѳодію спокойное чтеніе и пѣніе символа безъ прибавки, если-бы вѣрилъ онъ въ догму исхожденія Св. Духа и отъ Сына, что имъ очень хорошо было извѣстно такое-же чтеніе символа и въ самомъ Римѣ. Нельзя же серьезно утверждать, будто вра-

ги Меѳодія, услышавши нѣсколько разъ употребленіе имъ символа безъ *filioque*, тотчасъ-же обратились съ жалобою къ своему первосвященнику, даже и не позаботившись предварительно узнать, какъ-же вѣруетъ, однако-же, Меѳодій. Конечно, разговоръ объ этомъ былъ, и, разумѣется, неоднократно, а жизнеописатель паннонскій и біографъ Климентовъ говорятъ даже и о спорахъ. Эти-то споры мы и должны принять за фактъ несомнѣнный, потому-что безъ нихъ не возможно ожидать разногласія, а безъ разногласія немыслимы и жалобы. Если-же споры были, значитъ, согласія не было, значитъ Меѳодій такъ и вѣровалъ, какъ пѣлъ и читалъ, т. е. примѣняясь къ греческой церкви, хранившей ненарушимо вселенскій символъ, а тогда понятны и жалобы въ Римъ, понятенъ и судъ надъ Меѳодіемъ.

Что касается до собственнаго заявленія св. Кирилла, то, хотя мы и не сомнѣваемся, что у католиковъ достанетъ фанатизма отвергать и его дѣйствительность, но на столько-же и убѣждены въ ихъ невозможности представить сколько-нибудь основательные доводы для разумныхъ и честныхъ побужденій настаивать на такомъ отверженіи. До сихъ поръ, впрочемъ, не смотря на давнюю извѣстность упомянутаго заявленія, католики не высказали еще своего о немъ мнѣнія. Заявленіе это включено въ особое сочиненіе, хранящееся въ болгарской рукописи московской синодальной библіотеки и принадлежащее половинѣ XVI столѣтія [131]; имя автора упомянуто въ

---

[131] Напечатано оно въ полномъ видѣ въ «Воскресномъ чтеніи», 1840, стр. 407 — 412; первое подробное извѣстіе о немъ сообщено Калайдовичемъ, въ «Іоаннѣ экзархѣ болгарскомъ» (стр. 89); тутъ-же напечатано и его начало.

самомъ заглавіи: „написаніе о правѣя вѣрѣ, изущеное Константиномъ, блаженымъ философомъ, учителемъ о бозѣ словѣнскому языку“. Предлагая намъ точное опредѣленіе вѣры св. Кирилла въ исхожденіе Св. Духа, а также и положительное указаніе, что вѣра эта одинаково раздѣлялась и св. Меѳодіемъ, сочиненіе раскрываетъ довольно опредѣлительные намеки и на то, по какому случаю и по какимъ побужденіямъ составлено оно: и первый и послѣднія свидѣтельствуютъ только о той средѣ, въ какой принуждены были дѣйствовать св. братья на западѣ и о томъ догматическомъ спорѣ, какой занимаетъ насъ въ настоящія минуты. Вотъ какъ выразилъ свое исповѣданіе о Св. Духѣ Кириллъ: „вѣруж и въ единъ Духъ Святый исходящъ *отъ Бога Отца единого* и съ Отцемь и Сыномь богословимый же и славимы“. Уже одно дополненіе *единого*, котораго нѣтъ въ никейско-цареградскомъ символѣ, служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ въ настоятельной нуждѣ такого дополненія; настоятельная же нужда могла быть только тогда, когда существовало исповѣданіе объ исхожденіи Св. Духа и *не отъ единого Отца*, что дѣйствительно и было въ средѣ духовенства нѣмецкаго, въ Моравіи и Панноніи. Но Кириллъ не ограничился однимъ символомъ; онъ постарался указать и на противниковъ его праваго исповѣданія вѣры: „да аріанское неистовство учащж, *отъ него же и къ нему же ми нинѣшнѣа бранъ*“. Этихъ словъ довольно, чтобы понимать, кого разумѣетъ здѣсь Кириллъ: мы уже сказали, что прибавка *filioque*, допущенная въ Испаніи ради аріанъ, послужила поводомъ и для западной церкви заразиться подобнымъ-же аріанскимъ заблужденіемъ. Такія выраженія относятся единственно къ нѣмецко-французскому духовенству; они были бы безъ смысла въ

IX вѣкѣ на востокѣ [132]. Въ заключеніи исповѣданія Кириллъ не преминулъ замѣтить, что одинаково съ нимъ вѣритъ и братъ его, Меѳодій, и что оба они такое вѣрованіе преподаютъ и ученикамъ своимъ: „сице азъ свою вѣру исповѣдаю *и съ приснымъ моимъ братомъ Меѳодіемъ и постникомъ въ Божіи службѣ,* въ сей бо есть спасеніе и упованіе, *и сія предаевѣ своимъ ученикомъ*". И одинъ изъ непосредственныхъ ихъ учениковъ, дѣйствительно, засвидѣтельствовалъ письменно, что именно такое ученіе принялъ отъ своихъ наставниковъ, такого держался и по смерти ихъ обоихъ: „отъ тогоже отца и святыи доухъ исходитъ, якоже рече самъ сынъ божіимъ гласомъ: доухъ истиненъ, иже отъ отца исходитъ" [133], пишетъ во вступленіи къ житію паннонскій біографъ Меѳодія, руководясь, вѣроятно, при краткомъ своемъ изложеніи ученія о Св. Троицѣ, пространнымъ исповѣданіемъ вѣры св. Кирилла.

Но къ чему понадобилось послѣднему столь обстоятельное и письменное изложеніе своего исповѣданія? Кому необходимо было знать, какъ вѣритъ онъ съ своимъ братомъ и какое вѣрованіе распространяютъ они въ ученикахъ своихъ? Нѣмцы не нуждались въ этомъ, потому что и безъ письменнаго свидѣтельства могли знать, слышать и видѣть вѣрованіе и ученіе солунскихъ братьевъ; къ тому же, самое исповѣданіе, и тономъ своимъ и подробностями, свидѣтельствуетъ весьма наглядно, что оно было скорѣе отвѣтомъ на запросъ и нѣкоторымъ оправданіемъ собственной автора правоты, сравнительно съ заблуж-

---

[132] См. подробное обозрѣніе исповѣданія Кириллова въ сочиненіи преосв. Филарета «Кириллъ и Меѳодій», стр. 15—19.

[133] Шафар., житіе Меѳодія, стр. 1.

деніемъ другихъ, близко затронувшихъ автора. Едва ли возможно дать иной отвѣтъ па эти вопросы, нежели тотъ, какой предположительно высказанъ Калайдовичемъ [134] и какой съ большею увѣренностью повторенъ преосвященными Макаріемъ и Филаретомъ [135], т. е., что оно было именно то исповѣданіе, какое *устно* и *письменно* предложили Кириллъ и Меѳодій папѣ, Адріану II, о чемъ такъ положительно говоритъ Іоаннъ VIII, въ посланіи (879) къ Святополку и Меѳодію. И вотъ гдѣ слѣдовало бы католикамъ изливать свое соболѣзнованіе о потерѣ въ римской куріи подлиннаго исповѣданія: тогда не было бы и вопроса, тѣмъ менѣе могъ бы родиться споръ; намъ же приходится только удивляться, что римляне постоянно теряютъ лишь то, что свидѣтельствуетъ противъ ихъ неправдъ и заблужденій, какъ свободно упрекаютъ въ подкупѣ своихъ сановныхъ уполномоченныхъ только тогда, когда законно рѣшается дѣло вопреки ихъ корыстолюбивыхъ интересовъ; въ замѣнъ удивленія, съ другой стороны, приходится благодарить востокъ, такъ заботливо сберегавшій и сберегшій на-вѣки утраченное западомъ драгоцѣнное свидѣтельство истиннаго, греческаго православія первоучителей славянскихъ. Возставать противъ подлинности этого свидѣтельства, утверждать его *схизматическое*, слѣдовательно позднѣйшее происхожденіе, подобно тому какъ Гинцель объясняетъ *схизматизмомъ* біографа Климента сообщаемое имъ извѣстіе о борьбѣ Кирилла и Меѳодія съ нѣмцами за догматъ объ исхожденіи Св. Духа [136], можетъ

---

[134] Іоан. Экз. Болг., тамъ-же.

[135] «Исторія Христ. въ Россіи». С.-Петерб., 1846, стр 212; «Кириллъ и Меѳодій», Чтенія общества истор. и древн.; 1846, кн. 4, стр. 19.

[136] Der Griechische Schismatiker, von dem die Vita Clementis

только или фанатическій умъ, закрывающій глаза передъ всякимъ истиннымъ свѣтомъ, или упорный невѣжда, отталкивающій ясныя указанія исторіи. Писать исповѣданіе одному изъ ближайшихъ учениковъ Кирилла и Меѳодія и освящать его именемъ своего наставника — не было ни цѣли, такъ-какъ вѣрованіе ихъ было слишкомъ хорошо извѣстно современникамъ, ни побужденій, потому что всѣ ученики солунскихъ братьевъ, безжалостно изгнанные изъ Моравіи, пріютились въ странѣ, гдѣ совершенно излишне было подкрѣплять авторитетомъ Кирилла вѣру, опиравшуюся на незыблемыхъ основаніяхъ вселенскихъ соборовъ. Еще менѣе поводовъ поддѣлывать такое исповѣданіе и выдавать его подъ чужимъ именемъ въ послѣдующее время, которое приносило съ собою лишь постепенное забвеніе о славянскихъ первоучителяхъ, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ, и выводило новые, несравненно вліятельнѣйшіе въ глазахъ современниковъ, авторитеты даже и по вопросу объ отступничествахъ западной церкви, если-бы мы и рѣшились послѣднимъ приписать побужденіе къ составленію исповѣданія.

И такъ, послѣднимъ выводомъ изъ подробнаго нашего разсмотрѣнія обвиненій солунскихъ братьевъ духовными нѣмецкими и рѣшенія по этимъ обвиненіямъ папою, можетъ и должно быть только одно непоколебимое убѣжденіе, что, и по отношенію къ вѣрованію и ученію въ догматическомъ разногласіи восточной церкви съ западною, они остались твердо преданными первой и не только не отступили отъ нея, при всѣхъ

---

stammt, macht den Method zu Seinesgleichen, indem er denselben die Lehre der römischen Kirche v m Ausgange des h. Geistes als Häresie bestreiten lässt. «Geschichte der Slaven-Apostel», Vien, 1861, стр. 73 — 74, прим. 9.

стѣсненіяхъ и навязчивости, со стороны противниковъ, но заставили рѣшительнымъ своимъ голосомъ и очевидностью правоты своей склониться въ пользу истины и самого первосвященника римскаго и тѣмъ торжественно признать заблужденіе расширившейся новизны въ церкви западной. Другими словами, и теперь, послѣ столкновенія съ выявившимися уже религіозными особенностями въ послѣдней, Кириллъ и Меѳодій представляются точно также, если еще не болѣе, ревностными блюстителями чистоты восточнаго православія и горячими обличителями пагубнаго раскола западнаго, какими видѣли мы ихъ въ первые годы пребыванія въ Моравіи. А г. Штульцъ, въ порывѣ католическаго увлеченія, позволяетъ себѣ, между прочимъ, увѣрять несвѣдущій народъ, будто, изъ процесса 880 года, *zároveň ukázalo se, že nemá Method obecenství nějakého s nectným Fotiem*[137]. О Фотіи, однакоже, сколько извѣстно, не было и помину, во все время рѣшенія дѣла Меѳодіева; если же судить объ общеніи, при отдаленномъ разстояніи лицъ, по единству мысли и духа, то какъ-же не сказать, не убѣгая намѣренно отъ правды, что Меѳодій на западѣ былъ самымъ ревностнымъ и неуклонно вѣрнымъ проводникомъ въ жизнь идей великаго Фотія, высказывавшихся имъ въ Византіи; какъ не признать, ознакомившись съ результатомъ обвиненій нѣмецкихъ, что архіепископъ моравскій былъ побѣдоноснымъ борцемъ противъ того, на что выходило грозное указаніе и обличеніе отъ патріарха константинопольскаго? Да, общеніе между обоими было тѣмъ тѣснѣе, и направленіе тѣмъ

[137] Т. е. равно обнаружилось, что Меѳодій не имѣетъ никакого общенія съ безчестнымъ (?) Фотіемъ. Život sv. Cyril. a Methoda, 1857, стр. 147.

единомыслениѣе, чѣмъ болѣе относилось оно къ единству духа и чѣмъ тожественнѣе для обоихъ служило источникомъ этого духа восточное православіе. До какой степени прозрачна чистота такого источника и какъ благоразумно умѣлъ пользоваться ею Меѳодій, окруженный мутными водами запада, всего лучше доказываетъ его побѣда надъ заблужденіями противниковъ, въ смыслѣ обличеній Фотіевыхъ, побѣда, провозглашенная устами самого папы.

Удивляться снисходительной уступчивости Іоанна VIII мы не будемъ, какъ ни сильно въ насъ убѣжденіе, что и онъ не былъ чуждъ той беззаконной притязательности, полнѣйшее осуществленіе которой въ жизни завѣщалъ своимъ преемникамъ папа Николай I; не будемъ удивляться потому, что причины ея для насъ понятны. Къ сожалѣнію, и здѣсь причины заключаются не въ сознаніи правоты ученія и вѣрованія Меѳодіева, не въ желаніи уничтожить возникшее отступничество въ римскомъ патріархатѣ, а тѣ-же внѣшнія условія, тѣ-же политическія соображенія, какими руководились и предшественники Іоанна, при рѣшеніи догматическо-христіанскихъ вопросовъ. Общій сводъ этихъ условій и соображеній легко раскроетъ потребность уступчивости и со стороны Іоанна. Дѣйствительно, 879 — 880 годы были временемъ, когда всѣ интересы связывали Римъ съ Византіей. Вторичное возведеніе въ патріархи Фотія давало папѣ самый лучшій поводъ возобновить свои поиски Болгаріи и крѣпкую надежду отыскать ее цѣною признанія за Фотіемъ патріаршаго достоинства; кромѣ того, чувство признательности къ императору за военную помощь, въ виду необходимости ея и въ будущемъ, заставляли главу западной церкви не менѣе быть осторожнымъ и внимательнымъ къ Византіи: цареградскій флотъ все еще продолжалъ дѣйствовать

у береговъ Италіи противъ сарацинъ и оберегать владѣнія папскія. Эти обстоятельства были весьма сильны и близки къ сердцу представителя Рима, чтобы не рѣшиться раздувать вражду упорнымъ отстаиваньемъ ново-возникшаго догмата на западѣ, въ минуты, когда тотъ-же догматъ составлялъ одинъ изъ существенныхъ вопросовъ обсужденія и на соборѣ цареградскомъ, при живомъ участіи папы посредствомъ уполномоченныхъ епископовъ. И тѣмъ скорѣе должно быть признано правовѣрнымъ Кирилло-Меѳодіево исповѣданіе, что то-же исповѣданіе не затруднился сообщить и самъ Іоаннъ письменно, какъ видѣли, собору въ Константинополѣ. Столько-же была вліятельна внѣшняя обстановка на папу и относительно вопроса о славянскомъ богослуженіи. Возникшія несогласія между Святополкомъ и нѣмцами, заявленная любовь народа къ родному языку въ церкви, мысль и надежда провести посредствомъ этого органа и завоеваніе въ другихъ странахъ славянскихъ, наконецъ, основательная боязнь утратить запрещеніемъ въ пользу востока и то, что принадлежало Риму, были достаточными побужденіями рѣшить и вопросъ о богослужебномъ языкѣ, согласно съ практикою и убѣжденіями Меѳодія. И въ этомъ случаѣ, мы охотно позволяемъ себѣ согласиться съ Гинцелемъ о существованіи *частныхъ переговоровъ папы съ Меѳодіемъ*, среди которыхъ послѣдній имѣлъ случай раскрыть римскому епископу опасность отъ запрещенія славянской службы и тѣмъ побудилъ его къ уступчивости [138].

Такимъ образомъ, лѣтомъ 880 года, Меѳодій возвратился въ Моравію съ полною побѣдою надъ нѣмцами, и относительно правоты ученія своего и относительно законности славян-

---

[138] Gesch. d. Slaven-Apostel, стр. 71.

скаго языка въ богослуженіи. Нѣмецкое духовенство вынуждено было признать твердость рѣшенія папскаго, — и дѣйствительно, до конца жизни Меѳодія, мы уже не видимъ повторенія открытыхъ жалобъ и доносовъ Риму. Объяснять ли эту покорность уваженіемъ власти папской и сознаніемъ непререкаемости ея распоряженій? Примѣръ упорства зальцбургской іерархіи, невнимавшей велѣніямъ папы объ отчисленіи Панноніи въ разрядъ независимыхъ епархій и согласившейся на это не прежде, какъ новоизбранный представитель ея вынужденъ былъ къ тому личными интересами, заставляетъ подозрѣвать и въ настоящемъ случаѣ какія-либо особыя побужденія. Весьма вѣроятно, что и нѣмцы поняли легкую возможность окончательной потери Моравіи и Панноніи не только для своей церкви, но и для нѣмецкаго государства, при дальнѣйшемъ раздраженіи народа славянскаго, а потому и пріостановили преслѣдованія свои съ той стороны, на которой оказался недостатокъ въ помощникахъ. Но такое самоограниченіе было весьма далеко отъ того, чтобы оставить совершенно въ покоѣ учителя славянскаго: враги его приняли только иное направленіе. Потерпѣвъ неудачу и пораженіе на полѣ церковно-догматическомъ, они съ не меньшею яростью и настойчивостью обратились къ интригамъ у князя, а когда не помогло и это — бросились даже къ Византіи. Обстоятельства эти сами по себѣ слишкомъ извѣстны и не вызываютъ противорѣчія даже и со стороны католиковъ; но мы не можемъ обойдти ихъ молчаніемъ потому, что и тутъ есть стороны, весьма ярко характеризующія *истинный* взглядъ римскихъ первосвященниковъ и *дѣйствительное* ихъ отношеніе къ дѣлу славянскихъ первоучителей. Беспристрастный наблюдатель надъ такими сторонами невольно приведенъ будетъ къ заключенію, что папы выжидали лишь удоб-

наго времени, какъ-бы перевернуть разомъ установленный порядокъ въ церкви моравской безъ потерь и потрясеній, и какъ-бы избавить себя отъ необходимости допускать уступки, вопреки душевному расположенію.

Непосредственнымъ орудіемъ интригъ нѣмецкая партія избрала Вихинга, котораго Іоаннъ VIII не усомнился возвести въ санъ епископа нитранскаго, подчинивъ его вѣдомству архіепископа Меѳодія. Стоитъ только сообразить отзывы объ этомъ лицѣ его современниковъ и единоземцевъ, чтобы въ такомъ возвышеніи усмотрѣть прямую цѣль противниковъ славянства выдвинуть повыше *своего* человѣка и поставить его въ такое положеніе, на которомъ онъ могъ бы постоянно вредить Меѳодію и съ успѣхомъ проводить обычныя интриги. Этотъ нѣмецъ Вихингъ, человѣкъ мятежный и честолюбивый, ненавистный и самимъ баварцамъ, достигшій епископства болѣе насиліемъ, какъ говоритъ о немъ хроника пассавская[139], прославившійся, еще въ санѣ священника, своею враждою къ дѣлу славянскому, посвященъ былъ папою въ епископа въ бытность въ Римѣ Меѳодія и отрекомендованъ Святополку въ томъ-же письмѣ (880), которымъ увѣдомлялъ онъ его о счастливомъ окончаніи суда надъ Меѳодіемъ. Неужели папа не въ состояніи былъ узнать, какое зло сѣетъ онъ для восхваляемаго имъ архіепископа подобнымъ назначеніемъ? Неужели можно было сомнѣваться, что Вихингъ, какъ нѣмецъ, никогда не согласится отступить отъ латинства въ пользу славянства и, такимъ образомъ, для огромной части епархіи Меѳодіевой сдѣлать недѣйствительнымъ торжественное разрѣшеніе славянской службы? И развѣ трудно было предвидѣть, что сопоставленіе двухъ такихъ лицъ,

---

[139] См. Vita s. Clementis, Miklosich, стр. XIV, примѣчаніе.

хотя-бы папское посланіе завѣщало и гораздо строже безусловное подчиненіе епископа архіепископу, неизбѣжно должно внести въ администрацію сѣмя безпорядковъ и раздоровъ? Рачкій усиливается оправдать Іоанна тѣмъ, что ему тяжело было не поддаться нѣмцамъ, послѣ того какъ дѣло по обвиненіямъ Меѳодія рѣшено было исключительно въ пользу послѣдняго[140]; но такого рода оправданіе ничуть не снимаетъ великой виновности съ первосвященника римскаго, жертвующаго, ради личныхъ и мелочныхъ прихотей партіи, спокойствіемъ и порядкомъ церкви. И мы думаемъ, что достойнѣе оцѣнимъ Іоанна, если рѣшимъ, что и самъ онъ не прочь былъ имѣть вблизи Меѳодія заботливаго соглядатая и защитника спеціальныхъ интересовъ римскихъ. По крайней мѣрѣ, послѣдующая политика его не даетъ вовсе права устранять и папу отъ участія въ столь неестественномъ сопоставленіи Меѳодія и Вихинга. Да и какъ опредѣленъ былъ Вихингъ; спросили ли при этомъ мнѣнія Меѳодія? Едва ли слѣдуетъ доказывать, что Меѳодій никогда-бы не подалъ своего голоса въ пользу врага личнаго и непріятеля всему, что составляло существенную задачу дѣятельности обоихъ братьевъ солунскихъ: въ противномъ случаѣ, пришлось бы предположить, что Меѳодій самъ не имѣлъ искренности и съ готовностью уничтожалъ то, къ чему стремился всею силою своей души и за что охотно подвергался гоненію, оскорбленіямъ и даже суду. Допустить, такимъ образомъ, согласіе Меѳодія на выборъ Вихинга нельзя; значитъ, опредѣленіе его состоялось или прямо противъ выраженной имъ воли, или безъ всякаго вниманія къ нему, въ угоду единственно враждебной партіи. И въ томъ

---

140 Рачкій, стр. 334.

и въ другомъ случаѣ, папа не правъ; въ послѣднемъ особенно, потому-что не было вовсе и настоятельной надобности угождать на этомъ пути нѣмцамъ: вѣдь, вопросъ о независимости отъ Пассавы и Зальцбурга епархіи паннономоравской былъ уже рѣшенъ положительно и оффиціально, и рѣшеніе признано въ обоихъ епископствахъ нѣмецкихъ; къ чему-же давать новый поводъ и опору для дальнѣйшей ихъ притязательности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и для дальнѣйшихъ споровъ и раздоровъ въ церкви? Нѣтъ, папа самъ въ душѣ не былъ согласенъ съ тѣмъ оправданіемъ и возстановленіемъ Меѳодія, къ какому принужденъ онъ былъ внѣшними соображеніями; онъ очевидно держался внутренно болѣе нѣмецкой стороны, которая полагала весь будущій успѣхъ свой на раздвоеніи Меѳодіевой епархіи, на разногласіи и неприязни представителей обѣихъ половинъ ея. Подъ вліяніемъ этой коренной нѣмецкой тактики разъединенія непріятеля, образовалось и двойственное рѣшеніе папское, касательно богослужебнаго языка въ архіепископствѣ моравскомъ. Допущеніе языка латинскаго, разрѣшенное Іоанномъ въ томъ-же посланіи къ Святополку, было для нѣмецкой стороны не малою побѣдой: посредствомъ него, она могла легко привлекать къ себѣ высшій слой славянскаго народа, мало по малу вводить его въ свои интересы и отдѣлять все болѣе и болѣе отъ родной народности, — словомъ, могла спокойно пустить въ ходъ то коварство, которымъ, какъ достойнымъ наслѣдіемъ отъ нѣмцевъ, воспользовались такъ энергически, хотя и неудачно, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, іезуиты, въ предѣлахъ тогдашняго королевства польскаго, и посредствомъ котораго обрядъ славянскій выставлялся простонароднымъ, низкимъ, а обрядъ латинскій — возвышеннымъ, шляхетскимъ. Не даромъ и разрѣшалъ Іоаннъ латинское богослуженіе

князю Святополку и *его приближеннымъ боярамъ*. При такой обстановкѣ, допущеніе латинскаго языка должно разсматриваться какъ мѣра, направленная противъ Меѳодія и вызывавшая сама собою назначеніе нѣмецкаго епископа, какъ необходимое ея послѣдствіе. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ подобное допущеніе не было бы пустою фразою въ буллѣ папской, если-бы Меѳодій или остался одинъ непосредственнымъ управителемъ всею епархіею, или если-бы раздѣлилъ съ нимъ это управленіе, въ санѣ епископскомъ, кто-нибудь изъ назначенныхъ имъ, разумѣется, одинъ изъ его учениковъ и послѣдователей? И тотъ и другой могли согласиться, въ областяхъ славянскихъ, развѣ только на чтеніе латинскаго евангелія и, конечно, никогда не согласились бы на латинскую миссу. Отсюда, понятно, въ самомъ разрѣшеніи латинскаго языка заключалось уже требованіе и нѣмецкаго епископа, а назначеніемъ послѣдняго упрочивалась неминуемо вражда съ славянскимъ архіепископомъ; вражда эта обѣщала тѣмъ больше плодовъ, чѣмъ вѣрнѣе разсчитывали нѣмцы на образованіе посредствомъ латинскаго языка противной Меѳодію партіи въ высшей средѣ самого народа славянскаго. Не предвидѣть всего этого современнику, имѣвшему полнѣйшую возможность и даже обязанность ознакомиться подробно со всѣми обстоятельствами, было нельзя; и если Іоаннъ, не смотря на это, видимымъ окончаніемъ распри между латино-нѣмецкимъ духовенствомъ и Меѳодіемъ положилъ только болѣе твердое основаніе для ея продолженія, то было бы не логично отрицать и въ немъ преднамѣренную недобросовѣстность. Дальнѣйшій ходъ дѣла только подверждаетъ это.

Едва прибылъ въ свою епархію Вихингъ, какъ тотчасъ-же пустилъ въ ходъ всѣ свои интригантскія способности. Удача

была полная, — и не успѣлъ пройти годъ времени, какъ положеніе Меѳодія сдѣлалось до того невыносимымъ, что онъ долженъ былъ съ недоумѣніемъ обратиться къ папѣ и высказать передъ нимъ всю тягость своихъ отношеній. Это посланіе Меѳодія, вѣрнѣе всего, заключало въ себѣ что-нибудь особенно выразительное и обличительное, разумѣется, не въ пользу безукоризненности двора римскаго; по этому, вѣроятно, оно и утрачено католиками, на ряду съ другими подобными документами. Судить объ общемъ его содержаніи мы можемъ только по отвѣтному письму папы Іоанна, отъ марта 881 года [141]. Принимая въ соображеніе указаніе на жалобы, заключенныя въ этомъ письмѣ, и извѣстія біографа Климентова, отчасти и жизнеописателя паннонскаго, должно полагать, что Вихингъ, съ своими клевретами, обратился прежде всего на Святополка и постарался ослабить въ немъ впечатлѣніе отъ рѣшенія папскаго; трудно отвергать, что онъ и не заподозрилъ прямо дѣйствительности посланія Іоаннова (880) и не вручилъ моравскому князю, въ противность дѣйствительному письму, вымышленное имъ самимъ и представленное отъ имени папы. Не забылъ Вихингъ увѣрить Святополка и въ томъ, что онъ получилъ отъ Іоанна секретную инструкцію и далъ ему клятву въ точности совершать ее: понятно, что дѣло шло о противодѣйствіи Меѳодію, — и Вихингъ ни мало не стѣснился набросить на папу самую рѣзкую и мрачную тѣнь двуличности и криводушія. Видно, Меѳодій не скрылъ этого отъ папы, и послѣдній нашелъ необходимымъ оправдываться: neque aliae litterae ad eum (Sphentopulcum) directae sunt, neque episcopo illi (Вихингу) palam vel secreto aliud faciendum injunximus et aliud

[141] См. Erben, Regesta, стр. 19, № 44; Boczek, I, 47, № 61.

a te peragendum decrevimus. Quanto minus credendum est, ut sacramentum ab eodem episcopo exigeremus, quem saltem levi sermone super hoc negotio allocuti non fuimus. Мало обращавшій вниманія на дѣла церковныя, Святополкъ тѣмъ болѣе довѣрялъ коварному Вихингу, чѣмъ тѣснѣе связанъ былъ въ эту самую пору дружбою съ Арнульфомъ, къ которому издавна былъ весьма близокъ Вихингъ. Арнульфъ, въ 880 году, сдѣлался, по смерти незаконнаго своего отца Карлманна, самостоятельнымъ правителемъ Хорутаніи и Панноніи и вступилъ въ такую близость съ Святополкомъ, что даже пригласилъ его быть кумомъ и назвалъ въ честь его своего сына Святополкомъ [142].

При такихъ отношеніяхъ верховнаго правителя къ сторонѣ нѣмецкой, ничего не оставалось болѣе дѣлать Меѳодію, какъ поступить съ мятежникомъ по данной ему власти и сообщить обо всемъ папѣ. Какъ ни кротокъ былъ Меѳодій, какъ ни воздерживался употреблять право казни церковной [143], но относительно Вихинга произнесъ проклятіе, о чемъ положительно свидѣтельствуетъ авторъ житія Климентова [144]. Проклятіе, однакоже, могло только свидѣтельствовать объ окончательномъ разрывѣ между архіепископомъ и подчиненнымъ ему епископомъ; дѣйствительно, житейскаго значенія ожидать отъ него

---

[142] Срв. Annal. Fuld., ad an. 880; Regin. ad an. 880.

[143] . . . *εἶχε μὲν ἐντεταμένον τὸ τόξον καὶ τὴν ῥομφαίαν ἐστίλβον. οὔπω δὲ βέλος ἀπέστειλεν ἐν καρδίᾳ τοῦ ἐχθροῦ, οὐδὲ τὴν χεῖρα τῇ πληγῇ ἐπεστέριξεν.* (Т. е. имѣлъ хотя натянутый лукъ и острый мечъ, но не выпускалъ стрѣлы въ сердце непріятеля и не протягивалъ руки на рану). Vita s. Clem., стр. 9.

[144] *Βιχνῖκον δέ τινα . . . παρὰ τοῦ Μεθοδίου τῷ τοῦ ἀναθέματος Σατανᾷ παραδοθέντα.* Тамъ-же, стр. 11.

было не возможно, при поддержкѣ Вихинга свѣтскою властью, которою заправлялъ его пріятель, Арнульфъ. Здѣсь снова встрѣчаемъ мы наглядное доказательство тому, какъ успѣхи славянской литургіи и вообще славянскихъ интересовъ стояли въ зависимости отъ народности верховнаго правительства и какъ равнодушно держали себя папы, въ виду паденія славянскаго богослуженія, вопреки даже ихъ опредѣленнымъ распоряженіямъ, какъ скоро сила свѣтскаго господства ручалась за спокойствіе, хотя и насильственное, народа.

Неискренность двора римскаго высказалась рѣзко и въ настоящемъ случаѣ, по поводу жалобы Меѳодія. На глаза безпристрастнаго судьи, въ такомъ смыслѣ жалоба должна бы была вызвать самыя строгія мѣры: вопросъ шелъ не объ одной непокорности Вихинга Меѳодію, не объ интригахъ только его противъ законной власти, но и о самомъ дерзкомъ униженіи имъ верховнаго представителя западной церкви, о презрѣніи къ распоряженіямъ послѣдняго и о злоупотребленіи именемъ и достоинствомъ его. Вихингъ являлся не виновнымъ только въ нарушеніи того или другаго постановленія церковнаго, но прямымъ преступникомъ, требовавшимъ немедленнаго и самаго примѣрнаго наказанія. И не отъ папы же слѣдовало ожидать снисходительности или еще менѣе равнодушія къ епископскому подлогу, который столь явно ставилъ его въ положеніе самаго недобросовѣстнаго и криводушнаго пастыря. И, однакоже, Іоаннъ VIII, на жалобу Меѳодія, ограничился лишь письменнымъ выраженіемъ соболѣзнованія, да совѣтами и увѣщаніями терпѣть, ради награды небесной. Что-же съ Вихингомъ? Въ заключеніи письма, папа намекаетъ *условно* на разсмотрѣніе всего дѣла въ Римѣ, если явится туда Меѳодій, — и только. О епископѣ Вихингѣ упомянуто вскользь, какъ будто дѣло вовсе

и не касалось его. Откуда же такая непростительная, непостижимая слабость въ папѣ и оскорбительное невниманіе къ голосу Меѳодія? Писателямъ католическимъ не легко затрогивать вопросъ, который невольно возбуждаетъ сомнѣніе въ душѣ всякаго безпристрастнаго наблюдателя, на-счетъ открытости и добросовѣстности римскаго епископа. Они одинъ за другимъ усиливаются увѣрить читателей, что папа потребовалъ на судъ Вихинга, но тотъ осмѣлился не исполнить этого требованія, надѣясь на власть свѣтскую[145]: пустое предположеніе, не оправдываемое ни однимъ документомъ, не подтверждаемое никакимъ побочнымъ указаніемъ и прямо противорѣчащее послѣдующей судьбѣ Вихинга, не только сохранившаго свое епископство, при жизни Меѳодія, но и получившаго, по его смерти, въ управленіе всю моравско-паннонскую епархію. Да ежели и допустить невѣроятное, что Іоаннъ дѣйствительно хотѣлъ предать суду нитранскаго епископа, то какъ-же оправдать потомъ недѣятельность его послѣ отказа Вихинга явиться на судъ, отказа, который удвоивалъ его виновность? Нѣтъ, только заднія цѣли и привычка къ исторической неправдѣ въ состояніи побуждать католиковъ оправдывать папу и доказывать непритворное его расположеніе къ Меѳодію и безкорыстное покровительство славянскому дѣлу: всѣ обстоятельства до того впутываютъ римскій дворъ въ участіе въ препятствіяхъ славянскому первоучителю, что надобно быть слѣпымъ, если не намѣренно фальшивымъ, чтобы рѣшиться отрицать это, тѣмъ болѣе доказывать противное.

---

[145] Гинцель, стр. 87; Рачкій, стр. 345—346; 358—59; Штульцъ, стр. 153—54.

Съ 881 года, мы не замѣчаемъ уже больше сношеній Меѳодія съ Римомъ; по всей вѣроятности, онъ дошелъ до окончательнаго убѣжденія, что ожидать особеннаго покровительства и содѣйствія отъ папы не приходится; что дѣйствительная помощь для него можетъ быть только въ народѣ и въ свѣтскомъ его правительствѣ. Политическія обстоятельства не замедлили принять совершенно другой видъ, и Святополкъ видимо сблизился съ Меѳодіемъ. Дѣйствительно, съ 882 года начинается новая борьба моравскаго князя съ нѣмцами, во главѣ которыхъ сталъ прежній другъ Святополковъ, Арнульфъ. Къ 884 году, война прекратилась блистательными побѣдами Святополка, который пріобрѣлъ отъ императора всю область Коцела, т. е. нижнюю Паннонію. Вмѣстѣ съ политическимъ преобладаніемъ Моравіи и съ уничтоженіемъ пріятельства съ Арнульфомъ, безъ всякаго сомнѣнія, утвердилась и архіепископская власть Меѳодія надъ всею страною. Тогда-то обратился Викингъ, конечно, къ Арнульфу, и задунайская Паннонія снова послѣ десятилѣтняго господства нѣмецкаго, подпавши правительству славянскому, могла свободно уже принять къ себѣ Меѳодія и возстановить родное богослуженіе. Между тѣмъ папа Іоаннъ умеръ, а преемники его какъ-будто и не думали о церкви моравской. Незнать они о ходѣ тамошнихъ дѣлъ не могли, такъ-какъ партія нѣмецкая, раздраженная новыми успѣхами славянства, вѣроятнѣе всего съ удвоеннымъ жаромъ продолжала свои интриги и доносы въ Римъ. Но что въ состояніи были предпринять оттуда, когда Моравія находилась въ эти годы на самомъ верху своего самостоятельнаго могущества, когда малѣйшее раздраженіе Святополка способно было только побудить его къ рѣшительному отдѣленію отъ западной столицы? И Римъ молчитъ до самаго папы Стефана VI, т. е. до 885 года.

Находя Римъ безсильнымъ противъ Меѳодія, а между тѣмъ не желая и оставить его въ покоѣ и въ торжествѣ надъ собою, нѣмцы, свидѣтельствуетъ паннонское житіе, рѣшились повредить ему съ другаго конца, и этимъ предоставили потомству одну изъ ясныхъ уликъ того, что и въ глазахъ современниковъ, передъ концемъ жизни, Меѳодій являлся грекомъ, со всѣми симпатіями къ греческому царству и со всѣми подданническими связями съ его императоромъ: „не до сего же токмо злоба ихъ ста, говоритъ жизнеописаніе Меѳодія, но рѣша глаголюще: ꙗко царь сѧ нанъ гнѣваетъ, да аще обрѧщетъ, нѣстъ емоу живота имѣти. да и о томъ не хотѧ похоулити своего раба богъ милостивыи, вложи въ сердце царю, ꙗкоже есть присно въ роуцѣ божіи цареи сердце. и посла книгы къ немоу: ꙗко ѿтче честный, велми тебе желаю видѣти, то добро сътвори, троудисѧ до насъ, да тѧ видимъ, дондеже еси на семъ свѣтѣ, и молитвоу твою пріимемъ. *абіе же шедшоу емоу тамо, пріатъ его царь съ великою честью и радостію, и оученіе его похвали. оудръжа ѿтъ оученикъ его попа и діакона съ книгами. всю же волю его сътвори, еꙗко хотѣ, и не ослоушавъ ни при чесомъ же, облюбль и ѡдаривъ велми, проводи его пакы славно до своего стола. также и патріархъ*".

Не ясно ли, что современники, значитъ, признавали Меѳодія всецѣло связаннымъ съ Византіей, когда позволяли себѣ стращать его, архіепископа моравскаго, подчиненнаго патріархату римскому, гнѣвомъ императора? Не очевидно ли, что Меѳодій самъ, немедленнымъ походомъ своимъ, по приглашенію императора въ Царьградъ, оправдалъ справедливость такого мнѣнія? И не убѣдительнѣйшее ли доказательство сохранилъ біографъ тому, что Меѳодій неуклонно держался правоты въ-

рованія и ученія цареградскаго, когда императоръ не только одобрилъ его ученіе, не только со славою проводилъ его, но и оставилъ у себя книги Меѳодіевы, безъ сомнѣнія, славянскія, равно и двоихъ учениковъ его? Одинаково относился къ нему и патріархъ, т. е. Фотій, тотъ Фотій, съ которымъ лживое католичество усиливается выставить разорваннымъ всякое общеніе солунскихъ братьевъ. Не забудемъ, что свидѣтельство это находится у писателя, признаваемаго достовѣрнѣйшимъ источникомъ и большинствомъ католиковъ, который и по ихъ мнѣнію принадлежалъ къ западной церкви и былъ благоговѣйнымъ поклонникомъ Рима и его первосвященника. Допускать, слѣдовательно, умышленность, въ пользу Византіи и противъ интересовъ Рима, отъ него не возможно; какъ-же воспользовались его извѣстіями тѣ писатели, которые наполняютъ страницы своихъ сочиненій выдержками изъ его жизнеописанія? Рачкій молчитъ вовсе о походѣ Меѳодія въ Царьградъ и тѣмъ открыто признаетъ, что подобное событіе всецѣло извращаетъ сотканную имъ теорію преданности славянскихъ первоучителей западному католичеству и разобщенію ихъ съ *раскольническимъ* Цареградомъ. Не такъ поступилъ неосторожный г. Штульцъ. Онъ признаетъ фактъ, потому-что считаетъ біографовъ паннонскихъ *единственно вѣрными свидѣтелями* жизни и дѣятельности солунскихъ братьевъ; включаетъ его и въ свое сочиненіе о Кириллѣ и Меѳодіи, какъ событіе положительно достовѣрное; но тутъ-же, въ порывѣ неудержимаго католическаго увлеченія, даетъ ему такое объясненіе, которое, извращая свидѣтельство, рѣшительно обнаруживаетъ противорѣчіе его довѣрію къ паннонскому источнику. Такъ, не касаясь причинъ, почему Меѳодій повиновался приглашенію императора, Штульцъ утверждаетъ, что во всякомъ случаѣ, при приверженности своей

къ Риму, Меѳодій не думалъ пускаться въ какое-либо общеніе съ человѣкомъ, задавшимъ столь жестокія раны церкви: понятно, дѣло идетъ о Фотіи; а между тѣмъ *единственно вѣрный свидѣтель* говоритъ прямо, что одинаково съ императоромъ принялъ Меѳодія и патріархъ. Самую молву, будто императоръ гнѣвается на Меѳодія, приписываетъ Штульцъ, по необъяснимымъ соображеніямъ, грекамъ [146], тогда какъ житіе прямо указываетъ на нѣмцевъ; да и съ-какой-стати распускать такую молву грекамъ, которые, если Меѳодій дѣйствительно былъ преданъ Риму такъ, какъ выставляетъ это Штульцъ, должны были смотрѣть на него только какъ на западнаго архіепископа, посвященнаго въ Римѣ и, слѣдовательно, подчиненнаго папѣ, смотрѣть на него точно также, какъ бы смотрѣли они на всякаго другаго латинскаго іерарха. Впрочемъ, не смотря на произвольныя комментаріи свои, г. Штульцъ, какъ видно, замѣчалъ, что фактъ самъ по себѣ все-таки на столько опредѣлителенъ, что, и при комментаріяхъ, не освободитъ читателя отъ подозрительности къ искренности и дѣйствительности его доводовъ: ужъ если Меѳодій благоговѣлъ передъ Римомъ и *святѣйшимъ отцемъ*, если считалъ онъ Фотія раскольникомъ и возмутителемъ вселенской церкви, ежели Константинополь признавалъ источникомъ всевозможныхъ заблужденій, то не-зачѣмъ-бы, кажется, и являться туда, преступно и сообщаться съ лицемъ, виновнымъ въ оскорбленіи *признаннаго имъ* намѣстника Христова; при томъ и надобности быть не могло, да и пользы, по видамъ римской церкви, ожидать было отъ путешествія также нельзя. Чтобы ослабить значеніе подобныхъ вопросовъ, г. Штульцъ не усомнился, въ за-

---

[146] Život sv. Cyril. a Meth., стр. 136 — 137.

ключеніе повѣствованія, выдать плодъ личной фантазіи за фактъ положительный и объяснилъ, будто Меѳодій, пораженный безпорядками въ Царьградѣ, не оставался тамъ долго [147]. Надѣемся, что нѣтъ нужды доказывать, въ какомъ свѣтѣ подобные поступки характеризуютъ добросовѣстность изслѣдованія католическаго священника; мы только можемъ пожалѣть о невольномъ заблужденіи того большинства читателей, для котораго назначено сочиненіе г. Штульца, которое неспособно отнестись критически къ сообщаемымъ фактамъ и авторскимъ разсужденіямъ и которое тѣмъ смѣлѣе будетъ признавать за собою право на вѣру въ печатное слово, чѣмъ менѣе, по неиспорченной еще всецѣло католичествомъ своей природѣ, найдетъ въ себѣ побужденій допускать умышленную извращенность въ лицѣ священномъ и въ дѣлѣ религіозномъ.

Въ нашихъ глазахъ, конечно, умствованія штульцевскія не въ силахъ ослабить глубокаго значенія въ путешествіи Меѳодія въ Константинополь, на закатѣ его жизни. Значеніе это не замедлитъ подняться многими ступенями выше, когда мы сообразимъ, что событіе это относится къ промежутку времени между возвращеніемъ его изъ Рима, послѣ суда папскаго, и годомъ передъ смертію (880 — 885), когда, какъ уже намъ извѣстно, въ-слѣдствіе неудавшейся новой попытки римскаго первосвященника выиграть Болгарію, произошли опять разногласія между востокомъ и западомъ, кончившіяся угрозами со стороны Іоанна и выполненіемъ этихъ угрозъ, т. е. отлученіемъ Фотія, со стороны Марина, преемника Іоаннова (882—884), и когда связи Рима съ Константинополемъ ограничи-

[147] Тамъ-же, стр. 142.

лись по прежнему одними облпчительными переписками [148]. Путешествіе архіепископа моравскаго въ Константинополь въ такую пору, путешествіе по приглашенію императора, сопровождавшееся самымъ радушнымъ пріемомъ, фактъ по истинѣ знаменательный, способный развѣ только подъ перомъ ослѣпленнаго католическимъ фанатизмомъ писателя не говорить о душевномъ расположеніи Меѳодія къ Византіи и о вполнѣ сочувственномъ его взглядѣ на характеръ отношеній ея къ заблудившемуся Риму. Прямой-же и безпристрастный умъ въ сопоставленіи путешествія съ предшествующими событіями: съ судомъ въ Римѣ, гдѣ Меѳодій не могъ не замѣтить колеблющейся и своекорыстной политики папы, съ Вихинговымъ посвященіемъ въ епископы, смыслъ котораго также долженъ былъ понять Меѳодій въ настоящемъ свѣтѣ, съ безцѣльнымъ письмомъ Іоанна, отъ 881 года, котораго не могъ не разсматривать Меѳодій, какъ формальности, хитрой уловки оградить себя отъ отвѣтственности въ томъ, что на самомъ дѣлѣ было желательно и ему, и съ настоящимъ положеніемъ, съ возникшимъ снова несогласіемъ до жестокой вражды между представителями церквей западной и восточной, — несравненно больше будетъ имѣть на своей сторонѣ права утверждать, что такое путешествіе служитъ выразительнымъ протестомъ Меѳодія противъ неправдъ западныхъ и торжественнымъ признаніемъ правоты восточной, борцемъ за которую избрало его провидѣніе въ ново-христіанской странѣ, еще не потерявшей надежды отстоять вселенское православіе отъ наложившаго на нее руку латинства.

Время же путешествія Меѳодія въ Царьградъ, отнесенное

---

[148] См. выше, стр. 176 — 178.

нами къ пространству между 881 и 884 годами, надѣемся, не встрѣтитъ противорѣчія ни въ одномъ писателѣ католическомъ. Въ самомъ дѣлѣ, только этотъ срокъ жизни Меѳодія покрытъ совершеннымъ мракомъ, при полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было опредѣленныхъ указаній. Между тѣмъ предшествующая эпоха, отъ самаго прихода солунскихъ братьевъ на западъ, въ Моравію, до письма Іоаннова въ 881 году, предлагаетъ па столько положительныхъ свидѣтельствъ, что съ полною утвердительностью можно опредѣлять мѣстопребываніе ихъ въ каждый годъ. Политическое положеніе Моравіи говоритъ также въ пользу этого срока: съ 882 года начались войны Святополка съ нѣмцами, продолжавшіяся до 884 года; и какъ прежде, тотчасъ, послѣ посвященія своего въ архіепископы, около 870 года, по тѣмъ-же обстоятельствамъ, Меѳодій находилъ затруднительнымъ, вѣроятно, и опаснымъ немедленно-же отправиться къ Ростиславу и остановился у Коцела, такъ и теперь предпочелъ путешествіе въ Царьградъ, не имѣя надежды на спокойствіе въ Панноніи, гдѣ властвовалъ Арнульфъ и другъ его, Вихингъ. Но какъ только прекратилась война и въ Моравіи снова утвердился миръ, является и положительное свѣдѣніе о пребываніи тамъ Меѳодія. Свѣдѣніе это касается освященія имъ церкви въ Брнѣ и относится къ 884 году. Помѣщено оно въ томъ-же донесеніи пражскому архіепископу, Северу, отъ 1062 года, изъ котораго почерпнули мы извѣстіе о посвященіи Кирилломъ церкви св. Петра, въ Голомуцѣ; и тутъ, собиравшій для Севера данныя, благочинный (praepositus) Райградскій, указываетъ на древнюю книгу, изъ которой и выписываетъ слѣдующее мѣсто: anno ab incarnatione Domini nostri Jesu Christi DCCCLXXXIII consecrata est haec ecclesia in honorem beatorum Petri et Pauli prin-

cipum apostolorum Dei per reverendissimum in Christo patrem *Methodium* archiepiscopum Maravensem [149]. Любопытенъ взглядъ на этотъ документъ Рачкаго и Гинцеля; оба они признаютъ его несомнѣннымъ и понимаютъ такъ, какъ можетъ и долженъ понимать всякій, т. е., что Меѳодій *дѣйствительно освятилъ церковь брнскую;* а между-тѣмъ, если припомнитъ читатель, г. Гинцель рѣшительно не хочетъ признавать подлинности извѣстія о таковомъ-же посвященіи голомуцкой церкви св. Кирилломъ, хотя и это извѣстіе находится въ томъже документѣ; Рачкій же, соглашаясь на участіе Кирилла, находитъ необходимымъ толковать слово *consecratio* посредствомъ *benedictio.* Такъ вынуждены метаться католики отъ истины изъ одной стороны въ другую, для поддержанія сотканной ими фальшивой теоріи, забывая, что черезъ это становятся болѣе, чѣмъ смѣшными, на взглядъ каждаго знакомаго съ дѣломъ и смотрящаго на него прямыми глазами.

Посвященіе церкви въ Брнѣ составляетъ послѣдній подвигъ Меѳодія, записанный точно въ достовѣрномъ актѣ. Въ 885 году, 6 апрѣля, онъ скончался. Мѣсто и время кончины долго представляли на западѣ спорный вопросъ, рѣшавшійся весьма различно и почти исключительно по догадкамъ. Такъ, начиная съ чешскаго лѣтописца Пулкавы [150], черезъ длинный рядъ хронистовъ и ученыхъ, не исключая и знаменитаго Добровскаго [151], вообще полагали, что Меѳодій умеръ и погребенъ въ Римѣ, рядомъ съ братомъ, Кирилломъ. Основаніе для такого положе-

---

[149] Напечатанъ этотъ документъ впервые Копитаромъ, въ Glag. Clozian., стр. LXXI, за-тѣмъ Бочкомъ въ Codex Moraviae, I, 47, № 64, и Эрбеномъ, въ Regesta Bohemiae, стр. 19, № 45.

[150] Dobner, Monumenta historica Bohemiae, III, 290.

[151] Кирил. и Меѳод., Москва, 1825, стр. 86, 91.

нія находили въ письмѣ папы Іоанна, 881 года, гдѣ упомянуто условно о возвращеніи Меѳодія въ Римъ: cum reversus fueris, и въ томъ, что до самой смерти нигдѣ не говорилось о немъ: свидѣтельство райградское тогда не было еще извѣстно. Но выраженіе папское, во а) не есть опредѣленный вызовъ, во б) если-бы даже оно было и положительнымъ вызовомъ, то должно прежде доказать, что Меѳодій послѣдовалъ ему, наконецъ, въ в) самое главное, ни одинъ памятникъ, ни однимъ намекомъ не говоритъ, чтобы Меѳодій путешествовалъ послѣ 880 года когда-нибудь въ Римъ; напротивъ, житіе паннонское выводитъ его только въ Царьградъ, а приведенная выписка Северу утверждаетъ, что за годъ до смерти Меѳодій былъ въ Моравіи. Тогда какъ ничто не указываетъ на Римъ, какъ на мѣсто кончины Меѳодія, Моравію считаютъ такимъ мѣстомъ не только житія Меѳодіево и Климентово, но и извлеченіе изъ книги объ обращеніи хорутанъ, по рукописи XIII вѣка. Въ послѣднемъ читаемъ: Methodius, fugatus a Carentanis partibus intravit Moraviam, *ibique quiescit*[152]; оба же житія, касаясь подробностей смерти и погребенія архіепископа моравскаго, не выходятъ ни однимъ словомъ изъ области моравской. Прологъ XIII вѣка, открытый и обнародованный Калайдовичемъ и заключающій въ себѣ краткій очеркъ жизни св. Меѳодія, опредѣляетъ кромѣ того и церковь, въ которой похороненъ послѣдній, называя ее моравскою: *лежить же въ велицѣи церкви моравьстѣи отъ лѣвую страну въ стѣнѣ за олтаремъ свѧтые Богородице*[153]. Въ другомъ мѣстѣ, мы

---

[152] Wattenbach. Beiträge, стр. 50. Т. е., Меѳодій, изгнанный изъ странъ хорутанскихъ, вступилъ въ Моравію, *и тамъ скончался.*

[153] Іоаннъ экз. болгар., стр. 90.

имѣли случай показать, что подъ храмомъ святой Богородицы или подъ соборною церковью житія Меѳодіева можно разумѣть только храмъ въ честь св. Маріи въ древнемъ Дѣвинѣ или нынѣшнемъ Велеградѣ, что въ Моравіи [154].

Не менѣе разногласія и предположеній замѣчаемъ у прежнихъ ученыхъ и на-счетъ года Меѳодіевой кончины; нѣкоторые относили ее даже къ послѣднимъ годамъ IX вѣка [155]; были и такіе, которые низводили къ 907 году. Житіе паннонское, сравненное съ другими древними свидѣтельствами, уничтожаетъ всякое сомнѣніе и въ этомъ отношеніи. По его словамъ, Меѳодій *на рукахъ же іерѣискахъ почи .s. день мѣсяца априла, въ .г. индикта въ .s.ное и .т. и .чг.ее лѣто отъ твари всего мира* (т. е. въ 6393 г.); это было на третій день, послѣ цвѣтной недѣли, т. е. вербнаго воскресенья, слѣдовательно, во вторникъ на страстной. Третій индиктъ падаетъ на 855, 870 и 885 годы; къ первымъ двумъ относиться не можетъ, такъ-какъ достовѣрно извѣстно, что Меѳодій жилъ не только въ 881 году, но и въ 884; остается, слѣдовательно, одинъ 885, который и равняется 6393 отъ сотворенія міра. Шестое апрѣля, какъ день смерти Меѳодія, постоянно чествовался православною церковью; подъ этимъ днемъ помѣщалась она и въ древнѣйшихъ святцахъ [156], отсюда, безъ сомнѣнія, занесена подъ то-же 6 апрѣля и въ календарь

---

[154] См. Спб. вѣдомости, 1863, № 135, 137.

[155] Кир. и Меѳод., Добровскаго. § 24, стр. 91—94.

[156] Срв. Древній русскій календарь по мѣсячнымъ минеямъ XI—XIII вѣка, Срезневскаго, 1863, С.-Петерб., стр. 13; срв. Добровскаго, Кир. и Меѳодій, стр. 93; его-же, Mähris. Leg., стр. 64.

Ассемани[157]. Пасха въ 885 году, дѣйствительно, была 11 апрѣля, слѣдовательно, третій день послѣ вербнаго воскресенья или вторникъ страстной седмицы приходится именно 6 апрѣля.

Меѳодій скончался въ весьма преклонныхъ лѣтахъ, въ болѣзни, предсказавши, по словамъ жизнеописателя паннонскаго, подтверждаемаго и біографомъ Климентовымъ, самъ свою кончину. А при такой обстановкѣ смерти, трудно и apriori пропустить, чтобы онъ не озаботился дальнѣйшею судьбою моравско-славянской церкви и не выразилъ, хотя-бы и въ общихъ словахъ, своего направленія, въ завѣтъ своимъ ученикамъ: стоитъ только сообразить многолѣтнее подвижничество Меѳодія среди западныхъ славянъ, его ревность въ устройствѣ церкви и безпрекословную покорность брату, завѣщавшему на смертномъ одрѣ не покидать новой паствы, не смотря на препятствія и преслѣдованія, чтобы не видѣть произвола въ такомъ предположеніи. И дѣйствительно, паннонское житіе передаетъ намъ слѣдующія данныя изъ предсмертныхъ распоряженій Меѳодія: „кого чюеши, ѡтче и оучителю честныи, въ оученицѣхъ своихъ“, спрашивали Меѳодія ученики его, „да бы ѡтъ оученія твоего тебѣ настолникъ былъ? Показа же имъ единаго ѡтъ извѣстныхъ оученикъ своихъ, нарицаемаго Гораздалъ, глагола: сеи есть вашеѧ землѧ свободь моужъ, наоученъ же добрѣ в латыньскыѧ книгы, правовѣренъ, то боуди божіа волꙗ и ваша любы, ꙗкоже и моꙗ. събравшемъ же сѧ имъ въ цвѣтную недѣлю всѣмъ людемъ, вшедъ въ церковь и немогыи, каза въ благодѣти царꙗ и кнѧзя и клирики и люди всѧ, и рече: стрѣзете мене дѣти до третіаго дьне. ꙗкоже и бысть“.

---

[157] Memoria dormitionis S. Patris nostri Methodi, archiepiscopi superioris Moraviæ. Kalend. VI, 235.

И такъ, Меѳодій самъ, съ согласія своихъ учениковъ и преверженцевъ, назначилъ себѣ преемника въ архіепископствѣ. Преемникомъ такимъ является Гораздъ. Дѣйствительность этого событія не можетъ подлежать сомнѣнію: она находитъ подтвержденіе и въ описаніи біографа Климентова [158] и въ древнемъ спискѣ болгарскихъ архіепископовъ, гдѣ прямо сказано, что Гораздъ посвященъ въ архіепископа Меѳодіемъ [159]. Выражены въ приведенномъ извлеченіи и основанія, побудившія св. мужа предпочесть Горазда другимъ ученикамъ. Основанія эти заключаются въ моравскомъ происхожденіи Горазда, въ знакомствѣ съ латинскимъ языкомъ, при правовѣріи. Ежели условія туземнаго происхожденія и знанія латыни объясняются легко положеніемъ страны, отношеніемъ ея къ Риму и неизбѣжностью столкновеній духовныхъ ея представителей съ враждебнымъ и многочисленнымъ духовенствомъ латинскимъ, то что значитъ *правовѣріе?* Развѣ можно предположить въ средѣ учениковъ Меѳодія *неправовѣріе?* Развѣ можно допустить его и вообще въ той средѣ, изъ которой Римъ дозволилъ бы избрать и посвятить кого-либо въ архіепископа подчиненной его патріархату области? Первое немыслимо; неправовѣрнаго не могъ и признать Меѳодій своимъ ученикомъ, какъ не могли считать его такимъ и другіе его послѣдователи, а слѣдовательно — и жизнеописатель паннонскій. Съ точки зрѣнія римской, конечно, и вторая среда должна быть правовѣрною; но такъ ли въ глазахъ Меѳодія? Ежели іерархи зальцбургскій, пассавскій и регенсбургскій, разумѣется, за правовѣріе удостоены Римомъ выс-

---

[158] Vita s. Clem., стр. 11.

[159] *Γοράζδος χειροτονηθεὶς παρὰ Μεθοδίου*. . . Famil. byz. aug., стр. 174.

шаго духовнаго сана, то считалъ ли ихъ такими-же Меѳодій? Доносы со стороны нѣмцевъ на послѣдняго папѣ, судъ надъ Меѳодіемъ въ Римѣ, вѣчная борьба за славянскую службу и за *filioque* — служатъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ смотрѣлъ на правовѣріе нѣмцевъ первоучитель славянскій и въ чемъ заключалась *ересь* ихъ, противъ которой долженъ былъ бороться онъ и о которой не стѣсняется говорить поклонникъ Рима, авторъ житія Меѳодіева. Ясно до очевидности, что подъ правовѣріемъ Меѳодій могъ понимать, въ настоящемъ случаѣ, единственно уклоненіе отъ заблужденій западно-латинскаго духовенства и, называя Горазда правовѣрнымъ, прямо этимъ опредѣляетъ, что, въ его понятіяхъ, принимающіе ученіе латинниковъ — неправовѣрны. Основная мысль, такимъ образомъ, Меѳодія, при назначеніи Горазда, могла быть только такая: Гораздъ мораванинъ, знакомъ съ языкомъ латинскимъ и въ тоже время, какъ мой ученикъ, не зараженъ лжеученіемъ запада, правовѣренъ, а потому и не допуститъ, подобно мнѣ, развиться въ нашей паствѣ неправовѣрію нѣмецко-латинскому. Какъ-же согласить съ этимъ возгласы Гинцеля, будто римская церковь смотрѣла всегда на Кирилла и Меѳодія, какъ на своихъ, и будто Меѳодій, по вѣроученію, былъ всецѣло римляниnъ?[160]. Ежели такъ, то та-же римская церковь должна признать, что огромная часть ея была неправовѣрною, потому что Меѳодій считаетъ такою всю нѣмецко-латинскую іерархію. Что-нибудь одно изъ двухъ: или неправовѣренъ, по взгляду римскому, Меѳодій, или неправовѣрны, противны римскому ученію церкви — гальская, испанская и нѣмецкая. Толкованіе католиковъ, приведенное нами выше, будто Меѳодій и относительно

---

[160] Гинцель, Gesch. der Slav. Apostel, стр. 38, прим. 2, стр. 103.

исхожденія Св. Духа вѣрилъ одинаково съ нѣмцами, только по формѣ соблюдалъ буквально символъ никейскій, теперь еще менѣе имѣетъ смысла, потому что выраженіе *неправовѣрный* слишкомъ сильно и относится прямо къ вѣрѣ, ученію, а не къ формѣ или слову: было бы не согласно съ достоинствомъ и святостью Меѳодія ожидать отъ него отчисленія въ разрядъ *еретиковъ* людей, со смысломъ ученія которыхъ онъ всецѣло сходится и различествуетъ единственно въ буквѣ. Этого мало: останавливаясь внимательно на выраженіи Меѳодія о правовѣріи Горазда, неизбѣжно придемъ къ заключенію, что и сама римская церковь была въ его глазахъ неправовѣрною, если только вѣрила она согласно съ нѣмцами, что̀ утверждаютъ писатели католическіе. Если же она согласовалась съ пониманіемъ Меѳодія, то нельзя не обвинить ее въ крайней недобросовѣстности, за равнодушіе къ догматической лжи въ своемъ патріархатѣ, какъ нельзя не выставить на видъ и современнымъ римлянамъ ихъ позднѣйшаго отступничества отъ истиннаго православія, а современнымъ католическимъ славянамъ не указать на преступную измѣну своему первоучителю въ одномъ изъ существенныхъ догматовъ христіанства. Что Меѳодій, назначая себѣ преемникомъ Горазда, разумѣлъ именно отрицаніе имъ заблужденій западной церкви, очевидно изъ дѣйствій духовенства нѣмецкаго, тотъ-часъ по смерти Меѳодія. Оно видѣло въ Гораздѣ втораго Меѳодія, боялось, чтобы не ожило посредствомъ него и Меѳодіево обличеніе латинскаго отступничества, — и съ яростью бросилось на преслѣдованіе и изгнаніе всѣхъ приверженцевъ славянскихъ первоучителей [161].

---

[161] Non tulit audacissima hæreticorum multitudo, Methodium habere post mortem vivum propugnatorem, venite, dicens, Gorasdum

То-же извлеченіе изъ житія даетъ намъ новое данное для соображеній на-счетъ сравнительнаго взгляда Меѳодія на Римъ и Византію. Передъ самою смертью, онъ бесѣдуетъ съ окружающими его; въ этой прощальной бесѣдѣ поручаетъ паству свою, князя, клириковъ и народъ благодѣяніямъ царя. Что это значитъ? Опять на первомъ мѣстѣ царь, т. е. византійскій императоръ, какъ это видѣли мы и въ послѣднихъ словахъ св. Кирилла. И Меѳодій вспоминаетъ о немъ точно также прежде всего и на него возлагаетъ свои надежды въ покровительствѣ покидаемой имъ паствы; на ряду съ клириками и народомъ помѣщаетъ онъ и князя, т. е. Святополка, который, какъ замѣчено нами выше, сблизился съ Меѳодіемъ и которому, по словамъ жизнеописателя св. Климента, предрекъ Меѳодій свою кончину черезъ три дня [162]. О папѣ нѣтъ ни одного намека, какъ-будто его и не существуетъ, какъ-будто Меѳодій никогда и не сносился съ *главою* римской церкви; ни однимъ звукомъ не отнесся онъ и о римской церкви, не забывши, однако-же, просить своихъ учениковъ сохранять вѣру, *принятую отъ апостоловъ и св. отцевъ*. Непостижимъ подобный пріемъ въ человѣкѣ, *безусловно преданномъ намѣстнику Христову въ Римѣ и съ презрѣніемъ отвергшемся отъ источника заблужденій Константинополя, верховный представитель котораго возсѣлъ такъ недавно въ патріархи безчестнаго Фотія*. Такія явленія могутъ совершаться только съ людьми, поставившими нарочно задачею для

---

opprimamus: si enim hunc vivere sineremus, reviviscerct nobis Methodius, говоритъ жизнеописатель Климентовъ, въ переводѣ Миклошича. Vita s. Clem., стр. XIV.

[162] Тамъ-же, стр. XIII.

себя прямо противорѣчить внѣшними дѣйствіями внутреннимъ убѣжденіямъ, чего недопуститъ, конечно, предположить въ Меѳодіи и тѣ, которые, вопреки свѣтлой истинѣ, вѣроятнѣе всего и вопреки голосу собственной совѣсти, усиливаются навязать ему такія убѣжденія. И ежели подобное противорѣчіе не постижимо вообще въ послѣднія минуты жизни, то тѣмъ болѣе возстаетъ противъ такого дѣйствія со стороны Меѳодія самый обыкновенный здравый смыслъ: онъ умиралъ вдали отъ Византіи, въ области чуждой господству греческому, и свѣтскому и церковному, и, какъ по всему видно, не имѣлъ вовсе личной надобности задабривать императора. Одно, слѣдовательно, могло быть побужденіе и основаніе указывать на Византію: убѣжденіе въ ея правотѣ христіанской, въ готовности высшей власти поддерживать эту правоту; съ другой стороны, убѣжденіе въ извращенности запада, въ чаяніи преслѣдованій и гоненій отъ него и въ нуждѣ искать защиты и пріюта въ другой области. А это все слишкомъ наглядно говоритъ о характерѣ отношеній Меѳодія къ Риму и папѣ, чтобы не сомнѣваться въ недовольствѣ на послѣдняго и не объяснять этимъ недовольствомъ прекращенія всѣхъ связей Меѳодія съ западною столицею, столь ясно замѣтнаго въ послѣднія пять лѣтъ жизни Меѳодіевой. Въ самомъ дѣлѣ, ни въ чемъ другомъ нельзя видѣть причины такого поразительнаго молчанія о Меѳодіи въ перепискѣ римской съ 881 года, кромѣ происшедшаго охлажденія въ Меѳодіи къ Риму и окончательно утвердившагося рѣшенія въ послѣднемъ прекратить новизну солунскихъ братьевъ, какъ только представится благопріятный случай. Такой выводъ вынужденъ сдѣлать каждый безпристрастный изслѣдователь изъ отсутствія сношеній именно потому, что промежутокъ времени между послѣднимъ посланіемъ Іоанна и смертію Ме-

одія требовалъ наиболѣе вниманія и дѣятельности Рима въ дѣлахъ моравско-паннонскихъ: разладъ между архіепископомъ и епископомъ достигъ тамъ крайней степени; Вихингъ, преданный проклятію Меѳодіемъ, уличенный въ подлогѣ папскаго посланія, продолжалъ, однако-же, безнаказанно управлять своею епархіею, не только не относясь ни въ чемъ къ своему архіепископу, непосредственное подчиненіе и повиновеніе которому такъ строго и опредѣленно заявлено было самимъ папою, а, напротивъ, дѣйствуя постоянно противъ него интригами, наговорами и возбужденіемъ раздоровъ. И все это папѣ было извѣстно, извѣстно изъ жалобы самого Меѳодія, — и тѣмъ не менѣе, въ теченіе пяти лѣтъ не видимъ мы и намека на какое-либо распоряженіе изъ Рима, не слышимъ ни одного звука въ пользу укрощенія непокорнаго и преступнаго епископа и въ пользу подавленія церковнаго соблазна. Такъ и видиѣтся, въ этой нѣмотѣ римской переписки касательно Меѳодія, въ этомъ глухомъ молчаніи послѣдняго и холодной безотносительности его къ Риму, глубокое, внутреннее разъединеніе обѣихъ сторонъ; это разъединеніе должно получить въ умѣ изслѣдователя еще широчайшій размѣръ, если сообразитъ онъ путешествіе Меѳодія въ Царьградъ, въ эту именно пору, и радушный его тамъ пріемъ императоромъ и патріархомъ. Не выразилъ ли Меѳодій порученіемъ и князя, вмѣстѣ съ клириками и народомъ, благодѣяніямъ царя, въ предсмертной своей бесѣдѣ, что и свѣтская власть можетъ разсчитывать на свою прочность только въ сближеніи съ востокомъ, что только послѣдній въ силахъ спасти Моравію отъ гибельнаго славянству германскаго господства, съ характеромъ котораго имѣлъ случай коротко ознакомиться Меѳодій. Римъ, въ свою очередь, успѣлъ показать точно также настоящее свое понятіе о церкви мо-

равско-паннонской и далъ право ожидать отъ себя скорой развязки тѣмъ неестественнымъ для него отношеніямъ, въ которыя впутались Адріанъ и Іоаннъ, руководившіеся исключительно интересами римской пропаганды, въ смыслѣ упроченія беззаконной власти папы надъ областями славянскими. Такая развязка, безъ сомнѣнія, не замедляла бы появиться тотчасъ-же послѣ неудачъ Іоанна VIII въ поискахъ за Болгаріей и послѣ новаго, въ слѣдствіе сего, разрыва съ Константинополемъ, если-бы не послѣдовала за этимъ въ тотъ-же годъ смерть Іоанна и если-бы смѣнившіе его, въ продолженіе съ небольшимъ двухъ лѣтъ, двое папъ, Маринъ и Адріанъ III, не были принуждены устремить все свое вниманіе и дѣятельность, въ кратковременное правленіе, на опасность собственнаго положенія, въ виду грозныхъ безпорядковъ, и отъ внутреннихъ враговъ и отъ внѣшнихъ, въ самой Италіи [163]. Не рѣшимся, впрочемъ, отрицать и затруднительности для нихъ выступить прямо противъ столь недавнихъ заявленій Римомъ любви къ Меѳодію и покровительства его дѣйствіямъ: для этого необходимъ былъ такой-же рѣзкій и властолюбивый характеръ, какимъ отличался Николай и какого не замѣтно въ обоихъ преемникахъ Іоанна.

Но вотъ, въ половинѣ 885 года, вступаетъ на папскій престолъ Стефанъ VI. Характеръ этого папы опредѣляется всего нагляднѣе отзывомъ о Маринѣ, непререкаемымъ достоинствомъ

---

[163] Вотъ какъ говоритъ Рачкій объ этомъ времени: Sada od Rima nije se moglo očekivati nikakove pomoći; ondje bo sliedjaše promjena za promjenom, u tri godine sjedio je izza Marina I i Hadrijana III jurve tretji papa, Stjepan VI..., a poslie Ivana VIII političko obzorje bje još većma potamnilo; sila taljanskich nasilnikov na dan rastijaše, a nije bilo nikoga, koj bi ju obuzdao. Стр. 369.

котораго признавалъ онъ то, что Маринъ чувствовалъ и мыслилъ одинаково съ Николаемъ, равно и повторенным требованіемъ суда въ Римѣ надъ церковными дѣлами востока, тотчасъ по удаленіи Фотія и по избраніи въ патріархи царскаго брата [164]. При такомъ пониманіи папской власти и при такомъ личномъ характерѣ, ни мало не удивительно, что и не прекращавшіеся доносы и клеветы на Меѳодія вызвали его, наконецъ, къ рѣшительному шагу противъ славянской церкви въ Моравіи и противъ ея архіепископа. Посланіе Стефана VI къ Святополку, написанное имъ немедленно по вступленіи на папскій престолъ, произвело разомъ переворотъ въ Моравіи и явственно обличило таившуюся такъ долго задушевную непріязнь къ новизнамъ солунцевъ. Въ этомъ посланіи, папа уже прямо осуждаетъ Меѳодія и въ подробности излагаетъ тѣ пункты ученія, въ какихъ расходится римская церковь съ восточною, а съ тѣмъ вмѣстѣ—и съ Меѳодіемъ: рѣзко выраженъ въ немъ и непріязненный взглядъ Рима на славянскій языкъ въ богослуженіи, положительно истолкованъ и догматъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына, какъ принимаемый единственно въ такомъ смыслѣ и Римомъ, указано и разногласіе восточное, по поводу постовъ. Не забылъ папа и о произнесенной Меѳодіемъ анаѳемѣ надъ Вихингомъ, которую обращаетъ онъ на голову произнесшаго. Вихинга же, вмѣсто порицанія и наказанія, осыпаетъ лестными похвалами за вѣрность столицѣ римской и за соблюденіе правой вѣры, рекомендуя Святополку, по удаленіи Меѳодія, принять его въ духовные отцы и убѣждая относиться къ нему съ должнымъ почтеніемъ и любовію [165].

---

[164] См. выше, стр. 178 — 179.

[165] Посланіе это напечатано Ваттенбахомъ, въ Beiträge, стр.

Но Стефанъ, составляя свою буллу, не зналъ, что Меѳодій уже нѣтъ въ живыхъ; четыре мѣсяца, протекшіе отъ смерти его до избранія Стефана въ папы, были недостаточны, чтобы извѣстіе могло достигнуть изъ Моравіи до Рима. На своемъ мѣстѣ, въ обзорѣ источниковъ для жизни и дѣятельности солунскихъ братьевъ, мы показали и другимъ, болѣе еще рѣзкимъ, примѣромъ доказали [166], что такое явленіе вполнѣ возможно для IX столѣтія и даже неизбѣжно, во время смутъ итальянскихъ и запутанности положенія папъ, отъ Іоанна VIII до Стефана VI. Не преминули мы разобрать тамъ-же критически и доводы писателей католическихъ, поставившихъ себѣ задачею заподозрить это посланіе и пріурочить его въ разрядъ вымышленныхъ документовъ; не могли не замѣтить, какъ сильно страдаютъ эти доводы натяжками, пустыми предположеніями и преднамѣреннымъ искаженіемъ истины. Съ своей стороны, опираясь на общемъ характерѣ отношеній Рима къ солунцамъ, мы позволили себѣ и тогда смотрѣть на разбираемую буллу, какъ на дѣйствительный актъ, и встрѣтили подтвержденіе своему взгляду въ безпристрастномъ отзывѣ ученаго изслѣдователя нѣмецкаго, открывшаго и впервые обнародовавшаго самую буллу. Теперь, послѣ внимательнаго и подробнаго пересмотра послѣдовательной политики папской въ сношеніяхъ съ Меѳодіемъ, взглядъ нашъ на посланіе Стефана VI къ Святополку долженъ уясниться и оправдаться еще больше. Соображеніе же судьбы учениковъ Меѳодія, въ-слѣдъ за его смер-

---

43; Эрбеномъ, въ Regesta Bohemiae, стр. 20 — 21, № 49; Гинцелемъ, въ приложеніи къ исторіи славянскихъ апостоловъ, стр. 63 — 67.

[166] См. выше, стр. 17 — 27.

тію, вмѣстѣ съ новымъ возвышеніемъ Вихинга, должно невольно заставить смотрѣть на эту судьбу и на возвышеніе, какъ на естественный результатъ посланія и окончательно утвердить его дѣйствительность.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ понять дерзость нѣмецкой партіи, рѣшившейся уничтожить съ корнемъ все, установленное Меѳодіемъ и *утвержденное властію римскаго первосвященника*; какъ объяснить и равнодушіе Святополка, спокойно допустившаго нѣмцамъ сначала заключить въ темницу всѣхъ послѣдователей солунцевъ, изъ которыхъ одинъ былъ уже избранъ въ архіепископы Моравіи, а потомъ и выгнать ихъ съ позоромъ изъ государства моравскаго; чѣмъ оправдать и преступное признаніе со стороны Рима преступнаго Вихинга въ званіи архіепископа, немедленно по смерти Меѳодія и по изгнаніи его учениковъ? Правда, римскіе писатели не замедлятъ возразить на это отсутствіемъ документальнаго признанія за Вихингомъ званія архіепископа; но такое возраженіе не уничтожаетъ ни мало нравственной обязанности на римскомъ первосвященникѣ возстать противъ самовольнаго возвышенія Вихинга и подвергнуть его тѣмъ строжайшему наказанію, чѣмъ болѣе довѣрія питалъ Римъ къ жалобѣ Меѳодія, по словамъ католиковъ. Между тѣмъ, Вихингъ не встрѣтилъ ни теперь, ни послѣ никакого препятствія, тѣмъ менѣе протеста или наказанія отъ Рима, и продолжалъ спокойно управлять епархіею моравско-паннонскою. Всѣ эти вопросы и недоразумѣнія разрѣшаются между тѣмъ очень просто, единственно дѣйствительностью посланія Стефана VI. Оно развязало руки нѣмцамъ и сблизило еще больше Вихинга съ Святополкомъ, убѣдивши послѣдняго окончательно въ довѣріи къ нему папы и въ истинномъ его правовѣріи. Мы выше имѣли случай замѣтить о свойствахъ ха-

рактера этого князя моравскаго; упомянули о его слабостяхъ, которымъ такъ искусно потворствовали нѣмцы и противъ которыхъ энергически возставалъ Меѳодій. Нисколько не удивительно послѣ этого, что онъ терпѣлъ Меѳодія не столько по личному къ нему расположенію и уваженію, сколько по любви къ нему народа моравскаго, по наружнымъ отношеніямъ Іоанна VIII и по вниманію къ старости, которой не щадить не имѣлъ онъ настоятельной надобности. Что касается до религіозныхъ убѣжденій, то, будучи невѣждою въ дѣлахъ вѣры, по собственному признанію, записанному біографомъ Климентовымъ [167], Святополкъ считалъ тѣмъ болѣе недостаточными доводы нѣмцевъ противъ правовѣрія Меѳодія, что находилъ поддержку его и въ двукратномъ посланіи папскомъ (880 и 881). Какъ могъ поступить Святополкъ теперь, послѣ смерти Меѳодіевой и послѣ полученія буллы отъ Стефана, положительно удостовѣрявшей его въ неправовѣріи бывшаго архіепископа, а слѣдовательно и его учениковъ, и въ истинной преданности Риму Вихинга, котораго папа даже рекомендуетъ поставить на мѣсто Меѳодія? Онъ могъ только позаботиться какъ-возможно не медленнѣе исполнить совѣтъ папскій относительно Вихинга и закрыть свои глаза на обращеніе нѣмцевъ съ приверженцами церкви славянской. Вниманіе къ нѣмцамъ усилилось въ Святополкѣ снова, послѣ возобновленія дружбы съ Арнульфомъ, въ годъ смерти Меѳодія; эта дружба не прерывалась до 892 года и вызвала со стороны Святополка даже военное содѣйствіе Арнульфу въ достиженіи имъ королевско-нѣмецкой короны, въ 887 году. Въ этомъ посланіи и заклю-

---

[167] Ego quidem magnae imperitiae mihi sum conscius et simplex sum quoad dogmatica. Vita s. Clem., стр. XV.

чается дѣствительное документальное признаніе папой за Вихингомъ митрополитской власти надъ епархіей Меѳодіевой.

И въ этомъ рѣшеніи папы, касательно замѣщенія славянства латинствомъ, — нельзя не видѣть обычнаго соотношенія съ настроеніемъ свѣтской власти. Папа позволилъ себѣ пустить въ ходъ такое рѣшеніе, потому что увѣренъ былъ въ равнодушіи Святополка какъ къ языку славянскому въ богослуженіи, такъ нисколько не меньше и къ догматическому разногласію послѣдователей Меѳодія съ Римомъ. Стефанъ VI, подстрекаемый нѣмцами, конечно не былъ бы прочь возстановить снова и зависимость моравопаннонской епархіи отъ митрополіи нѣмецкой, чтобы разомъ уничтожить на будущее время возможность опаснаго повторенія нововведеній славянскихъ и пресѣчь навсегда связи славянской іерархіи съ близкимъ и родственнымъ востокомъ, если-бы Святополкъ также безразлично смотрѣлъ на самостоятельность церковную въ своемъ государствѣ, какъ на вопросы догматическіе и язычные. Дѣйствовать же вопреки его волѣ было опасно, — и Римъ только отсрочилъ на-время уничтоженіе митрополіи моравской, учрежденной Адріаномъ II и Іоанномъ VIII съ такими хлопотами и непріятностями лишь изъ корыстныхъ видовъ на расширеніе своей власти въ потерянной Болгаріи и въ другихъ земляхъ славянскихъ. Съ Болгаріей, въ 885 году, Римъ увидѣлъ необходимость проститься на-всегда; другія земли славянскія, какъ увидимъ ниже, пріобрѣтались иными путями, и настаивать на отдѣльной митрополіи въ Моравіи, и съ этой стороны, не представлялось надобности. Что единственно могущество Святополка и его личное желаніе имѣть независимаго архіепископа удержали на нѣсколько лѣтъ независимость митрополіи, очевидно изъ немедленнаго подчиненія ея по прежнему Пассавѣ и Зальц-

бургу, какъ скоро со смертію Святополка раздоры между его наслѣдниками ослабили государство моравское, о чемъ скажемъ мы на своемъ мѣстѣ.

И такъ, какое заключеніе о православіи Меѳодія въ состояніи вывести изслѣдователь долголѣтнихъ отношеній его къ Риму и его первосвященнику; въ какомъ свѣтѣ должна представиться и политика послѣднихъ въ связяхъ ихъ съ солунскими братьями?

На сколько сообщаютъ намъ свѣдѣній древнѣйшіе и достовѣрнѣйшіе источники для жизни братьевъ солунскихъ, мы замѣчаемъ, что Меѳодій не только оставался чуждъ тѣхъ отступленій западной церкви, какими отдѣлилась или еще отдѣлялась послѣдняя отъ единства вселенскаго, но и возставалъ противъ нихъ со всею силою истиннаго православія, обличая и порицая виновныхъ и, не смущаясь, въ борьбѣ за правоту своей вѣры, ни угрозами, ни клеветами, ни судами въ Римѣ. Со стороны ученія, ни въ одномъ пунктѣ не допустилъ онъ уступки въ пользу заблужденій запада: слѣдуя возвышенному направленію своей родины — передавать истины вѣры Христовой на понятномъ, туземномъ языкѣ, Меѳодій до конца жизни держался этого святаго правила и на почвѣ римскаго патріархата, ни мало не стѣсняясь укоренившимся уже обычаемъ исключительнаго тамъ латинизма, какъ обычаемъ зловреднымъ и противнымъ духу и постановленіямъ религіи христіанской, не поддаваясь и распоряженіямъ и даже грознымъ повелѣніямъ изъ Рима — прекратить службу на языкѣ *варварскомъ:* такъ глубоко внѣдрилъ въ него востокъ убѣжденіе въ истинѣ этого способа проповѣди, что западная исключительность казалась въ его глазахъ ересью, какъ противъ ереси ратовалъ противъ нея Меѳодій съ латинниками и въ Моравіи, какъ требованіемъ

ереси, считалъ себя онъ въ-правѣ пренебречь и повелѣніями папскими. Еще болѣе твердости долженъ былъ выказать Меѳодій въ чистомъ и ненарушимомъ сохраненіи одного изъ тѣхъ существенныхъ въ христіанствѣ догматовъ, какой очень рано подвергся извращенію въ латинской церкви: и мы имѣли случай видѣть, какъ неуклонно вѣрнымъ оставался онъ тому-же востоку, а черезъ него и ученію вселенскихъ соборовъ. Убѣжденіе его въ истинѣ только этого ученія до того было ясно и сознательно, отверженіе ложной новизны латинской такъ рѣшительно, что самъ Римъ нашелъ себя вынужденнымъ признать за нимъ правоту и тѣмъ, хотя и молча, осудить распирившееся заблужденіе въ западныхъ и сѣверныхъ частяхъ своего патріархата. Едва-ли не Меѳодія должно считать виновникомъ и того, что Римъ на нѣсколько десятковъ лѣтъ былъ удержанъ отъ участія въ искаженіи догмата объ исхожденіи Св. Духа. Нельзя сомнѣваться, что и во всѣхъ другихъ, болѣе мелкихъ уклоненіяхъ церкви латинской, упрочившихся или только возникавшихъ, Меѳодій одинаково держался своего востока, ведя за собою и свою паству; по крайней мѣрѣ, доказательства Стефана VI въ пользу поста субботняго и вообще постовъ, по обычаю церкви латинской, и строгое порицаніе, въ слѣдъ за симъ, Меѳодія, даютъ неопровержимое право утверждать, что и въ этомъ отношеніи онъ слѣдовалъ постановленіямъ восточнымъ.

Со стороны отношеній Меѳодія къ папѣ, не встрѣчаемъ мы и тѣни свидѣтельствъ въ пользу того взгляда, какой домогаются укрѣпить за Меѳодіемъ современные ревнители католичества. Фактъ останется на-всегда выше самыхъ увлекательныхъ догадокъ и отвлеченныхъ умозрѣній; а факты изъ жизни славянскихъ первоучителей слишкомъ опредѣленны, какъ вы-

дѣли мы, чтобы уничтожить въ корнѣ католическія догадки. Ни одного разу не являлись солунскіе братья въ Римъ добровольно, на поклоненіе *святѣйшему отцу*, не смотря на то, что жили и дѣйствовали въ его церковной области; приходили они въ столицу западную только по вызову, по требованію, скорѣе какъ подсудимые, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, какъ обвиненные; въ разногласіяхъ своихъ, предпочитали слѣдовать наставленіямъ и порядкамъ родины, не придавая никакого вѣса противнымъ распоряженіямъ первосвященника римскаго; ни однимъ звукомъ не обнаружили они и какого-либо преимущественнаго уваженія къ патріарху западному и къ церкви римской, не забывая въ самыя торжественныя минуты жизни указывать ученикамъ своимъ на востокъ и свидѣтельствовать о подчиненіи своемъ единственно своему императору. Въ то время, какъ всѣ источники выставляютъ намъ путешествія ихъ въ Римъ дѣломъ необходимости или административной обязательности, путешествіе Меѳодія въ Царьградъ является плодомъ душевнаго его побужденія; всѣ сношенія съ папою основаны исключительно на служебныхъ отношеніяхъ, носятъ характеръ только оффиціальный; свиданіе того-же Меѳодія съ императоромъ и патріархомъ, напротивъ, изображается яркими красками самой сердечной пріязни и родственной заботливости. Надобно имѣть крайне мало совѣстливости, чтобы, при такомъ сопоставленіи, съ одной стороны, глухаго молчанія о Римѣ и папѣ, съ другой, самаго торжественнаго засвидѣтельствованія о преданности и привязанности къ представителямъ Царьграда, въ такое время, когда и мѣсто жизни и отношенія служебныя способны были только отстранить отъ востока, — утверждать о безпредѣльномъ благоговѣніи Кирилла и Меѳодія къ епископу римскому, какъ намѣстнику Христову, непогрѣшительной и вер-

ховной главѣ надъ всею церковью, и объ отвращеніи ихъ отъ *еретическаго* Константинополя и отъ *безчестнаго* Фотія. Мы не говоримъ уже о томъ, что въ ученіи своемъ, въ способѣ проповѣди своей, Кириллъ и Меѳодій неуклонно слѣдовали *этому еретическому* Константинополю и энергически ратовали за то-же, за что возсталъ *этотъ знаменитый раскольникъ и безчестный* Фотій противъ запада и Рима, столь *обожаемаго* солунцами.

Въ соотвѣтствіе неизмѣнной непритворной и искренней связи востока съ обоими братьями, встрѣчаемъ мы, со стороны Рима, поразительнѣйшую неровность, бросающуюся въ глаза неустойчивость, какое-то постоянное шатаніе и колебаніе отношеній. То молчитъ папа нѣсколько лѣтъ и какъ-будто не обращаетъ вниманія, что въ средѣ его области дѣйствуютъ лица, ему неизвѣстныя, по происхожденію и направленію скорѣе враждебныя; то вызываетъ ихъ поспѣшно въ свою столицу, судитъ и уполномочиваетъ продолжать начатое; то вдругъ шлетъ двухкратное запрещеніе съ угрозами, и опять молчитъ нѣсколько лѣтъ, не взирая на оскорбительную для горделиваго Рима непокорность его предписаніямъ; то снова вызываетъ и снова уполномачиваетъ; то изливается въ выраженіяхъ любви и въ то-же время спокойно предоставляетъ оскорблять и преслѣдовать своего любимца отъявленному преступнику, который всецѣло находится въ его власти и котораго самъ-же поставилъ онъ на мѣсто, откуда всего чувствительнѣе и непосредственнѣе могъ быть наносимъ имъ вредъ папскому любимцу. И долго можно бы было повторять еще это *то*, но внимательный читатель безъ труда дополнитъ самъ, на основаніи разсмотрѣнныхъ нами выше отношеній Меѳодія къ папѣ. Только сторонніл отъ дѣлъ чистой религіи цѣли, только личныя и корыстныя сообра-

женія въ состояніи производить подобную нетвердость и перемѣнчивость, доходившую не разъ до поразительныхъ противорѣчій, въ распоряженіяхъ куріи римской, касательно положенія славянскихъ первоучителей: и мы глубоко убѣждены, что и самые жаркіе поклонники католицизма, руководясь голосомъ совѣсти, не отвергнутъ этого характера побужденій ея во всѣхъ столкновеніяхъ съ Кирилломъ и Меѳодіемъ; должны согласиться, что папы смотрѣли на нихъ единственно какъ на орудіе своихъ завоевательныхъ видовъ, и тотъ-часъ же отступились отъ нихъ и отъ благихъ дѣлъ ихъ, какъ скоро стало яснымъ, что такое орудіе можетъ скорѣе повести въ противоположную сторону; отступиться пришлось и потому, что Меѳодій, въ послѣдніе годы жизни, успѣлъ обнаружить пониманіе настоящей политики папской, и не могъ уже заблуждаться на-счетъ дальнѣйшаго замаскированія: вспомнимъ безотносительность его къ Риму съ 881 года и путешествіе въ Царьградъ.

А пропагандисты католичества продолжаютъ твердить о латинствѣ Кирилла и Меѳодія и объ отреченіи ихъ отъ всего греческаго, доходя не рѣдко въ своихъ положеніяхъ до смѣшнаго, при всей своей учености. Такъ, Гинцель съ жаромъ возстаетъ противъ того, что, во время погребенія Меѳодіева, пѣлась литургія по-славянски, *гречески* и латински, о чемъ положительно свидѣтельствуетъ біографъ паннонскій. „Какъ возможно", восклицаетъ онъ; „это очевидная прибавка, потому что въ Моравіи столь-же мало было греческихъ духовныхъ, сколько и греческихъ поселеній" [168]. Какъ будто для греческой обѣдни необходимо имѣть множество духовныхъ, и какъ будто отправленіе литургіи на томъ или другомъ языкѣ необ-

---

[168] Gesch. d. Slav. Apost., стр. 92, прим. 6.

ходимо и постоянно должно находиться въ зависимости отъ народности обитателей. Вѣдь и латинскихъ поселеній не было въ Моравіи, однакоже, здравомыслящему человѣку не придетъ въ голову отрицать латинскую литургію. Пусть не забываетъ г. Гинцель и ему подобные, что жизнеописатель Меѳодіевъ, говоря о трехъ языкахъ въ богослуженіи въ настоящемъ случаѣ, указываетъ этимъ лишь на торжественность погребенія, слѣдовательно, какъ на особенность, а не на нѣчто постоянное. А что между духовными моравскими были знающіе греческій языкъ, лучшимъ ручательствомъ служитъ огромное количество учениковъ и послѣдователей Меѳодія, восходившее до двухъсотъ человѣкъ [169], между которыми, безъ всякаго сомнѣнія, не мало было и единоземцевъ Меѳодіевыхъ.

Еще съ бóльшею настойчивостью и съ сильнѣйшими натяжками старается Гинцель убѣдить своихъ читателей, будто литургія, употреблявшаяся Меѳодіемъ, была латинскаго обряда. Въ этомъ случаѣ, не удерживаютъ его католической ревности ни очевидныя данныя, говорящія прямо о противномъ, ни изслѣдованія добросовѣстнѣйшихъ ученыхъ, какъ прежней эпохи, такъ и современной Гинцелю. Его доказательства, выводенныя изъ голыхъ предположеній, будучи сопоставлены съ положительными свидѣтельствами исторіи, служатъ только новымъ подтвержденіемъ высказанной нами мысли о тѣсной и неразрывной связи св. братьевъ съ востокомъ. Указываемъ на нихъ коротко единственно съ тою цѣлію, чтобы обнаружить ту степень ложнаго увлеченія, до какой можетъ доходить и образованный католикъ. Доказательства Гинцеля сводятся всѣ къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) Кириллъ и Меѳодій, явившись

---

[169] Vita S. Clem., стр. XV.

въ область патріархата латинскаго, конечно, должны были сообразоваться съ утвердившимися уже въ ней обрядами, которые были латинскіе; 2) противники Меѳодія, жалуясь на него въ Римѣ, упоминали лишь о богослужебномъ языкѣ и возставали только противъ него, а никогда противъ введенія греческой литургіи; 3) введеніе въ богослуженіе символа вѣры говоритъ также ясно, что Меѳодій держался латинской церкви, такъ какъ заимствовать этотъ обычай онъ могъ только у нѣмцевъ, слѣдовательно изъ латинской литургіи, которая приняла этотъ обычай очень скоро послѣ собора толедскаго, въ Испаніи; 4) о томъ-же свидѣтельствуетъ и распоряженіе Іоанна VIII, потребовавшаго предварительнаго чтенія евангелія на латинскомъ языкѣ, въ литургіи славянской: если-бы Меѳодій служилъ по греческому обряду, то, вмѣсто латинскаго евангелія, папа именовалъ бы греческое; наконецъ, 5) и свидѣтельства филологическія убѣждаютъ, не менѣе рѣшительно, въ томъ, что переводъ св. писанія св. Кирилломъ и Меѳодіемъ совершенъ былъ по латинскимъ оригиналамъ, а не по греческимъ. При этомъ Гинцель опирается на Копитара[170].

Подобнаго рода основанія не заслуживаютъ подробнаго опроверженія; достаточно сказать нѣсколько словъ, чтобы раскрыть всю ихъ несостоятельность. Относительно перваго положенія, о необходимости, будто бы, св. братьевъ согласоваться съ обычаями и обрядами уже распространенными въ Моравіи, до ихъ туда прихода, замѣчено нами выше и доказано положительными фактами, какъ противорѣчитъ она дѣйствительности: исторія, какъ нарочно, сберегла для насъ свидѣтельства, которыя, напротивъ, ставятъ солунцевъ внѣ всякой зависимости отъ

---

170 Gesch. d. Slav. Apostel, 105—112, § 27.

утвердившихся обычаевъ въ церкви латинской и изображаютъ ихъ послѣдователями порядковъ греческихъ. Что касается до молчанія противниковъ Меѳодія о службѣ его по греческому обряду, то подобный argumentum a silentio, страдая вообще крайнею шаткостью, въ настоящемъ случаѣ долженъ быть отнесенъ прямо въ рядъ нелѣпостей. Римская курія и въ позднѣйшую пору не позволяла себѣ возставать противъ греческой литургіи, а въ IX столѣтіи, папа Іоаннъ VIII даже указывалъ на нее Меѳодію, какъ на единственно дозволенную, вмѣстѣ съ латинскою: vel in latina vel græca lingua, sicut Ecclesia Dei toto orbe diffusa cantat. Здѣсь подъ языкомъ разумѣется и самый обрядъ, который былъ одинаковъ въ богослуженіи всюду, гдѣ господствовалъ греческій языкъ. Еще изумительнѣе подъ перомъ ученаго историка церкви доказательства отъ символа вѣры: кажется, прежде всего слѣдовало бы опредѣлить, когда вошло въ обыкновеніе пѣть символъ въ греческой церкви, и утверждать заимствованіе его Меѳодіемъ отъ нѣмцевъ только тогда, если-бы въ первой сталъ употребляться онъ гораздо позже. Но мы уже знаемъ, что обычай пѣть символъ вѣры на востокѣ извѣстенъ съ VI столѣтія, и Меѳодію, слѣдовательно, не было вовсе нужды перенимать его отъ нѣмцевъ. А что онъ, дѣйствительно, вынесъ этотъ обычай съ родины, всего явственнѣе доказывается содержаніемъ символа, безъ роковой прибавки *filioque*, бывшей во всеобщемъ ходу у нѣмцевъ. Въ опроверженіе довода, взятаго отъ распоряженія папскаго читать предварительно евангеліе по-латини, приведемъ слова доктора Билаго, которому, конечно, и докторъ Гинцель не откажетъ въ высокой степени католическаго патріотизма: „мудрый папа заповѣдалъ читать св. евангеліе по-латини для того, чтобы вызвать тѣмъ уваженіе къ языку, на которомъ

западная церковь совершаетъ службу Божію и на которомъ престолъ римскій, средоточіе единства, выдаетъ свои повелѣнія и распоряженія. Между слушателями въ тѣхъ областяхъ, могли быть и такіе, которые разумѣли и языкъ латинскій; но едва-ли находились понимавшіе языкъ греческій (за исключеніемъ греческихъ священниковъ), — а въ такомъ случаѣ повелѣніе папы читать передъ народомъ славянскимъ евангеліе на греческомъ языкѣ было бы не только излишне, но и неблагоразумно. Латинизмъ заступалъ здѣсь мѣсто единства церкви, какъ языкъ мертвый; языкъ же греческій, какъ живой, выражалъ бы *народность*, которая, однакоже, должна уступить въ странѣ моравской первенство господствующему языку славянскому" [171]. Что сказать о филологическихъ доводахъ Гинцеля и о ссылкѣ его на Копитара? Самъ онъ не представилъ ни одного факта, а у Копитара, въ томъ мѣстѣ, на которое ссылается Гинцель [172], находимъ мы единственно *девять словъ (церковь, олтарь, крестъ, попъ, постъ, пекло, срьда, цьсарь, оцьтъ)*, какъ свидѣтельства, по его мнѣнію, паннонскаго происхожденія языка св. Кирилла и Меѳодія. Но если-бы, дѣйствительно, всѣ упомянутыя слова и указывали на Паннонію, если-бы нѣкоторыя изъ нихъ и не могли быть пріурочены другой мѣстности, напр. Болгаріи, что еще съ бо́льшею основательностью утверждаютъ другіе филологи, то развѣ отсюда слѣдуетъ съ необходимостью выводъ и о переводѣ съ латинскихъ оригиналовъ? Развѣ Кириллъ и Меѳодій не могли воспользоваться приведенными рѣченіями, какъ уже освященными христіанствомъ на западѣ у славянъ, для своего пере-

---

[171] Sv. Apoštolové slovanští. Praha, 1863, вып. II, стр. 46 — 47.
[172] Glag. Cloz., стр. VIII — IX.

вода св. писанія съ греческаго языка? Возможность послѣдняго такъ была велика и въ глазахъ Копитара, что онъ, не смотря на всю громадную силу своего тяготѣнія къ Риму, не рѣшился заключать положительно объ обрядѣ Меѳодіева богослуженія, поставивши только по этому поводу вопросъ и возбудивши излишнее сомнѣніе: Methodius *aut graece aut latine* perrexisset dicere missam.... Hoc ergo nobile Græcorum par fratrum Moravis jam per duas aetates christianis sacra procurabat, *lingua rituque nescias graecone an*, cui assueti erant *latino* Moravi [173]. Мы говоримъ излишнее сомнѣніе, во-первыхъ, по тому, что солунскимъ братьямъ, какъ уроженцамъ греческимъ, легче было переводить съ греческаго языка и вовсе не было нужды устраняться отъ этой легкости, въ силу сохранявшагося еще единства церковнаго: самъ Копитаръ, какъ-бы въ оправданіе греческаго обряда солунцевъ, замѣчаетъ: *nec enim schisma extiterat* [174]; а если раскола еще не развилось, ежели греческіе и латинскіе оригиналы одинаково признавались достойными, то нѣтъ и основаній обременять Кирилла и Меѳодія излишнимъ трудомъ перевода съ незнакомаго имъ вовсе или съ знакомаго въ слабой степени языка латинскаго. Во-вторыхъ, что переводы славянскихъ первоучителей составлены по текстамъ греческимъ, очевидно доказывается свойствами языка и тѣми мелкими уклоненіями, какія успѣли образоваться въ обѣихъ церквахъ. Съ давнихъ поръ истина этого принималась и католиками и протестантами; между ними укажемъ на главнѣйшихъ: Странскаго, Добровскаго, Дюммлера, Кессинга [175]. Шафарикъ, подробнымъ своимъ изслѣдованіемъ древ-

[173] Slavische Bibliothek von Miklosich, Wien, 1859, стр. 59—64.

[174] Тамъ-же.

[175] Pauli Stransky, Respublica Bojema, Amstel. 1713; Mähris.

нѣйшихъ текстовъ старо-славянскихъ и сравненіемъ ихъ съ греческими и латинскими, поставилъ эту истину внѣ всякаго сомнѣнія [176]. Что такой выводъ, въ одинаковой мѣрѣ, долженъ относиться и къ обрядовой сторонѣ, къ различнымъ частямъ богослуженія Меѳодіева, доказывается отрывками памятниковъ старо-славянскихъ, восходящихъ къ эпохѣ дѣятельности на западѣ св. братьевъ и къ остаткамъ обрядовъ въ современной католической церкви у западныхъ славянъ, чисто восточныхъ, могшихъ занестись въ эти страны только во время Кирилла и Меѳодія. Въ первомъ отношеніи, особенно замѣчательны свѣтильны и антифоны, открытые на глагольскомъ письмѣ въ Прагѣ, съ особенностями языка чешско-славянскаго, и принадлежащіе греческой церкви [177]: если-бы и сомнительна была древность письма этихъ отрывковъ [178], возводимая Шафарикомъ къ эпохѣ жизни Кирилла и Меѳодія, то невозможно отрицать этой древности, относительно первоначальнаго перевода этихъ свѣтиленъ и антифоновъ. Въ числѣ остатковъ восточнаго обряда при богослуженіи, докторъ Билый, не сомнѣвающійся въ греческой литургіи Меѳодія, ставитъ обрядъ освященія воды, 6 января, сохранившійся донынѣ въ агендѣ моравской. „Онъ, продолжаетъ Билый, совершается и въ Чехіи и составляетъ отрывокъ греческой литургіи, идущей отъ св. Кирилла и Меѳодія; ни одна сосѣдняя епархія, ни въ Силезіи, ни въ Польшѣ, ни въ Австріи, ни даже въ Венгріи, не знаетъ во-

---

Leg., стр. 91; Archiw für Kunde österreich. Geschichtsquellen, X и XIII Bd.; Liturgische Vorlesungen über die h. Messe Regensburg. 1856, стр. 140, v. Kössing.

[176] Památky hlaholského písemnictví, v Praze. 1853, стр. 28—42.

[177] Glagolitische Fragmente, Von Höfler und Šafařik, Prag, 1857.

[178] Срезневскій, Изв. 2 отд. акад. наукъ, т. VI, листы 136 — 137.

все этого обряда, длинныя молитвы котораго, часто повторнемыя заклятія и благословенія крестомъ свидѣтельствуютъ явственно о греческомъ его происхожденіи“ [179].

И такъ, если не должно подлежать сомнѣнію истинное православіе, восточное, въ Меѳодіи, во все время его пребыванія на западѣ и сношеній съ Римомъ, если и самыя насильственныя натяжки въ толкованіи современныхъ источниковъ не въ состояніи убѣдить въ противномъ, то ни сколько не менѣе достовѣрно, что, на основаніи тѣхъ-же источниковъ, политика римскаго двора обнаруживаетъ въ себѣ полнѣйшую неискренность и недобросовѣстность, направленныя единственно на удовлетвореніе личныхъ цѣлей и только прикрытыя кажущеюся заботливостью о первоучителяхъ славянскихъ и о ихъ благотворной дѣятельности. Краткій взглядъ на послѣдующія отношенія римской церкви, какъ къ личности Кирилла и Меѳодія, такъ и къ трудамъ ихъ, оправдаетъ всецѣло наше заключеніе; а сравненіе съ отношеніями къ тому-же восточной церкви, въ свою очередь, выставитъ еще ярче непрерывавшееся единство ея съ солунцами и неразрывное родство съ нею послѣднихъ.

---

[179] Sv. Apoštol., тамъ-же.

Г. Какъ относилась и та и другая церковь къ трудамъ Кирилла и Меѳодія, какъ отразилась память о нихъ и въ той и другой и какими послѣдствіями сопровождалась она въ обѣихъ частяхъ міра славянскаго?

Внимательный читатель пойметъ важность этихъ вопросовъ, проникающихъ въ самыя коренныя начала жизни славянскихъ народовъ. Отъ того или иного рѣшенія ихъ должна была необходимо получить и особое направленіе самая жизнь, вся исторія славянъ: твердое слѣдованіе по стопамъ солунскихъ братьевъ, сохраненіе въ чистотѣ ихъ ученія — ручались за самобытное развитіе народа, за ту независимость духа, какую неуклонно поддерживали и проводили въ жизнь св. Кириллъ и Меѳодій; на-оборотъ, отступничество отъ указаннаго ими пути, равнодушіе къ тѣмъ основаніямъ, за которыя боролись послѣдніе во все время земной своей дѣятельности и которыя служили могущественнѣйшимъ орудіемъ духовной свободы, могли свидѣтельствовать только о ея слабости, о подавленіи и порабощеніи ея тому чуждому вліянію, противъ котораго являлись неумолимыми борцами Кириллъ и Меѳодій. Здѣсь зародышъ и корень гибельнаго раздвоенія славянъ не въ вѣроисповѣдномъ только смыслѣ, а во всѣхъ существеннѣйшихъ условіяхъ жизни, въ силу основнаго различія характера и духа, какое развилось и упрочилось въ томъ и другомъ вѣроисповѣданіи.

Стараясь, по возможности, касаться только главнѣйшихъ моментовъ, мы укажемъ на способы и условія, при какихъ установилось это раздвоеніе, или, что то-же самое, на обстоятельства и средства, какими воспользовался западъ для устраненія нѣкоторыхъ славянъ отъ предначертаннаго пути св. братьями и для порабощенія ихъ своему духовному и государственному господству. Этотъ обзоръ уяснитъ и докажетъ намъ еще больше несомнѣнность той коварной и разсчитанной политики Рима, которую видѣли мы во всѣхъ его сношеніяхъ съ первоучителями славянъ.

Разсмотримъ: во 1) прежде всего, что сталось съ плодами заботливости и трудовъ Меѳодія въ Моравіи; во 2) какъ, вскорѣ по его смерти, распорядился Римъ съ славянскимъ богослуженіемъ въ Далмаціи, и въ 3) какимъ образомъ относился онъ къ нему въ другихъ земляхъ славянскихъ и какой обнаруживалъ взглядъ на ограниченное кое-гдѣ допущеніе его.

Мы видѣли уже, что Святополкъ охотно предоставилъ управленіе панноско-моравскою епархіей Вихингу, руководимый пріязнію въ ту пору вообще къ нѣмцамъ и въ частности дружбою къ Арнульфу. Эти опасныя чувства къ злымъ врагамъ славянства опредѣляли политику князя моравскаго въ дѣлахъ церковной администраціи и въ послѣдующее время. Вотъ почему, перемѣны въ отношеніяхъ къ нѣмцамъ влекли за собою перевороты и въ послѣдней. Потомство можетъ только сожалѣть, что такія перемѣны явились слишкомъ поздно и не дали времени Святополку воспользоваться опытностью и убѣжденіемъ во вредныхъ умыслахъ нѣмцевъ какъ относительно церкви моравской, такъ и политическаго быта Моравіи: только въ последніе годы своей жизни окончательно могъ убѣдиться Святополкъ, что дружбою съ Арнульфомъ онъ служилъ лишь ору-

діемъ его плановъ, обращенныхъ на гибель собственнаго государства; Арнульфъ же, въ свою очередь, умѣлъ искусно извлекать для себя всѣ выгоды изъ дружбы князя моравскаго. Такъ, черезъ два года послѣ смерти Меѳодія, онъ воспользовался помощью Святополка въ борьбѣ съ Карломъ III, назначившимъ было наслѣдникомъ себѣ на нѣмецкомъ престолѣ незаконнаго своего сына, Бернарда, и сдѣлался самъ королемъ нѣмецкимъ [1]. Пріязнь между обоими правителями была до такой степени велика въ это время, что папа Стефанъ, узнавши о съѣздѣ ихъ въ 890 году, обратился съ просьбою къ Святополку, чтобы онъ побудилъ Арнульфа поспѣшить въ Италію и устроить тамъ запутанныя дѣла [2]. Но этотъ-же самый съѣздъ положилъ и начало несогласіямъ, завершившимся черезъ два года опустошительною войною. Трудно указать на причины несогласій, потому что современные лѣтописцы молчатъ объ этомъ; но едва-ли не шелъ вопросъ о подчиненіи Моравіи верховному господству нѣмецкому, такъ-какъ Арнульфъ, ставши королемъ, тѣмъ болѣе признавалъ возможнымъ домогаться прежней зависимости Моравіи отъ нѣмцевъ, что въ его рукахъ находилась и значительная часть Панноніи.

Война, впрочемъ, началась не раньше 892 года. Какъ силенъ былъ Святополкъ и какъ опасенъ врагамъ своимъ, всего нагляднѣе видно изъ приготовленій Арнульфа: независимо отъ собраннаго имъ огромнаго войска среди нѣмцевъ и условленной военной помощи отъ по-савскихъ хорватовъ и хорутанъ,

---

[1] Arnulphus cum manu valida Noricorum et *Sclavorum* supervenit et ei molestus efficitur. . . ipsumque sine mora statuerunt ad regem extolli. Annal. Fuld., ad an. 887. Pertz I. 105.

[2] Тамъ-же, стр. 407.

онъ пригласилъ еще и остановившихся подъ Карпатами мадьяровъ [3]. Съ трехъ сторонъ долженъ былъ отражать Святополкъ непріятелей, — и, не смотря на такое стѣсненіе, вышелъ полнымъ побѣдителемъ не только въ этомъ году, но и въ слѣдующихъ, 893 и 894, когда Арнульфъ возобновилъ свои походы. Но 894 годъ былъ и годомъ смерти Святополка.

Весьма понятно, что при столь враждебныхъ отношеніяхъ къ нѣмцамъ, при давнишней тѣсной дружбѣ Вихинга съ Арнульфомъ, не могъ Святополкъ не позаботиться о немедленномъ же удаленіи митрополита; и дѣйствительно, въ 893 уже году, мы находимъ Вихинга исправляющимъ должность секретаря Арнульфова [4]. Во весь этотъ семи-лѣтній промежутокъ (885 — 892), Вихингъ, оказывается, совершенно свободно, безъ малѣйшаго противорѣчія съ чьей бы то ни было стороны, управлялъ, въ качествѣ митрополита, епархіей паннонско-моравской; это обстоятельство одно можетъ ручаться за согласіе папы, а слѣдовательно и за дѣйствительность Стефанова посланія, которымъ не только Вихингъ признается достойнымъ митрополитскаго сана, но и приглашается самъ князь замѣ-

---

[3] Напрасно нѣкоторые нѣмцы усиливаются доказать отсутствіе соглашенія между мадьярами и Арнульфомъ, какъ напр., Дюммлеръ (Südöstlich. Marken, стр. 54); сами же нѣмецкіе лѣтописцы положительно свидѣтельствуютъ, что мадьяры явились на равнинахъ Паннонін единственно по призыву Арнульфа. Срв. Видукинда (Pertz, V, 426), Люитпранда (тамъ-же, 279), а также и Annal. Fuld., ad an. 892.

[4] См. Hansiz, Germania Sacra, Вѣна, 1755 I, стр. 167; на многихъ грамматахъ Вихингъ подписывается: piissimi regis cancellarius.

нить имъ немедленно же Мееодія. Въ противномъ случаѣ, снова представится не постижимымъ равнодушіе двора римскаго къ безпрепятственному и спокойному занятію, столь долгое время, высшаго іерархическаго званія лицемъ, которое, по увѣренію и католическихъ писателей, не могло не считаться преступнымъ, въ глазахъ папы; необъяснимость такого поведенія Рима тѣмъ должна быть страннѣе, что отдѣленіе митрополіи паннонской отъ Зальцбурга и Пассавы ставило ея представителя въ непосредственную зависимость отъ папы.

Понятно, что, по удаленіи Вихинга, Святополку было не до церковнаго устройства: всѣ помыслы его и вся энергія должны были обратиться на отраженіе грозной опасности внѣшней. Не возможно было ожидать ничего лучшаго въ этомъ отношеніи и отъ преемника Святополкова, Мойміра, стѣсненнаго еще болѣе, въ слѣдствіе семейныхъ раздоровъ, которые не преминули нѣмцы, какъ и всегда, обратить въ свою пользу. Напрасны были усилія Мойміра сохранить и поднять окруженную со всѣхъ сторонъ врагами Моравію, напрасно думалъ онъ помочь бѣдѣ и союзомъ съ нѣмцами, — Моравія, очевидно, доживала послѣднія минуты своей самостоятельности, пока, наконецъ, нападеніе мадьяровъ, въ 907 году, не опустошило въ конецъ этой области и не доставило тѣмъ самаго легкаго средства для нѣмцевъ упрочить на-всегда господство надъ нею. Исторія, среди страшнаго вихря мадьярскаго, не сохранила даже и извѣстія о погибели послѣдняго изъ князей моравскихъ. Но чѣмъ глубже впадала въ безсиліе Моравія, чѣмъ ближе видѣлся скорый конецъ ея, тѣмъ внимательнѣе и настойчивѣе становилась нѣмецкая іерархія въ своихъ претензіяхъ на возстановленіе прежняго своего владычества.

Первый опытъ соединенія церкви моравско-паннонской съ

митрополіей нѣмецкой сдѣланъ былъ еще Вихингомъ, котораго Арнульфъ, за годъ до своей смерти, въ 898 году, успѣлъ посадить на епископскій престолъ пассавскій, упраздненный смертію Енгильмара. Недолго, однакоже, наслаждался Вихингъ; менѣе чѣмъ черезъ два года, какъ ненавистный и самымъ нѣмцамъ, онъ былъ свергнутъ зальцбургскимъ митрополитомъ и замѣщенъ Рихгаромъ [5]. Конечно, митрополія зальцбургская не могла терпѣть въ средѣ своей іерарха, который, разумѣется, пользуясь правами независимаго митрополита паннонскаго, не думалъ оказывать подчиненія Зальцбургу; съ другой стороны, было бы неблагоразумно не употребить въ пользу и правъ Вихинга на церковь моравскую и паннонскую, правъ, столь упорно нѣмцами отстаивавшихся при Адріанѣ II и Іоаннѣ VIII и такъ усильно допскивавшихся во все слѣдующее время. Но если прежде, въ пору могущества князей моравскихъ, эти усилія должны были оставаться безъ успѣха, то теперь, при полномъ распаденіи Моравіи, іерархамъ нѣмецкимъ не представлялось болѣе препятствій, и они приступили къ тому рѣшительному шагу, который дерзостью своею изумляетъ и до сихъ поръ поклонниковъ величія папскаго [6].

Мы разумѣемъ посланіе зальцбургскаго духовенства къ папѣ Іоанну IX, отъ 900 года. Важность его опредѣляется многими условіями: черезъ него, во-первыхъ, узнаемъ мы кое-что о намѣреніяхъ и распоряженіяхъ Моймира, относительно церковнаго устройства въ несчастной Моравіи; во-вторыхъ,

---

[5] Wichingus, Alamannus quidam, contra instituta patrum, primum Maravensis ab apostolico destinatus episcopus rege succedente successit. Sed non multo post a Deotmaro archiepiscopo. . . . canonicali judicio abjectus. . . est. Annal. Fuld., ad an. 899.

[6] Срв. Гачкій, стр. 392—93.

усматриваемъ съ полною прозрачностью образъ мыслей нѣмецкой митрополіи о церкви славянской и о государствѣ моравскомъ; въ-третьихъ, замѣчаемъ дѣйствительное, т. е. ложное, натянутое положеніе папы какъ по отношенію къ нѣмецкой іерархіи, такъ и по отношенію къ устроившейся было церкви славянской и ея представителю Меѳодію [7]. Судя потому, что посланіе это шло отъ имени зальцбургскаго архіепископа и отъ пяти подчиненныхъ ему епископовъ, въ числѣ которыхъ помѣщенъ и Рихгаръ пассавскій, можно съ увѣренностью заключать, что оно было результатомъ предварительнаго совѣщанія, быть можетъ, и весьма вѣроятно, даже церковнаго собора.

Поводъ къ такому дѣйствію митрополіи нѣмецкой выраженъ въ самомъ началѣ посланія, и онъ-то предлагаетъ, правда, очень неопредѣленныя, данныя для уразумѣнія тогдашняго состоянія церкви въ Моравіи. Нѣмецкіе іерархи вызваны были къ письменному обращенію въ Римъ, по собственному ихъ сознанію, недавнимъ папскимъ распоряженіемъ. Послѣднее состояло въ томъ, что Іоаннъ IX, около 900 года, отправилъ въ Моравію одного архіепископа и двоихъ епископовъ, съ тою цѣлью, чтобы они устроили церковь моравскую. Посланные, какъ видно изъ письма, не замедлили раздѣлить паннонскую митрополію на три епископства съ подчиненіемъ ихъ особенному митрополиту, въ качествѣ архіепископа; едва-ли не успѣ-

---

[7] Посланіе это напечатано въ Acta Conciliorum Гардуина, Paris, 1746, въ VI томѣ; у Mansi (XVII, 253—55), у Бочка (Cod. diplom. Mor., I, 60 и слѣд.) и цѣликомъ перепечатано потомъ Гинцелемъ, въ приложеніи къ исторіи славянскихъ апостоловъ, стр. 68—72.

ли уже они и выбрать во всѣ эти званія кандидатовъ [a]. Принимая свѣдѣніе это за фактъ несомнѣнный, нельзя не признать, что папа былъ побужденъ къ этому, вѣроятнѣе всего, особою просьбою Мойміра. Къ 898 году, когда возсѣлъ на папскій престолъ Іоаннъ IX, положеніе Моравіи какъ-будто нѣсколько успокоилось: мадьяры стали устремлять свои опустошительные набѣги и въ другія стороны, въ Германію и даже въ Италію, а нѣмцы увидѣли необходимость защищать самихъ себя отъ враговъ, которыхъ вызвали они на гибель славянъ. Не удивительно, что вниманіе князя обратилось и на церковь, представлявшую самое плачевное состояніе. Съ 892 года не было уже митрополита; большинство духовенства, во время непрерывныхъ и губительныхъ войнъ, частью было избито, частью разбѣжалось; церкви лежали въ грудахъ развалинъ, особенно въ Панноніи, гдѣ, по словамъ тѣхъ-же зальцбургскихъ іерарховъ, путешественникъ не встрѣчалъ болѣе ни одного храма [b]. Чтобы помочь этому горю и въ то-же время сохранить прежнюю независимость своей церкви отъ нѣмцевъ, Мойміръ и обратился къ папѣ. Іоаннъ IX, должно-быть, очень близко принялъ къ сердцу вопросъ этотъ, потому-что немедленно-же отправилъ упомянутыхъ кардиналовъ; поспѣшность вполнѣ понятная, если мы сообразимъ интересъ римскаго двора держать въ непосредственной отъ себя зависимости епархію паннонскую, интересъ, за который такъ упорно ратовали

---

[a] Въ письмѣ читаемъ: intrantes praedicti episcopi in nomine vestro, ut ipsi dixerunt, ordinaverunt... unum archiepiscopum et tres suffraganeos ejus episcopos.

[b]... ita ut in tota Pannonia, nostra maxima provincia, tantum una non appareat ecclesia, prout episcopi a vobis destinati, si fateri velint, enarrare possunt.

и Адріанъ II и Іоаннъ VIII и ради котораго допустили они даже назначеніе въ архіепископы грека Меѳодія и славянское богослуженіе. Было бы не практично со стороны одного изъ ближайшихъ преемниковъ ихъ добровольно отречься отъ добытаго права, да и опасно, при мысли, что Моймірь, въ противномъ случаѣ, можетъ повернуться къ тому-же востоку, откуда вызвалъ проповѣдниковъ Ростиславъ, лишь-бы только отвязаться отъ нѣмцевъ.

Современные писатели католическіе съ натянутою радостью хватаются за это посланіе, основывая на немъ не только заботливость *святаго отца* объ устройствѣ церкви моравской, но и готовность возстановить въ ней прерванное богослуженіе славянское. Противъ перваго положенія не возстаемъ и мы; считаемъ его даже вполнѣ согласнымъ съ давними видами римскихъ первосвященниковъ на Паннонію; что-же касается до славянской службы, то на столько-же не можемъ вѣрить въ добросовѣстность отзывовъ Гинцеля и Рачкаго, на сколько противорѣчитъ вообще искренности покровительства этой службѣ римская политика и въ то время, когда она могла еще казаться надежнымъ орудіемъ латинской пропаганды. Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ могъ опираться Гинцель въ своемъ утвержденіи, будто *при Моймірѣ, съ прежнею церковною системою, получило прежнія права и честь и богослуженіе славянское, къ величайшему торжеству славо-моравскаго народа*? [10]. Гдѣ нашелъ подтвержденіе и г. Рачкій положитель-

---

[10] Es sey unter Moymir mit dem alten Kirchensysteme auch der slavische Cultus wieder in seine alten Ehren und Rechte eingesetzt worden, zum grossen Jubel des gesammten slawischen Mährenvolkes. Стр. 100, прим. 12.

ному своему приговору, будто *moravski narod opet dobiše iz ruk apoštolske stolice domaću hierarchiu*, будто *slovjenska liturgija imala je opet oživljeti?* [11]. Для сужденія объ этомъ событіи служитъ единственнымъ источникомъ разсматриваемое нами посланіе, а въ немъ нѣтъ и помину ни о народной іерархіи, ни о славянской службѣ; между-тѣмъ, если-бы и та и другая дѣйствительно были введены присланными изъ Рима кардиналами, то зальцбургское духовенство не преминуло бы выставить это на видъ, какъ новое подтвержденіе раскола славянскаго, какимъ очерчиваетъ оно въ томъ-же письмѣ всю эпоху Меѳодіеву. Напротивъ, въ немъ говорится только противъ отчисленія въ самостоятельныя епархіи Панноніи, чего не могли допустить нѣмцы и въ-слѣдствіе чего рѣшились отправить многорѣчивое свое посланіе папѣ. Мы даже не рѣшаемся утверждать и того, будто кардиналы, явившись въ Моравію, успѣли уже до составленія посланія и посвятить троихъ епископовъ съ архіепископомъ, не рѣшаемся потому, а) что срокъ чрезвычайно коротокъ [12], б) что выраженіе посланія ordinaverunt говоритъ скорѣе лишь о назначеніи, распоряженіи, а вовсе не о посвященіи. Да и можно ли предположить на-столько достойныхъ людей изъ послѣдователей Меѳодія, рѣшившихся остаться подъ митрополіей Вихинга въ Моравія, чтобы такъ легко было выбрать изъ нихъ троихъ епископовъ и архіепископа? Стоитъ только припомнить поступокъ нѣмцевъ съ учениками

---

[11] Стр. 392.

[12] Іоаннъ IX избранъ папою въ половинѣ іюня 898 года; письмо же писано въ Зальцбургѣ не позже половины іюля 900, когда умеръ Іоаннъ, и не раньше 21 генваря того-же года, когда сдѣлался королемъ Людовикъ, сынъ Арнульфа, упоминаемый въ посланіи.

славянскихъ апостоловъ тотчасъ по смерти Меѳодія, чтобы не сомнѣваться въ искорененіи Вихингомъ, въ теченіе семилѣтняго управленія имъ церковью моравскою, всего, что носило на себѣ печать творенія и духа его предшественника. По удаленіи же Вихинга, въ бѣдственную пору войнъ въ Моравіи съ нѣмцами и мадьярами, слѣдуетъ предположить только удаленіе изъ этой области, а не приходъ или возвращеніе въ нее. Независимо отъ этого, не должно забывать и интересовъ папскихъ: для папы важно было поддержать, если можно, митрополію моравско-паннонскую, окончательно отторгнувши ее отъ нѣмцевъ и пріурочивши своему вѣдѣнію; что-же касается до славянской службы, то онъ только могъ радоваться состоявшемуся прекращенію ея спокойнымъ образомъ, безъ всякаго ущерба, и, по утвердившемуся принципу исключительнаго латинства въ Римѣ, скорѣе признавалъ бы возстановленіе ея тѣмъ болѣе за величайшее неблагоразуміе, что не было, при политической слабости Моравіи, при очевидномъ ея распаденіи и отторженности отъ востока дикими азіатцами, и настоятельной надобности. Увѣрены, что въ душѣ сознаютъ это и Гинцель съ Рачкимъ, и вотъ почему позволили мы себѣ назвать радость ихъ натянутою. Нѣтъ, папа заботился о себѣ и не думалъ о славянской службѣ; Моймиръ же на-столько былъ слабъ, что не имѣлъ и основаній настаивать на введеніи послѣдней, если-бы, по примѣру Ростислава, и желалъ ея: для него было уже большимъ пріобрѣтеніемъ хотя сохраненіе независимости своей церкви отъ нѣмецкой митрополіи, въ чемъ его виды вполнѣ согласовались съ папскими.

Но, видно, нѣмцы не спускали глазъ съ Моравіи, слѣдили за каждымъ ея шагомъ и приготовились уже воспользоваться политическимъ ослабленіемъ ея для возстановленія прежняго

своего господства и въ церковномъ отношеніи. Мы вполнѣ убѣждены, что прибытіе кардиналовъ въ Моравію служило поводомъ только къ ускоренію заявленія передъ папой установившейся еще прежде ихъ рѣшимости; осужденіе и низверженіе ими Вихинга не за-долго до посылки письма въ Римъ говоритъ убѣдительно въ пользу ранней задуманности ихъ дѣйствовать энергически. Вихингъ, какъ епископъ пассавскій и въ то-же время митрополитъ паннонскій, представлялъ собою самое трудное препятствіе: при буйномъ и властолюбивомъ его характерѣ, нельзя было надѣяться на уступку имъ правъ на Паннонію въ угоду зальцбургской или другой митрополіи; надобно было лишить его сана епископства, хотя въ Пассавѣ, и тѣмъ очистить почву въ самой Панноніи, гдѣ, въ-слѣдствіе совершеннаго опустошенія страны, не могъ онъ разыгрывать роль митрополита; въ Моравію же показаться ему было весьма опасно, при несомнѣнной къ нему враждѣ славянъ и безъ свѣтской поддержки, которой лишился онъ со смертію Арнульфа. Но едва устранено было одно препятствіе низверженіемъ Вихинга, какъ появленіе изъ Рима кардиналовъ выставило другое, тѣмъ болѣе опасное, что въ немъ высказывалось намѣреніе самого папы удержать по прежнему отдѣльность Панноніи отъ митрополіи нѣмецкой. Противъ этого-то существеннѣйшимъ образомъ и было направлено письмо зальцбургскихъ іерарховъ.

Главною задачею посланія было доказать неотъемлемость правъ нѣмецкой митрополіи на церковь паннонско-моравскую и беззаконность посягательства всякой иной власти. Но ежели ни мало не удивительно подобное усиліе нѣмцевъ, то нельзя не поражаться дерзкимъ тономъ, положительною ложью и явнымъ пренебреженіемъ къ постановленіямъ высшей церковной администраціи, какія даютъ себя чувствовать въ каждой мысли

упомянутаго посланія. Понятно, что и тутъ духовенство нѣмецкое возводитъ свои права къ началу христіанства среди славянъ и указываетъ на продолжительную и безспорную, долгое время, практику своего управленія; въ числѣ доказательствъ приводится и свободный сборъ дани, какъ свѣтскою властью нѣмецкою, такъ и духовною. Вообще, все посланіе ставитъ въ неразрывную связь оба рода зависимости славянъ отъ нѣмцевъ. О пребываніи въ Моравіи и Паннонія Меѳодія, объ образованіи изъ этихъ странъ, усильными хлопотами двоихъ папъ, особой митрополіи нѣтъ и помину: какъ будто-бы никогда и не было архіепископства Меѳодія и какъ будто не существовало распоряженія римскаго о возстановленіи епархіи св. Андроника. Припомнимъ, что въ главѣ подписавшихъ посланіе былъ архіепископъ Теотмаръ, тотъ самый, который, ради своего утвержденія въ этомъ званіи, находилъ себя вынужденнымъ признать требованіе папы, на-счетъ самостоятельности новой митрополіи. Отчужденіе славянъ отъ *законной* митрополіи зальцбургской является въ посланіи совершенно случайнымъ, плодомъ дьявольскаго навожденія, отступничества отъ христіанской вѣры, въ слѣдствіе котораго славянскій народъ съ оружіемъ въ рукахъ сталъ нападать на своихъ пастырей; такъ-что не было больше возможности являться къ нему ни епископамъ, ни проповѣдникамъ; словомъ, сталъ дѣйствовать самовольно, какъ хотѣлъ [13].

Такимъ образомъ, весь періодъ Меѳодіева управленія, утвержденнаго и одобреннаго двоими папами, представленъ въ пись-

[13]. . . usque dum incessente corda eorum diabolo christianitatem abhorrere et omnem justitiam detrectare belloque lacessere et obsistere sævissime cœperunt; adeo, ut via episcopo et prædicatoribus illuc non esset, sed libitu suo egerunt, quæ voluerunt.

32

мѣ къ Іоанну IX эпохою какого-то язычества славянъ, порою полнѣйшей анархіи церковной. Что касается до Вихнига, котораго нельзя было пройдти молчаніемъ, какъ нѣмца, посвященнаго самимъ папою въ епископа нитрапскаго и потомъ сдѣлавшагося епископомъ пассавскимъ, то духовенство зальцбургское объясняетъ это уклоненіе тѣмъ, что Вихнигъ посвященъ по просьбѣ князя Святополка и назначенъ къ новопросвѣщенному народу, только-что укрощенному войною и едва обращенному изъ язычниковъ въ христіанъ. Другими словами — онъ вовсе не былъ епископомъ-суффраганомъ, въ давно устроенной епархіи и въ подчиненіи особому архіепископу, т. е. Меѳодію, а въ качествѣ лишь епископа in partibus infidelium.

Въ связи съ паденіемъ христіанства изображается нѣмецкими іерархами и высвобожденіе славянъ изъ-подъ политической зависимости отъ нѣмецкихъ королей. Само-собою понятно, что это высвобожденіе выставляется мятежемъ противъ законной власти. Такъ, самая блестящая эпоха жизни государственной и церковно-религіозной моравапъ, во время Ростислава, Святополка и Меѳодія, обратилась въ мрачную картину безначалія и мятежа, среди котораго погибли сѣмена христіанства и народъ спустился на степень одичавшихъ язычниковъ! Подобнымъ образомъ можно было писать только тогда, когда расшаталось государство моравское и когда прояснѣли надежды нѣмцевъ на скорое и окончательное порабощеніе его подданныхъ; только оказавшеюся во всѣхъ частяхъ слабостью Моравіи возможно объяснить и хвастливо-самоувѣренное убѣжденіе ихъ въ томъ, что славяне *sive velint, sive nolint, regno nostro subacti erunt* (волею или неволею, а будутъ покорены нашему царству). Въ этихъ словахъ нельзя не видѣть взгляда нѣмцевъ на церковь славянскую: она могла возстать противъ

законной іерархіи въ то время, какъ ослабѣло политическое господство надъ страною у нѣмецкихъ королей; но съ возвращеніемъ этого господства, которое несомнѣнно, должна неизбѣжно возвратиться и прежняя власть іерархіи. Средневѣковый нѣмецкій принципъ — неразлучное соединеніе завоеваній церковныхъ съ государственными высказался тутъ самымъ нагляднѣйшимъ образомъ. Въ тѣхъ-же словахъ невозможно не отличить и прикрытой угрозы папѣ, обнаруживающей во всей наготѣ тотъ характеръ отношеній римской куріи къ Меѳодію и его дѣятельности, какой выведенъ нами выше изъ непосредственныхъ ихъ столкновеній. Нѣмецкіе іерархи какъ-будто говорятъ ему: ты, папа, поддерживалъ Меѳодія, а съ нимъ и отдѣльность славянской епархіи; но то было время силы и могущества моравскаго государства и безсилія власти нѣмецкой; теперь обстоятельства перевернулись: Моравія находится при послѣднемъ издыханіи, и порабощеніе ея господству короля нѣмецкаго не можетъ подлежать болѣе сомнѣнію, а потому и непрактично, ибо безполезно было бы поддерживать тебѣ слабѣйшихъ. Эта заключительная мысль, дѣйствительно, и поставлена въ слѣдъ за знаменательными словами: *quapropter oportet vos ab alto speculari et moderaminis temperiem prae omnibus tenere, ne pejor pars confortetur et melior infirmetur.*

Впрочемъ, подобное обращеніе къ папѣ является только въ видѣ намековъ; открыто же нѣмецкіе іерархи не допускаютъ и мысли, чтобы апостольскій престолъ участвовалъ въ преступномъ матежѣ славянскомъ и даже поддерживалъ отчужденность славянъ отъ законной власти. Это ясно не только изъ опущенія ими свѣдѣній о Меѳодіи и о папскихъ распоряженіяхъ касательно устройства митрополіи паннонской, но и изъ недовѣ-

рія къ дѣйствительности посольства папою кардиналовъ: нѣмецкіе епископы представляются въ посланіи сильно невѣрующими, чтобы, въ самомъ дѣлѣ, въ прибытіи кардиналовъ принималъ участіе *святой отецъ*, котораго столь льстивымъ и заискивающимъ образомъ очерчиваютъ они въ началѣ письма, величая непоколебимымъ столпомъ правоты и законности. Дѣйствовать же въ смыслѣ отдѣленія славянской церкви, по понятіямъ нѣмцевъ, верхъ беззаконія; вотъ почему, при всякомъ упоминаніи о кардиналахъ, они и ссылаются только на ихъ личныя утвержденія, будто они присланы самимъ папою: *ut ipsi promulgaverunt, ut ipsi dixerunt.*

Подъ конецъ посланія, исчисливши права свои на церковь паннонско-моравскую, подтвердивши ихъ многими ссылками на соборы и на опредѣленія папскія, епископы нѣмецкіе убѣждаютъ Іоанна IX не вѣрить ни въ чемъ безбожнымъ славянамъ, а вѣрить только имъ однимъ, вѣрить, что всеобщая скорбь наполняетъ подданныхъ цѣлой Германіи и подчиненнаго ей Норика, по случаю разрыва церковнаго; рядомъ съ такимъ убѣжденіемъ и просьба исправить апостольскою властью то, что произведено коварствомъ и злобою славянъ, чтобы дать право торжествовать и народу отъ соблюденія вѣры, порадовать и святую церковь возвращеніемъ мира.

Но зальцбургское духовенство не ограничилось однимъ собственнымъ посланіемъ; оно убѣдило сдѣлать то-же и архіепископа майнцскаго, Гаттона, письмо котораго къ папѣ получено въ Римѣ въ одно и то-же время [14]. И Гаттонъ одинаково даетъ понять папѣ несправедливость и беззаконность обособле-

[14] Напечатано оно также у Гардуина (Т. VI, стр. 481) и у Манси (XVIII, 203).

нія паннонско-моравской епархіи и точно такъ-же рѣшительно высказываетъ неотъемлемость правъ нѣмцевъ на Моравію. Взглядъ на нераздѣльность господства политическаго и церковнаго и здѣсь выраженъ съ такою-же силою и, что замѣчательно, тѣми-же словами и еще съ яснѣйшимъ оттѣнкомъ угрозы *святѣйшему отцу*: si vestra admonitio illos non correxerit, пишетъ Гаттонъ, velint, nolint, Francorum principibus colla submittent. Другими словами: все равно, какъ бы ни думалъ и ни дѣйствовалъ ты, папа, нѣмцы не посмотрятъ на тебя, и славяне будутъ покорены ихъ господству.

Какой пріемъ могли ожидать оба посланія у папы? Принимая въ соображеніе упрочившееся положеніе папы, къ концу IX столѣтія, на западѣ, какъ верховной главы всей церкви, какъ намѣстника на землѣ самого Спасителя, соображая грубую невнимательность, близкую къ презрѣнію, къ самымъ заботливымъ распоряженіямъ этого намѣстника, со стороны подчиненнаго ему духовенства, полнѣйшее самоволіе послѣдняго соединенное съ угрозами всякому, кто бы рѣшился остановить такое самоволіе, не исключая самого папы, соображая все это, нельзя не ожидать глубокаго оскорбленія въ Іоаннѣ IX и энергическаго противодѣйствія столь очевидному униженію верховной власти папской. Въ самомъ дѣлѣ, Іоаннъ IX не могъ не оскорбляться и лично за себя, потому что не могъ отказаться отъ посольства кардиналовъ въ Моравію, признаннаго въ нѣмецкомъ посланіи беззаконнымъ вмѣшательствомъ въ чужія дѣла; еще больше ему предстояло права и обязанности оскорбляться за своихъ предшественниковъ, постановленія и дѣйствія которыхъ сопоставлены нѣмецкою іерархіею съ самою мрачною эпохою анархіи церковной, а Меѳодій, посвященный въ епископа Адріаномъ, признанный правовѣрнымъ какъ отъ него,

такъ и отъ Іоанна VIII, обласканный не разъ въ Римѣ, уполномочивавшійся дважды, послѣ тщательныхъ изслѣдованій его ученія, на управленіе отдѣленною положительнымъ актомъ митрополіею паннонскою, этотъ Меѳодій, хотя и безъ обозначенія имени, изображенъ какимъ-то татемъ и разбойникомъ, виновникомъ въ расколѣ нѣмецкой церкви, въ одичаніи народа и въ ниспроверженіи всѣхъ зародышей христіанства, которое удалось утвердить нѣмцамъ въ Паннопіи и Моравіи. Кажется, довольно основаній, чтобы рѣшительно вступиться за права свои, — и тѣмъ не менѣе, не слышно ни одного звука изъ Рима ни въ этомъ году, ни послѣ; нѣтъ данныхъ даже и предполагать какое-либо движеніе папы противъ возмутительнаго произвола германской іерархіи, потому что послѣдняя успѣла вполнѣ и тотъ-часъ же достигнуть своей цѣли.

Уже въ томъ-же 900 году ворвалось баварское войско, въ соединеніи съ чехами, въ Моравію, и въ теченіе трехъ недѣль производило въ ней опустошенія[15]. Въ этомъ набѣгѣ нѣмцевъ нельзя не видѣть исполненія угрозъ, изложенныхъ въ письмѣ зальцбургцевъ и архіепископа Гаттона. Стѣсненный Моймíръ принужденъ былъ просить мира въ Регенсбургѣ, и въ 901 году мы находимъ уже пассавскаго епископа, Рихгара, посломъ въ Моравію, съ цѣлію снять присягу съ Моймíра въ сохраненіи имъ условій договора. Это посольство пассавскаго епископа служитъ единственнымъ указателемъ, что несчастный князь моравскій долженъ былъ, наконецъ, согласиться на признаніе притязаній нѣмецкой іерархіи и пожертвовать навсегда церковною самостоятельностью Моравіи.

---

[15] Bajoarii per Boëmiam, ipsis secum assumptis, regnum Marahanorum per tres hebdomades devastantes, tandem cum omni prosperitate domum reversi. Annal. Fuld., ad an. 900.

Такимъ образомъ, черезъ какихъ-нибудь пятьнадцать лѣтъ по смерти Меѳодія, уничтожено и второе право Моравіи, добытое грамадными усиліями, справедливое и естественное право имѣть самостоятельную и независимую церковь, уничтожено при такомъ-же мертвенномъ безучастіи римскаго престола, какое сопровождало и паденіе славянскаго богослуженія. А вѣдь и то и другое установлено было не только съ утвержденія папъ, но и съ видимымъ содѣйствіемъ ихъ, даже съ выпускомъ высокоторжественныхъ буллъ, въ которыхъ явственно опредѣлялись законность и святость правъ Моравіи на оба учрежденія. Откуда же холодность эта, убійственное равнодушіе римскихъ первосвященниковъ, въ виду насильственнаго ниспроверженія дѣла рукъ ихъ подчиненною имъ іерархіею? Неужели не доставало у нихъ силъ? Физическихъ силъ на столько собрать, конечно, было имъ трудно, чтобы парализовать насильственныя дѣйствія епископовъ нѣмецкихъ, энергически подкрѣпляемыхъ германскими королями; да и не въ нихъ была надобность, при рѣшеніи чисто церковныхъ вопросовъ; у папъ была другая сила, гораздо могущественнѣйшая: не при помощи же войскъ папскихъ вводилась славянская служба во время Меѳодія, безъ содѣйствія войскъ достигъ Іоаннъ VIII и признанія отдѣльной митрополіи моравской. Почему же не воспользовался Іоаннъ IX этою силою, единственно справедливою и законною въ дѣлахъ религіи? Пусть бы и не повиновались нѣмцы верховному его голосу, но онъ остался бы вѣчнымъ свидѣтелемъ, что высшій представитель церкви западной, *непогрѣшимый* первосвященникъ Рима, былъ чуждъ злѣйшаго нарушенія освященной соборными узаконеніями при его-же предшественникахъ правды и безучастенъ въ низведеніи на степень разбойниковъ лица, которое тѣми-же предшественниками признавалось образцемъ правовѣ-

рія, а отдаленными преемниками выдвинуто въ разрядъ первостепенныхъ святыхъ. Къ тому-же, папскій престолъ предлагалъ не мало примѣровъ, и прежде Іоанна IX и послѣ него, громкаго протеста въ тѣхъ случаяхъ, когда такой протестъ не поддерживался матеріальною силою и оставался не дѣйствительнымъ или временно или навсегда. Почему же въ настоящемъ случаѣ, папа остался и глухъ, и нѣмъ и слѣпъ передъ нѣмецкимъ нарушеніемъ узаконеній высшей администраціи церковной и передъ личнымъ своимъ оскорбленіемъ епископами Германіи?

Одна могла быть причина и безучастію Іоанна IX, это — внутреннее сочувствіе къ совершавшемуся факту, душевное довольство новыми обстоятельствами, которыя сами собою, помимо его, ниспровергали учрежденія, противныя, по крайней мѣрѣ опасныя, видамъ Рима, допущенныя и установленныя имъ единственно въ силу внѣшней необходимости, отчасти въ силу несостоятельныхъ разсчетовъ на церковныя черезъ нихъ завоеванія въ будущемъ. Не было больше въ живыхъ ни Ростислава, ни Святополка, которые славянскимъ своимъ могуществомъ и стремленіемъ къ общей государственной самобытности способны были подавлять римское нивеллированіе подъ форму латинскую; отодвинулись далеко на западъ и границы Моравіи, приводившія ее такъ недавно въ непосредственныя связи съ родственнымъ и знакомымъ востокомъ и державшія этимъ въ постоянной напряженной тревогѣ и боязни властолюбивые помыслы столицы папской за возможность между ними и церковнаго единенія: на престолѣ моравскомъ сидѣлъ теперь сдавленный отовсюду Моймиръ; сжатая въ самыя узкія рамки Моравія, отрѣзанная отъ общенія съ востокомъ дикими пришельцами, представляла впереди самую легкую добычу высоко поднявшихся

нѣмцевъ,—минута самая благопріятная, чтобы подвести и Моравію подъ общій уровень исключительнаго латинства и отнять у нея окончательно то, что дано ей вынужденно и что могло только содѣйствовать духовной независимости славянскаго народа, столь противорѣчащей принципамъ католичества. И если Стефанъ VI воспользовался равнодушіемъ Святополка къ славянскому богослуженію и выдвинулъ Вихинга, разсѣявшаго всѣ слѣды ученія Меѳодіева, то Іоаннъ IX не замедлилъ извлечь выгоды изъ государственной слабости Моравіи для уничтоженія и самостоятельности церкви моравской, подчинивъ ее снова господству Германіи, этой закаленной и надежнѣйшей губительницы всякой свободы славянской. Съ нашей точки зрѣнія на Римъ конца IX и X вѣка, не можемъ мы скрыть и еще одного обстоятельства, въ которомъ если и не намѣрены видѣть главнаго двигателя въ политикѣ Іоанна, то не въ силахъ не признать, по крайней мѣрѣ, ускоряющаго вліянія на рѣшимость папы смотрѣть сквозь пальцы на подвиги зальцбургской іерархіи въ Моравіи. Обстоятельство это заключается въ извѣстіи о высылкѣ папѣ денегъ, помѣщенномъ въ слѣдъ за подписью Теотмара [16] въ разсмотрѣнномъ посланіи зальцбургцевъ. Какія бы ни были эти деньги, но упоминаніе о нихъ въ данномъ случаѣ, при развивавшейся быстро безнравственности въ администраціи римской, невольно наводитъ на мысль о подкупѣ: поддержка папами отдѣльности митрополіи славянской не обошлась, конечно, безъ раздраженія нѣмецкихъ епископовъ, которые и въ письмѣ не вытерпѣли не одинъ разъ вспомнить о

---

[16] Pecuniam vestro juri debitam, propter infestam paganorum saevitiam, nec per me poteram nec per alios transmittere; sed quia Dei gratia liberata est Italia, quantocius potero, vobis transmittam.

даняхъ, собиравшихся съ славянъ; весьма вѣроятно, что раздраженіе это отразилось и на невысылкѣ въ Римъ долгое время денегъ, которыя теперь, ad captandam benevolentiam, высылаются съ полною готовностью. Мысль о подкупѣ и вѣроятность его подкрѣпляются и сообщеніемъ свѣдѣній, въ томъ-же посланіи, о говорѣ моравапъ, что приглашеніе ими кардиналовъ для устройства церкви стоило имъ весьма большихъ денегъ [17]. Напрасно Гиппель старается объяснить эту молву большими издержками на проѣздъ кардиналовъ изъ Рима къ Мойміру и обратно и на прожитіе ихъ въ Моравіи, издержками, которыя моравскій князь долженъ былъ принять на свой счетъ [18]: особенность факта выставлена въ приведенномъ латинскомъ выраженіи слишкомъ выпукло, чтобы не считать за собою права умалять его значеніе указаніемъ на обыкновенный порядокъ вещей. *Хвастовство* моравапъ (jactitant) было бы безсмысленно, если-бы дѣло шло только о путевыхъ и кормовыхъ растратахъ; такія растраты не могли давать ни малѣйшаго права на надежду и увѣренность въ достиженіи отъ папы желаемаго, что именно хотѣли выразить и выразили зальцбургскіе епископы.

Какъ-бы, впрочемъ, ни рѣшали извѣстія о подкупѣ, но главный вопросъ, вопросъ объ отношеніи Рима къ славянской церкви, по отношенію къ ея туземному богослуженію и къ независимой администраціи отъ нѣмцевъ, рѣшается самъ собою и

[17] Nunc vero, quod grave nobis videtur, et incredibile in augmentum injuriæ jactitant se (Sclavi) *magnitudine pecuniæ id egisse.*

[18] Freilich Geld und viel Geld kostete die Sache; denn da der Papst die Cardinäle im Interesse und auf Verlangen der Mährer in ihr Land schickte, so mussten natürlich die Kosten einer solchen glänzenden Mission von Moymir getragen werden. Стр. 99, прим. 8.

съ полною положительностью въ намѣренно враждебномъ смыслѣ всему тому, къ чему стремились св. Кириллъ и Меѳодій и до чего успѣли добиться они, при вынужденномъ содѣйствіи самыхъ же папъ; рѣшается при томъ немедленно за смертію послѣдняго изъ братьевъ, въ моментъ политическаго разслабленія того государства, которое было первымъ и могучимъ оплотомъ свободной ихъ дѣятельности. Та-же участь, почти въ то-же время, постигла плоды трудовъ славянскихъ первоучителей и въ другой странѣ славянской и точно такъ-же при непосредственномъ и живомъ участіи первосвященника римскаго. Мы говоримъ о Далмаціи и о поселившихся въ ней хорватахъ и Сербахъ.

Съ переселеніемъ хорватовъ и сербовъ въ приморье адріатическое связано и принятіе ими христіанской вѣры. Событіе это совершилось, какъ извѣстно [19], въ первой половинѣ VII столѣтія, при непосредственномъ участіи византійскаго императора, въ государственной зависимости отъ котораго находилась и Далмація. Крещены были славяне миссіонерами римскими, такъ-какъ въ церковномъ отношеніи область далматская причислялась къ патріархату римскому. Уже въ первыя минуты поселенія славянъ въ Далмаціи возникла та рознь двухъ народностей, которая до настоящихъ дней продолжаетъ поддерживать несогласія между ними, доходящія иногда до рѣзкой вражды. Издавна побережье далматское наполнено было городами съ римскимъ поселеніемъ, развившимъ у себя муниципальное устройство, остававшееся ненарушимымъ во все вре-

---

[19] Slov. Starožit., Шафарика, 1837, стр. 634—638, 663—638; Гильфердинга: Письма объ исторіи сербовъ и болгаръ, Москва, 1855, письмо 2.

мя господства византійскаго. Зависимость этихъ городовъ отъ императора ограничивалась опредѣленною данью, безъ малѣйшаго вліянія на внутренній ихъ бытъ. Особность свою старались они огородить и отъ новыхъ поселенцевъ, не допуская ихъ въ среду свою.

Въ такомъ положеніи, въ зависимости отъ Византіи, жили славяне и, по городамъ, римляне до времени Карла Великаго, когда сѣверная часть Далмаціи, съ хорватскимъ населеніемъ, вынуждена была войдти въ составъ его обширной монархіи. Императоръ византійскій сохранилъ, однакоже, прежнее господство надъ городами и южною Далмаціей. При наслѣдникахъ Карла Великаго, въ слѣдствіе жестокостей франковъ надъ хорватами, послѣднимъ удалось кое-какъ добиться свободы, по-крайней-мѣрѣ фактической, и, съ 830 года, они управлялись собственными князьми, внѣ всякой зависимости отъ франковъ и византійцевъ. Новая связь съ имперіей восточной произошла не раньше 870 года, когда императоръ Василій помогъ Сдѣславу овладѣть великожупанскимъ престоломъ хорватскимъ. Съ сихъ поръ хорваты опять подчинились Византіи, а съ этимъ вмѣстѣ произошелъ и замѣчательнѣйшій переворотъ въ церковной администраціи не только у хорватовъ, но и въ городахъ римскихъ: вся Далмація отторгнулась отъ Рима и перешла на сторону патріарха византійскаго. Явленіе необыкновенно знаменательное, и сказать о немъ нѣсколько словъ считаемъ мы необходимымъ, тѣмъ болѣе, что оно служитъ и началомъ борьбы латинства съ славянствомъ.

Источники современные не предлагаютъ вовсе подробностей для опредѣленія причины и обстоятельствъ, въ силу которыхъ произошелъ столь рѣзкій переворотъ въ церкви далматской. Это молчаніе источниковъ, естественно, и даетъ поводъ като-

ликамъ къ произвольнымъ объясненіямъ. Гинцель, напримѣръ, ставя переходъ хорватовъ подъ зависимость патріарха византійскаго въ связь съ славянскимъ происхожденіемъ императора Василія, вовсе умалчиваетъ о такомъ-же поступкѣ и городовъ римскихъ: какъ-будто послѣдніе оставались, по прежнему, въ покорности папѣ римскому [20]; Рачкій, не сомнѣваясь въ общности обращенія къ востоку цѣлой Далмаціи, не исключая и митрополіи сплетской, старается опредѣлить причину отторженія отъ Рима исключительно политическимъ преобладаніемъ Василія и мудрымъ его распоряженіемъ по международнымъ отношеніямъ римлянъ и хорватовъ [21].

Едва-ли возможно сомнѣніе, что политическое могущество Византіи, возстановленное императоромъ Василіемъ, имѣло огромное вліяніе на церковный переворотъ въ Далмаціи; допускать это тѣмъ необходимѣе, что такое вліяніе по преимуществу отражалось на при-адріатическомъ поморьи. Вспомнимъ, что въ это самое время побѣдоносно дѣйствовалъ флотъ Василіевъ противъ сарацинъ и успѣлъ, къ 872 году, уничтожить ихъ господство въ адріатикѣ, отъ котораго прежде всего и болѣе всего должны были страдать города и жители далматскіе. Нельзя спорить и противъ того, что хорватскій князь Сдѣславъ, обязанный своимъ возвышеніемъ Василію, встрѣчая въ немъ постоянную поддержку и противъ нападеній Венеціи, выражалъ готовность къ тѣснѣйшему соединенію съ Византіей. Но намъ не понятно утвержденіе Рачкаго, будто города римскіе особенно были довольны распоряженіемъ Василія, въ силу котораго обычную дань, дававшуюся прежде непосредственно

---

[20] Стр. 114 — 116.

[21] Стр. 280 — 281, 287, 302.

императору, теперь должны были они вносить хорватамъ, и будто-бы это обстоятельство сблизило и сдружило ихъ съ элементомъ славянскимъ [22]. Антагонизмъ между римскимъ поселеніемъ Далмаціи и хорвато-славянскимъ до того былъ всегда силенъ, что столь очевидная зависимость перваго отъ послѣдняго скорѣе способна была усилить вражду.

Не отрицая государственнаго значенія Византіи въ церковномъ переворотѣ Далмаціи, мы, однако-же, не въ-правѣ придавать ему исключительный вѣсъ, когда встрѣчаемъ въ исторіи указанія и на другія причины. Въ ряду нихъ, относительно славянъ, бросается прежде всего въ глаза желаніе упрочить у себя славянское богослуженіе, съ которымъ не могли не познакомиться какъ хорваты, такъ и сербы, бывшіе въ столкновеніяхъ не только съ болгарами, но первые несомнѣнно и съ самими первоучителями славянскими, по крайней-мѣрѣ при посредствѣ по-савскихъ хорватовъ, которыхъ могли коснуться послѣдніе, во время путешествія своего въ Римъ, которые должны были ознакомиться съ дѣятельностью св. Кирилла и Меѳодія и въ сосѣдней имъ Панноніи. Тѣмъ болѣе умѣстно такое предположеніе на-счетъ св. Меѳодія, дважды путешествовавшаго въ западную столицу, по смерти своего брата; весьма вѣроятно, что и самъ онъ, по примѣру другихъ, проходилъ черезъ Далмацію. Указаніе автора извлеченія изъ записки объ обращеніи хорутанъ до нѣкоторой степени подтверждаетъ такое предположеніе: припомнимъ, что онъ выводитъ Меѳодія въ Паннонію и Моравію изъ Истріи [23].

При знакомствѣ съ распространеніемъ славянской литургіи

---

[22] Тамъ-же, стр. 303.

[23] См. выше, стр. 216, прим.

у соплеменниковъ, на языкѣ понятномъ и для нихъ, не удивительно, что хорваты и сербы отыскивали средства добиться того-же и у себя. Достигнуть этого отъ папы они не надѣялись, потому-что не могли не знать о бѣдственномъ положеніи, въ эти самыя минуты (около 872 года), какъ Меѳодія, такъ и службы славянской: первый былъ въ заключеніи у нѣмцевъ, а послѣдняя должна была прекратиться подъ преслѣдованіемъ враждебной партіи; папа же, какъ намъ извѣстно, не принималъ сначала никакого участія. Между-тѣмъ, слухи, что и Моравія получила проповѣдниковъ изъ Греціи, что и въ Болгаріи расширилось понятное христіанство при посредствѣ грековъ, тѣмъ рѣшительнѣе могли побудить обратиться туда-же и хорватовъ съ сербами, чѣмъ ближе и тѣснѣе установились связи политическія. Подобное обращеніе, дѣйствительно, и подтверждается, по крайней мѣрѣ относительно сербовъ, свидѣтельствомъ Константина Багрянороднаго: онъ прямо говоритъ, что сербы просили у Василія наставниковъ и духовенства, которые и были отправлены къ нимъ изъ Византіи [24]. Другихъ побужденій, кромѣ желанія и надежды слышать слово Божіе на родномъ языкѣ, нельзя допустить, такъ-какъ греческій языкъ былъ не понятнѣе же для сербовъ, нежели латинскій, и такъ-какъ политическое господство Византіи не вызывало въ прежніе вѣка перемѣны патріархата: не забудемъ при этомъ и того обстоятельства, что утвердившійся только-что на патріаршемъ престолѣ Игнатій, по отношеніямъ своимъ къ Риму, скорѣе готовъ былъ отклониться отъ расширенія своей власти, нежели усиливать раздраженіе запада вмѣшательствомъ въ его область.

---

[24] De administrando imperio, глава 29.

Что и среди хорватовъ точно такъ-же церковный переходъ къ востоку соединенъ былъ съ вопросомъ о славянской литургіи, достаточнымъ доказательствомъ служитъ древнѣйшее преданіе, записанное еще въ началѣ XII столѣтія однимъ изъ лѣтописцевъ хорватскихъ и ставящее въ неразрывную связь переворотъ церковный съ именемъ св. Кирилла, съ книгами и литургіей, имъ принесенными къ хорватамъ [25]. Вотъ почему позволяемъ мы себѣ считать слѣдующія слова Шафарика за неопровержимую истину: „hlavnj přjčinau této změny (т. е. перехода хорватовъ и сербовъ подъ зависимость патріархіи византійской) bylo uvedenj liturgie slovanské v Bulharech, v pannonských Slovanech a v Moravě, kteráž bljzkým Srbům i Chorvatům.... tak se zljbila, že onino prvnj z nich sami cjs. Basilia o učitele požádali“ [26].

Но ежели отторженіе отъ Рима славянскихъ обитателей Далмаціи находитъ естественную причину въ надеждѣ получить изъ Греціи славянскую литургію, то какъ объяснить измѣну Риму со стороны городовъ, со стороны митрополита, епископовъ и прочаго духовенства, которое, во всякомъ случаѣ, если не исключительно, то преимущественно состояло изъ римскихъ жителей? Отвѣтъ на это выскажемъ мы теперь въ видѣ общаго положенія, которое надѣемся подтвердить до несомнѣнности обзоромъ послѣдующихъ событій въ церкви далматской. Потому признавало необходимымъ и высшее духовенство перейдти на сторону Византіи, что боялось за свою власть въ Далмаціи въ томъ случаѣ, когда-бы въ массѣ народа сербо-

---

[25] Archiv za povjestnicu jugoslov., I, 40 — 21; срв. Рачкаго, стр. 285 — 287.

[26] Slov. Staroz., стр. 670.

хорватскаго утвердилась славянская церковь; тогда естественно, при зависимости городской іерархіи отъ Рима, понадобилось бы и свое духовенство, греко-славянское, понадобилась бы и особая іерархія: митрополитъ и епископы римскіе, волею-неволею, должны были бы стѣсниться исключительно въ однихъ городахъ. Вся дальнѣйшая исторія церкви въ Далмаціи, до окончательнаго подчиненія ея Риму, носитъ именно характеръ борьбы элемента славянскаго, домогающагося самобытности церковной, съ элементомъ римскимъ, усиливающимся поддержать свое господство: эта борьба опредѣляетъ и переходы по-очередно, одного элемента за другимъ, то къ востоку, то къ западу; она-же опредѣляетъ, мѣняющимися результатами своими, и колеблющійся, не твердый характеръ политики папской.

Нѣтъ надобности распространяться, какой жестокій ударъ нанесенъ былъ, отпаденіемъ Далмаціи, Іоанну VIII, напрягавшему самыя страшныя усилія, чтобы какъ-нибудь возвратить и Болгарію, отступившую отъ Рима еще при его преемникѣ. Но положеніе Іоанна VIII было слишкомъ стѣснено и запутано, чтобы немедленно-же принять мѣры къ обращенію заблудившейся паствы. По-крайней-мѣрѣ, до 879 года, мы не замѣчаемъ никакой съ его стороны попытки. Въ этомъ году, онъ отправляетъ новаго посла въ Болгарію, съ обильнымъ запасомъ писемъ; рѣшено было, чтобы посолъ ѣхалъ черезъ землю хорватскую. Это давало поводъ просить хорватскаго князя оказать необходимое содѣйствіе послу и проводить его до границъ болгарскихъ. Правда, въ сохранившемся письмѣ папскомъ, на имя Сдѣслава [27], нѣтъ никакого намека на увѣща-

[27] Mansi, XVII, 119.

нія возвратиться въ объятія церкви римской, какими наполнены письма въ Болгарію; но едва-ли можно сомнѣваться, чтобы Іоаннъ VIII не воспользовался столь благопріятнымъ случаемъ и не выразилъ своей отеческой заботливости о заблужденіяхъ недавнихъ чадъ своихъ [28].

Впрочемъ, весьма не долго пришлось скорбѣть Іоанну: не прошло и десяти лѣтъ, какъ явилось отъ представителей народа хорватскаго, свѣтскаго и духовнаго, прошеніе къ папѣ принять этотъ народъ снова въ лоно римской церкви. Прошеніе принесено было пресвитеромъ Іоанномъ, отправленнымъ въ Римъ въ качествѣ посла отъ Святополка моравскаго, и проходомъ черезъ Далмацію, остановившимся въ городѣ Нинѣ, который, по всей вѣроятности, былъ въ то время столицею великаго жупана хорватскаго [29]. Это случилось въ 879 году, тотчасъ-же послѣ низверженія и убійства Сдѣслава занявшимъ его мѣсто Бранимíромъ. Восторгъ Іоанна VIII былъ полный: онъ немедленно-же, по прибытіи пресвитера Іоанна, въ день Вознесенія, 21 мая, отслужилъ торжественную литургію, въ церкви св. Петра, при чемъ благословилъ Бранимíра и весь народъ хорватскій [30]. Мы замѣтили, что Бранимíръ поддержанъ былъ и представителемъ духовнымъ, именно, діакономъ Ѳеодосіемъ, только-что избраннымъ въ епископа нинскаго. Такъ-какъ посланія Бранимíрово и Ѳеодосіево не существуютъ, то мы и можемъ судить о нихъ лишь по письмамъ папы, составленнымъ

---

[28] Срв. Рачкій, стр. 314.

[29] Срв. тамъ-же, стр. 320, прим. 4.

[30] In die ascensionis Domini inter sacra missarum solemnia, super sacrum altare s. Petri apostoli celebrantes elevatis sursum manibus benediximus tibi, et omni populo tuo, omnique terre tue, писалъ вскорѣ папа Бранимíру.

уже въ началѣ іюня, того-же 879 года [31]. Въ письмѣ къ Браниміру, папа благодаритъ князя за вѣрность и покорность св. Петру и его намѣстнику и съ любовію принимаетъ его въ лоно апостольской столицы, откуда княжескіе предки пили воду св. науки [32]; убѣждаетъ потомъ оставаться твердымъ въ своемъ рѣшеніи и на будущее время, покоряться Богу, исполнять его заповѣди и оказывать должную честь духовенству, потому-что только тогда, безъ сомнѣнія, побѣдитъ онъ всѣхъ своихъ непріятелей. Подобнымъ-же образомъ радуется и благодаритъ папа и Θеодосія за преданность римскому престолу, въ-слѣдствіе чего обѣщаетъ ему благорасположеніе свое и помощь; тутъ-же и напоминаетъ, чтобы онъ нигдѣ не искалъ въ другомъ мѣстѣ посвященія въ епископа, кромѣ Рима, гдѣ были поставляемы всѣ его предшественники, гдѣ существуетъ глава и владычица всѣхъ церквей (caput et magistra omnium ecclesiarum Dei) и куда призываетъ онъ теперь Θеодосія. Іоаннъ VIII не забылъ отправить и третье письмо, на имя народа хорватскаго и нисшаго духовенства, которыхъ также вызываетъ на вѣрность римской церкви [33].

Но могъ ли Іоаннъ VIII оставить, при этомъ случаѣ, безъ вниманія высшее духовенство далматское, которое римскимъ своимъ происхожденіемъ давало, конечно, несравненно большее право надѣяться на неизмѣнную вѣрность Риму и, въ случаѣ заблужденія, на скорѣйшее исправленіе. А между тѣмъ, отъ

---

[31] Оба эти письма напечатаны въ собраніи Mansi, XVII. стр. 124 — 125.

[32] ... de cujus purissimo fonte patres tui mellіflua s. predicationis potavere fluenta.

[33] Тамъ-же, стр. 126.

этого духовенства не слышно было ни одного звука объ исправленіи, тогда-какъ варварскій, въ понятіяхъ запада, народъ хорватскій, находившійся въ одинаковомъ отношеніи къ Византіи, успѣлъ уже принести повинную. Напомнить было необходимо и умѣстно, и вотъ, черезъ три дня, послѣ письма къ хорватамъ, явилось и письмо къ епископамъ: зарскому и осорскому, къ исправляющему должность митрополита сплетскаго, ко всѣмъ остальнымъ епископамъ далматскимъ, всему духовенству и всему гражданству [34]. Папа увѣщаваетъ ихъ послѣдовать стопамъ своихъ отцевъ и дѣдовъ и тѣмъ скорѣе возвратиться въ объятія римской церкви, чѣмъ счастливѣе были предшественники ихъ, доколѣ, какъ слѣдуетъ истиннымъ дѣтямъ, относились къ св. Петру, ключедержцу царства небеснаго, и чѣмъ больше вынуждены терпѣть зла сами съ той поры, когда, какъ какіе-нибудь чужестранцы, отвернулись отъ римской церкви. Чтобы предупредить посвященіе новоизбраннаго митрополита сплетскаго въ Византія, Фотіемъ, папа подъ угрозою отлученія требуетъ, чтобы избранный прибылъ въ Римъ, гдѣ посвятитъ его онъ самъ; если-же уже посвященъ, то, во всякомъ случаѣ, долженъ получить изъ Рима митрополитскій плащъ. На тотъ случай, ежели-бы духовенство опасалось исполнить требованіе апостольскаго престола изъ страха отъ грековъ или приверженныхъ имъ славянъ, папа обѣщаетъ ему помощь своей власти [35].

---

[34] Тамъ-же, стр. 129.

[35] ... Si aliquid ex parte Graecorum vel Sclavorum super vestra ad nos reversione vel consecratione aut de pallii perceptione dubitatis, scitote pro certo, quoniam nos secundum patrum decessorumque nostrorum pontificum statuta, vos adjuvare auctoritate curabimus.

Какой-же результатъ былъ всѣхъ этихъ посланій? Что касается до нинскаго Өеодосія, то, еще въ 880 году, встрѣчаемъ мы его въ Римѣ, гдѣ папа святитъ его въ епископа и отправляетъ въ епархію съ новымъ письмомъ къ Браниміру, къ священству, болярамъ и всему народу. И здѣсь та-же благодарность, тѣ-же увѣщанія пребывать непоколебимымъ въ преданности Риму и просьба прислать неукоснительно въ столицу апостольскую пословъ, съ которыми могъ бы папа точнѣе уговориться о нуждахъ хорватской церкви [36]. Совсѣмъ иначе поступили іерархи римско-далматскіе: они не только не исполнили желанія папы, но посвященіемъ своего митрополита въ Аквилеи, отъ патріарха Вальперта, приверженца и друга Фотіева, обнаружили еще тѣснѣйшую связь съ востокомъ [37]. Въ такомъ положеніи находились дѣла еще нѣсколько лѣтъ, до смерти императора Василія, а, можетъ быть, не мало и послѣ нея.

Что-же за побужденія руководили свѣтскою и духовною властью хорватовъ такъ быстро отложиться отъ Греціи и примкнуть къ западу, и что, въ свою очередь, въ состояніи было удерживать латино-далматскую іерархію послѣдовать немедленно же примѣру хорватовъ? Искать рѣшенія этого вопроса мы можемъ только въ сопоставленіи политическихъ событій и въ отрывочныхъ намекахъ, которые невольно высказались въ посланіяхъ папскихъ. Такъ, въ главѣ подобныхъ намековъ само собою ста-

---

[36] Рачкій, стр. 347.

[37] Это видно изъ письма Стефана VI: Walberto patriarchae: miramur jam... qui transgressis terminis tibi commissis in ecclesia salonensi episcopum ordinare ad indecentiam sedis apostolicae praesumpsisti. Mansi, XVIII, 25.

вится указаніе Іоанна VIII, что обращеніе Бранаміра къ Риму не обошлось безъ волненія и заговора противъ князя[38]; сюда-же относится и свидѣтельство того-же папы о непокорности и противодѣйствіяхъ Θеодосію, вынужденному не мало перетерпѣть и перестрадать[39]. Значитъ, ихъ поступокъ не встрѣчалъ сочувствія въ массѣ; поворотъ къ Риму былъ, слѣдовательно, дѣломъ только ихъ, да, быть можетъ, не многихъ, принадлежавшихъ къ ихъ партіи; другими словами, интерессъ, значитъ, этого поворота касался ближе всего князя и епископа.

Не трудно и опредѣлить этотъ личный интерессъ Бранаміра. Нами уже сказано, что сношеніе его съ папою началось тотчасъ-же послѣ достиженія имъ княжеской власти; достигъ же онъ этой власти посредствомъ убійства Сдѣслава, родича Терпимірова, только-что утвердившаго свою династію. Но Сдѣславъ былъ возведенъ на княжескій престолъ содѣйствіемъ императора Василія, который покровительствовалъ ему до самой катастрофы въ 879 году. Ясно, что Бранаміру приходилось искать защитника противъ возможнаго преслѣдованія со стороны царя греческаго; такую защиту онъ и думалъ найдти у папы. Нельзя отрицать, чтобы Бранаміръ не сообразовался и съ тѣми выгодами, какія должны были представиться прежде всего его новоизбранному епископу.

Послѣдній, удостоенный выбора въ епископы хорватскіе, весьма естественно желалъ тѣмъ болѣе независимости отъ да-

---

[38] ... quanto ipse te Deo humiliter subdere... studueris... tanto *super omnes inimicos tuos et rebelles adversarios* eris procul dubio victor et potens. Въ первомъ письмѣ къ Бранаміру.

[39] Joannes.. presbyter de vestra parte veniens multa nobis tue bonitatis et patientie viva voce preconia retulit. Въ письмѣ къ Θеодосію.

тинской митрополіи въ Сплетѣ, чѣмъ обширнѣе и инороднѣе была его паства славянская. Идея о самостоятельности церкви хорватской, о неподсудности ея митрополиту сплетскому, отразившись, безъ всякаго сомнѣнія, и въ переходѣ хорватовъ къ византійскому патріархату, съ сихъ поръ, со времени Өеодосія, становится главнымъ моментомъ въ исторіи церкви далматской, не только при жизни Өеодосія, но очень долго и при его преемникахъ. Само собою понятно, что Өеодосій точно такъ-же могъ разсчитывать на достиженіе своей цѣли отъ папы, при отторженности отъ Рима іерархіи латино-далматской, какъ его предшественникъ смѣло долженъ былъ надѣяться на упроченіе своей независимости отъ Сплета, при обращеніи къ Византіи, если-бы не направилась въ ту-же сторону и іерархія римская. Нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что въ связи съ Өеодосіевымъ обращеніемъ къ западу стоитъ и Іоаннъ презвитеръ, посолъ Святополковъ. Преданный папѣ, онъ тѣмъ легче могъ убѣдить Өеодосія, что имѣлъ въ рукахъ весьма убѣдительное доказательство не только возможности отдѣльной іерархіи у хорватовъ, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, и славянскаго богослуженія. Доказательствомъ этимъ была Моравія, откуда шелъ онъ въ Римъ по дѣлу о службѣ славянской. Разумѣется, не былъ противъ отдѣльности администраціи церкви хорватской и Бранимиръ.

На этотъ разъ Өеодосій не обманулся въ разсчетахъ: „Хорватія, говоритъ Рачкій, соединеніемъ своимъ съ Римомъ отдѣлилась отъ митрополіи сплетской и управлялась независимо нинскимъ епископомъ; послѣдній, будучи теперь подчиненъ непосредственно престолу апостольскому, завѣдывалъ дѣлами церкви безъ малѣйшаго вниманія къ латинской Далмаціи“ [40]. Но

[40] Стр. 348.

независимость эта обусловливалась единственно тѣмъ, что латинская-то Далмація пребывала пока вѣрною востоку. Основанія такой вѣрности едва-ли должно искать въ чемъ-либо другомъ, кромѣ сомнѣнія въ прочности римскаго преобладанія и надъ хорватами и въ возможности равнодушія къ измѣнѣ со стороны могущественнаго тогда двора византійскаго.

Обстоятельства перевернулись разомъ и необыкновенно круто, какъ скоро и сплетская митрополія, съ подчиненными епархіями, покинула, по смерти Василія, востокъ и сблизилась съ Римомъ. Точно намъ неизвѣстно время этого событія, но не подлежитъ сомнѣнію, что оно совершилось во время папства Стефана VI, между 885 и 891 годами. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ отрывокъ письма этого папы къ Θеодосію, гдѣ онъ жестоко укоряетъ послѣдняго за непокорность старымъ законамъ, за самовольное расширеніе своей власти и требуетъ, чтобы онъ не дерзалъ по гордости присвоивать себѣ высшее церковное достоинство [41]. Разумѣется, только при подчиненіи Сплета папѣ, возможно столь энергическое заступничество за его права. Въ свою очередь, изъ этого же отрывка ясно, что нинскій епископъ не упустилъ случая воспользоваться временемъ подчиненія митрополіи сплетской Византіи и старался пріурочить въ свое вѣдомство всѣхъ славянъ хорватскихъ, стѣсняя этимъ самымъ господство іерархіи латинской исключительно въ стѣнахъ городовъ. Успѣхъ Θеодосія надобно предполагать уже потому, что онъ владѣлъ могучимъ средствомъ приманки, именно богослуженіемъ на языкѣ сла-

[41] . . . . . . Disce paternis obedire regulis, ne inveniaris statutos a patribus terminos transgredi, vel per ambitionem de minori ad majorem transire ecclesiam, quod tentantem laica etiam communione sacri privant canones. Рачкій, стр. 407.

вянскомъ. Последнее не могло быть отвергнуто Іоанномъ VIII, въ минуты перваго сближенія съ хорватами, въ 880 — 881 гг., когда именно имъ-же торжественно разрѣшалось оно для Моравіи, быть можетъ, въ бытность Өеодосія въ Римѣ. Съ 886 года, богослуженіе это должно было получить еще широчайшій размѣръ въ Далмаціи, послѣ того какъ ученики Меөодіевы, изгнанные изъ Моравіи, явились, по преданію, и среди хорватовъ. Оно-то, безъ сомнѣнія, и способствовало болѣе всего успѣху притязаній хорватскаго епископа на области епархій латинскихъ, съ цѣлію составить изъ всего хорватскаго народа въ Далмаціи одно церковное вѣдомство. Дѣйствительность такихъ притязаній обнаружилась явственно въ спорѣ наслѣдника Өеодосіева, Адельфреда, съ архіепископомъ сплетскимъ Петромъ, за церковь св. Георгія. Эту церковь подарилъ нѣкогда хорватскій князь, Терпимиръ, сплетской митрополіи. Адельфредъ усиливался доказать, что подарокъ былъ лично митрополиту, а какъ храмъ св. Юрья находится на землѣ хорватской, то и долженъ принадлежать епископу нинскому, какъ хорватскому. Споръ былъ въ 892 году, уже при наслѣдникѣ Бранимировомъ, Мутимирѣ, который рѣшеніемъ его въ пользу митрополіи сплетской показалъ, что не раздѣляетъ стремленія Адельфреда распространить господство епископа хорватскаго на всѣ земли хорватовъ [42].

Такимъ образомъ, славянское богослуженіе, съ одной стороны, и не разрывное съ нимъ расширеніе власти епископа нинскаго, въ ущербъ епископовъ латинскихъ, съ другой, послуживши вліятельнѣйшимъ побужденіемъ для послѣднихъ при-

---

[42] Актъ, относящійся къ этому вопросу, помѣщенъ у Луція въ сочиненіи: De regno Dalmat. et Croatiae, кн. II, гл. 2.

мкнуть снова подъ защиту и покровительсто Рима, выдвинули, къ концу IX вѣка, на первый планъ борьбу обоихъ элементовъ — славяно-хорватскаго и латино-далматскаго: первый домогался упрочить туземность языка и независимость церковной администраціи; послѣдній — поддержать прежнее преобладаніе латинства. Открытое начало этой борьбы положено было, при явномъ заступничествѣ за латинство, тѣмъ-же Стефаномъ папою, который такъ непритворно возсталъ противъ Меѳодія и его ученія; нѣсколько лѣтъ велась эта борьба тихо, не выступая изъ сжатыхъ границъ Далмаціи, пока въ послѣдній годъ первой четверти X столѣтія не разразилась соборнымъ опредѣленіемъ, которое мы и разсмотримъ.

Въ 925 году, папа Іоаннъ X отправилъ въ Далмацію два посланія: одно на имя сплетскаго архіепископа, Іоанна, и всѣхъ епископовъ, ему подчиненныхъ, другое на имя князя хорватскаго, Томислава. Задачею этихъ посланій было обратить вниманіе духовной и свѣтской власти на церковныя уклоненія въ Далмаціи и побудить къ обсужденію и прекращенію ихъ мѣстнымъ соборомъ, въ городѣ Сплетѣ. Для присутствованія на этомъ соборѣ, выслалъ Іоаннъ X отъ себя одного епископа и одного кардинала. Содержаніе писемъ служитъ единственнымъ источникомъ, для опредѣленія состоянія церкви далматской въ эту пору и характера уклоненій въ ней, по взгляду двора римскаго.

Въ письмѣ къ архіепископу и епископамъ [43], папа, въ слѣдъ за вступленіемъ, въ которомъ не преминулъ выразить удивленіе къ невниманію перваго, что, въ теченіе столькихъ лѣтъ, онъ не подумалъ посѣтить лично апостольскую столицу, пере-

---

[43] Цѣликомъ напечатаны оба письма, между прочимъ, въ приложеніи къ исторіи слав. апостоловъ Гинцеля, стр. 75—77.

ходитъ къ главному вопросу съ выговоромъ, почему высшая іерархія Далмаціи молчала и какъ-бы сочувствовала тѣмъ отступленіямъ въ своей паствѣ, о которыхъ дошли до него слухи и которыя свидѣтельствуютъ о распространеніи *иного ученія, какое не находится въ священныхъ книгахъ*. По словамъ же апостола, замѣчаетъ папа, всякій подвергается анаѳемѣ, хотя-бы то былъ ангелъ, ежели учитъ не такъ, какъ обрѣтается въ святыхъ канонахъ; между тѣмъ у васъ, продолжаетъ Іоаннъ, пренебрегши евангеліе и апостольскіе каноны, обращаются къ Меѳодію, котораго не встрѣтили мы ни въ одной книгѣ между священными авторами. Вотъ почему, заключаетъ папа, вы должны, вмѣстѣ съ присланными къ вамъ епископами, смѣло исправить все *въ славянской области, чтобы и въ ней богослуженіе совершалось согласно съ обычаями римской церкви, то есть на латинскомъ, а не на чуждомъ языкѣ* и, такимъ образомъ, *исторгнуть дурной корень въ вашихъ странахъ*[44].

Въ письмѣ къ Томиславу, папа прежде всего старался выставить особенно сыновнія отношенія славянъ къ римской церкви и поэтому тѣмъ болѣе признаетъ за ними необходимость

---

[44] Et quia fama revelante cognovimus per confinia vestræ Parochiæ *aliam doctrinam pullulare, quæ in sacris voluminibus non reperitur*, vobis tacentibus et consentientibus valde doluimus juxta illud Apostoli: si quis aliter docuerit, praeter id, quod in sacris canonibus, atque voluminibus reperitur, etiam si angelus de coelo fuerit, anathema sit. Sed absit hoc a fidelibus, qui Christum colunt, et aliam vitam per operationem se credunt posse habere; ut doctrinam evangelii atque canonum volumina apostolicaque etiam praecepta praetermittentes, *ad Methodii doctrinam confugiant, quem in nullo volumine inter sacros auctores comperimus*. Unde hor-

неуклонно слѣдовать постановленіямъ и обычаямъ своей матери, указывая, при этомъ, спеціально и на латинскій языкъ. За этимъ, конечно, слѣдуетъ удивленіе, что какъ-же такія-то дѣти въ богослуженіи пользуются варварскимъ или славянскимъ языкомъ, и подозрѣніе, что подъ этимъ языкомъ скрывается что-либо иное, сравнительно съ принятымъ римскою церковью. Въ концѣ — увѣщаніе немедленно-же все исправить, подъ угрозою отлученія [45].

Отсюда, кажется, смѣло можно заключать — во а) что, въ началѣ X вѣка, славянская служба была широко распространена въ предѣлахъ Далмаціи у хорватовъ; во б) что папа былъ крайне недоволенъ этимъ отступленіемъ отъ укоренившагося обычая латинской церкви; въ в) что недовольство это не ограничивалось исключительно языкомъ, но что оно переходило и на самое ученіе, облеченное въ языкъ славянскій; въ г) что это ученіе признавалось несогласнымъ съ понятіями и убѣжденіями Рима, почти еретическимъ, на сколько можно судить по приговору анаѳемы, наконецъ, въ д) что папа рѣшилъ, во что бы ни стало, искоренить языкъ славянскій въ службѣ, замѣнить его латинскимъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ — устранить и проникавшія черезъ него уклоненія въ самомъ ученіи.

---

tamur vos.... cuncta per slavinicam terram audacter corrigere satagatis....... ita ut secundum mores romanæ ecclesiæ Slavinorum terræ ministerium sacrificii peragant, in latina scilicet lingua, non autem in extranea..... ut mala radix minime in vestris partibus pullulet.

[45] Quis etenim specialis filius sanctae romanæ ecclesiæ sicut vos estis, in barbara seu sclavinica lingua Deo sacrificium offerre delectatur? Non quippe ambigo, ut in eis aliud maneat, qui in sclavinica lingua sacrificare contendunt, nisi illud quod scriptum est: ex vobis exierunt et non sunt ex nobis.

Все это, въ свою очередь, даетъ несомнѣнное право утверждать, что славянское богослуженіе было весьма дѣйствительнымъ средствомъ противъ преобладанія латинской іерархіи въ Далмаціи: послѣдняя должна была испугаться успѣховъ, съ какими расширялъ и упрочивалъ свое господство епископъ хорватскій и все больше и больше стѣснялъ территорію епископовъ латинскихъ. Для нихъ настала очевидная нужда отнять это средство и, какъ ни прикрываетъ папа духовенство туземное, заявляя о стороннихъ слухахъ объ уклоненіяхъ въ церкви далматской, даже упрекая архіепископа какъ-будто въ сочувствіи къ нимъ, но дѣло слишкомъ ясно, чтобы придавать какой-либо вѣсъ подобной уловкѣ: и положеніе іерарховъ латинскихъ, подъ усиливающимся господствомъ епископа хорватскаго, и поведеніе ихъ на соборѣ говорятъ рѣшительно въ пользу доносовъ ихъ въ Римъ. Съ другой стороны, отзывъ Іоанна X о Меѳодіи и его ученіи предлагаетъ самое торжественное опроверженіе всѣхъ казуистическихъ возгласовъ позднѣйшихъ писателей католическихъ, на-счетъ безусловнаго единства славянскихъ апостоловъ съ церьковью римскою. Въ самомъ дѣлѣ, славянскія книги и славянское богослуженіе въ Далмаціи, въ концѣ IX и въ началѣ X столѣтій, могли быть тѣ самыя, какими пользовался Меѳодій и какое отправлялъ самъ онъ въ Моравіи; никакихъ существенныхъ измѣненій быть не могло уже и потому, что и тѣ и другое были принесены въ Далмацію непосредственными учениками и послѣдователями Меѳодія, что утверждаютъ и сами католики [46]. А между тѣмъ, и къ книгамъ и къ богослуженію этому относится Іоаннъ X, какъ къ непра-

---

[46] Срв. Гинцель, стр. 115, прим. 9, стр. 116, § 30. Рачкій, стр. 407.

вовѣрнымъ, заключающимъ ученіе, противное канонамъ и постановленіямъ римскимъ, отзывается о самомъ Меѳодіи больше, нежели невнимательно, словомъ — говоритъ обо всемъ этомъ точно такъ-же, какъ говорили о Кириллѣ и Меѳодіи, при ихъ жизни, и о ихъ трудахъ ихъ злѣйшіе враги, нѣмецко-латинскіе іерархи; въ этомъ случаѣ, онъ прямо уже противорѣчитъ своимъ предшественникамъ, Адріану II и Іоанну VIII, принимавшимъ, какъ видѣли мы, подъ свою защиту славянскихъ первоучителей и торжественно объявлявшихъ ихъ правовѣрными. Не ясно ли отсюда, что правовѣріе Кирилла и Меѳодія, по взгляду Адріана II и Іоанна VIII. обусловливалось единственно неустановленностію еще отношеній между востокомъ и западомъ, невыясненностью до окончательности точекъ раздѣленія между ними? По мѣрѣ того, какъ съ каждымъ годомъ раздѣленіе упрочивалось больше и больше, все рѣзче и рѣзче расходились обѣ половины церкви вселенской, и взглядъ на Кирилла съ Меѳодіемъ дѣлался общее, и въ глазахъ уже папы они стали неправовѣрными. Не ясно ли, въ слѣдствіе сего и то, что Кириллъ и Меѳодій, значитъ, какими были въ Греціи, такими остались и на западѣ, и что въ ученіи и въ богослуженіи ихъ не было мѣста ни чему, что опредѣляло отступничество запада отъ востока и что давало поводы преемникамъ Адріана II и Іоанна VIII, принявшимъ пункты отступленія подъ свое покровительство, отрицать правовѣріе и святость ученія солунскихъ братьевъ и такъ скоро послѣ смерти ихъ взглянуть и на нихъ самихъ сначала подозрительно, а потомъ и прямо отнести ихъ въ разрядъ еретиковъ. Ясно, что Іоаннъ X былъ только вѣрнымъ послѣдователемъ папы Стефана, который нашелъ уже своевременнымъ отнестись подобнымъ-же образомъ и къ самому Меѳодію, въ Моравіи.

Тщетно усиліе Гинцеля ослабить впечатлѣніе отъ отзыва папскаго о Мееодіи убѣжденіемъ, будто онъ имѣлъ цѣлью лишь умѣрить *чрезмѣрное уваженіе* къ Мееодію въ народѣ славянскомъ. Слова папы, приведенныя нами выше, слишкомъ ясны и опредѣленны, чтобы не вѣрить въ искренность и личнаго убѣжденія г. Гинцеля, тѣмъ менѣе допустить искренность убѣжденія въ каждомъ внимательномъ и безпристрастномъ читателѣ. Еще болѣе тщетно, потому что очевидно ложно объясненіе такого уваженія недостаткомъ образованности духовенства далматскаго и сопоставленіе съ духовенствомъ моравскимъ, въ которомъ, будто-бы, не замѣтно подобнаго уваженія именно потому, что оно было образованнѣе. Неосновательность, въ настоящемъ случаѣ, Гинцеля бросается сама собою въ глаза: Далмація, даже въ славянскомъ народонаселеніи, является христіанскою страною уже съ первой половины VII вѣка; давнымъ давно правильно организована была тамъ и іерархія, которую тѣмъ менѣе слѣдовало бы упрекать въ невѣжествѣ, чѣмъ ближе была она къ средоточію западнаго патріархата; напротивъ, въ Моравіи и Панноніи далеко не окончилось обращеніе изъ язычества и передъ приходомъ туда св. братьевъ; даже въ IX вѣкѣ, сами же нѣмцы называли моравское христіанство грубымъ (rudis christianitas); іерархія только-что устроивалась, да и то духовенство нѣмецкое, какое застали Кириллъ и Мееодій, не могло, какъ видѣли мы, оставаться въ Моравіи въ періодъ самостоятельной дѣятельности солунцевъ. Гдѣ же должно быть болѣе образованности, если даже и судить о ней по господству латинизма, и справедливо ли, послѣ этого, объяснять, будто-бы, меньшее уваженіе моравапъ къ Мееодію большимъ образованіемъ духовенства моравскаго? [47].

---

[47] Dass Methodius den des Latein unkundigen Slaven über Al-

Напрасно тотъ-же Гинцель думаетъ подчинить вопросъ народно-церковный вопросу народно-государственному, и распри по славянскому богослуженію выставить лишь результатомъ борьбы народности славянской, слабѣйшей, съ могущественнѣйшею народностью латинскою [48]. Во-первыхъ, послѣднее мнѣніе, относительно сравнительнаго превосходства славянъ и римлянъ, совершенно ложно и положительно опровергается свидѣтельствомъ современнаго изображаемой нами эпохи лѣтописца, имѣвшаго возможность знать весьма точно обстоятельства въ Далмаціи; а вотъ что говоритъ Константинъ Багрянородный: Slavi Romanos deleverunt, eorumque loca tenuerunt, *reliqui autem Romani in orae maritimæ oppidis servati etiam nunc tenent* [49]. Во-вторыхъ, что касается до отношеній борьбы между-народной къ церковно-административной, то продолжительное, въ теченіе цѣлыхъ двухъ вѣковъ, спокойное довольство хорватовъ прежнею администраціею, до того момента, какъ явилась славянская служба, скорѣе требуетъ поставить въ зави-

---

les ging, ist natürlich: denn vorzüglich durch seine Slavischen Kirchenbücher varen die Kroaten und Serben zu besserer Kenntniss des Evangeliums und aller kirchlichen Institutionen gekommen. Eine Ueberschätzung des Vermitlers der göttlichen Wahrheit lag unter diesen Slaven und insbesondere auch unter ihrer Geistlichkeit bei dem geringen Grade ihrer Gesammtbildung freilich sehr nahe. Der hochgebildete Method hatte sich in Mähren und Pannonien einen unterrichteten Klerus herangezogen. Стр. 118, прим. 4.

[48] Wie die ursprüngliche romanische oder nicht slavische Bevölkerung des Landes noch immerhin die späteren slavischen Einwanderer an Zahl übertreffen mochte, so auch der lateinische Klerus die Geistlichkeit der rein oder überwiegend slawischen Gemeinden. Тамъ-же, стр. 117.

[49] De administr. imperio, глава 29.

симость первую отъ послѣдней и, во всякомъ случаѣ, считать поводомъ къ распрѣ усиліе Славянъ утвердить и сохранить родное богослуженіе.

Нѣтъ надобности доказывать, какъ, при громадномъ большинствѣ славянскаго народонаселенія, должно быть ничтожно меньшинство представителей ея на созванномъ соборѣ въ 925 г., сравнительно съ количествомъ представителей отъ городовъ римскихъ: на сторонѣ славянской стоялъ едва-ли не одинъ епископъ нинскій, Григорій, потому что изъ высшаго духовенства, засѣдавшаго на соборѣ, только онъ одинъ рисуется съ характеромъ энергическаго защитника славянскихъ стремленій. Нѣтъ ничего удивительнаго, послѣ этого, и въ рѣшеніи соборномъ встрѣтить столь противное интересамъ хорватовъ опредѣленіе. Согласно этому опредѣленію, подтвержденному и папскими легатами, ни одинъ епископъ не долженъ дерзать посвящать въ духовное званіе знающаго только славянскій языкъ; посвященные уже прежде могутъ исправлять лишь низшія должности; священники же, свѣдующіе въ одномъ славянскомъ языкѣ, не должны быть допускаемы ни въ одной церкви къ богослуженію; исключеніе возможно единственно въ крайнемъ случаѣ, при совершенномъ отсутствіи латинскихъ іереевъ, и то не иначе, какъ по испрошеніи на то епископомъ позволенія отъ папы [50].

Такое опредѣленіе даетъ намъ очевидное доказательство, что хорватскій епископъ, Григорій, не стѣснялся посвященіемъ священниковъ изъ славянъ не только для своей епархіи, но и для другихъ, нарушая, конечно, тѣмъ самымъ господствовавшія уже постановленія о невмѣшательствѣ одного епископа въ область другаго. Изъ него-же мы усматриваемъ и крайне рѣшитель-

[50] Farlati, Illyricum sacrum, III, 97, Venetiis, 1765.

нія и крутыя мѣры латинскихъ іерарховъ подорвать разомъ и окончательно службу славянскую; для подобной рѣшительности они находили основаніе и полное оправданіе въ посланіяхъ папскихъ, которыя порицаніемъ славянскаго языка, укорами Меѳодію и совѣтами Томиславу неопустительно заняться приготовленіемъ съ дѣтства свѣдущихъ въ латинскомъ языкѣ, чтобы потомъ сдѣлать изъ нихъ достойныхъ пастырей церкви [51], предрѣшали явственно опредѣленіе.

Какъ приняли это опредѣленіе славяне, что сдѣлали они съ своей стороны, чтобы ослабить его, — отвѣтъ дастъ новое папское посланіе на имя сплетскаго архіепископа и его епископовъ. Изъ него видно, что славянская партія обнаружила сильное недовольство на состоявшееся рѣшеніе [52], что она не замедлила сообщить Іоанну X и письменно свой протестъ [53], ссылаясь на старое дозволеніе, безъ сомнѣнія, Іоанна VIII [54]; въ-слѣдствіе сего, папа считалъ благоразумнѣйшимъ, подтвердивъ всѣ остальные пункты, пріостановить окончательное рѣшеніе вопроса о славянскомъ богослуженіи [55] впредь до того времени, когда или самъ архіепископъ или одинъ изъ его суффragановъ явится въ Римъ съ Григоріемъ нинскимъ и лично передъ нимъ изложитъ все дѣло.

[51] ... hortamur vos, ut vestros tenerrimos pueros a cunabulis in studio litterarum Deo offeratis.

[52] ... in vobis orta fuit contentio ante nostrorum legatorum praesentiam de ecclesiasticis negotiis. Тамъ же, стр. 101.

[53] Vestras litteras suscipientes investigare non detulimus, et quia illic maxima erat impressa murmuratio... Тамъ-же.

[54] Quia tunc perfectio religionis adimpletur, cum per canonicae disciplinae regulas, quod quondam ordinatum fuerat, per nos emendare comprobatur.

[55] ... Suspendere hoc curavimus. Тамъ-же.

Нельзя не обратить вниманія на удивительную осторожность Іоанна X: ни однимъ словомъ не обозначилъ онъ въ цѣломъ письмѣ роковаго вопроса, сдѣлавшагося камнемъ преткновенія въ отношеніяхъ Рима къ Далмаціи, хотя не можетъ быть и тѣни сомнѣнія въ томъ, о чемъ собственно идетъ дѣло и касательно чего призналъ онъ необходимымъ пріостановиться. Нельзя не видѣть повторенія и въ настоящемъ случаѣ прежней политики Іоанна VIII: и Іоаннъ X точно такъ-же не рѣшается высказаться положительно прежде, нежели не переговоритъ лично съ борющимися сторонами, какъ поступилъ первый, въ 879 году, когда въ третій разъ вызывалъ Римъ Меѳодія. А между тѣмъ, въ предыдущемъ письмѣ, на имя того-же архіепископа, Іоаннъ X, какъ видѣли, ни мало не стѣснился отвергнуть славянскій языкъ, заклеймивши его варварскимъ, не преминулъ заподозрить и чистоту богослуженія славянскаго, какъ не усомнился набросить тѣнь подозрительности и на правовѣріе самого Меѳодія. Понятно, что единственно сила недовольства хорватовъ, широко возбужденный ропотъ между ними и боязнь, въ-слѣдствіе этого, испортить несвоевременною энергіею дѣло, заставили Іоанна X перемѣнить тонъ и перейдти къ уклончивости, равносильной противорѣчію себѣ самому. Обычный пріемъ римскихъ первосвященниковъ, знакомый уже намъ и по сношеніямъ ихъ съ Болгаріей и по распоряженіямъ, касательно Меѳодія.

Исторія не сохранила извѣстія о томъ, приходилъ ли въ Римъ Григорій съ архіепископомъ сплетскимъ или съ однимъ изъ его епископовъ; не имѣемъ мы положительнаго указанія и на то, послѣдовало ли и когда именно какое-либо опредѣленное распоряженіе папы о службѣ славянской въ Далмаціи. Принимая, однако-же, въ соображеніе, что до половины XI вѣ-

ка не видно вовсе противодѣйствій этой службѣ и что въ это время встрѣчаемъ снова соборное рѣшеніе объ окончательномъ ея прекращеніи въ той-же Далмаціи, можно, по видимому, думать, что Іоаннъ X или совершенно отмѣнилъ или значительно ослабилъ опредѣленіе 925 года. Дѣйствительно, трудно предположить свободу славянскаго богослуженія, въ теченіе слишкомъ ста лѣтъ, безъ борьбы съ Римомъ, если-бы онъ всецѣло подтвердилъ приговоръ собора сплѣтскаго. Но, съ другой стороны, не должно забывать и прежнихъ примѣровъ, равно и послѣдующихъ, въ которыхъ Римъ закрывалъ на нѣкоторое время глаза, при всемъ своемъ глубокомъ несогласіи съ совершающимися событіями, выжидая поры, когда онъ могъ дѣйствовать съ рѣшительнѣйшимъ вліяніемъ на желаемый имъ успѣхъ и достойнѣе поддержать вѣсъ и практическое значеніе своего голоса. Вѣдь цѣлыхъ пять лѣтъ молчалъ же Римъ и относительно Меѳодія, продолжавшаго служить по-славянски, вопреки предписанію папскому; отправляли славянское богослуженіе и хорваты, въ теченіе цѣлыхъ ста-восьмидесяти лѣтъ, до 1248 года, не смотря на грозное запрещеніе его папою Александромъ, въ 1061 году. А что вѣроятнѣе будетъ принимать отсутствіе какого бы то ни было опредѣленнаго постановленія въ пользу славянской службы и со стороны Іоанна X, послѣ 925 года, и предоставленіе имъ судьбы этой службы будущему времени, весьма убѣдительно доказываетъ молчаніе историческихъ документовъ о какой-либо ссылкѣ хорватовъ на какое-либо позволеніе Іоанна X или одного изъ его преемниковъ, до папы Алексадра II: между-тѣмъ, недовольные хорваты на новое запрещеніе послѣднимъ, конечно, не пропустили бы случая выставить на видъ непослѣдовательность Рима и въ 1061 году, какъ не забылъ епископъ Григорій, въ началѣ X вѣка,

указать Іоанну X на разрѣшеніе славянскаго богослуженія Іоанномъ VIII. Вотъ почему мы и позволяемъ себѣ считать заключеніе Гинцеля о неизбѣжности, будто-бы, отмѣненія сплетскаго рѣшенія Іоанномъ X [56], на томъ основаніи, что богослуженіе славянское въ Далмаціи продолжалось до половины XI столѣтія, поспѣшнымъ и не только не вытекающимъ необходимо изъ обычной политики римскаго двора, но до извѣстной степени даже противорѣчащимъ ей.

Въ правленіе папы Александра II (1061 — 72), по всей вѣроятности, въ самомъ началѣ, собрался снова церковный соборъ въ городѣ Сплетѣ, по тому-же главному вопросу, изъ высшаго духовенства Далмаціи и Кроаціи, подъ предсѣдательствомъ присланнаго папою кардинала, Майнарда [57]. Опредѣленіе этого собора отличается уже гораздо большею рѣзкостью, какъ положительнѣе и прямѣе звучитъ и подтвержденіе его папою: никто не долженъ, говоритъ опредѣленіе собора, совершать божественную службу на языкѣ славянскомъ, а только на латинскомъ и греческомъ; никто не долженъ изъ этого языка (т. е. народа) поставляться и въ священныя званія [58]. Понятно, что не разомъ поддались такому грозному и оскорби-

---

[56] Стр. 120.

[57] Описаніе этого собора, равно и папская булла, по этому случаю, помѣщены въ сочиненіи Өомы, архидіакона сплетскаго, жившаго въ самомъ началѣ XIII столѣтія. Сочиненіе его, подъ заглавіемъ: historia Salonitanorum pontificum atque Spalatensium, напечатано въ первый разъ Іоанномъ Луціемъ, въ его: De regno Dalmatiae et Croatiae. Извѣстіе Өомы о соборѣ сплетскомъ напечатано также въ календарѣ Ассеманія, IV, 378.

[58] Ut nullus de caetero in lingua slavonica praesumeret divina mysteria celebrare, nisi tantum in latina et graeca, nec aliquis ejusdem linguae promoveretur ad sacros ordines.

тельному для національнаго чувства рѣшенію далматскіе славяне; по примѣру старыхъ лѣтъ, и теперь обратились съ возраженіями и просьбою къ папѣ хорваты, — и мы можемъ только жалѣть, что архидіаконъ Ѳома сберегъ намъ одинъ отвѣтъ папскій, не указавши подробно на возраженія и просьбу хорватовъ. Въ отвѣтѣ Александра II уже слышенъ тяжелый и аподиктическій голосъ Рима, свидѣтельствующій объ упроченіи безопасности и не сообразующійся съ правдою и исторической дѣйствительностью: „scitote filii, писалъ папа, quia haec, *quae Gothi petere student*, saepe numero audisse me recolo, sed *propter Arianos inventores literaturae hujusmodi* dare eis licentiam in sua lingua tractare divina sicut praedecessores mei, sic et ego nullatenus audeo“[59].

Здѣсь особенно останавливаютъ вниманіе два положенія: а) о строгомъ и неуклонномъ послѣдованіи Александра своимъ предшественникамъ, и б) о сопоставленіи славянъ съ готоами и изобрѣтателей письменности славянской съ аріанами. Что касается до перваго, то, хотя изъ словъ папы мы и въ состояніи вывести оправданіе нашему заключенію о неотмѣненіи Іоанномъ X рѣшенія собора 925 года, въ чемъ хочетъ убѣдить своихъ читателей Гинцель, тѣмъ не менѣе, не можемъ не упрекнуть Александра II въ явной недобросовѣстности или въ непонятномъ невѣжествѣ: дозволеніе славянскаго богослуженія Адріаномъ II и Іоанномъ VIII дѣлалось слишкомъ гласно и скрѣплялось оффиціальными документами, и не знать о нихъ, не спра-

---

[59] Т. е. знайте дѣти, что о томъ, чего стараются достигнуть Готы, я неоднократно слышалъ; но какъ изобрѣтатели этого рода литературы Аріане, то дозволить имъ совершать богослуженіе на своемъ языкѣ, какъ мои предшественники, такъ и я ни въ какомъ случаѣ не дерзаю.

виться съ ими римскому первосвященнику, при рѣшеніи тогоже вопроса, непростительно, даже болѣе чѣмъ непростительно, когда онъ позволилъ себѣ безусловно указать на *всѣхъ* предшественниковъ; знать же о распоряженіяхъ упомянутыхъ двоихъ папъ и скрыть ихъ — преступно. Но едва-ли можно допустить незнаніе въ Римѣ въ такомъ вопросѣ, который тянулся непрерывно и весьма серьезно и постоянно занималъ папскую курію. Этого мало: Александръ II не правъ, ложенъ въ своемъ обобщеніи предшественниковъ и потому, что долженъ же былъ знать объ отправленіи славянской службы въ Далмаціи, въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ (отъ 925 до 1061), безъ всякаго протеста, тѣмъ менѣе безъ положительнаго запрещенія со стороны многихъ папъ, ближайшихъ своихъ предмѣстниковъ. Произволъ и натяжки, разумѣется, могутъ и молчаніе обратить въ доказательство *непризнанія святыми отцами* господствовавшей практики, но тотъ-же произволъ, при здравомысліи, никогда не будетъ въ силахъ снять заслуженнаго порицанія съ *святыхъ отцевъ*, высшихъ блюстителей чистоты и правовѣрія церкви, за преступное безучастіе къ нарушенію чистоты церковной, длившемуся столь долгое время на ихъ глазахъ. Нѣтъ, Александръ II, папа, не самъ не зналъ о судьбѣ славянской церкви при Адріанѣ II и Іоаннѣ VIII, а разсчитывалъ на незнаніе просителей.

Что, дѣйствительно, въ письмѣ папскомъ славяне сопоставлены съ готѳами и что Меѳодій съ Кирилломъ названы аріанами, объясняетъ отчетливо самъ Ѳома архидіаконъ. Dicebant enim, говоритъ онъ о современникахъ втораго сплетскаго собора, *gothicas litteras a quodam Methodio haeretico fuisse repertas, qui multa contra catholicæ fidei normam in eadem sclavonica lingua mentiendo conscripsit, quam ob rem di-*

vino judicio repentina dicitur morte fuisse damnatus[60]. Эта простая, наивная откровенность безхитростнаго архидіакона, сдѣлавшись невольною, но положительною, уликою настоящаго взгляда въ римскомъ дворѣ XI столѣтія на Меѳодія и его дѣятельность, взгляда, который позаботился было такъ искусно скрыть Александръ II въ отвѣтѣ хорватамъ, подставивши, вмѣсто славянъ и Меѳодія, готоовъ и аріанъ, получила роковое значеніе для нынѣшнихъ католиковъ, выбивающихся изъ всѣхъ силъ, чтобы помѣстить славянскихъ первоучителей въ рядъ покровительствуемыхъ любимцевъ Рима. Съ цѣлію обойдти эту откровенность, не дать ей силы и подорвать объяснительный и обличительный ея характеръ, они прибѣгаютъ къ изумительнымъ уловкамъ.

Одинъ изъ самыхъ безцеремонныхъ толкователей и защитниковъ неправдъ римскихъ, г. Гинцель[61], прежде всего, напримѣръ, старается ослабить довѣріе къ извѣстіямъ Ѳомы общимъ сужденіемъ о неточности его и объ отсутствіи критицизма въ повѣствованіи о древнихъ событіяхъ, которыхъ онъ не былъ современникомъ, ссылаясь, при этомъ случаѣ, на отзывъ перваго издателя исторіи Ѳомы, Луція. Но, во-первыхъ, Луцій дѣлая свой отзывъ, имѣлъ въ виду древнѣйшую эпоху, для которой Ѳома не находилъ подъ руками письменныхъ источниковъ и долженъ былъ ограничиваться устными преданіями. Что это не можетъ относиться къ половинѣ XI вѣка, во-вторыхъ, свидѣтельствуетъ выписанное имъ цѣликомъ посланіе папское

---

[60] Т. е. ибо говорили, что готскія письмена изобрѣтены были какимъ-то еретикомъ Меѳодіемъ, который много лжи написалъ противъ правилъ католической вѣры, за что, говорятъ, божественнымъ судомъ наказанъ скоропостижною смертію.

[61] Стр. 120—121, прим. 1.

и, безъ сомнѣнія, также извлеченное изъ оригинальнаго акта опредѣленіе втораго сплетскаго собора, приведенное нами выше. Кромѣ того, самое преданіе, ежели-бы Ѳома и пользовался только имъ, не могло существенно измѣнить характера событія менѣе чѣмъ въ полтораста лѣтъ, по вопросу, занимавшему сильно далматинцевъ и при жизни Ѳомы, и относительно лица, которое было слишкомъ памятно и извѣстно южнымъ славянамъ. Наконецъ, самое качество преданія о взглядѣ латинниковъ на Меѳодія въ XI столѣтіи, по разсказу автора исторіи сплетскихъ іерарховъ, до такой степени согласно съ предыдущею и послѣдующею судьбою плодовъ Меѳодіевой дѣятельности на западѣ, что гораздо больше права было бы заподозрить истинность его тогда, когда-бы оно выставлено было въ иномъ, противоположномъ свѣтѣ.

Поразительно до забавности усиліе того-же Гинцеля оправдать лукавое отожествленіе папою славянъ съ готоами и изобрѣтателей славянскаго письма съ аріанами [67]. Признать настоящій, дѣйствительный смыслъ въ этомъ отожествленіи ему, разумѣется, было нельзя, не разоблачая истиннаго, злобнаго воззрѣнія Рима на славянскихъ первоучителей, — и Гинцель рѣшился лучше пожертвовать мнѣніемъ о просвѣщеніи не только папъ въ XI столѣтія, но и вообще западной іерархіи, низведя его до степени грубаго невѣжества. „Варварство, говоритъ онъ, между славянами иллирскими достигло въ X вѣкѣ до такого размѣра, что они сами забыли о своей національности и объ особенностяхъ славянства; въ побережьи адріатическомъ, среди латинянъ и славянъ, утвердилось въ эту пору грубое заблужденіе, будто славяне, по своей національности, то-же, что

[67] Стр. 121—122.

и готы. Отсюда, славянская азбука и письменность, изобрѣтеніе которыхъ приписывали Меѳодію, объявлены были готскими, изобрѣтатель же, Меѳодій, сочтенъ латинянами еретикомъ, преданнымъ аріанству готѳовъ. Ни на соборѣ въ Сплетѣ, ни передъ папою Александромъ, которые, опираясь на это заблужденіе, произнесли осужденіе славянской церкви, не въ силахъ были защитники славянства раскрыть неосновательность сего заблужденія и спасти честь своего св. отца Меѳодія. Въ Римѣ господствовало также сильное невѣжество, которое еще менѣе можно извинить, нежели славянское. Только-что прошло двѣстѣ лѣтъ съ того времени, какъ св. Кириллъ и Меѳодій принесли римлянамъ съ отдаленнаго востока безцѣнное сокровище мощей св. Климента, но уже совершенно погибла тамъ память о столь заслуженныхъ великихъ людяхъ". Нѣтъ, не погибла память о нихъ, а, напротивъ, оставалась, какъ видно, въ полной свѣжести, и Римъ доказалъ это положительно своимъ отзывомъ. Неужели г. Гинцель, въ самомъ дѣлѣ, не сознаетъ внутренно всей пустоты и неестественности своего заключенія, которое, въ сущности, скажемъ мимоходомъ, есть не что иное, как распространенное только мнѣніе Ассемани? [63]. Неужели дѣйствительно онъ убѣжденъ, что приданное Александромъ II названіе готѳовъ для славянъ есть, въ настоящемъ случаѣ, названіе народное, и неужели онъ соглашается самъ съ собою, будто подобное отожествленіе папою двухъ національностей проистекло изъ дѣйствительнаго, въ понятіяхъ Рима XI вѣка, смѣшенія готѳовъ съ славянами? Тѣмъ менѣе способны мы допустить это, чѣмъ менѣе согласуется съ здравымъ смысломъ положеніе г. Гинцеля, будто и сами славяне при-адріа-

[63] Kalend. IV, 385.

тическіе забыли въ эту пору о своемъ славянскомъ происхожденіи и не отдѣляли себя отъ готѳовъ, — а и это положеніе принимаетъ за несомнѣнный фактъ нѣмецкій ученый историкъ католической церкви! Народное сознаніе о своей народности, возникши у славянъ уже за нѣсколько вѣковъ и утвердившись еще крѣпче съ принятіемъ христіанства, могло только усиливаться и ни въ какомъ случаѣ затемняться въ послѣдующее время, — и исторія не представитъ ни одного примѣра ни въ одномъ поколѣніи славянскомъ, который бы чѣмъ-нибудь подтверждалъ мысль Гинцеля и его единомышленниковъ. Да и какіе же произошли особенные перевороты въ Далмаціи, въ X — XI столѣтіяхъ, которые бы въ состояніи были выбить изъ хорватовъ и сербовъ сознаніе о своей народности? Ихъ не было, не указываетъ ихъ и г. Гинцель. Правда, онъ намекаетъ на невѣжество, но это невѣжество обусловливается имъ-же заброшенностью латинскаго языка въ Далмаціи, незнаніе котораго, надѣемся, не можетъ ни на одну черту умалить свѣжаго, возникшаго изъ самой жизни народнаго сознанія о себѣ самомъ. Тѣмъ менѣе позволительно ожидать отъ незнанія латинскаго языка смѣшенія родной народности съ другою, чуждою, въ средѣ самаго народа, славянской съ готской; въ этомъ случаѣ, схоластическое изученіе латыни скорѣе способно привести къ обратному результату. Да и гдѣ же нашелъ Гинцель хотя какое-нибудь свидѣтельство у славянъ смѣшенія ими себя съ готѳами? Мы не рѣшимся представить ни одного факта и убѣждены, что встрѣтить его можно развѣ у такого писателя, который за изученіемъ латыни всецѣло отрѣшился отъ жизни и вовсе забылъ ее. Но, къ счастію, такихъ писателей изъ славянъ не существуетъ. Что же касается до указаній Гинцеля на архидіакона Ѳому и священника діоклейска-

го, будто-бы зараженныхъ грѣхомъ смѣшенія славянъ съ готѳами, то это несправедливый и крайне недобросовѣстный извѣтъ. Первый очень явственно далъ замѣтить, напротивъ, непониманіе и невѣжество другихъ, допускающихъ такое смѣшеніе; онъ не безъ ироніи говоритъ о распространенныхъ слухахъ, будто Меѳодіемъ изобрѣтены готѳскія буквы, и тотчасъ-же прибавляетъ, что на *славянскомъ* языкѣ писалъ онъ книги, что латинники преслѣдовали *славянскихъ* священниковъ, при исполненіи опредѣленія сплетскаго собора, что папа Александръ отвѣчалъ иллирійскимъ *славянамъ*, явившимся къ нему съ просьбою о дозволеніи въ богослуженіи *славянскаго* языка. До какой степени ясно сознавалъ славянство священникъ діоклейскій, жившій за сто лѣтъ до Ѳомы архидіакона, и какъ лишенъ всякаго основанія и малѣйшій намекъ на отождествленіе имъ славянъ съ готѳами, всего виднѣе изъ извѣстія діоклейца, напр., о Константинѣ философѣ, приведеннаго въ сочиненіи самого-же г. Гинцеля.

Но, быть можетъ, смѣшивалъ Римъ и, введенный этимъ въ заблужденіе, такимъ образомъ по ошибкѣ, не намѣренно приписалъ Меѳодію то, чего въ самомъ дѣлѣ не было ни въ немъ, ни въ его ученіи? Трудно представить ошибку, заблужденіе въ Римѣ, когда передъ представителемъ его, папою, стояли славяне, способные тотчасъ-же отстранить это заблужденіе, еслибы оно относилось къ смѣшенію народностей. Но допустимъ возможность и взглянемъ на факты. И предыдущая и послѣдующая исторія отношеній папъ къ славянамъ и въ частности къ языку славянскому въ литургіи свидѣтельствуетъ прямо противъ неотличенія ими славянъ отъ готѳовъ. Вспомнимъ изъ начала десятаго вѣка объ Іоаннѣ X: во всѣхъ посланіяхъ своихъ, и къ духовенству далматскому и къ князю хорватскому,

онъ относится къ славянству, какъ къ особой народности, совершенно въ такой-же степени и въ такомъ-же смыслѣ, какъ Адріанъ II или Іоаннъ VIII: slavinica terra, sclavi, slavinica lingua и т. п.; одинаково понималъ славянство и Іоаннъ XIII, въ концѣ X столѣтія, въ письмѣ своемъ (972) къ Болеславу чешскому; онъ даже знаетъ и частныя названія отдаленныхъ вѣтвей славянскихъ и сознательно подводитъ ихъ подъ общее имя славянъ (Bulgarice gentis vel Ruziae aut slavonicae linguae); весьма отчетливымъ представляется знакомство съ славянами, какъ съ отдѣльнымъ отъ готѳовъ народомъ, и вскорѣ послѣ папы Александра II, при Григоріи VII, что ясно видно изъ его посланія (1080) къ чешскому князю Вратиславу, по поводу уничтоженія славянской службы въ Чехіи. Количество примѣровъ можно бы удесятерить. А г. Гинцель хочетъ увѣрить, что въ X—XI столѣтіяхъ и въ Римѣ, и вообще на западѣ, даже въ средѣ самыхъ славянъ адріатическихъ господствовало невѣжественное заблужденіе, будто славяне — тѣ-же готѳы!

Нѣтъ, въ этомъ случаѣ готовы вступиться и мы за Римъ и оправдать его въ несправедливомъ обвиненіи. Римъ очень хорошо понималъ различіе народности славянской отъ готѳской, и если обозвалъ письмена кирилловскія *готѳскими*, то соединялъ съ этимъ словомъ совершенно иное значеніе, то значеніе, какое слышится въ наименованіи изобрѣтателей славянской азбуки *аріанами*. Готѳы издавна были извѣстны, какъ ревностные приверженцы секты аріанской; участниками этой-же секты папа Александръ II хотѣлъ выставить и Кирилла съ Меѳодіемъ, равно и всѣхъ его послѣдователей славянскихъ. Вотъ почему и азбука, изобрѣтенная первыми и принятая послѣдними, и вся письменность Кирилло-Меѳодіевская (litteraturae hujusmodi inventores), названа готѳскою, т. е. аріанскою,

сами-же солунскіе братья названы аріанами. Съ точки зрѣнія Рима, названіе совершенно соотвѣтственное, и оно важно для насъ, какъ неопровержимый указатель неумолимо-строгой последовательности во враждебномъ взглядѣ на солунцевъ въ куріи папской.

Это есть отплата, отмщеніе Кириллу и Меѳодію за ихъ отзывъ о латинствѣ, выраженный въ извѣстномъ уже намъ Кирилловомъ исповѣданіи вѣры. Какъ будто Александръ II имѣлъ его передъ своими глазами и сообразовался съ нимъ, при порицаніи ученія солунскихъ братьевъ. Припомнимъ, что св. Кириллъ упрекалъ латино-нѣмецкихъ іерарховъ въ аріанствѣ, по поводу смѣшенія ими двухъ началъ божества, въ-слѣдствіе прибавки *filioque*, чѣмъ допустили они то-же зло, какое господствовало между аріанами и какое думали уничтожить упомянутою прибавкою [64]. Понятно, что чѣмъ глубже входило въ догматическую истину *filioque* на западѣ, тѣмъ тѣснѣе въ глазахъ латинниковъ сближались православные съ аріанами, какъ отвергавшіе прибавленіе, и тѣмъ самымъ, по ихъ мнѣнію, унижавшіе достоинство Сына Божія, въ чемъ, существеннымъ образомъ, и состояло заблужденіе аріанъ. Вотъ гдѣ причина, по которой дозволилъ себѣ папа выразиться: propter *arianos inventores* litteraturae hujusmodi, вотъ почему и славянскія, Кирилло-Меѳодіевскія письмена назвалъ онъ готскими, такъ-какъ среди готѳовъ по преимуществу сосредоточилась Аріева секта и такъ-какъ, въ силу этого, готѳскій народъ сдѣлался синонимомъ всему аріанскому. Отсюда логически необходимый выводъ, что Кириллъ и Меѳодій, по признанію самого первосвященника западнаго, XI вѣка, исповѣдывали, значитъ, символъ вѣры по

[64] См. выше, стр. 426.

вѣрованію и ученію восточной церкви, боролись съ нѣмецкимъ духовенствомъ, слѣдовательно, не за букву только, какъ стараются выставить эту борьбу нынѣшніе писатели католическіе, а за идею, за истину, все больше и больше извращавшуюся въ церкви западной.

Но Александръ II, былъ можетъ, по незнанію, по личному недоразумѣнію высказалъ подобный отзывъ; быть можетъ, римская церковь была далека отъ него и въ это время, какъ не даетъ повода упрекать себя въ несправедливомъ осужденіи солунцевъ и въ прежнюю пору? Такъ и утверждаютъ позднѣйшіе римляне, на этомъ стоитъ особенно и знакомый уже намъ г. Гинцель. Но внимательному читателю нашего изслѣдованія стоитъ лишь мысленно совокупить всѣ главнѣйшіе моменты въ судьбѣ славянскихъ первоучителей на западѣ и характеръ отношеній какъ къ нимъ, такъ и къ послѣдствіямъ ихъ дѣятельности, т. е. къ славянской службѣ, со стороны первосвященниковъ римскихъ, чтобы представить въ ясности и отчетливости ту прогрессивную послѣдовательность во взглядѣ ихъ, какая завершилась голосомъ Александра II, и подмѣтить тѣсную зависимость силы этой прогрессивности отъ степени постепеннаго удаленія другъ отъ друга восточной церкви и западной.

Въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ Адріанъ II является преданнымъ покровителемъ обоихъ братьевъ, возвышаетъ одного изъ нихъ въ санъ архіепископа, отзывается какъ объ истинно православныхъ, Іоаннъ VIII не въ силахъ уже скрыть своего колебанія: онъ то испытываетъ Меѳодія въ вѣрѣ, то вступается за него, то предоставляетъ собственной участи, подъ дерзкимъ преслѣдованіемъ злѣйшихъ враговъ его; сомнѣніе въ неправовѣріи Меѳодіевомъ возникаетъ въ Іоаннѣ съ каждымъ доносомъ отъ нѣмцевъ. Выступаетъ папа Стефанъ, — и уже го-

това и отправлена булла съ цѣлью отстранить Меѳодія, и, хотя въ неопредѣленныхъ еще выраженіяхъ, скорѣе въ видѣ догадокъ, предчувствій, положительно невыгодный взглядъ въ Римѣ на архіепископа моравскаго очевиденъ. Меѳодій умираетъ; послѣдователи его разогнаны, но ученіе и служба солунскихъ просвѣтителей не исчезли изъ области патріархата римскаго, нашедши себѣ пріютъ въ Далмаціи; апостольская столица, такимъ образомъ, не освободилась отъ необходимости выяснять свое мнѣніе о солунцахъ и долго спустя послѣ смерти ихъ, на основаніи дѣла рукъ и ума ихъ. Здѣсь сталкиваемся мы съ Іоанномъ X. Его воззрѣніе уже опредѣленнѣе и высказывается смѣлѣе; онъ позволяетъ себѣ уже прямо сомнѣваться въ значеніи Меѳодія; въ смыслѣ рѣзкаго упрека замѣчаетъ уже далматинцамъ, что нѣтъ вовсе основаній руководиться въ дѣлахъ вѣры Меѳодіемъ, что онъ не стоитъ въ ряду авторитетныхъ писателей; этого мало, ученіе Меѳодіево Іоаннъ X называетъ прямо несогласнымъ съ священнымъ писаніемъ. Отсюда не далеко уже и до приговора Александра II, заклеймившаго обоихъ братьевъ именемъ еретиковъ.

Неразлучно съ постепенно возвышающимся голосомъ Рима противъ личности солунцевъ, усиливается съ каждымъ поворотомъ и осужденіе ихъ ученія, восходя точно такъ-же отъ неопредѣленнаго колебанія до обвиненія въ ереси, заслуживающей преслѣдованія и проклятія. Ученіе это олицетворилось въ славянскомъ богослуженіи; противъ него-то и направлены стрѣлы римскія.

Адріанъ II, послѣ предварительнаго испытанія, разрѣшаетъ безусловно отправлять службу по книгамъ Кирилло-Меѳодіевымъ; Іоаннъ VIII два раза запрещаетъ и два раза разрѣшаетъ въ Моравіи; сквозь пальцы смотритъ на славянскую литургію въ

Далмаціи, но въ то-же время не забываетъ обнаружить въ письмѣ къ латинскимъ іерархамъ непріязненный свой взглядъ не только на грековъ, но и на славянъ. Іоаннъ X, въ письменномъ призывѣ духовенства далматскаго на соборъ въ Сплетѣ, рѣшительно требуетъ устраненія славянскаго языка и замѣны его латинскимъ. Папа Александръ II уже открыто называетъ славянскія письмена готскими, еретическими и безусловно требуетъ отъ своей паствы бросить ихъ.

При этомъ опять мы не можемъ оставить безъ вниманія сужденій латинниковъ. Они не въ силахъ опровергнуть действительности гоненія на службу славянскую, — фактъ этотъ слишкомъ очевидный; но, чтобы спасти *латинское* правовѣріе за Кирилломъ и Меѳодіемъ, напрягаютъ всѣ силы своей софистики, чтобы увѣрить читателей, будто гоненіе простиралось исключительно на языкъ и не касалось того, что было облечено въ этотъ языкъ, такъ-какъ содержаніе заимствовано изъ обрядовъ и обычаевъ латинской церкви. Такихъ пріемовъ нельзя даже назвать и умственнымъ ослѣпленіемъ: доказательства противъ нихъ такъ ярки и такъ положительны, что единственно предламѣренная недобросовѣстность въ состояніи отстранить ихъ.

Дѣйствительно, какъ объяснить, напримѣръ, хотя слѣдующія выраженія Іоанна X, если не относить ихъ къ содержанію славянскихъ книгъ и къ особенностямъ ученія Кирилла и Меѳодія, сравнительно съ римскою церковью: cognovimus, писалъ онъ духовнымъ далматскимъ, *aliam doctrinam pullulare* (т. е. при славянскомъ богослуженіи), *quae in sacris voluminibus non reperitur* (разумѣется, въ книгахъ римскихъ); или: *ad Methodii doctrinam* confugiunt; желая изгнать славянскій языкъ, папа требовалъ, чтобы богослуженіе совершалось по обрядамъ римской церкви и на латинскомъ языкѣ, слѣдовательно,

богослуженіе славянское было по обрядамъ не римской церкви. До какой степени неразрывно связано съ не-римскими обрядами богослуженіе Кирилло-Меѳодіево, разительное доказательство предлагаетъ и папа Іоаннъ XIII, въ упомянутомъ уже однажды нами посланіи къ чешскому князю, Болеславу II. Разрѣшая устройство епископской каѳедры и женскаго монастыря въ Прагѣ, папа заботливо прибавляетъ: *verum tamen non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis vel Ruziae aut slavonicae linguae.* Кажется, ясно, что Кирилло-Меѳодіевскій обрядъ былъ обрядъ Болгаріи и Руси, или, что то-же самое, греческій, и какъ такой, онъ тѣмъ разительнѣе противорѣчилъ римскому, чѣмъ больше съ теченіемъ времени прокрадывалось въ него отступнической новизны. Вотъ гдѣ объясненіе и мнѣнія латинниковъ XI столѣтія, записаннаго Ѳомою архидіакономъ, о Меѳодіи, что онъ *multa contra catholicae fidei normam in eadem sclavonica lingua mentiendo conscripsit.*

И такъ, соображая все сказанное о разъясненіи римскаго взгляда на Кирилла и Меѳодія въ первые два-съ-половиною вѣка послѣ нихъ, мы неизбѣжно должны прійдти къ слѣдующимъ несомнѣннымъ и положительнымъ заключеніямъ: а) что славянскіе просвѣтители оставались во все время своего пребыванія въ западномъ патріархатѣ вѣрными и неуклонными последователями православной церкви восточной, не только въ догматической ея части, но и въ обрядовой, и что составленный ими переводъ и установленная служба были безусловно чужды всѣхъ отступленій и нововведеній западныхъ. б) При такомъ положеніи своемъ, они не могли не вызывать со стороны блюстителей церковныхъ порядковъ запада недовольства и преслѣдованій; всматриваясь въ эти преслѣдованія, невольно поражаешься зависимостью напряженности ихъ отъ упрочивавшагося

разъединенія обѣихъ церквей, восточной и западной: чѣмъ ближе время къ первымъ зачаткамъ этого разъединенія, чѣмъ менѣе, слѣдовательно, было ясности и опредѣленности въ чертахъ раздѣла, тѣмъ осторожнѣе и мягче отзывъ Рима и о солунцахъ и о ихъ ученіи, тѣмъ неустойчивѣе и отношенія къ нимъ его первосвященниковъ, какъ при Адріанѣ II и Іоаннѣ VIII. Но по мѣрѣ того, какъ отдѣльные пути церквей расходились все дальше и дальше, какъ нововведенныя и нововводимыя особенности римской церкви пріобрѣтали все больше и больше догматической силы и законности, отрѣзавши, наконецъ, со рѣзкою границею отъ восточной, и взглядъ на Кирилла и Меѳодія, естественно, долженъ былъ получать больше опредѣленности и враждебности, какъ подъ перомъ Стефана, Іоанна X и Іоанна XIII, достигши при Александрѣ II отожествленія ихъ съ еретиками. Не забудемъ, что этотъ сильнѣйшій тонъ обвиненія совпадаетъ по времени съ послѣднимъ моментомъ церковнаго разрыва, при византійскомъ патріархѣ, Михаилѣ Керуларіи, въ 1053 году.

Къ такому-же убѣжденію въ свойствахъ славянской службы и въ отношеніяхъ Кирилла и Меѳодія къ Греціи приводятъ насъ и соображенія о судьбахъ наслѣдія солунцевъ въ Чехіи, князь которой, Боривой, какъ замѣчено нами выше, былъ лично крещенъ Меѳодіемъ. Считаемъ лишнимъ останавливаться на доказательствахъ того, какъ въ первое время христіанства въ чешской странѣ господствовало исключительно славянское богослуженіе въ духѣ и смыслѣ православно-восточнаго ученія славянскихъ просвѣтителей, какъ сильно и могущественно было оно и въ то даже время, когда съ половины, особенно съ конца X столѣтія, латинство успѣло завлечь на свою сторону высшую свѣтскую власть и организовать, въ лицѣ епископа, высшую

свою іерархію. Вопросъ объ этомъ представляетъ на-столько подробное, безпристрастное и отчетливое изслѣдованіе, въ отечественной литературѣ, что намъ смѣло можно ограничиться только указаніемъ на него [65]. Съ своей стороны, мы считаемъ вполнѣ достаточнымъ обратить вниманіе единственно на тѣ моменты, въ которыхъ выступаетъ голосъ представителя западной церкви съ тѣмъ-же тономъ и смысломъ, какой раскрытъ нами въ обзорѣ судьбы ученія Кирилла и Меѳодія въ Моравіи и установленной ими службы въ Далмаціи и какой служитъ новымъ подтвержденіемъ добытыхъ нами выводовъ и рѣшительнымъ опроверженіемъ насильственныхъ увѣреній современнаго католичества.

Два особенно рѣзкихъ момента выдаются въ исторіи церкви чешской. Одинъ изъ нихъ отчасти намъ извѣстенъ и касается распоряженія папы Іоанна XIII объ учрежденіи въ Прагѣ епископства и монастыря, въ концѣ X вѣка; другой относится къ монастырю сазавскому и къ славянскимъ порядкамъ въ немъ, заведеннымъ основателемъ его, св. Прокопіемъ. Выраженіе буллы римской въ первомъ случаѣ свидѣтельствуетъ ясно о присутствіи, съ одной стороны, славянской литургіи въ чешской странѣ, о непосредственной связи этой литургіи, по замѣчанію самого папы, съ церковными обрядами Болгаріи и Руси и о враждебномъ его взглядѣ на нее, какъ на секту, на ересь; съ другой, строгимъ требованіемъ Іоанна XIII отъ князя чешскаго — поручить епископское званіе человѣку, который бы въ совершенствѣ зналъ латинскій языкъ и былъ бы способенъ вспахать новую почву въ душахъ язычниковъ и по-

---

[65] Православіе у Чеховъ, сочиненіе Евгенія Новикова, Москва, 1848.

сѣять на ней сѣмена благой дѣятельности[66], — говоритъ о боязни папы, чтобы не расширилась еще больше секта эта и о непремѣнномъ желаніи замѣнить ее латинствомъ.

Еще виднѣе взглядъ римскаго двора и вообще латинства на славянскій обрядъ — въ переворотахъ съ недолговѣчнымъ монастыремъ сазавскимъ. Свѣдѣнія о воспитаніи и христіанскомъ образованіи виновника устройства этого монастыря, св. Прокопія, не оставляютъ и тѣни сомнѣнія, что онъ былъ ревностнымъ послѣдователемъ ученія св. Кирилла, книги котораго и служили для него главнѣйшимъ матеріаломъ и источникомъ религіознаго просвѣщенія[67]. Ни одинъ католикъ не въ состояніи отвергнуть и того, что введенное Прокопіемъ богослуженіе было славянское. Въ первоначальномъ основаніи монастыря живѣйшее участіе принимали двое чешскихъ князей, Ольдрихъ, положившій начало ему (1032), и Брячиславъ, доведшій до конца (1039). Какъ-же могъ согласиться Римъ на такое учрежденіе, къ которому обнаруживалъ постоянно и вездѣ враждебность? Нѣтъ ни малѣйшаго намека въ историческихъ памятникахъ на какое-либо отношеніе къ нему Рима въ первыя минуты существованія монастыря; а политика и образъ мыслей князей-основателей, ихъ ненависть къ нѣмцамъ, главнымъ проводникамъ латинства и защитникамъ интересовъ

---

[66]...unum potiorem tot'us ecclesiæ ad placitum el'gas in hoc opus clericum, latinis adprime literis eruditum, qui verbi vomeri novalia cordis gentilium scindere et triticum bonae operationis serere, atque manipulos frugum vestræ fidei Christo reportare sufficiat. Письмо это, отъ 972 года, помѣщено въ лѣтописи Козьмы Пражскаго, въ Scriptor. rerum bohem., Pragæ, T. 1, 1783, стр. 48.

[67] Срв. Сазавоэммауское благовѣствованіе, изд. Ганки, 1846, Прага, предисловіе.

папства, рѣшительное намѣреніе удалить ихъ изъ своего княжества, равно и явный раздоръ съ папою, уже пославшимъ угрозу о преданіи Брячислава клятвѣ [68], — говорятъ скорѣе въ пользу того, что они и не обращались въ Римъ за совѣтами или дозволеніемъ. Въ 1055 году умираетъ Брячиславъ и престолъ чешскій занимаетъ сынъ его Спитигнѣвъ II. Преданность этого князя къ латинскому духовенству [69] не замедлила тотчасъ-же отразиться и на судьбѣ монастыря славянскаго, бывшаго спицею въ глазахъ поклонниковъ папы: по свидѣтельству лѣтописи сазавской, они успѣли вооружить Спитигнѣва и противъ игумена и противъ братіи, обвинивши ихъ въ ереси и расколѣ, проникавшихъ, будто-бы, изъ славянскихъ книгъ [70]. Недолго, однакоже, наслаждались своею побѣдою латинники; со вступленіемъ на престолъ Брячислава II, около 1063 года, изгнанные монахи введены были снова въ монастырь сазавскій и славянская литургія возобновилась. Замѣчательно, что это возобновленіе совершилось въ то самое время, какъ на другомъ концѣ міра славянскаго, въ Далмаціи, Александръ II такъ рѣшительно и грозно воспретилъ Кирилло-Меѳодіевское богослуженіе; еще болѣе замѣчательно, что возвращеніе монастыря сазавскаго славянамъ опять сходится съ враждебностью князя чешскаго къ нѣмцамъ и съ дружественными связями его съ императоромъ Генрихомъ IV, которому не переставалъ онъ оказывать вещественную помощь, въ знаменательной борьбѣ

[68] Палацкаго, Dějiny národu českého, Praha, 1848, I, 312.

[69] Тамъ-же, стр. 319.

[70] Eos multifariis vituperiis publicant, scilicet dicentes, per slavonicas literas haeresis secta hypocrisisque esse aperte irretitos ac omnino perversos. Chronicon Sazaviense, въ «Scriptores rerum bohemic.», I, 97.

его съ папою Григоріемъ VII [71]. Но если погибли письма папы Александра II въ Чехію [72] и, такимъ образомъ, мы лишены возможности узнать взглядъ и распоряженіе его, касательно порядковъ сазавскихъ, за то съ точностью можемъ опредѣлить отношеніе къ нимъ Григорія VII. Въ буллѣ своей, на имя Вратислава II, отъ 1080 года, онъ требуетъ отъ князя употребить всѣ усилія, чтобы прекратить безуміе и устранить славянскій языкъ въ дѣлахъ вѣры [73]. При этомъ случаѣ, Григорій позволилъ себѣ объяснить и причину своего несогласія на разрѣшеніе славянскаго богослуженія; причина эта заключается, конечно, въ умышленномъ и противномъ истинному христіанству мнѣніи, что распространеніе св. писанія среди простаго класса можетъ повести къ его униженію и къ разнымъ заблужденіямъ, что самъ всемогущій Богъ заблагоразсудилъ оставить нѣкоторыя мѣста писанія сокрытыми. Но и многорѣчивая булла съ грознымъ своимъ приказаніемъ не перемѣнила понятій Вратислава: сазавскій монастырь продолжалъ свое дѣло до самаго 1097 года, когда, наслѣдника Вратиславова, Брячислава II, опять подчинило своему вліянію духовенство латинское. Такимъ образомъ, славянство и въ чешской церкви одинаково является проводникомъ ереси и заблужденій, и въ этомъ смыслѣ преслѣдуется съ тою-же яростью и постоянствомъ поборниками латинизма; значитъ, и тутъ, вблизи къ епархіи Меѳодіевой, въ странѣ сосѣдней съ мѣстами само-

---

[71] Палацкій, тамъ-же, стр. 358.

[72] Тамъ-же, стр. 330.

[73] Regesta Bohem., Erben, стр. 70, № 162:... teque ad honorem omnipotentis dei *huic vanae temeritati* viribus totis resistere praecipimus.

личной проповѣди и служенія св. Кирилла и Меѳодія, ученіе ихъ точно такъ-же признается противнымъ обычаямъ римскимъ.

Но ежели ближайшее разсмотрѣніе обстоятельствъ преслѣдованія службы славянской на западѣ свидѣтельствуетъ очевидно, что интересъ преслѣдователей далеко не былъ ограниченъ устраненіемъ одного языка, что онъ существенно заключался въ подавленіи всего, что вносилось посредствомъ этого языка въ жизнь славянскаго народа и что противорѣчило новымъ порядкамъ латинской церкви, то взглядъ на отношенія латинства къ нѣкоторымъ обычаямъ въ церкви славянской, въ теченіе X — XII вѣковъ, подтверждаетъ до несомнѣнности, какъ неразлучно было славянское богослуженіе съ постановленіями исповѣданія восточнаго, греческаго, и какъ на-долго пустило оно глубокіе отъ себя корни, потребовавшіе самыхъ энергическихъ мѣръ со стороны іерархіи римской. Въ ряду такихъ обычаевъ занимаетъ особенно видное мѣсто бракъ духовенства.

Латинское целибатство восходитъ началомъ своимъ весьма въ отдаленной старинѣ. Вспомнимъ, что уже папа Николай I, въ своихъ отвѣтахъ болгарскому князю [74], сильно порицалъ женидьбу духовенства и убѣждалъ оказывать предпочтеніе не женатымъ священникамъ; на западѣ, въ эту пору, отсутствіе брака вошло уже въ силу закона, такъ-что грозныя повелѣнія Григорія VII, въ XI столѣтіи, касались только частныхъ злоупотребленій закона. А что находимъ мы не только въ XI, но и въ XII вѣкахъ въ священствѣ славянскомъ, во всѣхъ странахъ, гдѣ или впервые утверждено христіанство славянскими проповѣдниками или куда не замедлило проникнуть установленное ими славянское богослуженіе? И въ Польшѣ, и въ

---

[74] См. выше, стр. 106.

Чехіи, въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ міра славянскаго на западѣ, почти съ первыхъ дней христіанства подчиненныхъ патріархату римскому, обычай брака духовныхъ является общимъ, узаконеннымъ и спокойно продолжающимъ свое существованіе, не взирая на строгія преслѣдованія въ областяхъ міра романскаго и германскаго. Не ранѣе половины XII вѣка встрѣчаемъ мы рѣшительное намѣреніе Рима подавить этотъ обычай и среди славянъ. Съ этою цѣлью, отправленъ былъ папою особый даже кардиналъ въ Чехію и Моравію, прожившій тамъ цѣлыхъ два года (1143—1145); но, видно, разлученіе имъ священниковъ съ женами [75] имѣло мало успѣха въ будущемъ, потому что въ 1197 году видимъ мы въ Чехіи новаго легата папскаго, вынудившаго отъ духовенства обѣтъ безбрачной жизни, который съ сихъ поръ долженъ былъ давать всякій клирикъ передъ поставленіемъ въ священники [76]. Какъ понять и какъ объяснить такое явленіе, сосредоточенное, въ указанный періодъ времени, единственно въ странахъ славянскихъ, въ которыхъ Кирилло-Меѳодіевская литургія внѣ всякаго сомнѣнія и которое давнымъ давно сдѣлалось чуждымъ, беззаконнымъ во всѣхъ остальныхъ частяхъ латинскаго запада? Не ясно ли, что это явленіе стоитъ въ неразрывной связи съ такою литургіею, порождено и обусловлено ею; не очевидна ли, послѣ этого, и непосредственная связь этой литургіи съ православнымъ востокомъ, никогда не поднимавшимъ голоса противъ законности браковъ духовенства? И если черезъ Кирилла и Меѳодія проникалъ на западѣ столь высокой важности

---

[75] Separavit sacerdotes ab uxoribus, говоритъ продолжатель Козьмы пражскаго, I, 342.

[76] Православіе у чеховъ. Новикова, стр. 37.

обычай съ востока, всецѣло противный укоренившимся уже постановленіямъ церкви латинской, то что-же сказать объ обрядахъ самой литургіи, и можно ли, не посягая на здравый смыслъ и не увлекаясь задачами намѣреннаго затемнѣнія истины, утверждать, подобно Гинцелю и его собратіи, тожество ихъ съ обрядами латинства?

И такъ, къ концу XI столѣтія, все, что носило на себѣ отпечатокъ мысли и трудовъ св. солунскихъ братьевъ, все, что напоминало о ихъ дѣятельности и отзывалось ихъ ученіемъ, признано было на западѣ, устами верховныхъ пастырей его, не только излишнимъ, неумѣстнымъ, но положительно недостойнымъ, противозаконнымъ, еретическимъ, преступнымъ, свидѣтельствовавшимъ лишь объ опасномъ заблужденіи, которое требовалось исторгнуть съ корнемъ. Понятно, что служба славянская, этотъ неуловимый проводникъ восточнаго православія, должна была пріостановиться; въ Далмаціи, по рѣшенію втораго сплетскаго собора, утвержденному во всѣхъ частяхъ Александромъ II, не только удалены были славянскіе священники отъ своихъ должностей, но даже запечатаны и церкви, въ которыхъ совершалась Кирилло-Меѳодіевская служба [77]; въ монастырѣ сазавскомъ, нахлынувшіе туда латинскіе монахи, подъ водительствомъ своего игумена, почли первою обязанностью истребить въ конецъ всѣ книги славянскія, которыя одни тамъ и находились [78]. Но мож-

[77] Не безъ замѣтной горести говоритъ объ этомъ знакомый намъ Ѳома архидіаконъ: denique, cum hoc statutum fuisset synodali sententia promulgatum et apostolica auctoritate confirmatum, omnes sacerdotes Sclavorum *magno sunt moerore confecti*, omnes quippe eorum ecclesiæ clausæ fuerunt, ipsi a consuetis officiis siluerunt.

[78] Idem abbas libros non invenit loco sibi commisso *praeter scla-*

но ли было надѣяться на полный успѣхъ въ мірѣ славянскомъ отъ этого разрушительнаго направленія латинской пропаганды? Можно ли допустить, чтобы славяне, воспитанные съ первыхъ дней христіанства въ его истинахъ на родномъ языкѣ, привыкшіе въ теченіе двухъ вѣковъ слышать слово Божіе въ трудахъ благоговѣйно чтимыхъ ими солунцевъ и убѣдившіеся собственнымъ опытомъ, какъ важенъ такой порядокъ и въ жизни общественной, для сохраненія самостоятельности народной и для отраженія гибельнаго вліянія латинства, согласились примириться съ судьбою и покориться предписаніямъ корыстной іерархіи безъ всякихъ усилій отстоять свое достояніе? Въ состояніи ли былъ и самый Римъ поступать съ славянами такъ-же развязно, энергически и безбоязненно, какъ дѣйствовалъ онъ въ областяхъ романо-германскихъ? Исторія даетъ слишкомъ ясный и отрицательный отвѣтъ, поясняя, въ то-же время, и побужденія уступчивой политики папъ относительно славянъ.

Въ мірѣ западномъ, между романцами и германцами, латинство было первымъ и исключительнымъ проводникомъ христіанства; отъ первыхъ зачатковъ крещенія этихъ народовъ, Римъ втягивалъ уже ихъ въ свою желѣзную систему и заботливо замыкалъ всѣ скважины, черезъ которыя бы могло что-либо проникнуть подрывающее эту систему, основанную на формализмѣ въ религіи и на безусловномъ господствѣ іерархіи въ жизни общественной. Между такими скважинами, естественно, занимало одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ непосредственное знакомство народовъ съ священнымъ писаніемъ. Признать законность этого знакомства, допустить его свободу, значило разоблачить множе-

---

vonicos.... libri linguæ eorum (slavorum) *deleti omnino et disperditi*. Сазавская хроника, въ изданіи Козьмы пражскаго, стр. 204.

ство отступленій латинской церкви отъ дѣйствительнаго ученія Спасителя, раскрыть все поразительное ему противорѣчіе въ установившейся системѣ ея іерархіи и въ отношеніяхъ послѣдней къ массамъ народовъ. Отсюда, строжайшее преслѣдованіе попытокъ къ переводу божественныхъ книгъ на туземный языкъ и безчеловѣчныя истязанія для всѣхъ, кто дерзалъ нарушать преступныя запрещенія Рима; отсюда возникъ и укоренился на западѣ тотъ позорный взглядъ на простонародье, какой отмѣченъ уже въ приведенныхъ нами выше словахъ Григорія VII и какой еще рѣзче выразился въ распоряженіи папы Иннокентія III, по поводу жалобы метцкаго епископа на паству, которая не слушалась его приказаній и читала библію. Иннокентій III писалъ жителямъ Метца: „узналъ я, что многіе между вами, какъ мужчины, такъ и женщины, изъ сильной любви къ св. писанію, перевели себѣ евангеліе, посланія Павла, псалмы, нравственное ученіе Іова и многія другія св. книги и читаютъ ихъ въ своихъ тайныхъ обществахъ“, онъ возстаетъ противъ этого, и въ числѣ доводовъ приводитъ слѣдующее: *„приказано было побивать камнями всякое животное, которое взойдетъ на священную гору,—это для того, чтобы ни одинъ простой и не ученый человѣкъ не осмѣливался восходить до высоты писанія“*. Въ 1200 году, папа отправляетъ нѣсколько аббатовъ, и они сожигаютъ въ Метцѣ всѣ книги, какія находятъ, и истребляютъ читающихъ. Даже въ монастыряхъ цистерціанскихъ были сожжены переводы св. писанія [79]. Такъ, устами пресловутаго *намѣстника* Спасителева, низведенъ на степень животнаго не только простолюдинъ, но даже и про-

---

[79] «Древнѣйшіе протестанты въ западной церкви», въ Трудахъ кіевской духовной академіи, іюль, 1862, стр. 277—347.

стой монахъ; распоряженіемъ верховнаго представителя западнаго христіанства признаны и тотъ и другой недостойными даже знать ученіе Того, именемъ Котораго освящена была ихъ религія и Котораго, по наставленіямъ того-же духовенства, они привыкли считать ея основателемъ. Этотъ безумный и безбожный взглядъ обратился, такимъ образомъ, къ XIII вѣку, въ догму латинской церкви и послужилъ основою для дальнѣйшихъ ея подвиговъ въ истребленіи человѣчества.

Но долгое время уклоненія отъ этой догмы ограничивались отдѣльными единицами; многимъ надобно было пройдти вѣкамъ прежде, нежели успѣли охватить онѣ массы народныя, которыя, не будучи знакомы съ другими порядками, отъ самаго начала христіанства пріученныя къ подобной системѣ, тѣмъ безсознательнѣе подчинялись ей, что и власть свѣтская видимо поддерживала ее, руководясь, конечно, тою-же эгоистическою политикою—закрыть отъ народа ученіе, въ основаніи котораго лежало духовное братство и равенство. Политическая и религіозная отрѣзанность отъ востока и воспитанное къ нему предубѣжденіе преграждали и съ этой стороны путь къ свободному проходу на западъ истинныхъ понятій христіанства,—и, почти до самаго XVI вѣка, латинство не переставало быть непроницаемою завѣсою безнравственнѣйшей эксплуатаціи народа, совершавшейся во имя несознаваемой и непонимаемой имъ религіи. При такомъ сопоставленіи сторонъ, понятенъ и временный успѣхъ отъ войнъ и костровъ, понятны и плоды инквизицій, направленныхъ лишь на отдѣльныя общества, безсильныя въ борьбѣ съ могучимъ латинствомъ.

Не такъ легко было ладить съ славянствомъ, испытавшимъ уже прелесть роднаго языка въ дѣлахъ вѣры и сознательно, съ

полнымъ сочувствіемъ и убѣжденіемъ, примкнувшимъ къ ней подъ руководствомъ памятныхъ проповѣдниковъ. Здѣсь Риму пришлось столкнуться съ цѣлыми массами, съ корнемъ народнымъ, — и упорныя, кровавыя преслѣдованія его могли отразиться совершенно въ обратныхъ результатахъ. Опасность предстояла тѣмъ большая, что непосредственное сосѣдство славянъ западнаго патріархата съ славянами восточнаго православія указывало само собою дорогу, на которой вполнѣ удобно было ускользнуть отъ насильственной латинизаціи. Обзоръ судьбы славянской литургіи, въ два-съ-половиною вѣка послѣ первыхъ ея зародышей въ Моравіи, служитъ наглядным доказательствомъ, что Римъ понималъ это различіе и прибѣгалъ къ мѣрамъ несравненно осторожнѣйшимъ. Представленная нами постепенная послѣдовательность перемѣны взгляда его на значеніе Кирилла и Меѳодія и ихъ богослуженія, а также остановчивость въ рѣшеніяхъ и воздержность въ приведеніи въ исполненіе рѣшеній — свидѣтельствуютъ ясно, что латинство болѣе полагалось на время, считало необходимымъ исподоволь, незамѣтно затянуть славянъ въ свой узелъ. Во время Александра II и Григорія VII, казалось, что узелъ этотъ былъ уже на-столько крѣпокъ, что Римъ призналъ безопаснымъ прибѣгнуть и къ болѣе рѣшительнымъ и окончательнымъ мѣрамъ. Послѣднія намъ извѣстны. Что же славяне?

Въ Далмаціи, по-крайней-мѣрѣ, они продолжаютъ по прежнему родное богослуженіе и вынуждаютъ, наконецъ, папу избрать новое средство для предупрежденія опасности отъ проникновенія восточнаго православія, средство, исключительно обращенное на славянъ и содержащее въ себѣ очевидную уступку. Съ половины XIII вѣка, пущенное въ ходъ средство это открываетъ новый періодъ во взглядѣ Рима на славянскій языкъ въ дѣлѣ богослуженія, и остановиться на опредѣленіи характера его намъ

необходимо, потому что онъ служитъ отрицательнымъ указателемъ причинъ, по которымъ подвергалась славянская служба гоненію въ предшествующее время.

Исторія не сохранила намъ подробныхъ свѣдѣній о состояніи славянской литургіи въ Далмаціи, послѣ знаменательнаго втораго собора въ Сплетѣ, но булла папы Иннокентія IV, отъ 1248 года, достаточно вознаграждаетъ отсутствіе этихъ свѣдѣній, свидѣтельствуя положительно о безсиліи соборнаго опредѣленія и папскаго подтвержденія. Булла эта служитъ отвѣтомъ погибшему посланію къ папѣ отъ епископа сеньскаго; изъ нея раскрывается: во а) что упомянутый епископъ просилъ папу дозволить славянское богослуженіе, которое въ области его пользуется *общимъ обычаемъ*[80]; во б) что священныя книги облечены въ *особую азбуку*, изобрѣтателемъ которой славянское духовенство признавало *блаженнаго Іеронима*[81]. И такъ, богослуженіе славянское не прерывалось; привычка къ нему, значитъ, до того была сильна, что и высшее духовенство Далмаціи, не смотря на рѣшеніе собора и на могущественную поддержку папы, не въ состояніи было подавить его. Но епископъ сеньскій указываетъ на какую-то особенную письменность, источникомъ которой являются уже не Кириллъ съ Меѳодіемъ, а Іеронимъ. Понятно, что это та самая письменность, которая съ XIII вѣка, не прерываясь, употребляется католическими далматинцами и пріурочивалась до

[80] Unde ut illis (clericis) efficiaris conformis et *terræ consuetudinem* imiteris... nos.. licentiam tibi in illis partibus, ubi *de consuetudine observantur praemissa*.... concedimus. Raynaldus in annalibus ecclesiasticis, ad an. 1248.

[81] Porrecta nobis petitio tua continebat, quod in Slavonia est *littera specialis*, quam illius terræ clerici se habere *a B. Hieronymo* asserentes, eam observant in divinis officiis celebrandis.

позднѣйшихъ временъ св. Іерониму, т. е. письменность глагольская.

Иннокентій IV, съ полною любезностью, посылаетъ разрѣшеніе какъ славянской службѣ, такъ и особенной азбукѣ; позволяетъ себѣ даже при этомъ случаѣ до того либеральное сужденіе, что, въ глазахъ знакомаго съ образомъ выраженій Іоанна X, Александра II, Григорія VII и Иннокентія III, невольно вызываетъ изумленіе: потому соглашается папа удовлетворить просьбѣ сеньскаго епископа, quod sermo rei et non res sermoni subjecta (языкъ подчиняется предмету, а не предметъ языку). Казалось бы, при такомъ разумномъ и справедливомъ взглядѣ на дѣло, слѣдовало ожидать полной свободы славянскому языку всюду, гдѣ только пожелаютъ христіане пользоваться имъ. А между тѣмъ, въ слѣдъ за гуманнымъ настроеніемъ вставляется самое строгое ограниченіе: *in illis dumtaxat partibus, ubi de consuetudine observantur praemissa.* Другими словами, тамъ, гдѣ латинство успѣло уже выбить изъ церквей службу славянскую, она не должна быть возстановляема; дозволеніе касается лишь такихъ мѣстъ, о которыя разбились вѣковыя усилія латинизаторовъ, которыя, слѣдовательно, при дальнѣйшемъ упорствѣ въ отказѣ, со стороны Рима, тѣмъ болѣе при преслѣдованіи, въ состояніи были грозить какою-либо опасностью. Надѣемся, что подобное заключеніе вытекаетъ строго логически изъ папскаго ограниченія. Еще важнѣе для изслѣдователя судебъ славянскаго просвѣщенія второе ограниченіе, выраженное Иннокентіемъ IV, по поводу разрѣшенія употреблять *особенную* письменность: *dummodo ex ipsius varietate litteræ sententia non laedatur* (чтобы только отъ различія письменности не былъ нарушенъ смыслъ). Понятно, что дѣло идетъ о смыслѣ римской церкви, о необходимой вѣрности

въ передачѣ на *особенную* письменность вѣрованій, понятій и обрядовъ латинскихъ. Такъ понимаютъ это и самые горячіе католики [82]. Ясно, такимъ образомъ, что папское позволеніе обусловливалось, во-первыхъ, опредѣленною и узкою мѣстностью, во-вторыхъ, полнымъ согласіемъ перевода славянскаго съ богослужебными книгами латинскими.

Сравнивая Иннокентіево распоряженіе съ знакомою уже намъ исторіею славянской азбуки и славянской литургіи въ областяхъ римскихъ, мы невольно должны остановиться на вопросѣ: въ силу чего совершилась такая рѣзкая перемѣна въ отношеніяхъ первосвященниковъ римскихъ къ славянскому языку, такъ недавно отверженному соборомъ и такъ настойчиво преслѣдовавшемуся длиннымъ рядомъ папъ? При одинаковомъ положеніи вещей, въ XI и XIII вѣкахъ, ожидать подобной перемѣны невозможно; несомнѣнно, что въ указанный промежутокъ времени совершилось что-либо особенное, относительно славянскаго языка. Изъ дѣйствій папъ X—XI столѣтій, мы видѣли, что они направлены были не только и не столько противъ собственно языка, сколько противъ внѣшняго органа его и противъ того, что выражалось этимъ органомъ. Вопросъ шелъ объ азбукѣ и объ особенностяхъ вѣрованій, проводимыхъ черезъ нее въ книгахъ богослужебныхъ. Азбука представляется хорошо извѣстною Риму, — и послѣдній сознательно и неоднократно порицаетъ ее, называя *еретическою*, осуждая какъ *еретиковъ аріанцевъ* и изобрѣтателей ея, признавая въ то-же время книги, писанныя ею, проводникомъ заблужденій. На этихъ основаніяхъ, апостольская столица, въ XI столѣтіи, окончательно запретила пользованіе такими книгами и, какъ неизбѣжное по-

[82] Срв. Гинцель, стр. 125.

слѣдствіе этого запрещенія, рѣшила прекратить и славянское богослуженіе.

Если теперь, въ половинѣ XIII вѣка, мы встрѣчаемъ разрѣшеніе славянской службы, то и безъ указаній въ разрѣшительной буллѣ, непремѣнно слѣдуетъ предположить, что условія азбуки и переводныхъ книгъ были уже не тѣ, а другія. И Иннокентій IV названіемъ азбуки *особенною* и свидѣтельствомъ объ изобрѣтеніи ея *св. Іеронимомъ* говоритъ положительно, что письмена эти *не тѣ, еретическія*, противъ которыхъ ратовалъ Римъ; *не аріанецъ* — и изобрѣтатель ихъ. При такой постановкѣ дѣла, допускать тожество славянскаго письма, упоминаемаго въ буллѣ Александра II и въ посланіи Иннокентія IV, значило бы допускать не разлучно самый наглый обманъ, со стороны епископа сеньскаго и духовенства его епархіи, и простодушное до безсмыслія подчиненіе этому обману, при непостижимомъ и необъяснимомъ невѣжествѣ, со стороны Рима и его высшей іерархіи. И противъ того и противъ другаго предположенія рѣзко возстаетъ характеръ распоряженія Иннокентіева. Осторожность, съ какою ограничиваетъ онъ мѣстность славянской литургіи, свидѣтельствуетъ ясно, что предметъ этотъ занималъ его, казался ему важнымъ, — а достаточно самаго слабаго вниманія, чтобы открыть и въ римской куріи историческія данныя по вопросу о службѣ славянской въ Далмаціи, разузнать о ней до подноготной и отъ современныхъ мѣстныхъ жителей Далмаціи. Или признать ошибку предшествующихъ папъ и сознанную Иннокентіемъ IV несправедливость ихъ жестокихъ порицаній личности и труда солунскихъ просвѣтителей? Но тогда ошибка Іоанна X, Іоанна XIII, Александра II должна лечь самымъ грязнымъ пятномъ на нравственность *намѣстниковъ* Спасителевыхъ, дозволившихъ себѣ очернить свя-

тыхъ мужей именемъ злыхъ еретиковъ, да не останется чистымъ и Иннокентій IV, постигшій ошибку предшественниковъ, слѣдовательно, признавшій правовѣрность св. Кирилла и Меѳодія и, однако-же, утаившій ихъ имя, какъ дѣйствительныхъ изобрѣтателей славянской азбуки, и подставившій вмѣсто него Іеронимово. Нѣтъ, ни подчиненіе наглому обману, ни простодушная невнимательность, ни невѣжественныя ошибки не согласны съ неизмѣннымъ образомъ дѣйствій Рима; тѣмъ менѣе можно допустить эти качества въ половинѣ XIII столѣтія, при Иннокентіи IV, этомъ *украшеніи канонистовъ и отцѣ права*[83], когда въ самой столицѣ запада не одна была рукопись Кирилловская, когда являлось тамъ не мало и иконъ, съ надписями Кирилло-славянскими. Настаивать, такимъ образомъ, на тожествѣ, въ этомъ случаѣ, азбуки славянской въ состояніи только упорно предвзятая мысль, слѣпо попирающая самую прозрачную истину, не справляющаяся ни съ здравымъ смысломъ, ни съ обыкновенными началами нравственности, лишь-бы только довести сознаваемую ложь до степени орудія коварныхъ заднихъ цѣлей.

Здѣсь вопросъ о происхожденіи глагольской азбуки и объ отношеніи ея къ св. Кириллу сводится прямо къ неумирающему вопросу о католической пропагандѣ въ земляхъ славянъ православныхъ. Если *особенная*, глагольская азбука Иннокентіева та-же, что и упоминаемая въ XI столѣтіи, при Александрѣ II, и въ X, при Іоаннѣ X, значитъ, она — Кирилловское изобрѣтеніе; а какъ глагольская служба есть римская, то, слѣдовательно, и св. Кириллъ съ Меѳодіемъ отправляли богослуженіе по обряду латинской церкви; если-же православные сла-

---

[83] Гинцель, стр. 123.

вяне чтутъ солунскихъ братьевъ, считаютъ ихъ своими просвѣтителями, то должны отвергнуть измѣну имъ и возсоединиться съ тою церковью, которой слѣдовали они и для которой подвизались въ переводахъ, въ проповѣди и въ установленіи славянской литургіи. Вопросъ алфавитный получилъ даже и политическій смыслъ тамъ, гдѣ православное славянство стоитъ рядомъ съ католическимъ. Кириллъ и Меѳодій легко могли сдѣлаться объединяющими органами разъединенныхъ духовно славянъ; они одни въ состояніи представить изъ себя то средоточіе, къ которому могутъ одинаково относиться и католики и православные, къ которому, благодаря позднѣйшему распространенію свѣдѣній о нихъ, дѣйствительно, и замѣтно тяготѣніе. Но бросающіяся въ глаза, при первомъ взглядѣ, данныя—таковаго рода, что указываютъ на отступничество католиковъ отъ заповѣдей солунцевъ: у православныхъ сохранилась славянская служба, она владѣетъ и славянскимъ письмомъ; католики смѣнили все это латинствомъ. Понятно, какимъ результатомъ, при естественномъ ходѣ движенія, могло отразиться тяготѣніе къ объединяющему центру въ лицѣ св. Кирилла и Меѳодія; понятно, чѣмъ могло угрожать это объединеніе, начавшее уже и высказываться, тому правительству, которое привыкло находить основу своего существованія лишь въ разъединенія своихъ народовъ, а католичество, по тѣсному родству коренныхъ принциповъ, считать самымъ твердымъ для этого оплотомъ и вѣрнымъ рычагомъ. Отчисленіе глагольской азбуки къ плодамъ изобрѣтенія Кириллова должно было служить надежнымъ ручательствомъ задержки объединенія славянъ, при испытанной ловкости католическаго духовенства въ такихъ пріемахъ, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ и католической пропаганды,—положительный или отрицательный, въ пріобрѣтеніи

новыхъ прозелитовъ или въ удержаніи отъ измѣны старыхъ. Вотъ только какія соображенія способны побудить изслѣдователя закрыть глаза передъ яркою истиной и, вопреки внутреннему чувству, выводить натянутыми софизмами тожество глагольской азбуки съ тѣми письменами, которыя преслѣдовались, въ X и XI вѣкахъ, Римомъ и прямо относились имъ къ трудамъ Кирилла и Меѳодія.

Не мѣсто здѣсь углубляться въ рѣшеніе вопроса о мѣстѣ и времени первоначальнаго *происхожденія* глагольской азбуки; но, признавая этотъ вопросъ отдѣльнымъ отъ вопроса о *примѣненіи* глагольской азбуки къ богослуженію славянскому и встрѣчая въ исторіи послѣдняго достаточно ясныя данныя для сего, мы находимъ тѣмъ болѣе не лишнимъ высказать свое мнѣніе, что, по глубокому нашему убѣжденію, примѣненіе глагольской письменности должно стоять непремѣнно въ ряду указателей на дѣйствительный взглядъ Рима на св. Кирилла и Меѳодія и ихъ ученіе.

Начнемъ съ того, что Иннокентій IV названіемъ глагольской азбуки *особенною* (specialis) выразилъ прямо, во-первыхъ, отдѣльность ея отъ преслѣдовавшейся письменности славянской прежде; во-вторыхъ, не менѣе явственно засвидѣтельствовалъ, что у славянъ существовала и другая азбука, не особенная, не specialis, слѣдовательно, общеупотребительная, не исключительно только въ дѣлахъ церкви, какою выставляетъ онъ азбуку глагольскую (quam, litteram, illius terrae clerici observant in divinis officiis celebrandis). За-тѣмъ, отдѣленіе это обозначается еще рѣзче указаніемъ на изобрѣтателя: не готы, аріане, не люди, которыхъ нѣтъ въ числѣ святыхъ римской церкви, изобрѣли глагольскую азбуку, а св. Іеронимъ, пользующійся громкою славою между св. отцами западной церкви, и

при томъ урожепецъ далматскій, а не какой-либо пришлый грекъ. Такое, хотя и скрытое, тѣмъ не менѣе очевидное сопоставленіе, въ буллѣ папской, азбуки глагольской съ другою не упоминаемою, можетъ относиться единственно къ азбукѣ Кирилловской.

Но кому нужна была глагольская, спеціальная азбука, въ Далмаціи, если тамъ извѣстна была и другая, къ тому-же не ограниченная исключительнымъ употребленіемъ въ дѣлахъ религіи, церкви? Едва-ли можно допустить такую потребность въ свѣтскихъ людяхъ; да и опредѣленіе глаголицы, какъ *только* церковной письменности, прямо отвергаетъ подобное предположеніе; едва-ли мыслима настоятельная надобность въ особой азбукѣ и для низшаго духовенства славянскаго, находившаго въ привычкѣ къ письму Кирилловскому и въ удобопонятности его самое лучшее оправданіе его общеупотребительности. Не то слѣдуетъ сказать о духовенствѣ высшемъ далматскомъ: его римское происхожденіе, а въ-слѣдствіе сего, и особыя отношенія къ столицѣ западной, ставили его въ иное положеніе, относительно господствовавшаго письма кирилловскаго. Историческій же обзоръ преслѣдованія этого письма раскрываетъ передъ нами и побужденія именно для этого слоя духовенства замѣнить ходячую азбуку иною.

Мы видѣли уже, что Римъ неразрывно связывалъ свое противодѣйствіе славянскому письму съ противодѣйствіемъ славянской службѣ, что эта связь имѣла источникомъ своимъ особенности въ обрядахъ и вѣрованіяхъ религіозныхъ, заносившихся посредствомъ письменности, общей и католическимъ славянамъ и православнымъ. Далмація представляла именно тотъ пунктъ въ мірѣ славянскомъ, гдѣ непосредственнѣе всего сходились границы областей западнаго и восточнаго патріархатовъ

и гдѣ провести черту строгаго раздѣла было тѣмъ труднѣе, чѣмъ новѣе было самое христіанство и чѣмъ однороднѣе была славянская масса, принадлежащая къ одному поколѣнію: общеніе, такимъ образомъ, было постоянное и, при единствѣ письменности, неизбѣжно должны были переноситься книги изъ одной области въ другую, а съ тѣмъ вмѣстѣ сглаживаться и особенности, успѣвшія образоваться между востокомъ и западомъ. На чьей сторонѣ слѣдовало ожидать ущербъ, — понять не трудно, если сообразимъ, что литературно-славянская дѣятельность, по изгнаніи учениковъ Меѳодіевыхъ изъ Моравіи, разцвѣла самымъ обильнымъ и роскошнымъ цвѣтомъ вблизи Далмаціи, въ области православно-болгарской, въ западномъ углу Македоніи.

Остановить духовное общеніе, пресѣчь постоянный приливъ съ востока иныхъ вѣрованій и обрядовъ, сравнительно съ римскою церковью, было необходимо и, конечно, тѣмъ лицамъ, которыя въ связи только съ католичествомъ могли разсчитывать на удержаніе своего высшаго положенія, только въ сохраненіи единства съ Римомъ надѣялись поддержать господство римскаго меньшинства надъ массою славянъ. Но какъ остановить, какъ пресѣчь? Казалось, всего удобнѣе ухватиться за развившееся въ римской церкви начало исключительнаго латинства въ богослуженіи; къ нему, дѣйствительно, какъ знаемъ уже мы, и обратились епископы далматскіе, при нераздѣльной помощи папъ. Но привычка къ понятному, родному языку въ религіи, любовь и уваженіе къ памяти установителей славянскаго богослуженія не замедлили обнаружить весь неуспѣхъ подобнаго средства: славянскія книги продолжали оказывать свое дѣйствіе и послѣ 925 года и послѣ 1061. Кромѣ того, настоятельное упорство на этомъ средствѣ могло повести

и къ обратнымъ послѣдствіямъ, къ положительному отдѣленію отъ католичества и къ соединенію съ православіемъ, въ которомъ единоземцы далматинцевъ находили полнѣйшую свободу для всесторонняго пользованія славянскими книгами. Но если нельзя было остановить славянскую литургію, если приходилось примириться съ этою необходимостью, то оставалось одно — отдѣлить какъ-можно рѣзче самою внѣшностью органъ богослуженія, т. е. книги славянскія, и, сблизивъ послѣднія съ обрядами церкви латинской, отрѣзать, такимъ образомъ, общеніе съ востокомъ и прекратить этимъ переходъ оттуда всего, что несогласно съ постановленіями запада. Вотъ гдѣ побужденіе, если не къ изобрѣтенію, то къ примѣненію специальной азбуки въ славянскомъ богослуженіи. Первыя попытки такого примѣненія могли начаться въ первую пору преслѣдованія кирилловской письменности и сдѣлаться особенно необходимыми послѣ втораго сплетскаго собора. И какъ-бы ни рѣшала наука вопросъ о происхожденіи глагольскаго письма, какъ-бы ни были заманчивы и остроумны предположенія ученыхъ, касательно мѣстности первоначальнаго ея появленія и перваго виновника его изобрѣтенія, но, въ глазахъ непредубѣжденнаго изслѣдователя судьбы славянской литургіи въ Далмаціи, должно остаться на-всегда несомнѣннымъ, что глаголита въ ней только *смѣнила* кириллицу, смѣнила, какъ латинское противоядіе восточному православію, преслѣдовавшемуся столь упорно въ кирилловской письменности, съ конца IX по XII столѣтіе, въ той-же Далмаціи. Настаивать же на тожествѣ глаголиты съ готскими письменами, отчисленными Александромъ II къ изобрѣтенію аріанъ, можетъ только до фанатизма пристрастный католикъ, усматривающій въ этомъ тожествѣ новую ловушку въ числѣ неразборчивыхъ средствъ католической пропаганды.

Къ такимъ ревнителямъ католицизма мы и относимъ гг. Гинцеля и Рачкаго [84].

Надѣемся, что взглядъ нашъ вполнѣ оправдывается и характеромъ разрѣшительной буллы Иннокентія IV и позднѣйшими распоряженіями папъ, касательно литургическихъ книгъ у славянъ при-адріатическихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какое заключеніе можно вывести изъ столь не осмотрительнаго, по видимому, поспѣшнаго позволенія славянской службы въ епархіи сеньской, на основаніи одной просьбы ея епископа? Согласенъ ли такой способъ дѣйствія съ бывшими по тому-же предмету примѣрами? И папа Адріанъ II, и папа Іоаннъ VIII, не смотря на желаніе своихъ *любимцевъ*, Кирилла и Меѳодія, считали необходимымъ какъ-можно строже разсмотрѣть дѣло, изслѣдовать его въ подробности, съ вызовомъ въ отдаленную свою столицу главныхъ виновниковъ славянской литургіи; да и тутъ, послѣ личныхъ совѣщаній, послѣ признанныхъ, казалось, доказательствъ правоты ученія, по крайней мѣрѣ, послѣдній папа бралъ назадъ свое позволеніе съ тѣмъ, чтобы лишь послѣ новаго разслѣдованія, повторить его снова. При Адріанѣ II рѣшался вопросъ даже соборно. Та-же осмотрительность и то-же знакомство съ предметомъ отражаются и въ постановленіяхъ папъ Іоанна X и Александра II. А Иннокентій IV, этотъ знаменитый канонистъ, отецъ церковно-римскаго права, не позаботился даже навести и справку. Дѣло идетъ о нарушеніи обычая латинской церкви, о попраніи

---

[84] Geschichte der Slaven-Apostel, Гинцеля, § 33; Pismo slovensko, Рачкаго, Zagreb, 1861. Послѣднее сочиненіе, во многихъ отношеніяхъ замѣчательное, вовсе неизвѣстно въ нашей литературѣ.

постановленій о томъ-же предшественниковъ, а онъ, зря, принимаетъ на вѣру слова незначительнаго епископа, основанныя на догадкахъ низшаго духовенства! Этого мало, какъ знатокъ церковной исторіи, Иннокентій IV болѣе другихъ долженъ былъ видѣть всю несообразность прицѣпленія имени Іеронимова къ славянской азбукѣ и тѣмъ скорѣе изслѣдовать обстоятельства. Ничего, однакоже, этого нѣтъ. И мы увѣрены, что единственная причина столь поразительной безучастности заключалась въ томъ, что Риму давно уже была извѣстна азбука глагольская, знакома цѣль ея примѣненія къ славянской литургіи и близость перевода богослужебныхъ книгъ къ миссѣ латинской. Иннокентій IV находилъ достаточнымъ только мимоходомъ напомнить епископу о наблюденіи за этою близостью.

До какой степени въ Далмаціи трудно и невозможно было папамъ проводить свою завѣтную систему латинизаціи, при всемъ пламенномъ желаніи, трудно именно вслѣдствіе непосредственнаго сосѣдства съ православнымъ славянствомъ, всего явственнѣе показываютъ слова императора Фердинанда II, по случаю опасной неудачи отъ распоряженія аквилейскаго собора, въ концѣ XVI вѣка. Высшее духовенство латинское, полагая уже своевременнымъ прекращеніе славянской литургіи на берегу Адріатики, постановило на соборѣ въ Аквилеѣ, чтобы тамошніе епископы озаботились постепеннымъ замѣненіемъ глагольскихъ книгъ латинскими[85]. Къ началу XVII столѣтія, въ самомъ дѣлѣ, оказался уже совершенный недостатокъ въ глагольско-славянскихъ книгахъ; печатать ихъ, подъ вліяніемъ

---

[85] Optandum esset, ut Episcoporum illiricorum diligentia sensim breviarii romani usus cum missali item romano et rituali sacramentorum induceretur. Assemani Kalend. IV, 409.

высшаго духовенства, было запрещено. Что-же изъ этого вышло? Католическіе славяне бросились въ церкви своихъ ближайшихъ родичей православныхъ и напугали до такого ужаса фанатическаго Фердинанда, что этотъ безчеловѣчный истребитель всего не латинскаго въ церкви остальныхъ странъ былъ единственнымъ и, разумѣется, могущественнѣйшимъ ходатаемъ по изданію славянскихъ служебниковъ для католической Далмаціи. Замѣчательны его основанія ходатайства, изобличающія всю непреодолимую настоятельность невольной уступки на этомъ концѣ міра славянскаго: *quoniam populi,* говорилъ онъ, *quum a suis sacerdotibus, missalibus deficientibus, ibant ad schismaticorum ecclesias, qui graeco ritu, lingua autem illyrica sacra faciebant. Unde grave animarum saluti detrimentum afferebatur: nam catholici non solum cum haeriticis in divinis communicabant, sed insuper plurimi eorum ad schismaticorum errores transibant*[86].

Вотъ въ чемъ побужденія и для папы половины XIII вѣка прекратить, наконецъ, безплодныя и опасныя преслѣдованія сла-

---

[86] Тамъ-же, стр. 432, прим. 6. «...послику народъ отъ своихъ священниковъ, въ слѣдствіе недостатка служебниковъ, отправлялся въ церкви *схизматиковъ,* которые, при греческомъ обрядѣ, совершаютъ священныя службы, однакоже, на языкѣ иллирскомъ. Отсюда приносился тяжкій вредъ для спасенія душъ: ибо католики не только сообщались въ предметахъ божественныхъ съ еретиками, но, сверхъ сего, *весьма многіе изъ нихъ переходили къ заблужденіямъ схизматиковъ. . .*». Подобная же боязнь провести через кирилловскую письменность понятія, не согласныя съ ученіемъ римскимъ, обнаруживается и по настоящіе дни среди фанатическихъ ревнителей католицизма, обнаруживается мѣрами, заслуживающими въ XIX столѣтіи истиннаго посмѣянія, какъ, напр., мѣра, къ которой прибѣгли католики въ 1862 году въ

вянской службы и примириться съ необходимостью; вотъ гдѣ и основанія нужды употребить особую письменность, чтобы имѣть возможность слѣдить за тожественностью ея содержанія съ обычаями римской церкви и чтобы разобщить католическую паству отъ сосѣдней православной: при глагольской азбукѣ, уже самый внѣшній видъ книги или рукописи могъ служить указателемъ принадлежности ея тому или другому вѣроисповѣданію и давалъ право относить въ разрядъ контрабанды все, что носило на себѣ печать православной кириллицы [87].

И такъ, пріуроченіе глаголицы къ славянскому богослуженію въ Далмаціи и оффиціальное разрѣшеніе послѣдняго, исключительно по глагольскимъ книгамъ, принаровленнымъ спеціально къ католической миссѣ, предлагаетъ новое доказательство восточнаго правовѣрія просвѣтителей славянскихъ, греческой обрядности въ оставленныхъ ими богослужебныхъ книгахъ, а слѣдовательно, и несогласія, отверженія ими отступничества латинскаго. Допущеніе глагольской письменности, такимъ образомъ, служитъ также протестомъ Рима противъ вѣрованій и понятій, заключенныхъ въ письменныхъ трудахъ Кирилла и Меѳодія, протестомъ столь-же сильнымъ, какъ и выраженія папы Але-

---

хорватскомъ городѣ Петриньи, направленная на запрещеніе дѣтямъ учиться читать по кирилловской азбукѣ. См. Хорват. газ. Pozor, 1862 № 194.

[87] Позволяю себѣ сдѣлать небольшую догадку: несомнѣнное знакомство съ давнихъ поръ съ глаголицей въ Болгаріи не говоритъ ли въ пользу православной пропаганды въ славянской Далмаціи? Не для далматскихъ ли славянъ и переписывались глагольскія книги въ Болгаріи съ древнѣйшихъ, погибшихъ для насъ, кирилловскихъ, какъ потомъ переписывались обратно на кириллицу для славянъ православныхъ?

ксандра II, только прочнѣе обезпечивающимъ успѣхъ католичества въ Далмаціи коварною отрѣзанностью его прозелитовъ отъ сообщества съ вѣрными послѣдователями, въ письмѣ и въ вѣрованіи, солунскихъ братьевъ: глагольская письменность явилась благодѣтельною для Рима стѣною, отраждавшею чадъ его отъ заблужденій схизматическихъ, по выраженію Фердинанда II, т. е. отъ истинъ Кирилло-Меѳодіевскаго православія, скажемъ мы.

Но это больше отрицательное средство; Римъ не замедлилъ скоро и глагольскую письменность обратить въ положительное орудіе для католической пропаганды. Первый примѣръ послѣдовалъ съ небольшимъ черезъ сто лѣтъ, въ открытіи славянскаго монастыря въ Прагѣ, по желанію и просьбѣ Карла IV. Всѣ изслѣдователи этого замѣчательнаго событія, которому удивлялись и современники и потомство, не смотря на разнообразіе предположеній, сходятся, однако-же, въ одномъ, что ближайшею цѣлью короля чешскаго и папы римскаго, въ устройствѣ эммаусскаго монастыря, съ правомъ славянской службы, по глагольскимъ книгамъ, было расширеніе католичества на счетъ православія. Хотѣли ли основатели слить этимъ навсегда остатки православнаго исповѣданія въ Чехіи съ церковью римскою, какъ полагаетъ г. Новиковъ [88], или имѣли они въ виду привлечь, кромѣ того, и *схизматиковъ* сосѣднихъ странъ, какъ намекаетъ Копитаръ [89], или, наконецъ, въ этомъ обнаружилась первая попытка соединенія обѣихъ церквей,

---

88 Православіе у Чеховъ, стр. 54.

89 Prae se ferebat Carolus hujus fundationis scopum, lucrandi lingua slavica nescio quos schismaticos in ipsa Bohemia ejusque confinibus. Miklosich, Slawische Bibliot., I, 75.

въ духѣ римскомъ, съ цѣлью чего вошелъ въ близкія сношенія Карлъ IV и съ могущественнымъ царемъ сербскимъ, Стефаномъ Душаномъ, указывая ему, въ одномъ изъ писемъ, на единство происхожденія и языка управляемыхъ обоими народовъ, какъ догадывается Палацкій[90], — все равно, въ общемъ выводѣ останется та существенная сторона, что папы не прочь были на уступку славянской службы и въ другихъ земляхъ славянскихъ, съ цѣлію отвлечь къ себѣ отъ востока христіанъ посредствомъ глаголицы, избранной въ такіе-же проводники католичества, какимъ была нѣкогда для православія въ Далмаціи письменность кирилловская.

Но если администрація церкви католической предлагаетъ изслѣдователю факты только противъ того значенія и личностей и трудовъ Кирилла и Меѳодія въ церкви западной, какое задумали утвердить новѣйшіе ревнители католичества, если эти факты неопровержимо свидѣтельствуютъ, что оба солунца, какъ при жизни своей, такъ и по смерти, возбуждали въ римской администраціи къ себѣ и своему ученію только недовѣріе, недовольство и вражду, соединенную съ преслѣдованіемъ, то какъ относилась къ первоучителямъ славянскимъ сама церковь, въ старое время, и какой отразился взглядъ на нихъ въ памяти народной? Краткое указаніе на это и сопоставленіе съ отношеніемъ къ Кириллу и Меѳодію восточно-славянской церкви и составитъ послѣдній вопросъ нашего изслѣдованія.

Столь высокіе подвиги христіанской добродѣтели, какими переполнена вся жизнь славянскихъ просвѣтителей, и по описанію современниковъ, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, даже подъ перомъ благоговѣйныхъ поклонниковъ Рима, на-

---

[90] Geschichte v. Böhm., II, 2 отдѣл., стр. 305.

примѣръ, жизнеописателя Меѳодіева, составителя легенды моравской, Анастасія библіотекаря и другихъ, и по укоренившемуся преданію, незамедлившему въ самое скорое время возвысить обоихъ братьевъ въ разрядъ прославленныхъ святыхъ,— слѣдовало бы ожидать, что и сама церковь почтитъ ихъ памятью и внесетъ хотя только въ списокъ, въ святцы, празднуемыхъ святыхъ. Вмѣсто сего встрѣчаемъ мы, напротивъ, въ теченіе X, XI и XII вѣковъ, лишь усиливающееся порицаніе солунцевъ, оскорбленіе ихъ памяти и отчисленіе устами представителя церкви западной въ составъ отверженныхъ еретиковъ. Правда, эпитетъ *святый* прилагается къ Кириллу и Меѳодію и въ западныхъ произведеніяхъ письменности, какъ въ легендахъ о св. Людмилѣ и св. Прокопіи, или въ лѣтописи монастыря Сазавскаго [91]; но это-то и поражаетъ всего болѣе изслѣдователя и приводитъ его къ убѣжденію въ неправовѣріи св. Кирилла и Меѳодія, по смыслу церкви римской. Подобные отзывы являются единственно въ тѣхъ только сферахъ западнаго славянства, гдѣ, какъ искра подъ пепломъ, продолжало еще держаться православное ученіе солунцевъ, подъ тяготѣющимъ все больше и больше гнетомъ добивавшагося до исключительнаго господства латинизма, и куда именно за остатки этого ученія направлено было преслѣдованіе со стороны Рима и его ревнителей.

Не раньше конца XIV столѣтія, явилась первая попытка церкви латинской, и то лишь въ самой ограниченной мѣстности, въ епископствѣ моравскомъ, установить церковное воспоминаніе объ истинныхъ просвѣтителяхъ Моравіи. Мы вы-

---

[91] Срв. Реймское евангеліе, изд. Ганки, 1846, предисловіе, стр. III, примѣчаніе.

нуждены исключить изъ доказательствъ оффиціальнаго признанія святости за Кирилломъ и Меѳодіемъ на западѣ и ссылку на нихъ Карла IV, въ грамматѣ, которою основывался монастырь эммаусскій: здѣсь упомянуты они *только* какъ патроны земли чешской [92], что указываетъ прямо на память народную о нихъ, издавна установившуюся и упрочившуюся, въ противорѣчіе образу мыслей высшей іерархіи. Подробности устройства празднества въ Моравіи говорятъ сами собою, что это былъ первый поворотъ церкви латинской отъ непріязненнаго взгляда на солунцевъ.

На сеймѣ въ Кромерижѣ, въ 1380 году, епископъ Іоаннъ изъ Вшерубъ (нынѣшній Неймаркъ, въ Силезіи) впервые заявилъ о святости *епископовъ* Кирилла и Меѳодія, о благотворной дѣятельности ихъ на почвѣ христіанства въ Моравіи и объ обязанности потомства почтить ихъ церковнымъ празднествомъ; при этомъ 9-е марта назначено днемъ для совершенія въ честь ихъ божественной литургіи, впрочемъ, пока исключительно въ епархіи моравско-силезской [93]. Что за побужденіе было у Іоанна обнародовать и установить это празднество? — спрашиваетъ новѣйшій авторъ изслѣдованія о положеніи древняго Велеграда, столицы Святополка, князя моравскаго, и мѣстопребыванія Меѳодія [94]. „Безъ сомнѣнія, только

---

[92]... ad honorem Dei, beatissimeque Mariae Virginis Matris ejus, ac gloriosum Jeronymi prefati, Cirullique, Methudii, Adalberti et Procopii *patronorum* dicti regni Boemiae... Pelzel, Kaiser Karl der Vierte, Prag, 1780, I, 91.

[93] См. актъ по этому случаю въ Codex diplomat. et epistol. Moraviae, Boczek.

[94] Velehrad, hlavní a sídelní město velkoknížat staromoravských, dovozuje F. S. Pluskal. V Brně, 1860, стр. 38.

не угаснувшее преданіе о прошедшей и важной для Моравіи старинѣ, только религіозныя и политическія воспоминанія въ народѣ были тому причиною", отвѣчаетъ онъ. Этотъ отвѣтъ приняли бы и мы за единственно вѣрный и несомнѣнный, если-бы г. Плюскалъ дополнилъ его обычною политикою христіанскаго Рима, усвоивать себѣ православныхъ святыхъ для облегченія духовныхъ завоеваній, подобно тому, какъ Римъ языческій, покоряя вселенную, принималъ въ свой пантеонъ божества враждебныхъ народовъ [95]. И напрасно г. Шульцъ мечется съ своимъ натянутымъ убѣжденіемъ, будто и до 1380 года совершалось въ Моравіи церковное воспоминаніе о солунскихъ просвѣтителяхъ [96]. Не говоря уже о томъ, что такое предположеніе прямо противорѣчитъ извѣстному намъ враждебному взгляду церкви латинской, мы не могли бы объяснить и торжественнаго распоряженія епископа Іоанна, которое свидѣтельствуетъ собою положительно *только о началѣ* установленія празднества, что не мыслимо, если-бы послѣднее было въ употребленіи и прежде. И такъ, только по прошествіи пятисотъ лѣтъ, и то лишь въ самыхъ ограниченныхъ предѣлахъ, латинство рѣшилось, наконецъ, согласиться на освященіе памяти просвѣтителей славянъ. Отсюда, конечно, изъ Силезіи, проникло церковное чествованіе св. Кирилла и Меѳодія и въ сосѣднюю Польшу, гдѣ народная память о нихъ восходитъ также къ сѣдой старинѣ [97].

На ряду съ столь позднимъ удовлетвореніемъ западною церковію народной памяти, мы не можемъ не обратить вниманія

---

[95] Православіе у Чеховъ, Новиковъ, стр. 39.

[96] Život. sv. Cyrilla a Methodia, стр. 427.

[97] Срв. Maciejowski, Histor. prawodawstw Słowiańskich, III 229, первое изданіе; Prawda Ruska, Rakowiecki, II. 181 –182.

и на свойство этой памяти, на сколько сберегла исторія слѣды ея. Какъ смотрѣлъ народъ на Кирилла и Меѳодія, въ какой церкви относилъ онъ ихъ, всего лучше явствуетъ изъ записаннаго свидѣтельства чешскимъ лѣтописцемъ XIV столѣтія, Далимиломъ, и изъ словъ польскаго іезуита, XVII вѣка, заимствованныхъ, разумѣется, точно такъ-же изъ общаго взгляда и убѣжденія еще и въ это позднее время. Первый, говоря о крещеніи чешскаго князя, Боривоя, архіепископомъ моравскимъ, Меѳодіемъ, опредѣляетъ такъ послѣдняго:

Ten arcibiskup Rusin bieše,
Mšu svu slovansku služieše [98].

Что означаетъ здѣсь названіе Русинъ, Руссъ? Не можетъ быть и тѣни сомнѣнія въ томъ, что — не народность, потому что знакомство съ греческимъ происхожденіемъ Меѳодія не могло быть чуждо Далимилу. Яснѣе божьяго дня, что слово Русинъ заключаетъ въ настоящемъ случаѣ тотъ-же смыслъ, какой придавалъ Руси папа Іоаннъ XIII, въ посланіи къ Болеславу II чешскому, убѣждая его не держаться при богослуженіи секты Болгаріи или *Руси*, какой встрѣчаемъ мы и въ терминѣ *русское письмо*, *русскій законъ*, употребленномъ, между прочимъ, въ послѣсловіи къ глагольской части реймскаго евангелія, въ 1395 году, для опредѣленія начальной Кирилловской его половины [99]; т. е. смыслъ восточнаго вѣроисповѣданія, не разлучнаго у славянъ съ кирилловскою письменностью. Слѣдовательно, въ XIV вѣкѣ и въ Чехіи, а конечно, и въ Моравіи продолжалось еще сознаніе о восточно-православномъ исповѣданіи св. Меѳодія. А вотъ и слова перемышль-

---

[98] Dalimilova Chronika česká, Hanky, v Praze, 1851, стр. 42.
[99] Реймское евангеліе, стр. 187.

скаго епископа, Писецкаго, іезуита, котораго, разумѣется, нельзя упрекнуть въ пристрастіи къ востоку: „Польша и все славянство съ ужасомъ отстраняется отъ ученія и искуствъ нѣмцевъ и считаетъ для себя вреднымъ и отбрасываетъ, какъ подозрительное, все, что исходитъ отъ нихъ, за исключеніемъ развѣ механическихъ производствъ. Вслѣдствіе чего и христіанскую вѣру не хотѣли принять славяне отъ нѣмцевъ, а научились ей отъ *восточныхъ* грековъ, Кирилла и Меѳодія, а потомъ отъ галловъ и итальянцевъ“ [100]... Едва-ли потребно объяснять, какое значеніе скрывается въ выраженіи — *восточные* греки: подъ нимъ нельзя понимать ничего инаго, кромѣ того, что разумѣлъ и Далимилъ, называя Меѳодія русскимъ.

Такому свойству народной памяти соотвѣтствуетъ и внѣшній видъ Кирилла и Меѳодія, сохранившійся въ древнѣйшей византійской живописи, въ римскомъ храмѣ св. Климента. „Стѣны этого храма,—говоритъ г. Рачкій, заботливо отыскивавшій въ западной столицѣ слѣды первоучителей, — носятъ на себѣ славное воспоминаніе о тѣхъ, которые возвратили римской церкви третьяго, послѣ св. апостола Петра, ея папу. Надъ входными дверями, на стѣнѣ, виднѣется изображеніе славянскихъ апостоловъ, съ правой стороны св. Кирилла, а съ лѣвой св. Меѳодія; оба изображены епископами, въ облаченіи *восточной церкви*; оба держатъ епископскій посохъ, на-подобіе посоховъ

---

[100] Slovan. Starožit. Шафарика, 1837, стр. 738, прим. 62. Polonia et Slavonia tota abhorret a studiis et artibus Germanorum, et quidquid venit inde et quale quale illud sit, praeter operas mechanicas, sibi noxium reputat et rejicit suspectum. Unde et fidem christianam noluit discere a Germanis, sed per *orientales* Graecos, Cyrillum et Methodium, et postmodum per Gallos Italosque traditam agnoscere maluit.

греческихъ епископовъ, загнутый съ обѣихъ сторонъ. Кромѣ того, св. Кириллъ имѣетъ въ лѣвой рукѣ развернутую книгу"[101]. Здѣсь-же нельзя не остановить вниманія и на находкѣ въ церкви св. Петра, также въ Римѣ, сдѣланной другимъ хорватомъ, Кукулевичемъ Сакцинскимъ. Находка эта состоитъ въ иконѣ, представляющей апостоловъ Петра и Павла, за ними папу, благословляющимъ какого-то священника, вблизи котораго стоятъ два монаха, одѣтыхъ въ греческую одежду. Икона весьма древняя, въ византійскомъ стилѣ, и, что особенно замѣчательно, съ кирилловскими надписями, какъ надъ Спасителемъ, изображеннымъ вверху апостоловъ, такъ и надъ послѣдними. Соображая исторію кирилловскихъ письменъ на западѣ, едва-ли можно съ достаточнымъ основаніемъ отвергать догадку ученаго хорвата, что монахи на иконѣ изображаютъ солунскихъ братьевъ въ виду посвященія одного изъ ихъ учениковъ въ званіе священника[102]. Какъ-бы ни судили объ этой догадкѣ нынѣшніе католики, но тотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію, что и самъ Римъ въ древнее время не дерзалъ еще отдѣлять Кирилла и Меѳодія, даже и со стороны внѣшней, отъ роднаго имъ востока: а это служитъ дѣйствительнѣйшею уликою недобросовѣстнаго обмана современныхъ пропагандистовъ, въ надеждѣ на невѣжество и довѣріе массы разсѣевающихъ среди нея въ безчисленныхъ экземплярахъ рисунки съ изображеніемъ славянскихъ просвѣтителей въ католическомъ облаченіи.

---

[101] Vjek i djelov. sv. Cyrilla i Methoda, стр. 234. Авторъ приводитъ и замѣчаніе знатока исторіи живописи, свидѣтельствующее о глубокой древности изображенія и о поправкѣ только въ XIV столѣтіи.

[102] Arkiv za povjestnicu jugoslavensku, IV, 1857, стр. 382-383.

Наконецъ, не возможно удержаться отъ упрековъ католической церкви и за забвеніе ею мощей обоихъ св. братьевъ. Мы видѣли выше, что даже мѣсто погребенія Меѳодія раскрывается только изъ славянскаго его жизнеописанія, да изъ указаній въ восточно-православныхъ памятникахъ, — и до обнародованія послѣднихъ оставалось неизвѣстнымъ въ самой Моравіи. Римъ не съумѣлъ и не хотѣлъ поддержать извѣстность и гроба св. Кирилла, сокрытаго въ одной изъ славныхъ его церквей. Не такъ поступала и поступаетъ христіанская церковь съ останками тѣхъ, великія заслуги которыхъ цѣнитъ и признаетъ она; не такъ дѣйствовалъ и Римъ, по отношенію къ непосредственнымъ своимъ подвижникамъ. И подобная холодная невнимательность западной столицы является только оправданіемъ и естественнымъ результатомъ знакомаго уже намъ взгляда администрація церкви римской на личность и дѣятельность солунцевъ. Мы непрочь надѣяться, вмѣстѣ съ г. Штульцемъ, что гробъ св. Кирилла не слѣдуетъ считать безвозвратно утраченнымъ[103], но не въ силахъ скрыть и своего желанія, чтобы Римъ, увлекшись не христіанскими цѣлями, подстрекаемый жаждою исключительной пропаганды, не прибѣгалъ, въ этомъ случаѣ, къ пріемамъ, ознаменовавшимъ открытіе мощей Яна Непомука и выдвинувшимъ, такъ еще не давно, въ разрядъ святыхъ моравскаго Саркандра....

Что представилъ намъ, въ соотвѣтствіе западу, памятливый востокъ? Сказать, хотя въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, и о немъ тѣмъ болѣе необходимо, что своею противоположностію западу, онъ еще сильнѣе скрѣпитъ основную нашу мысль о сравнительномъ отношеніи Кирилла и Меѳодія къ той и другой церкви.

---

[103] Život sv. Cyril. a Methoda, стр. 422.

Съ перваго уже взгляда, не можетъ не поразить наблюдателя полная противоположность въ судьбѣ отзывовъ ближайшихъ учениковъ и послѣдователей о св. Кириллѣ и Меѳодіи на западѣ и востокѣ. Въ то время, какъ западная церковь поставила главною своею задачею, какъ видѣли мы, подорвать память и вѣру въ славянской части своей ко всему, что отзывалось плодами благой дѣятельности первоучителей, стремилась искоренить всѣ слѣды ученія ихъ и настойчиво противопоставляла народному воспоминанію о святости ихъ грозные свои укоризны въ ихъ неправовѣріи и еретичествѣ, въ теченіе пятисотъ лѣтъ отбивая ихъ отъ себя, какъ недостойныхъ занять мѣсто въ ряду святыхъ католичества; церковь восточнославянская съ всеобъемлющею любовью приняла Кирилла и Меѳодія въ кругъ прославленныхъ угодниковъ, немедленно по смерти, съ первыми звуками о нихъ искавшихъ на востокѣ пріюта отъ западнаго преслѣдованія учениковъ ихъ; торжественно освятила память ихъ, опредѣлила службу имъ и сама взяла на себя обязанность распространить благоговѣйное уваженіе къ нимъ на всемъ громадномъ пространствѣ православнаго славянства. Фактъ слишкомъ знаменательный, различіе слишкомъ рѣзко, чтобы католическимъ ученымъ новѣйшаго времени поступать осторожнѣе съ своими сужденіями и приговорами. Или, быть можетъ, непосредственные ученики Кирилла и Меѳодія, только-что явившись на почвѣ православной Болгаріи, отреклись въ пользу восточной *схизмы* отъ догматовъ Рима и, не желая оставить за нимъ своихъ святыхъ наставниковъ, умышленно начали провозглашать, что и они далеки были отъ отступничества запада? Такъ, въ своихъ безоглядныхъ натяжкахъ, и утверждаетъ Гинцель, увѣряя читателей, будто послѣдователи Меѳодія, за благосклонный пріемъ въ Бол-

гаріи, измѣнили вкорененному въ нихъ послѣднимъ догмату объ исхожденіи Св. Духа, будто оскорбленные изгнаніемъ, они сдѣлались добычею ереси[104]. Намъ нѣтъ надобности доказывать нелѣпость подобнаго мнѣнія: изъ предыдущаго разсмотрѣнія мы видѣли, что и Кириллъ съ Меѳодіемъ никогда не были заражены дѣйствительнымъ еретичествомъ запада; но не можемъ не упомянуть объ интересномъ опроверженіи Гинцеля Рачкимъ. Послѣдній, напротивъ, силится отстоять правовѣріе римское и въ ближайшихъ последователяхъ Кирилла и Меѳодія въ Болгаріи, относя *схизматическое* ученіе тамъ о Св. Духѣ лишь къ послѣднимъ годамъ X вѣка[105]. Какъ рѣзко даетъ замѣтить католичество, что хоръ его, по новости дѣла, еще не успѣлъ спѣться, что голоса еще не опредѣлились, тонъ не установился! Дѣйствительно, задача для пропагандистовъ Рима вполнѣ новая, только-что выступившая на сцену жизни, — и съ перваго раза, конечно, трудно сообразить всѣ отдаленные пути и цѣли. И нѣтъ ничего удивительнаго, если, въ 1857 году, Гинцель ухватился лишь за одну сторону - указать славянству, что приверженность его къ Греціи неразлучна съ измѣною солунцамъ, а черезъ два года Рачкій дошелъ уже и до другой мысли, — что *преданная* нѣкогда Риму Болгарія оставалась полтораста лѣтъ въ духовномъ съ нимъ одинствѣ и что, слѣдовательно, нынѣшняя тамъ католическая пропаганда стоитъ на твердой исторической почвѣ и имѣетъ въ виду

---

[104] „Wo (въ Болгаріи) sie (ученики) auch-freilich um den theuern Preis der Dahingabe des orthodoxen von ihrem Vater und Lehrer Method ihnen eingepflanzten Glaubens an den Ausgang des h. Geistes vom Vater und Sohn Aufnahme fanden. Gesch. d. Slav. Apostel, стр. 94 и 100, прим. 12.

[105] Viek i djelovanje sv. Cyrilla i Methoda, стр. 371.

только справедливое возвращеніе насильственно отторгнутаго. Вполнѣ достойный западнаго католичества взглядъ на истину и на средства для ея достиженія!

Болгарія, сдѣлавшись пріютомъ изгнанныхъ учениковъ, стала тотчасъ-же центромъ плодотворной и роскошной письменности церковно-славянской. Ея богатство и разнообразіе[106] служитъ молчаливымъ указателемъ стѣсненій на западѣ и свободы на востокѣ, что такъ поразительно оправдывается нашими выводами объ отношеніи Рима къ славянской службѣ и письменности еще при жизни святыхъ братьевъ; все это богатство и разнообразіе, въ свою очередь, проникнуто насквозь глубокимъ благоговѣніемъ къ первымъ ихъ виновникамъ, что можетъ только говорить о близости и родственности ихъ ученія съ православнымъ востокомъ. Сочиненія и переводы разносились изъ Болгаріи по всѣмъ направленіямъ восточнаго славянства, и книги Кирилловы или о Кириллѣ и Меѳодіи служили примѣрнымъ и назидательнѣйшимъ чтеніемъ для отдаленнаго потомства[107]. Православные календари, на ряду съ этимъ, съ незапамятныхъ поръ внесли имена обоихъ на свои страницы, и церковь освятила дни для торжественнаго празднованія ихъ памяти[108]. Едва-ли не съ первыхъ лѣтъ прибытія въ Болгарію учениковъ Кирилло-Меѳодіевыхъ озаботи-

---

[106] См. Разцвѣтъ славянской письменности въ Болгаріи, Шафарика, переводъ съ чешскаго Бодянскаго, Москва, 1848 (изъ Чтеній общества исторіи и древностей); Вѣкъ болгарскаго царя Симеона, Палаузова, Спб., 1852.

[107] См. въ началѣ нашего изслѣдованія, стр. 15.

[108] Святцы при евангеліи Остромировомъ; срв. также «руской календарь по мѣсячнымъ минеямъ XI-XIII вѣка», И. И. Срезневскаго, Спб., 1862, стр. 13.

лась церковь и составленіемъ службы св. солунцамъ, разсѣянной, въ отдѣльныхъ пѣсняхъ и молитвахъ, по огромному количеству рукописей болгарскихъ, сербскихъ и русскихъ, отъ XII столѣтія. Востокъ сберегъ и полный составъ службы[109], не смотря на грозные погромы въ областяхъ болгаро-сербскихъ, и въ полнотѣ выразилъ въ ней тѣ-же мысли о правовѣріи солунцевъ, о борьбѣ ихъ съ западными еретиками и о преслѣдованіяхъ западомъ, какія отражаются и на отрывочно-темныхъ памятникахъ послѣдняго: глубокая древность этой службы раскрывается и изъ свѣжей памяти о мѣстѣ погребенія Меѳодія и изъ сочувствія и уваженія автора къ западно-славянскимъ странамъ проповѣди первоучителей[110]. Послѣднее обстоятельство не можетъ быть согласно съ позднѣйшимъ господствомъ латинства въ Моравіи и Панноніи: оно могло быть допущено только въ то еще время, когда латинизмъ не успѣлъ заглушить въ вѣрномъ паннонско-моравскомъ народѣ памяти о благодѣтельномъ архіепископѣ. Даже спеціально греческая церковь не только не противодѣйствовала расширенію и упроченію среди славянъ священной памяти о первоучителяхъ, но приняла живое участіе и сама въ ея прославленіи, и не относительно од-

---

[109] Мы имѣемъ въ виду недавнее изданіе ихъ В. И. Григоровичемъ, Казань, 1862.

[110] Вотъ эти замѣчательныя мѣста. изъ службы Кириллу: правовѣрныхъ ученія прѣукрашенъ: еретикы гонишꙗ.... тріѧзычникы правиши.... благовѣрна учителю; изъ службы Меѳодію: и еще же нестѣсе испытаніе вышнѧ: от отца оутешителѣ не от сна бывѣ гл҃я исходѧща; и троудь еже пострада от бѣсь тріѧзычникъ: тѧ имать отче землѣ моравьская стѣнѫ тврьдѫ; разгнаное еретикы стадо твое схрани въ вѣрѣ правовѣрнѣи: честно твое тѣло имѫщи в панонская стл҃ю просвѣщена тобоѫ и людіе ею сънемдъшеся праздноуѫть твоѧ памѧть. Тамъ-же.

нихъ Кирилла и Меѳодія, а и непосредственныхъ ихъ учениковъ. Доказательствомъ тому, между прочимъ, служатъ: греческая служба святымъ седмичисленникамъ и греческое житіе св. Наума [1]. Въ послѣднемъ отразился и истинно-христіанскій, полный любви и беззлобія, взглядъ востока на Римъ и его священнаго представителя: „рѣшились, съ общаго согласія,— говоритъ Наумовъ жизнеописатель,—блаженный Наумъ, Кириллъ, Меѳодій, Климентъ и другіе, бывшіе съ ними равноапостольные святые, поднести его (переводъ) Вселенской церкви, чтобы онъ получилъ законную силу и утвержденіе. Взявъ книги и подвигаемые божественнымъ духомъ, они отправились въ *старѣйшую* столицу римлянъ. Былъ тогда архіереемъ тамъ Адріанъ *великій*“. Таково необъятное различіе съ гоненіями, бранью, клеветою и клятвами, какими ознаменовала отношенія свои къ просвѣтителямъ славянскимъ и всему востоку церковь римская!

Неразлучно съ этимъ, живо продолжаетъ неизгладимое воспоминаніе о первоучителяхъ и ихъ послѣдователяхъ и народъ, благоговѣя передъ мѣстами жизни и дѣятельности послѣднихъ, заботливо оберегая отъ варварской руки завоевателя и многочисленные остатки въ мощахъ, въ постройкѣ церквей, въ живописи, въ утвари и книгахъ, какими въ давнюю пору, въ годину счастія и свободы, не оставляли выражать свое благоговѣйное почтеніе къ благотворнымъ проповѣдникамъ и учителямъ отдаленные его предки. Весь западный край Болгаріи пропитанъ такими живыми воспоминаніями и преданіями, равно переполненъ и множествомъ вещественныхъ остатковъ глубочай-

---

[1] Гильфердинга: «греческая служба св. первоучителямъ славянскимъ и житіе св. Наума болгарскаго».

шей старины[112]. И не даромъ удивляется этой памяти католикъ Рачкій, не умѣющій сочетать ее съ своимъ іезуитскимъ положеніемъ, будто „народный элементъ съ *католическимъ* правовѣріемъ въ Болгаріи сдѣлался жертвою фанаріотскаго духовенства и дотолѣ не освободится отъ него, пока ни вступитъ въ *средоточіе единства*“[113]. Съ древнѣйшихъ поръ изображала православная церковь своихъ первоучителей и на иконахъ, сохранивши до позднѣйшаго времени въ такъ называемыхъ иконописныхъ подлинникахъ внимательнѣйшее указаніе до мельчайшихъ подробностей[114].

Послѣ всего сказаннаго нами о различіи отношеній къ славянскимъ просвѣтителямъ церкви западной и восточной, мы не можемъ не отнести къ числу непростительныхъ ошибокъ мнѣніе, будто обѣ церкви въ одно почти время, и притомъ въ весьма древнее, признали Кирилла и Меѳодія святыми[115]. Авторъ этого мнѣнія несправедливо смѣшалъ признаніе святости за ними въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ западно-славянскихъ древняго періода съ признаніемъ церкви, которое, какъ видѣли мы, впервые послѣдовало только подъ конецъ XIV столѣтія.

---

[112] Григоровича, Очеркъ путешествія по европейской Турціи, Казань, 1848, стр. 112, 127, 128-130.

[113] Viek i djelov., стр. 419.

[114] Григоровича, тамъ-же, стр. 129; см. выписку изъ подлинника въ Душеполезномъ чтеніи, августъ, 1862, въ статьѣ Бѣляева: святые Константинъ и Меѳодій, учители славянскіе, стр. 359.

[115] Душеполезное чтеніе, тамъ-же, стр. 358.

На этомъ прекращаемъ мы свое изслѣдованіе и заключаемъ его общимъ сводомъ разбросанныхъ результатовъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1. Кириллъ и Меѳодій, во все время своей дѣятельности на западѣ, оставались неизмѣнно вѣрными не только вѣроисповѣданію, ученію и обрядамъ, но и духу церкви восточной: вѣрованіе въ исхожденіе Св. Духа только отъ Отца, освященіе церквей священниками, проповѣдь и богослуженіе на народномъ языкѣ и многое другое, вводившееся и защищавшееся св. братьями въ Моравіи, частію давно уже было отвергнуто, частію отвергалось именно въ эту пору церковью римскою.

2. Вмѣстѣ съ твердымъ храненіемъ постановленій церкви восточной, св. братія не переставали и сами признавать себя, даже въ послѣдніе годы и минуты жизни, посланниками Греціи, исполнителями священной и обязательной для нихъ воли верховной главы ея, императора: предсмертныя слова св. Кирилла и добровольное путешествіе въ Царьградъ св. Меѳодія, не за-долго до смерти, непреложно свидѣтельствуютъ о ихъ непрерывавшейся духовной связи съ родиной, а пріемъ Меѳодія въ восточной столицѣ императоромъ и представителемъ церкви, патріархомъ Фотіемъ, доказываетъ ясно, что и послѣдніе не переставали смотрѣть на солунцевъ, какъ на истинныхъ дѣтей востока, непреклонно отстаивавшихъ ученіе его противъ уклоненій и отступленій, уже укоренившихся или только еще нововводившихся въ церкви западной.

3. Въ противоположность этому, отношенія Кирилла и Меѳодія къ Риму и связи ихъ съ его первосвященниками представляются дѣйствіями, вынужденными извнѣ, чуждыми непосредственной воли ихъ: первое путешествіе ихъ въ западную столицу было слѣдствіемъ вызова изъ Рима, уже послѣ слиш-

комъ трехлѣтней проповѣди св. братьевъ въ области западнаго патріархата, безъ малѣйшаго при томъ отношенія какъ къ мѣстной церковной администраціи, латино-нѣмецкой, такъ и къ главѣ западной церкви, папѣ. Точно также и во все послѣдующее весьма продолжительное время епископства и архіепископства Меѳодія, послѣдній ни одного разу не отнесся добровольно къ Риму, — и двухкратное посѣщеніе имъ западной столицы было лишь слѣдствіемъ оффиціальнаго требованія, однажды притомъ какъ обвиненнаго и подсудимаго.

4. Въ отношеніи папъ къ Кириллу и особенно къ Меѳодію, при жизни ихъ, невольно поражаетъ изумительная нерѣшительность и шаткость во взглядѣ и непослѣдовательность въ распоряженіяхъ: то признаются святые братья правовѣрными, то отчисляются въ разрядъ людей подозрительныхъ; ученіе и богослуженіе ихъ то разрѣшается, то запрещается; такое непостоянство и нетвердость не стѣсняютъ папъ даже и въ томъ случаѣ, когда ихъ рѣшенія противорѣчатъ собственнымъ же ихъ распоряженіямъ. Но такой характеръ дѣйствій куріи римской былъ необходимъ, какъ плодъ политическихъ и притомъ своекорыстныхъ соображеній, въ виду возможной потери, въ пользу востока, обширныхъ областей и въ виду требуемой поддержки отъ правительства византійскаго: отсюда и невольная терпимость къ восточному вѣроученію и къ восточнымъ порядкамъ въ церкви моравско-паннонской, устроенной Меѳодіемъ, терпимость, прерывавшаяся не разъ неудовольствомъ и негодованіемъ, подъ напоромъ озлобленнаго духовенства латинскаго, видѣвшаго въ Меѳодіи и еретика и виновника обильныхъ матеріальныхъ потерь въ отторженной паствѣ славянской.

Еще рѣзче обнаруживается различіе востока и запада во взглядѣ на Кирилла и Меѳодія, по смерти ихъ.

5. Изгнанные изъ Моравіи латинствомъ ученики и послѣдователи солунцевъ, какъ *еретики*, обращаются въ православную Болгарію. Здѣсь, а отсюда и по всѣмъ землямъ православно-славянскимъ, разносится и утверждается тотчасъ-же въ народѣ память о Кириллѣ и Меѳодіи, какъ о великихъ святыхъ и истинныхъ благодѣтеляхъ народа славянскаго; ихъ заслуги становятся образцемъ проповѣднической дѣятельности; ихъ ученіе и труды принимаются какъ родное достояніе и навѣки обращаются въ связующій органъ народа съ церковью. Послѣдняя точно такъ-же немедленно принимаетъ ихъ подъ свое покровительство, освящаетъ ихъ память, устраиваетъ въ ихъ честь особую службу и возводитъ въ рядъ народныхъ святыхъ.

6. Представитель церкви западной, въ послѣдній годъ жизни Меѳодія, чувствуя себя свободнымъ отъ невольной терпимости предшественниковъ, позволяетъ себѣ, на-оборотъ, громко возстать противъ *уклоненій* архіепископа моравскаго отъ ученія и обычаевъ римскихъ. Непосредственнымъ результатомъ этого непритворнаго взгляда было немедленное изгнаніе учениковъ Меѳодіевыхъ и подавленіе на-всегда въ его епархіи богослуженія славянскаго. За этимъ началомъ послѣдовало прогрессивно усиливавшееся отрицаніе заслугъ солунцевъ, окончившееся съ небольшимъ черезъ полтораста лѣтъ торжественнымъ заявленіемъ устами верховной главы церкви римской, что оба св. брата — еретики, что ученіе ихъ — аріанское, а письменность — готская, еретическая. Перенесшаяся было служба Кирилло-Меѳодіевская въ тѣсный уголъ славянской Далмаціи подверглась преслѣдованію: священники изгнаны, церкви запечатаны. Здѣсь церковь пошла въ прямой разрѣзъ съ памятью народа, который, подобно востоку, не могъ забыть великихъ благодѣяній солунцевъ и тѣмъ крѣпче хранилъ о нихъ воспоминаніе

въ первые вѣка, чѣмъ рѣзче должно было поражать его непонятное латинство, дѣлавшее изъ религіи пустой формализмъ.

7. Память народная на-столько была крѣпка въ началѣ и на западѣ, что, не взирая на противодѣйствіе церкви, въ состояніи была возстановить и, въ теченіе цѣлыхъ 60 лѣтъ, поддержать наслѣдіе Кирилло-Меѳодіевское въ Чехіи, пока, наконецъ, отрѣзанность отъ востока и энергическая враждебность Рима не смѣнили его на латинство. За-то подобная же память въ другомъ концѣ міра западно-славянскаго заставила и самую церковь сдѣлать уступку. Характеръ уступки этой раскрылъ новое доказательство дѣйствительнаго православія солунскихъ проповѣдниковъ. Римъ дозволилъ службу славянскую хорватамъ въ Далмаціи, но въ особой письменности, примѣненной къ миссѣ латинской и назначенной оплотомъ противъ вторженія восточнаго православія, посредствомъ письменности Кирилло-Меѳодіевской, остававшейся неизмѣнною у непосредственныхъ сосѣдей хорватскихъ и ближайшихъ родичей ихъ, у сербовъ православныхъ. Имя св. Іеронима избрано было противоядіемъ Кириллу и Меѳодію такъ-же точно, какъ, черезъ двѣстѣ съ небольшимъ лѣтъ, задумало католичество убить память среди чеховъ о Янѣ Гуссѣ, выдвинувши изъ непроницаемой тьмы на его мѣсто невѣдомаго Яна Непомука.

8. Соборное опредѣленіе католическихъ іерарховъ о еретичествѣ солунцевъ, уничтоженіе ими всего, что оставалось въ церкви отъ времени послѣднихъ — не въ силахъ, однакоже, были истребить съ корнемъ благоговѣйнаго воспоминанія о Кириллѣ и Меѳодіи и въ Моравской землѣ; народное преданіе, переходившее изъ устъ въ уста, отъ одного поколѣнія къ другому, было въ этомъ отношеніи тверже и обязательнѣе, нежели осужденія и проклятія западныхъ соборовъ, скрѣпленныхъ во-

лею *намѣстника* Спасителева[116]. И мѣстная латинская церковь, хотя по прошествіи пяти вѣковъ по смерти Кирилла и Меѳодія, нашла, наконецъ, себя вынужденною признать святость этого воспоминанія, ограничивши, впрочемъ, его узкою епархіею моравскою[117]. Но не долго было суждено держаться этому воспоминанію: цвѣтущая эпоха инквизиціи и іезуитства — съ мученіями, убійствами, кострами, войнами, направленными на истребленіе всего, что не подходило подъ рамки исключительнаго латинизма, не замедлила подавить установленное въ

---

[116] Подобнымъ же образомъ презиралъ чешскій народъ, цѣлыхъ два вѣка, обвиненіе и сожженіе католичествомъ величайшаго изъ своихъ дѣятелей, Яна Гуса, и неистовое истребленіе памяти о немъ въ наствѣ чешской іезуитами, этимъ бѣдственнымъ для міра орудіемъ католической пропаганды: и во второй половинѣ XVI столѣтія, мы еще встрѣчаемъ отчисленіе его вѣрнымъ потомствомъ къ числу святыхъ мучениковъ. Такъ, въ латинскомъ рукописномъ миссалѣ 1562 года, хранящемся въ одномъ изъ замковъ тирольскихъ, находимъ праздниство въ память Яна Гуса, съ надписью: *gloriosi martyris Ioannis Huss;* здѣсь же помѣщено и миніатюрное его изображеніе съ св. чашею въ рукѣ (см. Pravda, spis politický a literární. Praha, 1863, вып. 4, стр. 200). И только яростная инквизиція съ пытками и кострами и губительная война тридцатилѣтняя ограничили священную память о Гуссѣ одними протестантами.

[117] Потомство лишено положительныхъ данныхъ для точнаго опредѣленія побужденій этой уступки латинствомъ; быть можетъ, и весьма вѣроятно, лишено столь-же позорнымъ подвигомъ римской политики, какимъ ознаменовала себя послѣдняя въ недавніе дни, предавши сожженію, съ папскаго благословенія, акты архива ватиканскаго, компрометирующіе церковь римскую. См. Москов. Вѣдомости, 1863, № 214.

честь славянскихъ первоучителей церковное торжество въ Моравіи, выбивши и изъ памяти народной воспоминанія о нихъ.

При такой постановкѣ св. Кирилла и Меѳодія въ церкви римской, почти въ продолженіе цѣлой тысячи лѣтъ, откуда-же явилось это шумное и суетливое приготовленіе къ празднеству тысячелѣтняго въ ихъ честь юбилея у католическихъ нашихъ соплеменниковъ? Какъ объяснить распространяемыя въ массѣ народной, съ разрѣшенія іерархіи римской, въ тысячахъ газетъ, брошюръ и книгъ, свѣдѣнія о святости солунцовъ и о неразрывности ихъ съ Римомъ? Какъ понять и согласіе первосвященника римскаго на признаніе этой святости, повлекшее за собою службы въ память Кириллу и Меѳодію и постройки въ честь ихъ храмовъ и часовенъ въ земляхъ славянъ католическихъ? Нечистота побужденій, въ этомъ случаѣ, іерархіи католической, своекорыстно-завоевательный характеръ ихъ, со стороны представителей ея, рѣшившихся избрать первоучителей славянскихъ орудіемъ своей неутомимой пропаганды на востокѣ, указаны нами въ другомъ мѣстѣ[118]. Основаніемъ же пустить въ ходъ новое средство къ завоеваніямъ послужила для Рима и его поклонниковъ неопредѣленность и неустановленность отношеній запада къ Византіи въ началѣ церковнаго разъединенія, совпадающаго съ временемъ прибытія солунцевъ въ область западнаго патріархата и съ дѣятельностью ихъ тамъ до самой смерти. Но —

9. Разсмотрѣнная нами исторія церковныхъ несогласій между Римомъ и Византіей въ IX вѣкѣ раскрываетъ до очевидности, что во весь періодъ жизни Кирилла и Меѳодія — во а) разногласіе какъ началось, такъ и продолжалось по вопросамъ

---

[118] Спб. Вѣдомости, 1863, № 135, 137.

почти исключительно административнымъ, въ-слѣдствіе беззаконныхъ притязаній римскаго первосвященника на безусловную власть надъ всею церковью вселенскою и на іерархическое господство въ нѣкоторыхъ областяхъ патріархата константинопольскаго; во б) разногласіе это не выходило еще изъ предѣловъ личной вражды между представителями обѣихъ частей церкви вселенской, римскихъ папъ и патріарховъ цареградскихъ, сопровождаясь соборными осужденіями и проклятіями лишь личностей этихъ представителей; въ в) до послѣдняго года жизни Меѳодія, сношенія только прерывались, но не прекращались, возобновляясь послѣ каждаго перерыва съ усиленнымъ желаніемъ возстановить прежній миръ въ церкви и единство: тотъ-же папа, Стефанъ VI, который первый возсталъ гласно противъ неправовѣрія Меѳодія, черезъ четыре мѣсяца послѣ неизвѣстной еще ему смерти послѣдняго, положилъ своею надменною притязательностью и начало болѣе рѣшительнаго и окончательнаго раскола запада; въ г) ежели среди несогласій, при жизни славянскихъ апостоловъ, между Римомъ и Византіей и коснулся патріархъ Фотій латинскаго заблужденія въ догматической сторонѣ христіанскаго ученія, то это относилось именно къ тому вопросу, за который наиболѣе ратовали, въ духѣ церкви греческой, первоучители славянскіе противъ нѣмецкаго духовенства и за который не замедлилъ и самый Римъ включить солунцевъ въ разрядъ еретиковъ: это былъ вопросъ, какъ извѣстно намъ изъ окружнаго посланія Фотіева, объ исхожденіи Св. Духа.

Слѣдовательно, св. Кириллъ и Меѳодій не имѣли, по поводу несогласій между востокомъ и западомъ, ни малѣйшаго основанія смотрѣть на *церковь* латинскую, какъ на отступившую уже отъ единства вселенскаго, не имѣли никакого права и от-

вергать подсудность областей западнаго патріархата римскому престолу, чего не отвергалъ и востокъ, считая этотъ престолъ старѣйшимъ; способъ и характеръ проповѣди и ученія ихъ въ Моравіи доказываютъ ясно, что они рѣзко отдѣляли лица отъ церкви, дѣйствуя и на западѣ такъ-же, какъ поступали они на востокѣ, въ увѣренности, что христіанство еще едино какъ здѣсь, такъ и тамъ. Но, столкнувшись съ развившимися уклоненіями на западѣ, они вооружились тою-же энергіею на защиту правоты вселенской, какою въ одно время, уже по уходѣ св. братьевъ изъ Греціи, вооружился и патріархъ Фотій, какъ скоро дошло и до него извѣстіе объ этихъ уклоненіяхъ.

Это согласіе первоучителей съ патріархомъ греческимъ служитъ не отразимымъ доказательствомъ неправды въ основаніяхъ современнаго католичества ухватиться за время раздоровъ папъ съ патріархами, чтобы, изъ цѣлей успѣшнѣйшей пропаганды, пріурочить себѣ Кирилла и Меѳодія, которымъ, по тѣмъ-же цѣлямъ, лѣтъ 20 сему назадъ, дало оно и видное мѣсто въ ряду *своихъ* святыхъ. Но, вмѣсто непростительнаго извращенія истины въ наукѣ и искусственныхъ проповѣдей съ церковныхъ каѳедръ, что *братья солунскіе всегда были членами римскаго православія, а не греческаго*[119], миролюбивый востокъ можетъ посовѣтывать подобнымъ проповѣдникамъ пристальнѣе остановить свое вниманіе на истребленіи церковью латинскою всего, что такъ заботливо старались насадить въ своей паствѣ славянскіе первоучители и что укрѣпляло и раз-

---

[119] Pozor, хорватская газета, 1863, № 157. Такъ выразился католическій проповѣдникъ въ Карловцѣ (Карлштадтъ), въ Кроаціи, въ день праздника тысячелѣтія въ память Кирилла и Меѳодія.

вивало духовную, а чрезъ то и политическую, самобытность народа славянскаго и принять посильныя мѣры, ради истиннаго благодѣянія послѣднему, для возстановленія истребленнаго: въ этомъ несравненно больше, нежели въ цвѣтистыхъ рѣчахъ и шумныхъ празднествахъ, признáютъ пользы и правды и сами св. Кириллъ и Меѳодій.

